

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ СЛXXXIX.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Марининскимъ мостами, д. № 90—1.

1877.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ФЕВРАЛЬ.

1877.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СLXXXIX.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА

Екатери. каналъ, между Вознес. и Марининскимъ мостами. д. № 90 - 1.

1877.

СОДЕРЖАНІЕ
СТО ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ДЕВЯТОЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшія повелѣнія.

СТРАН.

1. <i>12-го октября 1876 года.</i> О наименованіи реальнаго училища, содержащагося на средства церковнаго совѣта евангелическо-лютеранскаго общества въ г. Саратовѣ „Александро-Маріинскимъ“	1
2. <i>12-го октября 1876 года.</i> Объ учрежденіи стипендіи при Вольскомъ реальномъ училищѣ	—
3. <i>19-го ноября 1876 года.</i> О предоставленіи содержимой въ Москвѣ г-жею Фишеръ частной женской классической гимназій правъ и преимуществъ, предоставленныхъ женскимъ гимназіямъ министерства народнаго просвѣщенія	17
4. <i>19-го ноября 1876 года.</i> О наименованіи одного изъ воспитанниковъ существующей при лицейѣ Цесаревича Николая въ Москвѣ Ломоносовской семинаріи стипендіатомъ Варвары Петровны Писемской	—
5. <i>19-го ноября 1876 года.</i> Объ учрежденіи стипендіи при Рижской Александровской гимназій	18
6. <i>19-го ноября 1876 года.</i> Объ учрежденіи стипендіи при Тамбовской мужской гимназій	—

ВЫСОЧАЙШІЙ ПРІКАЗЪ.

19-го ноября 1876 года. (№ 12) 19

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. 30-го октября 1876 года. Положеніе о стипендіи имени генераль-адъютанта А. П. Хрущева при Омской женской гимназіи почетныхъ гражданъ Поповыхъ 4
2. 25-го ноября 1876 года. Положеніе о Константино-Варваринской стипендіи, учрежденной при Московскомъ учительскомъ институтѣ 5
3. 25-го ноября 1876 года. Положеніе о стипендіи имени Вѣры Григорьевны Еллинской, при Рижской женской Ломоносовской гимназіи. —
4. 23-го ноября 1876 года. Положеніе о стипендіи надворнаго совѣтника Ѳомы Ивановича Петонди, учрежденной при Казанской Маріинской женской гимназіи 20
5. 23-го ноября 1876 года. Положеніе о стипендіи при Черниговской Маріинской женской гимназіи, имени Маріи Владиміровны Панчулидзевоі 21
6. 24-го ноября 1876 года. Положеніе о стипендіи дѣйстви-тельнаго статскаго совѣтника Николая Даниловича Можневскаго, учрежденной при Рижской Александровской гимназіи. 22
7. 27-го ноября 1876 года. Правила для испытательныхъ комитетовъ и учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія о порядкѣ испытанія на первый классный чинъ —
8. 4-го декабря 1876 года. Правила о стипендіи имени Антона Ивановича Малиновскаго, учреждаемой въ г. Харьковѣ при Москалевской школѣ общества распространенія въ народѣ грамотности 26
9. 11-го декабря 1876 года. Циркулярное предложеніе гг. по-печителямъ учебныхъ округовъ о введеніи въ гимназіяхъ уро-ковъ гимнастики. 27
10. 16-го декабря 1876 года. Положеніе о стипендіи имени доктора медицины Михайла Бирунтова при учебныхъ заведе-ніяхъ Варшавскаго учебнаго округа 28
11. 17-го декабря 1876 года. Положеніе о стипендіи имени

тайнаго совѣтника Эдуарда Васильевича Лерхе при Николаевской Новгородской женской гимназiи —

12. 17-го декабря 1876 года. Правила о стипендиі при Казанскомъ университетѣ для сыновей лицъ почтоваго вѣдомства. 29

13. 21-го декабря 1876 года. Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о производствѣ испытаній лицамъ, поступающимъ въ военную службу вольноопредѣляющимися 3-го разряда 30

ПРИКАЗЪ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

30-го октября 1876 года (№ 20). 6

ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕБНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

О книгѣ: „Cours gradué de langue française à l'usage des classes moyennes et supérieures des gymnases et des écoles“. Par *Aimé Guill Kercoff*. 9

О изданіи: „Систематическій атласъ растений“, составленный *И. Г. Губнеромъ* —

О книгѣ: „Этимологія церковно-славянскаго языка для среднихъ классовъ гимназій“. Составилъ *Ө. Гиляровъ* —

О книгѣ: „Руководство алгебры и собраніе алгебраическихъ задачъ для гимназій, реальныхъ училищъ и учительскихъ институтовъ“. Составили *А. Малининъ* и *К. Буренинъ* —

О книгѣ: „Французская хрестоматія, со статьями для переводовъ съ русскаго и словаремъ, съ приложеніемъ полнаго спряженія глаголовъ, объясненіемъ приставокъ и окончаній, а также галлицизмовъ, поговорокъ и пословицъ, для среднихъ учебныхъ заведеній“. Составилъ *Н. Фену* —

О книгѣ: „Учебникъ нѣмецкаго языка для низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній“. Составилъ *Ө. Брандтъ* —

О книгѣ: „Исторія русской словесности“. Составилъ *И. Порфирьевъ* 10

О книгахъ: 1) „Элементарная грамматика русскаго языка для низшихъ классовъ гимназій и другихъ училищъ“ и 2) „Статьи для диктанта, расположенныя въ систематическомъ порядкѣ“. Составилъ *Н. Баталинъ* —

О книгѣ: „Нравственная педагогика или общенонатное из-

ложение основных начал нравственного воспитанія". Составилъ <i>К. Гюнибургъ</i>	31
О книгахъ: 1) „Курсъ зоологiи“, 2) „Курсъ ботаники“ и 3) „Курсъ минералогiи“. Составилъ <i>А. Поплавскій</i>	—
О книгахъ: 1) „Сборникъ матеріаловъ для письменнаго и устнаго перевода съ русскаго и латинскаго языковъ на греческiй“. Составили <i>Э. Черный</i> и <i>Н. Ватаминъ</i> , 2) „Méthode Robertson. Cours pratique le langue française à l'usage des écoles“ par <i>Aimé Constantin</i> , 3) „Пособіе при изученіи русской словесности, курсъ старшихъ классовъ мужскихъ и женскихъ гимназій“ и 4) „Учебникъ русской словесности для учениковъ и ученицъ V-го класса гимназій“. Составилъ <i>П. Смирновскій</i>	—
О изданіи: „Ботаническiй атласъ“. Составилъ <i>Н. Животовскій</i>	32
О книгѣ: „Учебникъ русской грамматики, сближенной съ церковно-славянскою, съ приложеніемъ образцовъ грамматическаго разбора“. Составилъ <i>Ө. Буслевъ</i>	—
О книгѣ: „Руководство къ повторенію (Repertorium) латинской грамматики и стилистики для высшихъ классовъ гимназій, преимущественно для домашнихъ занятій“. Составилъ докторъ <i>Мене</i>	—
О книгѣ: „Начальная физика въ объемѣ гимназическаго преподаванія“ Составилъ <i>Н. Любимовъ</i>	—
О книгѣ: „Учебный курсъ всеобщей исторiи“. Составилъ <i>А. Цветковъ</i>	—
О книгѣ: „Сборникъ русскихъ статей для перевода на латинскiй языкъ“. Составилъ <i>К. Я. Бѣлискій</i>	—
О книгѣ: „Руководство начальной геометрiи“. Составилъ <i>А. Леве</i>	33

**ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.**

О книгѣ подъ заглавіемъ: „Записки по методикѣ русскаго языка“. Отдѣлъ I-й и II-й. Состав. <i>П. Н. Солониною</i>	10
О книгѣ подъ заглавіемъ: „Подосиновики“. Сост. <i>А. Поюсскимъ</i>	—
О изданіяхъ подъ заглавіемъ: 1) „Книжки для чтенія“. Сост. <i>С. Павловичъ</i> . 2) „День и ночь въ Севастополѣ. Сцены изъ бое-	

вой жизни“ (изъ записокъ артиллериста). 3) „Чай и его польза“ и 4) Что такое соль и гдѣ ее берутъ“. Сост. <i>Е. Рейнботъ</i>	11
О книгѣ подѣ заглавіемъ: „Русская хрестоматія для городскихъ и уѣздныхъ училищъ“. Сост. <i>Кузьминъ</i>	—
О книгѣ подѣ заглавіемъ: „Отдыхъ. Два разказа для дѣтей“. Сост. <i>Е. Васильевскою</i>	—
О „портретѣ Государя Императора“, исполненномъ масляными красками по способу, изобрѣтенному художникомъ <i>К. Добровольскимъ</i>	—
О книгѣ подѣ заглавіемъ: „Современная Черногорія Фриллея и Влохити“.	33
О книгѣ подѣ заглавіемъ: „Арифметика“. Сост. <i>Н. Т. Щегловымъ</i>	—
О изданіи подѣ заглавіемъ: „Воскресные разказы“.	—
О книгѣ подѣ заглавіемъ: „Краткое обозрѣніе предметовъ, относящихся къ богослуженію нашей православной церкви и римско-католической“. Сост. <i>Самойло</i>	—
Официальныя извѣщенія	11 и 34

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

Ересь жидовствующихъ. <i>И. Панова</i>	1 и 253
Русско-византійскіе отрывки. <i>В. Васильевскаго</i>	41 и 157
Балканскіе Славяне, въ эпоху покоренія ихъ Турками. <i>Владимира Качановскаго</i>	41
Опыты по исторіи развитія христіанской легенды. <i>А. Веселовскаго</i>	186
Къ вопросу о дѣленіи глаголовъ въ древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ на спряженія. <i>Н. П. Некрасова</i>	296
О торговлѣ Русскихъ съ Ригею въ XIII и XIV вѣкахъ. <i>М. Бережкова</i>	330

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛЮГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Сочиненія Аполлона Григорьева. <i>А. Галахова</i>	115
Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, и списокъ русскихъ книгъ съ 1725 по 1825 годъ. Составилъ <i>Григорій Геннади. Владиміра Саитова</i>	127

Старославянская грамматика. Учебникъ для гимназій. Сост. <i>М. Колосовъ. А. Смирнова</i>	140
Историческая хрестоматія по новой и новѣйшей исторіи. Пособіе для учащихся и преподавателей. Состав. <i>Я. Гуревичъ</i>	149
Mélusine, revue de mythologie, littérature populaire, traditions et usages, dirigée par <i>M. N. Gaidoz et E. Rolland (Мелюзина, журналъ по мифологіи, народной словесности, преданіямъ и обычаямъ, издаваемый подъ редакціей Т. Гедоза и Э. Роллана). А. Веселовскаго</i>	151
Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. (Донесенія австрійскаго посланника при С.-Петербургомъ дворѣ графа Мерси-Аржанто императрицѣ Маріи-Терезіи и канцлеру графу Кауницу. Съ 5-го января по 24-е іюля 1762 года). <i>Н. И.</i>	358

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГИИ.

Обученіе пѣнію въ народной школѣ. <i>С. Миропольскаго</i>	1
О практическихъ занятіяхъ воспитанниковъ учительской семинаріи въ начальномъ училищѣ. Протоіерея <i>М. Ивановскаго</i>	23
Острожское женское училище графа Д. Н. Блудова	45

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Нѣсколько словъ объ учебникахъ русскаго языка для татарскихъ народныхъ школъ. <i>В. Смирнова</i>	1
Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) университеты, б) ветеринарные институты, в) низшія училища, г) объ открытіи учительскаго института въ Бѣлгородѣ	26 и 90
Письмо изъ Парижа. <i>Л. Л—ра</i>	68
Некрологъ.	115

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

О nomine gentile автора Энеиды. <i>Л. Миллеръ</i>	1
Библиографія. <i>П. Тихановича</i>	6

Объ отношеніи видовъ русскаго глагола къ греческимъ вре-	
менамъ. Э. Чернаго	43
Два русскихъ изданія Софокловой трагедіи Филоклетъ. В.	
Гриммута.	59
Грамматическія замѣтки. А. Фозта.	81

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

3. (19-го ноября 1876 года). *О предоставленіи содержимой въ Москвѣ г-жею Фишеръ частной женской классической гимназій правъ и преимуществъ, предоставленныхъ женскимъ гимназіямъ министерства народнаго просвѣщенія.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на предоставленіе содержимой въ Москвѣ г-жею Фишеръ частной женской классической гимназій, въ шестиклассномъ ея составѣ, тѣхъ же правъ и преимуществъ, какія положеніемъ 24-го мая 1870 года предоставлены женскимъ гимназіямъ министерства народнаго просвѣщенія, именно въ отношеніи ученицъ на предоставленіе тѣмъ изъ нихъ, которыя съ успѣхомъ прошли шесть классовъ, званія домашнихъ учительницъ, а которыя окончили курсъ этихъ классовъ съ особеннымъ отличіемъ, по признанію педагогическаго совѣта гимназій, званія домашнихъ наставницъ.

4. (19-го ноября 1876 года). *О наименованіи одного изъ воспитанниковъ существующей при лицей Цесаревича Николая въ Москвѣ Ломоносовской семинаріи стипендіатомъ Варвары Петровны Писемской.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше повелѣтъ соизволилъ: одного изъ воспитанниковъ существующей при лицей Цесаревича Николая въ Москвѣ Ломоносовской семинаріи, содержимыхъ бесплатно, именовать

стипендіатомъ Варвары Петровны Писемской, въ память сдѣланнаго ею, по духовному завѣщанію, пожертвованія 8.000 р. въ пользу сего лица.

5. (19 ноября 1876 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Рижской Александровской гимназій.*

Лица, пожелавшія почтить бывшего чиновника особыхъ порученій при Лифляндскомъ, Эстляндскомъ, и Курляндскомъ генераль-губернаторѣ, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Николая Можневскаго, за полезную его дѣятельность въ средѣ рижскаго русскаго общества, постановили, по случаю выбытія его изъ Риги, учредить при Рижской Александровской гимназій стипендію его имени, для чего собрали капиталъ въ 600 руб., заключающійся въ билетѣ № 17 Ш Рижскаго общества взаимнаго кредита на вѣчный вкладъ изъ 6%.

Вслѣдствіе представленія о семъ понечителя Дерптскаго учебнаго округа и по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Государь Императоръ, Всемилостивѣйше соизволилъ какъ на принятіе означеннаго капитала, такъ и на учрежденіе на проценты съ онаго при Рижской Александровской гимназій одной стипендіи, съ наименованіемъ ея: „стипендія Николая Даниловича Можневскаго“.

6. (19-го ноября 1876 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Тамбовской мужской гимназій.*

Тамбовская городская дума, въ память десятилѣтняго управленія тайнаго совѣтника Гартинга Тамбовскою губернію, постановила учредить, при Тамбовской мужской гимназій, десять стипендій его имени на проценты съ пожертвованнаго тамбовскою городскою думою изъ городскихъ доходовъ капитала въ 4.000 руб.

Вслѣдствіе сообщенія объ этомъ министра внутреннихъ дѣлъ и по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Государь Императоръ, Всемилостивѣйше соизволилъ на учрежденіе означенныхъ стипендій при Тамбовской мужской гимназій, съ наименованіемъ ихъ: „стипендіи тайнаго совѣтника Гартинга“.

II. ВЫСОЧАЙШІЙ ПРКАЗЪ.

19-го ноября 1876 года (№ 12). *Производится*: попечитель Оренбургскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Лавровскій*—въ тайные совѣтники, за отличіе, съ 28-го октября 1876 года (Высоч. пов. 28-го октября 1876 года).

Бывшій директоръ Зарайскаго реальнаго училища Николай *Урусовъ*—въ коллежскіе ассесоры, со старшинствомъ съ 11-го ноября 1869 года.

Назначается: состоящій при государственной канцеляріи, егермейстеръ, тайный совѣтникъ князь *Волконскій*—попечителемъ С.-Петербургскаго учебнаго округа, съ оставленіемъ егермейстеромъ и съ увольненіемъ отъ службы по государственной канцеляріи.

Утверждаются: деканъ и ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Бекетовъ*—ректоромъ сего университета, съ 18-го октября 1876 года, по день выслуги имъ 25 лѣтъ на пенсію по учебной части, съ увольненіемъ отъ должности декана.

Ливенскій уѣздный предводитель дворянства *Бѣлаго* и отставной лейбъ-гвардіи поручикъ *Бѣлоусовичъ*—почетными попечителями реальныхъ училищъ: первый—Ливенскаго и послѣдній—Херсонскаго, оба на три года.

Командируются съ ученою цѣлію: въ Россіи и заграницу: исправляющій должность хранителя ботаническаго кабинета Императорскаго Казанскаго университета *Смирновъ*—на одинъ годъ, считая съ 1-го ноября 1876 года.

За границу: исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Дерптскаго университета *Висковатовъ*—на два мѣсяца, съ зачетомъ въ сію командировку разрѣшеннаго ему заграничнаго отпуска на двадцать восемь дней.

Лаборантъ химической лабораторіи Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Шоттлицынъ*—по 15-е августа 1877 года, съ зачетомъ въ сію командировку разрѣшеннаго ему отпуска на два мѣсяца.

Проректоръ и ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Минь*—на одинъ годъ.

Доцентъ Императорскаго Харьковскаго университета *Андреевъ*—на одинъ годъ и семь съ половиною мѣсяцевъ.

Магистры Императорскихъ университетовъ: Московскаго: *Левинцовъ* и Дерптскаго: *Кизерицкій* и *Гебартъ*—на два года.

Бывшій учитель Митавской гимназіи, титулярный совѣтникъ *Сokolovъ*—на два года, считал сію командировку съ 1-го сентября 1876 г.

Причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія *Флемель*—на два года съ зачетомъ въ сію командировку разрѣшеннаго отпуску за границу съ 1-го ноября 1876 года.

Увольняется въ отпускъ за границу: ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, статскій совѣтникъ *Бабухинъ*—на 1876/7 учебный годъ и лѣтнее вакаціонное время 1877 года по болѣзни.

Увольняются, согласно прошенію: попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа, вице-президентъ капитула орденовъ, оберъ-церемоніймейстеръ, тайный совѣтникъ князь *Линскій*—отъ должности попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа.

Почетный попечитель Александровскаго Кременчугскаго реальнаго училища, коллежскій секретарь графъ *Каппистъ*—отъ сей должности.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

4. (23-го ноября 1876 года). *Положеніе о стипендіи надворнаго совѣтника Ѳомы Ивановича Петонди, учрежденной при Казанской Маріинской женской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія, послѣдовавшаго въ 19-й день ноября 1876 г., на проценты съ капитала въ 1.000 р., отъазаннаго вдовою надворнаго совѣтника Надеждою Михайловною Петонди, по духовному завѣщанію, въ память своего покойнаго мужа Ѳомы Ивановича Петонди, Казанской Маріинской женской гимназіи.—учреждается при сей гимназіи одна стипендія, имени надворнаго совѣтника Ѳомы Ивановича Петонди.

§ 2. Выборъ стипендіатки предоставляется душеприящику покойной А. А. Лебедеву, а впослѣдствіи, въ случаѣ отказа, отсутствія, или смерти послѣдняго, право сего выбора переходитъ въ попечительный совѣтъ гимназіи.

§ 3. Предназначенная въ кандидатки на стипендію, по выбору согласно § 2, можетъ пользоваться однако стипендіею лишь послѣ

признанія удовлетворительности ея усѣховъ и хорошаго поведенія педагогическимъ совѣтомъ гимназіи; въ противномъ случаѣ производится выборъ новой кандидатки.

§ 4. Остающіеся, за отчисленіемъ платы за ученіе, проценты по усмотрѣнію попечительнаго совѣта выдаются стипендіаткѣ въ пособіе по окончаніи въ гимназіи полнаго курса, либо на учебныя пособія во время прохожденія онаго.

§ 5. По выходѣ изъ гимназіи, или окончаніи въ ней курса, стипендіатка не подлежитъ никакимъ обязательствамъ.

5. (23-го ноября 1876 года). *Положеніе о стипендіи при Черниговской Маріинской женской гимназіи, имени Маріи Владиміровны Пандчулидзевоу.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія, послѣдовавшаго въ 19-й день ноября 1876 г., на проценты съ капитала въ 211 руб., собраннаго по подпискѣ на обѣдѣ данномъ бывшему Черниговскому губернатору Пандчулидзеву, учреждается при Черниговской женской гимназіи одна стипендія, съ наименованіемъ ея стипендіею „имени Маріи Владиміровны Пандчулидзевоу“.

§ 2. Капиталь этотъ составляетъ неотъемлемую собственность Черниговской Маріинской женской гимназіи и вносится попечительнымъ ея совѣтомъ въ мѣстный банкъ, или въ какое либо государственное кредитное учрежденіе, для приращенія процентами.

§ 3. Изъ получаемыхъ ежегодно процентовъ съ капитала попечительный совѣтъ гимназіи отчисляетъ плату за ученіе за стипендіатку приготовительнаго класса, по избраніи таковой педагогическимъ совѣтомъ гимназіи, а могущіе образоваться остатки причисляетъ къ основному капиталу, на случай увеличенія платы за ученіе, или на учрежденіе установленнымъ порядкомъ новой стипендіи.

§ 4. Право на полученіе стипендіи имѣетъ одна изъ бѣднѣйшихъ ученицъ приготовительнаго класса, отличающаяся, по признанію педагогическаго совѣта гимназіи, хорошими — поведеніемъ и прилежаніемъ.

§ 5. Стипендіаткѣ, оставшейся въ приготовительномъ классѣ на другой годъ, можетъ быть продолжена стипендія только по уважительнымъ причинамъ, признаннымъ таковыми педагогическимъ совѣтомъ гимназіи, которому равно принадлежитъ и право лишать стипендіи стипендіатку, если она заслужила того.

6. (24-го ноября 1876 г.) *Положеніе о стипендіи дѣйствительнаго статскаго совѣтника Николая Дамиловича Можневскаго, учрежденной при Рижской Александровской гимназій*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Стипендія имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Н. Д. Можневскаго учреждается съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 19-го ноября 1876 г., при Рижской Александровской гимназій на проценты съ капитала, пожертвованнаго частными лицами и состоящаго въ билетѣ на вѣчный вкладъ III Рижскаго общества взаимнаго кредита за № 17 на сумму *шестьсотъ* рублей.

§ 2. Означенная стипендія, въ размѣрѣ 36 р. въ годъ, производится одному изъ бѣдныхъ и прилежныхъ учениковъ Рижской Александровской гимназій.

§ 3. Право назначать стипендіата принадлежитъ педагогическому совѣту Рижской Александровской гимназій.

§ 4. Въ случаѣ временнаго незамѣщенія стипендіи Н. Д. Можневскаго, проценты съ капитала, оставшіеся невыданными въ видѣ стипендіи, обращаются въ пособіе стипендіату, при чемъ разъ выданныя ему деньги не возвращаются.

§ 5. Означенный выше капиталъ въ 600 руб. въ билетѣ III Рижскаго общества взаимнаго кредита составляетъ неприкосновенную собственность Рижской Александровской гимназій и хранится вмѣстѣ съ специальными суммами этой гимназій въ Лифляндскомъ губернскомъ казначействѣ.

7. (27-го ноября 1876 г.) *Правила для испытательныхъ комитетовъ и учебныхъ заведеній въдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія о порядкѣ испытанія на первый классный чинъ.*

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

Ст. 1. Испытаніе на первый классный чинъ, установленное *исключительно для лицъ, состоящихъ въ гражданской службѣ*, производится въ учрежденіяхъ, указанныхъ въ ст. 1 п. 2: а, б, в, г Высочайшаго повелѣнія 3-го мая 1871 года.

Примѣчаніе. Лица, не состоящія въ гражданской службѣ, но имѣющія право, по своему происхожденію, на поступленіе въ гражданскую службу, подвергаются особому испытанію, на основаніи ст. 11 и 12 т. III Уст. о сл. Прав. (Св. Зак. изд. 1857 г.).

Ст. 2. Лица, состоящія въ гражданской службѣ, обращаются къ непосредственному своему начальству съ прошеніемъ, собственноручно написаннымъ, о зависящемъ отъ него распоряженіи о допущеніи просителей къ испытанію, требуемому для производства въ первый классный чинъ.

Ст. 3. Начальства, въ вѣдомствѣ которыхъ состоятъ на службѣ лица, выслужившія установленные сроки на производство въ первый классный чинъ, сообщаютъ въ подлежащія учебныя учрежденія (ст. 1): въ городахъ, гдѣ имѣютъ пребываніе попечители учебныхъ округовъ, на имя сихъ послѣднихъ, а въ прочихъ городахъ — на имя начальствующихъ надъ учебными заведеніями, какъ упомянутыя въ ст. 2 прошенія въ подлинникѣ, съ удостовѣреніемъ, что они писаны дѣйствительно самими просителями, такъ равно и другія необходимыя свѣдѣнія о тѣхъ лицахъ, которыя должны быть подвергнуты испытанію.

Примѣчаніе 1. Сообщаемыя свѣдѣнія должны заключаться: а) въ имени, отчествѣ и фамиліи лица, которое должно быть подвергнуто испытанію, б) въ означеніи вѣроисповѣданія, происхожденія, лѣтъ отъ роду, занимаемой должности и времени вступленія въ службу.

Примѣчаніе 2. Къ обязанности начальствъ, какъ гражданского, такъ и учебнаго, должно относиться строгое наблюденіе, чтобы къ испытанію допускались именно тѣ лица, о которыхъ сдѣлано сообщеніе.

Ст. 4. Означенныя въ ст. 3 свѣдѣнія должны быть доставляемы гражданскимъ начальствомъ учебному не болѣе двухъ разъ въ годъ: къ 1-му сентября и 1-му января.

Ст. 5. Лицо, желающее подвергнуться испытанію на первый классный чинъ, о которомъ сообщено гражданскимъ начальствомъ подлежащему учебному начальству, должно немедленно явиться къ послѣднему для полученія свѣдѣнія о времени, назначенномъ для производства испытанія.

Ст. 6. Испытаніе производится изъ слѣдующихъ предметовъ, необходимыхъ по уставу 8 декабря 1828 г., въ уѣздныхъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, именно: 1) изъ Закона Божія, 2) Русскаго языка, 3) Ариѳметики, 4) Геометріи, 5) Географіи (всеобщей и русской) и 6) Исторіи (всеобщей и русской).

Ст. 7. Руководствомъ къ означеннымъ испытаніямъ служатъ программы, изданныя для производства испытаній въ учебныхъ заведе-

ніяхъ лицамъ, желающимъ поступить на службу вольноопредѣляющимися 3-го разряда.

Ст. 8. Испытанія въ городахъ, гдѣ имѣютъ пребываніе попечители учебныхъ округовъ, производятся въ особыхъ испытательныхъ комитетахъ, составляемыхъ для сей цѣли изъ предсѣдателя, по назначенію попечителя учебного округа, и преподавателей предметовъ, изъ которыхъ испытаніе должно быть произведено; а въ прочихъ городахъ—въ педагогическихъ совѣтахъ учебныхъ заведеній, поименованныхъ въ ст. 1 п. 2: б, в Высочайшаго повелѣнія 3-го мая 1871 г., причемъ составъ педагогическаго совѣта образуется изъ почетнаго предсѣдателя, начальника учебного заведенія и преподавателей, по предметамъ которыхъ будетъ производиться испытаніе.

Ст. 9. Къ присутствованію при испытаніяхъ въ педагогическіе совѣты гимназій, прогимназій и уѣздныхъ училищъ приглашаются: въ первыя и вторыя—почетные попечители, а въ послѣднія—почетные смотрители, въ качествѣ почетныхъ предсѣдателей педагогическихъ совѣтовъ, съ правомъ голоса, при чемъ начальники упомянутыхъ заведеній сохраняютъ за собою право дѣйствительнаго предсѣдательства и распоряженія.

Примѣчаніе. Почетные попечители или почетные смотрители, не живущіе въ томъ городѣ, гдѣ находится училище, заблаговременно извѣщаются о времени назначенныхъ испытаній. Если въ опредѣленные дни испытаній они не явятся, то испытанія производятся безъ нихъ, при чемъ въ протоколѣ засѣданія непременно объясняется о такомъ отсутствіи, а равно и о сдѣланномъ оповѣщеніи.

Ст. 10. При производствѣ испытаній, по каждому предмету особомъ, въ указанное росписаніемъ время, соблюдаются слѣдующія правила.

а) Отвѣты оцѣниваются всемъ составомъ педагогическаго совѣта и означаются цифрами: 5—отлично, 4—хорошо, 3—удовлетворительно, 2—слабо, 1—неудовлетворительно. Затѣмъ изъ оцѣнки посредствомъ балловъ, каждымъ присутствующимъ членомъ позваній испытываемаго составляется средняя общая отмѣтка, при чемъ половина и дробь болѣе половины принимается за единицу, а менѣе половины—откидывается.

б) Отмѣтки пишутся предсѣдателемъ прописью, при чемъ въ скобкахъ ставится соответствующая цифра, по каждому предмету.

в) Получившій отмѣтку въ какомъ либо предметѣ менѣе 3 считается не выдержавшимъ экзамена.

г) Протоколъ испытанія подписывается: почетнымъ предсѣдате-

лемъ, начальникомъ учебнаго заведенія, законоучителемъ и всѣми преподавателями, и скрѣпляется секретаремъ педагогическаго совѣта.

Ст. 11. Выдержавшимъ, по среднему выводу изъ отбѣтокъ по всѣмъ предметамъ, испытаніе не ниже удовлетворительнаго, выдается, на основаніи протокола, свидѣтельство, за подписью начальника учебнаго заведенія и скрѣпою секретаря педагогическаго совѣта, съ приложеніемъ казенной печати учебнаго заведенія и означеніемъ № по исходящему журналу. Въ особыхъ же испытательныхъ комитетахъ при управленіи учебными округами, печать къ такимъ свидѣтельствамъ прикладывается отъ канцеляріи попечителя округа (форма свидѣтельства у сего приложена).

Примѣчаніе. Свидѣтельства о выдержанномъ испытаніи отправляются, безъ особой бумаги, въ казенномъ пакетѣ, къ начальству лица, подвергавшагося испытанію.

Ст. 12. Въ городскихъ двухклассныхъ училищахъ сѣверо-западныхъ и юго-западныхъ губерній къ испытанію на производство въ первый классный чинъ допускаются лица, состоящіе на гражданской службѣ только въ сихъ губерніяхъ. Лица же, находящіеся на гражданской службѣ въ уѣздахъ сосѣднихъ съ западными губерніями, могутъ быть допущены къ испытанію въ двухклассныхъ училищахъ, когда окажется, что училища эти находятся въ ближайшемъ разстояніи въ уѣзду лица служащаго. Во всякомъ случаѣ, испытаніе всѣмъ симъ лицамъ должно быть производимо по программѣ, означенной въ ст. 7.

Ст. 13. Начальства учебныхъ заведеній и предсѣдатели особыхъ испытательныхъ комитетовъ доводятъ, по окончаніи испытаній, до свѣдѣнія попечителей учебныхъ округовъ, по принадлежности, о числѣ подвергавшихся испытанію и выдержавшихъ таковое успѣшно, опредѣливъ при этомъ степень успѣха. Свѣдѣнія эти начальства учебныхъ округовъ, въ свою очередь, включают въ ежегодные свои отчеты, представляемые въ министерство народнаго просвѣщенія.

Ст. 14. Въ случаѣ единичныхъ преобразованій нѣкоторыхъ изъ существующихъ нынѣ по уставу 8-го декабря 1828 г. уѣздныхъ училищъ въ училища городскихія, на основаніи Высочайше утвержденного 31-го мая 1872 положенія о сихъ училищахъ, испытанія въ сяхъ послѣднихъ училищахъ на производство въ первый классный чинъ равномерно могутъ быть производимы, но не иначе какъ по программѣ, означенной въ ст. 7, каковая программа и должна оставаться въ своей силѣ, въ отношеніи испытаній на первый классный чинъ,

впредь до особыхъ въ сей программѣ измѣненій, которыя могутъ быть въ послѣдствіи вызваны или потребностію времени, или въ слѣдствіе особыхъ соображеній правительства.

Прилож. къ ст. 11.

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

Служащій въ.... (прописать мѣсто службы, затѣмъ имя, отчество и фамилію, число лѣтъ отъ роду, вѣроисповѣданіе), былъ подвергнутъ въ особомъ испытательномъ комитетѣ, при управленіи N учебнаго округа, или въ педагогическомъ совѣтѣ N гимназіи, N прогимназіи или уѣзднаго училища испытанію, на основаніи ст. 1 п. I Высочайшаго повелѣнія 3-го мая 1871 г. „о порядкѣ испытанія на первый классный чинъ“ въ наукахъ по программѣ, показанной въ ст. 7 правилъ, утвержденныхъ 27-го ноября 1876 г. министромъ народнаго просвѣщенія согласно п. 3 той же I ст. приведеннаго Высочайшаго повелѣнія, и оказалъ слѣдующія познанія въ предметахъ, именно: 1) въ Законѣ Божіемъ—пять (5), 2) въ русскомъ языкѣ... 3) въ ариѳметикѣ... 4) въ геометріи... 5) въ географіи (всеобщей и русской) ... и 6) въ Исторіи (всеобщей и русской)...

Такъ какъ познанія эти признаются вполне удовлетворительными, то особый испытательный комитетъ при управленіи N учебнаго округа, или педагогическій совѣтъ N въ удостовѣреніе сего и согласно ст. 11 правилъ, утвержденныхъ 27-го ноября 1876 г. министромъ народнаго просвѣщенія, выдалъ.... (имя, отчество и фамилія) сіе свидѣтельство, за надлежащей подписью, съ приложеніемъ казенной печати канцеляріи управленія N учебнаго округа, или N гимназіи, прогимназіи и проч.

(слѣдуютъ подписи лицъ, указанныхъ въ ст. 11 правилъ).

8. (4-го декабря 1876 г.) *Правила о стипендіи имени Антона Ивановича Малиновскаго, учреждаемой въ г. Харьковѣ при Москалевской школѣ общества распространенія въ народѣ грамотности.*

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На основаніи Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго въ 9-й день сентября 1876 г., при Москалевскомъ начальномъ народномъ училищѣ въ г. Харьковѣ, содержимомъ отъ общества распространенія грамотности въ народѣ, учреждается стипендія имени бывшаго пред-

сѣдателя Изюмскаго окружнаго суда А. И. Малиновскаго, на счетъ капитала въ четыреста шесть руб., собранныхъ по подпискѣ.

2) Стипендіальный капиталъ (406 р.) вносится для обращенія изъ процентовъ въ Харьковскій городской купеческій банкъ на вѣчное время.

3) Проценты съ сего капитала выдаются по постановленію правленія общества ежегодно одному изъ бѣднѣйшихъ и способнѣйшихъ учениковъ (или ученицъ) Москалевской школы, безъ различія происхожденія и вѣроисповѣданія.

4) Ученикъ (или ученица), получающій эту стипендію, именуется стипендіатомъ (или стипендіаткою) А. И. Малиновскаго, бывшаго предсѣдателя Изюмскаго окружнаго суда.

5) Въ случаѣ закрытія Москалевской школы, стипендія переносится, по постановленію общаго собранія членовъ общества, въ какую либо другую школу г. Харькова.

9. (11-го декабря 1876 г.). *Циркулярное предложеніе и. попечителямъ учебныхъ округовъ о введеніи въ гимназіяхъ уроковъ гимнастики.*

При осмотрѣ осенью нынѣшняго года учебныхъ заведеній Оренбургскаго учебнаго округа я, между прочимъ, обращалъ особенное вниманіе, какъ это дѣлалось мною во время всѣхъ моихъ путешествій по Россіи, на физическое развитіе дѣтей, столь необходимое при усидчивыхъ занятіяхъ, посредствомъ распространенія и усиленія въ учебныхъ заведеніяхъ гимнастическихъ упражненій. Въ настоящую мою поѣздку я нашелъ съ удовольствіемъ въ Уфимской гимназіи примѣръ, достойный подражанія: тогда какъ въ другихъ гимназіяхъ гимнастикой занимаются по классно, одинъ, два и много три раза въ недѣлю, что недостаточно, здѣсь ученики всѣхъ классовъ ежедневно имѣютъ общій гимнастическій урокъ, во время большой перемѣны, отъ 12 до 12½ часовъ; члены и мускулы расправляются между уроками, дѣти становятся живѣе и веселѣе. Конечно, тѣснота помѣщенія большинства учебныхъ заведеній не дозволитъ ввести гимнастическихъ приборовъ для одновременнаго упражненія всѣхъ учениковъ, но гимнастикой безъ приборовъ можно заниматься въ корридорахъ, актовыхъ залахъ и т. п.

По доведеніи мною о семъ до свѣдѣнія Государя Императора во всеподданнѣйшемъ моемъ отчетѣ объ означенномъ округѣ, Его Императорское Величество Высочайше соизволилъ повелѣть: сдѣлать при-

нятую въ Уфимской гимназіи мѣру обязательною для всѣхъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній.

10. (16-го декабря 1876 г.). *Положеніе о стипендіи имени доктора медицины Михаила Бирунтова при учебныхъ заведеніяхъ Варшавскаго учебнаго округа.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго въ 13 день декабря 1876 г., при учебныхъ заведеніяхъ Варшавскаго учебнаго округа учреждаются стипендіи имени доктора медицины Бирунтова на счетъ отказаннаго по духовному завѣщанію Бирунтова капитала въ 3.000 руб.

§ 2. Стипендія эта предназначается для несостоятельныхъ родственниковъ завѣщателя Бирунтова и лицъ изъ семействъ: Ивана и Юліи Мирческихъ, Антона и Іосифа Кржижавскихъ и Рудольфа и Варвары Эдеръ, преимущественно для лицъ мужскаго пола.

§ 3. Въ случаѣ неимѣнія кандидатовъ для полученія означенной стипендіи изъ лицъ принадлежащихъ къ названнымъ фамиліямъ, стипендія эта можетъ быть предоставлена несостоятельному ученику или ученицѣ одного изъ правительственныхъ среднихъ мужскихъ или женскихъ учебныхъ заведеній Варшавскаго учебнаго округа, или студенту Варшавскаго университета, отличающимся прилежаніемъ и поведеніемъ, римско-католическаго или греко-уніатскаго исповѣданія, уроженцу города Реѣвца, Холмскаго уѣзда или уѣзднаго города Красностава, Люблинской губерніи.

§ 4. Капиталь стипендіи Бирунтова вмѣстѣ съ наросшими ко дню учрежденія стипендіи процентами, составляющій сумму 3.650 р. находится въ непосредственномъ завѣдываніи Варшавскаго учебнаго округа.

§ 5. Проценты отъ капитала стипендіи выдаются стипендіатамъ Бирунтова по распоряженію попечителя Варшавскаго учебнаго округа.

11. (17-го декабря 1876 г.). *Положеніе о стипендіи имени тайнаго совѣтника Эдуарда Васильевича Держе при Николаевской Новгородской женской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія, послѣдовавшаго въ 13 день декабря 1876 г., на пожертво-

ванный членами педагогическихъ совѣтовъ Новгородскихъ—мужской и Николаевской женской гимназій, въ знакъ своего сочувствія къ полезной дѣятельности начальника Новгородской губерніи Э. В. Лерхе по части народнаго образованія въ губерніи, по подпискѣ капиталъ въ 400 р., на который пріобрѣтенъ билетъ Новгородскаго городского общественнаго банка за № 443, учреждается, на проценты съ сего капитала, при Новгородской Николаевской женской гимназій стипендія, имени тайнаго совѣтника Э. В. Лерхе.

§ 2. Капиталъ, пожертвованный на стипендію, считается неприкосновеннымъ и хранится вмѣстѣ съ другими суммами женской гимназій.

§ 3. На проценты съ капитала (26 р.) содержится въ гимназій приходящей ученицей одна изъ дѣвицъ, выбираемая Э. В. Лерхе изъ трехъ лучшихъ кандидатокъ, представляемыхъ педагогическимъ совѣтомъ заведенія.

§ 4. Стипендіатка избирается изъ лучшихъ ученицъ гимназій безъ всякаго различія званія,—но съ условіемъ, чтобы родители представили надлежащее свидѣтельство о бѣдности.

§ 5. Дѣвица, воспитывающаяся на стипендію Э. В. Лерхе въ гимназій, если, по окончаніи курса, пожелаетъ остаться въ спеціальному классѣ, продолжаетъ пользоваться и въ немъ стипендіею.

§ 6. Стипендія заключается прежде всего во взносѣ изъ $\frac{1}{10}$ съ пожертвованнаго капитала платы за ученіе стипендіатки; затѣмъ остальное обращается въ пособіе ей на книги, учебныя пособія и одежду.

12. (17-го декабря 1876 года). *Правила о стипендіи при Казанскомъ университетѣ для сыновей лицъ почтоваго вѣдомства.*

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Чиновники и нижніе почтовые служители Казанской губерніи собрали между собою, по добровольной подпискѣ, при участіи членовъ Казанскаго биржеваго комитета и тамошняго уѣзднаго земства, капиталъ въ тысячу двести руб., на учрежденіе, изъ процентовъ сего капитала, внесеннаго на вѣчное время въ Казанскій общественный банкъ, одной стипендіи при юридическомъ факультетѣ Казанскаго университета, которая, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 13-го декабря 1876 г., именуется „стипендіею управляющаго и чиновъ почтоваго вѣдомства Казанской губерніи“.

2) Стипендією этою пользуются сыновья чиновъ почтоваго вѣдомства; изъ нихъ имѣютъ преимущество: а) круглые сироты, б) сыновья бѣдныхъ родителей, и затѣмъ в) воспитанники благонравнаго поведенія, съ успѣхомъ кончившіе курсъ гимназическаго ученія и подающіе надежду на будущіе учебные успѣхи.

3) Стипендіаты, не перешедшіе изъ одного курса въ другой въ продолженіе академическаго года по малоспособности или замѣченные въ неодобрительномъ поведеніи, лишаются права на стипендію.

4) Право избранія стипендіатовъ предоставляется управляющему почтовой частію Казанской губерніи, который объ избранномъ стипендіатѣ письменно извѣщаетъ ректора Казанскаго университета. Избранный стипендіатъ пользуется процентами съ капитала въ 1,200 рублей.

5) Такъ какъ стипендія учреждается не только для развитія молодыхъ людей, но и для пользы службы, дабы почтовое вѣдомство могло имѣть въ средѣ служащихъ—людей образованныхъ, то желательно бы было, чтобы воспитанникъ, по окончаніи университетскаго курса по юридическому факультету и по отбытіи воинской повинности, если къ таковой будетъ призванъ, прослужилъ въ почтовомъ вѣдомствѣ по крайней мѣрѣ не менѣе 3-хъ лѣтъ въ должности соотвѣтственной его образованію.

13. (21-го декабря 1876 года). *Циркулярное предложеніе и. по-печителямъ учебныхъ округовъ о производствѣ испытаній лицамъ, поступающимъ въ военную службу вольноопредѣляющимися 3-го разряда.*

Опредѣленіемъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденнымъ г. министромъ, разъяснено, что п. 6 правилъ для производства испытаній лицамъ, желающимъ поступить на службу вольноопредѣляющимися 3-го разряда, долженъ быть понимаемъ въ томъ смыслѣ, что второй экзаменъ лицамъ, желающимъ поступить на службу вольноопредѣляющимися 3-го разряда, на основаніи правилъ для сихъ испытаній, долженъ считаться окончательнымъ, о чемъ и должна быть дѣлаема надлежащая отмѣтка на приписныхъ къ призывному участку свидѣтельствахъ, или на удостовѣреніяхъ, выдаваемыхъ сельскими обществами, о принадлежности молодого человѣка къ призывному участку, по состоянію его въ сельскомъ обществѣ.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1) Определеніями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено: книгу: „*Нравственная педагогика или общепонятное изложеніе основныхъ началъ нравственнаго воспитанія*. Руководство для учащихся въ женскихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ, учительскихъ семинаріяхъ и институтахъ и для образованныхъ матерей. К. Гюнибурга. Москва, 1876 года“—допустить въ женскія гимназіи и учительскія семинаріи въ видѣ учебнаго пособія.

2) Составленныя бывшимъ учителемъ Варшавской 2-й мужской гимназіи А. Поплавскимъ книги: 1) *Курсъ Зоологій*, одобренный ученымъ комитетомъ сего министерства, для употребленія въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ. Изд. 3-е, дополненное согласно программѣ реальныхъ училищъ. Со многими рисунками въ текстѣ. Варшава, 1876 года. Цѣна 60 коп. 2) *Курсъ ботаники*. Изд. 2-е, значительно переработанное (34 рисунка въ текстѣ). Цѣна 50 коп. 3) *Курсъ минералогій*. Изд. 2-е, дополненное согласно программѣ реальныхъ училищъ. Съ многими рисунками (87) текстѣ. Варшава, 1876 года. Ц. 60 к.—одобрить, какъ учебное пособіе, для реальныхъ училищъ и женскихъ гимназій.

Книги, подъ заглавіями: 1) *Сборникъ матеріаловъ для письменнаго и устнаго перевода съ русскаго и латинскаго языковъ на греческій*. Для 4-хъ высшихъ классовъ гимназій. Составили: Э. Черный, преподаватель древнихъ языковъ при 3-й Московской гимназіи, и П. Баталинъ, преподаватель русскаго языка при той же гимназіи. *Связная стиптъи, систематически расположенная по отдѣльнымъ главамъ синтаксиса*. Съ прибавленіемъ латинскихъ статей. Москва, 1876 года. Цѣна 75 коп.— одобрить, какъ руководство къ греческому языку. 2) *Méthode Robertson. Cours pratique de langue française à l'usage des écoles par Aimé Constantin*. 7-ème édition, I et II partie. St-Petersbourg. 1876. Prix 60 cop.— одобрить въ качествѣ учебнаго пособія при преподаваніи французскаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, мужскихъ и женскихъ. 3) *Пособіе при изученіи русскаго словесности*. *Курсъ старшихъ классовъ мужскихъ и женскихъ гимназій*. Составилъ преподаватель словесности П. Смирновскій. Москва, 1876 года. Выпуски: I и II, древній и средній періоды. Изда-

ніе 3-е, безъ перемѣнъ. Цѣна 90 коп. Выпускъ III. Новый періодъ. Отдѣлъ отъ Ломоносова до Карамзина. Изданіе 2-е, безъ перемѣнъ Цѣна 50 коп. Выпускъ IV. Новый періодъ. Отд. II, отъ Карамзина до Пушкина. Изд. 2-е, дополненное статью о романтизмѣ. Цѣна 80 к. Выпускъ V. Новый періодъ. Отд. III, отъ Пушкина до новѣйшихъ временъ. Изд. 2-е, дополненное нѣсколькими новыми статьями. Цѣна 80 коп. 2) *Учебникъ русской словесности для учениковъ и ученицъ V класса гимназій. Съ приложеніемъ хрестоматіи; его же.* Изданіе 2-е, дополненное. Москва, 1876 года. Цѣна 60 коп. — одобрить, какъ пособие при изученіи словесныхъ произведеній и помѣстить въ число учебныхъ пособій для мужскихъ и женскихъ гимназій.

4) Изданіе: „*Ботаническій Атласъ*“. Составилъ *Н. Животовскій*. Паданіе второе. С.-Пб. 1876 г., — одобрить какъ пособие при первоначальномъ обученіи ботаникѣ.

5) Книгу: „*Учебникъ русской грамматики, сближенной съ церковно-славянскою, съ приложеніемъ образцовъ грамматическаго разбора. Для среднихъ учебныхъ заведеній*“. Составилъ *Ө. Буславъ*. Москва 1869 г., — одобрить какъ руководство при изученіи церковно-славянскаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и внести въ каталогъ учебныхъ руководствъ.

6) Книгу: „*Руководство къ повторенію (Repertorium) латинской грамматики и стилистики для высшихъ классовъ гимназій, преимущественно для домашнихъ занятій*“. Доктора *Менге*. Обработалъ применительно къ русскому языку *В. Коперницкій*, преподаватель Ломжинской гимназій. Ч. I. Вопросы. Ч. II. Отвѣты. Варшава 1876 г., — одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ гимназій и прогимназій.

7) Книгу: „*Начальная физика въ объемъ гимназическаго преподаванія. Профессора Н. Любимова*. Изд. 2-е. Москва 1876 г.,“ — внести въ списокъ учебныхъ руководствъ, одобренныхъ ученымъ комитетомъ.

8) Книгу: „*Учебный курсъ всеобщей исторіи. Часть I. Исторія древняя и средняя до Карла Великаго*“. Составилъ инспекторъ Московской духовной семинаріи *А. Цытковъ*. Москва. 1876 г. Цѣна 1 руб., — признать въ качествѣ учебнаго пособія.

9) Книгу: „*Сборникъ русскихъ статей для перевода на латинскій языкъ. Пособіе по латинскому языку для учениковъ старшихъ классовъ гимназій. Выпускъ I. Одесса. 1876 г.*“ Составилъ *К. Я. Бѣльскій*. Цѣна 75 к. — допустить къ употребленію въ качествѣ учебнаго пособія по латинскому языку для старшихъ классовъ гимназій.

10) Книгу: „*Руководство начальной геометріи*, составленное преимущественно въ учебнымъ планамъ гимназій и реальныхъ училищъ А. Деве. 3-е изд., вновь передѣланное (съ 350 полигипажами). С.-Пб. 1876 г. Ц. 1 руб., — одобрить какъ руководство при преподаваніи геометріи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

У. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1) Книгу: „*Современная Черногорія Фриллея и Влохити*. Съ рисунками и картою Черногоріи, Герцеговины и Босніи. С.-Пб. 1876 г.“ Цѣна 1 р. 20 к., — допустить для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, для старшаго возраста, а также для фундаментальныхъ библіотекъ.

2) Книгу: „*Ариѳметика*, составленная Н. Т. Щеловымъ. Изд. 12-е, исправленное и дополненное. С.-Пб. 1875 г. Часть I. *Цѣлыя числа*. Цѣна 20 коп., для учебныхъ заведеній 15 коп. Часть II. *Дробныя числа*. Цѣна 60 коп., для учебныхъ заведеній 50 коп.“, — одобрить, какъ пособіе при преподаваніи ариѳметики.

3) Изданіе московскаго общества распространенія полезныхъ книгъ подъ заглавіемъ: „*Воскресные разказы*“. Читеніе для народа и дѣтей. „Еженедѣльный Иллюстрированный Журналъ. Годъ 2, № 23 — 30. М. 1876 г. Цѣна отдѣльному номеру 3 к., — одобрить для библіотекъ низшихъ училищъ.

4) По рассмотрѣніи утвержденнаго опредѣленіемъ св. синода заключенія духовно-учебнаго комитета о книгѣ г. Самойло: „*Краткое обзорніе предметовъ, относящихся къ богослуженію нашей православной церкви и римско-католической*“. Составилъ Самойло. Москва. 1856 г. не только рекомендовать эту книгу къ приобрѣтенію въ библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній Варшавскаго и Виленскаго учебныхъ округовъ, а также и къ употребленію въ средѣ народа, живущаго въ Сѣверо-западномъ краѣ, но допустить приобрѣтеніе оной въ библіотеки и прочихъ учебныхъ округовъ въ виду пользы, которую эта книга можетъ принести читателямъ изъ католиковъ, живущихъ въ великороссійскихъ губерніяхъ.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, въ 19-й день ноября, Всемилостивѣйше соизволилъ на постановку въ актовыхъ залахъ гимназій: Пермской, Оренбургской и Бѣлгородской Его Королевскаго Высочества Герцога Эдинбургскаго, портрета его сіятельства г. министра народнаго просвѣщенія.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія въ 19-й день ноября 1876 г., Всемилостивѣйше соизволилъ на постановку въ актовыхъ залахъ Одесской 2-ой прогимназіи и Вознесенской гимназіи портретовъ его сіятельства г. министра народнаго просвѣщенія и попечителя Одесскаго Учебнаго Округа, тайнаго совѣтника Голубцова.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, въ 19-й день ноября, всемилостивѣйше соизволилъ на постановку въ актовомъ залѣ Ташкентской прогимназіи портрета г. Туркестанскаго генераль-губернатора, генераль-адъютанта фонъ-Кауфмана.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, въ 19-й день ноября, Всемилостивѣйше соизволилъ на постановку въ актовомъ залѣ Омской мужской гимназіи портретовъ его сіятельства г. министра народнаго просвѣщенія и генераль-губернатора Западной Сибири, генераль-адъютанта Казнакова.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, въ 13-й день декабря 1876 г., Всемилостивѣйше соизволилъ на постановку въ актовыхъ залахъ Псковской и Новочеркасской гимназій портретовъ его сіятельства графа Толстаго.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, въ 13-й день декабря 1876 г., Всемилостивѣйше соизволилъ на постановку въ актовомъ залѣ Мозырской прогимназіи портретовъ его сіятельства г. министра народнаго просвѣщенія графа Толстаго и попечителя Виленскаго учебнаго округа, тайнаго совѣтника Сергіевскаго.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, въ 29-й день декабря минувшаго г., Все-

милостивѣйше соизволили на постановку въ комнаты для занятій воспитанниковъ гимназическаго пансіона Псковской гимназіи портрета бывшаго воспитателя при этомъ пансіонѣ, нынѣ покойнаго, статскаго совѣтника Массона.

— Вслѣдствіе представленій начальствъ Одесскаго и Харьковскаго учебныхъ округовъ, г. управлявшій министерствомъ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ:

а) Открыть, съ начала 187^{6/7} учебнаго года, при Ростовскомъ реальномъ училищѣ дополнительный классъ съ механико-техническимъ и химико-техническимъ отдѣленіями, съ отнесеніемъ всѣхъ расходовъ по приспособленію помещенія, обзаведенію и содержанію этого класса на средства Ростовскаго городского общества, и

б) Открыть въ городѣ Козловѣ, съ начала 187^{6/7} учебнаго года, шестиклассное реальное училище съ отдѣленіями основнымъ и коммерческимъ, съ отнесеніемъ содержанія этого училища вполнѣ на средства мѣстныхъ городскихъ общества и земства.

— Вслѣдствіе представленія попечителя Оренбургскаго учебнаго округа, его сіятельствомъ г. министромъ народнаго просвѣщенія утвержденъ опредѣленный педагогическимъ совѣтомъ *Стерлитамакской* прогимназіи размѣръ платы за ученіе въ той прогимназіи: въ приготовительномъ классѣ по *пяти* р., а въ прочихъ классахъ по *семи* р. *пятидесяти* коп. въ годъ съ cadaго ученика.

— Вслѣдствіе отношенія г. Туркестанскаго генералъ-губернатора, г. министръ народнаго просвѣщенія утвердилъ опредѣленный педагогическими совѣтами Ташкентской и Вѣрненской прогимназіи размѣръ платы за ученіе: въ Ташкентской прогимназіи—въ приготовительномъ классѣ по *двадцати* р., а въ основныхъ классахъ по *тридцати* р., и въ Вѣрненской—въ приготовительномъ классѣ по *двадцати* р., а въ прочихъ классахъ по *двадцати* р. въ годъ съ cadaго ученика.

— Вслѣдствіе представленія управлявшаго С.-Петербургскимъ учебнымъ округомъ г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ взимать съ начала будущаго 187^{7/8} учебнаго года плату за ученіе въ 4-ой С.-Петербургской прогимназіи: въ приготовительномъ классѣ по *тридцати* р., а въ прочихъ классахъ по *сорока* р. въ годъ съ cadaго ученика.

— Его сіятельство, г. министръ народнаго просвѣщенія приказать изволилъ: „*Письма царевица Алексѣя Петровича, писанныя къ его родителю Петру Великому*“, изданныя въ 1849 году г. Мурзакви-

цель—рекомендовать для библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Его сіятельство г. министръ народнаго просвѣщенія приказать изволилъ рекомендовать учебнымъ заведеніямъ вѣдомства народнаго просвѣщенія изданныя Императорскимъ русскимъ археологическимъ обществомъ и вышедшіе пока въ 3-хъ выпускахъ рисунки съ фресковъ и мозаикъ кievскаго Софійскаго собора.

— Его сіятельство, г. министръ народнаго просвѣщенія изволилъ изъявить согласіе на принятіе фирмы: „Торговля книгами и учебными пособіями Н. Фену и К^о“ въ число комиссіонеровъ министерства народнаго просвѣщенія по снабженію учебныхъ заведеній сего министерства наглядными пособіями и училищною мебелью на нижеслѣдующихъ, изъясненныхъ въ просьбѣ Фену и К^о условіяхъ:

1) Подъ учебными заведеніями министерства разумѣются только реальныя училища и учительскія семинаріи.

2) Цѣны на пособія производства какъ сей фирмы, такъ и заграничнаго выставлены въ каталогахъ фирмы; на пособіяхъ же, изданныхъ въ Россіи и цѣны которымъ опредѣлены самими издателями, дѣлается учебнымъ заведеніямъ уступка, въ 15⁰/₀, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и 20⁰/₀.

3) Принятіе означенной фирмы въ число комиссіонеровъ министерства не налагаетъ ни на министерство, ни на подвѣдомственныя ему учебныя заведенія никакихъ обязательствъ.

— Казанскимъ университетомъ представленъ былъ Его Величеству Государю Императору, чрезъ г. министра народнаго просвѣщенія, слѣдующій адресъ по поводу нынѣшнихъ политическихъ обстоятельствъ:

Ваше Императорское Величество!

Подъ покровомъ Вашимъ счастливая судьба выпала на долю истинной науки, которая не можетъ противорѣчить требованіямъ высшихъ гуманнхъ идей и не должна измѣнять имъ ни для какой цѣли: наука въ Россіи не боится враждебнаго вліянія внутренней или вѣшней политики; все Ваше царствованіе представляетъ постоянное торжество высшихъ требованій истины и правды.

Всемилоствѣннѣйшій Государь! Вы дали свободу миллионамъ Вашихъ подданныхъ; Вы даровали Россіи судъ правый и милостивый; Вы призвали всѣ сословія къ самоуправленію по земскому и городскому хозяйству и благосостоянію; Вы даровали Вашимъ подданнымъ возможность исполненія новой, для всѣхъ равной повинности, которая

стала исполненіемъ святаго патріотическаго долга, вмѣсто прежней тяготы только для менѣе полноправныхъ.

Двадцать лѣтъ Вашего счастливаго царствованія, въ отношеніи вышней политики, постоянно доказывали Ваше миролюбіе, согласное съ требованіями высшаго разума и молитвеннымъ воззваніемъ: „о мирѣ на землѣ!“

Но нынѣ, по требованію той же высшей правды, Вы, Государь-миротворецъ, выразили готовность, для осуществленія этой правды на землѣ, прибѣгнуть къ „Суду Божию“, какъ называли наши предки войну.

На этотъ судъ, съ полнымъ упованіемъ на правду Божию, готовы стать всѣ Ваши вѣрноподданные, исполняя свое святое призваніе, Вами имъ нынѣ указанное. Пойдемъ на этотъ судъ и мы, мирные представители науки, если представится на это потребность, но наша особенная сила—сила знанія и слова! Вооруженные этою силою, мы служимъ Вашему Императорскому Величеству истолкователями Вашихъ политическихъ предначертаній въ смыслъ требованій высшей правды; въ духѣ безграничной любви и полного довѣрія къ своему Государю, вѣрному носителю этой правды, мы воспитываемъ и будемъ воспитывать русское юношество, ввѣренное Вашимъ довѣріемъ нашему наставничеству!

Восторженные постояннымъ проведеніемъ Вами требованій высшей правды, осмѣливаемся обратиться съ выраженіемъ нашихъ чувствъ къ Вашему Величеству и мы, вѣрноподданные профессора Вашего казанскаго университета.

Открытіе училищъ.

— По донесенію управляющаго Харьковскимъ учебнымъ округомъ 19 минувшаго ноября послѣдовало открытіе Лебедянской прогимназіи, въ которую принято: въ приготовительный классъ 24 и въ первый классъ 17 учениковъ.

— 5 декабря послѣдовало открытіе въ с. Павловѣ, Звенигородскаго уѣзда, Московской губ., двухкласснаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія. Въ день открытія училища поступило въ оное 85 учениковъ.

— 31 октября минувшаго года открыто двухклассное начальное народное училище министерства народнаго просвѣщенія въ с. Возне-

сенскомъ, Юхновскаго уѣзда, Смоленской губ. При открытіи училища принято въ оное 55 учениковъ.

— 21 минуваго ноября послѣдовало открытіе въ селѣ Слободѣ, Порѣчьскаго уѣзда, Смоленской губерніи, двухкласснаго начальнаго народнаго училища вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— 21 минуваго ноября открыто двухклассное начальное народное училище министерства народнаго просвѣщенія, первоначально въ одноклассномъ составѣ, въ д. Алексѣевской, при Нишжимско-Пречистенскомъ погостѣ, Судожскаго уѣзда, Олонецкой губерніи. Въ день открытія училища поступили въ оное мальчиковъ 21 и дѣвочекъ 5.

— Въ Астраханской губерніи открыты слѣдующія училища министерства народнаго просвѣщенія—двухклассныя—въ селахъ: Пришибѣ, 1 сентября, поступило всего 36 мальчиковъ и Владиміровкѣ—22 сентября—учениковъ поступило 51 человекъ; одноклассныя въ селахъ:—Началовѣ—17 октября—поступило 20 мальчиковъ и Аксаѣ—26 октября—поступило 6 мальчиковъ и 2 дѣвочки.

— По донесенію попечителя Кіевскаго учебнаго округа, открыты слѣдующія одноклассныя начальныя народныя училища министерства народнаго просвѣщенія въ Винницкомъ уѣздѣ, Подольской губерніи, 30 октября въ м. Юзвинѣ, 12 ноября въ с. Черепишницахъ, 9 ноября въ м. Пиковѣ и 10 ноября въ с. Вишенькѣ.

Въ Летичевскомъ уѣздѣ, Подольской губерніи, 10 октября, въ с. Колыбани.

Въ Литинскомъ уѣздѣ, Подольской губерніи, 25 октября, въ м. Радовцахъ.

Въ Кременецкомъ уѣздѣ, Волынской губерніи—8 ноября, въ с. Боркахъ и

Въ Дубенскомъ уѣздѣ, Волынской губерніи—23 ноября въ селѣ Княгининѣ.

Въ Ковельскомъ уѣздѣ, Волынской губ., въ м. Мельницѣ—19 ноября, и въ с. Любитовѣ—14 того же минуваго ноября.

— По донесеніямъ попечителей учебныхъ округовъ открыты и преобразованы слѣдующія двухклассныя и одноклассныя народныя училища вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

1) Попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, 15 ноября, одноклассное въ погостѣ Вемебологѣ, Опочецкаго уѣзда, Псковской губ., при 56 человекѣ мужскаго пола.

2) Управляющаго Московскимъ учебнымъ округомъ, 29 октября—одноклассное въ с. Дразжинѣ, Юхновскаго уѣзда, Смоленской губ.

при 50 человѣкахъ учащихся, въ томъ числѣ 46 мальчиковъ и 4 дѣвочки.

3) Попечителя Харьковскаго учебнаго округа, 16 ноября—двухклассное въ с. Поймѣ, Чембарскаго уѣзда, Пензенской губер. Всѣхъ учениковъ принято 66 человѣкъ.

4) Попечителя Одесскаго учебнаго округа. въ Кишиневскомъ уѣздѣ, Бессарабской губерніи, 24 ноября—двухклассное въ с. Лапушино при 63 учащихся; одноклассныя: въ селеніяхъ Дануцанахъ, Тодорештахъ и Милештахъ, первое 21 ноября, при 24 учащихся; второе 24 ноября, при 28 учащихся и третье 26 ноября, при 25 учащихся и преобразованы въ двухклассныя, 24 ноября—въ с. Карпиненахъ при 70 учащихся и 25 ноября—въ с. Чугуленахъ при 76 учащихся—въ одноклассныя; въ с. Старо-Драгушенахъ, 25 ноября—при 30 учащихся и въ с. Лаганештахъ, 26 ноября—при 43 учащихся.

— По донесенію попечителей учебныхъ округовъ открыты слѣдующія начальныя училища вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

а) Управляющаго С.-Петербургскимъ учебнымъ округомъ—въ Новгородской губерніи одноклассныя училища: Боровичскаго уѣзда, Тельбоничское—15 сентября—учащихся въ немъ 45 мальчиковъ и 7 дѣвочекъ; Демянскаго уѣзда—Велильское—10 октября учащихся 47 мальчиковъ и 8 дѣвочекъ; Моисеевское—15 октября—учащихся 50 мальчиковъ и 10 дѣвочекъ и Полновское—15 октября—учащихся 36 мальчиковъ и 12 дѣвочекъ.

б) Попечителя Харьковскаго учебнаго округа, 10 октября—двухклассное въ сел. Шовскомъ, Лебедянскаго уѣзда, Тамбовской губ.—учащихся поступило всего 33 ученика.

в) Попечителя Одесскаго учебнаго округа, 26 октября—двухклассное училище въ сел. Кишлавѣ, Феодосійскаго уѣзда, Таврической губерніи—учащихся поступило всего 62 ученика.

— По донесенію управляющаго Московскимъ учебнымъ округомъ, 8-го минувшаго ноября, послѣдовало открытіе однокласснаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія въ с. Ляховѣ, Смоленской губерніи и уѣзда. Ко дню открытія поступило въ оное учащихся 21 мальчикъ и 2 дѣвочки.

РУССКО-ВИЗАНТИЙСКІЕ ОТРЫВКИ.

V.

Хожденіе апостола Андрея въ странѣ Мирмидонянъ ¹⁾.

III.

Позднѣйшія сказанія объ апостолѣ Андрѣ, явившіяся въ средѣ православныхъ церковныхъ писателей, при несомнѣнномъ родственномъ отношеніи различныхъ житій и похвалъ къ источникамъ апокрифическимъ, имѣютъ характеръ, однако, совершенно иной, и самыя задачи ихъ измѣняются. Главный интересъ опять, какъ въ каталогахъ, становится историческимъ или географическимъ. Авторы апокрифовъ фантастическою оболочкою разказа облакали извѣстныя религіозныя идеи, стараясь сдѣлать ихъ болѣе привлекательными и популярными; не смотря на всѣ передѣлки и очищенія, слѣды гностическихъ ученій и догматовъ и до сихъ поръ остаются въ памятникахъ этого рода. Для церковныхъ позднѣйшихъ писателей наиболѣе важное значеніе имѣли предполагаемые факты первоначальной христіанской исторіи, вопросы о томъ, въ какихъ именно странахъ и какимъ народамъ проповѣдывали апостолы Христа. При рѣшеніи этихъ вопросовъ они не имѣли нужды отвергать, что апостолы дѣйствительно проповѣдывали въ тѣхъ странахъ, на которыя такъ или иначе указывалось въ сочиненіяхъ, хотя и еретическихъ, но за то идущихъ изъ самой глубокой древности,—тѣмъ болѣе, что каноническая книга Дѣлій, говоря преимущественно о двухъ апостолахъ, пробуждала любознательность относительно другихъ, но не давала средствъ къ ея удовлетворенію. Мы знаемъ, что пріемъ для пользованія гностическими актами выработанъ и указанъ былъ еще въ самой глубокой древности: еретическія мнѣнія должны

¹⁾ *Окончаніе.* См. январскую книжку Ж. М. Н. Пр. за текущій годъ.

считаться искаженіемъ и прибавкой, а сообщаемые факты вѣрными, исключая, впрочемъ, тѣ, которые казались слишкомъ уродливыми или странными. На основаніи такого воззрѣнія подлежала измѣненію и сказочная географія апостольскихъ хожденій, что сдѣлать было не трудно. Не смотря на всю фантастическую обстановку, въ хожденіяхъ все-таки проглядываетъ намѣреніе локализовать театръ событій въ мѣстахъ, не чуждыхъ современнымъ географическимъ представленіямъ. Аверопофаги были хорошо извѣстны со временъ Геродота; Плипій, Мела, Солинъ, Амміанъ Марцеллинъ, затѣмъ Адамъ Бременскій продолжали разказывать объ этихъ жителяхъ Европейской Скѣіи, что они питаются человѣческимъ мясомъ. Страна варваровъ первоначально носила, быть можетъ, какое-нибудь другое, болѣе специальное названіе и во всякомъ случаѣ находилась по сосѣдству съ аверопофагами. Изъ коптскихъ отрывковъ мы узнаемъ, что въ хожденіи Андрея говорилось не только о странѣ Казареновъ или Кадареновъ, но и о людяхъ съ пѣсьими головами. Кинокефалы, которые имѣли голову на груди и вмѣсто человѣческаго голоса лаяли по собачьи, позднѣе считались обитателями страны, сосѣдней съ Русью: по свидѣтельству Адама Бременскаго, ихъ часто приводили въ Россію въ видѣ плѣнниковъ; другіе, впрочемъ, находили ихъ въ Африкѣ. Еще Тацитъ зналъ о Геллузіяхъ и Оксіонахъ, которые имѣли лица человѣческія, а тѣла дикихъ звѣрей, и обитали гдѣ-то на сѣверѣ, по сосѣдству съ Сарматами и Финнами. По одному позднѣйшему объясненію, Оксіанами, по рѣкѣ Оксу, назывались жители Согда или Согди, Хазары и Херсонцы (Tzet. Chilid., XIII, vers. 90 и сл., pag. 484, ed. Kiessling). Геллузія можетъ быть отождествляема съ Евлісіей Проконія (de bello Gotth., p. 474), которая граничила съ землею Сагидовъ или Саковъ и простиралась до Меотійскаго озера и рѣки Дона. Все это вмѣстѣ давало въ результатѣ Скѣію, какъ Европейскую, такъ и Азіятскую, и можетъ быть, уже Скѣію того преданія, о которомъ говоритъ Евсевій Кесарійскій, есть только ученое и общее выраженіе, замѣняющее аверопофаговъ съ ихъ сосѣдями. Саки и Согдиане каталоговъ могли быть также переводомъ на ученый языкъ болѣе популярныя и болѣе сказочныя терминовъ въ родѣ пѣснихъ головъ или тому подобнаго. Труднѣе объяснить появленіе въ спискахъ Дородея и Епифанія Эѣіи, притомъ въ смыслѣ Колхиды. Но мы должны а рѣіогі полагать, что Эѣіи, такая же страна чудесъ и ужасовъ, какъ и далекій сѣверъ за Чернымъ моремъ, была ге придумана авторами каталоговъ, а взята ими еще изъ гностическаго

хождения, гдѣ она была бы совершенно на своемъ мѣстѣ. Дѣйствительно, въ англо-саксонской поэмѣ объ Андрѣ Мирмидоніа именуется страной черныхъ людей или Эѳіоповъ—нужно полагать, на основаніи древняго греческаго подлинника. Когда представлялся вопросъ о дѣйствительномъ мѣстонахожденіи этой Эѳіопіи, то найти отвѣтъ было уже довольно легко. Конечно, ея нельзя было искать въ Африкѣ или даже въ южной Азіи (Аравіи или Индіи) потому что это противорѣчило бы всѣмъ другимъ даннымъ о хожденіи апостола Андрея въ странахъ при-Понтійскихъ. Кстаги существовали темныя преданія о черныхъ людяхъ на востокѣ азіатскомъ, и въ частности въ Колхидѣ. Уже Гомеръ говорилъ, что Эѳіопія раздѣляется на двѣ: одна—тамъ, гдѣ восходитъ солнце, другая—тамъ, гдѣ заходитъ. Извѣстна была Эѳіопія, изъ которой приходилъ Мемнонъ на помощь Троянамъ. Эта Эѳіопія была въ Колхидѣ, гдѣ, по свидѣтельству Геродота, жили люди, имѣющіе черныя цвѣтъ лица и курчавые волосы; и во многомъ другомъ они такъ были похожи на Египтянъ и ихъ сосѣдей Эѳіоповъ Африки, что Геродотъ, а за нимъ и Діодоръ, считаютъ ихъ колоніей египетскою, а новыя изслѣдователи—остаткомъ или частію темноцвѣтнаго племени Кушитовъ. Такимъ образомъ полусказочная Эѳіопія гностической легенды, при помощи нѣскольکو ученаго толкованія могла превратиться въ совершенно опредѣленную мѣстность. Эѳіопы, которыхъ посѣтилъ апостолъ Андрей, жили тамъ, гдѣ находился Великій Севастополь, „градъ Апсаръ“, рѣка Фазисъ. Самое объясненіе вѣдшей или первой Эѳіопіи взято, по видимому, изъ того или другаго географическаго краткаго руководства — изъ того же самаго, которымъ пользовался авторъ Пасхальной хроники въ своемъ спискѣ странъ и народовъ, происшедшихъ отъ сыновъ Ноевыхъ, потому что буквальное тожество выражений не можетъ быть случайнымъ ¹⁾. Итакъ, гностическая сага была въ общихъ чертахъ локализована по извѣстнымъ соображеніямъ ученаго характера, и совершилось это въ очень древнее время. Но она же сдѣлалась достояніемъ народныхъ преданій въ странахъ, не только искони христіанскихъ, но и въ тѣхъ, куда христіанство пришло послѣ IV вѣка. Мы видимъ, что когда позднѣйшіе писатели житій приступаютъ къ изложенію хожденій

¹⁾ Въ Пасхальной хроникѣ говорится слѣдующее: «По ту сторону Каппадокійцевъ на право живутъ Армяне, Иверы (Грузины), Верраны (Βερρανοί—Γεγαπί, то-есть, нужно думать Осы или Осетинцы), Скионы (Σκυθες), Колхи и Веспоріаны; затѣмъ такъ называемые Саллы или Саниты, простирающіеся до Понта, гдѣ находится укрѣпленіе Апсаръ и Севастополь и гавань Исса и рѣка Фазисъ»..

апостола Андрея, то они обязаны пользоваться не только письменными источниками, то-есть, каталогами и апокрифами, но и устными разказами жителей. Все побережье Чернаго моря уже было полно легендарными воспоминаніями о пребываніи двухъ братьевъ апостоловъ, Петра и Андрея. На основаніи другаго преданія, можетъ быть—наиболѣе древняго, по которому два брата, Петръ и Андрей, подѣлили между собою всю вселенную, при чемъ Петру достался западъ, востокъ Андрею. — главная роль въ этихъ воспоминаніяхъ остается за Андреемъ, какъ и въ каталогахъ Понтъ, Галатія и Виеинія, приписываемыя сначала Петру, усваиваются затѣмъ отдѣльно Андрею. Эти мѣстныя преданія, иногда не совсѣмъ согласныя между собою, позднѣйшіе агиографы должны были, однако, примирять со своими письменными источниками, уже снискавшими авторитетъ несомнѣнности, а также и соглашать ихъ взаимно. Любопытные слѣды такого примиренія противорѣчій мы находимъ въ житіи апостола Андрея, написанномъ монахомъ Епифаніемъ, который, по его собственному указанію, жилъ въ концѣ VIII вѣка или же не позднѣе первой половины IX в. Онъ зналъ, что челоувкоядцы были въ Скиѳіи, но въ то же время слышалъ отъ жителей Синопа, что апостоль Матей освобожденъ былъ Андреемъ изъ темницы именно въ ихъ городѣ: и вотъ онъ помѣщаетъ Синопъ въ Скиѳіи. Притомъ, по видимому, не одинъ Синопъ присвоивалъ себѣ честь считать своими предками аперопофаговъ, но и другіе греческіе города, какъ, на примѣръ, Никея. Почти каждый городъ около Чернаго моря, въ которомъ была старинная церковь въ честь апостола Андрея, или уважаемая по древности икона съ его изображеніемъ, уже хвалился посѣщеніемъ Первозваннаго апостола.

Мы представляемъ сказаніе Епифанія въ извлеченіи, имѣющемъ характеръ буквального перевода въ тѣхъ мѣстахъ, которыя имѣютъ ближайшее отношеніе къ нашей темѣ.

Въ короткомъ предисловіи авторъ говоритъ, что такъ какъ до него никто еще не написалъ житій святыхъ апостоловъ, то онъ рѣшился собрать о нихъ свѣдѣнія изъ сочиненій очевидцевъ и богоносныхъ мужей, именно: Климента Римскаго, Евагрія Сицилійскаго и Епифанія Кипрскаго. Послѣдній, по словамъ нашего писателя, уже пользовался въ своемъ сочиненіи о 70 апостолахъ не только устными преданіями, но и апокрифами: примѣръ приведенъ, конечно, для того чтобы служить оправданіемъ и образцомъ...

По вознесеніи Христа и послѣ избранія Матѳея на мѣсто Іуды.

апостолы провели нѣсколько времени въ Антиохіи и въ другихъ городахъ, потомъ прибыли въ Синопъ, городъ Понтійскій, лежащій въ области *такъ называемыхъ Скивовъ*, какъ и самъ Петръ говоритъ въ своемъ вселенскомъ посланіи, Понтъ и Галатію. Въ этомъ городѣ было большое количество Іудеевъ, и господствовали многія ереси; а жители отличались варварскими и жестокими обычаями, вслѣдствіе чего были называемы *человѣкоядцами* (анеропофагами). Апостолы Петръ и Андрей, прибывъ сюда, не вошли однако, въ городъ, а поселились на мысу одного пустынного острова, находящагося въ разстояніи шести миль отъ него. „И, Елифаній монахъ и пресвитеръ“, говорится въ житіи, — „вмѣстѣ съ Іаковомъ монахомъ были на этомъ островѣ и нашли здѣсь часовню (εὐχτήριον) св. апостола Авдрея, и при ней двухъ монаховъ, Теофана и Симеона, а въ ней икону апостола Авдрея, изображенную на мраморѣ цвѣтнымъ воскомъ (εἰς μάρμαρον βλοσυρομένην) и достойную большого удивленія. Монахъ Теофанъ, старецъ болѣе семидесяти лѣтъ, показалъ намъ, сверхъ того, сѣдалища (καθέδρας) апостоловъ и мѣста ихъ успокоенія на камняхъ. А объ иконѣ онъ разказалъ, что при Константинѣ Кавалинѣ (то-есть, Копронимѣ, † 775) приходили сюда иконоборцы съ намѣреніемъ ее изгладить (соскоблить), но не смотря на всѣ усилія, ничего не могли сдѣлать. Мы имѣемъ преданіе, что икона написана еще при жизни апостола, и отъ нея бываютъ многія исцѣленія. Петръ и Андрей проповѣдывали Христа людямъ, которые приходили къ нимъ изъ города. Когда потомъ *Матѳеій* отправился вслѣдствіе какой-то потребности въ городъ, то Іудеи схватили его, продержали въ темницѣ три дня и на слѣдующій день хотѣли убить его. Но *Андрей*, оставивъ гору, ночью вошелъ въ темницу, двери которой отворились передъ нимъ сами собою. Онъ освободилъ Матѳея и другихъ узниковъ, вмѣстѣ съ нимъ заключенныхъ, а потомъ въ продолженіе семи дней скрывалъ ихъ вглубь города, въ разстояніи приблизительно одной мили отъ него, на берегу морскомъ, гдѣ находилась роща смоковничныхъ деревьевъ, очень мало доступная, а сверхъ того — и пещера. На восьмой день Андрей крестилъ освобожденных имъ узниковъ и далъ имъ наставленіе: „Чада мои, избѣгайте *скивскихъ ересей*, не имѣйте общенія съ Едлинами въ ихъ идольскихъ трапезахъ, и не внимайте Іудеямъ“. Послѣ того, взявъ съ собою Матѳея, онъ ушелъ на востокъ... Св. Епифаній Кипрскій говоритъ, что, по преданію, которое онъ имѣлъ, апостоль Андрей училъ Скивовъ, Косогдіанъ (и Согдіанъ) и Горсиновъ—въ Севастополѣ Великомъ, гдѣ находится укрѣпленіе

(градъ) Апсаръ и гавань Исса и рѣка Фазисъ, и гдѣ живутъ Ивиры (Грузины), и Сусы, и Фусты, и Аланы. Имѣя въ рукахъ такія памятные записи (*ταῦτα ἡμεῖς ἐπὶ χεῖρας ἔχομεν τὰ ὁπομνήματα*) и бѣгая общенія съ иконоборцами, — — — мы прошли страны и города до Воспора и при этомъ съ великою любовію спрашивали о мѣстныхъ святыхъ и о томъ, нѣтъ ли гдѣ какихъ мощей. Такимъ образомъ мы сами нашли многое; а если мы сами не достигли, то усердно и тщательно спрашивали другихъ, съ кѣмъ встрѣчались, и слушали ихъ съ удовольствіемъ. Въ *Синопѣ* тамошніе жители показали намъ мѣсто пребыванія апостоловъ Петра и Андрея, кафедру, икону, темницу, которую отверзъ Андрей, рошу и берегъ, гдѣ онъ крестилъ освобожденныхъ; тамъ же мы узнали о дикомъ нравѣ тогдашнихъ, а впрочемъ, даже и нынѣшнихъ его жителей. Другое разказали намъ граждане *Амиса*“...

Андрей, оставивъ Синопъ, съ учениками своими и съ Матѳеємъ, прибылъ въ приморскій городъ *Амисъ* (слѣдуютъ проповѣдь и чудеса апостола Андрея и его спутниковъ): а изъ Амиса отправился въ *Трапезунтъ*, городъ *Лазки*, гдѣ живутъ люди неразумные и скотски невѣжественные. Отсюда онъ перешелъ въ Иверію (Грузію), и многихъ просвѣтивъ здѣсь ученіемъ, отправился приморскою дорогою въ Іерусалимъ на праздникъ Пасхи.

Послѣ Пасхи, отпразднованной въ Іерусалимѣ, апостолы разошлись по разнымъ областямъ. Андрей же вмѣстѣ съ Іоанномъ учили въ Ефесѣ. Тогда Господь сказалъ Андрею: „Ступай въ Вионію: я буду съ тобою куда ты ни пойдешь, потому что тебя ожидаетъ Скиѳія“. Андрей, взявъ своихъ учениковъ, отправился въ *Лаодицію*, городъ мирной Фригіи (*τῆς Φρυγίας Παχτιλυῆς*), и оттуда въ *Одиссополь*, городъ *Мисин*, гдѣ поставилъ епископомъ Апіона. Затѣмъ онъ прибылъ въ Никею, которая тогда имѣла видъ села и не была ограждена стѣнами, что сдѣлалъ только императоръ Траянъ. Жители были горды, вѣроломны и полны лжи, оттого проповѣдь апостола встрѣтили смѣхомъ и поруганіями. У нихъ былъ идолъ Аполлона Губителя, который поражалъ людей *злыми чарами, лишавшими ихъ дара слова и чувства слуха*. Апостолъ говорилъ имъ, что если они не примутъ вѣры Христовой, то не освободятся отъ болѣзней и бѣсованія; но они по прежнему остались въ заблужденіи. Не подалеку отъ селенія на высокой каменной горѣ *тѣдилася змѣй*, пожиравшій путниковъ. Узнавъ объ этомъ, апостолъ отправился и своимъ желѣзнымъ жезломъ разбилъ ему голову. Точно также онъ сокрушилъ *идолъ Артемиды*, около

котораго обнаруживали свою силу злые духи и не давали никому приблизиться: на мѣстѣ идла апостоль поставилъ крестъ, и скала очистилась отъ демоновъ. У язычниковъ былъ праздникъ. во время котораго народъ, собиравшійся во множествѣ, приносилъ жертву идоламъ. Но во время жертвоприношенія бѣсы овладѣвали людьми съ такою силою, что они *пожигали другъ друга*. Андрей крестнымъ знаменіемъ укротилъ бѣснующихся. Дальнѣйшій путь апостола лежалъ въ Пикомидію, а изъ нея въ Халкидонъ.

„Изъ Халкидона апостоль Андрей Чернымъ моремъ отплылъ въ Гераклею. Поставивъ здѣсь нѣкоторыхъ жителей, онъ прибылъ въ *Кромну*, нынѣ именуемую *Амастридой*, и нашелъ здѣсь немногихъ учениковъ, у которыхъ и оставался. Городъ былъ полонъ Іудеевъ. Услышавъ, что прибылъ Андрей, отверзшій темницу и выведшій узниковъ, они собрались и хотѣли зажечь домъ, въ которомъ онъ находился. Потомъ, схвативъ Андрея, били его камнями, волочили и кусали, какъ псы, его тѣло. Одинъ изъ нихъ откусилъ совсѣмъ палецъ на правой рукѣ апостола. Вслѣдствіе того жители и до сего дня называются *человѣкоядцами* (анеропофагами)¹⁾).

Слѣдуетъ новое посѣщеніе Трапезунта и обратное путешествіе въ Іерусалимъ, а далѣе третье путешествіе апостола по берегамъ Чернаго моря.

„Послѣ пятидесятницы Андрей, Симонъ, Каранить, Матѳій и Фаддей оставались у Авгара, а прочіе обходили города, уча и творя чудеса, и прибыли въ *Иверію* и въ Фазисъ, а чрезъ нѣсколько дней въ *Сусанію*. Въ этомъ народѣ женщины властвовали надъ мужчинами. Женская природа доступна убѣжденію, и потому онѣ скоро оказали послушаніе. Матѳій оставался въ этой странѣ, училъ и творилъ многія чудеса.

„А Симонъ и Андрей отправились въ *Саланію* (читай: Аланію) и въ городъ *Фусту*. Сотворивъ многія знаменія и многихъ обративъ, они перешли въ Абхазію (Авасгію), и вступивъ въ *Великій Севастополь*, учили слову Божію. Андрей, оставивъ тамъ Симона, съ учениками своими ушелъ въ *Зикхію*. Зикхи народъ жестокой и варварской и до

¹⁾ Судя по этому, и жители Амастриды заявляли притязаніе на происхожденіе отъ человекоядцевъ или людоѣдовъ. Но сличеніе греческаго текста съ его древними переводами и передѣлками обнаруживаетъ здѣсь пропускъ нѣсколькихъ словъ, въ которыхъ говорилось о прибытіи апостола Андрея изъ Амастриды опять въ Синопъ. Впрочемъ, уже самое указаніе на отверстую темницу и освобожденныхъ узниковъ заставляло бы въ этомъ догадываться.

ниѣ на половину не вѣрующій. Они хотѣли убить Андрея, но увидѣли его убожество, кротость и подвижничество, и тогда оставили намѣреніе. Апостолъ, покинувъ ихъ, пришелъ къ *верхнимъ Судеямъ*. Это люди—кроткіе и доступные вѣрѣ; они съ радостію приняли слово проповѣди. Отъ нихъ апостолъ пришелъ въ Воспоръ, находящійся по ту сторону Понта, городъ, до *котораго мы достигли*. Жители его, увидѣвъ чудеса, которые творилъ Андрей, скоро оказали послушаніе, какъ они сами намъ *разказывали*. Они показали намъ ковчегъ, имѣющій надпись Симона апостола, закопаннѣй въ основаніи храма св. апостоловъ (это очень большой храмъ) и содержащій въ себѣ частицы мощей; отъ нихъ они дали и намъ вѣчто. Есть и другая гробница, имѣющая надпись Симона Кананита, въ Никопсисѣ Зикхійскомъ: она также съ мощами.

„Изъ Воспора Андрей прибылъ въ *Февдесію* (Феодосію), городъ многочисленный и образованный, въ которомъ царемъ былъ Савроматъ. Увѣрвали здѣсь немногіе. Оставивъ ихъ, апостолъ отправился въ *Херсонъ*, какъ (жители Херсона) намъ *разказали*. А Февдесія ниѣ даже слѣда человѣческаго. *Херсаки* (Херсонцы) же народъ коварный, и до нынѣшняго дня туги на вѣру, лгуны и поддаются влеченію всякаго вѣтра. Андрей, пробывъ у нихъ довольно дней, воротился въ Воспоръ, и нашедши корабль херсонскій, переплылъ въ Синопъ“.

Изъ Синопа путь лежалъ въ Византію, въ предмѣстіи которой Аргирополь Андрей поставилъ епископомъ Стахіа. Хожденіе кончается Пелопоннисомъ и городомъ ахейскимъ Патрами. Страданіе апостола разказано сходно съ другими источниками.

Житіе, написанное Елифаніемъ, представлявшее сводъ существовавшихъ до него преданій объ апостолѣ Андрѣ, пользовалось большимъ уваженіемъ, какъ въ греческой, такъ и въ другихъ православныхъ церквахъ. Пѣсколько передѣланное и сокращенное его изложеніе читается теперь въ греческихъ Минеяхъ и принадлежитъ, нужно думать, подобно многимъ другимъ сокращеннымъ и передѣланнымъ житіямъ, знаменитому агиографу X вѣка Симеону Метафрасту, какъ объ этомъ и прямо свидѣтельствуешь Алліцій, наибольшій авторитетъ въ вопросахъ этого рода. Здѣсь также принимаются три путешествія апостола Андрея къ берегамъ Понта, прерываемыя празднованіемъ Пасхи въ Иерусалимѣ, и первая проповѣдь вачинается Амисомъ (Ἀμισός), съ опущеніемъ Синопа, о которомъ говорится только послѣ и однажды. Въ Синопѣ апостолъ приходитъ изъ Ама-

стриды вмѣстѣ съ Петромъ. На основаніи „древнихъ сказаній“ (λόγοι παλαιοί) повѣствуется о его мученіи въ этомъ городѣ. Синопіане были люди дикіе и жестокіе, только по наружному виду и образу похожіе на людей, а въ остальномъ—совершенные звѣри. Они были приведены въ ярость тѣмъ, что Андрей освободилъ здѣсь изъ темницы *Ματθαία*; они волочили апостола по землѣ, и нѣкоторые изъ нихъ порывались въ своемъ бѣшенствѣ *коснуться зубами* его тѣла (сдѣдовательно, описываются смягченные нѣсколько анеропофаги). Но здѣсь не сказано прямо, что палецъ апостола былъ откушенъ однимъ изъ дикарей, а только замѣчено, что онъ былъ отсѣченъ. Путешествіе по восточному и сѣверному берегамъ Чернаго моря, то-есть, пребываніе апостола въ землѣ Алановъ, Абзаховъ, въ Севастополѣ Великомъ, у Зикховъ и Воспоріанъ, а также въ Херсонѣ, ничѣмъ не отличается отъ разказа въ первоначальномъ источникѣ; прибавлено только, что въ Воспорѣ находились иконы святыхъ, сдѣланныя изъ воска (*ἄρχιεπίφ μνηροφωμέναι κηρῷ*) и поражавшія своимъ необычайнымъ совершенствомъ, такъ что трудно было считать ихъ произведеніемъ искусства или рукъ человѣческихъ; и сверхъ того точнѣе, но едва ли правильнѣе объяснено о двухъ ковчегахъ, что одинъ изъ нихъ заключалъ въ себѣ останки Симона Зилота, а другой—Симона Кананита, но за то опущено указаніе, что другой гробъ находился въ Никоисисѣ, а не въ Воспорѣ. Херсонъ—городъ знаменитый и многолюдный, но жители его къ истинной вѣрѣ неблагоприкладны (*οὐκ ἐμπληγῆ*), а воспримчивы къ обычнымъ ересямъ.

При чтеніи житія, написаннаго Епифаніемъ, нѣтъ особенной необходимости останавливаться на подробностяхъ и частностяхъ развитія географической темы по отношенію къ прежнимъ болѣе общимъ показаніямъ о хожденіяхъ апостола Андрея, такъ какъ мотивы этого развитія довольно прозрачны и отчасти объяснены выше. Историческія, этнографическія и топографическія замѣтки, сообщаемыя авторомъ, лично посѣтившимъ сѣверные берега Чернаго моря въ концѣ VIII или въ первой половинѣ IX вѣка, имѣли бы высокую важность сами по себѣ, еслибъ онѣ были сколько-нибудь подробнѣе и не ограничивались бы простымъ перечисленіемъ посѣщенныхъ странъ и городовъ, съ очень немногословною характеристикою жителей оныхъ. Епифаній сообщаетъ мало данныхъ, которые могли бы содѣйствовать разсѣянію мрака, предшествующаго началу русской исторіи и появленію Русскаго народа почти въ тѣхъ самыхъ странахъ, о которыхъ онъ говорилъ. Не смотря на то, что нашъ путешественникъ посѣ-

тиль Керчь и Корсунъ, у него нѣтъ ни самаго названія Руси, ни какого-либо намека на нее, хотя бы подъ другимъ наименованіемъ. Впрочемъ, сила аргумента а silentio, который могъ бы заключаться въ этомъ обстоятельстве, значительно ослабляется тѣмъ, что онъ молчитъ также и о Хазарахъ. Очень возможно, что притязанія жителей Синопа на родство съ антропофагами, освободивъ вѣрнаго иконопочитанію пресвитера отъ необходимости отыскивать другихъ потомковъ этого свирѣпаго народа, косвеннымъ образомъ повредили русской исторіи, и что иначе онъ не ограничился бы — если не въ путешествіи, то хотя въ собраніи свѣдѣній—Воспоромъ (Керчью) и Крымомъ, а заглянулъ бы внутрь Скиѳіи. Все-таки мы не должны пренебрегать и тѣми скудными данными о при-Понтийскихъ странахъ и городахъ, какія вообще могутъ быть отысканы въ источникахъ, подобныхъ сочиненію Епифанія или родственныхъ съ этимъ сочиненіемъ, такъ какъ они могутъ пригодиться при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ. Ради этихъ цѣлей, въ связи, впрочемъ, и съ литературно-историческими, мы посвящаемъ еще нѣсколько страницъ отрывку Епифанія о хожденіи апостола Андрея по Черноморскимъ областямъ и приводимъ его сначала въ старинномъ славянскомъ переводѣ, представляющемъ нѣкоторые дополненія къ выписываемому параллельно греческому тексту, а потомъ въ грузинской обработкѣ, могущей служить географическимъ комментариемъ. Нужно пожалѣть, что славяно-русскія переводныя редакціи Епифаніева житія, входившія въ составъ нашихъ Мнѣй, до сихъ поръ остаются не изданными ¹⁾, и что русскій переводъ рукописнаго, и по всѣмъ признакамъ, очень древняго грузинскаго житія, составленнаго по Епифанію, явился безъ всякихъ объясненій, даже самыхъ первоначальныхъ и необходимыхъ ²⁾. При настоящемъ положеніи дѣла трудно рѣшить, откуда ведутъ свое начало и кому принадлежатъ дополненія противъ греческаго подлинника, встрѣчающіяся въ славянскомъ переводѣ, тѣмъ болѣе, что мы не можемъ поручиться и за вполне внимательное и научное отношеніе къ своему дѣлу самихъ издателей греческаго тек-

¹⁾ Приводимый славянскій переводъ, найденъ былъ въ одной рукописи С.-Петербургской духовной академіи о. архимандритомъ Арсеніемъ, отъ котораго, при любезномъ посредничествѣ В. И. Лажанскаго, мы и получили благосклонное разрѣшеніе имъ воспользоваться.

²⁾ Переводъ грузинскаго житія явился въ *Христіанскомъ Читаніи* (1869 годъ) съ единственнымъ замѣчаніемъ, что онъ сдѣланъ съ рукописи Давидгареджійскаго монастыря.

ста. Въ этихъ изданіяхъ есть пропуски; такъ, напримѣръ, жители Амастриды превратились въ челоуѣкоядцевъ только потому, что пропущено было нѣсколько словъ, говорившихъ о прибытіи апостола изъ Амастриды въ Синопъ. Въ другихъ спискахъ могли быть дополненія, слѣданныя или позднѣйшими переписчиками, или вѣкъ другимъ. Что касается грузинскаго житія, то древность этой передѣлки съ греческаго доказывается, по видимому, уже тѣмъ, что въ немъ идетъ рѣчь о *Готгахъ* тамъ, гдѣ въ подлинникѣ стоятъ Скионы. Сверхъ того, оказывается, что это житіе послужило отчасти источникомъ для статьи объ апостолѣ Андрѣ въ грузинской хроникѣ царя Вахтанга ¹⁾

Переводная редакція, входившая въ составъ русскихъ Миней, начинается словами: „святому Епифану глаголющу“ и т. д.; слѣдовательно, въ ней опущено вступленіе автора и описаніе перваго пребыванія апостоловъ въ Синопѣ, во время котораго Матѳѳій былъ освобожденъ Андреемъ изъ темницы. Въ грузинской обработкѣ, авторомъ которой можетъ быть считаемъ неизвѣстный пресвитеръ Романъ, назвавшій себя въ концѣ житія, опущено введеніе, но за то разказъ начинается Синопомъ, а съ другой стороны, вовсе не приведена ссылка на Епифанія Кипрскаго и сопровождающія ее объясненія. Дѣлать отсюда какія-либо заключенія относительно состава греческаго подлинника было бы рискованно. Прибавимъ еще, что русская редакція, сколько можно судить по образцу, находящемуся въ нашихъ рукахъ, не отличалась правильностію въ передачѣ собственныхъ именъ, какъ это обнаруживаетъ уже самое начало. Греческія географическія названія частію не разобраны, частію совсѣмъ искажены — по, по видимому, не безъ вліянія какихъ-то постороннихъ элементовъ, находившихся въ самомъ греческомъ подлинникѣ.

Святому Епифану, архіепископу Кипрскому, глаголющу блаженнаго Андрея учити Скуфы и Сыдіаны игоравзугсію всевастиѣн же градѣ ведщѣмъ,

Τὸ δὲ ἀγίον Εὐφρανίου ἐπίσκοπου
Κύπρου λέγοντος, ὡς ἐκ παραδόσεως ἔχειν
τὸν μακάριον ἀπόστολον Ἀνδρέαν διδάσκει
Σκῦδας; Κοσσυδιανούς; καὶ Γορσωνούς, ἐν

¹⁾ Статья объ Андрѣ въ этой хроникѣ составлена, какъ замѣчено ее переводчикомъ, академикомъ Броссе, изъ двухъ половинъ: первая часть представляеть, по видимому, мѣстныхъ грузинскія преданія, вторая ведетъ свое начало отъ греческаго житія. Академикъ Броссе предположительно указывалъ на сочиненіе Никиты, «человѣка Божія и большаго философа», жившаго въ концѣ V вѣка, на книгу хожденій апостола Андрея, переведенную съ греческаго св. Евфиміемъ и хранящуюся на Афонѣ, и проч. Нужно повторить сожалѣніе, что древнѣйшія Грузинскія житія еще не изданы: но источникомъ второй части статьи объ Андрѣ въ хроникѣ было житіе, указанное нами.

идеже есть съвокупленіе Ансару и Узвнху и кефалазу сѣ рѣка идеже живутъ пвери и сѣси и еѣластин и озани. Силь при прѣвѣ имушен бѣжаще обещаваю иконоборецъ — — походяще мѣста и грады до баснора мноюу любовію искахомъ о домашнихъ святыхъ идеже еде суть мощи.

Σεβαστοπόλει τῆ μεγάλῃ, ὅπου ἐστὶν ἡ παρεμβολὴ Ἀφάρου καὶ Ὑσσαυ λιμὴν καὶ Φασὶς ποταμὸς ἐνθα οἰκοῦσιν Ἰβηρες καὶ Σοῦσοι καὶ Φούστοι καὶ Ἀλανοί. Ταῦτα ἡμεῖς ἐπὶ χεῖρας ἔχοντες τὰ ὑπομνήματα καὶ φεύγοντες τὴν κοινωνίαν τῶν εἰκονομάχων — — — λοιπὸν περιεργόμενοι χώρας καὶ πόλεις μέχρι Βασπόρου πολλῶ πῶθω ἤρευθαμεν περὶ τῶν ἐγγυφίων ἁγίων καὶ εἰ πῶ ἐστι λείψανα.

Этотъ небольшой отрывокъ можетъ служить образчикомъ не одной только неисправности списка, что очевидно, но и какой-то странности самаго первоначальнаго перевода. Непонятная Игоравазгусія, быть можетъ, скрываетъ въ себѣ *Горсиновъ*, стоящихъ въ греческомъ текстѣ, и *Авазювъ* (Абхазовъ), надписанныхъ въ немъ на верху въ видѣ объясненія и слитыхъ переводчикомъ въ одно слово. Сами по себѣ Горсины могутъ быть объясняемы только *Хорсиною* (*Χορσινή*), областью, принадлежавшею, по свидѣтельству Страбона, къ древней Иверіи, то-есть, Грузіи и лежавшей около рѣки Кура. Въ Кефалазѣ, можетъ быть, скрываются *Лазы*. Остальныя искаженія можемъ оставить безъ объясненія. Нѣсколько исправиле та часть перевода, которая для насъ имѣетъ наибольшій интересъ и заключаетъ въ себѣ вставки, о которыхъ мы упомянули выше. Такъ какъ собственно для нихъ мы и приводимъ текстъ, то отмѣчаемъ ихъ квадратными скобками, а въ остальномъ позволяемъ себѣ легкія измѣненія явно невѣрныхъ чтеній.

И по пентикостіи Андреа и Симона Каванить и Матѳеа и Фаддей осташа ту у Авгара (въ рукописн: Лудра, Луара). Друзіи по градомъ ходяще и учаще и чудеса дѣюще, синдоша въ Иверію и къ Фасу и потомъ въ Сисанію. Мужжи же язyka того подѣ женьскою властію бѣаху. Вѣроньма бо женьска вещь, и скоро послушаша. [И придоша въ Химаръ градъ: тужде есть покой многострастнику Максиму]. Остаже Матѳеа въ странахъ тѣхъ съ ученикы, творя чудеса многа. Симонъ же и Андреа идоста въ Аланію и въ Фистъ градъ. И многа чудеса сотворивша, и многы научивша идоста въ Авазю. И влѣзша въ Севастъ градъ и

Καὶ μετὰ πεντηκοστὴν Ἀνδρέας καὶ Σίμων ὁ Κανανίτης καὶ Ματθίας καὶ Φαδδαῖος ἔμειναν ἐκεῖ πρὸς Αὐγαρον αἱ δὲ λοιποὶ διερχόμενοι τὰς πόλεις διδάσκοντες καὶ θαυματοουργοῦντες, κατήλθον εἰς Ἰβηρίαν καὶ εἰς Φάσιν καὶ μετ' ἡμέρας εἰς Σουσανίαν. Οἱ δὲ ἄνδρες τοῦ ἔθνους ἐκείνου ὑπὸ τῶν γυναικῶν ἐκρατοῦντο. Εὐπειθῆς δὲ ἡ γυναικεία φύσις καὶ ταχὺ ὑπεκούσαν. Ἐμείνε ὁ Ματθίας σὺν μαθηταῖς εἰς τὰς χώρας ἐκεῖνας διδάσκων καὶ ποιῶν θαύματα πολλὰ. Οἱ δὲ Σίμων καὶ Ἀνδρέας ἀπῆλθον εἰς Σαλανίαν (sic) καὶ εἰς Φούστον πόλιν. Καὶ πολλὰ θαύματα ἐργασάμενοι καὶ πολλοὺς μαθητεύσαντες ἀπῆλθον εἰς Ἀβασσίαν καὶ εἰσελθόντες εἰς Σεβαστόπολιν τὴν μεγάλην εἰ-

участа слову божию и мнози приаша [Касози]. Андреа же оставивъ Симона съ ученицы, самъ иде въ *Zakkaido*. Жестоци же челоѡвци и люти и до нынѣ невѣрнѣи полма. Хотяху Андреа убити, аще быша не вѣдѣли его не пнуща имѣнѣя и кротость и страсть ему. Тачь оставивъ я, иде въ *Sydyu gornju* (всерду горню). Чѣловѣци же ти смѣрени кротци съ радостію приаша слово. И прииде въ *Osporъ* [Корчевъ *gradъ*]. Обону страну Повта противу Амиса. Тужде и мы доходимъ [Иколы *padia stiska* и *Georgiâ namъstnika*. *Иже отъ прѣобанія повѣдаху намъ многа чудеса Андреова*]. Въ Оспорови же вѣдѣвшѣ чудеса иже творяше Андреа скоро послушаша, яко и ти намъ сповѣдаху, в никогда расколъ о вѣрѣ приаша). Показаша же намъ [иконы Христовы и мнози святыхъ вскоме *liani zlo dnyvi* яко рещи не сотворишися отъ руку челоѡвчю] и намъ (? даръ), написаніе имущѣ Симона Апостола въ основаніи погребена въ церкви святыхъ апостолъ, имущѣ мощи. И даша намъ отъ нихъ. Есть-же другъ гробъ въ Никопѣ Зикхинѣтѣ (рук. *aziainetъ*), написаніе имущѣ Симона Кананичскаго п тѣминыи мощи. Андреа же отъ Влоспора свидѣ в *Therdesio* имуща царя Савромата. Мало же отъ нихъ вѣрваша. И оставивъ ю свидѣ въ *Херсонъ* градъ, яко же ти намъ повѣдаху. А *Therdesia* градъ ни стопа челоѡвча въ ней есть. Худовѣрно же племя Херсоняне до днешняго дъне, и не крѣпко есть на вѣру (въ рук. и не крѣпость на вѣру), джи, всему вѣтру вшалающися. Андреа же сотворивъ дѣни многи обратися въ Воспоръ и обрѣте корабль Херсонескъ прѣиде въ Снопъ. [И *Алавитаръ Андреовъ Херсоняне сътвориша, Симоныи творяше челоѡвчюдыи*].

δαξαν τὸν λόγον τοῦ θεοῦ. Ὅδῃ Ἄνδρεας καταλείψας τὸν Σύμωνα ἐκεῖ, σὺν μαθηταῖς αὐτοῦ ἐξῆλθεν εἰς Ζακχαῖαν. Οἱ δὲ Ζηκῆχοι σκληροὶ ἄνθρωποι καὶ βάρβαροι καὶ ἕως τοῦ νῦν ἄπιστοι ἡμῖσιν. Ἐμελλον — δὲ Ἄνδρέαν φωνεῦσιν, εἰ μὴ ἑώραν τὴν ἀκτιμοσύνην καὶ τὸ πρᾶον καὶ τὴν ἀσκησιν αὐτοῦ. Καὶ λοιπὸν ἄφεις αὐτοὺς κατῆλθεν εἰς Σουγδαίους τοὺς ἄνω· οἱ δὲ ἄνθρωποι εὐπειθεῖς καὶ ἡμεροὶ καὶ μετὰ χαρᾶς ἐδέξαντο τὸν λόγον, καὶ ἦλθεν εἰς Βόσπορον πόλιν πέραν τοῦ Πόντου, εἰς ἣν καὶ ἡμεῖς ἐφθάσαμεν. Κάκεινοι θεωρήσαντες τὰ θαύματα ἃ ἐποίει — — ταχὺ ὑπήκουσαν, ὡς αὐτοὶ ἡμῖν διηγοῦντο· Ἐδεῖξαν δὲ ἡμῖν λίρνακα ἐπιγραφὴν ἔχουσαν Σίμωνος ἀποστόλου εἰς θεμέλια κεχωρισμένην ναῦ τῶν ἁγίων ἀποστόλων πάνυ μεγάλου ἔχουσαν λείψανα. Καὶ ἔδωκαν ἡμῖν ἐξ αὐτῶν. Ἔστιν καὶ ἕτερος τάφος εἰς Νικόψιν τῆς Ζηκχίας ἐπιγραφὴν ἔχων Σίμωνος Χανανίτου, καὶ αὐτὸς ἔχων λείψανα. Ὅδῃ Ἄνδρεας ἀπὸ Βοσπόρου κατῆλθεν εἰς Θευδέσιαν, τὴν πόλιν πολυάνδρον καὶ φιλόσοφον, ἔχουσαν βασιλέα Σαυρομάτην. Ὀλίγοι δὲ ἐξ αὐτῶν ἐπίστευσαν. Καὶ καταλίπων αὐτοὺς ἀπέηλθεν εἰς Χερσόνα ὡς αὐτοὶ ἡμῖν διηγῆσαντο. Ἡ δὲ Θευδέσια σήμερον οὐδὲ ἴχνος ἀνθρώπων ἐν αὐτῇ ἔχει. Εὐπέριστον δὲ εἶδενος οἱ Χέρσακας καὶ ἰσχυροὶ μέχρι τῆς σήμερον πρὸς πίστιν, ψεύσται καὶ παντὶ ἀνέμῳ περιφερόμενοι. Οἱ δὲ Ἄνδρεας ποιήσας παρ' αὐτοῖς ἡμέρας ἰκανάς, ὑπέστρεψεν εἰς Βόσπορον, καὶ εὐρῶν πλοῖον Χερσακινὸν ἐπέρασαν εἰς Σινώπην.

Относительно вставокъ въ рускомъ текстѣ можно ограничиться двумя-тремя замѣчаніями. Изъ житія св. Максима Исповѣдника, постро-

давшего при Константинѣ Погонатѣ, дѣйствительно извѣстно указанное мѣсто его смерти, названное тамъ Схимаріемъ, градомъ Алавіи (Σχιμαρίου, Alaniae castrum Schemarium: см. AA. SS.) а въ письмѣ, спутника Максимова упоминается также и градъ Фуста (in castris Phustas) въ предѣлахъ Апсиліи и Мисиміаны. Далѣе, славянскій текстъ, по видимому, умножаетъ очень скудный списокъ Керченскихъ епископовъ однимъ новымъ именемъ, но едва ли только не испорченнымъ, намѣстникъ же долженъ быть разумѣемъ Византійскій. Впрочемъ, самое важное, именно время, когда оба они жили, должно быть оставлено безъ ближайшаго опредѣленія. Мѣсто объ иконахъ должно было находиться въ греческомъ текстѣ, потому что нѣчто подобное читается въ греческой передѣлкѣ Епифаніева сочиненія Метафрастомъ. Въ замѣткѣ объ алфавитарѣ едва ли заключается какой глубокой смыслъ. Позволяемъ себѣ догадываться, что тутъ разумѣется просто канонъ или какое другое стихотворное церковное произведеніе въ честь апостола Андрея, съ акростихомъ по порядку буквъ алфавита (см. словарь *Дюканжа* sub v. ἀκρόστιχον). Въ такомъ случаѣ, слова эти, пожалуй, не могли принадлежать первоначальному автору, который считалъ Синопіанъ анеропофагами не со словъ другихъ постороннихъ лицъ, а по ихъ собственнымъ преданіямъ.

Переходимъ къ грузинскому житію. Оно, какъ замѣчено, начинается Синопомъ. Въ этомъ городѣ находилось множество Иудеевъ и язычниковъ. Послѣдніе, по свирѣпости и дикости своей, почитались даже отъ многихъ *людотдами*. Не подалеку отъ города лежалъ островокъ, на которомъ пріютились апостолы и поучали всѣхъ проходящихъ. Нынѣ на этомъ мѣстѣ, говоритъ составитель или переводчикъ житія Романъ,—находятся *двѣ церкви*, высѣченныя въ скалахъ, и въ одной изъ нихъ есть образъ апостола Андрея, высѣченный (?) тоже на мраморной доскѣ, и т. д. Разказъ объ освобожденіи Матвѣя Андреемъ помѣщается здѣсь же и не представляетъ никакихъ дополненій или измѣненій противъ того, что уже намъ извѣстно.

Затѣмъ идетъ рѣчь о пребываніи апостоловъ Петра и Павла въ городѣ *Мисоновъ*, близъ береговъ Понта: нужно разумѣть *Амисъ* Епифанія (Ἀμισός); здѣсь сооружена была апостоломъ Андреемъ церковь и *доселѣ весьма извѣстная*. Далѣе апостолъ посѣтилъ *Трапезонтъ*, городъ, лежащій въ землѣ *Мимрельцевъ* (= πόλις τῆς Μιμρελῆς), и послѣ краткаго пребыванія въ немъ, замѣтивъ грубое невѣжество жителей,

отправился въ *Картлицію* ¹⁾ Тамъ находясь долгое время въ городахъ ея: *Ниліѣ*, *Кларджетъ* и *Артапанколось*, онъ просвѣтилъ многихъ вращеніемъ. Отсель Андрей перешелъ въ *Сомхетію* и потомъ удался въ Иерусалимъ на Пасху ²⁾ Послѣ праздника Пасхи, Андрей вмѣстѣ съ Іоанномъ находились въ Ефесѣ. Здѣсь явился блаженному Андрею Христосъ и сказалъ ему: „Спѣши немедленно въ Вивинію, не бойся. Я съ тобою, доколѣ шествуешь; еще же земля *Готѳовъ* (=ἡ Σλοδία) ожидаетъ тебя“. Слѣдуетъ путешествіе въ Лаодикію, въ мисійскій городъ Одиссъ, и пребываніе въ Никее.

Изъ Никей, чрезъ Никомидію и Халкидонъ, апостоль направляется въ Праклію и потомъ въ *Амастриду*, въ которой остается долгое время. Амастрида есть городъ обширный и великолѣпный. Апостоль Андрей поставилъ въ ней епископомъ *Палма*, о которомъ говорятъ жители сего города, что онъ написалъ много божественныхъ поученій, но впослѣдствіи *пожаръ*, *истребившій городъ*, *истребилъ* и домъ, въ которомъ хранились его писанія, и тѣмъ *лишились мы* великой духовной пользы.

Изъ Амастриды апостоль отправился рѣкою, Пароеніемъ называемою, въ городъ *Хариконъ*, который окруженъ двумя рѣками: съ южной стороны, такъ называемая рѣка *Ликъ* или Волкъ, по вредной быстротѣ ея теченія, а съ сѣверной—рѣка *Лусія*. Обѣ сіи рѣки соединяются вмѣстѣ и образуютъ Пароень, рѣку глубокую, широкую и удобную для судоходства. Здѣсь, въ особенности въ лѣтнее время, бывало большое стеченіе народа. Въ городѣ многіе обратились. Апостоль избралъ для вѣрныхъ мѣсто молитвы и воздвигъ знаменіе креста, а впослѣдствіи жители соорудили церковь во имя апостола, съ изображеніемъ на стѣнѣ его образа, совершенно сходнаго съ подлинникомъ, при которомъ совершаются чудеса и понынѣ.

Изъ Харакона, о которомъ ничего не сказано въ греческомъ подлинникѣ, апостоль опять приходитъ въ Синопъ. Здѣсь, а не въ

¹⁾ Въ грузинской хроникѣ Требизондъ также названъ городомъ въ землѣ Мингрельской, что, по объясненію г. Броссе, значитъ только, что этотъ главный городъ Лазикъ былъ населенъ народомъ, имѣющимъ одно происхожденіе съ Мингрельцами: см. Histoire de Géorgie, pag. 56.

²⁾ Въ Грузинской хроникѣ (Histoire de Géorgie, trad. par Brosset, pag. 60). «A Nigal dans le Clardjet, à Artahan, à Cola, où il resta très longtemps... De-là il traversa le Clardjet, les terres de la Parthie, et l'Arménie et alla célébrer la Pâque à Jerusalem». Въмѣсто Кларджета акад. Броссе предлагаетъ читать въ первомъ случаѣ Djawakheth, и указываетъ, что все мѣста находятся въ южной Сомхетіи; въ Нигалѣ онъ находитъ Nialis-Quor.

Амастридѣ, какъ въ греческомъ текстѣ, случилось происшествіе, подавшее поводъ называть Синопіянъ *перстоьдами*.

Отправившись къ берегамъ Понта, апостоль посѣтилъ село, называемое *Замхонъ*, затѣмъ *Амасію*, жители которой приняли его съ радостію и водворили въ томъ же городѣ, въ которомъ онъ жилъ прежде, ибо сей городъ давно уже былъ просвѣщенъ апостоломъ (и такъ, это тотъ же городъ Мисоновъ, то-есть, Амись?).

Слѣдуетъ новое посѣщеніе Трапезунта, а далѣе Неокесаріи и города Самосата, лежащаго на границѣ Нарянъ или Арменіи. Изъ Самосата апостоль отправился въ Іерусалимъ на Пасху.

Третье и послѣднее путешествіе апостола Андрея въ при-Понтійскихъ странахъ изложено по Епифанію, но съ измѣненіями въ названіи странъ и мѣстностей, могущими служить комментариемъ къ вышеприведенному греческому тексту. Съ этою цѣлію мы приводимъ описаніе этого путешествія вполнѣ.

По совершеніи иҗаздника, апостоль (Андрей) вышелъ изъ Іерусалима, въ сопровожденіи Симона Кананита, Матеія, поставленнаго вмѣсто Іуды Искаріотскаго, и Фаддея, въ городъ Едессъ. Тамъ Фаддей остался, у владѣтеля Авгаря, которому посланъ былъ нерукотворенный образъ Христа... Блаженный Андрей съ остальными спутниками посѣщалъ города и села. Они вездѣ поучали народъ и творили чудеса; наконецъ достигли до земли *Карталинской*, прошли часть земли *Тгулетской* до рѣки, называемой *Чорохомъ*, безпрестанно проповѣдуя Спасителя (=въ греч. Іверія и рѣка Фазисъ). Апостолы посѣтили *Сванетію* (=Σωσανίτην), въ княженіе нѣкоей жены, которая приняла проповѣдь ¹⁾. Здѣсь остался Матеій съ прочими учени-

¹⁾ Histoire de Géorgie, pag. 61: «Ils arrivèrent aussi au pays de Géorgie, — traversèrent les contrées voisines de Tao, jusqu'au *Dchorokh*, firent le tour des villages — — et atteignirent en prêchant le *Souaneth*, où alors regnait une femme, qui accueillit la prédication des apôtres. Matatha resta avec les autres disciples dans ces régions; mais le grand S. André et Siméon pénétrèrent dans l'*Oseth*, et atteignirent Postaphor et Bosphore où ils firent de grands miracles. Ayant converti et baptisé beaucoup de monde, ils partirent de-là et entrèrent en *Aphkhaseth*». Arrivés dans la ville de *Sebaste*, aujourd'hui *Tekhoum* (Сухумъ), ils y prêchèrent la parole de Dieu... Le bienheureux André y laissa Simon — le — Cananéen avec les autres disciples et s'éleva vers le *Djiketh*, dont les habitans étaient farouches — — — c'est pourquoi maintenant encore ils persévèrent dans l'infidélité. Le tombeau de Simon-de-Cananéen est à Nicophysia, entre l'*Aphkhaseth* et le *Kadjet*, à la frontière de la Grèce, où il est mort». См. примѣчанія Ак. Броссе къ этому пути; нѣкоторыя изъ нихъ, именно относительно Вософра, должны быть устранены

ками, а великій Андрей съ Симономъ отправился въ землю *Осетинцевъ* (εις Σαλαβίαν, то-есть, Ἀλαβίαν) и достигъ города, *Фостфоромъ* называемаго (=Φοῦστρα), гдѣ они послѣ дивныхъ чудесъ просвѣтили многихъ.

Оставивъ Осетію, они посѣтили Абхазію и остановились въ городѣ *Севистъ*, называемомъ нынѣ *Сухумомъ*, жители котораго приняли слово Божіе. Блаженный Андрей въ семъ городѣ оставилъ Симона Кананита съ прочими учениками, а самъ отправился въ землю *Джигетовъ* (Ζήγυα). Обитатели этой страны, Джиги (Ζήγυοί), были жестоки сердцемъ, погружены въ дѣлахъ нечестія, и потому они не приняли проповѣди апостола, а искали случая умертвить его, по благодать Божія сохранила его. Блаженный, видя ихъ грубость, жестокосердіе и непреклонность, удалился; посему *Джигетцы до сего времени остаются въ неврѣи*. Отсель отправился апостоль Христовъ въ страну, называемую *верхнимъ Суудагомъ* (εις τοὺς Σουδαγόους τοὺς ἄνω¹). *нынѣ необитаемую*; жители ея съ радостію приняли проповѣдь апостола.

Спустя нѣсколько времени, апостоль посѣтилъ приморскій городъ *Босфоръ, лежащій близъ земли Таврогунновъ*²). Здѣсь указываютъ гробъ съ надписью имени Симона Зилота; могила же Симона Кананита находится въ городѣ *Никополь* (?), *лежащемъ* между Абхазіей и Джигетіей (=Никопсисѣ).

Въ Босфорѣ апостоль своею проповѣдью многихъ обратилъ въ христіанство и утвердилъ въ вѣрѣ. Изъ Босфора онъ отправился въ *Феодосію*, городъ обширный и многлюдный, управляемый въ то время правителемъ по имени Савроматомъ. Нынѣ онъ въ развалинахъ

при сличеніи съ первоначальнымъ источникомъ отождествленіе Севастополя съ Сухумомъ (старый Сухумъ—во внутренности страны) признается не совсемъ точнымъ, потому что Севастополь есть древнѣйшая Діоскурія, и следовательно находился тамъ, гдѣ теперь мѣстечко Iskourtsché или Isgaour, близъ рѣки Кодора (Kodor). *Анакофія*, Никопсисъ, Анакопи (=греч. ἀνακοπή) между Бомборами и старымъ Сухумомъ при устьѣ Псирста: на одной картѣ указана здѣсь гробница св. Симона и пр.

¹) Переводчикъ грузинскаго житія замѣчаетъ, что въ 35 верстахъ отъ Владикавказа въ Осетіи существуетъ и нынѣ аулъ Суудагъ.

²) Названіе Таврогунновъ замѣняетъ, вѣроятно, греческое: Тавро-скиевъ, и въ такомъ случаѣ означало бы, какъ всегда у Византійцевъ XI—XII вѣка. Русскихъ. Еслибъ оно стояло въ самомъ житіи Епифанія, то это имѣло бы известную важность. Впрочемъ, земля Тавроскиевовъ, находящаяся подъ властію Готовъ, упоминается въ житіи св. Іоанна Готскаго.

и безлюденъ. Малое число изъ жителей сего города увѣровали въ Спасителя, посему апостоль оставилъ его и удалился въ *городъ Гомоювъ, Херсонесъ*, гдѣ обитали люди грубые и невѣрные. Онъ пробылъ у нихъ долгое время, обращая ихъ къ вѣрѣ.

Оставивъ Херсонесъ, апостоль въ другой разъ посѣтилъ Босфоръ, утверждая жителей въ вѣрѣ, а отсюда Чернымъ моремъ отправился въ городъ Синоць.

По поводу посѣщенія Византіи, замѣчено, что здѣсь апостоль построилъ въ мѣстечкѣ, называемомъ *Акрополисомъ*, церковь во имя Пресвятой Богородицы, которая донынѣ находится вблизи вратъ городскихъ, называемыхъ *Атенополъ*, а самая церковь называется *Армасономъ*.

Другія греческія житія св. апостола Андрея, между прочимъ упоминаемая въ библиотечныхъ каталогахъ похвала Арсенія Керкирскаго, остаются, сколько намъ извѣстно, не изданными, и потому намъ слѣдуетъ отмѣтить только двухъ писателей, имѣющихъ отношеніе къ нашей темѣ, то-есть, Никиту Давида Пафлагонскаго и позднѣйшаго (XIV в.) церковнаго историка, патріарха Никифора Каллиста. Оба они объясняли себѣ пребываніе апостола въ землѣ анеропофаговъ нѣсколько иначе, чѣмъ Елифаній.

Никита Давидъ Пафлагонскій, извѣстный своею біографіей патріарха Игнатія и враждою къ памяти Фотія, жилъ въ концѣ IX и началѣ X столѣтія и оставилъ намъ, между прочимъ, цѣлый рядъ *похвальныхъ рѣчей* въ честь двѣнадцати апостоловъ и нѣкоторыхъ изъ семидесяти. Этотъ родъ сочиненій относился болѣе къ области церковнаго краснорѣчія, чѣмъ историческаго повѣствованія, и по понятіямъ того времени, особенно же самого Никиты, требовалъ прежде всего возвышенной, то-есть, искусственной фразеологіи, пышныхъ восклицаній и звонкихъ періодовъ, а относительно фактовъ—позволялъ ограничиваться одними общими указаніями и намеками. Тѣмъ не менѣе, по этимъ намекамъ и указаніямъ видно, что фактическая основа, которая облекается словесною пышною одеждою, заимствована въ рѣчахъ Никиты изъ той же самой, намъ извѣстной апокрифической литературы, хотя въ иныхъ случаяхъ, нужно думать, уже не прямо.

Въ похвалѣ апостолу Андрею для насъ важны слѣдующія два мѣста. Сказавъ, что послѣ сошествія Св. Духа, апостолы разсѣялись по разнымъ странамъ, ораторъ обращается къ Андрею:

„А ты, наиболѣе для меня достойный почитанія, Андрей: ты, достой-

побожественная вещь, истиннаго мужества образецъ, твердости адамантъ, терпѣнія статуя (ἀνδριάς) послѣ камня камень (μετὰ τὴν πέτραν πέτρα), тотчасъ послѣ Христа несокрушимое церкви основаніе! *Получивъ въ удѣлъ сѣверъ*, ты обходилъ *Иверовъ* (Грузію) и *Сарматовъ, Тавровъ и Скивовъ*, всякую страну и городъ, которыя лежатъ на сѣверѣ Евксинскаго Понта и которыя расположены на его югѣ ¹⁾).

„Какъ прежде противу Христа поднялась іудейская рука, такъ противъ Андрея воздвиглась рука *скивская*: стремительная ярость царей, человѣкоубійственное устремленіе князей и *звѣрское совозстаніе народовъ*; и отсюда—темницы и бичи, *волоченія* (по землѣ) и *разрываніе членовъ* (ἐλκυστοὶ τε καὶ μέλων σπαραγμοί); и сверхъ того, деревья и камни и сѣкиры и все попавшее въ кровожадныя руки (ταῖς μακρόναις χερσίν)—всякое оружіе направлялось противъ честной его главы.

„Итакъ, обнявъ благовѣстіемъ *всю страну сѣвера и всю прибрежную область Понта* въ силѣ слова, мудрости и разума, въ силѣ чудесъ и знаменій, вездѣ поставивъ для вѣрующихъ жертвенники, священниковъ и іерарховъ, онъ приблизился къ оной славной Византіи“.

У того же автора въ Похвалѣ апостолу Матѳію, отличаемому, конечно, отъ Матѳѣя, мы читаемъ о немъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Слѣдуетъ удивляться всѣмъ *хожденіямъ* (τὰς περιόδους) блаженнѣйшаго апостола и подвигамъ, которые онъ совершилъ во всѣхъ народахъ во время своего обхожденія, какъ дѣламъ знаменитѣйшимъ и достойнобожественнѣйшимъ; но преимущественно (слѣдуетъ удивляться) тому мужеству, которое онъ явилъ *посреди живущихъ въ Первой Эіюніи, среди этихъ людей, черныхъ тьломъ*, по еще болѣе черныхъ смысломъ и душою, ни въ чемъ не отличающихся отъ сыродныхъ *звѣрей*“, и т. д.

Что касается Эіюнии, въ которой проповѣдывалъ Андрей, то Никита Пафлагонянинъ не даетъ никакихъ ближайшихъ опредѣленій объ ея мѣстонахожденіи. Очень вѣроятно, что онъ разумѣлъ здѣсь ту же самую Эіюнію восточную, о которой говорится у него въ Похвалѣ апостолу Вареоломею, или которая ознаменована была проповѣдію Θомы, и слѣдовательно, какъ указано въ надлежащемъ мѣстѣ

¹⁾ Τὸν βορρᾶν κληρωθεὶς, Ἰβήρας καὶ Σαρματάς, Ταύρους καὶ Σκύθας, καὶ πάσαν χώραν καὶ πόλιν, ὅσαι τε πρὸς ἄρκτον Ἑβζεῖνου τοῦ πόντου καὶ ὅσαι πρὸς νότον διακρίνεται περιών.

другой Похвалы, сосѣдила съ Индіей или даже въ ней находилась. *Скиѣская же рука*, поднимавшаяся противъ Андрея, безъ сомнѣнія— не есть рука жителей Синопа, такъ какъ выше упомянуты Скиѣи и Тавры. Пельзя съ увѣренностію утверждать, что Никита Пафлагонянинецъ, сопоставляя эти два слова, думалъ ужь объ извѣстномъ ему „*Скиѣскомъ народѣ Русь*“, какъ это было бы несомнѣнно относительно какого-либо позднѣйшаго византійскаго писателя¹⁾; но во всякомъ случаѣ его Скиѣи будутъ находиться на сѣверной сторонѣ Понта и, слѣдовательно, находиться въ теперешнихъ русскихъ предѣлахъ.

Никифоръ Каллистъ, въ своей церковной исторіи, излагая отдѣлъ объ апостольской проповѣди, допуская въ самыхъ широкихъ размѣрахъ пользованіе апокрифическими ходеніями. Пребываніе апостола Матѣя въ *Мирминѣ* (Μυρμίνη), *городъ анеропофаговъ*, рассказано прямо по извѣстному намъ отреченному источнику, изъ котораго мы привели выше начальныя строки (о деревѣ, выросшемъ изъ жезла). Но и отличаемый отъ Матѣя апостоль Матѣй, прибывъ въ *Первую Зоіонію*, очень много пострадалъ отъ *звѣрства* и *ненависти* тамошнихъ неразумныхъ народовъ (разумѣются тѣ же анеропофаги), и т. д.²⁾ Наконецъ, прямо упомянута и область анеропофаговъ, доставшаяся въ удѣлъ апостолу Андрею и помѣщаемая на сѣверѣ Чернаго моря: „Апостолу Андрею по жребію досталось идти къ язычникамъ, именно въ Каппадокію, Галатію и Вионію; обошедши оныя, онъ посѣтилъ также страну, *которая называется странною Анеропофаговъ*, и пустыни Скиѣскія по обоимъ берегамъ Евксинскаго Понта— сѣверному и южному.

IV.

Тѣ изъ греческихъ писателей, которые, подобно Никитѣ Пафлагонскому и Никифору Каллисту, помѣщали анеропофаговъ, посѣщенныхъ апостолами Андреемъ и Матѣемъ (=Матѣемъ), въ сѣверной

¹⁾ У Анны Комнины и у Киннама Ταῦροι καὶ Σχόδαι просто означаютъ Русскихъ: это своего рода ἐν δια ὁμοίᾳ. Равнымъ образомъ и другая описательная форма: οἱ περὶ τὸν Ταῦρον Σχόδαι—едва ли заключаетъ въ себѣ какое-либо опредѣленное указаніе на гору Тавръ, а скорѣе должна быть отнесена на счетъ византійской привычки выражаться кудрявыми оборотами, почитаемыми за болѣе классическіе.

²⁾ Μαχθίας δὲ τῆ πρώτῃ Αἰθιοπία προσβαλὼν καὶ τῆ ἠγριωδία καὶ ἀπερῆτα τῶν ἀλογίστων ἐκείνων ἐθνῶν πλείστα παπονγκῶς.

Скиѣи, разумѣли, конечно, ту Скиѣю, которая была наиболѣе известна въ ихъ времена, и еслибы мы могли потребовать отъ нихъ прямого объясненія, то, вѣроятно, они назвали бы Россію. Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что другое названіе для земли анеропофаговъ, тоже очень древнее. было известно Византіяцамъ X и XI вѣковъ и прилагалось прямо къ землѣ Русской, хотя сначала служило для обозначенія Болгаръ за то время, когда они обитали на востокѣ Азовскаго моря. Это любопытное названіе есть Мирмидоняне и Мирмидонія. Уже много разъ были приводимы слова болгарскаго переводчика Малалы: „сіи Ахиллеусъ имый воя своя, иже нарицахуся тогда *Мурмидонесъ, нынѣ Болгаре*“, но только князь П. П. Вяземскій (Замѣчанія на слово о Пльку Игоревѣ, стр. 121) замѣтилъ, что отождествленіе Мирмидонянъ и Болгаръ находится уже въ греческомъ текстѣ Малалы, слѣдовательно, древнѣе поселенія Болгаръ во Фракіи, гдѣ все-таки никогда и никѣмъ не предполагалось существованія Мирмидонянъ греческихъ: настоящая родина послѣднихъ — островъ Эгина и Оессалія¹⁾.

Болгары названы Мирмидонянами не потому, что они поселились на мѣстахъ жительства греческихъ Мирмидонянъ, воевавшихъ подъ Троей съ Ахиллесомъ; напротивъ того, имя Мирмидонянъ перенесено на старинную родину Болгаръ: обстоятельство, находящееся въ связи съ древнимъ распространеніемъ культа Ахиллеса на сѣверѣ Чернаго моря и около Мэотійскаго озера, съ существованіемъ нѣсколькихъ мѣстъ, посвященныхъ этому культу, каковы *Ахиллеонъ* Страбона (XI, 494) около Керченскаго пролива, безлюдное мѣстечко Левки въ Тавридѣ (*Amnian Marcell.*, XXII, 8, 6) и знаменитый *Ахиллесовъ промъ* или бѣгъ около Днѣпровскаго устья, откуда, полагають, пошло названіе Руси Дромитами. Городъ *Мирмикіонъ* (*Μορμικήιον*), находившійся въ сосѣдствѣ съ Ахиллеопомъ на Мэотійскомъ озерѣ и упоминаемый Страбономъ и Арріаномъ, рѣка *Мермодасъ* (*Μερμόδας*), впадавшая въ то же Мэотійское болото и раздѣлявшая земли Сираховъ и Амазопокъ, о которой упоминаетъ въ нѣсколько сомнительномъ мѣстѣ одинъ Страбонъ (XI, 5, 505),—для Грековъ, производившихъ своихъ Мирмидонянъ отъ муравьевъ (*μόρμηξ ἦχος*), одинаково могли служить поводомъ къ дальнѣйшему развитію темы о предно-

¹⁾ У Малалы въ изложеніи Троянскаго похода, читается (*Chronogr.*, pag. 97 по Бониск. изд.): ὁ Ἀχιλλεύς, ἔχων ἴδιον στρατὸν τῶν λεγομένων Μορμιδόνων τότε, νυνὶ δὲ λεγομένων Βουλγάρων.

лагаемомъ пребываніи Ахиллеса въ тѣхъ отдаленныхъ странахъ и о личномъ установленіи имъ бѣга на Тендерской косѣ ¹⁾. Образовалось мнѣніе, что не только Мирмидоняне жили или поселились въ странахъ при-Мэотійскихъ, но что и самъ Ахиллесъ происходилъ оттуда. Левъ Діаконъ, византійскій писатель X вѣка, утверждаетъ, дѣлая не совсѣмъ для насъ понятную, и конечно, неточную ссылку на Арріана ²⁾, что Ахиллесъ былъ собственно—Скиѣ, родомъ изъ Мирмиклона, и даже по всѣмъ признакамъ—Тавроэкиѣ, то-есть, Русскій: свѣтлые волосы, голубые глаза, пѣшій бой, и нѣкоторыя другія черты служили тому доказательствомъ. На оборотъ, погребальныя обычаи Руси, показавшіеся Льву Діакону сходными съ языческими еллинскими, вели свое начало, по его мнѣнію, отъ спутниковъ Ахиллеса: то-есть, отъ Мирмидонянъ. Не смотря на нѣкоторую запутанность и неотчетливость представленій, замѣчаемую въ этихъ объясненіяхъ, нужно все-таки полагать, что въ глазахъ Льва Діакона Мирмидонія находилась въ тѣхъ же областяхъ, какъ и у Малала, и что теперь древніе Мирмидоняне уже считались предками Русскихъ, а владѣніи Русскихъ около Азовскаго моря—Мирмидоніей ³⁾. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что въ XI вѣкѣ имя Мирмидонянъ, на ряду съ другими унаслѣдованными отъ классической древности названіями, служило для обозначенія Русскихъ. Такъ, Аттالیота, одинъ изъ наиболѣе свѣдущихъ и разумныхъ византійскихъ писателей, жившій въ концѣ означеннаго столѣтія, разказываетъ, что часть Узовъ (=Торковъ, Половцевъ), вторгнувшись въ предѣлы имперіи и разбитыхъ на-голову Греками, перешла обратно на сѣверную сторону Дуная и потомъ покорилась князю *Мирмидонянъ*, который и поселилъ ихъ въ своихъ городахъ ⁴⁾. Идетъ ли здѣсь рѣчь о томъ поселеніи Узовъ или Гузовъ, которому обязаны своимъ происхожденіемъ Гуцулы Галиційскіе, или о другомъ какомъ изъ торкскихъ поселеній въ Кіевской Руси,—этого мы положительно не знаемъ,

¹⁾ Ammian Marcellin., XXII, 8, 41: Gracile litus Achilleos vocant indigenae dromon, exercitiis ducis quondam Thessali memorabilem.

²⁾ У Арріана нѣтъ тѣхъ словъ объ Ахиллесѣ, на которыя ссылается Левъ Діаконъ, но въ другихъ периплахъ читаются слова: Στόμιον τῆς Μακρόδος, ἤτοι Αχίλλειος κόρη (Ponti Euxini Periplus Anonymi), что быть можетъ было бы достаточно для Льва Діакона.

³⁾ Можетъ быть, тутъ слѣдуетъ припомнить и Черную Болгарію, на которую только недавно обратили вниманіе наши изслѣдователи.

⁴⁾ Attaliota, pag. 87: Καὶ τοῦτους παρὰ τῷ Μυρμιδόνων ἄρχοντι προσορῆσαι καὶ παρ' αὐτοῦ διασπαρῆσαι τὰς ἀμφ' αὐτοῦ πόλεις.

но что никакой другой князь, кромѣ Русскаго не можетъ быть здѣсь разумѣемъ, это вполнѣ очевидно ужь изъ указанія на сѣверъ Дуная.

Если имя Мирмидонянъ встрѣчается и въ другомъ мѣстѣ, уже на самомъ югѣ Балванскаго полуострова, то оно опять-таки у Византійцевъ прилагается къ Славянскому племени, и нужно думать, перешло сюда вмѣстѣ съ нимъ съ далекаго сѣвера. Въ одномъ греческомъ житіи, редакція котораго относится къ половинѣ XII вѣка, а первоначальное написаніе къ первой половинѣ XI вѣка, славянскіе *Милинии*, поселившіеся съ давняго времени въ Лаконіи, слѣдовательно, сосѣди Мессинскихъ Кривичей, названы *Мисмидонянами*, то-есть, безъ сомнѣнія—Мирмидонянами ¹⁾. Можетъ быть, они же первоначально осмѣивались а въ одной шутиливой и забавной критской пѣснѣ, недавно напечатанной, 'Ο μέρμηγας, заглавіе пѣсни, значить муравей и напоминаетъ Мирмидонянь, и въ другой своей формѣ—μελυχοῦμι—названіе муравья, было бы еще ближе къ Милингамъ или Мелингамъ. На всякій случай мы приводимъ самую пѣсню ²⁾:

'Ο Μέρμηγας.

'Απάντηξ μ' ὁ μέρμηγας
Σέρβου ἴγιέ, Σέρβης ὄγιέ,
'Σέ σελάνι μου, καλέ,
Κ' εἶχε τ' ἀτζὶ στριμμένο,
Τὸ μπράτσο σχωμένο,
'Οβραϊκά ντομένο
Τουρκικ' ἀρματωμένο,
Κ' ἦτον καὶ μέρμηγας.
Κ' εἰς τὴν Σορίαν ἐπήγγινε
Σέρβου ἴγιέ, Σέρβης ὄγιέ,
'Ογιὰ νὰ πολεμήσῃ,
Γιὰ ἰδέε τὸ μέρμηγα.
'Σ τὴ στρατά τοῦ συναπαντοῦν
Σαρακηνοὶ καὶ Μῶροι,
Σέρβου γιέ, Σέρβης ὄγιέ,
Σάραντα Γιανιστάροι.

¹⁾ Въ житіи св. Никона Метакоште (Покайтеся): онъ жилъ въ концѣ X столѣтія и въ началѣ XI, а его любопытное и подробное жизнеописаніе, изданное только въ латинскомъ переводѣ, по всѣмъ признакамъ, первоначально составлено было современникомъ. Въ немъ читается: *Maligni quidam spiritus ex ethnicorum gente, quos indigenae Milingos pro Mysmidonibus vocant, homines cruentes et latrociniis innutritos incitarunt, ut monasterii pecora — — praedarentur.* См. *Martène et Durand, Veter. Scriptor. Ampliss. Collect., VI, 879.*

²⁾ *Jeannarakis, "Ασματα κρητικά, pag. 104.*

То-есть:

Встрѣтился со мною муравей (Мерминка),
 Сербина сынъ, Сербянки сынъ ¹⁾,
 На полѣ моемъ, прекрасный!
 И онъ имѣлъ бедро выпянутое,
 И руку подвнятую,
 По турецки одѣтый,
 По турецки вооруженный,
 А былъ притомъ и муравей (Мерминка).
 И отправился онъ въ Сирію,
 Сербина сынъ, Сербянки сынъ!
 Для того чтобы тамъ воевать:
 Посмотри-ка на муравья!
 На улицѣ съ нимъ встрѣтились
 Сарацины и Мавры,
 Сербина сынъ, Сербянки сынъ!
 П сорокъ Янычаровъ.

Предоставляя знатокамъ объясненіе этой странной пѣсни о воинственномъ муравѣѣ, мы замѣтимъ только, что примѣсь одного сравнительно новаго имени Янычаровъ къ другимъ болѣе стариннымъ (Сарацинамъ и Маврамъ) еще не даетъ основанія считать ее слишкомъ молодою и не помѣшаетъ думать, что ее расцѣвали на Критѣ въ тотъ еще періодъ, когда византійскія войска ходили на борьбу съ невѣрными въ Сирію, а славянскіе обитатели южнаго Пеллопонниса составляли привилегированное населеніе, обязанное одною военною службой императору, какъ это было до покоренія Франками „дрома Мелинговъ“ (τῶν Μελιγγῶν ὁ δρόμος=ὁ Μελιγγῶν ὁ δρόμος; см. Морейскую хронику)...

Какъ бы то ни было, Мирмидоняне-Болгары Иоанна Малалы, замѣчанія Льва Діакона о родствѣ Руси съ Ахиллесомъ или его дружиной и выраженіе, употребленное Атталиотомъ для обозначенія Русскаго князя, объясняютъ себя взаимно и объясняютъ для насъ значеніе Мирмидоніи, и слѣдовательно, Мирмины (или Мурмены), замѣняющей въ разныхъ изложеніяхъ извѣстнаго намъ апокрифа, а отчасти и въ самомъ апокрифѣ, страпу анеропофаговъ. Самое знакомство Атталиоты съ книжнымъ, мертвымъ и все-таки необычнымъ у историческихъ писателей терминомъ есть, вѣроятно, плодъ начитанности въ церковной литературѣ апостольскихъ хожденій, очищенныхъ отъ еретической первоначальной закваски. Въ такомъ случаѣ прихо-

¹⁾ Слова эти имѣютъ видъ призыва (refrain) и стоятъ въ звательномъ падежѣ.

дилось бы допустить, что не одинъ только Аттالیота, но и другіе его современники безъ всякихъ дальнихъ разсужденій предполагали, что въ числѣ странъ, посѣщенныхъ апостоломъ Андреемъ, находилась и Россія, и что именно эта страна разумѣлась подъ известными названіями въ церковной литературѣ.

Въ письмѣ Византійскаго императора Михаила VII Дуки, которое какъ мы доказали въ одной изъ своихъ предыдущихъ статей, было предназначаемо для Русскаго князя Всеволода Ярославича, секретарь императора, современникъ Аттالیоты, Михайлъ Песелъ, говоритъ между прочимъ слѣдующее: „Духовныя книги достовѣрныя и исторіи научаютъ меня, что наши государства оба имѣютъ одинъ нѣбкій источникъ и корень, и что одно и то же спасительное слово было распространено въ обоихъ, что *одни и тѣ же самовидцы божественнаго таинства* и его вѣстники *провозгласили* въ нихъ слово Евангелія“.

Объясняя послѣднія слова, мы замѣтили, что въ нихъ заключается указаніе на какое-то церковное преданіе, которое, съ одной стороны, не было общераспространеннымъ свидѣніемъ или убѣжденіемъ, такъ что при указаніи на него требовалось сослаться на достовѣрныя исторіи, а съ другой—не было основано на прямомъ свидѣтельствѣ Священнаго Писанія, такъ что въ подтвержденіе его нельзя было указать просто на священныя книги, а только на духовныя. Мы приняли, что въ грамотѣ содержится прямая ссылка на преданіе объ апостолѣ Андрѣѣ, который здѣсь представляется не только основателемъ Константинопольской церкви, но и первымъ провозвѣстникомъ Евангелія въ Русской землѣ. Теперь мы можемъ прибавить только то замѣчаніе, что, быть можетъ, выраженіе „*ἱερατικαὶ βιβλοὶ*“ всего скорѣе шло къ такого рода литературѣ, какую представляли обращавшіяся въ православной церкви исправленныя „хожденія“ апостоловъ.

Что касается русскаго сказанія, внесеннаго въ нашу первоначальную лѣтопись, то оно находится, конечно, въ связи съ указанными сейчасъ учеными мнѣніями Византійцевъ XI вѣка и ведетъ свою родословную отъ тѣхъ же гностическихъ хожденій, которыя нами выше были изложены ¹⁾. Странными представляются не основ-

¹⁾ Что сказаніе не принадлежитъ самому составителю первоначальной лѣтописи, а существовало до него, это видно изъ другихъ мѣстъ въ той же лѣтописи, гдѣ говорится, что тѣломъ апостолы не были въ Русской землѣ, и которыя, слѣдовательно, представляютъ прямое противорѣчіе сказанію.

ная тема сказанія и не ея мотивы, а только ея развитіе и подробности, едва-ли объяснимыя изъ дошедшихъ до насъ апокрифическихъ источниковъ. Какъ скоро признано было несомнѣннымъ путешествіе апостола Андрея по Русской землѣ, то уже было вполне естественно привести его на то мѣсто, гдѣ потомъ явился Кіевъ, мать городовъ Русскихъ, еслибы даже и не было для этого какого-либо особеннаго повода или въ древнемъ храмѣ въ честь Первозваннаго, или же въ древнемъ обычаѣ ставить кресты на горахъ и возвышенностяхъ. Въ Византіи, мы знаемъ, былъ древній крестъ, сдѣланный, по преданію, руками апостола и имъ самимъ поставленный на извѣстномъ мѣстѣ (Codin., De aedificiis, p. 119); очень возможно, что въ XI—XII вѣкахъ подобное же преданіе существовало въ Русскомъ народѣ, среди Кіевскаго населенія. Наивный эпизодъ о новгородскихъ баняхъ и о жестокомъ обычаѣ париться молодыми прутьями, будто бы поразившемъ апостола, было бы возможно объяснить или своего рода простодушнымъ рационализмомъ, сдѣлавшимъ баню изъ того источника, который вытекъ изъ-подъ жезла, посаженнаго апостоломъ Матеемъ въ землѣ Мирмидонянъ, и который послужилъ цѣлебною банею для антропофаговъ, или же признать здѣсь совершенное искаженіе и только глухой отголосокъ этой частной черты въ апокрифѣ, повѣствующемъ о спутникѣ св. Андрея. Путешествіе апостола въ землю Варяговъ, представляемую на пути изъ Новгорода въ Римъ, могло бы быть считаемо за домысль русскаго книжника, вызванный неудачнымъ толкованіемъ слова Мирмина (=Мирмидоніи), то-есть, отождествленіемъ Мирминской, или по другому произношенію, Мурманской страны съ Урманами или Мурманами, упомянутыми въ лѣтописи въ числѣ Варяжскихъ народовъ и соответствующими Норвежцамъ. Всѣ такія догадки были бы, однако, болѣе или менѣе излишни въ виду того важнаго соображенія, что до насъ дошли или не всѣ „хожденія“ апостола Андрея, или далеко не въ полномъ видѣ, и что нѣкоторыя изъ утраченныхъ редакцій или же частей ихъ могли быть извѣстны на Руси XI—XII вѣковъ. Статья „О началѣ Русскія земли и созданіи Новаграда“, читаемая въ русскомъ хронографѣ позднѣйшей редакціи¹⁾, служитъ нѣкоторымъ подтвержденіемъ такому соображенію. Здѣсь мы находимъ разказъ о князьяхъ Русскихъ *Халохъ* и *Лакер-*

¹⁾ См. А. Н. Попова, Изборникъ славянскихъ и русскихъ статей, внесенныхъ въ хронографы русской редакціи, стр. 442 и сл.; Ср. Обзоръ хронографовъ, II, 204.

ны, о томъ, какъ они, съ безчисленнымъ количествомъ „русскихъ вой“, ходили подъ стѣны Константинополя, при чемъ храбрый Лахернъ былъ убитъ на томъ мѣстѣ, гдѣ послѣ была выстроена Лахернская (=Влахернская) церковь Богородицы, а Халохъ раненый возвратился во свояси съ оставшимися въ живыхъ русскими воинами. Затѣмъ авторъ статьи переходитъ къ характеристикѣ русскаго быта, современнаго этимъ князьямъ, жившимъ много лѣтъ послѣ Александра Македонскаго, но ранѣ построенія Влахернскаго храма императоромъ Маркіаномъ и его супругою Пульхеріей: „Живуще тогда отнюдь погани яко скотъ, не имуща закона. О нихъ же свидѣтельствуеть въ *хождєнии своемъ блаженный Андрей Первозванный*, яко отнудъ невѣгласи тогда и погани быша. Въ сихъ же, рече, тогда княжиша два брата, единому имя Діюлєсъ, а другому Дидалакхъ, невѣгласи же боги ихъ нарицаху тогда за то, иже пчелы имъ нелѣзше и борти верхъ древіа устроиша“ (Изборникъ, стр. 446). Ученый авторъ сочиненія о хронографахъ, соглашаясь въ этомъ съ другими изслѣдователями, признаеть, что помимо произвольныхъ вымысловъ, основанныхъ на весьма незамысловатыхъ генеалогическихъ олицетвореніяхъ, въ „Повѣсти“ сохранился и слабый отголосокъ русскихъ народныхъ преданій (Обзоръ хронографовъ, II, 205). Слѣдуетъ признать также, что сочинитель „Повѣсти“ тѣмъ или другимъ путемъ былъ знакомъ съ нѣкоторыми византійскими источниками, не всѣмъ доступными. Онъ прямо ссылается на греческую исторію говоря, *о каинѣ сыроядѣ*, въ которомъ слѣдуетъ признать предводителя Печенѣжской орды, перешедшей изъ-за Дуная (Истеръ) въ предѣлы Восточной имперіи, по имени Кегева, хотя онъ и былъ современникомъ императора Константина Мономаха. Этимологія, объясняющая названіе знаменитаго Влахернскаго храма въ Константинополь, равнымъ образомъ принадлежитъ первоначально греческимъ источникамъ. Замѣтка о Скиескомъ князѣ Влахернѣ, убитомъ на мѣстѣ построенной послѣ Влахернской церкви, читается въ греческомъ Ватиканскомъ спискѣ хроникки Амартола, при разказѣ о нашествіи Руси на Царградъ въ 865 году, и отсюда перешла въ славянскіе и русскіе хронографы (Изборникъ, стр. 4, 136; ср. 1, 168)¹⁾. Но нашъ авторъ

¹⁾ Hamartol, ed. *Muralt*, pag. 137: Εἰς τὸν ἐν Βλαχέρναις τῆς Θεοδοῦκος καταλαβόντες ναὸν... τὴν δὲ προσωνυμίαν ταύτην προσέβηθεν ἀπὸ τινος ἀρχαίου Σχόδου Βλαχέρναι καλομένου ἀνατρεθέντος ἔχεισε. Кудинъ (De aedific., pag. 96) въ числѣ другихъ этимологій приводитъ и ту, по которой названіе происходило отъ гробницы нѣкоего Влага (Βλάχου τινος), находившейся на мѣстѣ позднѣйшаго храма.

знаеть не одного Лахерна, а также и Халоха, который тоже долженъ принадлежать Византійскому источнику и отчасти напоминаетъ Хамуха, „древняго мужа“, сообщившаго свое имя одной мѣстности въ Зикхив (Χαρούβι): послѣдній извѣстенъ только изъ одной замѣтки, находящейся въ концѣ сочиненія Константина Багрянороднаго объ управленіи имперіей. И такъ, нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ предположеніи, что авторъ „Повѣсти о началѣ Русскія земли“ въ самомъ дѣлѣ имѣлъ въ рукахъ тотъ источникъ, на который онъ ссылается, то-есть, какое-то хожденіе апостола Андрея въ такой редакціи, гдѣ рѣчь ведена была отъ имени апостола, или другими словами — въ наиболѣе древней, до насъ уже не дошедшей формѣ апокрифическихъ сказаній такого рода. Это не было хожденіе въ страну анеропофаговъ или Мирмидонянъ, потому что имена князей—Діулесь и Дидалакхъ, не соотвѣтствуютъ Мирменскимъ Фулванамъ (Φουλβανός), упомянутымъ въ дѣяніяхъ Матѣя (=Матѣя). Слѣдуетъ ли думать о хожденіи „въ страну варварскую“, одинъ отрывокъ котораго, сохранившійся только въ русскомъ переводѣ, уже приведенъ былъ нами во второй главѣ,—мы тоже не въ состояніи утверждать положительно.

Достоверно, а также и важно для насъ только то, что въ русской старинной литературѣ есть слѣды такихъ сказаній объ апостолѣ Андреѣ, какія намъ теперь уже недоступны, и что эти сказанія, подобно хожденію въ землю анеропофаговъ, могли быть относимы къ Скиѣи, и потому, съ нѣкоторымъ правомъ, приурочивались позднѣе къ Русской землѣ. Еслибы такихъ памятниковъ дошло до насъ большее количество, то безъ сомнѣнія, разъяснилось бы наиболѣе простымъ и удовлетворительнымъ образомъ многое, что теперь затрудняетъ и сводитъ съ прямой дороги любознательнаго историка и пытливаго изслѣдователя старини ¹⁾. Въ частности мы можемъ думать, что не только русское сказаніе о путешествіи апостола Андрея по Русской землѣ, внесенное въ нашу лѣтопись, основано прямо на какомъ-либо недошедшемъ до насъ изводѣ „хожденія“, но что и въ византійской литературѣ нѣкоторыя понятія о Русской землѣ и нѣкоторые термины для ея обозначенія поддерживались знакомствомъ съ апо-

¹⁾ Между прочимъ, нужно пожалѣть, что сколько намъ извѣстно, остается не изданною исландская сага объ апостолѣ Андреѣ; если она и не представляетъ ничего особеннаго по своему содержанію, то во всякомъ случаѣ было бы любопытно познакомиться съ ея географическими терминами.

крифами, и что не только Мирмидонія, но и самый Самватасъ (название Кіева у Константина Багрянороднаго), надъ которымъ мы столько ломаемъ головы, имѣютъ или имѣли бы свое настоящее объясненіе въ географической номенклатурѣ отреченныхъ книгъ ¹⁾.

В. Васильевскій.

¹⁾ Находятся ли въ какой связи съ сказаніями о хожденіяхъ апостола Андрея преданіе о мученикахъ Иннѣ, Римѣ и Линнѣ, рѣшить невозможно. Это преданіе дошло до насъ только въ краткомъ изложеніи греческихъ Минея, и притомъ въ двойной редакціи. Въ одной, болѣе краткой (см. венеціанское изданіе Минея), говорится весьма неопредѣленно, что эти святые «были изъ одной сѣверной страны (Ὁμοῖοι ὑφ' ἑαυτῶν τῆς κατ' ἄρκτον ἐπαρχούσης), и схваченные идолопоклонствующими варварами, были представлены князю страны, который осудилъ ихъ за исповѣданіе Христа на смерть отъ льда». Затѣмъ описывается самый родъ казни: они привязаны были къ деревьямъ, вбитымъ посреди проруби въ замерзшей рѣкѣ, и такъ какъ это было во время особенно лютой зимы, то они скоро замерзли. Въ другой, болѣе пространной редакціи, которая уже находится въ мѣсяцесловѣ Василія, мѣсто и время событія обозначено точно: «Эти святые были изъ Скивіи, изъ страны сѣверной, ученики св. апостола Андрея. Уча объ имени Христа, они обратили многихъ варваровъ къ истинной вѣрѣ и крестили ихъ. За это были схвачены княземъ варваровъ» и т. д. Самыя имена святыхъ (Ἰννᾶς, Ριμᾶς, Λιννᾶς) не даютъ ключа къ рѣшенію возникающихъ вопросовъ, хотя Болландистамъ они напоминали ниже-нѣмецкое (голландское?) нарѣчіе. Надписи при-Дунайскихъ областей (Mommesen, Corpus inscriptionum, t. III) даютъ намъ слѣдующія подобозвучныя названія: *Enna*, *Oppalonis filia*, и *Enna*, *Rui filia* (№№ 3793, 3821 и 3802), а также *Enno*, *Secconis filius* (№ 3861); все это въ верхней Панноніи около Савы (вблизи Любляны); *Remmii filia*, только однажды въ Далмаціи (№ 3125), *Pinnius* (№ 571) въ Греціи и (№ 6243²) на керчевской амфорѣ и *Pinnia* (2308) въ Далмаціи, наконецъ *Enena* (въ Мезіи на Сербской Моравѣ № 6316): послѣдняя форма соответствуетъ болѣе чтенію славянскихъ переводовъ статьи минологіи (Ененъ, Ниринъ и Пиннѣ). На сколько это подтверждаетъ предположеніе, что подъ сѣвornoю страной или Скивіей нужно разумѣть при-Дунайскую Малую Скивію, — предоставляется судить читателямъ (Ср. арх. *Серія*, Полный мѣсяцесловъ Восточной церкви, прил. къ 20-му январю и приведенную тамъ ссылку изъ сочиненія Филарета Черниговскаго). Нѣкоторое отношеніе къ нашему предмету, можетъ быть, имѣть и краткое сказаніе о мученикѣ *Дасіѣ*, поимѣваемое въ Минеяхъ подъ 20-мъ ноября, и тоже въ двухъ редакціяхъ, хотя событіе относится ко времени (Диоклетіана и) Максимиана. Здѣсь разказывается, что въ городѣ при-Дунайскомъ Дорестолѣ былъ обычай ежегодно во время одного праздника приносить въ жертву Хроносѣ юнаго и красиваго воина; тотъ, на кого падалъ жребій, въ продолженіе 30 дней пользовался самымъ роскошнымъ содержаніемъ и уже затѣмъ былъ заколаемъ. Имя Дасія (*Δάσιος*) часто встрѣчается въ при-Дунайскихъ надписяхъ (*Dasius* и *Dassius*).

ОПЫТЫ ПО ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ХРИСТИАНСКОЙ ЛЕГЕНДЫ.

II.

Берта, Анастасія и Пятница ¹⁾).

V Недѣля-Анастасія (Domenica-Anastasia) и Пятница-Параскева.

Суевѣрія, обставившія народное почитаніе пятницы, одинаково обрружили и культъ воскресенья ²⁾; и тамъ, и здѣсь развитіе совершалось по одному пути и въ тѣхъ же формахъ: отъ церковнаго правила до апокрифическихъ легендъ, и далѣе — до ихъ многочисленныхъ отраженій въ бытѣ и представленіяхъ народа. Но на томъ развитіе не остановилось, или лучше сказать, оно выразилось еще въ новыхъ формахъ, на которыхъ легче всего можно будетъ изучить самозарожденіе мифа: воскресенье и пятница не только явились вѣщими днями, но и олицетворились, представляются намъ живыми мифическими лицами. Въ одной сербской пѣснѣ ³⁾ св. Пятница и св. Недѣля сидятъ въ монастырѣ Павловѣ за золотыми столами вмѣстѣ съ Ильей и Саввой, Маріей и Николаемъ; или: Богородица водить въ небѣ „коло“: „А уза њудвије свете *душе*, Света Петка и света Неѣлья“ ⁴⁾. Шалопутская молитва, читаемая надъ умирающимъ, говоритъ о свв. Понедѣльникѣ, Пятницѣ и Средѣ наравнѣ съ другими святыми:

*Святій Понедѣлочку,
Божий, Господній клошнику,*

¹⁾ *Продолженіе*. См. юньскую книжку *Журн. Мин. Народн. Просв.* за 1876 г.

²⁾ См. мою статью: Эпистола о недѣль и *Wuttke*, I. c., § 66 и въ *Regi ster ad v. Sonntag*.

³⁾ *Безсон.*, Кал. III, № 130; *Караджичь*, II, стр. 99—101; слич. собраніе *Миладиновыкъ*, I. c. № 36.

⁴⁾ *Караджичь*, Серб. нар. пј. из Херцеговине, № 326.

Що по морямъ кладенъ кладенъ,
 А невольника з неволі визволяшъ,
 Прийми душу раба Божого
 Да понеси на небеса;
 Там свята П'ятниця,
 Наша пречистая матінка,
 А правая Серета
 І уся ваша праведна рідня,
 Свята громада:
 Олекса теплий і Марко пречесний и т. д.

„Свята святица, небесна цариця, П'ятінко-матінко, галалуй мене, грішную старенькую“, читается въ одномъ народномъ малорусскомъ передоженіи Отче нашъ, вѣроятно, такого же хлыстовскаго происхожденія, какъ и предыдущая молитва ¹⁾).

Сербскія ²⁾ и славонскія ³⁾ пѣсни зываютъ къ Богу и младой Недѣлѣ; чешскій заговоръ соединяетъ: „Pozdrav tò Buh, Neděle svatá“ и „Duch Svatý“ ⁴⁾; въ валашскихъ сказкахъ ⁵⁾ Среда, Пятница и Воскресенье являются сверхъестественными существами, носятъ названіе „святой матери“: maica Merginî, maica Vinire, maica Duminesa. Олицетвореніе это довольно древнее, и до появленія его въ народной сказкѣ прошло не мало времени. Уже въ греческомъ текстѣ Апокалипсиса Маріи Богородица обращается къ архангелу Михаилу съ вопросомъ: ποῦ ἡ προφήτια Μωϋσέως ποῦ εἰσὶν πάντες οἱ προφῆται, ποῦ ὁ ἅγιος Παῦλος ὁ ἡγῆτημένος τοῦ Θεοῦ, ποῦ ἡ ἀγία χοριακή, τὸ τεῦχος τῶν χριστιανῶν; въ славянскомъ текстѣ: „где-ли ксть недѣля, похвала крѣстьянская“ ⁶⁾; у *Тихонова*, по тексту Хожденія № 2: „где ксть свете Петка, мѣр'ска похвала“. Мы еще не дошли до живаго образа и остановились на степеняхъ аллегоріи, какъ доказываетъ непосредственно слѣдующій вопросъ: ποῦ ἡ δύναμις τοῦ τριῶσο σταυροῦ, где-ли ксть сила чьстнаго крста?

Полное олицетвореніе находимъ мы въ одномъ греческомъ апокрифѣ, въ которомъ *Жидель* призналъ особую редакцію Апокалипсиса

¹⁾ *Драгомаковъ*, Малорусскія народныя преданія и разказы, стр. 36—39.

²⁾ *Карадж.*, I, 138.

³⁾ *Лит.*, 40, 47, 52.

⁴⁾ *Houska*, 540.

⁵⁾ *Schott*, Walachische Märchen, №№ 11, 23 и 25 и стр. 299.

⁶⁾ *Срезневскій*, Древн. Пам. Русск. письма и языка, 214, 215, (тамъ же греч. текстъ); *Тихоново*, Пам., II, № 1 стр. 18; другіе тексты тамъ же, № 2 и у *Пытина*, Пам. стар. рус. литер. III 118—124.

св. Павла и отнесъ ее къ концу X вѣка ¹⁾. Здѣсь святая Серeda (ἡ ἁγία τετράβη), св. Пятница (ἡ ἁγία Παρασκευή) и св. Недѣля (ἡ ἁγία Κυριακή) стоятъ на ступеняхъ Божьяго престола и молятся, призывая гнѣвъ Господень на грѣшниковъ и еретиковъ. „Потопи ихъ, Господи“, говоритъ Недѣля, — „мы не въ состояніи долѣе вынести ихъ постыдныхъ поступковъ. Съ девятаго часа субботы и до втораго слѣдующаго дня дѣти ихъ работаютъ, не соблюдая дня воскресенья; они затопляютъ печи, предпринимаютъ путешествія (у Жидда: ils vont dans leurs voies?) и занимаются ручнымъ дѣломъ. Потопи ихъ, Господи, въ волнахъ морскихъ“. Голосъ свыше отвѣчаетъ на ихъ молитву, проклиная нечестивыхъ. Точно также св. Серeda и Пятница жалуются на грѣшниковъ, не соблюдающихъ ихъ дней удержа-

¹⁾ *Gidel*, Etude sur une Apocalypse de la Vierge Marie въ *Annuaire de l'association pour l'encouragement des études grecques*, 5 année (1871), стр. 105—108. Въ славянской редакціи хожденія апостола Павла по мукамъ (у *Тихоновова*, Памяти., II, стр. 56) Господь говоритъ грѣшникамъ: «се даю вамъ покой сущимъ въ муцѣ, покой и въ день и въ ночь святыхъ недѣля». Въ итальянскомъ текстѣ (*Villari*, *Antiche leggende e tradizioni che illustrano la Divina Commedia*, p. 81): «io vi doo requia dal sabato, ora nona, infine alla prima ora del Lunedì» — совершенно какъ въ епистолин. Интересно, что итальянскій пересказъ хожденія начинается напоминаніемъ необходимости и святости воскреснаго покоя, съ которыми, очевидно, связывается временной отдыхъ томлящихся въ аду грѣшниковъ: «Frate carissimo, lo die della domenica è grande da temere e da guardare di tutte le rie opere. Domenica è il primo die di tutti gl'altri. in quello Dio comandoe che fosse luce, e fu fatto: per puocho ne la domenica si riposoe Domenedio. E tutti quelli che non guardano de le rie opere del diavolo, ed eli non averanno requie ne l'altro seculo. E chi non ode la messa le Pofficio della domenica, e Dio non averà parte i' lui, e'l diavolo lo meterà nel fuocho de l'inferno. E non vederanno la gloria di Dio di paradiso, e seravi notte scura, seravi fame e sete e puzza e fuoco di solfo (l. c., p. 77). Сл. такое же правоучительное употребленіе Апокалипсиса ап. Павла въ одной старе-английской проповѣди (*Morris*, *Old english homilies*, 1-st series, part 1-st: in diebus dominicis стр. 41 слѣд.).—Въ легендѣ о Бранданѣ (*Suchier*, *Brandans Seefahrt* въ *Bochmer's Roman*. Studien, V), точно также освобождается отъ адскихъ мукъ Юда:

1303 Cist est repos de mun peril
 Quel al samadi prenc al seril:
 Dimaine trestut le jurn
 Desque al vespere ai tel sujurn.

Вечеромъ въ воскресенье (сл. v. 1463) дьяволы являются за нимъ, и снова должны начаться его муки; но Бранданъ противится тому:

1469 Brandans lur dist: laissez Pici
 Desque al matin que seit lundì

(въ ркп. jnsdi).

ніемъ отъ мяса и сыра, и снова грѣшники подвергаются проклятію, но Богородица своими молитвами останавливаетъ на время кару, повисшую надъ головами беззаконныхъ людей¹⁾.

Богородица обыкновенно является предстательницею передъ Богомъ за людскія прегрѣшенія; но въ одной сербской пѣснѣ она сама жалуется на нихъ²⁾: святые подѣлили между собою землю и природу, а ей достался проклятый городъ Троянь (*Петрановичъ*; у *Караджича*, II, № 5: Индія проклятая).

Дадоме јој проклетог Трояна,
У коме се безакоме ради,
Да умпри и закон постави (*Петр.*).

Но она не можетъ направить ихъ на истинный путь,—такъ велико ихъ беззаконіе. II Богородица жалуется:

Ту не пази млађи старијега,
Но брат брата на мејдан зазива,
А кум кума зове на мешѣму;
А брат секу не пази под секу,
Но милује под вијерну љубу,
А кум куму не пази под куму,
Но милује под вијерну љубу;
Не светкују свете неђељице.

Молићу се Богу истинноме,

¹⁾ Текстъ Жиделя не тождественъ ли съ текстомъ, описаннымъ Газе въ *Notices et Extraits des Manuscrits* (Paris, 1813, p. II, 129—131) по ркп. 1631 парижской бібліотеки? Содержаніе его составляетъ странствованіе автора (?) по юдоли плача подъ руководствомъ ангела. Онъ видитъ мученія грѣшниковъ, протоспаварія Петра Коринтскаго въ кинучей смолтѣ; порывъ бури срываетъ мостъ въ то время, какъ по немъ проходятъ важные сановники церкви, позволившіе подкупить себя; и *μαγάλη Πέπτη*, и *μαγάλη Παρασκευή*, и *Τεσσαράκωστη*, изображенныя женщинами исподлинскаго роста, являются передъ престоломъ Господа, жалуясь на людей, нарушившихъ ихъ постъ.

²⁾ *Караджичъ*, Сrp. нар. пј., II, №№ 1 и 2; *Петрановичъ*, Сrp. народ. пј. из Босне и Херцеговине, № 1 (редакція, развитая повтореніями и въ концѣ переходящая въ легенду о св. Георгіи и Елисаветѣ); *Верковицъ*, Нар. пес. Макед. Бугара, стр. 231: Вараѣ, вараѣ, оявѣна Марія. Въ каталонской народной пѣснѣ: *Castich de Deu (Pelay Briz, Sansons de la terra, v. III, p. 117 seqq)* Богородица плачетъ надъ умноженіемъ пороковъ между людьми. Спаситель общаетъ наказаніе имъ и судить страшныя кары; тогда Богородица начинаетъ молить Сына повременить наказаніемъ, потому что люди покаются. См. тамъ же провансальскую редакцію той же пѣсни.

Нека пусти од небеса муѣ
 Нек оборл граде и бедеме,
 Нек попали села и вароши,
 Не би ли се Тројан сјетовао (*Петр.*).

Въ другой редакціи сербской пѣсни (*Карадж.*, II, 1) мысль о наказаніи даетъ громовникъ Илья; три дня и три ночи молятся Богу Илья, Иванъ и Никола:

Нек нам даде кључе од небеса,
 Да затворим' седмера небеса,
 Да ударим' печат на облаке,
 Да не падне дажда из облака и т. д.

Въ болгарской пѣснѣ Богородица такъ отвѣчаетъ на вопросъ Ильи о причинѣ ея печали:

Богъ да биетъ Лелепски хрїстьяни!...
Не си дѣржатъ Петка и Недела.
Во свѣта недела метатъ —
Лице ѿ напрашилѣ;
На свѣта недела пчески —
Очи ѿ изореле ¹⁾.

Илья караетъ ихъ. Въ галицкой народной пѣснѣ ²⁾ солнце не хочетъ болѣе свѣтити людямъ и жалуется на нихъ передъ Богомъ:

Бо зли газдове понаставали:
 Въ *недѣлю* рано дрова рубали,
 А мѣ до лѣчка трѣски прѣскали

 Въ *пятойку* рано хусты зваряли,
 А мѣ на лице золу выливали.

 Бо зли дѣвойки понаставали
 Въ *недѣлю* рано косы чесали
 А ми до лѣчка волося метали ³⁾.

¹⁾ Български народни пѣсни, одъ бр. *Миладиновихъ*, № 30, стр. 26. Ст. № 53: то же; см. *Лелепской* земли, отвѣчающей городу *Троюну* и *Индіи* проклятой сербскихъ пѣсень, — «земля *Палиоланска*» и даже «*Палестинска*».

²⁾ Изъ сборника *Головацкаго*, въ *Чтеніяхъ* Имп. Общ. Ист. и Древн., 1864, III стр. 243—4.

³⁾ Ст. *Маякъ*, XI, 51.—Какъ здѣсь солнце жалуется на людей за несоблюденіе воскресенья, такъ у Генриха de Hervordia (по Gerhard'у de Cosvelde) гейслеры «*observantiam dici dominice... predicant propter solem*».

Наконецъ, въ одной сербской пѣсни являются на сцену олицетворенныя Недѣля Пятница, и сами плачутся на нарушение своей святости и также молятъ о наказаніи, какъ и въ апокрифѣ:

Мобу купи ѣконе Тодоре
У неђељу по Илијну дану,
Да он жаѣе бијелу шеницу.
То виђете двије госпођице,
Света Петка и света Неђежа,
Сузе рове, па се браћи моле,
Светом Петру и Папалеону
И сувише громовник Илијп:
«Пушти, Петре, кину из облака,
Папталије, па земљицу сушу,
А Илија муѣ и громове,
Попадите мобу Тодорову
И његову бијелу шеницу,
И попали дворе Тодорове
И у њима ѣкона Тодора ¹⁾».

Чаще сами онѣ являются дѣйствующими лицами или даже исполнителями кары. „Убила га света Петка Параскевија“, говорится въ одной пѣсни ²⁾.

Въ какихъ образахъ представляло ихъ себѣ народное воображеніе? Въ „словѣ святаго отца Пахомія о средѣ и о пяткѣ“ ³⁾ святые дни олицетворены *ангелами*. Пахомію является въ кельѣ свѣтлый юноша, зарѣзываетъ передъ нимъ овна и источаетъ кровь, которая сѣдается какъ молоко. „Повѣдай людямъ видѣнное тобою“, говоритъ юноша;—„они ѣдятъ молоко и лица въ среду и пятокъ, а на дѣлѣ сѣдшуюся кровь“ ⁴⁾. Умилился отецъ Пахомій, и воздохнувъ отъ сердца, „и сѣдъ в тихости написа слово се на спасеніе почитающимъ: Вы же чада и друзи и братіе се слышавше не имѣйте лакомства опрочѣ поста въ среду и въ пятокъ, развѣе прилученія великихъ праздникъ, да сія два ангела помощника вамъ предъ Богомъ будета и отъ муки избавятъ почетшая его пощеніемъ и молитвою и милостынею. О томъ же отецъ Пахомей повѣдаше, яко прииде нѣкогда изъ пустыни во градъ потребности своя и видѣ мертвца тѣло несомо, по немъ *два ангела* идуща за одромъ; и моляще пре-

¹⁾ *Караджичъ*, Срп. нар. пј. из Херцеговине (у Бечу 1866), № 322.

²⁾ *Караджичъ*, Срп. нар. пј., I, № 254.

³⁾ Напеч. у *Порфирьска*, Почитаніе среды и пятницы, I, с., стр. 183—5.

⁴⁾ Сл. Gli assempri di Fra Filippo da Siena, № 44.

подобный о семь Бога, да проявить. В тотчасъ ангели приидоста къ нему и рекоста: чего наю чудишися? *Наю едина среда есть, друій пяттокъ*, понеже человекъ сій и до дни исхода его честь нама воздалъ пощеніемъ и чистотою и милостынею, за то ему вослѣдуеве, а душу его въ царство ведеве. Се глаголавше невидими биста...“ Далѣе, въ той же статьѣ сообщается, что Іакову, брату Господню, былъ гласъ съ небеси о мздѣ, ожидающей человекъ, постащася въ среду и пяттокъ: когда умретъ оны, „срящета душу его идущу на небо *два ангела среда и пяттокъ*, цѣлуютъ ю радостно, глаголюще ей: праведная душа, радуйся, много бо еси трудилася постащася и дающе милостыню: нынѣ же ликуй, радостно веселящася въ породѣ“.

Два ангела сербскихъ пѣсенъ, увѣщающіе дѣвушку не вязать въ воскреснѣе (не вез везка у свету нећельу) ¹⁾, посѣщающіе дьякона Тодора ²⁾ или Стевана ³⁾ или жену богатаго Гавана ⁴⁾, кажутся мнѣ такимъ же неполнымъ олицетвореніемъ святыхъ дней. Пѣсни о Тодорѣ и Стеванѣ существенно однѣ и тѣ же: разница лишь въ имени. Рано въ воскресенье дьяконъ Тодоръ или Стеванъ жнетъ (или сѣетъ) въ полѣ бѣлую пшеницу: къ нему подходятъ два старыхъ путника, двое нищихъ, и спрашиваютъ: не потурчился ли оны, не попралъ ли погами креста, что работаетъ въ воскресенье, раньше солнца, прежде литургии? „Не потурчился я, не попралъ креста“, отвѣчаетъ дьяконъ, — „а неволя заставляетъ меня работать: я питаю у себя въ домѣ девять (или семь) пѣмыхъ, девять слѣпыхъ „и Бог ѣе ми греха опростити“ (*Карадж.*, Срп. нар. пј., I, 3). Путники идутъ ко двору Стевана—Тодора, гдѣ застаютъ его жену также за занятіемъ и слышатъ отъ нея то же объясненіе. Тогда они просятъ ее дать имъ ея малолѣтняго сына: они заколятъ его, покропятъ его кровью слѣпыхъ и пѣмыхъ, и тѣ прозрятъ и заговорятъ. Мать соглашается. Такъ въ одной редакціи пѣсни. Въ другой страницѣ говорятъ матери, чтобъ она вышла за ворота поглядѣть на невиданное чудо:

¹⁾ *Караджичь*, Срп. нар. пј. из Херц. № 324. Сл. *Вержкович* I. с., стр. 177 (Мое варай Руже). Также *Mittler*, Deutsche Volkslieder № 500 (Entweihung des Sonntags) = *Sušil* № 20 (Nesvěcení neděle).—Сл. *Erben*, Prostonar. české písně стр. 505—6; *Dablova nevěsta* (и приведенную тамъ литературу). Вездѣ одна идея: что наказаніе постигаетъ неблюдящихъ воскресеня.

²⁾ *Караджичь*, Срп. нар. пј. изъ Херц., стр. 323.

³⁾ *Id.* Срп. нар. пј. II, 3.

⁴⁾ *Ibid.* I, 207; *Везсон.*, Кал., III, 166 (=id.).

Како пале муше и громови,
 Пале муше мобу Тодорову
 И у пољу бјелциу шенциу (Кар. Срп. нар. пј. изъ Херц., ib.),

— и въ это время закаляютъ младенца и его кровью исцѣляютъ увѣчныхъ. Когда вернулась мать, старцы исчезли, ея ребенокъ сидѣлъ въ колыбели, руки у него золотыя по плечи, волосы золотые по очи (Кар. ib.): онъ играетъ золотымъ яблокомъ (Кар., Срп. нар. пј., II, 3) и говоритъ:

Ој Бора ми, моја мила мајко!
 њесу оно два Божја просјака,
 Већ су оно два Божја анђела,
 И мене су вако говорили:
 Ето вама седам нпјемаца
 И ето вам девет слијенаца,
 Да вам сију, ору и копају,
 Ал' немојте у неђељу свету (Кар., Срп. нар. пј. изъ Херц., ib.)

Въ пѣсни о женѣ богатаго Гавана Господь посылаетъ двухъ — трехъ ангеловъ на землю — *испытать людскую вѣру* ¹⁾, все ли знаютъ о Богѣ и его имени. Ангелы-гуслеры ходятъ по свѣту, пришли ко двору богатаго Гавана, прямо въ святое *воскресенье*, и здѣсь дожидають лѣтній день до полудня, пока вышла къ нимъ жена хозяйина, Елена, и бросила имъ, вмѣсто подавннн, обгорѣлый кусокъ хлѣба,

Што ѿ у *немак* мешено,
 У *суботу* претано,
 У *неделю* вадено.

Господь покаралъ ее за это, и на мѣстѣ ея двора стало болото.

Какъ видно изъ приведенныхъ пѣсенныхъ отрывковъ, олицетвореніе пятницы и воскресенья разнообразно колеблется между метафорическими выраженіями стараго апокрифа и образами ангеловъ-странниковъ. Сербская народная пѣсня ²⁾ и нѣмецкій заговоръ ³⁾ еще стоятъ на степенн простаго олицетворенія: къ *недѣль* взывается просто, какъ къ *святому дню*, но въ нѣмецкомъ заговорѣ она яв-

¹⁾ Сл. Труды Зап.-Р. Эксп.: Чубинскій, Народн. дневникъ, стр. 417: На е господару, на вашиѣмъ дворѣ.

²⁾ Карадж., Срп. нар. пј изъ Херц. № 334: О неђељу, свети данче, опросги нам грѣхе наше!

³⁾ *Mone*, Anzeiger 1837, sp. 459: Grüss dich Gott, du heiliger Sonntag. Сл. *Baumer*, Einw. des Christenthums, 306.

ляется *верхомъ*, что приготовляетъ насъ къ причудливой роли Недѣли, Пятницы и Среды въ народныхъ сказкахъ.

Въ одной болгарской пѣсни ¹⁾ Петка и Недѣля страннымъ образомъ смѣшаны: „Празникъ е света Педсла.... И майка свешта да запали На света Петка — Недѣла“.

Но мифическій процессъ пошелъ и далѣе, достигая болѣе опредѣленныхъ очертаній: рядомъ съ св. Пятницей становится особо св. Анастасія, олицетвореніе Воскресенія. „Света Петка — Недѣлина майка“, говорятъ Сербы. Я разсмотрю эти олицетворенія особо, чтобы легче выяснитъ себѣ, подъ какими вліяніями, изъ какихъ матеріаловъ сложились ихъ фантастическіе образы.

1. *Св. Анастасія* русск., света Недѣля болг., света Неѣльа серб., *swinta maica Duminesa* румын.—Анастасія отъ *Αναστάσιμος ἡμέρα* = день Воскресенія, иначе *Κοριακὴ ἡμέρα* = *dies Dominicus*.

Въ русскихъ духовныхъ стихахъ о страданіяхъ Спасителя поется, какъ въ мартѣ мѣсяцѣ, въ страстную пятницу Богородица плакала-ходила по Иерусалиму; съ нею три жены муросолицы; она ищетъ Христа. На встрѣчу имъ два Жидовина. „Гдѣ вы, Жиды, были, куда грядете?“ спрашиваетъ пресвятая Дѣва. Они отвѣчаютъ, что были въ Иерусалимѣ, гдѣ мучали и распяли Спасителя. Услышавъ эту вѣсть, „ушиблась святая Дѣва о сыру землю“ и предается тяжелой печали. Слѣдуютъ странныя природныя знаменія, Христось вѣщаетъ со креста, что Онъ въ третій день воскреснетъ и прославитъ мать свою ²⁾.

Въ болгарской пѣсни того же содержанія роль Богородицы заняла святая Недѣля. Она ходитъ-гуляетъ по край рѣки Иордана, со честными во рукѣ крестами, встрѣтила жидовъ проклятыхъ, что мучали Христа. Приходили Божьи Ангелы, молили царя Жидовскаго, чтобъ онъ Христа отпустилъ: но онъ ихъ мольбы не пріемлетъ. Просить его чистая-пречистая (Недѣля), но также напрасно. Тогда явился св. Илья на огненной колесницѣ и унесъ Недѣлю на небо, кресты побросалъ по берегу рѣки; бросились собирать ихъ Жиды, а въ это время Христось отлетѣлъ отъ нихъ

Со дванадесетъ ангелъ,
Свѣта Неделя со него,
Та ся отиде на небо
Предъ миа майка нобърго ³⁾.

¹⁾ *Верховичъ*, I. с., стр. 231 (Стояне, море Стояне).

²⁾ *Безсон.*, I. с., IV, № 381—2 и варианты.

³⁾ *Безс.*, I. с., IV, № 383 и собраніе *Милединовичъ* I. с. № 34.

Введение Анастасии - Недѣли вмѣсто Богородицы объясняется заключеніемъ болгарской легенды: она переходитъ отъ разказа о страданіяхъ Спасителя къ его *воскресенію* (вознесенію); вотъ, можетъ быть, почему народная фантазія ввела въ нее Анастасію, какъ олицетвореніе дня, ознаменованнаго воскресеніемъ Христа.

Мы уже знаемъ, что это не единственное событіе, символически перенесенное на воскресный день: *Kaiserchronik*, лѣтопись Говедена, англійская проповѣдь и одинъ латинскій гимнъ приурочили къ нему и *рожденіе* Спасителя ¹⁾ Слич. *Nomocanon Coteler.*, n. 416: ἡ μὲν ἀγία Κυριακὴ ἐν πρώτῃ τῶν ἡμερῶν τρεῖς ἀρχὰς ἔχουσα ἀρχὴν, γέννησιν Χριστοῦ, εὐαγγελίσεως τοῦ αὐτοῦ ὑπεράγνου μητρός, Ἀνάστασις, καὶ ἀρχὴν κοσμοποιίας ²⁾. Согласно съ этимъ образъ Анастасии-Недѣли былъ приведенъ въ непосредственное отношеніе къ Рождеству.

Вспомнимъ содержаніе русскаго Сна Богородицы: онъ начинается обыкновенно видѣніемъ о рожденіи Спасителя. Въ одной сербской пѣсни: „Сан пречисте Госпође“ ³⁾, Богородицѣ снится,

he joj расте по край срца дрвце,
У ширину по свему свијету,
У висину до ведрога неба.

Она просить объясненія этого сновидѣнія у св. Василя. Онъ толкуеть его:

Што ти расте у край срца дрвце
То ћеш родит' Христа Бога сина:
Што се дрвце широм раширило
И покрило с крај на крај свијета,
То ће свијет од грпјеха спасти;
Што се дрвце къ небу узвисило,
Са земље ће оду Богу поћи.

Сходно въ нѣмецкой народной пѣсни у *Mittler*, № 358:

Und unser lieben Frauen
Der traumet ir ein Traum:
wie unter irem Herzen
Gewachsen wär ein Baum:
Kyrie eleison!
Und wie der Baum ein Schatten gab

¹⁾ См. мою статью: Связаніе о 12-и пятницахъ, стр. 327.

²⁾ *Ducange*, Gloss. ad script. med. et infim. graecitatis a. v. Κυριακὴ.

³⁾ *Карадж.*, Срп. нар. пј. из. Херц. № 319 (Сл. ib. № 320).

wol über alle Land;
Herr Jesus Christ der Heiland
Also ist er genannt,
Kyrie eleison и т. д. ¹⁾

Въ одной болгарской пѣсни ²⁾ святая Недѣля заснула на колѣнахъ св. Пятницы. Пятница будить еѣ: „Вставай-ка, св. Недѣля, теперь свомъ не спать, а вставать ранимъ рано; сказываютъ: два праздника“. Проснулась св. Недѣля, крупныя слезы роняетъ; ей приснился чудный сонъ: среди моря выросло древо великое, верхомъ подпирало небо, подъ тѣмъ деревомъ два листа, всю землю покроютъ. То не были два листа, толкуетъ Пятница,—а двѣ книги, по которымъ попы служатъ, да вѣруютъ христіане, и праздники держатъ, святую Пятницу и Недѣлю.

Можно усумниться въ вѣрности моего толкованія, что въ данной пѣсни Анастасія-Недѣля замѣнила Богородицу. Дальнѣйшія соображенія сдѣлаютъ это предположеніе вѣроятнымъ.

Спаситель родился въ воскресенье ³⁾. Народная символика перевела этотъ фактъ на свой языкъ, и Анастасія-Недѣля явилась бабкою Христа.

Въ *Protevangelium Jacobi* ⁴⁾ Саломея, призванная къ родившей Богородицѣ, сомнѣвается въ ея безгрѣшномъ зачатіи: *καὶ, μὴ βαλῶ τὸν δάκτυλόν μου, καὶ ἐρευνήσω τὴν φύσιν αὐτῆς οὐ μὴ πιστεύσω ὅτι παρθένος ἐγέννησεν... καὶ ἔβαλε Σαλώμη τὸν δάκτυλον αὐτῆς εἰς τὴν φύσιν αὐτῆς, καὶ ἠλάλαξε καὶ εἶπεν Οὐαὶ τῇ ἀνομίᾳ μου καὶ τῇ ἀπιστίᾳ μου ὅτι ἐξεπεύρασα θεὸν ζῶντα, καὶ ἰδοὺ ἡ χεὶρ μου παρὶ ἀποτίπτεται ἀπ' ἐμοῦ.* Саломея на-

¹⁾ Съ другимъ значеніемъ является символическое древо въ провансальской народной пѣсни (*Rev. d. langues rom.* VI, 3: *Atger*, *Poésies populaires*, p. 263—5, № II): три Маріи ищутъ Христа; онъ распятъ, кровь, имъ пролитая, собралась въ одномъ сосудѣ; изъ него поднимается древо: вѣтви изъ слоновой кости, листья серебряныя; архангелъ Михаилъ на его вершинѣ, смотритъ на свой народъ.

²⁾ *Безс.*, I. с. VI, 591; *Миладин.*, I. с., № 35.

³⁾ *Караджичъ*, Сри. нар. пј. из Херц., № 334: Рјечи блаженіи Господни. Ис. *Који данас данак бјеше, Кад се Исус за нас роди?* Породи га света мати, Ка' сунчани зрак источни. Поднес муку од Пилата, Проли крвцу њепи' од злата. Он ускресе на небеса, И сви мртви устадохе. Тада рече Војжа мати: «Ко се моме слку моли, Сваки данак и нећезу За четрѣс и четире, Моје бих му моћи дала, Моје моћи доста могу, Које за вас Бога моле». *О нећезо, свети данце, Опрости нам грјехе наше!*

⁴⁾ *Protevang. Jacobi*, сс. 19, 20 у *Tischendorf*, *Evangelia Aprocrypha*. Сл. о Рождествѣ Исуса Христа въ Пам. стар. русск. литер., III, 78—9.

чинаетъ молиться; тогда ангель предсталъ ей, велить дотронуться рукою до Божественнаго Младенца и поносить его; она это дѣлаетъ и тотчасъ же получаетъ испѣленіе. Тотъ же разказъ повторенъ и въ Pseudo-Matthaei Evangelium: ангель также говоритъ Саломѣ: *Accede ad infantem et adora eum et tange de manu tua.... Quae confestim ad infantem accessit et adorans eum tetigit fimbriam pannorum, in quibus infans erat involutus, et statim manus ejus sanata erat* ¹⁾. Въ арабскомъ Evangelium Infantiae ²⁾ редакція нѣсколько иная: Іосифъ приводитъ къ пресвятой Дѣвѣ старуху „quae ei adesset“. Она давно страдаетъ параличемъ (руки?). „Dixit ei hera nostra domina Maria: Impone manus tuas infanti. Quod cum fecisset anus, extemplo convaluit“.

Послѣдній разказъ отразился, быть можетъ, въ чешской, моравской и хорватской народныхъ пѣсняхъ, въ которыхъ странствующая Богородица просится на ночлегъ къ одному кузнецу. Но у него нѣтъ мѣста, онъ куетъ день и ночь: онъ куетъ три гвоздя, которыми будетъ пригвожденъ Христосъ. Богородицу эта вѣсть такъ испугала, что она уронила Божественнаго Младенца. Было у кузнеца дитя безъ рукъ: оно подбѣжало, чтобы поднять упавшаго Христа и подать его матери; въ это время руки у него отрастаютъ чудомъ ³⁾. Или: Богородица, испугавшись работы кузнеца, удаляется и въ хлѣву родить Спасителя; прибѣгаетъ кузнецова дочка; Богородица просить ее подать ей ребенка, либо покачать его; но у дѣвочки нѣтъ рукъ (и глазъ); онѣ являюся у ней отъ прикосновенія къ яслямъ ⁴⁾. Мотивъ,

¹⁾ *Tischendorf*, l. c. p. 75, 76 = *Schade*, Liber de Infantia Mariae et Christi Salvatoris, стр. 26—7. См. тотъ же мотивъ въ *Bruder Philipps Marienleben*, hrsg., v. *Rückert*, vv. 2104 — 2160; въ средневѣковыхъ мистеріяхъ у *Edel. Du Ménil* *Origines latines du Théâtre moderne*, p. 354 seqq: *Mystère de la Nativité* и друг.

²⁾ *Tischendorf*, l. c., стр. 172.

³⁾ *Kurelac*, Jačke narodne pisme prostoga i neprostoga puka hrvatskoga etc Zagreb. 1871, № 491 (p. 192).

⁴⁾ *Erben*, Prostonarodni česke pisne, № 51 (Nočleh Marie Panny); *Sušil*, № 25 (Porod panny Marie). Греческая пѣсня (*Passoie*, Carm. popul., стр. 230: τῆς χειρῶν; Παράκλησις) также говоритъ о посѣщеніи Богородицей кузнеца; но чуда съ руками нѣтъ. Пѣсня эта интересна по смѣшенію съ мотивами колядокъ (см. о нихъ замѣтку въ концѣ главы). Я пользуюсь прекраснымъ переводомъ проф. Дестуниса. Пресвятая сидѣла одна одинешенька и молитву творила о своемъ единородномъ. Вотъ слышитъ вопли и тревогу и великое смущеніе. Выходитъ за ворота, выходитъ за околицу и видитъ, небо потускло, звѣзды померкли, а мѣсяцъ свѣтленькій облитъ слезами. Святой Іоаннъ идетъ заплаканный убитый: спрашивать его Богородица, не видалъ ли ояъ ея сына; онъ отвѣчаетъ: «Видишь ли ту юру, высокую, огромную: тамъ связали его по рукамъ Евреи:

очевидно, тотъ же самый, что и въ приведенномъ выше апокрифѣ; только народная пѣсня соединила его, по извѣстному намъ драматическому приему—съ страданіями Спасителя. Въ средневѣковыхъ легендахъ и современной народной сказкѣ мы часто встрѣчаемся съ чудомъ „отростанія рукъ“ у невинно преслѣдуемой красавицы ¹⁾).

Но меня болѣе интересуеетъ другое отраженіе отреченной легенды, въ которой *маловѣрная Саломея замѣнена — Анастасіей*. Въ старонѣмецкой поэмѣ: *Die Erlösung* (ed. *Bartsch*) vv. 2945—2967 о рожденіи Спасителя разказывается слѣдующее:

dâ bi doch ein teil frowen stânt
nâch des kindelbettes ê,
Zebel unde Salomê:
Die schouweten der mêre
Wer dâ geborn wêre.
Dô sie die mûter sâhen,
glîch alle sie dô jâhen:
«wâ wart diz wunder je gesaget,
des Kindes mûter ist ein maget,

какъ вора схватили, какъ убійцу ведутъ». Богородица идетъ искать его вмѣстѣ съ Маріей, Маріей и Елисаветой; по дорогѣ видятъ: «Цыганъ куеетъ свои гвозди. «Охъ ты, Цыганъ, что ты это дѣлаешь?» «Будутъ одного человека распинать, такъ я куею для него гвозди; заказали только три, а куею ихъ пять: два къ двумъ колѣнамъ, два къ двумъ рукамъ, а пятый, ядовитый, подъ самое подъ сердце.—Ахъ ты, цыганъ, чтобы тебѣ никогда золы не добыть, а ужъ коли добудешь золы, пусть ее вѣтромъ разнесетъ». Пѣсня кончается разговоромъ Спасителя, висящаго на крестѣ, съ Богородицей. Та же пѣсня у *Legrand*, *Rescueil de chansons popul. grecques* (Paris 1873), № 91: Богородица проклинаетъ ковача: чтобы ему никогда золы не добыть, не было бы у него рубашки на тѣлѣ, хлѣба въ дому, и никогда бы онъ не насытился. См. мистерію *De la Nativité de N. S. J. Christ* (*Jubinal*, *Mystères inédits*, II, 60 sqq): Богородица, чувствуя приближеніе родовъ, посылаетъ Іосифа за огнемъ къ кузнецу; тотъ сначала отказывается, но затѣмъ соглашается съ условіемъ, чтобы Іосифъ взялъ себѣ огня—въ полу плутья. Пола остается невредимою. *Darras*, *La légende de Notre Dame* (3-e ed., p. 145) цитуетъ изъ «la grande légende d'Ahasverus ou Ashaverus, VI-e siècle» разказъ о Богородицѣ, вступившей въ жилище бѣдной женщины, у которой былъ ребенокъ въ параличѣ. Случайное прикосновеніе пеленокъ Спасителя изцѣляетъ больного. Укажу въ параллель къ эгипт. разказамъ, потеншимъ изъ апокрифическаго источника, на другую, подобную же отреченную легенду: Іезонія схватился за одръ, на которомъ лежало тѣло Богородицы; ангелъ Господень невидимо освѣтъ ему руки, начиная съ плечъ; онъ повисли на гробѣ; по молитвѣ Іезоніи и ап. Петра, онъ снова приростаютъ къ плечамъ.

¹⁾ См. между прочимъ мою *Novella della figlia del re di Dacia*, предислов., стр. XX—XXI.

Diz han wir alle wol gesehen
 Daz wunder ist nie mē geschehen
*Ein arme maget was aldā
 geheizen Anastasiā,*
 Die gerte daz sie solde sin
 Des jungen kindes dienerin.
 Sie was geborn sunder arm.
 gemachet het sie gerne warm
 Dem kinde ein wazzerbat.
 Nu schouwet her, aldā zustat
 hende und arme sie gewan.
 Zuhant si sich der dinge entsan,
 es were rechte gotes sun
 Der diz wunder kinde getūn.

Во французскихъ *Anfances Nostre Dame* Анастасія названа *Onestasse*, и совершается тоже чудо:

A vo naistre vint une dame
 Qui molt par estoit bonne fame;
Onestasse c'estoit ses nons;
Mais n'ot nules mains fors moignons.
 Dous Dex, quant vous dut recevoir,
 Lues li fesistes mains avoir
 Bieles et blanches comme toiles.

Тожѣ въ *Нюн de Bordeaux*, ст. 1513—20:

Il n'y ot feme pour vostre cors tenir
 Fors une dame qui ot moult cler le vis;
Sainte Onnestase ot à non, ce m'est vis,
N'ot eū mains depuis qu'ele naquī;
 A ses moignons, Dix, fustes recoillis;
 Il n'i ot autre, se set on tout de fi:
 Lues que vous tint, miracles i fesis;
 Tantost ot mains lons et drois et traitis¹⁾.

Въ мистеріи de la Nativité de N. S. Jésus Christ ²⁾ Богородица говорить Іосифу:

Joseph, biau frere et amis,
 Alez prier a *Honestasse*
 Qu'elle viengne cy une espasse
 Pour recevoir le vraye sire
 De tout le monde et de l'ampire.

¹⁾ Сл. ib. v. 2853: сляпой отъ рожденія Симеонъ прозрѣваетъ, воспріявъ Христа.

²⁾ *Jubinal, Mystères inédits*, II. 66 seqq.

Анастасія=Honestasse прямо является здѣсь въ роли бабки. Она говоритъ Иосифу:

Certes, amis, se g'y aloie
Aide ne ly pourroie faire;
Dont ce me vient a grant contraire:
Nulles mains n'ay que II moignons
Qui sont enclos en ces manchons
Que veoir povez sy endroit.

Когда чудо совершилось, она говоритъ:

Mon vray Dieu et mon vray seigneur
.
Je n'avoie ne doiz ne main,
Rendez les m'avez pour certain ¹⁾.

Съ тѣмъ же значеніемъ Анастасія выступаетъ въ рождественской пѣснѣ римскихъ *pifferari*:

Tu vergine e figlia di Sant' Anna,
Che in ventre tuo portasti il buon Gesù,
E'l partoristi sotto capanella
Dove mangiava il bue e l'asinella.
Gli angeli chiamavan: venite, santi!
Nato è Gesù bambino alla capanna,
E san Giuseppe e *sant' Anastasia*
Si trovarono al parto di Maria.
Venite tutti quanti voi pastori
Venite a visitar nostro signore!
La notte di Natale è tempo santo
Al Padre, al Figliolo e spirito santo.

Quest 'orazione, che abbiám cantata,
A Gesù bambino è rappresentata ²⁾.

¹ См. *Migne*, Dictionnaire des apocryphes, I, p. 1023 прим.: имя Анастасіи встрѣчается кромѣ *Anfances Notre Dame et de Jhesu* (ms. de la bibl. imper., N.º 7595, f.º CCLXXV) — еще въ стихотворномъ *Enfances nostre sire Jhesu Crist*. (Ms. de l' Arsenal, belles lettres fr. in f.º N.º 288, fol. 1) и въ *Roman du Chevalier au Cygne* (ms. suppl. franc., n.º 540—8, f.º 24). Последнее указаніе не подтверждается текстомъ Рейфенберга, гдѣ *Anestases*, *Anestassies*, *Anastase* v. 470 и 1862=императоръ Анастасій.

²⁾ За сообщеніе италянскаго текста пѣсни, которую я зналъ лишь по нѣмецкому переводу въ *Mannhardt*, Weihnachtsblüthen, стр. 117, приношу мою благодарность г. Рейнгольду Келеру. Она напечатана (изъ собранія *Landsberg*) въ *Erinnerungen an Rom und den Kirchenstaat im ersten Jahre seiner Verjüngung*. Von *Heinrich Stieglitz*, Leipz. Brockhaus, 1848, стр. 15¹.

Теперь становится понятнымъ, почему итальянскій крестьянинъ, желая восхвалить свою милую, поетъ, что св. Анастасія качала её на своихъ рукахъ:

O bella che in Firenze siete nata,
In nella piazza di Santa Maria;
In san Giovanni fuste battezzata
Vi tense in grembio santa Nastasia ¹⁾.

Можно спросить себя: на сколько послѣднее олицетвореніе Анастасіи-Недѣли совершилось самостоятельно, и на сколько — подъ влияніемъ другой Анастасіи-мученицы, пострадавшей при Діоклетіанѣ ²⁾? Въ житіи этой послѣдней нѣтъ ничего, что могло бы дать поводъ къ смѣшенію ея съ легендарною Анастасіей, бабкой Христа; но латинская церковь памятовала её 25-го декабря (греческая—22-го); надъ ея мощами, перенесенными въ Римъ, поставлена была церковь, въ которой въ старое время папы служили вторую обѣдню въ ночь на Рождество. Такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ для Запада, чествованіе Анастасіи Римлянки совпадало съ днемъ рожденія Спасителя и памятью о другой, легендарной Анастасіи, присутствовавшей при этомъ рожденіи. Этимъ объясняется, вѣроятно, почему одни западные разказы представили намъ образъ бабки-Анастасіи вполне сложившимся. Во всякомъ случаѣ, если смѣшеніе произошло, то можно сказать смѣло, что вкладъ легенды былъ сильнѣе и рѣшительнѣе чѣмъ влияніе житія. Но румынскія колядки, гдѣ олицетвореніе Недѣли зовется *Dumînica*, удаляютъ всякую идею о такомъ смѣшеніи и даютъ намъ возможность изучить этотъ типъ въ его чѣлости. Въ одной румынской рождественской пѣснѣ Богородица спрашиваетъ дѣвущекъ, не видали ли онѣ ея скрывшагося съ глазъ сына? Онѣ отвѣчаютъ, что видѣли его въ Іерусалимѣ: гдѣ онъ шествуетъ, тамъ старѣйшины колѣнопреклоняются передъ нимъ; передъ нимъ идетъ святая *Dumînica*, срывая красивѣйшіе цвѣты, украшая его путь зелеными вѣнками.

Въ другой колядкѣ Богородица посылаетъ эту *Dumînica* принести только что родившемуся Божественному Младенцу какую-нибудь обновку для крестинъ. *Dumînica* идетъ и видитъ: по Іордану плывутъ три золотые цвѣтка, ровно фіалки; ими она украшаетъ свою голову и спѣшитъ къ Маріи съ своимъ драгоценнымъ подаркомъ. Но она не успѣла во время: „Младенецъ уже окрещенъ“, говоритъ ей Богоро-

¹⁾ *Tigri*, *Canti popolari toscani* 1-a ed, Rispetto № 181.

²⁾ Сл. латинское житіе ея у *Сурія* и друг. подъ 25-мъ декабря.

лица, — „кумомъ былъ св. Иванъ; возьми эти цвѣты, они идутъ къ тебѣ, а ты будь на вѣки красивѣе, чѣмъ была Венера“ ¹⁾).

Duminka румынской коляды — одно лицо съ бабкой-Анастасіей западныхъ легендъ.

Въ заключеніе приведу еще нѣсколько данныхъ къ вопросу о легендарномъ тождествѣ Анастасіи и Богородицы.

Во время преобладанія аrianства въ Константинополь Григорій Назіанзинъ собиралъ и поучалъ правовѣрныхъ ἐν μικρῷ ἐκκληρίῳ (Socr.; οἰκίσκος μικρός Созом.), которому дано было впоследствии названіе *Анастасіи*. Созомень и Никифоръ видятъ поводъ къ названію въ томъ, что ἐνθα δὲ ἀνέστη καὶ ἀνεβίω (православная вѣра), и нѣкоторыя выраженія Григорія, кажется, подтверждаютъ это толкованіе. Такъ онъ говоритъ въ поэмѣ De vita sua:

Ἀναστασία, καθὼν ὁ τιμωτάτα,
ἢ πιστὴν ἐξέγειρας ἐν γῆ καίμενην.

Ἦν γὰρ ποτ', εἴτ' ἔληξεν. εἴτ' ἦλθεν πάλιν,
τὴν ἐκ τάφων ἀνίστασιν πιστομένην.

Въ другомъ стихотвореніи (ἐνὸπλιον περὶ τῆς Ἀναστασίας ἐκκλησίας, ἣν ἐπλήξατο ἐν Κωνσταντινοπόλει) ему видится во снѣ Анастасія:

Ἦ πρώτη λόγον αἰπὸν ἐνὶ προπόδεσσι μένοντα
Ἦγαγεν ἐς κορυφὴν οὐραεῖ ἀροσάτην.

Оттого и храмъ получилъ свое наименованіе. Созомень и послѣ него другіе указываютъ и на другой поводъ имени: беременная женщина упала во время церковнаго собранія съ верхней галлерей и умерла, но по принесеніи за нее общей молитвы, ожила и была спасена вмѣстѣ съ своимъ ребенкомъ; по случаю такого чуда это мѣсто будто бы и получило названіе. Но тотъ же Созомень прибавляетъ: πεπιστεύεσθαι δὲ ταύτην τὴν θεοῦ μητέρα Μαρίαν τὴν ἁγίαν Παρθένον εἶναι, ταύτη γὰρ ἐπιφαίνεται; и то же повторяетъ Теофанъ. Впоследствии

¹⁾ Schuller, Kolinda, p. 11—12. Я слѣдовалъ нѣмецкому переводу. Понимать ли подъ Венерой классическую богиню, или Венеру-Пятницу, maica Vinire—я не знаю. Съ собираніемъ цвѣтовъ Duminka'ой сл. болгарскую пѣсню № 43 у *Миладиновыгъ*: Илья спрашиваетъ св. Недѣлю, гдѣ она ходила, гуляла,

Ели си въ поле трандафилъ брала?

Ели си въ гори гороцвѣтъ брала?

Но она не брала цвѣтовъ; она видѣла чудо: какъ сошлись два дуба и ель. То два побратима и посестра, не чествовавшіе св. Ивана.

на мѣстѣ молитвеннаго дома сооруженъ былъ обширный храмъ, въ который при Львѣ Великомъ (457—474 гг.) и патриархѣ Геннадіи (458—471 гг.) привезены были изъ Сиріи мощи св. великомученицы Анастасіи-узурьшиительницы. Тѣмъ не менѣе, названіе храма восходитъ къ болѣе раннему времени; его и впослѣдствіи зовутъ ἡ ἀγία Ἀναστασία, въ иносказательномъ смыслѣ, указанномъ Григоріемъ Назіанзиномъ, или же соединяютъ воспоминанія св. Анастасіи съ памятью воскресенія Христова: ὁ ναὸς τῆς Χριστοῦ ἀναστάσεως καὶ Ἀναστασίας τῆς μαρτύρου¹⁾.

Послѣ сказаннаго можно усумниться, что отождествленіе Богородицы съ св. Доминикой въ Мессинѣ ведетъ свое начало отъ того обстоятельства, что папа освятилъ ея церковь и отслужилъ въ ней обѣдню — *въ воскресенье*; отсюда будто бы пошло названіе храма: *Nostra Donna di Santa Dominica*, которую народъ смѣшалъ впослѣдствіи съ святою того же имени²⁾. И здѣсь причины отождествленія должны быть признаны тѣ же, какія указаны выше. Замѣтимъ, что храмъ св. Доминики, въ Тропейской епархіи (in loco Fluminis Frigidi) въ Калабріи, упоминается въ 1200 году; впослѣдствіи на его мѣстѣ построенъ монастырь имени *B. Mariae Fontis Laurenti, ordinis Florentis, atque ita titulus S. Dominicae oblitteratus fuit*³⁾.

Въ житіи Доминики, по гречески Кириаки, нѣтъ никакихъ подробностей, которыя связывали бы его съ памятью о рожденіи Спасителя, какъ мы видѣли то для Анастасіи. Доминика, по латинской легендѣ, родилась въ Кампаніи отъ отца Дороея и матери Арсеніи, пострадала при Максиміанѣ, и ея тѣло было чудеснымъ образомъ перенесено въ Тропею въ Калабрію, „именовавшуюся когда-то Великою Греціей“. Въ греческомъ житіи Кириаки мѣсто ея рожденія не названо; отецъ Дороей, мать Евсевія; они бездѣтны и молятъ Бога даровать имъ потомство: *въ воскресенье у нихъ рождается дочь, которая потому и названа Кириакой*. Она пострадала при Максиміанѣ въ *Никомедіи*. Нѣкоторыя изъ этихъ знаменательныхъ подробностей встрѣтятся намъ въ житіи св. Параскевы.

2. *Св. Параскева-Венера-Пятница*. Если житіе римской мученицы Анастасіи мало повліяло на сказаніе о бабѣ Христа, то съ

¹⁾ *Ducange*, Constantinopolis christiana I., IV, p. 141—3; *Савваитовъ*, Путешествіе Новгородскаго епископа Антонія, стр. 149—50, прим. 190.

²⁾ *Darras*, La légende de Notre Dame, 3-e ed., p. 423.

³⁾ См. Acta Sanct. Bolland. 6 Jul. II, введене въ греческому и латинскому текстамъ житія Доминики-Кириаки.

руско-славянскимъ олицетвореніемъ пятницы произошло обратное: житіе св. великомученицы Параскевы, популярное въ русско-славянской области, сообщило ему такой характеръ цѣльности, какого не достигла легенда объ Анастасіи. На Западѣ, на оборотъ, болѣе извѣстной стала Анастасія, тогда какъ Параскева-Venega не прошла въ народъ.

Русская церковь чествуетъ память нѣсколькихъ св. Параскевъ: 20-го марта римскую мученицу, пострадавшую при Неронѣ съ сестрами Фотиною Самарянынею и Кириакою; преподобную Параскеву Сербскую—14-го октября; 25-го іюля—преподобномученицу при Антонинѣ, и великомученицу иконійскую, пострадавшую при Діоклетіанѣ—28-го октября. Насъ интересуютъ здѣсь лишь двѣ послѣднія. Объ иконійской святой говорится, что *родители ея всегда чтили пятницу*, какъ день страданій и смерти Спасителя, и отличали ее строгимъ постомъ, молитвой и милостыней; за это Господь въ пятницу же, даровалъ имъ дочь, которую они въ память этого и назвали *Параскевѣю, то-есть, пятницу*. Такъ объясняетъ святая на вопросъ игемона: „что ради пятница наречена бысть, тезоименитаа .s.—му дни? Святая рече: послушай мене о семъ, понеже родителя христіана сущи проразумѣвши, яко въ .s. день волную и животворящую смерть приять Господь нашъ Іисусъ Христосъ за миръ спасенія: се оубо проразумѣвши родителя моа чѣще той день параскевѣе съ страхомъ и любовію поюще. Прочее рождшисѧ азъ образомъ тѣмъ, і нарекоста ми імѧ Параскевѣю... Сего ради страхомъ и любовію чѣще дне и постащесѧ день до вечера, разлучающесѧ отъ себе смѣшенія ради; по повелѣнію же челоувѣколюбиваго Бога роди ма мати моа в той день і нарече імѧ мое Параскевѣю“. Игемонъ уговариваетъ ее принести жертву богамъ, обѣщаетъ взять ее себѣ въ жены: святая отказывается; тогда ее начинаютъ бить „жилами соуровыми“, затѣмъ, повѣсивъ на деревѣ, строгаютъ ея тѣло, и сочтя ее мертвою, ввергаютъ ее въ темницу, „глагола в себѣ, егда пакі како оживеть“... „Слоунощи же бысть трусъ великъ в темници. Се два ангела придоша блещася в темници, и межи іма явися жена свѣтла препоясана крестомъ. в десной руцѣ носщице вѣнецъ терновъ, в шоуей роуцѣ носщиці копие, губоу и трость. Глагола къ мученици: встани, тезоименитаа, азъ придохъ сдѣ носщиці всѧ оружіа владычна и страсти. Встани і вижь честное оружіе крестное, тръвия, вѣнецъ и копіе, прободшее животочнаа ребра, трость написавше миру оставление, гоубоу потръшоу грѣховъ адамовъ. Встани, ісѣти-

лаетъ тѣ Господь нашъ Исусъ Христосъ, Спасъ миру. И абіе вста мученица, яко штъ сна, пристуидъ же носщи гоубу штре ей вса язвы си гоубою—и бысть тѣло ея чисто, яко свѣтъ, доброта же лица ея свѣтлѣйши паче перва“. Возвратившіеся стражи находятъ ее здоровою и възвѣщаютъ о томъ игемону, который снова велитъ привести ее передъ себя. Слѣдуетъ новое чудо святой: по ея молитвѣ падаютъ идолы Аполлона и другихъ боговъ. Ее обвиняютъ въ волшебствѣ, игемонъ велитъ принести „свещи огненныя“ и жечь ея ребра, но по молитвѣ святой „штсочи шгнь штъ пазоухи ея“ и обратился на ея мучителей. Многіе увѣровали въ Бога Параскевіи; тогда игемонъ рѣшается казнить ее, и ей отсѣкаютъ голову. „На оутри же изыде законопрестоупный гемонъ на ловитвою, внезапно възса конь его на въздухъ и сверже его в дебрь, и рассыпашася вси оуди его и душу бо злѣ штвергъ. И бысть гласъ свыше глаголющъ: штмщение бысть многимъ святымъ“¹⁾.

Римская мученица Параскева родилась при императорѣ Антонинѣ въ деревнѣ близъ стараго Рима, отъ христіанскихъ родителей Агаона и Полити, благочестивыхъ, соблюдавшихъ Божіи заповѣди; за это Господь даровалъ имъ, неплоднымъ, дочь, которая родилась въ пятницу, откуда и ея имя: Параскева²⁾. По смерти родителей она, пребывая въ дѣвствѣ, проповѣдывала Христову вѣру и многихъ язычниковъ обратила въ христіанство; вслѣдствіе того Евреи обвинили ее передъ Антониномъ, который велѣлъ подвергнуть ее мученіямъ. Она погружена была въ сосудъ, наполненный кипящею смолой и олеемъ, которымъ брызнуло на императора, отчего тотъ ослѣпъ, но по молитвѣ святой тотчасъ же прозрѣлъ. Слѣдствіемъ этого чуда было обращеніе къ истинной вѣрѣ императора и многихъ другихъ лицъ. Между тѣмъ Параскева отправляется проповѣдывать далѣе; ее приводятъ къ Асклетію, который осуждаетъ ее на пожраніе страшному дракону; святая дѣлаетъ надъ нимъ знаменіе креста, и чудовище лопнуло. Новое обращеніе язычниковъ. Наконецъ, въ другомъ городѣ святая въ третій разъ держитъ отвѣтъ передъ *Tarasіемъ* и принимаетъ мученическую смерть отъ меча.

Имена *Venera* (въ Асколанской церкви: *Venus*), *Veneranda*, заимствованныя отъ пятаго дня недѣли, *dies Veneris* (сл. старо-италиан-

¹⁾ Рум. рѣп. № 435 (сообщено Е. С. Некрасовою).

²⁾ Въ пятницу распятъ былъ Христосъ. Оттуда русская поговорка: Параскевіи-Пятница—Христовымъ страстямъ причастница.

ское: *venere* см. *Venerdi*) — въ полной мѣрѣ соответствуютъ имени Параскевы. Католическая церковь знаетъ нѣсколько святыхъ имени Венеры или Венеранды. Гаэтани напечаталъ Акты св. Венеры, родомъ изъ Gala, недалеко отъ Castoreale (Castrum Regale) въ Сициліи. Ея отецъ язычникъ, мать христіанка; посвятивъ свое дѣвство Христу, она должна была испытать преслѣдованія братьевъ-язычниковъ, принуждавшихъ ее выйти замужъ. Скрываясь отъ нихъ въ пещерѣ, вблизи отъ города, она предавалась молитвѣ; здѣсь нашли ее братья и угрожали смертью, если она не согласится на ихъ требованія. Не желая довести ихъ до преступленія, она бѣжитъ, но настигнута братьями, которые, не добившись ея согласія, убиваютъ ее. Гаэтани склоненъ отнести житіе этой святой ко времени владычества Сарацинъ въ Сициліи; того же мнѣнія и Амари ¹⁾.

Болѣе древняя и чтимая на Западѣ — другая святая имени св. Венеры, приуроченная къ Локрамъ, нынѣ *Gegase*. Ея латинское жизнеописаніе издано было въ 1643 году въ Неаполѣ, кармелитомъ Симономъ (auctore R. P. Fratре Simone a Spiritu Sancto Carmelitano excalceato): св. Венера или Венеранда Локрійская, именуемая у Грековъ св. Параскевой, названа у него современницей апостоловъ. Если новое названіе Локръ—*Gegase* пошло отъ св. Киріаки, сестры свв. Фотины и Параскевы, мученицъ при Неронѣ ²⁾, то легко предположить, что св. Венера, чествуемая въ *Gegase*, тождественна именно съ этою древнѣйшею Параскевой. Между тѣмъ житіе локрійской святой воспроизводитъ во всѣхъ подробностяхъ знакомую намъ легенду о Параскевѣ, мученицѣ при Антонинѣ: она также научена Священному Писанію, проповѣдуетъ евангеліе по окрестнымъ странамъ, пострадала при двухъ префектахъ и усѣчена мечомъ при префектѣ Асклепій; имена родителей тѣ же—Агаѳонъ и Политія.

Въ 1645 году D. Francesco Gravina de Cruyllas напечаталъ въ Палермо италіанское житіе св. Венеры. Характеризуя это житіе, Болландисты произнесли строгій приговоръ какъ надъ нимъ, такъ и надъ жизнеописаніемъ, изданнымъ кармелитомъ Симономъ: „Utraque ista vita“, говорятъ они, — „gapsodiam potius nugatioriam et fabulosam, quam historiam ullo modo tolerabilem exhibet“. Я прибавлю вслѣдъ за ними еще одно указаніе къ библиографіи

¹⁾ *Ventimiglia*, Di santa Venera o Veneranda, стр. 33—36; *Amari*, Storia d. Musulmani in Sicilia I, 520. См. *Gaetani*, Vitae Sanctor. Siculor. II p. 86.

²⁾ *Ventimiglia*, I. c., стр. 28 sqq.

легенды: „Vita insuper libello Italo graeco Venetiis eodem anno 1645 excusa prodiit auctore Pantaleone-Casano Chiensi“.

Г. Питрэ очень обязательно сообщил мнѣ отрывки житія, изданнаго Гравиной ¹⁾, изъ которыхъ видно, что оно въ сущности тождественно съ легендой кармелита Симона, на сколько можно судить по доставленнымъ мнѣ извлеченіямъ изъ послѣдней ²⁾. Разница представляется главнымъ образомъ въ томъ, что Гравина пожелалъ приурочить чествуемую имъ святую къ Сициліи, и потому заставилъ ее родиться въ одномъ сицилійскомъ замкѣ, который толкуетъ какъ Castro-reale, такимъ образомъ, какъ бы отождествляя свою Венеру съ тою, дѣянія которой напечатаны Гаэтаномъ. Въ сущности тождество этимъ и ограничивается, потому что далѣе разказъ Гравинны воспроизводитъ знакомыя намъ черты житія св. Венеры Локрійской, то-есть, Параскевы времени Антонина.

Св. Венера родилась въ одномъ мѣстечкѣ Сициліи, отъ Агатона и Ипполиты, родомъ изъ Галліи, въ началѣ II вѣка, при папѣ св. Климентѣ и императорѣ Траянѣ. Мать ея престарѣлая (и до тѣхъ поръ неплодная) родила ее въ мартѣ мѣсяцѣ, въ пятницу (въ Великую пятницу), откуда и имя Параскевы. Съ юности святая отличалась благочестіемъ. Отправившись въ Великую Грецію (Magna Graecia), она посвящаетъ себя тамъ изученію наукъ и Священнаго Писанія; по смерти родителей поступаетъ въ одинъ монастырь Кампаніи, затѣмъ отправляется въ Грецію проповѣдывать евангеліе Евреямъ, и съ тою же цѣлью странствуетъ по всѣмъ областямъ Римской имперіи. Возвратившись въ Сицилію, она снова посѣщаетъ Великую Грецію и идетъ въ Римъ: тогда императоромъ былъ Антонинъ, префектомъ Антопій, папой Сикстъ I. За отказъ принести жертву Аполлону и Артеидѣ, префектъ велитъ жечь ея голову раскаленнымъ желѣзомъ, но оно не тронуло даже волоса; ее распинають на крестѣ, вырываютъ клещами груди, бьютъ жилами, привя-

¹⁾ Сообщаю заглавіе: Vita di S-a Venera, da Latini detta Veneranda, da Greci Parascève, vergine martire e Predicatrice di Cristo, scritta da D. Francesco Gravina de Cruyllas. Estratta da molte omelie de santi Padri Greci e Latini e cavata da non poche scritture a penna. Con privilegio. In Palermo nella stamperia d'Alfonso dell'Isola (stamperia camerale).

²⁾ За извлеченіе изъ житія, написаннаго fra Simone dello Spirito Santo Carmelitano scalzo (Napoli, appresso Ottavio Beltrano, 1643, in 4-o, p. 104) приношу мою благодарность почтенному итальянскому библиографу, г-ну адвокату Francesco Antonio Casella.

зываютъ къ дереву. Она чудесно освобождается. Слѣдуетъ обращеніе язычниковъ. Ее заключаютъ въ темницу, откуда выводитъ ее ангель. Ее колятъ раскаленными иглами, погружаютъ въ кипящее масло; по прошествіи нѣсколькихъ дней, она также здорова, какъ и прежде. Вслѣдствіе этихъ чудесъ, префектъ принимаетъ христіанство. Венера снова обращается къ проповѣди: оди́въ подвластный Риму царь, котораго Латиняне называютъ Теміемъ, Греки—Тарасіемъ (Tagesio), а обыкновенно — Теотимомъ, ведетъ ее битъ и обрекаетъ на смерть: ее ведутъ въ пещеру, гдѣ драконъ долженъ пожрать ее; слѣдуетъ небесное знаменіе; чудовище лопнуло, царь и народъ становятся христіанами. Въ Галліи, куда далѣе отправляется святая, начальникъ провинціи Асклепадъ принуждаетъ ее молиться языческимъ богамъ, подвергаетъ мученіямъ, и наконецъ, казнить отсѣченіемъ головы.

Въ концѣ житія Гравина сообщаетъ свѣдѣнія о распространеніи культа св. Венеры въ Европѣ, Азіи и Африкѣ. Нѣкоторыя другія указанія собраны у Ventimiglia. Въ одной хартіи 1052 г. упоминается монастырь: *locabulum S. Venere de locum Cognita*, принадлежавшій церкви св. Софіи въ Салерно и содержавшій, въ числѣ прочей утвари, *codices tres Grecishi* (Ventimiglia, l. c., стр. 48, и документъ на стр. III—V). Культъ св. Венеры распространился не только по южной Итали, но и въ Сициліи, Кандіи и Мальтѣ. Она чествуема была въ Венеціи и въ Капуѣ: Ascoli, Gerace и Lessce были главными мѣстами ея почитанія: въ старое время въ Lessce ее поминали въ страстную пятницу, день ея рожденія. Въ Мессинѣ была греческая церковь имени св. Венеры. Особымъ почетомъ пользуется она въ Сициліи: въ Катаніи, въ округѣ Сиракузы, въ Пьяццѣ, Ачи (цѣлебный источникъ), Аволѣ (св. Венера, покровительница города), Castebuono, Cefalù, Mazzara, Cammarata, Bronte, Caltanissetta, Saccamo, Mezzojuso и другихъ мѣстностяхъ, гдѣ ей посвящены церкви, монастыри, источники; въ Никоніи нѣтъ церкви, но есть праздникъ св. Венеры. Гдѣ она чествуется, тамъ пятница — ея день. Питрэ сообщаетъ мнѣ, что ея именемъ названа одна гора въ Сициліи ¹⁾. *Santa Veneranda la xè sora le aneme dei povari morti che va a torzio* ²⁾, говорятъ въ Венеціи.

¹⁾ Питрэ, Пятница въ народныхъ итальянскихъ повѣрьяхъ.—Гора св. Параскевы существуетъ и въ Болгаріи.

²⁾ *Bernoni*, *Pregchiere*, p. 45.

Болландисты въ своемъ собраніи не разъ касались вопроса о святыхъ имени Параскевы ¹⁾ и пришли къ такому заключенію: „*Ad hoc devenimus, ut Parasceven Graccorum, Parasceven item Iconiensem Slavorum, Veneram Italorum, unam eandemque personam esse credamus, cujus gesta, ex hominum memoria pridem deleta, fabulis locum fecerunt*, ac juxto ordinem in nostro opere statutum examinanda venient cum Martyrologii Romani annuntiatione ad diem XIV Novembris“ ²⁾.

Пока критическое изслѣдованіе, обѣщанное Болландистами, еще не явилось, но одинъ результатъ его ясенъ для насъ: сводя къ одному и тому же дню (14-го ноября) чествованіе свв. Параскевы и Венеры, они признали тождественными, какъ обѣихъ святыхъ, такъ и сложившіяся о нихъ легенды.

Популярность въ русско-славянской области житія св. Параскевы, рожденной отъ родителей, особенно почитавшихъ пятницу, можно объяснить лишь прочно установившимся въ народѣ обычаемъ чествовать этотъ день. Житіе дало точку опоры этому народному культу, готовые черты, которыми тотчасъ же воспользовалась склонная къ олицетворенію мысль. Олицетворенная Пятница явилась съ чертами св. Параскевы, *Нареченная Пятницы*; церкви, посвященныя св. Параскевѣ, назывались и до сихъ поръ повсюду называются *пятницкими*, какъ *пятницами* зовутся небольшія часовни на столбахъ, съ иконою св. Параскевы, помѣщаемыя издавна на распутияхъ и перекресткахъ. Едва-ли можно сомнѣваться, что это значеніе не стоитъ ни въ какой связи съ св. мученицей Параскевой, и всего вѣроятнѣе, привязывается къ старому запрету: „яко во тые дни ничтоже подобаетъ творити, ни путешествовати“. Въ азбуковникахъ, объяснявшихъ значеніе именъ, показывалось, что Параскевіа значитъ *пятнокъ*; *святая Пятница бываетъ на святую Парасковью*, говоритъ русскій народъ ³⁾, такъ

¹⁾ См. Acta Sanctorum подъ V Мая т. II., р. 790 н. 2; подъ XXIV Julii (въ числѣ praetermissi р. 491), подъ XXVI Julii (въ числѣ praetermissi, р. 232), подъ XXVIII Julii (въ числѣ praetermissi, р. 502—3); подъ XIV Octobr. (in Auctario р. 59, н. 1); подъ XXIII Octobr. (подъ praetermissi, р. 420). Обстоятельное изслѣдованіе о св. Венерѣ, доставленное мнѣ Ф. А. Казелой, принадлежитъ Domenico Ventimiglia: Di S. Venera o Veneranda, vergine e martire delle Gallie, de' Greci appellata S. Parasceve. Napoli, Palano 1831. Сл. *Martirolog. Annus ecclesiasticus graecoslavicus* (подъ 25-мъ, 26-мъ іюля, 28-мъ октября, 13-мъ и 14-мъ октября).

²⁾ AA. SS. oct. t. XII, Praetermissi подъ 28-мъ октябр., р. 420.

³⁾ *Порфирьевъ*, I. с., 196—197.

же бессознательно смѣшивая имена, какъ смѣшались образы. Мученія Параскевы-Пятницы продолжаютъ и теперь, потому что есть нечестивые люди, которые не блюдутъ ея дня, женщины, которыя шьютъ и прядутъ по пятницамъ; оттого, разказываютъ въ Малороссіи, — Пятница ходитъ по селамъ вся исколотая иглами и изверченная веретенами. По пятницамъ не слѣдуетъ ни пряхть, ни пахать, чтобы не запылить Матушку Пятницу и не засорить ей кострикой и пылью глазъ ¹⁾. Есть другой вариантъ этого запрета: не мыкать мычел и не пряхть въ пятницу, чтобы не засорить кострикою глаза усопшимъ родителямъ ²⁾; но третій вариантъ интереснѣе: чтобы не запылить *Богородицы* ³⁾. Въ цѣломъ рядѣ духовныхъ стиховъ разказывается о томъ, какъ Парасковія Пятница являлась отшельнику и поучала его; въ одной редакціи ⁴⁾ она представляется въ странномъ смѣшеніи съ Богородицей: пустыннику

*Пятница во снѣ приспѣлась
И Богородица появилась,
Дала ему руки и ноги и т. д.*

Вспомнимъ выраженіе житія о Параскевѣ Иконійской, гдѣ Богородица называетъ ее *тезоименитою*. Такое же смѣшеніе мы встрѣтили выше: *Богородица* съ Анастасіей, какъ съ олицетвореніемъ *Рождества* Христова, иначе — *бабкой* Христа. Необходимое вліяніе, какое всегда оказываютъ на образы, слагающіеся въ народной фантазіи — типы, вполнѣ установившіеся и опредѣленные, естественно объясняетъ такое смѣшеніе. Только въ сближеніи Пятницы съ Богородицей мотивъ былъ другой; я нахожу его въ евангельской повѣсти о смерти Спасителя: у подножія креста образъ *стѣнущей* Богоматери сливался въ народномъ воображеніи съ олицетвореннымъ днемъ *страданія* Христова. Въ одномъ частномъ случаѣ мы даже можемъ услѣдить, по какимъ чисто внѣшнимъ, календарнымъ причинамъ совершилось такое же сліяніе. Русскія крестьянки обращаются къ Богородицѣ съ молитвою даровать имъ жениха. Какъ бѣлорусскія пѣсни отличаютъ Пречистую отъ Большой и Меньшой, такъ различаются Покровъ-Богородица, Введенье-мать-Богородица, и даже Срѣтенье-мать-Богородица. „*Введемъ* - мать - Богородица! *Введи* меня на чу-

¹⁾ *Аванасьевъ*, Поэт. возрвнія, I, 233.

²⁾ *Воронежскій Литер. сборн.*, 299.

³⁾ *Аванасьевъ*, I. с., I, 234.

⁴⁾ *Безсоновъ*, Кал. VI, № 594.

жую сторонушку! *Срѣтенье* - мать - Богородица! *встрѣть* меня на чуждой сторонушкѣ!—*Покровъ*-пресвятая Богородица! покрой мою побѣдную голову жемчужнымъ кокошникомъ, золотымъ подзатыльникомъ!“ Или: „Ты, *Покровъ*-Богородица! *покрой* меня дѣвушку пеленой своею нетлѣнною—идти на чужую сторону. Мать *Покровъ*! *покрой* землю снѣжкомъ (*Покровъ* пресв. Богородицы празднуется 1-го октября), меня молоду платкомъ (или женишкомъ)“. Въ Вѣлоруссїи дѣвушки ставятъ свѣчи передъ иконою Божьей матери и молятъ: „Святой *Покровъ*! *покрывь* землю и воду, *покрый* и меня молоду!“ Отсюда объясняется поговорка: „Придетъ *Покровъ*, дѣвкѣ голову *покростъ*“. Аонасьевъ ¹⁾ указалъ на естественный символизмъ, связавшій въ представленїяхъ народа праздникъ Покрова съ брачными отношенїями: Покровъ Богородицы вызвалъ представленїе брачнаго покрывала невѣсты, фаты, которою ей окручиваютъ голову. Девятая изъ временныхъ пятницъ приурочивается въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россїи передъ праздникомъ Покрова ²⁾; вотъ почему на Пятницу-Параскеву, на которую народъ приучился смотрѣть, какъ на символическій образъ святаго дня, перенесены были атрибуты Покрова, и дѣвушки, желающія выйдти замужъ, обращаются съ мольбою къ пятницѣ: „Матушка Пятница Параскева! покрой меня (или пошли жениха) поскорѣя“. Въ Вологодской губерніи на *девятую Пятницу, то есть, на икону Покрова* пресвятой Богородицы, взрослая дѣвица строитъ *обиденную* пелену: собравшись вмѣстѣ, онѣ теребятъ ленъ, прядутъ, ткуть—и оканчиваютъ работу въ одни сутки ³⁾. Эта пелена стоитъ, можетъ быть, въ связи съ указаннымъ выше символическимъ значенїемъ „покрова“ и лишь виѣшнимъ образомъ приурочена къ пятницѣ. Чтобы выдѣлить, на сколько возможно, ея самостоятельный образъ изъ тѣхъ смѣшенїй, которымъ онъ могъ подвергаться, намъ необходимо обратиться къ другому рода преданїямъ и другимъ памятникамъ.

Въ русскихъ ⁴⁾ и малорусскихъ ⁵⁾ духовныхъ стихахъ Пят-

¹⁾ *Аонасьевъ*, I. с., I, 236—240.

²⁾ *Иб.* 232.

³⁾ *Иб.* 237.

⁴⁾ *Везоновоъ*, Кал., VI, № 592 (сл. редакцію, напеч. *Якушкинымъ* въ *Отч.* Зап. 1860 г., апрѣль) 593—4, 595 (= *Чтен. О. И. и Др.*, 1868, № XLVII), 596—7, 598 (= *Чтен.*, *иб.*, № LII), 599—604.—*Литюисск. русск. литер.* 1859—60, книжка VI-ая: О пятницѣ, стр. 176 (сообщ. *Глбовымъ*).

⁵⁾ *Записки южанаднаго отъла Имп. русск. геогр. Общ.*, I, 1873 г., матеріалы, стр. 32—33: пустельникъ (свѣтельникъ) и пятницѣ.

ница (Пятница Парасковія, Пятенка, Шьятница Парасковен) является труднику или пустыннику, спасающемуся въ пустынь (въ рощичкѣ; по пущамъ) или въ Іерусалимъ (*Безс.*, 592 и 601)¹⁾, „на той горѣ на Эртепѣ“ (Вертепѣ=вертепѣ въ Виелеемѣ); иныя редакціи даютъ ему имя: Василій (*Безс.*, 592)²⁾. Пятница объявляется ему во снѣ, но иногда приходитъ къ нему и „въ явь“ (*Безс.*, 500; сл. 596, 601): она оградила его крестомъ, рукой его благословила, свѣчой освѣтила.

Що ю правой руді хрест держала

А в лівой руді свічу тройцю.

Вона его крестом охрестила

Свѣчею тройцею освѣтила,

Темными ладанами накадила,

Вожими словесами розбудила

(*Зап. то-западн. отд. Геогр. Общ.*, I. с.).

Трудникъ не владѣлъ ни руками, ни ногами³⁾, не видѣлъ ясными очами. Пятница исцѣлила его отъ его немощей и велитъ идти по всему свѣту (на святую на Россію, *Безс.*, 592), поучая людей. Остальная часть стиха занята наставленіемъ Пятницы, преподаннымъ ею пустыннику. Главное содержаніе его намъ знакомо:

Ой ви, мужи вгодніи, жени спасени!

Неробитъ ви три дни на недѣлю,

Що й у шьятницю платя не золіте,

А в субботу шилом не низите,

Стало бить мички не микайте,

¹⁾ Въ №№ 595, 597—8 явленіе Пятницы опущено—по забвенію или искаженію.

²⁾ Сл. *Якушина*, Русск. пѣсни, № XVI и *Безс.*, Кал., VI, № 572 и слѣд.: стихи о Василіи Великомъ и Богородицѣ, являющейся ему и побуждающей его оставить пьянство. Эти стихи представляютъ замѣчательную аналогию съ стихами о Пустынникѣ и Пятницѣ, предлагаъ такимъ образомъ новый матеріалъ для исторіи отождествленія Пятницы съ Богородицей. Пьянство, со всеми его слѣдствіями, является здѣсь такимъ же смертнымъ грѣхомъ, какъ въ другихъ случаяхъ несоблюденіе пятничнаго поста. Стихъ сложился, вѣроятно, на основаніи статьи, встрѣчающейся въ старинныхъ русскихъ рукописяхъ. Сл. слово Василія «о томъ, како подобаетъ въздръжати отъ пьянства» у *Срезневскаго*. Свѣдѣнія замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, въ *Сборн. отд. русск. яз. и словесности Имп. Ак. наукъ*, т. XII (1875 г.) стр. 321—6. Съ другой стороны Василій-пьяница духовнаго стиха, даль, можетъ быть, названіе одному изъ героев нашихъ былинъ: Василію-пьяницѣ, ульянсливому.

³⁾ Только у *Безс.*, № 592 и 604, нѣтъ этой черты.

Сами не трусите;
У воскресный же день до цервов ходите ¹⁾.

Какъ эти поученія, такъ и непосредственно слѣдующее за ними, являются постоянными чертами почти всѣхъ редакцій стиха. Внущая родителямъ не обзывать своихъ дѣтей Жидами, стихъ приготавливая себѣ естественный переходъ къ воспоминанію о смерти Спасителя, памятуемой, какъ извѣстно, въ пятницу:

І отецъ и мати чади свого не проклиняйте,
Жидами—урагами не называйте ²⁾;
Бо жиди во Христа проклятї,
Жиды Суса Христа роеспинали!
Терновый вінець на главу клали и т. д. (ib.).

Это упоминаніе о крестной смерти разрабатывается иногда и далѣе, по излюбленнымъ мотивамъ. Такъ, въ Онѣ Богородицы; такъ и здѣсь. Жиды замучили Христа; онъ положенъ въ дубовую гробницу:

Завидѣла Матушка Марѣя,
Тексты, Пресвятая, слезно плачеть,
Дубову гробницу обливаеъ:
«О сыне ты мой, Христе Боже!
Устань со гробницы со дубовой,
Возьми ты ключи золотые,
Отомкни ты пеклу несправедливую
Да выпусти души справедливыя,
Которыя Богу не грѣшили,
Отцовъ своихъ, матерей почитали,
И родъ да племя уважали ³⁾.

Наоборотъ, проклята та душа, что „въ отробѣ младенца проклинала, некрещенымъ Жидомъ называла (въ утробѣ задушила), жену съ мужемъ разлучала, отца-матеръ по матерну бранила:

¹⁾ *Записки югозападн. отд.*, I. с.

²⁾ Такимъ-же увѣщаніемъ (И вы дѣтей своихъ жидами не называйте) кончается весьма интересная редакція духовнаго стиха о царевичъ Іосафѣ (*Безсоновъ*, Казьки, I № 54): Ісаѣй просить прекрасную мать пустыню—принять его; пустыня отвѣчаетъ: Какъ придетъ-то весна красна, — Разольются всѣ луга, болоты.... А ты и вонъ выдешь.—Далѣе примѣщаясь стихъ о Пятницѣ: Привяла его распрекрасная мати пустыня—Онъ въ ней и трудился—И легъ онъ почивать—И речеть ему распрекрасная мати пустыня: «Ты вставай, раба Божья, человѣче» и т. д. Слѣдуютъ тѣ же увѣщанія, съ какими является къ пустынинику олицетворенная Пятница.

³⁾ *Безс.*, № 600; сл. 599: «Ты вставай, Петръ и Павелъ, Ты бери ключи золотые. Отмыкайте райскія двери» и т. д.

Въ чистое поле выходила,
 Матушку рожь заломила,
 Во ржи она споръ отымала.

Ивановскіи вочи не вскпала,
 Въ чистое поле выходила,
 Коровушекъ она закликала,
 Въ коровахъ молоки отымала,
 Подъ горьку осину выливала (*Вѣст.*, 600) ¹⁾.

Послѣднія подробности предлагаютъ интересный образчикъ того, какимъ образомъ распространялась чертами народнаго суевѣрія формула, касавшаяся первоначально лишь соблюденія воскреснаго покоя и поста въ пятницу. Выйдя изъ церковнаго поученія, она послѣдовательно переходила къ значенію заговора и амулета, какимъ стали и Сопъ Богородицы, и Эпистолия о недѣлѣ. Заключительные стихи малорусскаго пересказа показываютъ, что стихъ о Пятницѣ и пустынькѣ употреблялся въ томъ-же смыслѣ;

А кто сей стихъ перешине,
 А кто сей стихъ перелоет,
 Отъ его души царствіе вѣчно уготованное ²⁾.

Народное развитіе образа не остановилось на неопредѣленныхъ очертаніяхъ стиха, отзывающихся строгимъ стилемъ легенды. Пятница не только является святымъ, милостивая и спасительная, но и вообще показывается среди людей, наставляя ихъ христіанскому житію ³⁾. Стоглавъ говоритъ о лживыхъ пророкахъ, мужикахъ, и жешкахъ, и дѣвкахъ, и старыхъ бабахъ, которые ходятъ по погостамъ, селамъ и волостямъ, „и волосы отростивъ и распустя, трясутся и убиваются, а сказываютъ, что имъ является св. Пятница и св. Анастасія и велятъ имъ заповѣдати хрестьяномъ каноны завѣчивать; они же заповѣдаютъ крѣстьянамъ въ среду и въ пятницу ручного дѣла не дѣ-

¹⁾ Сл. Пв. №№ 595, 599, 602—3; *Караджичъ*, Срп. нар. пј. из Херц. № 333 и такое же перечисленіе семи несогласимыхъ грѣховъ въ апокрифическомъ хожденіи Богородицы, у *Тихоурава*, Пам., II, № 2, стр. 31.

²⁾ Въ народѣ ходятъ молитвы, сочиненныя въ честь Пятницы: онѣ носятя на шею противъ чаръ и отъ различныхъ недуговъ, или привязываются къ больной головѣ. *Аванасьева*, Легенды 149; Поэт. возарън., I, 240. Разумѣется ли подъ этимъ — стихъ о Пустынькѣ и Пятницѣ, или климентовская статья — я не знаю.

³⁾ Для послѣдующихъ подробностей см. вообще *Аванасьева*, Поэт. возарън. I, 232—233; II, 131.

лати и женамъ не прѣсти, и платья не мыти, и каменья не разжигати". Пятница является обыкновенно суровою и карающею, потому что грѣшныя люди не соблюдаютъ ея дни воздержаніемъ отъ работы. Духовный регламентъ свидѣтельствуетъ о народномъ суевѣріи, что "Пятница гнѣвается на неспраждующихъ (ея дни) и съ великимъ на омыль угроженіемъ наступаетъ". Причины ея гнѣва понимаются реально. Кто шьетъ и прядетъ въ ея дни, тотъ причиняетъ ей уколы иглами и веретенами; кто прядетъ, тотъ запорашиваетъ ея глаза кострикою и пылью. И Пятница наказываетъ за это ногтоѣдою, заусеницею, засоряетъ кострикою глаза пряхъ, либо сводитъ имъ пальцы на рукахъ ¹⁾. Въ Воронежской губерніи разказываютъ, что если мужики будутъ нахать, а бабы прѣсть въ пятницу, то Параскева наведетъ на нихъ крѣпкій сонъ, сниметъ черепъ и насылетъ въ голову пахавшаго земли, а въ голову пряхи—кострики ²⁾. Подобнымъ образомъ мститъ и Берта не соблюдающимъ ея поста; она распарываетъ имъ животъ, и вынуть изъ него запретную пищу, панолщаетъ его сѣчкой, пучками соломы (Wirrbüschel) и кирпичами, и заливаетъ его желѣзною цѣпью—вмѣсто нитки, и лемешемъ—вмѣсто иглы ³⁾. Если въ нѣкоторыхъ деревняхъ въ пятницу не засиживаются долго при огнѣ, потому будто, что въ эти дни ходитъ по домамъ св. Пятинка и караетъ не спящихъ,—то это, вѣроятно, связывается съ запретомъ работы на вечернихъ посидѣлкахъ. Въ пятницу нельзя золить бѣлья, а то на томъ свѣтѣ Пятница будетъ гоняться ⁴⁾. Румыны также вѣрятъ въ обходы Параскевы, наказывающей работающихъ въ ея день ⁵⁾.

¹⁾ Труды этнограф. статист. экспедицій въ Западно-Русск. край и т. д. Юго-западный отдѣлъ. Матеріалы и изслѣдованія, собранн. Чубинскимъ, т. I, изд. подъ наблюденіемъ Гильтебрандта, стр. 217. Иногда наказаніе за несоблюденіе пятничнаго покоя переносится на тотъ свѣтъ, становясь въ ряду загробныхъ возмездій. Такъ, въ повѣрьи у Драгоманова, Малорусскія народныя преданія и разказы, стр. 22: «одна баба замирала, і як водили її по тому світі і показували все, то бачила вона в одному місті такого черви багата—страх. «Що се? пита.»—«А це, кае, та костриця, що баби по п'ятницямъ прядуть та трусять!» Тай і пхувъ її туди. Тут вона і прокинулася.»

²⁾ *Потебня*, О мифическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій, въ *Чтен. Им. Общ. Ист. и Древн.*, 1865, III, стр. 217.

³⁾ *J. Grimm*, Deutsche Mythol. (3 Ausg.) I, 251—2; *Eisel*, Sagenbuch des Voigtlandes, p. 103—4 и др.; см. мою статью: Сивилла-Самовилла и т. д. 28—1.

⁴⁾ Тр. З.-Р. эксп., Народн. Дневн., 256.

⁵⁾ *Schmidt*, Das Jahr und seine Tage in Meinung und Brauch der Rumänen

Подобно Пятницѣ, гнѣвается и Недѣля на несоблюдающихъ ея праздника: по малорусскому повѣрью, „Недѣля или Пятница иногда является тѣмъ, которые работаютъ въ ихъ дни, въ видѣ дѣвицы неслыханной красоты. Пряхамъ Недѣля говоритъ, что онѣ прядутъ не ленъ, а ея волосы, и указываетъ при этомъ на свою изорванную косу: молотильщикамъ она показываетъ свое бѣлое тѣло, покрытое сипими пятнами, и говоритъ, что это они еѣ такъ цѣпами калѣчатъ“¹⁾.

Слѣдующія легенды покажутъ лучше всего, изъ какого круга представленій развился и какими идеями поддерживается мифическій образъ Пятницы. Я присоединю къ нимъ легенду о Средѣ, также олицетворенной и также являющейся людямъ, хотя олицетвореніе не достигло здѣсь той силы и популярности, какой пользуется въ народѣ Пятница-Параскева:

1. У одному селі жинка сіла у п'ятницю ткать полотно. У хаті вона була одна. Коли се приходять у хату жинка-п'ятниця: взяла, зідрала тнеі жінки шкуру и повісила її на верстаті; це за те, що вона ткала въ п'ятницю²⁾.

2. Бада-та одна баба ни начала матушку Пятницу и учла прядиво мыкать да вертѣть. Пралпрыла она да обѣда, и вдругъ сонъ на нее нашель — такой магучай сонъ — уснула она, вдругъ отварила дверь и входитъ, вишь, матушка Пятница въ-очью всѣмъ, въ бѣломъ шушупѣ, да сердятая такая! и шмыхъ пряжа къ бабѣ, ще пряла-та. Набрала въ горсть кастрики съ пола, какая атлѣтала-та атъ мочекъ и ну насыпать ей глаза, и ну насыпать! Насывала, да и была такова: паминай, какъ звали! Ничаго и ши молвила, сярдешиная. Та баба какъ проспунлась, такъ и взвыла благимъ матамъ атъ глазъ, и не вѣдая, атъ чаго аня забалѣли. Другія сидя въ ужасѣ, и учили вапить: „ухъ ты акааянная! заслужила казнь лютую атъ матушки Пятницы“ — и сказали ей все ще было. Та баба слушала-слушала, и ну прасить: „матушка Пятница! взмилуйся мнѣ, палилуй меня

Siebenbürgens p. 19: *Venus*, welcher der Freitag heilig ist, und die Paraschiva genannt wird.

¹⁾ *Потебня*, I. с., стр. 222, съ ссылкой на *Rulikowski*, *Opis Pow. Wasylk.*, 167.

²⁾ *Труды этн. стат. экп.* и т. д., *ib.*, стр. 127. «Въ Васильковскомъ уездѣ Кіевской губерніи разказываютъ, что «нички» (то-есть, ночки), мифическія женскія существа, ночью, особенно *по пятницамъ*, шалать въ домахъ. Бабѣ передъ сномъ прячуть кудели; если не спрятать кудели, то ночки выпрядутъ ее всю». *Потебня*, *ib.*, стр. 217.

грѣшную; поставлю те свѣчку, и другу-недругу закажу обижать те, матушка"! П ще-жь ты думаешь? Ночью, вишь, апять приходила ана и выбила изъ глазъ у той бабы кастру-та, и ана апять встала. Грѣхъ великой обижать матушку Пятницу — прядиво мыкать да пряхть¹⁾.

Гриммъ²⁾ приводитъ сходное сказаніе о Бертѣ, отличающееся тѣмъ, что причиной ослѣвленія является неумѣстный смѣхъ пряхи. Извѣстныя отношенія Берты къ пряхѣ и женской работѣ даютъ поводъ предположить, что первоначально причина наказанія была другая. Однажды, въ ночь на Крещеніе (Epiphania), пряха возвращалась домой съ работы, когда съ нею повстрѣчалась Perchta, окруженная цѣлою толпою дѣтей (Heimchen) одного роста и вида. Одни изъ нихъ тащили тяжелый плугъ, другія—всякаго рода домашній скарбъ, и всѣ жаловались, что у нихъ нѣтъ болѣе родины. При видѣ такого страннаго зрѣлища, пряха громко засмѣялась, испуганныя дѣти побросали ношу, упустили плугъ, и то, и другое скатилось подъ гору. Тогда разгнѣванная Берта подошла къ пряхѣ и подула на нее, стчего та мгновенно ослѣбла. Всю ночь проплутала она, и лишь подъ утро другіе люди вывели ее въ деревню. Но она не могла болѣе работать, обнищала, и сиди у дороги, просила милостыню. Ровно черезъ годъ, въ ту же ночь наканунѣ Крещенія, Берта снова вернула въ ту же мѣстность; слѣпая, не распознавъ ее, попросила у ней милостыни и разказала, какъ приключилось съ ней горе. „Годъ тому назадъ я задула два огонька“, милостиво отвѣчала Берта, — „теперь я зажгу ихъ снова“. Она подула на слѣпую, и та прозрѣла.

3. Сидзѣла разъ позна у пятницу баба пыдъ вокномъ и пряла. Чуиць — нехто ў вокно стугаицця, отхутала ина вокно, глядзиць: баба старынякая, сморщенная, якъ сучокъ, стоиць и пытаицця у яе: Што ты молодзицця, такъ позна прадзешь?—Якъ жа мнѣ не прасць, коли у мене дзѣтки малыя не пособуюць—самэй нада.—Ну, коли-жь ты такая пильная, на-жь табѣ сто вирацѣнъ, кабъ жа ты мнѣ ихъ еъ заутряму уси напрала.—Якъ сказала гэта баба, такъ и подзѣлася нивись куды, якъ сырзѣ допную провалилася. Служалася молодзицця, видзиць, што нѣшто веладно, думала, думала, ште ей дзѣлаць? ды

¹⁾ *Ананасова*, Нар. русск. легенды, № 13.

²⁾ *Deutsche Myth.* 3-e A. I, p. 254 (изъ *Börnners Volkssagen aus dem Orlagau*); *Witzschel*, Sagen aus Thürigen, p. 231—id; *A. C. Köhler*, Volksbranch, Aberglauben und andre alte Ueberlieferungen im Voigtlande, pp. 490—491—id; *Eisel*, Sagenbuch des Voigtlandes, p. 104. (Берта является безъ Heimchen).

и придумала, ни стала рущесу прасць, а узила, да по одной ниточки на кажны вирицяно намотала, такъ уск сто вирацѣнь до дня и замотала. До свѣту зноу старуха приходзиць и пытанца: А што, молодзиця, чи позапрала мнѣ мои вирацѣны? Молодзиця показала ей вирацѣны, и сказала ей старуха: Разумная ты, молодзиця, што такъ сдѣлаць догадалася, ня сдѣлай ты гѣтого, а отдай мнѣ голыи вирацѣны, ябъ цибе самую якъ голое вирицяно скруцила ды ссушила. Я свитая Пятница. Глядзи, борони цибе Боже, ни разу у пятницу ни прадзи ¹⁾.

То же самое разказываютъ о Бертѣ-Элифаніи: въ навечерье своего дня она навѣщаетъ засидѣвшихъ за работой пряхъ, задаетъ имъ работу не по силамъ, которую онѣ должны исполнить въ короткій срокъ, иначе она спутаетъ и изгадитъ пряжу. Однажды она застала въ горницѣ веселое общество; разсерженная Берта подала черезъ окно двѣнадцать веретенъ или мотушекъ, съ наказомъ, чтобы черезъ часъ они были обмотаны и готовы къ ея приходу, иначе она накажетъ виновныхъ. Тѣ не знаютъ, что дѣлать, за что приняться, а время уходитъ; одна бойкая дѣвушка догадалась: достала съ чердака накли, обвертѣла ею веретена, сверху ихъ наскоро обопряла нитками въ два-три раза, такъ что веретена казались полными. Когда Берта явилась, и ей подали работу, она приняла ее и удалилась, качая головою ²⁾. Въ другомъ разказѣ старая прилежная пряха работаетъ вечеромъ чаканувѣ Крещенія. Сынъ и сноха пугаютъ ее мезью Берты. „Мнѣ дѣла нѣтъ“, отвѣчала она; — „Берта, чай, не принесетъ мнѣ рубашекъ, мнѣ самой придется на нихъ напярять“. Черезъ пѣкоторое время окно отворилось, и Берта бросила въ комнату множество пустыхъ веретенъ съ тѣмъ же наказомъ и тою же угрозой, какъ и въ предыдущей легендѣ. Застрашенная пряха наплась: обмотала по нѣскольку нитокъ вокругъ каждаго веретена и бросила ихъ въ потокъ, протекавшій мимо дома. Вѣроятно, это умилостивило Берту, потому что легенда ничего не говоритъ о ея карѣ ³⁾.

¹⁾ Шейна, Вѣлорусск. нар. пѣсни, стр. 425—6.

²⁾ Grimm, D. M. 3 A. I 252 (по Börner, Volkssagen aus dem Orlgau, 1838, p. 159), Witschel, l. c. 229—230 = id. Тоже сказаніе о Frau Faste (въ Эльзасѣ), о Fronfastenfrau (въ Баденѣ) = Берта. «Es ist damit Fronfasten vor Weihnacht, ihr altes Hauptfest, personifiziert.» Hertz, Deutsche Sage in Elsass, p. 45—6. См. Baader, Neugesammelte Volkssagen, Karlsruhe, 1859 №62 (изъ Бадена); Bechstein, Thüringer Sagenbuch (Wien u. Leipz. 1858, II, 162). Къ Fraufasten см. Rochholz, Naturmythen, Neue Schweizer sagen, p. 139.

³⁾ Grimm, l. c., 252; Witschel, l. c., 230 = id.; Köhler l. c., 489 = id.; Eisel,

Трудныя задачи, которыя необходимо исполнить въ короткій срокъ, принадлежатъ къ очень обыкновеннымъ сказочнымъ мотивамъ. Берта и Пятница, присматривающія за соблюденіемъ посвященныхъ имъ дней, наказываютъ слишкомъ рьяныхъ работницъ, насылая на нихъ болѣзни, либо предлагая имъ, подъ страхомъ наказанія, задачи, исполнить которыя кажется невозможнымъ. Что задачи эти касаются преимущественно женскаго труда, пряжи, — объясняется тѣмъ простымъ символизмомъ, что и Берту, и Пятницу народъ представляетъ себѣ женщинами. У насъ нѣтъ календарно-миѳическаго выраженія, которое прямо отвѣчало бы образу западной Берты-Эпифаніи; но одинъ бѣлорусскій рождественскій обычай напоминаетъ задачи, которыя она даетъ пряхамъ, не почитающимъ Святюкъ воздержаніемъ отъ мірскаго дѣла. Вспомнимъ, что Берта, прежде всего, олицетвореніе святочнаго цикла; въ эту пору она и странствуетъ между людьми. Въ Бѣлоруссіи на „Рыжтвѣйныхъ святкахъ“ (отъ 24-го декабря до 7-го января включительно) не работаютъ, а если отступаютъ отъ этого обычая, то выбираютъ себѣ работу такую, которую можно бы непременно кончить съ окончаніемъ святюкъ. „Яноцкая работа“ въ это время заключается преимущественно въ прядени нитокъ. Пряха приготовляетъ себѣ кудель пропорціонально рабочимъ днямъ, имѣя въ виду и свою руководѣльную ловкость. Если по какимъ-либо обстоятельствамъ ей нельзя кончить своей работы къ концу „рыжтвѣйныхъ святювъ“, то пряха имѣетъ право приглашать „товаришекъ“, и онѣ общими усиліями оканчиваютъ работу, не раздѣляя, однако, кудели. За невозможностью собрать „товаришекъ“, или въ случаѣ недостаточнаго ихъ числа, позволяется „раздѣлать куделю“, то-есть, развертѣть тѣмъ же порядкомъ, какимъ она первоначально свертывалась¹⁾. Вспомнимъ также *обыденную пелену*, которую вологодскія крестьянки строятъ 9-й пятницу — непременно въ однѣ сутки.

4. Слѣдующій бѣлорусскій разказъ²⁾ соединяетъ въ одномъ хожденіи „святыхъ угодниковъ“ — Пятницу и Субботу, какъ сербскія

Sagenbuch des Voigtlandes (Gera, 1871) p. 103. Тѣ-же разказы о Berchtolt'ѣ у Гримма, 1. с. 257. Въ одномъ повѣрьи у Баадера № 45 какая-то женщина (Пятница?) подаетъ черезъ окно три неуботанныя веретена пряжи, работавшей въ полночь на пятницу.

¹⁾ Шейнъ, Бѣлор. нар. пѣсни, 38 · 9.

²⁾ Ib., стр. 426—7.

пѣсни поютъ о земныхъ явленіяхъ Воскресенія и Пятницы '). Въ числѣ приведенныхъ выше пятничныхъ легендъ этотъ разказъ занимаетъ особое мѣсто, и вѣжется, лишь извѣтъ припоровленъ къ нашему циклу своимъ заключеніемъ о необходимости чтить Пятницу:

Послау разъ Богъ святыхъ угодничкоу своихъ, Пятницу ды Субботу, поглядѣць, што на свѣць робицца ды дѣицца. Вотъ и пошли святые угодники рано ранѣхонька, ище сонца куды ня усходила. Идуць яны, идуць, ажно имъ на дорогѣ дзярвешка попалася: заглянули яны у першую хату, ажно, глянъ, дѣвука большая, пригожая, здоровая ужю и устала и помылася и почесалася и Богу помолилася и короу подоила, хату подмела, печку затопила ды й, покуль горшки варуцца, сѣла на пирадку и прадзецъ. Подзивилися угоднички на праправитую дѣвуку и пошли дальши, прошли дзяреуню, вышли на поле, у поли яще цусѣхонька, ни души, тольки на однѣй ниуки молодзецъ молодѣй, пригожій, ужъ знаць, дауно орецъ, зъ яго и зъ коня ажно ужю потъ лѣнца; подзивилися зноу угоднички на молодойца. „И коли эта ѣнь тольки успѣу выпсацьца и уже стольки наорау“? Подзивилися, подзивилися ды й пошли дальше. Ишли яны, ишли, ужю и сонца узыйшло, по дорогѣ стали людзи попадацьца, то съ сохами, то съ боронами, глядзиць, зноу дзярвешка стоиць. Стали яны у хаты заглядываць, да ужю мало идзѣ людзи видны, развѣ старухи.

’) Суббота, сколько мнѣ извѣстно, не достигла столь образнаго олицетворенія, какое выпало на долю пятницы. Въ народной обрядности вечеръ субботы = канунъ воскресенія, долженъ чествоваться воздержаніемъ отъ работы. «Am Samstag Abends muss alles herabgesponnen sein, sonst verschwindet in der Nacht das Werg von der Kunkel. Wenn eine Spinnerinn am Samstag noch Werg auf der Kunkel aus dem Heimgart trägt, bringt, sie keinen Faden mehr herunter» (*Zingerle, Sitten, Bräuche und Meinungen d. Tiroler Volkes, 2 Aufl., p. 123*). «Der letzte Theil des Tages heisst im Saterlande der heilige Abend... und spätestens eine Stunde vor Sonnenuntergang werden die Arbeiten eingestellt. Das Spinnen am Sonnabend Abend, wie überhaupt am Abend vor einem Festtage, ist allgemein streng verpönt... In Schellstenden Hause zu Ohmstede sassen jeden Abend die Mädchen um den offenen Herd und spannen. Da kam eines Abends eine Hand grade über ihrem Haupte durch den Boden und es sprach:

O weh, o weh, die arme Hand
Die am Sonnabend-Abend spannt.

(*Strackerjan, Aberglaube u. Sagen aus d. Herzogthum Oldenburg, II, 25—6*).
•In der Gegend von Leeden haben einmal Mägde des Sonnabends noch lange nach Sonnenuntergang beisammen gesessen und gesponnen, da hat sich auf einmal das Fenster aufgethan, ein ungeheurer nackter Arm hat hereingepackt und eine Stimme hat

Мужики на поляхъ, бабы на городы, только глядяць, у водной хатѣ дзѣвка большая, тоустая, только што ище вочи продзѣрла, сѣдзиць на полу ды зиванць, ды поцягивающа, коса уся у перій, ажно глядзѣць проциуно. Поглядзѣли святые угоднички, подзивувалися ды й пошли дальше. Прошли дзяреуню и вышли на поля, глядзиць поль кустомъ ляжиць молодець, ляжиць ды й спиць, ажно храниць на усю рылову. Кола яго кобылка у сохѣ стоиць, трауку щиплець, знаць яеъ выхали, тахъ ничого и ня робили и ниука ня почи-пата. Поглядзѣли, поглядзѣли святые угоднички, плюнули ды й пошли дальше. Пришли яны къ Госноду Богу, и спрашивающъ у ихъ Богъ: „ну, што, мои угоднички, Пятница ды Суббота, што вы тамъ добраго на земли видзѣли, што чуюли?“ И стали угоднички разказываць про дзѣвокъ ды про молодойцу и гово́руць Госноду: „вотъ, Боже, по нашему жаниць ды добраго молодойца ды й сь добрѣй дзѣвкой, а ляниваго сь лянивой: были бы дзѣвъ пары якъ разъ, одзинъ у одного“. А Госнодь, возьми, ды й скажи имъ такъ: „дураки вы дураки, якъ я погляжу, коли-бъ я такъ дзѣлау, ды й тахъ злучау,

gerufen: Wer am Saterdag Abend spinn, muss den nackten Arm bekleiden (*Kuhn*, Sagen, Gebr. und Märchen aus Westfalen, I № 47). Въ слѣд. № 48 рука является кровава; отсюда поговорка: кто слишкомъ поздно придетъ по субботамъ, не вступитъ въ царство небесное: da künmt'n man mit'ne blaurige Hand (сл. *ibid.* приведеную тамъ литературу). Такъ какъ Берта—олицетворение святокъ, общилася въ повѣрїи въ символъ праздничнаго запрета вообще, то становится понятнымъ, ка-кимъ образомъ она перенесена была и на субботу: Wenn jemand Samstags zu lange spinn, so kommt Berta mit der blauerigen Hand und streckt diese durchs Fenster (сл. *ibid.* II № 7 и тамъ же литературу). Сербы особенно чтятъ Теодорову субботу, сл. *Schmidt*, Das Jahr und seine Tage in Meinung und Brauch d. Rumänen Siebenbürgens (Hermannstadt, 1866) стр. 6: Zunächst bemerkenswerth ist nun der Theodor-tag, als ein Ruhetag für Mädchen, oder wie es heisst, als kein «gebundener» Tag. Vergisst sich aber schlecht gebrachte weibliche Wirtschaftlichkeit die Sabbathruhe dieses Tages zu brechen, dann schickt der heilige seine in die schönsten Jünglinge verwandelten Rosse aus, die auf das Mädchen, welches gefrevelt, lauern, und dasselbe unter dem Vorwande es auf den Tanzboden zu geleiten, entführen. Keines vermag sich ihnen zu entziehen, es sei denn, es könnte, von ihnen verfolgt, das eigene Haus erreichen, wo es jedoch—weil eben Strafe sein muss—alles Geschirr umgestürzt oder in einander geworfen findet. Kein Mädchen verlässt somit an diesem Tage das Haus und man wird unwillkürlich an die Serben gemahnt, die auch einen Theodor-Samstag—Todorova sambota—haben, wo der Simtotere wegen nichts gearbeitet wird. Es ist dies ein Wesen halb Mensch, halb Pferd, und Abends will Niemand ausgehen, um von Theodor nicht geritten zu werden. На стр. 35 являются въ заговорной формулѣ девять свѣте Sambе; Шмидтъ оставляетъ ихъ не объясненными. Это, можетъ быть, sambata=суббота.

якъ вы говорѣця, людзи и про мяне и про васъ бы забыли. Рыбачяги бѣ усѣ сами поподзѣляли и Богъ бы имъ николи ня понадобяуся, а лянивый ды глушой и подауна на Бога ня усомнюць, а вотъ якъ злучу я разумнаго зъ глушой, а глупую ды й зъ разумнымъ, и пойдучъ яны у мяне бѣжкаць ды бѣжкаць. Поглядзиць, поглядзиць разумный мужикъ на глупую жонку, во и скажиць: „Божинька мой, Божинька, лучше-бѣ я ци утопиуся ци удавиуся, чымъ я зъ тобой ожениуся. Прибѣць разумный мужикъ глупую жонку, стаиць она плакаць ды причитываць: послухай-ка якъ Божинька, ды Божинька, што слоудо скажець, и Божиньку усомянець и святыхъ угодничкоу назовець; а сдзѣлай я по вашему, по глупому, людзямъ бы ня Богъ, ня святни ня надо были. *Вотъ за этимъ-то за самымъ и ня годзицца прасиць у Пятницу, а то, мяроуный часъ, нады Пятница подгадиць и дасиць прадзѣхи дурака мужика.*

Заключительныя слова легенды указываютъ на объясненное выше смѣшеніе Пятницы (собственно *девятой*) съ Покровомъ-Богородицей, народною покровительницей брака. Что до бесѣды угодниковъ съ Богомъ, въ которой Господь указываетъ на причины людскаго страха, то на эту тему существуетъ нѣмецкая легенда, гдѣ дѣйствующими лицами являются Иисусъ Христосъ и апостоль Петръ ¹⁾.

5. Въ одной великорусской сказкѣ ²⁾ вмѣсто Пятницы является олицетворенная *Середа* въ такихъ же отношеніяхъ къ пряжѣ и тканью, какъ общему выраженію для женскаго труда. Середа, подобно Пятницѣ, день священный; олицетворенная Середа предполагалась также присматривающей за соблюденіемъ поста и покоя, какъ то разказывалось о Пятницѣ-Параскевѣ.

Въ слѣдующемъ разказѣ эта основная идея нѣсколько затерта, вслѣдствіе смѣшенія съ другимъ сказочнымъ цикломъ:

¹⁾ См. *Hertz, Deutsche Sage in Elsass* (Stuttg. 1872), p. 41: Иисусъ Христосъ и Петръ странствуютъ по землѣ: Петръ отпрашивается на церковный праздникъ въ одну деревню, и вернувшись, разказываетъ, какъ тамъ весело было. «Поминали они меня?» спрашиваетъ Господь. «Нѣтъ, не поминали». Годъ спустя, Петръ въ той же деревнѣ только и слышитъ возгласы: «Спаси Господи, помоги, Господи!» «Видишь ли», говоритъ Господь, — «теперь, когда ихъ поля побиты градомъ, они поминаютъ меня; пока имъ жилось хорошо, они обо мнѣ и не думали». Eine bekannte Erzählung von Hans Sachs mit Vorliebe behandelt, замѣчаетъ Герцъ. Съ бѣлорусскою сказкою сл. малорусскую: Людська доля, у *Авасьева*, Н. Р. Ст., IV, стр. 425.

²⁾ *Худяковъ*, Великорусскія сказки, III, 106.

«Разъ въ среду молодая баба передъ сномъ стала класть гребень, да не перекрестилась, и говоритъ: „Матушка Серeda, помоги мнѣ, чтобъ завтра встать пораньше да попрясть!“ Утромъ до свѣту, открыла глаза, видитъ: лучина въ свѣтцѣ горитъ и печка топится; ходитъ по избѣ баба ужъ не молодая, накрывшись по кичкѣ бѣлымъ полотенцемъ, дрова въ печку кладетъ, прибираетъ. Подошла къ ней самой, будитъ. „Я“, говоритъ,—„Серeda; ты, вѣдь, Середу звала? Вотъ я тебѣ холсты отиряла, да ужъ и выткала, а теперь давай бѣлить ихъ, въ печку ставовить. Печка затоплена и чугуны готовы, а ты сходи на рѣчку, воды принеси!“ Баба взяла ведра, да вмѣсто того, чтобъ на рѣчку, пошла къ старухѣ сосѣдкѣ посоветоваться. „Не хорошо это“, говоритъ старуха,—„она тебя либо на томъ холстѣ удавитъ, либо сваритъ. А ты вотъ что сдѣлай: возьми, ведрами стучи, да и кричи передъ избой-то: На морѣ серединскія дѣти погорѣли! Она выскочитъ изъ избы, а ты порови вскочить прежде нея въ избу, дверь запри, да и закрести. Какъ она ни будетъ грозить, просить, не впускай, а крести и мѣломъ и руками. Вотъ нечистая сила и отступится“. Такъ та и сдѣлала. Серeda стучала до тѣхъ поръ, пока пѣтухи запѣли, а тамъ завизжала и пропала, а холсты остались у бабы.

Легенда о „серединскихъ дѣтяхъ“ относится къ числу древнихъ и распространенныхъ, встрѣчаясь въ самыхъ разнообразныхъ приуроченіяхъ. Либрехтъ нѣсколько разъ возвращался къ ней въ своихъ трудахъ, посвященныхъ разработкѣ средневѣковой саги ¹⁾. Обыкновенно, вмѣсто Середы, является какая-то невѣдомая женщина или дѣвушка, поступающая на службу къ крестьянину ²⁾, либо встрѣченная имъ въ лѣсу и выходящая за него замужъ. Все идетъ хорошо, у крестьянина уже явилась семья, когда однажды женѣ его слышится голосъ: „Приходи, Тарандина, Тарандоне умеръ“. Последнее—было имя ея отца. Какъ только Тарандина услышала призывъ, вдругъ пропала; ея больше и не видѣли ³⁾.—Одинъ человѣкъ ѣдетъ ночью по лѣсу; слышитъ на деревѣ смѣхъ и рядомъ голоса; кто-то спрашиваетъ, что этотъ смѣхъ означаетъ: „Какъ же мнѣ не смѣяться

¹⁾ *Liebrecht*, къ *Gervasius von Tilbury*, стр. 179, слѣд.; id. въ *Zeitschrift d. Deutschen Morgenl. Gesellschaft*, XVII, 401; id. въ *Heidelberg. Jahrbücher* 1868, p. 311; id. въ *Germania* XIV, стр. 401.

²⁾ *Schneller*, *Märchen und Sagen aus Wälschtirol.*, p. 212, № 7.

³⁾ Сл. *Schneller*, I. c., стр. 217, № 1; стр. 210, № 4: *Sag der Mao, dass Mamao gestorben sei.*

когда умерла свекровь кошки Бриксенскаго епископа? Путникъ ѣхалъ именно къ епископу; за столомъ, когда онъ разказываетъ смѣясь подслушанный имъ разговоръ, кошка выбросилась изъ окна съ страшнымъ ревомъ и была такова ¹⁾. То же говорятъ въ Нормандіи о волкодлакахъ, *Lubins*: они рожются на кладбищахъ, и когда близятся люди, исчезаютъ по крику ихъ вожака: „Robert est mort! Robert est mort!“ ²⁾ Маннгардтъ ³⁾ приводитъ нѣсколько дѣтскихъ пѣсенокъ, обращенныхъ къ майскому жучку: ему совѣтуютъ летѣть „nach Engelland“, потому что она выгорѣла, его дѣтки плачутъ, хлѣба просятъ, разбѣжались (thy children all gone, thy children all roam); его домъ, мать сгорѣли (Dei Mutter in der Asche).

6. Приведу въ заключеніе одну греческую сказку о Пятницѣ ⁴⁾.

Однажды вечеромъ, наканунѣ пятницы, молодая женщина сидѣла со своею тещей передъ домою, и обѣ пряли. Прежде чѣмъ совсѣмъ стемнѣло, старуха сложила свою работу и тоже посоветовала сдѣлать своей невѣсткѣ: не то ей худо будетъ. Та не послушалась и продолжала прясть при свѣтѣ мѣсяца. Видитъ: на нее идетъ высокая женщина, вся въ черномъ, длинныя зубы выставились у нея изо рта по колѣна, въ одной рукѣ у нея веретено, въ другой прялка. Она присѣла рядомъ съ онѣмѣвшей отъ страха пряхой и говоритъ: „Давай-ка, сосѣдка, попридемъ вмѣстѣ“. Вскорѣ затѣмъ она поднялась и сказала: „Подожди меня, я пойду, принесу своего ребенка,“ — и сложивъ на землѣ веретена и прялку, она пошла по направленію къ кладбищу. Молодуха смотрѣла ей во слѣдъ, видѣла, какъ старуха подошла къ могилѣ, вынула оттуда недавно погребенный трупъ и, взваливъ на плечи, понесла его. Со страху она бросила работу, кинулась въ избу, заперла дверь и улеглась по середкѣ между своими дѣтьми. Между тѣмъ, св. Параскева уже стучалась въ дверь: „Выходи, сосѣдка, давай прясть“. Не дождавшись отвѣта, она подобрала прялку и веретено и уходя сказала: „Счастье твое, что ты улеглась

¹⁾ *Zimmerische Chronik*, IV, 283, 27 seqq; сл. *Grohmann*, *Sagenbuch v. Böhmen*, *Mährchen*, I, стр. 227: *Mrnour ladet die Katzen zum Begräbniss ein*; *Beckstein*, *Deutsches Sagenbuch* № 421: *Des Bischofs Katze*.

²⁾ *Hertz*, *Der Werwolf*, p. 110; *Uhlands Schriften* III, p. 279. Сл. *Traditions et superstitions de la Basse Bretagne*, par *R. F. Le Men*, въ *Rev. Celtique*, I, 2, p. 240: *Les nains du Torghen-de-Laz*.

³⁾ *Mannhardt*, *Germanische Mythen*, p. 347 seqq.

⁴⁾ *Simrock*, *Deutsche Märchen*, Stuttgart. 1864, гдѣ въ концѣ помѣщены: *Neugriechische Märchen von Kalliope*. Сл. № IV: *Die heilige Paraskeve*.

между твоими дѣтьми; лягъ ты въ сторонкѣ, ты бы пошла у меня жертвничны въ наказаніе за твой проступокъ. На дѣтяхъ нѣтъ грѣха, а я не касаюсь человѣка, окруженнаго христіанами". Молодуха вскорѣ затѣмъ умерла. Оттуда и ведется, что ни одна женщина не придетъ при лунѣ въ ночь на пятницу.

Сообщая выше различныя сказанія о Пятницѣ, мнѣ не разъ приходилось сравнивать ихъ съ такими же легендами о западной Бергѣ-Эпифаніи и находить ихъ поразительно сходными. Заключать изъ этого сходства къ тождеству той и другой, въ томъ смыслѣ, что онѣ выражаютъ одну и ту же мифическую сущность — нѣтъ никакой надобности. Мы имѣемъ дѣло съ двумя различными календарно-мифическими образами, развившимися въ сходныхъ чертахъ, потому что одинаковы были условія ихъ развитія, возбуждившія дѣятельность народнаго воображенія. Пятница—олицетвореніе дня, освященнаго церковью, какъ Берта — олицетвореніе рождественскихъ праздниковъ Святокъ. Церковь настаивала на ихъ строгомъ соблюденіи, грозя въ противномъ случаѣ земными и небесными карами. Народъ принялъ это поученіе, но понималъ образно: не церковь, а Пятница и Берта во очію наставляютъ людей и грозятъ несоблюдающимъ ихъ повелѣнія. Такихъ грѣшниковъ много; какъ знаютъ о нихъ Берта и Пятница? Естественно, и въ обоихъ случаяхъ самостоятельно, могло родиться убѣжденіе, что та и другая навѣщаютъ людей, обходя ихъ жилища, Пятница — по своимъ днямъ, Берта въ теченіе святочнаго цикла. Онѣ караютъ работающихъ, отдающихся мірскому труду, и караютъ одинаково: ослѣпленіемъ (отъ кострики), сведеніемъ рукъ, тѣмъ, что задаютъ неисполнимыя задачи. Сходство наказаній опредѣляется въ томъ и другомъ случаѣ одинаковостью вины и общими сказочными мотивами.

И далѣе, за предѣлами самозарожденія повѣрья, развитіе образовъ Берты и Пятницы совершается по однѣмъ и тѣмъ же стезямъ, потому что народное творчество, ограниченное своими средствами, пользуется большею частью одними и тѣми же общими мѣстами для достиженія однихъ и тѣхъ же результатовъ; потому, наконецъ, что въ области народной поэзіи процессы зарожденія и вырожденія сказываются сплошь да рядомъ въ однѣхъ и тѣхъ же формахъ, если матеріалъ, надъ которымъ они совершаются, и условія среды и развитія были однородны. Это наблюденіе сдѣлалъ всякій, кто только занимался народною литературой. Берта, олицетвореніе святочныхъ праздниковъ, проходитъ въ каролингскую сагу, пріурочивается къ

мѣстнымъ преданіямъ и историческимъ легендамъ, показывается какъ „Weisse Frau“ въ старыхъ нѣмецкихъ и французскихъ замкахъ. Точно также Пятница и Анастасія проникаютъ въ народныя сказки, являются на косякѣ, св. Недѣля помогаетъ витязю въ исполненіи трудныхъ задачъ, которыя задаетъ ему коварная мать ¹⁾; св. Пятинка указываетъ Ивану Царевичу, какъ добраться до водянаго царя и научаетъ спрятать сорочку одной изъ 12-ти царевенъ - уточекъ ²⁾; малорусская сказка о сорока одномъ братѣ знаетъ о дочеряхъ Пятницы и Середы: у послѣдней ихъ сорокъ - одна; она сама изображена съ чертами сказочной вѣдьмы ³⁾. На маіса Mercuri, маіса Vinire и маіса Duminesa валашскихъ сказокъ указано было выше ⁴⁾.

Съ другой стороны, былъ и другой выходъ изъ повѣрья—въ обрядъ; и здѣсь повторилось то же явленіе—однороднаго, независимаго другъ отъ друга развитія. Берта ежегодно являлась и странствовала между людьми въ извѣстную урочную пору; изъ вѣрованія родился обрядъ, и позже, народная игра: Perchtenlaufen, Perchtenspringen, berchteln, bechteln; Бертами, Berchten зовутся въ Pfinzgau ряженые, бѣгающіе на святкахъ, звоня погремушками и хлопая бичами; иногда такихъ Бертъ является три ⁵⁾; въ другихъ мѣстностяхъ одинъ ряженный представляетъ собою Берту, Eisenberta ⁶⁾. Точно также

¹⁾ *Voženy Némcore*, Slav. pov., 478—96.

²⁾ *Лавансьевъ*, Нар. Р. Сказк., послѣд. изд., т. II, № 125, стр. 344.

³⁾ *Драгомановъ*, Малорусскія народныя преданія и разказы, стр. 336—338.

⁴⁾ Къ сдѣланному выше указанію на Schott'овъ присоединимъ еще слѣдующія: *Stäufle*, *Romanische Märchen* u. d. Bukowina въ *Zeitschr. f. deutsche Mythol.* I, 42—48: Die beiden Töchter (der heilige Sonntag); *Wenzig*, *Westslav. Märchenschatz* p. 144—155: von der Mutter und ihrem Sohne (die heilige Nedělka). Сл. еще *Galjarec* III—6, и *Учен. Общ. Н. и Дрестн.*, 1865 г. III 221—2; *Grimm*, *Кл. Schriften* IV, 453.—*R. Köhler*, въ *Jahrb. f. roman. u. engl. Liter.*, VII, 255 прим. 2, указываетъ на валашскія сказки, напечатанныя въ *Ausland* 1856 г. (стр. 500 и 2121) и 1857 г. (стр. 288 и 1029), въ которыхъ рядомъ съ олицетвореніемъ Воскресенья, Среды и Пятницы являются такіе же образы Понедѣльника, Вторника, Четверга и Субботы.

⁵⁾ «Tres illae sorores, quas antiqua illa posteritas et antiqua stultitia Perchtas vocavit»; «illae quae a vulgo Parce vocantur» *Schmeller*, *Baier. Wb.* п. A: Berchta

⁶⁾ *Grimm*, *D. M.*, 3 A., I, стр. 256—7.—*Hertz*, *Deutsche Sage in Elsass*, p. 46: «Auch der *Dreikönigstag* war ihr heilig und hiess durchs ganze Mittelalter und noch heute in einzelnen Gegenden der Berchtentag, die vorangehende Nacht die Berchtennacht. Zuweilen heisst so auch die Neujahrnacht. Seit alter Zeit waren am Berchtenabend Volksaufzüge im Schwank, welche die Umfahrt—früher der Göt-

изъ Духовнаго Регламента видно, что при Петрѣ Великомъ въ Малороссіи, въ Стародубскомъ полку, „въ день уреченный праздничный“ водили „жовку протовласую подѣ именемъ Пятницы“, съ крестнымъ

тан, später der Kinderscheuche mimisch darstellten. Frau Bertha mit ihrem Gefolge zog von Haus zu Haus und heischte Gaben, man nannte das *berchteln* oder *bechteln*, elsässisch *bechten*.—*Zingerle*, Sitten, Bräuche u. Meinungen d. *Tiroler Volkes*, 2. Aufl., p. 129 (ср. ib. p. 194): «Das Perchtellaufen kam unlängst noch in Kössen am hl. Dreikönigsabende vor. Da mischte sich aber die eigentliche Percht darunter und gab sich durch einen Riesensprung übers Brunnenhaus zu erkennen. Dabei sah man ihre Bocksfüsse» (Ср. ib. 181: Perchtenlaufen наканунѣ Николаина дня, 6 Дек.)—Такой же переходъ отъ повѣрья къ обряду въ Штирии, гдѣ вѣрять въ обходы Берты, и рядомъ съ этимъ существуетъ слѣдующій обычай: «In Oberstein (Leoben) gehen vor dem hlg. Dreikönigstage *alle weiber* von Haus zu Haus, sprechen einen Spruch und werden gut bewirthet. Man sorgt dafür, dass sie Alles in Ordnung finden, sonst machen sie Spectakel» (*Lexer*, Volksüberlieferungen aus Kärnten u. Steiermark, въ *Zeitschr. f. Deutsche Mythol.*, IV, 300).—Ср. *Wackernagel* Weihnachtspiele, 20—23; *Otto Henne Am-Rhyn*, Die deutsche Volkssage p. 411—412 (изъ *Panzer*): «In Eschenloh bei Partenkirch in *Oberbaiern* gingen Weiber, meist drei, in alten Mannskleidern und ver mummt (eine am Gürtel eine Kette, eine mit der Ofengabel, eine mit dem Besen) in die Häuser, wo sie lärmten, und dann Birnen, Brot und Nudeln bekamen. Zu Holzoberndorf in *Mittelfranken* stellten sonst junge Leute die Eisenberta (andernorts eiserne Berta, Isanberchta) in einer Kuhhaut mit Hörnern vor, Aepfel, Nüsse und eine Ruthe tragend und von Haus zu Hause die Kinder lobend oder strafend». См. также *Mannhardt*, Der Baumkultus, 542—3: Bei Lienz fand am letzten Faschingsabende das Perchtenlaufen statt, eine Art Maskezug, die ver mummt hiessen Perchten; man unterschied sie in schöne und schieche (hässliche). Alle trugen auf dem Kopfe eine grosse Schellenspitzhaube mit Rollen und Glöckchen rings umhangen, vor dem Gesichte Larven und in der Hand Stöcke, die der schönen waren mit bunten Bändern geziert, die der hässlichen endigten in einen Teufelskopf. Sie sprangen und stürmten in wilder Lust tobend und rasend über die Gassen und in die Häuser... In *Mittersill* bilden 8 bis 10 rüstige Bursche eine Gesellschaft; zwei von ihnen stellen hässliche, mit Besen bewaffnete Gesellen vor, die Berchten. Ihnen folgt ein buntes Gesindel von Hanswursten u. s. w., dann die Tänzer... Eine Larve verdeckt ihr Gesicht, am Ende des Rückens haben sie eine Alpenglocke angehängt, die den Fuschlag der tanzenden Gruppe accompagnirt. So ziehen sie von Pfarre zu Pfarre und begrüßen die besseren Häuser, wo ihnen der Tanz mit Brod und Branntwein gelohnt wird. Der Name Perchteln ist eine Uebertragung aus dem Epiphaniagebrauche. Denn an den Perchtenabend, die h. Dreikönigsnacht (Jan. 5) knüpfte sich die besprochene Sitte ebenfalls, und daher hatten die Festtheilnehmer den Namen Perchteln oder Perchten erhalten; von da aus erscheint Spiel und Name auf die ganze Zeit der Zwölften, ja auf die Adwentszeit rückwärts ausgedehnt. In den Rauchnächten (den drei Donnerstagen vor Weihnachten) ziehen im Pfinzgau 100—300 Burschen, die Perchten, in seltsamster Vermummung mit Kuhglocken und knallenden Peitschen bewaffnet umher; im Gasteiner Thal geht der Zug, den lustige Burschen bis

ходомъ и при церкви народъ честь ей отдавалъ „съ дары и со упо-
ваніемъ нѣкія пользы“¹⁾).

Существовало ли въ представленіяхъ западныхъ народовъ олице-
твореніе христіанской Пятницы, подобное тому, какое мы встрѣтили
у Славянъ, особенно у Русскихъ, Валаховъ и Грековъ? Слѣдующій
нѣмецкій заговоръ представляетъ какъ бы начало олицетворенія:

Heute ist es Freitag.
Glückseliger Freitag:
Ich habe wider dich ein jämmerliche klag;
Ich biete dir aus dem Fleisch,
Ich biete dir aus dem Blut,
Ich biete dir aus dem Bein,
Ich biete dir aus dem Mark,
Ich biete dir aus der Lagerstatt.

(*Birlinger*, Aus Schwaben, I, 449).

Либрехтъ²⁾, комментируя приведенную выше греческую сказку о
св. Параскевѣ, не указываетъ на европейскія параллели. Въ Австріи
народъ вѣритъ въ обходы *Pfinzda-weibl*, наблюдающей, чтобы въ ея
дни не работали, не пряли и т. п. По одному ея знаку вся сдѣлан-
ная работа разрушается, какъ будто ея и не было. Сила ея такова,
что ей стоитъ сказать кочергѣ: отвори мнѣ дверь, и та её отво-
рять; стоитъ пожелать, чтобы огонь не горѣлъ, и онъ потухнетъ.
Это таинственное существо властвуетъ надъ челоувѣкомъ во всѣ празд-
ничные вечера въ году (*Feierabend*), особенно же въ періодъ отъ
послѣдняго четверга на масляницѣ (*Fasching*, *Fasching-Pfinzda*) до
среды страстной недѣли (*Aschermittwoch*)³⁾. *Pfinzda*, *Pfinztag*,
ripztag — областное, южно-нѣмецкое названіе для четверга⁴⁾; его
производятъ отъ греческаго *πέντε*, *пента*; но въ латинскомъ кален-
дарѣ *rempte*, въ смыслѣ четверга, не встрѣчается, говоритъ Рес-

300 aufführen, hüpfend und springend von Ort zu Ort, von Haus zu Haus. Solche
Sitte des Perchtenspringens oder Perchtenlaufens ist über die ganzen deutschen
Alpen verbreitet. In Kalw und Betzingen bei Tübingen kennt man die Sache
ohne den Namen. Berchteln=воладовать. Berchta=волада.

¹⁾ *Аванасевъ*, Поэт. воззрѣнія, I, 241.

²⁾ *Orient und Occident*, III, 378—9.

³⁾ *Vernaleken*, Mythen u. Bräuche des Volkes in Oesterreich, стр. 293.

⁴⁾ *Vernaleken*, Alpensagen, 369, 370; *Rössler*, Ueber die Namen der Wochentage. Wien 1865, p. 23—4.—О славянскихъ названіяхъ дней недѣли см. *Miklosic*, Die christliche Terminologie der slavischen Sprachen, въ *Denkschriften d. kais. Ak. d. W.*, Phil. hist. Cl., 24-er B. (Wien 1876), p. 19—21.

дерь¹⁾, отвергая сближение Гримма *Pfinzda* съ славянскою пятницей, на томъ основаніи, что послѣдняя обозначаетъ не четвертый, а пятый день недѣли. То, что Гриммъ говоритъ о греко-славянскомъ вліяніи, обусловившемъ будто бы областное *Pfinzda*, требуетъ ближайшаго разграниченія. Въ греческой церкви πεμπτή, въ латинской *feria quinta*—четвергъ; при перенесеніи къ Славянамъ латинско-нѣмецкихъ обозначеній для двѣхъ недѣли, распорядокъ послѣдней явился другой: вмѣсто обычнаго счета съ воскресенья, Славяне начали считать съ понедѣльника, и потому *пятымъ* днемъ пришлась у нихъ пятница. Если слѣдовать Гримму, то пришлось бы предположить для объясненія *Pfinzda* вторичное приуроченіе *славянской* пятницы въ нѣмецкій народный календарь, приуроченіе на столько сознательное, что оно припало въ расчетъ разницу счисления, и назвало *Pfinzda* свой четвергъ, а не пятницу; либо раздѣливъ понятіе „греко-славянскаго“ предположить, что въ *Pfinzda* обновилось старое *греческое* обозначеніе четверга: πεμπτή. То и другое одинаково шатко; не встрѣчаются ли примѣры употребленія *Pfinzda* въ значеніи пятницы, то-есть, *feria quinta* по славянскому счету? *Pfinzdaweibl* во всякомъ случаѣ напоминаетъ олицетворенную пятницу славянскаго преданія. Можетъ быть, мы имѣемъ дѣло съ перенесеніемъ установившагося образа съ одного дня на другой, тѣмъ болѣе возможнымъ, чѣмъ общіе онъ началъ пониматься, будучи отвлеченъ отъ тѣхъ частныхъ календарныхъ представленій, которыя первоначально его вызвали. Берта, олицетвореніе сяткоу, является въ нѣмецкихъ сказаніяхъ по субботамъ или даже по четвергамъ²⁾: она также запрещаетъ работать, пріять; она необходимо замѣнила собою другія, подобныя же олицетворенія субботняго покоя; ея образъ обобщился въ символъ запрета и потому легко могъ быть приуроченъ къ другому дню, представлявшему такія же отношенія. Олицетвореніе *Pfinzdaweibl* не есть ли образчикъ подобнаго же рода перемѣщенія?³⁾ Но мы можемъ указать на другой достовѣрный примѣръ олицетворенія Пятницы на западѣ: на *Venus-Angelus*, которую слѣдуетъ отличать отъ той другой Венеры средне-вѣковаго повѣрья, давшей имя нѣмецкому *Venusberg*, въ которой

¹⁾ Замѣтимъ, что португальскій языкъ и діалектъ Граубюндена удержали за четвергомъ латинское церковное обозначеніе: порт. quinta feria, Graub. sa quita de sa chida. (См. v. *Reinsberg-Düringsfeld*, Volksthüml. Benenn. etc. p. 369.)

²⁾ *Schmeller*, Baier-Wh. a. v. Bercht: Bericht, alias dominae Habundiae, vulgariter Phinzen.

³⁾ Къ олицетворенію пятницы сл. приведенное выше повѣрье у *Vaader*.

смутно слилась память о классической богинѣ и нѣмецкой Фреѣ ¹⁾. По этому поводу мнѣ еще разъ придется вернуться къ нѣмецкимъ гейслерамъ XIV—XV вѣковъ, когда отъ простаго бродячаго, временнаго движенія они готовы были перейти къ состоянью тайной секты, которую начала дѣятельно преслѣдовать инквизиція.

Выше, говоря о ходящихъ въ русскомъ народѣ заговорныхъ формулахъ, представляющихъ въ сводномъ текстѣ эпитолоію о Недѣли и Сонѣ Богородицы, я попытался указать, что мотивы того и другаго апокрифа были популярны въ средѣ бичующихся. У нихъ же мы встрѣтимъ и значительно развитый культъ Пятницы. Я не говорю, чтобы появленіе послѣдняго на Руси не относилось къ болѣе раннему времени, но доускаю вопросъ: не подверглось ли развитіе нѣкоторыхъ представленій позднѣйшему влиянію иновѣрныхъ идей, сложившихся на западѣ и проникавшихъ къ намъ либо въ литературныхъ памятникахъ, либо путемъ живаго общенія съ самими сектами? Послѣднее для гейслеровъ кажется мнѣ вѣроятнымъ, и я ужъ имѣлъ случай указать на эту вѣроятность. Предположеніе о связи нашихъ хлыстовъ съ западными бичующимися не разъ было высказываемо въ нашей литературѣ. Я думаю остановиться на немъ нѣсколько подробнѣе ²⁾.

Антихристъ, то-есть, церковь, долго властвовала и еще властвуетъ на землѣ (Art. Erf. § 34, 35), учили гейслеры, — но его царствованію пришелъ конецъ. Близится кончина міра: она случится на день св. Вита, или св. Варѣоломея, либо св. Луціи или св. Матѳея, 1369 года, какъ проповѣдывалъ глава тюрингенскихъ флагеллантовъ, Конрадъ Шмидтъ (Proph., p. 21—22). Уже знаменія послѣднихъ дней наступили: явились на землѣ Илія и Энохъ—послѣдній въ образѣ Конрада Шмидта (Art. Erf. § 34, 36—40). Онъ—провозвѣстникъ новаго христіанства, caput christianitatis (Proph., p. 21), Христова вѣра дер-

¹⁾ *J. Grimm*, D. M., 3. A., Register: Venus u. Venusberg.

²⁾ Въ слѣдующемъ изложеніи я главнымъ образомъ пользуюсь матеріаломъ, собраннымъ Штумпфомъ (*Historia Flagellantium in Thuringia l. c.*): а) *Prophetica Conradi Smedis vel potius Schmid haeresis flagellatorum infecti*; б) *Articuli ab ipso met flagellantium praedicatorum conscripti*, в) *Articuli modernorum haereticorum circa Erfordiam in Thuringia*; д) *Sequentes articulos tenent et crediderunt haeretici capti in Sundishusen* и др. См. также у *Förstemann*, l. c.: свидѣствіе надъ *Sangerhausen*скими флагеллантами 1414 (и 1454) года (стр. 163—173), надъ *Nordhausen*скими 1446 (и 1369?) года (стр. 173—179 и 278—291; подлинникъ), надъ еретиками въ *Ангальтѣ* (стр. 179—184).

жится лишь имъ и его послѣдователями, флагеллантами. или какъ они раньше звались, *Cruczebruder*. Это опредѣляетъ ихъ отрицательное отношеніе къ установленной церкви и историческій смыслъ той апофеозы, въ какой является глава сектаторовъ въ его *Prophetica*: онъ король Тюрингіи, et imperator Fridericus debeat nominari et esse (Рг., р. 20). Фридрихъ II былъ самымъ блестящимъ представителемъ антицерковной политики; такая память о немъ осталась въ той части общества, которая, почему бы то ни было, враждебно относилась къ Риму; съ этою ролью онъ вошелъ въ ту старую легенду, которая руководилась повѣрьемъ, что въ пору страшныхъ невзгодъ, имѣющихъ постигнуть вѣру, народность и т. п., проявится снова на свѣтъ одинъ изъ великихъ людей, особенно счастливо руководившихъ прошлыми судьбами націи. Для антицерковной партіи такимъ желаннымъ избавителемъ долженъ былъ явиться Фридрихъ II, и тѣмъ же идеямъ отвѣтило отождествленіе Конрада Шмидта съ императоромъ Фридрихомъ II¹⁾. Допросъ, учиненный эрфуртскимъ еретикамъ въ 1414 г. показываетъ, въ какомъ другомъ отождествленіи представлялся имъ нашъ ересіархъ: онъ не только глава христіанства, но на страшномъ судѣ будетъ судьей на мѣсто Іисуса Христа (Art. Erf. § 42).

Отметая католическую церковь съ ея іерархіей, обрядами, таинствами и иконами, флагелланты учили, что лишь въ ихъ толкѣ можно сластись. Они говорили: „luxuriam non esse peccatum cum quascunque“ (Art. Sundish, § 18), что стоитъ въ связи съ отверженіемъ брака, какъ таинства (Art. Erf. § 25); крещеніе водой прекратилось со времени появленія флагеллантовъ и должно замѣниться крещеніемъ кровью (Art. Erf. § 9; Art. Sund. § 11), то-есть, покаяніемъ бичеваніемъ себя до крови въ память искупительной жертвы, принесенной на крестѣ. Этому самоистязанію дается такое широкое мѣсто въ догматахъ секты, что она не даромъ заимствовала отъ него свое названіе. Евангельскій разказъ о бракѣ въ Канѣ Галлилейской истолкованъ иносказательно: вода, претворенная въ вино, преобразуетъ замѣну прежняго крещенія водою болѣе спасительнымъ крещеніемъ кровью (Proph., р. 18, 23; Art. Erf. § 10; Art. Sund. § 6): „Господь нашъ Іисусъ Христосъ далъ намъ впервые хорошее вино (primo bo-

¹⁾ Легенды о возвращающемся императорѣ разобраны мною, въ статьѣ: Откровеніи Меодія и византійско-германская императорская сага, въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1875, мартъ и апрѣль.

num vinum posuit), теперь же, въ 1349 году отъ его воплощенія, дароваль намъ лучшее и спасительное, примиряющее Бога съ человѣкомъ (quod deum et homines laetificans reconciliat). Вино это — покаянный искусь бичующихся, poenitentia flagellatorum (Art. praed. p. 24). Онъ одинъ восполняетъ всѣ таинства, безъ него нельзя войти въ царствіе небесное (Art. Erf. § 28); кто хотя по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю, въ пятницу, въ часъ, когда Христосъ пролилъ свою кровь за человѣка, не прольетъ своей крови въ очищеніе грѣховъ, тотъ не можетъ спастись (Art. praed. 25). Развивая свое толкованіе разказа о брачѣ въ Канѣ, Конрадъ Шмидтъ говорилъ, что кожа, обгренная кровью, есть брачная одежда, что рубашки, въ которыя облакаютъ себя бичующіеся, — одежда невинности (Proph., 19). Подобнымъ образомъ истолковывалась и другая евангельская притча въ примѣненіи къ искусу бичующихся: Credunt, quod quando se flagellarunt, dicunt se in Vinea Domini laborasse cum XII ligonibus (Art. Sund. § 8).

Начало движенія флагеллантовъ привязывается къ эпистолиі, свенсеной съ неба ангелами въ Римѣ къ алтарю св. Петра (Art. Erf. § 1). До появленія бичующихся были принесены съ неба къ алтарю св. Петра три эпистолиі, одна десять лѣтъ спустя послѣ другой; двѣ изъ нихъ были скрыты: третья заключала въ себѣ страшныя угрозы противъ тѣхъ, кто осмѣлился бѣ угаить ее, и вызвала покаянныя странствованія флагеллантовъ (Art. Sund. § 1). Съ содержаніемъ этого древняго апокрифическаго текста, которымъ сектанты воспользовались для своихъ цѣлей, мы уже знакомы: эпистолиа внушала главнымъ образомъ необходимость для всякаго вѣрующаго святить господніе дни, воскресенье и пятницу, воздержаніемъ отъ труда, а пятницу, вромѣ того, постомъ и покаяннымъ бичеваніемъ. Объ обычности послѣдняго акта, именно въ пятницу, свидѣтельствуютъ показанія сектантовъ ¹⁾. Помимо пятничнаго, флагелланты

¹⁾ Instrumentum confessionum haereticorum hic (въ Нордгаузенѣ 1446 г.) propter perfidiam combustorum (Förstemann, l. c. 278 seqq): asseruit se in bona sexta feria (страстную пятницу) ...flagellasse; respondit se flagellasse in bona sexta feria anni praesentis et feria sexta proxima ante penthecostes (с.л. выше роспися 12 пятницу);—respondit quod... se singulis mensibus semel in sexta feria flagellavit; respondit se singulis feriis sextis flagellasse; ultima feria sexta ante penthecostes;—singulis sextis feriis;—in proxima bona sexta feria se flagellavit. Item dixit se interdum flagellasse in quolibet septimana in duabus, tribus, vel quatuor; secundum sub et supra;—bona sexta feria;—singulis sextis feriis;—bona sexta

требовали еще поста накануне Рождества ¹⁾, Петрова и Иванова дни (in vigiliis Christi, Petri et Johannis. Art. praed. p. 26) и Успения ²⁾ и включали въ число дней, подлежащихъ празднованію, рядомъ съ Рождествомъ и Недѣлей — день успенія Богородицы: Solum omnes dies Dominici, Nativitatis Christi et Assumptionis Virginis gloriose sunt celebrande stricte et studiose (Art. Erf. § 47). Последнее указаніе дало намъ поводъ сблизить съ представленіями и литературой бичующихся нашъ „Сонъ Богородицы“ и предположить ихъ знакомство съ отреченнымъ Liber de dormitione Mariae, въ которому мы отнесли основные мотивы нашего Сна. Не знаю, на сколько это предположеніе оказалось справедливымъ; за то другое свѣдѣніе, сообщаемое о бичующихся, дѣлаетъ вѣроятнымъ обращеніе въ ихъ средѣ другаго стараго апокрифа—Апокалипсиса Маріи или Хожденія Богородицы по мукамъ. И этотъ апокрифъ, подобно Эпистолии, подчинился идеямъ секты: какъ въ Эпистолии Богородица выставлена молящеюся за грѣшниковъ, отвращающею отъ нихъ гнѣвъ Сына Божія, такъ и въ гейслеровскомъ „Хожденіи“ она является спасающею: проходя чистилище, она вынесла на каждой нити своей одежды по грѣшной душѣ (dicunt, beatam Mariam Virginem purgatorium pertransisse et in quolibet filo vestimenti unam animam eduxisse. Art. Sund. § 15). Последняя черта показываетъ, какъ будто вліяніе народной переработки, которой часто подвергался мотивъ загробнаго хожденія. Сербская пѣсня разказываетъ, какъ апостоль Петръ пытался извлечь изъ ада свою грѣшную мать на ниткѣ ³⁾, которую венеціанская и сицилійская легенды ⁴⁾ замѣняютъ стеблемъ.

Было уже замѣчено, что бичующіеся любили опираться свое ученіе на особомъ, символическомъ толкованіи нѣкоторыхъ мѣстъ Священ-

feria. Указаніе на пятничное бичеваніе у италіанскихъ флакслантовъ см. *Monaci, Uffizj drammatici etc.*, I. c., p. 257.

¹⁾ — и въ самый день Рождества, еслиб оно случилось въ пятницу. См. Art. Sund. въ передачѣ *Förstemann*, I. c., 170.

²⁾ *Förstemann*, I. c., ib.

³⁾ *Караджиче*, Срп. нар. пј. I, № 208 (майка светого Петра).

⁴⁾ *Bernoni, Leggende fantastische veneziane* pp. 21—2: De la mare de san Piero. Эта легенда известна у Грековъ и у Славянъ, «come ebbe a notare Niccolo Tommaseo illustrando la lezione datane dal Gradi» (Saggio di Letture varie. Torino, 1865, p. 52). См. отчетъ о книжкѣ *Bernoni* въ *Nuova Antologia*, 1873 г., № IX, p. 223 (*A. d'Ancona*) и *Pitrè, Fiabe, novelle, racconti ed altre tradizioni popolari siciliane* № CXXVI: Lu porru di S. Petru (и приведенную тамъ литературу этой легенды) и ib. v. IV, p. 440, прим. къ № CXXVI и vol. I, p. CXLI—II.

наго Писанія. Въ этомъ смыслѣ особенно интересны слѣдующія подробности изъ пророчества Конрада Шмидта (Proph. p. 22—3): Приближалась кончина міра, говорилъ пророкъ;—когда солнце померкнетъ, знайте, что конецъ насталь. *Такъ говоритъ Ангелъ-Пятница, Venus der engel*: милыя дѣти, я желалъ бы часто быть съ вами, и бываю съ вами, когда вы смиреннѣе духомъ, когда вы бичуете себя, чтобъ очиститься отъ всякаго скверны, когда вы памятуете слова святыхъ евангелій.

«*Venus der engel* hat also gesprochen: I. yben Kinder, ich wolte gerne dicke by uch syn; nu mag ich by uch nicht gesin, wenne wan ir demutig syed, unde wenne ir regt dy hand, davone ir gewinnet luterkeyd, unde wenne ir sprechet das wort der heiligen Ewangel. Glossa. Dicit, quod Venus Angelus sit apud eos praesens, quando se fortiter flagellaverint, et quando disputent vel loquantur de evangeliiis, quorum multa sunt. Primum de decem leprosis, super quo dicunt, quod isti novem, qui stabant contenti in ostensione sacerdotum, significant omnes Christianos in mundo, qui recipiunt absolutionem a sacerdotibus, et iste decimus redibat et dicit gratias Deo, hoc sint ipsi flagellatores, qui solummodo sint salvati, quia non recipiunt absolutionem a sacerdotibus, sed a Deo.

Secundum est de muliere Samaritana, quae quaesivit a Domino, sedente supra fontem, utrum in monte vel in templo essent adorandi; qui respondit ei: Veri adoratores etc. Super quo dicunt, quod in Ecclesia non adorandus, et quod persona filii non, sed solummodo pater sit adorandus, quia filius pro se oravit ad Patrem, et quod ipsi flagellatores sint soli veri adoratores, quia ipsi soli adorant Patrem.

Tertium est de nuptiis in Chana (слѣдуетъ извѣстное намъ толкованіе этого разказа).

Quartum est: Homo qui descendebat ad Jerusalem in Jericho. Super quo dicunt, quod ipsi soli sint, qui habeant curam super peccatores.

Quintum est de ejectione nummulariorum de templo, dicendo: Domus patris mei etc. Et addit: vos autem fecistis illam speluncam latronum и т. д. (далѣе эти слова толкуются въ примѣненіи къ католической церкви, обратившейся въ вертечь разбойниковъ).

Sextum est: Multi reges et prophetae etc. Super quo dicunt, quod David praeviderit istam flagellationem futuram in spiritu, et semper optabat superesse et vivere, quum ista flagellatio ita acceptabilis fieret Deo, et quia non sperabat se posse istud tempus attingere, surrexit de nocte, et flagellavit se cum axore sua, ut saltem particeps posset fieri istius laboris.

Septimum est: Cum audieritis praelia etc. Et post: Ante omnia vobis injicient manus (пророчество о преслѣдованіяхъ, ожидающихъ вѣрныхъ христіанъ, то-есть, бичующихся).

Послѣ того, что сказано было выше о значеніи пятничнаго бичеванія, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Venus angelus есть олицетвореніе Пятницы, отвлеченное отъ названія пятаго дня недѣли: Dies Veneris.

Обратимся теперь къ русской сектѣ людей Божіихъ, *Хлыстовъ* (*flagellantes*) или *Христовъ*, какъ они слывутъ въ народѣ, потому *ли*, что Христосъ является между ними видимо, или по обмолвкѣ *вмѣсто* Крестовъ — *Kruczebruder, crucifratres?* Ихъ отношеніе къ установленной церкви то же, что у флагеллантовъ: „Послѣднія времена настали, и есть-де Антихристъ на земли отъ монашескаго чина“, проповѣдывалъ лжехристосъ Лупкинъ. „Вотъ антихристъ воцарился; вотъ онъ сѣлъ на мѣстѣ своемъ, на престолѣ величества своего и требуетъ отъ всѣхъ почтенія“, говорилъ другой пророкъ людей Божіихъ ¹⁾. То же отметаніе таинствъ—брака, крещенія и др. Рядомъ съ отмѣной брака допущеніе свальнаго грѣха, *luxuria* западныхъ гейслеровъ; вмѣсто крещенія водою — другое, святымъ Духомъ. Сравненіе съ ученіемъ нѣмецкихъ бичующихся показываетъ, что подл вторымъ слѣдуетъ, быть можетъ, разумѣть крещеніе кровью, то-есть, бичеваніе, занимающее въ догматахъ хлыстовъ столь же видное мѣсто, какъ и у флагеллантовъ. „Первое-де крещеніе ваше было водою“, училъ Лупкинъ, — „а нынѣ-де вамъ второе крещеніе Духомъ Святымъ, а кто-де тѣмъ вторымъ крещеніемъ не крестится, тотъ-де въ царство небесное не ввидеть“ ²⁾. Образы сада-вертограда (*vinea*), любимые хлыстами, возведеніе ими своихъ молитвенныхъ радѣній къ скаканію царя Давида передъ ковчегомъ (сл. самобичеваніе Давида у флагеллантовъ) также напоминаютъ представленія западныхъ еретиковъ.

Одно изъ главныхъ убѣжденій людей Божіихъ состоитъ въ признаніи *единства* или *тождества* Иисуса Христа съ нѣкоторыми избранныками Божіими и *откровеніе* Христа въ такихъ избранникахъ. Въ первыя времена ереси являлось нѣсколько такихъ избранниковъ, которые называли себя Христами, не различая своего лица отъ лица истиннаго Христа, сына Божія ³⁾. Въ самомъ началѣ ереси самъ Богъ Отецъ спустился на землю и принялъ на себя пречистую плоть человека—Данилы Филиппча ⁴⁾. Одинъ роспѣвецъ Людей Божіихъ ⁵⁾ начинается такимъ образомъ:

¹⁾ *Добротворскій*, Люди Божіи, стр. 36—37.

²⁾ *Ib.* стр. 20.

³⁾ *Ib.* стр. 5—6.

⁴⁾ *Ib.* стр. 7.

⁵⁾ *Н. Барсовъ*, Духовные стихи (роспѣвцы) секты Людей Божіихъ. С.-Пб. 1870, № 42 (изъ т. IV *Зап. по Отд. Этногр. Геогр. Общ.*).

И отецъ сударь и сынъ,
И святый полный духъ
И Давида и Эноха
И Илья сударь пророкъ.

Флагелланты говорили о себѣ, что они одни достойно поклоняются Богу Отцу; въ ихъ главу, Конрада Шмидта, переселилась душа Эноха (какъ душа Ильи—въ тѣло одного флагелланта—Бегарда, сожженного въ Эрфуртѣ ¹⁾); онъ вмѣстѣ съ тѣмъ императоръ Фридрихъ, и на страшномъ судѣ будетъ судьей на мѣсто Иисуса Христа. Такое же политическое самозванство, соединенное съ религіознымъ, извѣстно было и у Людей Божіихъ: одинъ изъ ихъ кормщиковъ, Осиповъ, называлъ себя богомъ боговъ и царемъ царей; Соплинъ—Христомъ, государемъ батюшкой, своими пророчествами держащимъ и небо и землю. Последнимъ Христомъ Людей Божіихъ былъ императоръ Петръ III; по ученію скопцевъ, тѣсно связанныхъ съ хлыстовщиной, даже пришествіе Христа на страшный судъ совершится въ лицѣ императора Петра III ²⁾. Мы видѣли, какія исторически-легендарныя условія вызвали въ Германіи отождествленіе Конрада Шмидта съ Фридрихомъ II; въ русской средѣ подобное отождествленіе менѣе понятно. Амнистія и свобода вѣры, дарованныя раскольникамъ Петромъ III тотчасъ по вступленіи на престолъ, могли обратить къ нему симпатіи до тѣхъ поръ гонимыхъ толковъ; но что событіе 5-го іюля 1762 года могло породить въ нихъ *самостоятельно* представленіе, что императоръ не умеръ, а скрывается и объявится вмѣстѣ царемъ и Христомъ, — допустить это потому трудно, что никакое народное преданіе не поддерживало этихъ надеждъ, тогда какъ въ Германіи, на примѣръ, подобная формула была готова: стоило только приурочить къ ней новыя имена и отношенія. Хлыстовско-скопческое ученіе объясняется прямымъ перенесеніемъ формулы изъ одной среды въ другую.

У Людей Божіихъ много духовныхъ пѣсенъ или роспѣвцевъ, догматическаго и историческаго характера, частію такихъ, сюжеты и приемы которыхъ заимствованы ими изъ народной, свѣтской или духовной пѣсни и прилажены къ ихъ ученію. Пристрастные къ иноска-

¹⁾ Сл. Art. Sund. въ передачѣ *Förstemann*, I. с., 168—170. Одинъ изъ предводителей италянскихъ Branchi называлъ себя пророкомъ Ильей, сошедшимъ изъ рая передъ концомъ міра (Theod. de Niem De Sch. 109).

²⁾ *Добротворскій*, I. с., 23.—*Рейтскій*, Люди Божіи и скопцы, стр. 65—63.

зательному толкованію Священнаго Писанія ¹⁾, они переносили иногда это толкованіе въ свои напѣвы. Имъ, какъ и флагеллантамъ, понравился евангельскій разказъ о Самарянкѣ, который они такъ объясняли себѣ: Самарянка—грѣшная душа, кладязь—крещеніе, живая вода—Святой Духъ, пять мужей Самарянки—пять книгъ Моисеевыхъ ²⁾. Слѣдующая пѣсня велижскихъ братчиковъ, извѣстная и на Моравѣ ³⁾, несомнѣнно внушена содержаніемъ евангельскаго эпизода:

Ишоу Господзь дорогою,
Дорогою широкою,
Пришоу Господзь къ колодзю,
Къ колодзю глубокому,
А тамъ дзѣука воду брала (bis),
Грѣшны души пробовала (bis).
Богъ у дзѣуки воды просиу:
Ты дай, дзѣука, Богу воды.

Она отвѣчаетъ, что ея вода нечистая:

Зъ дуба стри́ла выли́тала
У колодзнь попада́ла,

или по другому варианту: Древожь листожь западала (№ 717). „Ты сама нечиста“, отвѣчаетъ ей Господь.—„У тебя было нѣсколько мужей—объясняетъ моравская пѣсня, сходясь затѣмъ съ бѣлорусскою:

Ты имъ си́ноу породзи́ла,
Усвѣхъ сюды потони́ла.

Въ моравской пѣснѣ (и у Зенкевича) дѣвушка, пораженная этимъ всевѣдѣніемъ, спрашиваетъ:

Sám li ste vy ráp Buh milý,
Ze vy znáte moje viny?

Въ одной ферейской пѣсни вмѣсто Самарянки является Магдалина, полошущая кувшинъ на берегу рѣки. Спаситель просить у нея

¹⁾ *Н. Барсова*, Русскій простонародный мистицизмъ, С.-Пб. 1869 г. стр. 26—8.

²⁾ *Ив.* стр. 27. Сл. Вопросы, отъ сколькихъ частей созданъ былъ Адамъ, у *Тихомирова*, Нам. отр. русск. лит., II, стр. 456—7: «Почто Господь рече Самаряныни: пѣть моужь имѣла еси? отвѣтъ: Самаряныни хранила двѣство свое и оумы инаше ѿ рѣчехъ пророка Моисѣя, рѣчи инаши пророческия пять въ сръдци своемъ и т. д.

³⁾ *Шейнъ*, Бѣлорусскія народныя пѣсни № 718; *сл. ив.* № 717 (Якъ у недзвѣлку раненько); *Шейнъ*, Русск. нар. пѣсни, стр. 231—4 (№№ 85—88); *Варен-*

напиться изъ кувшина; Магдалина отвѣчаетъ, что это сосудъ не для питья, и предлагаетъ ему — напоить его изъ ладони: „Я согласился бы, еслибы ты была такъ чиста, какъ моя мать“. Магдалина клянется Священнымъ Цисаніемъ, что она невинна, какъ монахиня, и не знаетъ мужины. „Не клянись“, говоритъ Спаситель, — „ты прижила въ грѣхѣхъ трехъ сыновей“. Магдалина молитъ его наложить на нее искуст, и когда она исполнила его, Спаситель, въ награду за ея смиреніе, велитъ ей служить Богородицѣ.

Я привожу къ сравненію еще одну каталонскую пѣснь о Самарянкѣ¹⁾. „Какъ счастлива была Самарянка, что, идя къ колодцу, Христа повстрѣчала!—Небесная невѣста—желанная, любимая!“ Христосъ проситъ у нея пить; та отказываетъ: ей трудно достать воды. „А дашь ты мнѣ воды, коли я тебѣ отадаю?“ „Коли отадаши, дамъ тебѣ воды“. „У тебя трое возлюбленныхъ (galants) за столомъ сидятъ: одинъ зовется Петромъ, другой—Яковомъ, третій—Спаситель, спасающій весь міръ“ (l'altre Salvador—que tot lo mon salva). „Напейся, господинъ, испей воды“. „Не хочу я воды, хочу твою душу“. Она схватила кувшинъ, домой вернулась, находитъ трехъ возлюбленныхъ: одинъ разводитъ огонь, другой мететъ, третій ждетъ ея на дорогѣ. Меньшій говоритъ: „Почему ты опоздала?“ „Идите отсюда, идите: я нашла юлошу, который просвѣтилъ меня“. „Можетъ быть, демонъ тебя искусилъ“. „Не на демона опъ походилъ, а на ангела“.—Взяла кувшинъ, вернулась къ колодцу, никого не нашла. Беретъ кувшинъ, идетъ домой, посреди дороги нашла распятіе: бросилась на колѣна, обняла его руками, камышкомъ бьетъ себя въ груди. Голосъ раздается: „Ты прощена“.

Въ столь прозрачной формѣ пѣсни Божіихъ людей не сохранили евангельской легенды, и мы съ трудомъ узнаемъ ее въ слѣдующей передѣлкѣ, осложненной посторонними мотивами²⁾:

Шла дѣвица по водичу,
На встрѣчу дѣвицъ снѣгъ гостиний:

цова, стр. 240—242 (2№№); *Киреевскій*, LI, 223; *Zielińiewicz*, Piosenke etc. стр. 254—6 (A w Niedeln po obidi); *Sušil*, № 3: Hříšnice.

¹⁾ *Pelay Briz*, *Cansons de la Terra* v. II, p. 209—210.

²⁾ *Добротворскій*, I. с. стр. 191, № 72; сл. *Барсова*, Духовные стихи № 25; Материалы для исторіи хлыгосской и скопческой ересей, собранные *Мелинниковымъ*, Отдѣлъ пятый (*Чтенія Импер. Общ. Ист. и Др.* 1873, I), стр. 20 (Ой помочь тѣ, дѣвица, воду черпать), и варианты тамъ же. Сл. *Лоначевскій*, Пѣсни Буковинскаго народа, I. с., стр. 406—7 (Край дороги широкой).

Богъ помочь тебѣ, дѣвица, черпать воду.
 Какъ я тебѣ, дѣвица,
 Загадаю шесть загадокъ.

Слѣдуютъ загадки, перенесенныя сюда изъ пространнаго литературнаго цикла—вопросовъ и отвѣтовъ: что краше свѣту, выше лѣсу, чище сада, что растетъ безъ корени и т. п.

Любопытнѣе судьба другой религіозной пѣсни на почвѣ иновѣрческаго толка. Она встрѣчается въ самыхъ разнообразныхъ пересказахъ ¹⁾: въ формѣ хожденія, въ видѣ колядокъ; переписанная вмѣстѣ со Сномъ Богородицы въ одну книжку, она хранится въ народѣ бережно, какъ святыня ²⁾, потому вѣроятно, что и ей приписываются такія же спасительныя свойства, какъ и Сну. Вотъ въ какихъ пріуроченіяхъ встрѣчается эта молитва у Людей Божиихъ:

1. Ходила святая дѣва по горамъ, по крутымъ горамъ,
 Искала, искала Иисуса Христа ³⁾.

На встрѣчу ей жидовскія дѣти. „Не вы ли распяли Христа“? „Не мы, а ваши прадѣды“, отвѣчаютъ они, и велятъ Богородицѣ идти на крутую гору, гдѣ стоятъ три древа, изъ нихъ церковь строена, въ церкви три гроба, въ одномъ—Иисусъ Христосъ, въ другомъ Святая Дѣва, въ третьемъ Іоаннъ Предтеча. Надъ самимъ Господомъ ангелы поютъ, надъ Святою Дѣвой лоза процвѣтаетъ, надъ Предтечей свѣчи теплятся. Это—народная редакція, извѣстная и изъ другихъ, не сектантскихъ пересказовъ.

2. Ходила дѣва по чистому полю,
 Искала Богородица Иисуса Христа ⁴⁾.

Ей на встрѣчу Иванъ Предтеча, велятъ идти въ чисто поле, тамъ три древа, изъ нихъ построена церковь, въ ней три птицы поютъ пѣсни евангельскія.... Здѣсь примыкаетъ сектантская передѣлка:

На золотѣ престолѣ тамъ Христосъ сидитъ,
 Призываетъ онъ къ себѣ дѣтушекъ,
 Говоритъ имъ слова пріятныя:
 «Ай, вы пу-те-ка, други, пора-дѣйте-ка

 Мени Христа-Бога поугѣньте-ка,
 Мою мать Богородицу порадуите» и т. д.

¹⁾ См. замѣтку въ концѣ главы.

²⁾ *Шейнъ*. Бѣлор. нар. пѣсни, стр. 386.

³⁾ *Добротворскій*, 1. с., стр. 159—60, № 36.

⁴⁾ *Ть.*, стр. 152, № 35.

„Въ этой пѣсни фантастически представлено общество Людей Божіихъ, радѣющее съ самимъ Христомъ“, замѣчаетъ г. Добротворскій.

3. Во святомъ было во градѣ Ерусалимѣ,
Стоить тамъ церковь соборная¹⁾

(или: На горѣ, горѣ, на Сіонской горѣ и т. д.), въ ней три гроба,
въ нихъ лежатъ Матерь Божія, Иванъ Предтеча, Иисусъ Христосъ:

Какъ надъ тѣми надъ гробами древа райскія,
На тѣхъ древахъ сидитъ Стратимъ птица,
Она держитъ въ рукахъ родословъ-книгу.
А вокругъ тоя птицы всѣ ангелы.

Поютъ пѣсенку всѣ: Христосъ воскресъ.
Возставала изъ гроба Матерь Божія,
Пресвятая свѣтъ-Богородица,
Подавала людямъ Божіимъ рубашечки,
Еще кроила людямъ Божіимъ полотенецелъ,
Свявала людямъ Божіимъ святы жгутки.

Загѣмъ возстаютъ изъ гроба Іоаннъ Предтеча и Иисусъ Христосъ, и начинается радѣніе.

Вопросъ о гейслерахъ - хлыстахъ отвлекъ меня на время отъ моей главной задачи. Историческая связь между ними представляется мнѣ ясно: хлысты—это гейслеры, пересаженные на русскую почву и здѣсь продолжавшіе развивать свое ученіе въ средѣ болѣе грубой и суевѣрной, доведшей ихъ послѣдовательно до вырожденія въ скопчество. Тѣмъ не менѣе старыя родственныя черты остались: въ ученіи о воплощающемся Богѣ, о возвращающемся императорѣ, о покаянномъ бичеваніи, которое назначено было отмѣнить всѣ другія таинства и вызвало въ представленіяхъ гейслеровъ образъ Ангела-Пятницы. Сохранивъ ту же склонность къ иносказанію, въ цѣляхъ примѣненія древнихъ текстовъ къ своимъ догматическимъ представленіямъ, хлысты переносили тѣ же приемы и на мотивы народной пѣсни. Мы видѣли, какъ преобразилась въ ихъ средѣ народная ко-

¹⁾ Барсовъ, Дух. стихи, № 78; сл. Добротворскій, 1. с., стр. 152—153, № 31; Мельниковъ, 1. с., стр. 112—113; сл. прим. на стр. 113: «Эта пѣсня записана собирателемъ сихъ матеріаловъ въ 1854 г. Нижегородской губерніи Арзамасскаго уѣзда, гдѣ она употребляется хлыстами, и помѣщена въ приложеніи къ пятой части его «Отчета о современномъ состояніи раскола». Изъ этого отчета, разошедшагося въ рукописяхъ, эта пѣсня и многія другія перешли въ Сборникъ Варшова и другіе».

лядка ¹⁾; любимое у нихъ общее мѣсто о кораблѣ, въ которомъ плыветъ Господь Богъ съ ангелами, съ архангелами, встрѣчается, на примѣръ, въ стихѣ про душу великой грѣшницы, въ пѣсни велижскихъ братчиковъ, въ старо-нѣмецкой рождественской пѣсни, въ народной поэзій Португаліи и Сициліи ²⁾; корабль—образъ хлыстовской общины. Хлысты часто поютъ „церковныя пѣсни или псалмы“, иногда и народные стихи, на примѣръ, объ Іосифѣ Прекрасномъ, объ Іосафѣ Царевичѣ и другіе ³⁾. Легко предположить, что и народный стихъ объ олицетворенной Пятницѣ, знакомой западнымъ флагеллантамъ, извѣстенъ былъ и у хлыстовъ, хотя мы и не имѣемъ относительно этого никакихъ свѣдѣній. Последнее обстоятельство не умаляетъ, впрочемъ, возможности и вѣроятности самаго факта; это пойметъ всякій, кто знаетъ, какъ трудно бываетъ нашимъ собирателямъ народно-бытовыхъ матеріаловъ освоиться съ религіознымъ міросозерцаніемъ изслѣдуемой ими среды. При такихъ условіяхъ, самое богатство свѣдѣній, записанныхъ на угадъ и не разобранныхъ, при самомъ актѣ собиранія, по извѣстнымъ категоріямъ, можетъ служить лишь помѣхой изслѣдователю. Такъ и въ вопросѣ о народномъ культѣ Пятницы. Я старался уловить въ его историческомъ развитіи черты народнаго олицетворенія, собирая ихъ въ общій образъ; и за всеѣмъ тѣмъ остаются нѣкоторыя, правда, немногія подробности, которыя въ этотъ образъ трудно укладываются. Объясняется это тѣмъ, что элементы, изъ которыхъ онъ сложился въ народномъ сознаніи, не однообразны; что иногда они спаивались въ одно цѣлое, при чемъ одинъ изъ составныхъ элементовъ являлся преобладающимъ, давая окраску другимъ; часто онъ становился о-божъ съ другими, не производя впе-

¹⁾ Сл. *Добротворскій*, I. с., № 37, р. 160; *Барсовъ*, Дух. стихи, № 45 и др.

²⁾ *Якушкинъ*, Русск. пѣсни, № X; *Шейнъ*, Бѣлорусск. нар. пѣсни, № 721; *Wackernagel*, *Weihnachtsp.*, 381: «Unter den Weihnachtsliedern des 14-ten Jahrhunderts zeichnet sich besonders der Gesang aus: Uns kommt ein Schiff gevaren — Es bringt ein schönen Last — Da: ðf vil engelscharen — Und hat ein grôzen Mast (Ph. *Wackernagel*, *Kirchenlied*, № 729; *Bollens* *Choralgesang*, 62). Es wird dem grossen Theologen Johannes Tauler († 1361) zugeschrieben». — Сл. тотъ же сюжетъ у *Gil Vincente*, *Barca do Purgatorio: Christo o capitão de navio. Inc. Remando vão remadores — Barca de grande alegria, — o patrão que a guiava — Filho de Dios se dizia — Anjos erão os remeiros* и т. д. *Bellermann* (*Portugiesische Volkslieder und Romanzen*, 2 и 266) называетъ эту пѣснь старою народною. Сл. *T. Braga*, *Cancioneiro*, II, 170—171 и *Pitrè*, *Canti pop. sic.* II, № 990 (*La nave*): *Sammicheli è'u capitani.... Sanciusseppi è'u timuneri.*

³⁾ *Добротворскій*, I. с., р. 43.

чатлѣннй цѣлаго и вызывая разностороннюю оцѣнку. Народная Пятница прежде всего — олицетвореніе священнаго дня недѣли, angelus Venus; но затѣмъ мы видѣли, что народное суевѣріе смѣшало ее съ Богородицей, между прочимъ, съ Покровомъ = Богородицей, — съ Параскевой мученицей.

Слѣдующія суевѣрія, не укладывающіяся въ тотъ образъ народной Пятницы, какой былъ предложенъ въ предыдущихъ главахъ, сообщаются въ нѣсколько произвольномъ распредѣленіи на три рубрики.

1. (Пятница-Богородица?). По народному убѣжденію, отъ Пятницы зависятъ обильные роды земли; ее молятъ объ отвращеніи засухи, проливныхъ дождей, неурожаевъ; въ даръ ей приносили земные плоды ¹⁾; приписывали ей вліяніе на здоровье, урожай хлѣба и плодородіе скота, почему во время падежей и другихъ бѣдствій прибѣгаютъ къ ней съ мольбами, совершаютъ общественное богослуженіе и приносятъ очистительныя жертвы ²⁾; молясь ей о защитѣ отъ коровьей смерти, приносятъ кисель къ гробу (?) ³⁾. Въ Калужской губерніи при началѣ жатвы одна изъ старухъ, извѣстная по легкости своей руки, отпраивается ночью въ поле, нажинаетъ одинъ снопокъ, связываетъ его и до трехъ разъ то кладетъ, то ставитъ на землю, произнося слѣдующія слова: „Пятница-Параскева, матушка, помоги рабамъ Божиимъ (слѣдуютъ имена) безъ скорби и болѣзни окончить жатву; будь имъ заступница отъ колдуна и колдунницы, еретика и еретицы!“ Затѣмъ, взявши снопокъ, она старается пройти со двора, не будучи никѣмъ замѣченною ⁴⁾.

2. (Отдѣльныя пятницы). Особое мѣсто должно быть отведено среди пятничныхъ суевѣрій, тѣмъ изъ нихъ, которыя привязаны къ извѣстнымъ пятницамъ, почему-либо особенно почитаемымъ въ народѣ. Для каждой изъ нихъ значеніе окружившей ихъ обрядности должно быть опредѣлено особо въ связи съ тѣмъ мѣстомъ, какое онѣ занимаютъ въ народномъ обрядовомъ календарѣ. Такъ, въ Буйскомъ уѣздѣ (Костромской губерніи) празднуется на 3-й недѣли Великаго поста *Обзорная* пятница, когда зятя угощаютъ тестей и тещей киселемъ съ масломъ, который привозится въ гробкахъ ⁵⁾. Въ другихъ

¹⁾ *Аванасьева*, Поэт. воззрѣнія, I, 240.

²⁾ *Аванасьева*, Легенды, 149.

³⁾ *Петрушевичъ*, Общерусск. дневникъ, стр. 76.

⁴⁾ *Аванасьева*, Легенды 149; Поэт. воззрѣнія, I, 240.

⁵⁾ *Снегиревъ*, Русск. простонародн. праздники, I. 188.

мѣстностяхъ это дѣлается въ *разумную* пятницу, и смыслъ угощенія тотъ, что молодые зятя благодарятъ тецъ и тестей за получение отъ нихъ непорочной жены ¹⁾. Въ уѣздахъ Шенкурскомъ (Архангельской губерніи) и Вельскомъ (Вологодской губерніи) отправляютъ ежегодно празднества въ честь *Пятницы на первой недѣли Петрова поста*, подъ именемъ *девятой* пятницы. Въ одной старинной часовнѣ, въ пяти верстахъ отъ Верховожья (Вологодской губерніи) бываесть крестный ходъ и молебствіе, потомъ угощеніе и игры. Дѣвушки и парни играютъ въ *полукрестъ*. Онъ составляется изъ двухъ круговъ: пары сначала сходятся, а потомъ пускаются попарно въ запуски. Безпарные бѣгаютъ за парой и стараются ее разорвать, и тѣмъ оканчивается игра ²⁾. Замѣтимъ, что въ росписаніи 12-ти пятницъ у Аванасьева (Повт. воззрѣн., I, 31—32) девятая пятница приходится передъ Покровомъ (1-го октября); въ этой связи мы пытались объяснить и вологодскій обычай „обыденной лелены“; въ росписи 9-ти пятницъ у Терещенка ³⁾, наоборотъ, девятая пятница помѣщена послѣ *праздничной*, что на день св. Парасковіи—28-го октября.

3. (Св. Параскева). Праздникъ Параскевы-мученицы, прозванной Пятницей, приходится на 28-е октября. Суевѣрія и примѣты, привязавшіяся къ этому дню, и вообще къ чествованію святой, могутъ лишь въ извѣстной мѣрѣ быть связаны съ культомъ олицетвореннаго дня, и вѣроятно, относятся къ кругу другихъ календарно-миоическихъ представленій. Празднованіе приходится осенью; оттого—Парасковіи грязники, порошики; на грязнуху большая грязь, четыре седмины до зимы ⁴⁾; Парасковіи льяницы: съ этого времени начинаютъ мять ленъ ⁵⁾. Въ день св. Параскевіи 28-го октября отправляли соборомъ божью службу, клали подъ образъ св. Параскевіи зеленые плоды для освященія и хранили у себя дома до слѣдующаго года ⁶⁾. Въ Болгаріи 28-го апрѣля старухи оставляютъ на дворѣ хлѣбъ и крашеное яйцо, съ полнымъ убѣжденіемъ, что св. Параскевія придетъ ночью и съѣстъ то и другое ⁷⁾; 28-го октября на святу

¹⁾ Терещенко, Бытъ русск. нар., VI, 60.

²⁾ Ib., I. с.; Снегиревъ, I. с., I, 188—189.

³⁾ Терещенко, I. с., VI, 60.

⁴⁾ Даль, Толковый словарь: пять.

⁵⁾ Терещенко, I. с., VI, 55.

⁶⁾ Ib. 59.

⁷⁾ Каравеловъ, Пам. народн. бытъ Болгаръ, I 220—1; Аванасьева, Повт. возар. I, 241.

Парашкеву начитаются службы и продолжаютъ до св. Николы. Службы происходятъ слѣдующимъ образомъ: женщины ходятъ изъ дома въ домъ и собираютъ деньги, муку, яйца, ветчину, масло и т. п., покупаютъ вино и собираются на горѣ, которая называется свята Парашкева. Тамъ онѣ готовятъ кушанье, изъ каждаго дома приносятъ чотору или бѣклицу (кувшинъ) вина, прѣсный хлѣбъ и густой медъ. Когда кушанье готово, приходитъ поль, освящаетъ службу и сатидся вмѣстѣ съ народомъ; ѣдятъ, пьютъ, веселятся. На службы собираются всѣ бѣдныя и нищія; отсюда и поговорка: „наѣлся, като просекъ на служба“ ¹⁾. Загадочнѣе слѣдующій обычай: въ Тулѣ, въ праздникъ Пятницы (28-го октября?) готовятъ изъ глины дѣтей ²⁾.

Пятницу Русскій народъ представляетъ себѣ то молодицей, то старухой, простовласою; она въ бѣломъ шушунѣ; худощава и высока ростомъ (Терещенко); по болгарскимъ сказаніямъ, свята Петка Парашкева носитъ на головѣ лучезарный вѣнокъ, очень добра и охотно помогаетъ женщинамъ въ ихъ домашнихъ работахъ ³⁾. Этотъ лучезарный вѣнокъ явнымъ образомъ перенесенъ на олицетвореніе Пятницы съ образа чествуемой церковью мученицы Параскевы. Поклоняясь послѣднему, ставя ему свѣчу отъ нечистаго навожденія ⁴⁾, народъ также бессознательно переносилъ его черты на образъ своего собственнаго созданія, какъ бессознательно смѣшивалъ свою Пятницу съ христіанской мученицей. Въ Малороссіи, во время церковныхъ обрядовъ, выносили образъ св. Параскевіи, увѣшанный лентами, монетами, цвѣтами и душистыми травами. Народъ толпой тѣснился лобызать изображеніе, въ надеждѣ избавленія отъ разныхъ недуговъ. Цвѣты и травы, украшавшіе образъ, хранились въ церкви; отваръ ихъ давали пить отчаянно больнымъ, какъ вѣрное лѣкарство ⁵⁾. Русскіе крестьяне хранятъ у себя по домамъ образъ св. Пятницы, женщины худощавой, высокой ростомъ, съ лучезарнымъ вѣнкомъ на головѣ ⁶⁾. Тѣ изображенія Недѣли и Пятницы, которыя Караджичъ встрѣчалъ на иконахъ ⁷⁾, можетъ быть, внушены изображеніями

¹⁾ Каравеловъ, I. с., 263; Петрушевичъ, I. с., 77.

²⁾ Петрушевичъ, I. с., 76. Сл. рождественскія печенія изъ гвста въ образѣ людей и животныхъ въ Германіи (*Wackernagel*, *Weihnachtsp.* 26—7) и Россіи (Терещенко, I. с., VII, 37—8).

³⁾ Анастасовъ, Поэт. воззрѣнія, I, 241.

⁴⁾ Петрушевичъ, I. с., 76.

⁵⁾ Терещенко, I. с., VI, 58.

⁶⁾ I. с., VI, 55.

⁷⁾ Караджичъ, Срп. Рјечник а. в. недѣвъ.

св. Анастасіи и Параскевы, если не предположить, что послѣднія были истолкованы народомъ, какъ Недѣля и Пятница ¹⁾). Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что иконографическое представленіе Недѣли засвидѣтельствовано для очень ранняго времени однимъ изъ поученій Паисіевскаго сборника, на который обратилъ вниманіе г. Пыпинъ ²⁾. Эти поученія замѣчательны: „въспрашанье Изяславе князя, сына Ярославля, внука Володимеря“ печерскому игумену Θεодосію показываетъ, что и въ Россіи XI вѣка существовали тѣ же суевѣрныя представленія о культѣ Воскресенья, какія выражены въ Эпистоліи о Недѣлѣ. Изяславъ спрашиваетъ Θεодосія: „Можно ли въ день воскресенья заклать вола или овна, и можно ли ѣсть птицу или иное, подобное сему“. Θεодосій объясняетъ князю, что недѣля читится только ради воскресенья Христова, что если Евреи имѣли законъ субботы, въ которую не повелѣно было *ничего дѣлать, ни огня возжигать, ни заколатъ животнаго, ни переходить изъ храма въ храмину*,—то до насъ это не касается, потому что Христосъ сошелъ на землю и „жидовская вся умолкоша“. Мы не чада Авраама, но чада Христа Бога нашего, и Святго Писаніе не дѣлаетъ никакихъ запрещеній о недѣлѣ. „Ни есть ти възбранно“, продолжаетъ Θεодосій,—„ни грѣхъ, еже рѣзати въ недѣлю, и ясти, по ней же ми еси воспрашалъ: того ради молю тя, явѣя преданья святихъ; аще бо кто тако творить, въ субботу рѣзати, а въ недѣлю ясти, то явѣ *жидовствоуетъ*“. Излишняя строгость въ соблюденіи воскресенья, обличаемая этими поученіемъ, обращаетъ насъ къ реалистическимъ запретамъ Эпистоліи, тогда какъ слова Θεодосія напоминаютъ наставленія блаженнаго Августина (*Sermo de decem ebordis*, с. 3), точно также противопологавашаго духовное празднованіе воскресенья реаль-

¹⁾ Св. Венеранда или Венера—Параскева изображается обыкновенно либо съ распрямленными въ рукахъ, либо съ символомъ колда (орудіа ея казни), или дракона, играющаго роль въ ея житіи. Сл. *Cahier*, *Characteristiques des Saints dans l'art populaire*, Paris, 1867, I, p. 208, 284, 322. Сл. *Ventimiglia* *op. cit.* 25—6, 47. Знакомъ исторіи искусства, безвременно погибшій, В. Н. Виноградскій, сообщилъ мнѣ слѣдующія данныя о древнихъ изображеніяхъ Пятницы на русскихъ иконахъ: 1) XIV вѣка: въ правой рукѣ крестъ, лѣвая закрыта; 2) XIV—XV вѣковы: въ правой рукѣ крестъ, въ лѣвой сосудъ (античной формы, gemmato); 3) XVI вѣка: въ правой рукѣ крестъ, въ лѣвой развернутый свитокъ: «Вѣрю (sic) въ единого Бога Отца, Вседержителя, Творца».

²⁾ *Литониси занятій Археологической комисіи*, вып. 2-й (1862—1863 г.); Исследования для объясненія ложныхъ книгъ и преданій: Недѣля и Эпистолія о Недѣлѣ, стр. 2—4.

ному покою еврейской субботы. „Dicitur tibi“, говоритъ онъ, — „*ut spiritaliter observes sabbatum, non quomodo Judaei observant sabbatum, carnali otio; vacare enim volunt ad nugas et luxurias suas. Melius enim faceret Judaeus in agro suo aliquid utile, quam in theatro desidiosus existeret; et melius foeminae eorum die sabbati lanam facerent, quam toto die in moenianis saltarent*“¹⁾.”

Другое слово Паисіевскаго сборника говоритъ намъ объ иконографическихъ представленіяхъ Недѣли: „Слово истолковано мудростію отъ святыхъ апостолъ и пророкъ и отытъ—ѿ твари и ѿ днѣи, рекомомъ недѣля, яко не подобаетъ крѣстьяномъ кланятися недѣли, ни шловати ея, за не тварь естъ“²⁾. Въ числѣ прочихъ наставленій на эту тему, читаемъ слѣдующія: Жиды просили у Бога, и Онъ давалъ имъ знаменія, а для насъ премудрость естъ Христось, „и его пропѣть и воскресенъ; и поклоняются емоу и *трудное ею воскресенъ славятъ, а не недѣлю: не рече Богъ о болванъ, но рече: створимъ чловѣка по образу нашему*“; слѣдовательно, чловѣчскій образъ не приличенъ другой тварл. Но если кто спроситъ: „*да чему се естъ писана недѣля*“; та предана намъ кланятисѣ еи и чьстити ю?“ На это отвѣчаетъ слово, что Богъ хотѣлъ привести Евреевъ на лучшій разумъ и отвлечь ихъ отъ идоловъ, и далъ имъ субботу; потомъ данъ имъ былъ другой, лучшій законъ, но они не уразумѣли его, „но первомъ держащисѣ, ни того сохраниша, ни по новыи яшася, ѿ нем же быша спасени были; тако ти и мы не можемъ сѣ

¹⁾ Сл. *Especulo de los legos* (XIV вѣка) гл. XXI, у *Amador de los Rios*, *Hist. crit. de la literat. espanola*, IV: «Mejor es en los dias del domingo cavar et arar que non aducir cantares». — *Lagomaggiore*, *Rime genovesi* del s. XIII e del principio del XIV (въ *Archivio glottologico*, diretto da *Ascoli*, v. II, punt. 2, 1873 г., № 14: De decem precepta Moyses, p. 184): «Lo terzo comando de la ley — Dementegar no te dei: — *che lo sabo, di sagrao*, — *chi in domnega è cambiio* — *Paregorli santificar* — e tuto a De sacrificar... e en lo so amor reposa — senza far alcuna cosa — *de vera ni d'atro zogo* — donde peccao avesse logo, — *che, sapi ben, monto mar festa* — *chi fa ovra desonesta: — men mar serea aver arao* — *in di de festa, cha ballao*. — *che monti son chi quello iorno* — *van a rei merchai d'entorno*. — «Inmassen sich vor alten Zeiten wie die katholische Kirch die wochentliche heiligung und feyrung des sibenden Tags von dem jüdischen Sabbath auff den nachfolgenden users Herrn Auferstehungstag, das ist den Sonntag, gelegt, Ketzler gefunden, die dieser Ordnung der Kirchen zu Trotz und Verachtung ihre Fasttag am Sonntag angestellt (*Panzer*, I. c., II, p. 284). — Въ послѣднемъ сுவеврии несомнѣнно отразились строгія наставленія епистолии.

²⁾ *Пышизъ*, I. c.; текстъ слова у *Срезневскаго*, *Древн. пам. русск. письма и языка*, стр. 272—5.

остати порока того пустомнаго, еже *клянѣтисѣ твари* — того дѣла дано имъ недѣля, да на томъ познають Христово воскресеніе“, чтобы въ этотъ день люди не творили зла, молились о грѣхахъ своихъ и кланялись Воскресенію Христову, а не дню недѣли. День этотъ былъ всегда, но не нарицался недѣлей; когда же Христосъ пришелъ, то была радость всему міру ради Его воскресенія, а не ради недѣли; въ тотъ день онъ разрушилъ смерть крестомъ, а не недѣлей ¹⁾.

Такимъ образомъ, съ первыхъ вѣковъ европейскаго христіанства слышится голосъ рационализма противъ того, что мы могли бы называть жидовствующимъ пониманіемъ субботаго дня. И не смотря на то, оно поднималось снова, формулируемое въ апокрифическихъ статьяхъ и проповѣдуемое сектами. Образы Пятницы и Анастасіи, страствующихъ и угрожающихъ, принадлежатъ во всякомъ случаѣ этому нерациональному развитію христіанства. Образы эти до сихъ поръ владѣютъ фантазіей русскаго простолюдина, лишь изрѣдка позволяющаго себѣ перенести ихъ въ область народной шутки. Я закончу эту главу двумя народными анекдотами.

Дѣло было въ пятницу; ѣхали вмѣстѣ Русскій да Нѣмецъ. Захотѣлось Нѣмцу закусить, и принялся онъ за колбасу. „Не ѣшь скоромнаго“, говоритъ Русскій, — „ниче — пятница“. „Что тамъ за пятница? наплевалъ бы ей въ глаза!“ Долго-ли, коротко-ли они ѣхали, ведутъ имъ на встрѣчу медвѣдя. Русскій говоритъ: „Вонъ идетъ наша пятница!“ „Постой же, пойду наплюю въ глаза вашей Пятницѣ!“ Сейчасъ соскочилъ съ повозки да къ медвѣдю, а Михайло Ивановичъ ухватилъ его сердечнаго: ужъ онъ ломалъ Нѣмца, ломалъ. насилу люди отбили ²⁾.

Одна глупая баба пріѣхала на ярмарку купить образъ Временной Пятницы. Приходитъ въ балаганъ къ разнощику: „Дядюшка, покажи ка мнѣ образъ Временной Пятницы“. Вмѣсто того, показываетъ онъ ей Егорія Храбраго. „Дѣдушка, да отчего же она, матушка, на конѣ?“ „Экая ты баба дура! Оттого она и называется Временною, что иной разъ пѣшкомъ ходитъ, а временемъ на конѣ ѣздитъ. Вишь конь-то тахъ копытица и задираетъ“ ³⁾.

¹⁾ Нѣсколько далѣе слѣдуетъ въ текстѣ увѣщаніе, какъ проводить воскресный день: «празднуйте во-нь не дѣлающе, ни гнѣвающесѣ, ни клеветящю, ни осужающе, ни пьюще, ни играюще игръ бѣсовскихъ, отъ блуда сѣ воздержаще, тѣмъ же творящю... во тѣ день прибѣгающе плачемъ сѣ о грѣсѣхъ своихъ, чающе отъ Бога прощенія». *Срезневскій*, I. с., 274.

²⁾ *Аванесевъ*, Нар. Русск. сказки, IV, 503.

³⁾ *Ibid.* IV. 542.

Приложеніе къ т. V-й.

Объ одномъ мотивѣ рождественскихъ колядокъ.

Русскій духовный стихъ о страданіяхъ Спасителя (*Безс.*, Кал. IV, № 381—382 и варианты) даетъ поводъ къ замѣчаніямъ, которыя поведутъ насъ въ область рождественскихъ пѣсень. Богородица ищетъ по Иерусалиму своего Сына; встрѣчаетъ двухъ Жидовъ, которые на ея вопросъ отвѣчаютъ, что были въ Иерусалимѣ, гдѣ распяли Христа. Богородица предается печали, и стихъ кончается словами Спасителя, вѣщающаго со креста.

Съ этимъ стихомъ слѣдуетъ сличить *Sušil*, № 42: *Utrpení ráně*, гдѣ вмѣсто Жидовъ являются апостолами, какъ и въ малор. колядѣ въ Народн. дневн. Труды З.—Р. экспед., *Чубинскаго*, стр. 367: Ой у поли широкому. Можеъ быть, эта редакція древнѣе.

Въ одной народной португальской пѣснѣ (*T. Braga*, *Cant. populares do Archipelago Açoriano*, стр. 356—7: *Romance da paixão*) Богородица не ищетъ Спасителя, а ждетъ въ страстную пятницу *ан. Иоанна* съ грустною вѣстью, что ея сына распяли. Тогда она снѣлится ко кресту и изливаетъ свои жалобы. «Кто знаетъ эту мою молитву, того душа спасена будетъ, и его мать и его отецъ получать на 100 лѣтъ отпущеніе грѣховъ». (Сл. сходную запядокскую пѣснь, приведенную мною въ статьѣ: *Совѣ Богородицы* и т. д. въ *Ж. М. Н. Пр.* за апрѣль 1876 г., стр. 349, прим. 3, п. *Bernoni*, *Pregchiere popol. venez.* № 40). Въ другой пѣснѣ, записанной въ Опорто, Богородица молится въ кельѣ, *Мадамма* и *ан. Иоаннъ* извѣщаютъ ея, что Спасителя ведутъ на распятіе. Богородица идетъ искать его; слѣдуетъ лирическое описаніе смерти и знаменій, и обѣщаніе милостей знающему эту молитву (*T. Braga*, *Concioneiro e romanceiro geral portuguez*, II, 173—4). Въ этомъ видѣ пѣснь о «Страданіяхъ Спасителя» соприкасается съ тѣмъ другимъ рядомъ пѣсень, который мы разсмотрѣли выше: съ такъ называемымъ Сномъ Богородицы.—*Нѣсколько апостоловъ и нѣсколько Жидовъ* явились позже замѣной одного или нѣсколькихъ лицъ евангельскаго разказа (напр., три Маріи въ провансальской пѣснѣ *Rev. des langues rom.*, VI, 3: *Agter*, *Poésies populaires*, № II, п. *rassim*; Вероника въ одной изъ духовныхъ пѣсень, распѣваемыхъ по пятницамъ народными пѣвцами въ Палермо. См. *Pitrè*, *Canti pop. sic.* II № 963; сл. *Bernoni*, I. с., № 28 и др).

Безсоновъ, I. с., №№ 390—400, соединилъ подъ особымъ заглавіемъ: «*Хожденіе Богородицы*» нѣсколько пѣсень, представляющихъ особое развитіе главнаго мотива предыдущихъ. Святая Дѣва (въ № 398, по смѣшенію съ легендой объ обрѣтеніи креста,—св. Олена. Сл. *Zienkiewicz*, *Piosenki gminne ludu pińskiego* стр. 236—8 и *Legota Pauli*, *Pjesni ludu polskiego w Galycyi*, стр. 73—74) ходитъ по Сіонскимъ горамъ, ищетъ Христа: ей на встрѣчу *два (три) жида*. «Не вы ли распяли Христа», спрашиваетъ Богородица. «Не мы, а наши пра-дѣды», отвѣчаютъ они и говорятъ: «пусть идетъ на Сіонскія горы, тамъ стоятъ *три дерева*, изъ нихъ церковь складена, въ той церкви *три гроба*: въ одномъ

почиваетъ Иисусъ Христосъ, въ другомъ Богородица (sic), въ третьемъ Иоаннъ Предтеча»; въ № 398: самъ Господь, Сынъ Божий и свента Олена (сл. № 400 а: им. Иоанна Предтечи—Иоаннъ Богословъ; в. самъ Господь, Сынъ Божий, Матка Божя). Надъ Святою Дѣвой пташки поють, цвѣты цвѣтуть, лоза выросла: «На этой на лѣзи—Три пташки сидятъ—Три пташки сидятъ—И мало-стко поють—Разлуку даютъ» (№ 392); или разивѣла роза: «А зъ той ружы да вылетивъ птахъ,—Якъ вылетивъ, да подъ небеса:—Ты небеса роставлялся,—Все ангели поклонилися» (№ 398)—Передъ Ивашомъ Богословомъ свѣчи, лампады горятъ, надъ Иисусомъ Христомъ пошы (ангелы—молебны) поють, свѣчи тепляются.—Сл. тотъ же сюжетъ и въ той же обработкѣ въ малорусскихъ и бѣлорусскихъ *колядкахъ* въ Труд. З. Р. Эксп. *Чубинскаго*, Нар. Дневн., стр. 353. («Ишла Марія на кругую гору». Три гроба: синъ Божий, Иванъ Хреститель, Дѣва Марія; рожа и птахъ: «Не есть ти птахъ, а есть ти синъ Божий») и 447 («Якъ ходила Павна»; три гроба; Христосъ, Иля, Марія; рожа и птахъ; «не есть то пташокъ, То Божая сила»); въ малор. пѣсняхъ, записанныхъ *Иллюминарскимъ* (*Памятная книжка Саратовской губ. на 1872 г.*, отд. III, стр. 26); у *Шейна*, Бѣлор. нар. пѣсни, № 724 (Господзь Богъ, Иисусъ Христосъ, Свента Марія), 725 (Еаусъ, Ангѣлки его, Свента Марія), 726 (id., во всѣхъ 3-хъ №№.: роза и птахъ). Сл. также у *Чубинскаго*, Нар. Дн., *колядку* на стр. 343—4, относящуюся сюда же (Христосъ, Миколай, Марія), хотя начало ея неловко подмѣнено другимъ мотивомъ.

Въ двухъ редакціяхъ стиха, *Вез.* 396—7, Богородица ищетъ Спасителя; *Иванъ Предтеча* спрашиваетъ ее, что она дѣлаетъ, и затѣмъ велитъ идти въ чиего поле, гдѣ стоятъ три древа, изъ нихъ церковь построена, тамъ три пташки поють пѣсни евангельскія и т. п. (подробности о 3-хъ гробахъ нѣтъ).

Дальнѣйшее измѣненіе мотива представляетъ № 399: нѣтъ ни Жидовъ, ни апостоловъ, ни распросовъ: сама Богородица идетъ на кругую гору, гдѣ въ 3-хъ церквахъ стоятъ 3 гроба (Иисусъ Христосъ, Марія, Иоаннъ Предтеча).

Еще дальѣ исчезла всякая идея о «хожденіи» и пѣснь (сл. пересказы № 400 у *Везгон.*) прямо начинается съ того, что на Сионскихъ горахъ, или въ Иерусалимѣ, на дворѣ, стоитъ дерево, изъ дерева построена церковь (либо 3 церкви), въ ней три гроба или три престола и т. д. (Сл. *Zielkiewicz*, l. c., 232—234). Въ галицкихъ и бѣлорусскихъ *колядкахъ* это—самая распространенная форма, рѣдко, впрочемъ, встрѣчающаяся въ столь простыхъ очертавіяхъ (*Головацкій* въ *Чтен. Общ. Ист. и Др.*, 1871, IV, 20; Тр. З. Р. Эксп., l. c., варианты къ *колядкѣ*: А въ пана Павла да на его дворі; *Лончевскій*, Пѣсни Буковинскаго народа въ *Зап. юго-западн. отд. Имп. русскаго географ. Общ.*, т. II (1874 г.), стр. 376—7, № 6; *Żegota Pauli*, *Pieśni ludu ruskiego w Galicyi*, I, стр. 9: А пана Івана, та на jeho dworі. Сл. *Терещенко*, В. Р. Н., VII, стр. 66—7: А пана у Івана да на его дворі: три престола: святее Рыздо, Святаго Василя, Иванъ Креститель). большею частью развитая разнообразными измѣненіями, очень интересными для исторіи *колядныхъ* мотивовъ. Такъ одна малор. *колядка* (*Головацкій* въ *Чтен.*, 1864, I, стр. 6—7) начинается съ того, что съ высокой горы доносится голосъ: Это топоры звенятъ, каменя тешуть, церковь муруютъ въ трои двери:

У однихъ дверіхъ иде самъ Господь,

У другихъ дверіхъ матенка Божя,

У третихъ дверихъ ей святой Петро.
Передъ милымъ Богомъ органы грають и т. и.

(Роза и пташокъ). Таково пачало и другой колядки (*Головацкій въ Чтен.*, I, 136—7):

Топоры звенять, бѣдь камень тешуть,
церковь будувать съ 3-мя верхами, 3-мя дверями:

едни дверечка—исходъ солнечка,
други дверечка—полдень солнечка,
трети дверечка—заходъ солнечка.
А три вершечки суть три небеса,
Па трехъ небесахъ ангелы звонять.

Земля, солнце, мѣсяць, зорничка, дождь и пшеница бѣгутъ на хвалу Христу: солнце и мѣсяць хотять засвѣтити надъ Рождествомъ.—Или (*Голов.* въ *Чтен.*, 1871, IV, 102—3) Богородица отдала сына въ церковь: она съ пятью верхами, тремя окнами, съ райскими дверями:

Одное оконце—щю сходить сонце,
Другое оконце—въ полудне сонце,
Трете оконце—заходить сонце.

Въ другой малор. колядкѣ (*Голов.* въ *Чтен.*, 1871, IV, 58—9; сл. *ib.*, 20—1 35) разказъ о построеніи церкви мотивированъ иначе: молодець хвалится передъ королемъ своимъ конемъ; его

Шовковий хвостикъ землицю мете,
Сребны конята кремь лунують,
Кремь лунують, церковь мурують.

на два оконца, на третье дверци: въ одно всходитъ солнце, въ другое заходить мѣсяць, въ третью самъ Господь. Сл. *Legota Pauli, Pieśni ludu rusk.* w. Gal., I, 8—9 (Oj w hori).—Новое осложненіе мотивовъ предлагаетъ слѣдующая колядка (*Голов. ib.*, стр. 59—60): стоятъ церковь, на звонницѣ два голубя, молодець цѣлится въ нихъ изъ лука, а голуби говорятъ ему:

Ой бо мы не естъ два сивы голубы,
Али бо мы естъ два Ангелове,
Два Ангелове зъ неба збѣсланы,
Ой ци такъ теперь, якъ зъ первовѣрку:
Ци ситя' меду Святому Рѣздву?
Ци кура' корѣяку Святому? Сбору?
Ци варя' плво Святому Стефану?

Не смгять теперь меду Святому Рождеству и т. д.:

Лишь братъ па брата мечъ вынимае,
Сестра па сестру чарѣвъ шукае.

(Сл. *ib.*, стр. 103—104, другую колядку, гдѣ роль ангеловъ=голубей играетъ

«ясна зорничка», и приведенную выше сербскую пѣснь о богатомъ Гаванѣ. (См. также *Шейна*, Бѣлор. нар. п., №№ 152—154).

Съ приведенною редакціей колядки (церковь, три гроба или престола и т. п.) сходны моравскія пѣсни, собранныя Sušil' омъ подъ № 40. (Tré loží): на холмѣ, горѣ, на бѣломъ камнѣ стоятъ костелъ, монастырь, домъ; въ немъ три бѣлыхъ ложа или три алтара; на нихъ лежить Іисусъ Христосъ, Іоаннъ Предтеча и Богородица: Nad svatým Jánem růže rozkvetá—A z tej růžečky vtáček vyulítá.— То není vtáček, to je syn Voží (въ другой редакціи то-же совпадаетъ před trůnem Vožím). Какъ видно, основныя черты подверглись здѣсь въ меньшей степени народной передѣлкѣ, чѣмъ въ приведенныхъ выше малорусскихъ и бѣлорусскихъ колядкахъ. Въ этой области народное искаженіе, пріуроченіе или развитіе пошло еще дальше. Въ двухъ колядкахъ у *Шейна* (№№ 150—115) колядовщицы привѣтствуютъ хозяина: коли опъ не спитъ, пусть посмотритъ въ окно, во чисто поле, на темный дворъ: тамъ церковь стоитъ новорубленая, въ ней все святые сидятъ, ряды рялятъ, кому въ поле идти: Егорій свѣтъ у поле пошелъ, Никола свѣтъ на коней усналъ и т. д. Либо самъ господарь «камень дупе, церковь муруе» съ 3-мъ верхами, 3-мя алтарями: въ одномъ першочкѣ «дзвончокъ дзвоять», въ другомъ «служба Вожа ся править», въ третьемъ «свѣтлонько горитъ» (*Голов.* въ *Чтен.* 1871, 1V, стр. 5).—Наконецъ забыта церковь или замѣнена свѣтлицей, гдѣ господарь угощаетъ Бога, Святую Пречистую и всехъ святыхъ (ср. *Wackernagel* Weihnachtsp. p. III: въ одной пѣсенкѣ рождественской драмѣ хозяинъ ожидаетъ посѣщенія святаго семейства: Wie ich von meinem Haushalter vernommen, So sollen Kaiser und König rein kommen, So will ich lassen die Tafel bereiten), или трехъ товарищей: ясный мѣсяцъ, свѣтлое солнце и самого Бога Небеснаго (ср. *Голов.*, I. с. двѣ колядки, стр. 4—5); иногда три товарища являются тремя царями: ясное солнце, ясный мѣсяцъ, дробеатъ дождикъ; каждый изъ нихъ хвалится тѣмъ, что опъ сдѣлалъ. Солнце говоритъ: я ся похваляю... Во якъ я зойду на Рѣздо рано, израдуются въ звонницѣ звоны» и т. д. (ib., стр. 105).—Крайнее искаженіе первичнаго содержания колядки представляется въ слѣдующемъ значительно распространенномъ типѣ: на дворѣ у господаря стоитъ теремъ (или церкви), въ теремѣ три окошечка, въ первомъ окнѣ ясенъ мѣсяцъ, во второмъ—ясное солнце, въ третьемъ дробны звѣзды. Ясенъ мѣсяцъ—панъ Иванъ, красно солнце—его жена, дробны звѣзды—ихъ дѣти. (*Шейна*, I. с., № 90 и стр. 55; слнч. его же: Русс. Народн. пѣсни въ *Чтен. О. И. и Др.* III, 1869 г. № 1; ср. *Zienkiewicz*, I. с., стр. 34—6: Oj w Turowi na Morawi—swiaty wieczor, swiat! Stojal kościol niezrublony: въ немъ три оконца; въ первомъ ясное солнце—то самъ Господь Богъ, во второмъ ясенъ мѣсяцъ—сынъ Божій, въ третьемъ «jasnyje zygonki»—то Божьи дѣти.)

Нельзя сомнѣваться, что тотъ типъ колядки, который говоритъ о посѣщеніи дома святыми и Богородицей, или 3-мя товарищами и т. п., сложился подъ влияніемъ «рождественскихъ обходовъ», въ которыхъ являлись Богородица и Рѣздо (Берта) и три царя волхва (объ этомъ см. мою статью: Сивилла—Самовилла—Reine Pédauque: Берта, стр. 272 слѣд.). Но меня интересуетъ главнымъ образомъ вопросъ: по какимъ побужденіямъ *мотивы, замѣстоуоавныя отъ крестной смерти Спасителя* (Богородица шцетъ его, жиды его замучали и т. п.), *могли дать сюжетъ именно рождественскимъ пѣснямъ* (ср. у *Шейна*, Бѣл. Н. П., №№

727—8; у *Доначевскаго*, I. с., стр. 376 — 7, № 6 (рождественская пѣснь) и стр. 395 № 32 (старосвятская молитва: страданія Христа.) Соединеніе того и другаго сюжета, рожденія и страданія, въ пересказахъ Сла Богородицы, дали намъ поводъ къ тому-же замѣчанію. (См. мою статью: Славъ Богородицы и Сводныя редакціи эпистолин, стр. 345). Одна народная французская пѣснь на тему страданій Спасителя начинается словами: *Lou vespres de Tsalenda Jesus n'a fait qu' un plaint* (*Smith, Chants de pauvres, Romania VIII, p. 468*). Издатель замѣчаетъ по этому поводу: **Tsalenda, dans notre pays, designe Noël, je n'ai jamais vu exprimant un jour de la semaine sainte. Une autre particularité à noter est quecette passion: Lou vespres de tsalenda... Nanette Lèvesque (пѣвица) l'appelle un noé, un nové, c'est à dire un Noël. Tsalenda=Calendae=коляда.* Слѣд. также нѣмецкую пѣсню: *Marias Wanderschaft (Schale Volkslieder aus Thüringen въ Weimarisches Lirhbuch, III, 2, p. 296 seqq.)*: Богородица ищетъ Христа, встрѣчаетъ ап. Петра, который говоритъ, что видѣлъ ея сына въ терновомъ вѣнцѣ несущаго крестъ. Эту пѣснь поютъ въ Веймарѣ бѣдныя дѣти—о *Рождествѣ*, и исключительно въ эту пору.

Александръ Веселовскій.

(Окончаніе будетъ).

ЕРЕСЬ ЖИДОВСТВУЮЩИХ¹⁾.

IV.

Преп. Иосифъ Волоцкій; отношенія къ Геннадію и значеніе его въ современномъ ему обществѣ.—Характеристика личности Иосифа въ связи съ умственнымъ развитіемъ эпохи.—Борьба придворно-политическихъ партій и отношеніе къ ней ереси.—Вліяніе ереси на состояніе умовъ современнаго ей православнаго общества.—Первая противоеретическая дѣятельность Иосифа.—Посланіе его къ Нифонту, епископу Суздальскому.—Сверженіе митрополита Зосимы.

Прежде чѣмъ приступить къ обзору дѣятельности преп. Иосифа въ борьбѣ его съ ересью, мы постараемся очертить самую личность этого во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательнаго историческаго дѣятеля въ связи съ обстоятельствами времени, среди которыхъ ему приходилось дѣйствовать. Разъясненіе характера этой дѣйствительно крупной исторической личности не только прольетъ свѣтъ на многіе факты изъ его противоеретической дѣятельности, но вмѣстѣ съ тѣмъ дастъ намъ возможность понять и очертить характеръ интеллектуальнаго развитія эпохи, въ которую жилъ преподобный, и типическимъ представителемъ которой онъ является.

Не случайно Геннадій избралъ себѣ Иосифа помощникомъ въ борьбѣ съ ересью. Между ними, кромѣ чисто официальныхъ отношеній подчиненнаго къ своему епархіальному владыкѣ, существовала еще другая, болѣе тѣсная связь. У Геннадія, въ качествѣ боярина, служилъ родной братъ Бориса Кутузова, съ самаго младенчества близкаго друга Иосифа. Этимъ объясняется то обстоятельство, что Геннадій назначилъ послѣдняго начальникомъ надъ окружающими монастырями, поручивъ ему надзоръ надъ ними и сборъ съ нихъ доходовъ съ об-

¹⁾ *Продолженіе.* См. январскую книжку *Журн. Мин. Нар. Просв.* за текущій годъ.

ращеніемъ части ихъ въ пользу Іосифовой обители ¹⁾. По словамъ самого Іосифа, Геннадій безчисленно благодѣтельствовалъ его монастырю и подарилъ ему между прочимъ нѣсколько сель ²⁾. Съ своей стороны, и Іосифъ всегда оказывалъ величайшее уваженіе и преданность Геннадію и отзывался о немъ въ самыхъ теплыхъ, задушевныхъ выраженіяхъ ³⁾. Но болѣе всего побудили Геннадія обратиться къ содѣйствію Іосифа, — личныя качества послѣдняго и то высокое уваженіе, какое онъ успѣлъ снискать себѣ у великаго князя и во всѣхъ слояхъ тогдашняго общества своею строгою, подвижническою жизнію. Братъ Іоанна III, Борисъ Васильевичъ, княжившій въ Волоколамской области, былъ первымъ благодѣтелемъ Іосифа, помогъ ему построить монастырь и продолжалъ благодѣтельствовать ему до самой своей смерти. Самъ Іоаннъ зналъ Іосифа за его добродѣтельную жизнь еще въ качествѣ простаго инока Пафнютіева Боровскаго монастыря, содѣйствовалъ избранію его настоятелемъ этого монастыря и посвященію въ священническій санъ, а когда послѣдній прибылъ для посвященія въ Москву, то „пріа его державный съ великою любовію и угости и... и отпусти съ великою честію“. Когда же Іосифъ тайно ушелъ изъ Пафнютіева монастыря и путешествовалъ по другимъ монастырямъ, то „слыша сіа державный зѣло оскорбися... и повелѣ старцемъ о немъ пытати“; а когда старцы, послѣ напрасныхъ поисковъ, снова стали просить себѣ игумена, то великій князь опять приказалъ искать Іосифа ⁴⁾. Многіе князья и бояре питали глубочайшее уваженіе къ знаменитому подвижнику, считали за счастье имѣть его своимъ духовникомъ и дѣлали въ его монастырь значительныя пожертвованія ⁵⁾. Понятно, что такой человекъ какъ нельзя болѣе соответствовалъ даннымъ обстоятельствамъ. Соответствие это сдѣлается еще яснѣе, если мы обратимъ вниманіе на личный характеръ преподобнаго.

При первомъ взглядѣ на жизнь и дѣятельность Іосифа, насъ не можетъ не поражать кажущаяся двойственность въ его характерѣ и поступкахъ. Съ одной стороны, предъ нами является чело-

¹⁾ Житіе Іосифа, составленное неизвѣстнымъ, стр. 17; *Прибавл. къ Тв. Св. Отц.*, 1874 г., V, 256; *Хрущовъ*, о сочиненіяхъ Іосифа Волоцкаго, 104.

²⁾ Посланія Іосифа къ княгинѣ-вдовѣ и къ Кутузову; *Хрущовъ*, стр. 41—42.

³⁾ Напримѣръ, стр. 51—52 Просвѣтителя.

⁴⁾ Житіе пр. Іосифа, составленной Саввою Чернымъ. Велик. Минея-Четивъ, митр. Макарія, сентябрь, стр. 460—461.

⁵⁾ *Хрущовъ*, 50—52 X.

вѣкъ, всецѣло посвятившій себя на служеніе Богу, аскетъ въ полномъ значеніи этого слова, дни и ночи проводящій въ молитвѣ, постѣ и бдѣніи, а съ другой — домовитый хозяинъ монастыря, неусыпно заботящійся объ обогащеніи его, устанавливающій такую даже на церковныя службы и проповѣдывающій, что „даромъ священникъ ни одной обѣдни, ни панихиды не служитъ“. Въ одно и то же время онъ проповѣдуетъ мірянамъ отреченіе отъ міра, склоняетъ ихъ къ принятію монашескихъ обѣтовъ и убѣждаетъ жертвовать на монастырь села и угодья, беретъ большія пошлины за постриженіе и не велитъ поминать по смерти чернеца, не сдѣлавшаго въ монастырь посильнаго вклада. Онъ беретъ къ себѣ престарѣлаго и разслабленнаго отца своего, въ продолженіе 15-ти лѣтъ неусыпно ухаживаетъ за нимъ, кормитъ его своими руками, и какъ выражается его жизнеописатель, „во всѣмъ вся бысть ему: и старецъ, и учитель, слуга и подпора“, и въ то же время онъ отказываетъ въ свиданіи своей матери-инокини, желавшей предъ смертію посмотрѣть на него послѣ 15-ти-лѣтней разлуки. Наконецъ, это былъ такой человекъ, который, во имя христіанской любви и милосердія, постоянно ходатайствовалъ за угнетенныхъ, писалъ убѣдительныя посланія о милостивости рабовъ, о помощи неимущимъ и страждущимъ, угрожая за неисполненіе этихъ священныхъ обязанностей страшнымъ гнѣвомъ Божиимъ, самъ всегда готовъ былъ протянуть руку помощи нуждающимся и страждущимъ, открывалъ голодающимъ монастырскія житницы и раздавалъ имъ всѣ съѣстные припасы, по справедливости считаясь благодѣтелемъ окрестной страны ¹⁾).

Съ такихъ противоположныхъ сторонъ рисуется намъ личность Іосифа Сапина. Разгадка этихъ противорѣчій, по нашему мнѣнію, заключается не въ индивидуально-психическихъ свойствахъ преподобнаго, не въ исключительномъ преобладаніи какого-нибудь одного изъ нихъ, а въ общемъ складѣ господствующихъ понятій эпохи, въ характерѣ тѣхъ идей, на которыхъ онъ воспитался, и которыя потомъ стали стимуломъ, руководящимъ началомъ всей его послѣдующей дѣятельности. Поэтому, чтобы понять личный характеръ Іосифа и оцѣ-

¹⁾ Житіе Іосифа, писанное Саввою Крутицкимъ, напеч. въ Великихъ Минеральныхъ-Четинъхъ, изд. Арх. Ком., октябрь, стр. 459, 469, 482—486; Уставъ Іосифа, напечат. тамъ же, гл. 3, 8, 12 и 13; Посланіе Іосифа къ княгини-вдовѣ, напечат. у Хрущова въ приложеніи, стр. 255—260; Полемич. сочиненія Вассіана въ *Ир. Соб.* 1862 г., сентябрь; Посланія Іосифа къ Нифонту, Митрофану, Василию Іоанновичу и послѣднія три слова Провсвѣтителя.

нить по достоинству его дѣятельность, нужно напередъ понять и разъяснить господствующій характеръ образованности эпохи, въ которую онъ жилъ и дѣйствовалъ. Что же такое былъ образованный человѣкъ этого времени? Какія типическія черты его умственного развитія? Какіе идеалы онъ себѣ выработалъ и стремился осуществить въ жизни? Вотъ вопросы, которые, въ виду постановленной нами цѣли, необходимо разрѣшить. Прежде всего—это не былъ человѣкъ многосторонне-образованный: понятія его о самыхъ обыденныхъ явленіяхъ и вещахъ были самая дѣтскія; свѣтская мудрость не касалась его; онъ не только считалъ ее бесполезною и относился къ ней съ презрѣніемъ, называя ее „еллинскою хитростію“ и „чернокнижнымъ волхвованіемъ“, но онъ ненавидѣлъ ее и преслѣдовалъ. Онъ былъ исключительно человѣкъ вѣры: въ вѣрѣ заключалась вся его мудрость, все его знаніе. Только слово Божіе считалъ онъ источникомъ истинной мудрости; только въ немъ одномъ желалъ онъ поучаться день и ночь. Все, что не отъ Писанія, говорилъ онъ,—то отъ діавола ¹⁾. Но русскій человѣкъ XV—XVI в. не былъ въ строгомъ смыслѣ и человѣкомъ богословски-образованнымъ: знакомство его даже съ первоисточниками православно-христіанскаго ученія не простиралось на столько, чтобъ онъ могъ опредѣленно отличать въ этой области истинное отъ подложнаго, каноническое отъ не каноническаго, догматъ отъ обычая, частное мнѣніе или церковное постановленіе, вызванное обстоятельствами мѣста и времени, отъ общепризнаннаго и общеобязательнаго вселенскаго преданія, даже Ветхій завѣтъ отъ Новаго: для него все это безъ различія носило на себѣ печать богодуховенности и богоучрежденности, все было равно важно и обязательно. Это былъ грамотѣй-начетчикъ, богословъ-самоучка въ самомъ тѣсномъ значеніи этого слова: онъ изучалъ слово Божіе и все относящееся къ вѣрѣ съ ревностію и усердіемъ, достойными подражанія, но изучалъ отрывочно, безъ строгой разумной связи и послѣдовательности, безъ должнаго пониманія истиннаго смысла и значенія изучаемаго, изучалъ только по буквѣ, а не по духу. Онъ зналъ наизусть цѣлыя чтенія изъ библіи, евангелія и писаній апостольскихъ и святоотеческихъ, но не постигалъ ихъ доказательной силы и не всегда примѣнялъ ихъ къ мѣсту и дѣлу. Неспособный ясно различать бо-

¹⁾ П. С. Р. Л., I, 65—66, 79, 188—190; *Татищевъ*, Ист. IV, 70; *Просвѣтитель*, стр. 48; Пренія митр. Даниила съ Макс. Грекомъ, *Чт. въ Общ. И. и Д.* 1847 г., VII; *Забытые Отеч. Зап.* 1860 г., въ № XI, 95—143; *ibid.* 1856 г. III—IV, 13—14.

жественное отъ человѣческаго, онъ естественно слишкомъ расширялъ понятіе о богооткровенности и богоучрежденности и подводилъ подъ него предметы и понятія, вовсе чуждые характера божественности: неизблемое постановленіе вселенской церкви и новелла Византійскаго императора по дѣламъ церковнымъ, помѣщенные на ряду въ Кормчей, получали въ глазахъ его одинаковую обязательную силу. Въ то же время, будучи не въ состояніи освободиться отъ древне-народныхъ человѣкообразныхъ воззрѣній и возвыситься до идеальнаго, строго-христіанскаго представленія о Божествѣ, онъ низводилъ божественное на степень человѣческаго, приписывалъ Богу черты и дѣйствія, свойственныя существу ограниченному. Не постигая глубокаго различія между ветхозавѣтною подзаконностью и христіанскимъ нравственнымъ закономъ, закономъ свободы и любви, онъ считалъ то и другое безразличнымъ и равно обязательнымъ для себя ¹⁾. Но, будучи сыномъ своего вѣка, выросшимъ въ эпоху гос-

¹⁾ Древне-русская литература была гораздо болѣе богата сочиненіями апокрифическаго характера, чѣмъ подлинными свитоотеческими твореніями. «У насъ», говоритъ одинъ изъ образованнѣйшихъ людей XVI вѣка (Курбскій), — «анидесятыя части книгъ учителей нашихъ древнихъ не преведено лѣности ради и нерадѣнія властей нашихъ, бо нынѣшняго вѣку мянущіеся учителя больше въ болгарскія басни, або паче въ бабскія бредни упражняются, прочитають и похваляютъ ихъ, исхели въ великихъ учителей разумѣхъ наслаждаются» (*Правосл. Соб.* 1858 г., I, 106). Это и понятно: апокрифъ, вымыселъ или заблужденіе, какъ продукты ума невѣжественнаго, лишеннаго истиннаго смысла спасительной вѣры христіанской, сильнѣе привлекали вниманіе и симпатіи, ближе подходили къ пониманію древне-русскаго человѣка, при наружномъ христіанскомъ благочестіи еще далеко несвободнаго отъ старыхъ языческихъ воззрѣній. Онъ видѣлъ въ нихъ что-то близкое, родное, и потому старался собирать и записывать все появлявшееся въ этомъ родѣ. Не удивительно и то, что даже самыя чистыя христіанскія понятія, при усвоеніи и литературной переработкѣ ихъ русскимъ человѣкомъ характеризуемой нами эпохи, получали у него чувственно-антропоморфическій отпечатокъ, служившій отличительною чертою древне-русскаго языческаго міровоззрѣнія и замѣчательный на большинствѣ релігіозно-церковной письменности этого времени. Тѣмъ болѣе для него были недоступны болѣе тонкія, но тѣмъ не менѣе существенно необходимыя для пониманія истиннаго смысла христіанства, различія, каковы, напримѣръ, вопросы объ отношеніи Вѣтхаго завѣта къ Новому и о различіи между ними, о различіи между частнымъ мнѣніемъ и вселенскимъ преданіемъ, освященнымъ временемъ благочестивымъ обычаемъ и богоустановленнымъ учрежденіемъ. Даже самыя высокопрсвѣщенные писатели этой эпохи не свободны были отъ этихъ недостатковъ. Геннадій Новгородскій «испытно проходилъ «Шестокрыль» и искалъ доказать въ «книгѣ Еноха Праведнаго», называя эти апокрифы богодухновен-

подства грубой силы и личнаго безправія, воспитаннымъ въ суровомъ аскетизмѣ, онъ искалъ идеаловъ для себя не столько въ Новомъ сколько въ Ветхомъ завѣтѣ. Не удивительно, что его болѣе плѣнялъ суровый образъ Иліи и Финееса, чѣмъ кроткій и всепрощающій ликъ Христа Спасителя. Духъ бібліи имѣлъ на него могущественное вліяніе и парализовалъ благотворное, всепримиряющее дѣйствіе евангельскаго слова; на ней онъ воспиталъ отличавшія его пророческую ревность по вѣрѣ и безопадную строгость своихъ приговоровъ надъ религіозными разномыслами; но біблія, вмѣстѣ съ тѣмъ, была и тою нейтральною почвою, на которой онъ могъ сходиться съ этими послѣдними, и при всемъ своемъ религіозномъ ригоризмѣ, протягивать руку мира и согласія даже презрѣннымъ въ его глазахъ остаткамъ библейскаго народа. Поэтому, если онъ не терпѣлъ иновѣрцевъ, если преслѣдовалъ заблуждающихся, изобрѣталъ для нихъ пытки и казни, то все же дѣйствовалъ совершенно искренно, въ глубокомъ убѣжденіи, что такъ повелѣвало ему дѣйствовать слово Божіе, служившее для него всегда и во всемъ непреложнымъ закономъ. Въ словѣ Божіемъ и въ томъ, что онъ принималъ за такое, ему встрѣчались тамъ и здѣсь поразительные примѣры самой пламенной ревности, безопадно каравшей враговъ правой вѣры. Преслѣдую еретиковъ, онъ желалъ явить себя только вѣрнымъ исполнителемъ божественныхъ предписаній и ревностнымъ подражателемъ древнихъ поборниковъ вѣры и благочестія. Если, въ свою очередь, онъ самъ увлекался и впадалъ въ заблужденія, то и здѣсь нѣтъ

ными (Посл. къ Іоасафу). Досифъ Володкій не въ состояніи былъ освободиться отъ слишкомъ человѣкообразныхъ представленій о Божествѣ, какъ это, напримѣръ, видно изъ 4-го слова Просвѣтителя о необходимости воплощенія, гдѣ Богу приписываются «прехищреніе» и «коварство», свойства, рѣшительно не мириющіяся съ высокимъ христіанскимъ понятіемъ о Божествѣ; въ своихъ сочиненіяхъ онъ, подобно Геннадію, пользуется, какъ богодухновенными, источниками, нивѣющими сомнительное происхожденіе и достоинство. Такъ, изъ Палея онъ заимствуетъ разказы о библейскихъ временахъ; ссылается также и на Еноха Праведнаго, хотя приводитъ изъ него только мѣста, сходныя съ мѣстами изъ каноническихъ книгъ; а писанія Никона Черногорца, не причисленнаго нашею Церковію къ лику святыхъ, онъ постоянно называетъ «богодухновенными». Церковно-гражданскимъ постановленіямъ Византійскихъ императоровъ, помѣщеннымъ въ номоканонахъ, на ряду съ соборными и святоотеческими правилами, онъ приписываетъ одинаковое каноническое достоинство съ послѣдними и на основаніи ихъ требуетъ розыска и безопадной казни еретиковъ (см. послѣднія три слова Просвѣтителя).

причинѣ сомнѣваться въ его искренности и заподозрѣвать чистоту его намѣреній: онъ заблуждался не по чему иному, какъ только потому, что основу своихъ заблужденій видѣлъ въ томъ же „божественномъ писаніи“, хотя и понималъ его неправильно и произвольно. Но повторимъ: какъ тамъ, такъ и здѣсь, онъ выходилъ изъ самаго искренняго и глубокаго убѣжденія въ томъ, что дѣлаетъ дѣло Божіе; тамъ и здѣсь онъ твердо держался почвы церковнаго ученія. Если онъ иногда доходилъ до крайностей, впадалъ въ заблужденія, то виной этому въ большинствѣ была не его личная воля, а недостаточность и односторонность умственнаго и религиозно-нравственнаго развитія, отличавшаго вообще его время.

На Иосифѣ Волоцкомъ, какъ на личности, по преимуществу умственно-сильной и воспримчивой, характеристическія черты умственнаго и религиозно-нравственнаго развитія эпохи, отразились глубже и рельефнѣе, чѣмъ на всякомъ другомъ. Здѣсь-то главнымъ образомъ и нужно искать объясненія кажущейся двойственности въ характерѣ и поступкахъ преподобнаго, какъ настоятеля монастыря и какъ борца за православіе. На самомъ же дѣлѣ это была личность удивительно цѣльная, натура всегда вѣрная, не измѣнявшая себѣ. Правда, онъ не былъ человѣкомъ исключительно чувства или воображенія, но также не былъ человѣкомъ и одного холоднаго разсудка. Напротивъ того, всѣ духовныя силы дѣйствовали въ немъ въ замѣчательной гармоніи. Для того, чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоитъ развернуть его замѣчательное твореніе, дошедшее до насъ подъ именемъ „Просвѣтителя“, стоитъ прочесть любое изъ его посланій. Здѣсь мы найдемъ множество мѣстъ, дѣйствительно поразительныхъ по своей логической силѣ; но тутъ же, на ряду съ ними, встрѣтимъ и такія мѣста, которыя обнаруживаютъ въ ихъ авторѣ присутствіе глубокаго чувства и самаго пламеннаго воображенія, дышатъ высокою поэзіей ¹⁾. Сила его воли и постоянство въ преслѣдованіи разъ поставленныхъ имъ для себя цѣлей были изумительны. Это доказываетъ исторіей всей его жизни. Но всѣ его богатые умственныя и нравственныя силы сосредоточены были на одной великой идеѣ. Иосифъ былъ исключительно человѣкъ вѣры, ревнитель православія, готовый во имя его и для его торжества пожертвовать всѣмъ, что

¹⁾ Для примѣра можно указать на приписку его въ посланіи къ Нифонту, адресованную имъ къ брату своему Вассіану (стр. 9—10), и на многія мѣста Просвѣтителя.

было святаго и драгоцѣннаго; но въ то же время, какъ сынъ своего вѣка, онъ понималъ православно-религіозные интересы по своему, какъ мы сказали, относился къ источникамъ христіанскаго вѣроученія безъ критики, съ одинаково-безусловнымъ благоговѣніемъ къ каждой писанной строкѣ, лишь бы она имѣла религіозный характеръ и носила печать древности. Отсюда и происходило, что тотъ же самый человѣкъ, который во имя предписаній евангельскаго закона любви всегда готовъ былъ самоотверженно помогать нуждающимся ближнимъ, на основаніи другихъ письменныхъ источниковъ, имѣвшихъ въ его глазахъ такой же богодухновенный характеръ, отказывалъ въ предсмертномъ свиданіи своей матери-инокини и требовалъ розысковъ, пытокъ и безпощадной казни еретиковъ; но въ томъ и другомъ случаѣ онъ дѣйствовалъ совершенно искренно, во имя однихъ и тѣхъ же религіозныхъ побужденій, будучи глубоко убѣжденъ, что совершаетъ дѣло Божіе, за которое всегда готовъ былъ жертвовать своею жизнію. Если прибавить ко всему этому обширную богословскую эрудицію и даръ слова, краснорѣчивый и убѣдительный, то для насъ окончательно выяснятся какъ личность Іосифа, такъ и то громадное вліяніе, какимъ онъ пользовался въ современномъ ему обществѣ.

И вотъ такой-то человѣкъ выступаетъ теперь на борьбу съ ересью. Но и ересь въ это время уже составляла громадную силу, съ которою трудно было считаться даже такой нравственно-сильной личности, каковъ былъ Іосифъ. Московскіе еретики далеко не были похожи на еретиковъ новгородскихъ. Это уже не была кучка безвѣстныхъ новгородскихъ клирошанъ, съ которою главнымъ образомъ приходилось вести борьбу Гепнадію; напротивъ того, ересь являлась теперь многочисленнымъ, правильно организованнымъ обществомъ, соединившемъ свое знамя съ знаменемъ могущественной политической партіи, стоявшей во главѣ государственнаго управленія. Удѣльной системѣ въ это время былъ уже нанесенъ окончательный ударъ, и самодержавіе восторжествовало. Новый порядокъ вещей вызвалъ къ дѣятельности и новыхъ людей: однихъ изъ новыхъ политическихъ дѣятелей Іоаннъ III, въ качествѣ неограниченнаго властителя, создалъ самъ, другими снабдила его Литва. Но и прежніе дѣятели, помогавшіе Московскому великому князю въ строеніи государства и волей-неволей пожертвовавшіе въ пользу Москвы своими родовыми правами, также составляли сильную партію, которою пренебрегать было нельзя. Повятно, что между этими двумя политическими группами ни въ

какомъ случаѣ не могло существовать полнаго единодушiя: первая, какъ созданiе новаго порядка вещей, естественно и должна была стоять за этотъ порядокъ; а вторая, у которой еще живы были преданiя старины, продолжала симпатизировать прежнему политическому строю. Если мы приѣмемъ при этомъ въ соображенiе еще личное соперничество между представителями двухъ направлений какъ пришельцами и природными Москвитчанами, какъ людьми, обязанными своимъ настоящимъ положенiемъ единственно волѣ государя, и лицами родовитыми и иногда съ блестящимъ историческимъ прошлымъ, то антагонизмъ между ними сдѣлается еще понятнѣе. Такимъ образомъ, прежнiя распри и усобицы между удѣльными князьями теперь замѣнились борьбою придворныхъ партiй. Вскорѣ обiимъ этимъ партiямъ представился прекрасный случай помѣриться между собою силами. Со времени смерти старшаго сына и послѣдника Иоаннова, Иоанна младшаго (1490 г.), возникъ вопросъ: кого объявить теперь государь своимъ наследникомъ, внука ли своего Димитрiя, отъ покойнаго сына и Елены Волошанки, или другаго своего сына—Василiя, отъ второй жены своей Софiи Палеологъ. Въ средѣ великокняжескаго семейства образовалось соперничество Елены и Димитрiя, съ одной стороны, а Софiи и Василiя—съ другой; къ первымъ примкнула старобоярская партiя, ко вторымъ—люди новыя, выдвинутыя на государственное поприще самимъ Иоанномъ и преимущественно изъ тѣхъ, которые въ это время во множествѣ сѣзжались на службу московскую¹⁾. Во главѣ противной Софiи партiи стояли два могущественные боярина, князь Иванъ Юрьевичъ Патрикѣевъ и Семень Ивановичъ Ряполовскiй: они были самыми довѣренными и притомъ самыми любимыми людьми государя; всѣ важнѣйшiя дѣла проходили чрезъ ихъ руки. Къ нимъ примкнули не менѣе ихъ влiятельный дьякъ Федоръ Курицынъ, находившiйся въ близкихъ отношенiяхъ къ Еленѣ и привезшiй ее изъ Валахiи въ Москву (1482 г.), Иванъ Максимовъ, совратитель Елены, братъ Ѳ. Курицына Иванъ Волкъ, и вѣроятно, и другiе значительные московскiе еретики.

Такъ совершилось слiянiе ереси съ одною изъ могущественныхъ тогдашнихъ политическихъ партiй. Но всего важнѣе для успѣха ереси было то, что самъ Иоаннъ III имѣлъ свои причины быть снисходительнымъ къ еретикамъ: нѣкоторыя идеи, проводимыя еретиками въ общество, какъ нельзя болѣе совпадали съ замыслами и

¹⁾ Соловьевъ, Ист. Росс., т. V (3-е изд.), стр. 213, 84—88.

стремленіями самого царя: таково было, на примѣръ, ихъ враждебное отношеніе къ церковному авторитету, къ монашеству и особенно протестъ ихъ противъ корыстолюбія духовенства. Предшествовавшія событія (какъ, на примѣръ споръ о хожденіи посолонъ и др.) показали великому князю, что церковь, столь могущественно содѣйствовавшая усиленію его верховной власти, способна была однако заявлять при случаѣ и свою независимость отъ этой власти и даже парализовать послѣднюю. Теперь Іоаннъ, почти вполнѣ достигнувъ единодержавія, бывшаго цѣлью всей его государственной дѣятельности, уже не нуждался болѣе ни въ чьей посторонней опекѣ и не могъ терпѣть подлѣ себя никакой другой самостоятельной силы, которая могла бы при случаѣ ограничить ему свободу дѣйствій; а такую сдерживающую силой именно и была въ глазахъ Іоанна церковь. Мысль объ этомъ не могла не тяготить его, и ему, во что бы то ни стало, нужно было подчинить себѣ церковь и заставить ее служить своимъ планамъ. Охлажденіе къ духовенству, распространяемое въ народѣ еретиками, какъ нельзя болѣе содѣйствовало планамъ Іоанна. Какъ человекъ въ высшей степени практической, пользовавшійся всѣми наличными средствами для достиженія своихъ цѣлей, онъ видѣлъ и въ этомъ подручное средство поставить свою власть выше всякаго противодѣйствія со стороны представителей церкви. Это было для него тѣмъ желательнѣе, что вмѣстѣ съ подчиненіемъ себѣ высшей духовной власти, ему представлялась возможность осуществить еще и другой свой завѣтный замыселъ—овладѣть церковными имуществами, замыселъ, который онъ уже давно выказалъ своими поступками, отнявъ у Новгородскаго владыки и новгородскихъ монастырей значительную часть ихъ имуществъ и запретивъ первому приобретать куплею новыя земли. Этимъ-то, должно быть, и пользовались приближенные къ Іоанну еретики, отклоняя отъ слишкомъ ревностнаго преслѣдованія вольнодумцевъ и указывая ему въ ереси черты, благоприятствующія его замысламъ.

Пользуясь снисходительностью высшей мірской власти и нашедши сторонника себѣ въ высшемъ представителѣ церкви, еретики, какъ мы уже видѣли, вполнѣ сплотились въ организованное общество, съ братьями Курицыными и Иваномъ Максимовымъ во главѣ, и завели постоянныя религіозныя собранія: но слѣдуя своей обыкновенной традиціонной тактикѣ, всегда облакали свои собранія непроницаемою тайною: „всегда собирающеса тайно по всѣхъ мѣстѣхъ, идеже кто обрѣталеса, и жертвы жидовскія жряху, и пасху жидовскую, и

праздники жидовскія творяху, на нихъ же и многа хуленія изрекоша на Господа нашего Иисуса Христа, и на пречистую Богородицу, и на великаго Иоанна Предтечу и на вся святыхъ Апостолы¹⁾. Трудно вывести изъ приведенныхъ словъ современника какое-нибудь положительное заключеніе объ истинномъ характерѣ этихъ собраній, особенно если принять въ соображеніе покрывавшую ихъ тайну; не подлежитъ однако сомнѣнію, что они имѣли двѣ стороны: одна изъ этихъ сторонъ отличалась чисто религіознымъ характеромъ и состояла въ отправленіи извѣстныхъ религіозныхъ обрядовъ, похожихъ на іудейскіе, а другая состояла въ критикѣ вѣрованій и установленій православной церкви. Пользуясь благоприятными для себя условіями, еретики не упускали изъ виду и пропаганды своего ученія; напротивъ того, вели ее дѣятельнѣе и успѣшнѣе, чѣмъ когда-либо, „и толико“, по словамъ современника, — „прельстиша и въ жидовство отведоша, яко не исчести мощно“²⁾. Мало того: въ умахъ чисто православнаго общества они возбудили всеобщее волненіе и развили страсть къ религіознымъ диспутамъ и разсужденіямъ. Нападая на современный строй религіозно-церковной жизни, подвергая критикѣ церковныя установленія, еретики этимъ вызывали на возраженія и споры православныхъ. Являлась необходимость опровергать еретиковъ и вдаваться въ объясненіе какъ Священнаго Писанія, такъ и отцовъ церкви. Результатомъ этого было всеобщее умственное возбужденіе. „Нынѣ“, говоритъ тотъ же свидѣтель-современникъ о тогдашнемъ состояніи умовъ, — „и въ домѣхъ, и на путѣхъ, и на торжищахъ, иноци и мірстїи и вси сумнятся, вси о вѣрѣ пытаются, и не отъ пророкъ, ни отъ апостолъ, ниже отъ святыхъ отецъ, но отъ еретиковъ и отъ отступниковъ Христовыхъ“³⁾... Это всеобщее возбужденіе умовъ несомнѣнно имѣло свою хорошую сторону. Оно вызвало къ дѣятельности дотолѣ дремавшія, но могучія силы православныхъ, побудило ихъ соединиться для защиты одного общаго дѣла, дѣла православія, угрожаемаго опаснымъ врагомъ, и въ этомъ отношеніи оно, по справедливости, можетъ считаться новымъ шагомъ на пути прогрессивнаго развитія православно-русской народной мысли. Но въ то же время у этого движенія была еще и другая обратная сторона, далеко не соответствовавшая интересамъ православія, угрожаемаго все болѣе и болѣе разроздавшеюся ересью. Страсть къ ре-

¹⁾ Просвѣт., 576.

²⁾ Просвѣт., 576.

³⁾ Посланіе къ Нифонту въ Чт. Общ. II. и Др. 1847 г., I, ст. 6.

лигіознымъ разсужденіямъ и спорамъ православныхъ съ еретиками вызывала постоянное сообщество между тѣми и другими, а сообщество, особенно если припятъ въ соображеніе тактъ, съ которымъ вели себя еретики, не могло не развить въ православныхънисходительнаго взгляда на еретиковъ и не повліять на самое міровоззрѣніе православныхъ. „Зачѣмъ“, слышалось въ обществѣ, — „осуждать и истязать еретиковъ? Господь сказалъ: не осуждайте, да не осуждены будете; и св. Іоаннъ Златоустъ говорить: не слѣдуетъ никого ненавидѣть и осуждать, ни невѣрнаго, ни еретика, а тѣмъ болѣе не слѣдуетъ убивать еретика; если же надобно судить ихъ и казнить, то пусть судятся мірскими судами по царскимъ и гражданскимъ законамъ, а не иноками, даже не мірянами, не засѣдающими въ судахъ; притомъ же еретикъ и отступникъ только тотъ, кто самъ исповѣдалъ свою ересь или отступленіе; а доискиваться, нѣтъ ли въ комъ ереси и предавать изъ-за этого пытку не слѣдуетъ“. Еретики говорили: „Если и еретикъ будетъ святитель, но если проклянетъ онъ христіанина, то послѣдуетъ ему божественный судъ“. Это приводило въ смущеніе самыхъ строгихъ изъ православныхъ и удерживало отъ принятія рѣшительныхъ мѣръ противъ еретиковъ. Самая общественная нравственность того времени потеряла свой строго-аскетическій характеръ и сдѣлалась гораздо свободнѣе. „Отступили люди отъ истины и отъ правды“, жалуется современникъ на тогдашнее нравственное состояніе общества, — „отступили отъ братолюбія и нищелюбія, отступили отъ плѣмудрїя и чистоты и пределись сластолюбію“¹⁾.

Въ такомъ благопріятномъ положеніи находилась ересь въ то время, когда выступилъ на борьбу съ нею Іосифъ Волоколамскій. Но Іосифъ сказалъ себѣ: „Настало время труда, время теченію и подвигамъ... подобаетъ нынѣ даже до смерти подвизаться“²⁾—и смѣло выступилъ на подвигъ.

Трудно съ точностью опредѣлить, когда и чѣмъ началась противоречивая дѣятельность Іосифа. Въ житіи его, принадлежащемъ ученику его Саввѣ Крутицкому, говорится, что Геннадій, узнавъ о существованіи ереси въ Новгородѣ, „возвѣсти сіе зло игу-

¹⁾ Посланіе къ Нифонту и 12-е, 13-е и 14-е слова «Проевѣтителя», составляющія научно-богословское раскрытіе мыслей, заключающихся въ посланіи къ еп. Нифонту.

²⁾ Посланіе къ Нифонту.

мену Іосифу и просить помощи... и нача отецъ Іосифъ ово наказаніемъ, овоже писаніемъ спомогати архієпископу“¹⁾. Отсюда можно заключить, что дѣятельность Іосифа противъ еретиковъ началась весьма рано, почти одновременно съ дѣятельностію противъ нихъ Геннадія, хотя опредѣленно и нельзя указать времени ея начала. Первоначальная помощь, оказанная Геннадію Іосифомъ, выразилась въ написаніи имъ первыхъ 11-ти словъ „Просвѣтителя“, заключающихъ въ себѣ научно-богословское опроверженіе различныхъ пунктовъ еретическаго лжеученія²⁾. Слѣдовательно, въ то время, какъ Геннадій велъ практическую борьбу противъ ереси, Іосифъ занимался ея теоретическимъ, научно-богословскимъ опроверженіемъ. Теперь они мѣняются между собою ролями. Іосифъ выступаетъ практическимъ борцомъ противъ еретиковъ, пишетъ къ разнымъ лицамъ грозныя и убѣдительныя посланія, наконецъ, самъ является предъ царемъ съ требованіемъ принять рѣшительныя мѣры противъ еретиковъ; а Геннадій, наоборотъ, беретъ ратовать противъ ереси духовнымъ оружіемъ и посвящаетъ свое время и труды поднятію уровня образованія своего епархіальнаго духовенства и кодификаціи книгъ Священнаго Писанія.

Первымъ письменнымъ памятникомъ открытаго участія Іосифа въ борьбѣ съ ересью слѣдуетъ считать посланіе его къ Нифонту, епископу Суздальскому, писанное въ 1493 году³⁾. Причина, почему Іосифъ прежде всего обратился съ посланіемъ къ Нифонту, а не къ кому-либо другому, заключается отчасти въ томъ, что Нифонтъ пользовался тогда громаднымъ вліяніемъ въ церкви, и Іосифъ прямо на-

¹⁾ Великія Минеи-Четви, митр. Макарія, сентябрь, стр. 472.

²⁾ Въ пользу этого говорятъ слѣдующія данныя: а) теоретическій характеръ этихъ словъ, между тѣмъ какъ остальные пять отличаются чисто практическимъ характеромъ; б) относительно тихій и спокойный тонъ, въ какомъ онѣ написаны, и который доказываетъ, съ одной стороны, что авторъ ихъ знакомъ былъ съ ересью только чрезъ посредство другихъ, а не входилъ въ непосредственное соприкосновеніе съ еретиками, съ другой же—что ересь еще не достигла широкаго развитія, и еретики еще не получили политической свободы; в) то обстоятельство, что здѣсь въ числѣ еретиковъ нигдѣ не упоминается митрополитъ Зосима, тогда какъ въ послѣднихъ словахъ «Просвѣтителя» встрѣчается и его имя; г) то, что въ самыхъ древнихъ спискахъ «Просвѣтителя» заключается только 11 первыхъ словъ, а въ концѣ 11-го слова Іосифъ прямо называетъ свое сочиненіе «книгою».

³⁾ Предисл. къ посл. Іосифа къ Нифонту въ *Чт. Общ. Ист. и Древн.* 1847 года, I; *Хрущовъ*, 123.

зываетъ его „главою“ православныхъ ¹⁾),—а отчасти въ близкихъ, дружественныхъ отношеніяхъ между ними, доказательствомъ чему служитъ самое посланіе, которое есть не что иное, какъ отвѣтъ на посланіе Нифонта. Иосифъ зналъ, что главная сила еретиковъ заключается въ близости ихъ къ государю, а главнымъ орудіемъ ихъ успѣха въ православномъ обществѣ служить митрополитъ, и потому онъ прежде всего старается вырвать это орудіе изъ ихъ рукъ и противопоставить силѣ ихъ другую нравственную силу, въ лицѣ православнаго митрополита. Съ этою цѣлю Иосифъ уже въ самомъ началѣ своего посланія рисуетъ митрополита самыми мрачными красками: „Въ великой церкви Пречистой Богородицы, сіяющей, какъ второе солнце, посреди всей Русской земли, на св. престолѣ Петра и Алексія“, писалъ онъ,—„на томъ престолѣ сидитъ скверный и злобѣсный волкъ въ пастырской одеждѣ, чиномъ святитель, а произволеніемъ Иуда предатель, злодѣй, какого не было ни между древними, ни между новыми еретиками, змій пагубный, первый отступникъ между святителями въ нашей землѣ“... Изобразивъ развратное поведеніе Зосимы, упомянувъ о соблазнительныхъ рѣчахъ, которыя онъ приносилъ въ своемъ кругу, и нарисовавъ печальную картину религіозно-нравственнаго состоянія тогдашняго православнаго общества, Иосифъ въ самыхъ сильныхъ и пламенныхъ выраженіяхъ убѣждаетъ Нифонта и другихъ русскихъ іерарховъ свергнуть отступника и спасти церковь Божію, хотя бы за это пришлось потерѣть даже мученическую смерть. „Если не искоренится этотъ второй Иуда“, продолжалъ Иосифъ,—„то отступничество мало по малу утвердится во всѣхъ людяхъ. Какъ ученикъ учителя, какъ рабъ государя, молю тебя, поучай все православное христіанство, чтобы не приходили къ этому сквернителю и отступнику за благословіемъ, не ѣли и не пили съ нимъ“. Въ заключеніе авторъ опровергаетъ общераспространенное въ то время мнѣніе, будто грѣшно осуждать еретиковъ, и рѣшаетъ въ отрицательномъ смыслѣ сомнѣніе Нифонта о дѣйствительности проклятія, когда оно исходитъ отъ еретика.

Изъ посланія къ Нифонту видно, въ какомъ всеоружіи выступилъ Иосифъ на борьбу съ еретиками. Нифонту онъ указываетъ на подвигъ мученика и совѣтуетъ дѣйствовать прямо на паству Зосимы. Зная содержаніе этого посланія, трудно предположить, чтобы Иосифъ въ борьбѣ съ еретиками ограничился только совѣтами другимъ дѣй-

¹⁾ «Глава бо еси вѣмъ на тебе вси зримъ...» Посл. къ Нифонту.

ствовать противъ нихъ. тѣмъ болѣе, что ему самому была полная возможность дѣйствовать. Еретики разсылали грамоты для распространенія своего ученія и подорванія авторитета такихъ противниковъ ереси, какъ Геннадій. Нужно было дать оружіе противъ ереси въ руки православнымъ, не имѣвшимъ многихъ книгъ и не знавшимъ божественнаго писанія, какъ выражается самъ Іосифъ въ посланіи къ иноку-икононисцу. Слѣдую этому побужденію, Іосифъ, вѣроятно въ это же время, сдѣлалъ окончательную редакцію своимъ первымъ словамъ противъ еретиковъ, написаннымъ имъ прежде разновременно и по различнымъ побужденіямъ, предпослалъ имъ предисловіе, содержащее въ себѣ исторію ереси, доведенную до собора 1490 г. и до обнаруженія еретичества Зосимы, а потомъ издалъ ихъ цѣлою книгою во всеобщее употребленіе ¹⁾. Книга Іосифа, замѣчательное твореніе и въ настоящее время, въ тѣ темныя времена была явленіемъ необыкновеннымъ и не могла не произвести сильнаго впечатлѣнія на своихъ современниковъ.

Слѣдствіе ли обнародованія посланія Іосифа къ Нифонту, или слѣдствіе собственнаго сознанія въ предосудительности своего поведенія, но только митрополитъ Зосима 17-го мая 1494 года отказался отъ митрополіи, положилъ омофоръ на престолъ въ Успенскомъ соборѣ и удалился сначала въ Симоновъ, а потомъ въ Троице-Сергіевъ монастырь. Современники объясняютъ это обстоятельство различно: одни говорятъ, что онъ удаленъ былъ за то, что „непомѣрно питія держашеся и о церкви Божіей не радяше“; по словамъ другихъ — „за нѣкое преткновеніе“; а Геннадій въ своей „повольной грамотѣ“ на поставленіе новаго митрополита говоритъ вообще, что онъ оставилъ престолъ „своея ради немощи“ ²⁾. Какъ бы то ни было, но замѣчательно то, что Зосима принужденъ былъ оставить митрополію въ отсутствіе Федора Курицына, который посланъ былъ въ Литву вмѣстѣ съ Василиемъ Косымъ-Патрикѣвымъ и Семеномъ Ряполовскимъ, по поводу

¹⁾ Редакція по крайней мѣрѣ 11, а можетъ быть, и 14 словъ, съ присоединеніемъ къ нимъ предисловія, сдѣлана, если неодновременно, то чрезъ небольшой промежутокъ времени прежде или послѣ написанія посланія къ Нифонту. Доказательствомъ этому служатъ: а) многія дословно схожія мѣста какъ въ «сказаніи», такъ и въ посланіи, и б) то, что самая исторія ереси, содержащаяся въ «сказаніи», доведена только до того времени, когда огласилось сообщеніе Зосимы съ еретиками, то-есть, до 1493—1494 г.; а въ этотъ промежутокъ и было написано посланіе къ Нифонту.

²⁾ П. С. Р. Д., IV, 164; т. VIII, 228; Степенная кн., I, 477; *Русская Вивлиоика*, IV, 203—204.

сватовства Елены Ивановны за Литовскаго великаго князя Александра ¹⁾). Весьма вѣроятно, что партія, противная партіи Курицынскихъ и Патрикѣевыхъ, воспользовавшись отсутствіемъ этихъ послѣднихъ, повліяла на великаго князя и побудила его удалить съ митрополичьяго престола сторонника отсутствующихъ.

У.

Поставленіе Симона въ митрополита.—Переѣзны въ отношеніяхъ между великимъ княземъ и митрополитомъ. — Новая вспышка ереси въ Новгородѣ и архимандритъ Кассіанъ. — Торжество партіи Софій и Василія и послѣдствія того. — Соборы о церковномъ благоустройствѣ и дѣятельность на нихъ пр. Іосифа. — Свиданіе Іосифа съ Іоанномъ III.—Нерѣшительность Іоанна въ преслѣдованіи еретиковъ.—Посланія Іосифа къ архим. Митрофану и великому князю Василію Іоанновичу.

По сведеніи Зосимы, престолъ русской митрополіи оставался вакантнымъ цѣлые шестнадцать мѣсяцевъ, и только въ сентябрѣ 1495 года, соборомъ всѣхъ русскихъ іерарховъ, былъ избранъ новый митрополитъ Симонъ, бывшій игуменъ Троице-Сергіева монастыря. Геннадій и на этотъ разъ не участвовалъ въ поставленіи новаго митрополита, а только прислалъ свою „повольную грамоту.“ Достоинно замѣчанія, какъ велъ себя при поставленіи Симона великій князь. Онъ воспользовался посвященіемъ митрополита, какъ случаемъ, чтобы всенародно заявить свое верховенство надъ церковію, въ лицѣ ея высшаго представителя, и дать понять это самому поставляемому. Послѣ нареченія Симона митрополитомъ, Іоаннъ въ Успенскомъ соборѣ всенародно взялъ нареченнаго за руку и „и предалъ его епископамъ“, давая тѣмъ знать, что воля государя дастъ церкви первосвященителя. То же самое повторилось и при посвященіи: государь громкогласно „повелѣлъ“ митрополиту „принять жезлъ папства и взойти на сѣдалище старѣйшинства“. Этимъ не виданнымъ до сихъ поръ обрядомъ ясно давалось знать, что поставленіе митрополита, а тѣмъ самымъ и другихъ духовныхъ властей, исходитъ отъ воли государя. Этимъ же окончательно опредѣлялось и то положеніе, которое съ того времени долженъ былъ занимать митрополитъ, какъ вѣрный слуга государя и непрекословный исполнитель его велѣній. Новопоставленный митрополитъ не былъ сторонникомъ еретиковъ; но онъ, по самому занятому имъ теперь положенію, не могъ противопоставить сильной и рѣшительной оппозиціи еретичеству и долженъ былъ

¹⁾ П. С. Р. Л., VIII, 228.

вести себя по отношенію къ еретикамъ тѣмъ болѣе осторожно, что расположеніе великаго князя къ сочувственной имъ партіи не только не измѣнилось, а напротивъ—все болѣе и болѣе возросло и укрѣплялось.

При такомъ настроеніи великаго князя, еретикамъ легко было поддаиваться къ нему и употреблять въ свою пользу его расположеніе. Они уже не довольствовались организаціей своего кружка въ Москвѣ и тою свободою, какою онъ тамъ пользовался, но вздумали снова организовать еретическую общину въ Новгородѣ, не смотря на то, что тамъ еще по прежнему бдительно стоялъ на стражѣ православія архіепископъ Геннадій. Съ этою цѣлію Ѳеодоръ Курицынъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Волкомъ, упросили царя послать въ Новгородскій Юрьевскій монастырь архимандритомъ своего единомышленника Кассіана, наученнаго ими ереси. Въ Новгородѣ, съ прибытіемъ туда Кассіана, еретическое движеніе возобновилось съ новою силой. Юрьевъ монастырь сдѣлался притономъ всѣхъ еретиковъ, догнѣ или скрывавшихся въ самомъ Новгородѣ или разбѣянныхъ по другимъ мѣстамъ. Тамъ происходили еретическія сборища и совѣщанія, „скверненія и поруганія“ христіанской святыни, „еже нигдѣ же подь небесемъ видѣся, ниже слышася, еже ни умъ вмѣстити можетъ, ниже слово сказати возмогаетъ“. Современникъ передаетъ нѣкоторые, дѣйствительно ужасные случаи кощунства еретиковъ ¹⁾. Геннадій лишень былъ всякой возможности преслѣдовать еретиковъ, пользовавшихся высокимъ покровительствомъ въ Москвѣ.

Вскорѣ новое обстоятельство еще болѣе усилило партію, къ которой примыкали еретики, и въ такой же мѣрѣ увеличило дерзость этихъ послѣднихъ. Въ концѣ 1497 г. открылся заговоръ противъ Димитрія-внука; великій князь положилъ гнѣвъ на супругу и сына и опалу на ихъ приверженцевъ, а вслѣдъ затѣмъ посадилъ на великое княженіе внука. Еретикъ торжествовали; но къ счастью церкви, торжество ихъ и на этотъ разъ было не продолжительное. Ровно чрезъ годъ по вѣнчаніи внука на великое княженіе (1499 г.), опала постигла Патрикѣевыхъ и ихъ партію. Ряполовскій былъ казненъ, а Патрикѣевичи едва избѣжали казни и пострижены были въ монашество: отецъ — въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ, а сынъ въ Кирилловомъ-Бѣлозерскѣ, гдѣ принялъ имя Вассіана и сдѣлался ученикомъ знаме-

¹⁾ Просвѣт., 571—574.

²⁾ П. С. Р. Л., IV., 165; *Соловьевъ*, Ист. Росс., V, 261—262.

нитога Нила Сорскаго (Майкова). Съ опалю, постигшею Патрикѣвыхъ, совпадаетъ, съ одной стороны, охлажденіе Іоанна къ невѣсткѣ и внуку, а съ другой—примиреніе съ Софіей и Василиемъ и пожалованіе послѣдняго великимъ княземъ Пскова и Новгорода. Этотъ переворотъ въ расположеніи великаго князя совершился однако же не разомъ, и только въ апрѣлѣ 1502 года дѣло приняло рѣшительный оборотъ: Елена съ сыномъ были посажены въ темницу, а Василий объявленъ государемъ всея Руси. До насъ не дошло никакихъ прямыхъ современныхъ свидѣтельствъ о томъ, что строгіе ревнители православія, ратовавшіе противъ ереси,—въ то время, какъ разыгрывалась на Москвѣ драма соперничества двухъ политическихъ партій,—примыкали къ Софіи и Василию. Но изъ того, что на сторонѣ партіи Елены и Димитрія были главные вожаки ереси, естественно заключить, что партія православныхъ не могла не сочувствовать торжеству Софіи и Василия¹⁾. Во всякомъ случаѣ опала Елены и ея партіи была если не рѣшительнымъ, то все-таки тяжелымъ ударомъ для еретиковъ. Послѣдующія событія сложились еще болѣе не въ ихъ пользу.

Съ возвышеніемъ Василія начинается эпоха соборовъ о церковномъ благоустроеніи. Соборы эти были вызваны отчасти нападками еретиковъ на недостатки современнаго церковно-іерархическаго строя, отчасти желаніемъ самихъ строгихъ ревнителей православія исправить эти недостатки, служившіе цѣлью для еретическихъ нападокъ, но особенно настроеніемъ самого великаго князя, желавшаго въ свою пользу ограничить владѣтельныя права духовенства. Еретики нападали на разныя злоупотребленія духовенства, въ особенности же выставляли на видъ старинныя обвиненія, поднятыя еще стригольниками, въ томъ, что духовные поставляются на мздѣ²⁾. Во многомъ нападки еретиковъ неволью сходились съ требованіями самихъ православныхъ, желавшихъ улучшить нравственность духовенства, какъ бѣлаго, такъ и монашествующаго. Особенно въ этомъ отношеніи могли имѣть большое значеніе сторонники направленія Нила Сорскаго, узаконившаго для монашества абсолютную нестя-

¹⁾ Расположеніе православныхъ къ Софіи и Василию во время борьбы партій прекрасно выражаетъ слѣдующее мѣсто лѣтописи: «По дьявольскому навожденію и лихихъ людей совѣту воспоавъся князь великъ Иванъ Васильевичъ на сына своего князя Василія и на жену свою великую княгиню Софью» и пр. П. С. Р. Л., VIII, 234.

²⁾ Посланіе Геннадія къ Зосимъ и собору владимъ.

жательность. Но все-таки главную роль играло здѣсь настроеніе самаго великаго князя. Мы видѣли, что Іоаннъ III уже съ давняго времени имѣлъ желаніе завладѣть церковными и монастырскими имуществами. Въ началѣ XVI в. къ этому желанію присоединилась и государственная необходимость. Въ 1500 г., во время войны съ Литвою, значительно прибавилось число пріѣхавшихъ на службу къ Іоанну князей, которыхъ, по тогдашнему обычаю, нужно было одѣлать волостями. Такимъ образомъ, вопросъ о правѣ монастырей владѣть селами выдвинулся самъ собою. Въ 1503 году состоялся соборъ подъ предѣдательствомъ митрополита Симона. На немъ были всѣ русскіе епископы, въ томъ числѣ и Геннадій, многіе настоятели монастырей, и между ними знаменитые Паисій Ярославовъ и Нилъ Сорскій; на соборъ явился и Іосифъ, еще ни разу, съ самаго основанія обители своей, не покидавшій стѣнъ ея, но теперь призванный въ Москву „царскими письменами“, какъ свидѣтельствуешь одно изъ житій его ¹⁾. Этотъ соборъ сдѣлалъ постановленіе, по видимому, отсѣкшшее у вольнодушцевъ исходный пунктъ для нападокъ на духовенство: соборъ запретилъ брать какія бы то ни было пошлины отъ поставленія на священнослужительскія мѣста. „Которой святитель изъ насъ и послѣ насъ“, говорится въ соборномъ уложеніи, — „митрополитъ, архіепископъ или епископъ, во всѣхъ русскихъ, отъ сего дни впредь, нѣкоторымъ нерадѣніемъ дерзнетъ улаженіе и уврѣяленіе преступити, да возметъ что отъ ставленія или отъ мѣста священническаго, да лишеть будетъ сана своего, по правиломъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, да извержется и самъ поставленный отъ него безъ всякаго отвѣта“. Для избѣжанія укора въ безиравственности, падавшаго на духовенство, соборъ подтвердилъ уже прежде бывшія распоряженія Всероссійскихъ митрополитовъ Петра и Фотія, чтобы чернецы и черницы не жили вмѣстѣ въ одномъ монастырѣ, и вдовы священники лишались бы права священнослуженія: тѣмъ изъ нихъ, которые по смерти женъ вели себя цѣломудренно, давалось право причащаться въ алтарѣ въ епитрахильяхъ, а тѣ, которые обличались въ нецѣломудренной жизни, лишались

¹⁾ Хрущовъ, 177. Въ дѣяніяхъ этого собора (Акт. Эксп., I, № 382—383) не упоминаютъ Іосифа; но о присутствіи его здѣсь мы узнаемъ изъ весьма близкаго по времени памятника — письма о «влюбкахъ» между иноками Кириллова-Бѣлозерскаго и Іосифа Волоколамскаго монастырей, принадлежащаго неизвѣстному автору (*Прибавл. къ Твор. св. отц.*, X, 504—505), равно какъ и изъ житій Іосифа. Наконецъ, объ этомъ свидѣтельствуешь и самъ Іосифъ въ 9-мъ преданіи своего устава.

сана съ обязанностью отпустить отъ себя наложницъ, и въ противномъ случаѣ предавались гражданскому суду. Чтобы священнослужительскія должности не доставались людямъ слишкомъ молодымъ, соборъ постановилъ опредѣлять въ священники не ранѣе 30-ти лѣтъ отъ роду, а въ діаконы не ранѣе 25-ти ¹⁾).

Между тѣмъ какъ соборъ велъ свои разсужденія и постановлялъ рѣшенія о церковномъ благоустроеніи гласно и открыто, тутъ же въ тихомолку, въ палатахъ великокняжескихъ, по желанію великаго князя, разсуждали о церковныхъ имуществвахъ. При окончаніи собора, Нилъ Сорскій открыто поднялъ вопросъ о томъ, „чтобы у монастырей сель не было, а жили бы черныцы по пустынямъ, а кормили бы ся рукодѣліемъ“. Сторону Нила держали бѣлозерскіе пустынники. Нилу возражалъ Іосифъ. „Аще у монастырей сель не будетъ“, говорилъ онъ, — „како честному и благородному человѣку постричься, и аще не будетъ честныхъ старцевъ, отколѣ взять на митрополию, или архіепискупа или епискупа и на всякія честныя должности? А коли не будетъ честныхъ старцевъ и благородныхъ, ино вѣрѣ поколебаніе будетъ“. Мнѣніе Іосифа одержало верхъ. „И Божіими судьбами по ихъ волѣ не сталося“, заключаетъ авторъ письма о „нелюбкахъ“. передавшій намъ это извѣстіе. Дѣло этимъ на время и кончилось, и не прежде, какъ уже шесть лѣтъ спустя, Іосифу пришлось снова письменно защищать свои мнѣнія относительно церковныхъ и монастырскихъ имуществъ ²⁾.

Послѣ собора, Іосифъ, имѣлъ троекратное свиданіе съ великимъ княземъ Іоанномъ Васильевичемъ, по личному приглашенію этого послѣдняго: два раза онъ видѣлся съ нимъ на единѣ, а въ третій разъ приглашенъ былъ къ великому князю „хлѣба ясти“. Теперь Іосифъ явился въ Москвѣ совершенно при другихъ обстоятельствахъ, чѣмъ при какихъ было его первое посѣщеніе, и нужно сказать, что обстоятельства сложились какъ нельзя болѣе благопріятно для него. Уже болѣе года томился въ заключеніи великій князь Димитрій-внукъ; заключена была и его мать, еретица Елена; партія ея была окончательно парализована и должна была затихнуть. Вся сила была теперь на сторонѣ Василія, уже пожалованнаго великимъ княженіемъ,

¹⁾ Акты Эксп., I, № 382—383. Іосифъ былъ за соборное рѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ, какъ видно изъ письма «о нелюбкахъ» и изъ сочиненій Вассіана Патрикѣева.

²⁾ Подробнѣе объ этихъ соборахъ у преосв. Макарія, VI, 117—125.

и вѣроятно, не безъ вліянія послѣдняго самъ Іоаннъ пожелалъ видѣть Іосифа. Съ возвращеніемъ благоволенія великаго князя въ Софію и Василію, возвращены были изъ ссылки и снова получили силу пріверженцы ихъ, въ томъ числѣ и братья Челядины, давнишніе друзья и покровители Іосифа. Около же этого времени и братъ Іосифа Вассіанъ сдѣланъ былъ архимандритомъ Симонова монастыря. Но и самъ Іосифъ явился предъ великимъ княземъ уже далеко не тѣмъ, чѣмъ былъ онъ въ первое свое посѣщеніе, двадцать - четыре года тому назадъ. Теперь является предъ нимъ не скромный, едва вышедшій изъ безвѣстности постриженникъ Пафнутіева монастыря, чествуемый не столько за свои личныя качества, сколько потому, что былъ ученикомъ знаменитаго подвижника Пафнутія Боровскаго, а основатель и игуменъ монастыря, уже прославившагося благоустройствомъ и строгостію устава; но что гораздо важнѣе, предъ княземъ является ревностный защитникъ православія, строгій и нелицепріятный обличитель ересей и заблужденій и врагъ людей, бывшихъ такъ долго въ силѣ при дворѣ. Не тотъ сталъ теперь и самъ великій князь Іоаннъ Васильевичъ. Это былъ уже не прежній князь Московскій, хотя полный властолюбивыхъ замысловъ и приводившій ихъ въ исполненіе съ неуклонною послѣдовательностью, но скромный, осторожный, постоянно твердившій о старинѣ, набожный, а самодержавный государь всей Русской земли, гордый своею родственною связью съ Палеологами и считавшій себя преемникомъ ихъ величія и славы. Долго досаждавшій ему своею непокорностью Великій Новгородъ, теперь обогранный кровію, лежалъ у его ногъ; удѣльные князья, тоже долго и горячо спорившіе съ нимъ о власти и не хотѣвшіе поступиться ему своими родовыми правами, теперь или смиренно склонили предъ нимъ свои покорныя головы, или сдѣлались изгнанниками родной земли. Но дорогою цѣною купилъ Іоаннъ самодержавіе; на немъ много было дѣлъ, запятнавшихъ его совѣсть въ глазахъ современниковъ: опалы на бояръ, лютыя казни въ Москвѣ и Новгородѣ, взятіе въ плѣнъ обманомъ брата Андрея Васильевича и гоненіе на дѣтей его, наконецъ—заключеніе въ тюрьму юнаго, имъ самимъ возвеличеннаго великаго князя Руси, внука Димитрія... Не задолго до свиданія съ Іосифомъ скончалась супруга Іоанна Софія, съ которою онъ прожилъ 31 годъ. Самъ онъ, уже преклонный старикъ, чувствуя слабость въ тѣлѣ, помышлялъ о смѣрти. Усталая душа искала примиренія; въ ней пробудились чувства и убѣжденія прежнихъ лѣтъ; вмѣстѣ съ этимъ зародилась и потребность какимъ-нибудь необычайнымъ подви-

гомъ смыть кровавыя пятна съ своей совѣсти. Вотъ въ это-то время и явился предъ Іоанномъ преп. Іосифъ. Строгій подвижникъ благочестія, готовый всѣмъ пожертвовать для вѣры и ничего не желавшій лично для себя, могъ ли онъ не произвести сильнаго впечатлѣнія на тревожную душу великаго князя? Могъ ли этотъ послѣдній не преклониться предъ этою дѣйствительно великою нравственною силою?..

Великій князь принялъ Іосифа наединѣ и завелъ съ нимъ рѣчь о церковныхъ дѣлахъ. Само собою разумѣется, что они говорили о тѣхъ двухъ важныхъ вопросахъ, о которыхъ шли разсужденія на соборѣ— о монастырскихъ имуществахъ и вдовыхъ понахъ. Поговоривъ о церковныхъ дѣлахъ, великій князь завелъ рѣчь о новгородскихъ еретикахъ. Зная Іосифа за строгаго поборника православія, Іоаннъ желалъ оправдать себя въ его глазахъ и получить отъ него прощеніе за прежнее покровительство еретикамъ. „Я звалъ новгородскихъ еретиковъ“, говорилъ онъ Іосифу, — „и ты меня прости въ томъ, а митрополитъ и владыки простили меня“. „Государь“, отвѣчалъ Іосифъ, пораженный такимъ смиреніемъ великаго князя, — „какъ мнѣ тебя прощать?“ И тогда Іоаннъ вторично сказалъ Іосифу: „Пожалуй, прости меня!“ Іосифъ сказалъ ему въ отвѣтъ, что за прежнихъ еретиковъ его Богъ проститъ только тогда, когда онъ возстанетъ на нынѣшнихъ: „Государь только ся подвижнешь о нынѣшнихъ еретикѣхъ, ино и въ прежнихъ тебѣ Богъ проститъ“. Въ другое свиданіе Іосифъ сталъ бить челомъ великому князю, чтобъ онъ послалъ въ Новгородъ и другіе города обыскивать еретиковъ. „Пригоже тому быти“, отвѣчалъ великій князь, — „и азъ вѣдалъ ихъ ереси: пошлю и обыщу; а только и азъ не пошлю, да не попекуся о томъ, и кому то зло искоренити?“ И тутъ же князь началъ объяснять Іосифу, какую ересь держалъ протопопъ Алексѣй, и какую Ѳеодоръ Курицынъ, и вслѣдъ затѣмъ сообщилъ ему, что Иванъ Максимовъ „сноху у него въ жидовство свелъ“. Бесѣду свою великій князь заключилъ вторичнымъ обѣщаніемъ послать по городамъ разыскивать еретиковъ и казнить ихъ. Послѣ этихъ двухъ свиданій наединѣ, Іосифъ былъ позванъ къ великому князю „кѣмба ясти“. На этотъ разъ самъ великій князь задалъ Іосифу вопросъ: „Какъ писано, нѣтъ ли грѣха казнить еретиковъ?“ Іосифъ началъ свой отвѣтъ словами апостола Павла къ Евреямъ: аще кто отвержется закона Моусеева при двою или тріехъ свидѣтелѣхъ умираетъ, кольми наче иже Сына Божія поправъ и Духа благодати укоривъ“... (10, 28). Но великій князь, выслушавъ начало отвѣта, тотчасъ же велѣлъ ему перестать говорить. Изъ бесѣды съ великимъ княземъ ревност-

ный поборникъ православія вынесъ убѣжденіе, что онъ онъ „блудетъ грѣха казнити еретиковъ“. Послѣ этого Іосифъ удалился изъ Москвы ¹⁾).

Заключеніе Іосифа о внутреннемъ настроеніи великаго князя было какъ нельзя болѣе вѣрно. Еретическія внушенія, нашедшія доступъ въ душу Іоанна и вполнѣ гармонировавшія съ его практическою натурою, были еще сильны въ немъ и заставляли его медлить и колебаться; вѣроятно, ихъ поддерживали и православные, предпочитавшіе краткія мѣры противъ еретиковъ жестокимъ. Прошло уже болѣе года со времени даннаго великимъ княземъ Іосифу обѣщанія, но оно не приводилось въ исполненіе. Еретики, по прежнему, находились на свободѣ; ересь все еще продолжала распространяться по городамъ и селамъ. Кассіанъ по прежнему оставался Юрьевскимъ архимандритомъ и по прежнему продолжались кощунства еретиковъ надъ христіанскою святыней. Конечно, Іосифъ не могъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ подобнаго порядка вещей. Весною 1504 года, онъ написалъ посланіе къ духовнику великаго князя Андрониковскому архимандриту Митрофану, желая чрезъ него подѣйствовать на великаго князя и побудить послѣдняго къ принятію рѣшительныхъ мѣръ противъ еретиковъ. Въ этомъ посланіи Іосифъ, пересказавъ свои свиданія съ Іоанномъ и разказавъ вкратцѣ о кощунствѣ и иконоборствѣ еретиковъ, убѣждаетъ Митрофана напомнить великому князю о данномъ ему обѣщаніи розыскать и казнить еретиковъ и за неисполненіе этой обязанности угрожаетъ самому Митрофану гнѣвомъ Божиимъ. „Ты, господине“, пишетъ Іосифъ, — „потщися всудушевно государю подокучити, оставивъ всѣ дѣла, занеже Божіе дѣло всѣхъ нужнѣе. А только ты, господине, о томъ дѣлѣ не попечешися, ни доведеши до великаго князя, ино на тебѣ, господине, Богъ възщеть. Страшно бо есть впасти въ рущѣ Бога жива“. Здѣсь Іосифъ въ первый разъ открыто и категорически высказываетъ мнѣніе о необходимости самыхъ тщательныхъ розысковъ и безпощадныхъ казней еретиковъ и убѣждаетъ доказать великому князю, что нѣтъ грѣха мучить и казнить ихъ. „И только бы государь захотѣлъ ихъ искоренити“, говоритъ между прочимъ Іосифъ, — „ино бо вскорѣ искоренилъ, поймавъ двухъ или трехъ еретиковъ, а они всѣхъ скажутъ“.

Изъ памятниконъ не видно, имѣло ли какой-нибудь осизательный

¹⁾ Посл. Іосифа къ Митрофану въ *Чт. Общ. И. и Древн.*, 1847 г., I.

результатъ посланіе Іосифа къ Митрофану. Но изъ того, что около этого времени Іосифъ писалъ другое посланіе къ великому князю Василию Іоанновичу, скорѣе нужно предположить, что оно не достигло желанной цѣли. Вѣроятно, велика была перѣшительность Іоанна въ вопросѣ о принятіи строгихъ и рѣшительныхъ мѣръ противъ еретиковъ, а силенъ былъ страхъ ответственности предъ Богомъ за казнь ихъ, такъ что Іосифу пришлось дѣйствовать на него еще чрезъ другое, самое вліятельное и самое близкое къ нему лицо. Іосифъ зналъ, какую роль занималъ теперь при престарѣломъ Іоаннѣ Василій Іоанновичъ, зналъ, что послѣдній издавна прилежалъ церковнымъ дѣламъ, и потому твердо надѣялся, что голосъ его не останется не услышаннымъ, тѣмъ болѣе, что младшаго князя окружали теперь лица, вполне солидарныя съ Іосифомъ по своимъ убѣжденіямъ. Въ посланіи къ Василию Іосифъ кратко, рядомъ примѣровъ изъ ветхозавѣтной и новозавѣтной церковной истории, доказываетъ высказанное имъ въ началѣ положеніе, что „еретика руками убити или молитвою едино есть“¹⁾.

Но въ это время Іосифъ встрѣтилъ сильное противодѣйствіе себѣ, и уже не въ лагерѣ еретиковъ, для протеста которыхъ обстоятельства были теперь слишкомъ неблагоприятны, а тамъ, гдѣ встрѣчалъ ее прежде — въ вопросахъ о монастырскихъ имуществвахъ и вдовыхъ священникахъ, именно—со стороны лицъ, державшихся того направленія религиозной мысли, во главѣ коего въ разсматриваемую нами эпоху стоялъ проподобный Нилъ Сорскій. Возгорѣлась ожесточенная борьба, которая, начавшись на литературной почвѣ, не замедлила принять самый жгучій характеръ и перейти на почву прак-

¹⁾ Посл. напеч. въ *Древн. Р. Вѣстн.*, XVI, стр. 423—424. Г. Хрущовъ относитъ это посланіе къ тому же времени, къ которому относимъ его и мы, и съ этимъ имѣть причинъ не соглашаться: потому что, еслибъ оно было написано уже послѣ собора 1504 г. и казни еретиковъ, то зачѣмъ было бы Іосифу доказывать необходимость казни ихъ, когда проповѣдуемый имъ принципъ осуществленъ уже на дѣлѣ. Въ рукописи бібліотеки С.-Петербургской духовн. академіи, № 1446, это посланіе прямо озаглавлено «посланіемъ старца Іосифа къ великому князю Василию Іоанновичу на Касьяна, архимандрита Юрьевского и прочихъ еретиковъ»; а Касьянъ, вмѣстѣ съ другими, казненъ былъ по соборному приговору 1504 г. Въ отвѣтномъ Іосифу посланіи яновскихъ старцевъ говорится о Касьянѣ, какъ о живомъ лицѣ. Не могло быть написано оно и прежде посланія къ Митрофану: потому что Іосифъ, пространно говоря о своихъ сношеніяхъ съ старшимъ великимъ княземъ, нигдѣ, ни однимъ словомъ, до этого времени не упоминаетъ о сношеніяхъ своихъ съ младшимъ.

тическую, затянута на многіе годы, и въ концѣ концовъ, кончилась торжествомъ партіи Іосифа. Мы коснемся этой борьбы на столько, на сколько она имѣетъ общій культурно-историческій интересъ и непосредственно соприкасается съ предметомъ нашего изслѣдованія.

VI.

Направленіе Нила Сорскаго; его характеръ, происхожденіе и церковно-политическое значеніе.—Отвѣтное Іосифу посланіе заволжскихъ старцевъ.—Новая противо-еретическая дѣятельность Іосифа. — Соборъ 1504 г. и его приговоръ надъ еретиками.—Судьба главныхъ еретиковъ.—Еретикъ Кленовъ и посланіе о немъ Іосифа къ великому князю. — Неудовлетворительность мѣръ, принятыхъ на соборѣ противъ еретиковъ.—Новое «любопытное» посланіе заволжскихъ старцевъ и отвѣты на него со стороны Іосифа.

Если отличительною чертою господствовавшаго умственного и религіозно-нравственнаго направленія эпохи, представляемаго Іосифомъ Волоколамскимъ, была сильная привязанность къ церковно-обрядовой виѣшности, при недостаточности пониманія внутренняго духа и смысла православной виѣры Христовой, то на ряду съ этимъ направленіемъ съ давнихъ поръ существовало въ древне-русскомъ обществѣ еще и другое поставившее своею задачею возвысить внутреннюю сторону религіи надъ подавлявшею его виѣшностью. Одно искало идеала для себя преимущественно въ ветхомъ завѣтѣ; другое видѣло его исключительно въ божественномъ лицѣ Христа Спасителя. Первое всегда было господствующимъ въ средѣ народныхъ массъ; второе никогда не было достояніемъ большинства, и послѣдователи его часто считались единицами; но за то эти единичныя личности большею частію были передовыми людьми своего времени. Происхожденіе этого послѣдняго направленія, при господствовавшемъ складѣ религіозныхъ воззрѣній, становится вполне понятнымъ. Крайнее развитіе церковно-обрядовой виѣшности и религіознаго формализма вообще, при повсюдномъ почти недостаткѣ пониманія истиннаго духа и смысла христіанской виѣры и нравственности, не могло не останавливать на себѣ вниманія каждаго мыслящаго человѣка. Поэтому не удивительно, что уже въ самое раннее время церковно-исторической жизни раздавались голоса въ пользу возвышенія духовности надъ обрядностью. Не смотря на безпредѣльное уваженіе къ обряду самому по себѣ, а можетъ быть, и благодаря именно этому обстоятельству, въ древнихъ памятникахъ встрѣчается много мѣстъ, гдѣ возстаютъ противъ безсмысленнаго исполненія об-

ряда, противъ бубвы безъ содержанія ¹⁾. Въ противоположность всеобщему уваженію къ строгости наружнаго поста, встрѣчаются поученія, въ которыхъ разсуждается о недѣйствительности его безъ добрыхъ дѣлъ ²⁾. Рядомъ съ поученіями, доказывавшими, что строить церкви, раздавать милостыню, особенно же дѣлать вклады въ монастыри—значить пролагать себѣ путь въ царство небесное, являлись иныя, въ которыхъ дача имѣній въ монастыри считается не только дѣломъ небоугоднымъ, но положительно вреднымъ и пагубнымъ для души,—доказывается, что милостыня, даваемая отъ несправедливаго стяжанія, бесполезна, и что суетна бываетъ надежда тѣхъ, которые думаютъ безъ самоисправленія заглазить свои грѣхи раздачею милостыни нищимъ, что церковь, построенная на богатства, нажитыя несправедливо, есть мерзость предъ Богомъ, и что дѣла любви и милосердія къ ближнимъ гораздо драгоцѣннѣе въ очахъ Божіихъ, чѣмъ постройка и украшеніе церквей ³⁾. Въ то время, когда всякое, безъ различія, письменное слово, лишь бы оно имѣло авторитетъ древности и отличалось религіознымъ содержаніемъ, пользовалось безусловнымъ довѣріемъ и уваженіемъ,—появлялись намеки, которые зароняли подозрѣніе въ справедливости всего, вошедшаго въ грамадную массу тогдашней церковной письменности ⁴⁾. Кроме того, здѣсь нерѣдко можно встрѣчать рѣзкія обличенія монаховъ-лицемѣровъ, которые, своею недостойною жизнію и особенно корыстолюбіемъ и склонностью къ роскошп, повсемѣстно возбуждали склонность къ порицанію монашества.

Во второй половинѣ XV вѣка эти идеи получаютъ еще большую опредѣленность и разрастаются въ цѣлое направленіе. Направленіе это нашло себѣ пріютъ и развилось преимущественно въ сѣверномъ край, сосѣднемъ Бѣлоозеру, отчего послѣдователи его стали называться бѣлозерскими или заволжскими старцами. Первымъ представителемъ его здѣсь былъ преп. Нилъ Сорскій, изъ роду Майковыхъ, постриженникъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, родившійся въ 1433 году и еще въ ранней юности постригшійся въ монашество. Проживъ въ Кирилловомъ монастырѣ нѣкоторое время, онъ отпра-

¹⁾ Погод. сб. Публичн. библ., № 1848; рукоп. Волоколамск. библ. XV ст.

²⁾ Сбор. Румянц. М., № 186; Погод. сб., № 1024; Рукоп. Волокол. библ., № 333.

³⁾ Сб. Рум. М., № 429; Погод. сб., № 1316; Рукоп. Публ. библ., № 209—204.

⁴⁾ Погод. сб., № 1361.

вился странствовать на Востокъ, вмѣстѣ съ другомъ своимъ Иннокентіемъ Охлябининимъ: пробыль между прочимъ нѣсколько лѣтъ на Афонѣ, изучилъ, какъ показываютъ его сочиненія, греческій языкъ и основательно ознакомился съ святоотеческою и вообще церковною письменностью. Возвратившись въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, онъ не могъ уже примириться съ тѣмъ господствомъ внѣшности, которое онъ встрѣчалъ въ русскомъ монашествѣ и вообще въ русскомъ благочестіи, и потому, удалившись изъ монастыря, построилъ собственную часовню и келью, а потомъ, когда къ нему сошло нѣсколько братьевъ, построилъ и церковь. Такимъ образомъ основалось монашеское братство, но уже совсѣмъ на другихъ началахъ, чѣмъ остальные русскіе монастыри.

Нилъ Сорскій былъ аскетъ въ полномъ смыслѣ этого слова: но аскетизмъ его былъ болѣе внутренній, чѣмъ внѣшній. Цѣль иночества, по его мнѣнію,—не внѣшній подвигъ, не изнуреніе тѣла постомъ и молитвой, а внутренняя переработка души, освобожденіе ея отъ порочныхъ страстей и помысловъ, ея нравственное совершенство. Все же внѣшнее благочестіе занимаетъ у него менѣе чѣмъ второстепенное мѣсто. „Напрасно“, говоритъ онъ, опираясь на слова св. Варсанофія и Іоанна Лѣствичника, — „напрасно думаютъ, что дѣлаетъ доброе дѣло тотъ, кто соблюдаетъ постъ, метаніе, бдѣніе, исалмоуѣніе и на землѣ лежаніе; онъ только согрѣшаетъ, воображая, что все это угодно Богу; суетно трудится и тотъ, кто, имѣя слезы и проливая ихъ, думаетъ, что дѣлаетъ доброе, а тѣмъ болѣе, если превозносится этимъ предъ другими, не имѣющими слезъ... Ни чтеніе молитвъ, ни прилежное богослуженіе, ни иные какіе труды не ведутъ сами по себѣ ко спасенію безъ внутренняго дѣланія“. Постъ у преп. Нила есть воздержаніе и умѣренность. Всякій можетъ вкушать хорошую пищу, но только съ воздержаніемъ: „Лучше“, говоритъ онъ,—„съ разумомъ пить вино, нежели съ презорствомъ воду. Будемъ знать, что пища и питье сами по себѣ ничего не значатъ, но все заключается въ вѣрѣ, сопровождаемой любовью и дѣлами. Если всякому дѣланію послѣдуетъ вѣра, то нельзя осуждать ядущаго и пьющаго съ вѣрой: ибо только то грѣхъ, что не отъ вѣры“... Умерщвленіе плоти и воздержаніе отъ помысловъ не должно быть выше естественныхъ силъ и „дарованія, отъ Бога даннаго.“ Безмѣрный постъ и безмѣрное воздержаніе, по мнѣнію Нила,—приносятъ еще болѣе вреда, чѣмъ яденіе до сытости, потому что „отъ него заченчися внутренній фарисей воспитуется“. то есть, развивается самый ненавистный грѣхъ

для преподобнаго—тщеславіе ¹⁾). Весь монашескій подвигъ у него сосредоточивается въ „умномъ дѣланіи“, которое есть ни что иное, какъ борьба съ дурными помыслами, которыхъ онъ насчитываетъ восемь ²⁾). Побѣда надъ ними приводитъ къ высочайшему, блаженному спокойствію и приближаетъ къ блаженству, которое онъ описываетъ самыми поэтическими чертами ³⁾). Сообразно съ такимъ взглядомъ на значеніе иночества, пр. Нилъ составилъ и свой иноческій уставъ. Изъ трехъ видовъ иноческаго житія онъ избралъ скитскій, какъ наиболѣе подходящий къ его взгляду на иночество. Этотъ родъ иноческаго житія состоялъ въ томъ, что иноки поселялись вдвоемъ или втроемъ и выбирали себѣ настоятели, питались отъ трудовъ рукъ своихъ и поддерживали другъ друга въ „умномъ дѣланіи“ или во внутренней борьбѣ съ соблазнами. Всякая неумѣренность и роскошь совершенно изгонялись изъ ихъ среды. Золото, серебро и драгоценныя сосуды строго воспрещалось имѣть не только въ келіяхъ, но и въ храмахъ. Недвижимыя имущества и капиталы никакъ не могли быть достояніемъ скита. Позволялось принимать подаянія, но и то въ самомъ незначительномъ размѣрѣ, и притомъ въ случаѣ крайней нужды и болѣзни ⁴⁾). Съ такими понятіями естественно было Нилу заявить протестъ противъ любостыжанія монаховъ и монастырскихъ имуществъ. Хотя предложеніе Нила было отклонено соборомъ, но оно послужило поводомъ къ долгой и горячей полемикѣ между послѣдователями его, Бѣлозерскими старцами, съ одной стороны, и Іосифомъ и его сторонниками—съ другой. Запрещеніе вдовымъ священнослужителямъ совершать богослуженіе, особенно же строгія мѣры, требуемая партіей Іосифа противъ еретиковъ, послужили новою пищею для полемики между этими двумя направленіями, которая принимала все болѣе и болѣе рѣзкій характеръ, и наконецъ, перешла въ открытую вражду между ними. Съ особенною послѣдовательностью развивалъ нравственно-аскетическіе взгляды Нила Сорскаго ученикъ его князь-инокъ Вассіанъ Патрикѣевъ, оставившій намъ нѣсколько любопытныхъ сочиненій, направленныхъ противъ взглядовъ Іосифа на монастырскія имущества и на отношенія православныхъ къ ереси и

¹⁾ Преданіе Нила Сорскаго; надсловіе, стр. XLIV—XLV, XLII, XXXVI—XXXVII, XLVI, XLII.

²⁾ Ibid., слово 5-е, стр. 67—103.

³⁾ Ibid., слово 2-е, 46—56.

⁴⁾ Преданіе, стр. 13, 14, 18, 19.

сретивкамъ ¹⁾). Вассианъ пытался дать идеямъ своего учителя болѣе широкое практическое примѣненіе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ получилъ у него тотъ рѣзко-полемическій, полный желчи и безпощадной провиіи характеръ, котораго чуждъ былъ преп. Ниль, и который въ послѣдствіи послужилъ въ рукахъ враговъ Вассиана однимъ изъ главныхъ орудій къ его осужденію. Борьба окончилась торжествомъ партіи Іосифа: но идеи, пущенныя въ народное обращеніе Ниломъ Сорскимъ и его учениками, продолжали жить и развиваться въ русскомъ обществѣ до-петровской эпохи и составляли въ умственной жизни его едва ли не единственный свѣтлый и жизненный элементъ. Самымъ замѣчательнымъ представителемъ ихъ въ XVI вѣкѣ былъ князь Курбскій.

Партія православныхъ, съ которою теперь приходилось считаться Іосифу, не могла не имѣть сильнаго вліянія и на народныя массы, которыя естественно должны были симпатизировать проповѣдуемымъ ею идеямъ о томъ, что „не вѣльно иноческому житію села много-народна стяжевати и поработчати христіанъ, братію свою и отъ сихъ неправеднѣ сребро и злато собирать“ ²⁾. Близка она была и къ великому князю. Первые представители ея, Паисій Ярославовъ и Ниль Сорскій, пользовались большимъ уваженіемъ Іоанна. Къ ней вскорѣ примкнулъ и сдѣлался ревностнымъ ученикомъ глубокомысленнаго Нила тоже замѣчательный человекъ своего времени — бывший князь, близкій родственникъ великокняжескаго семейства и даровитый дипломатъ, неоднократно выполнявшій разные государственныя порученія, а теперь, вслѣдствіе опалы на него великаго князя, невольный постриженникъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, инокъ Вассианъ Патрикевичъ-Косой. Если когда-то гордый, „высокоумный“, дорожившій своими родовыми правами, Патрикевичъ ненавистенъ былъ властолюбивому Іоанну и подвергся вмѣстѣ съ другими его опалѣ, то теперь, въ качествѣ инока, Вассианъ уже не былъ опасенъ для него; тѣмъ менѣе причинъ быть недовольнымъ имъ имѣлъ великій князь Василій Іоанновичъ, видѣвшій въ немъ не опальнаго боярина, а своего родственника, скромнаго бѣлозерскаго инока. Посланіе Іосифа къ Василію Іоанновичу, вѣроятно — вскорѣ по полученіи, передано было на обсужденіе заволжскимъ старцамъ и вызвало съ ихъ стороны коллек-

¹⁾ *Правосл. Собесѣдн.* 1863 г., сентябрь и октябрь; *Чтен. въ Общ. Ист. и Др.* 1859 г., III; *ibid.* 1847 г., VIII; *Приб. къ Тв. Св. оти.* 1851 г., ч. 10.

²⁾ Полемич. сочиненія Вассиана. *Пр. Соб.*, сентябрь 1862 г.

тивный отвѣтъ, въ которомъ оппоненты Іосифа шагъ за шагомъ опровергаютъ его мнѣнія о необходимости казни еретиковъ. Изъ этого памятника не видно, кто былъ авторомъ его; но тонъ этого посланія, кое-гдѣ не чуждый желчности и ироніи, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ почти дословное сходство его съ писаніями Вассіана Патрикѣева, доказываютъ, что оно принадлежитъ опытному перу бывшего боярина и дипломата ¹⁾).

Іосифъ писалъ Василию: „Грѣшника или еретика руками или молитвою убити едино есть“. Старцы отвѣчали: „не кающихся еретиковъ и не покоряющихся вѣчно заточати, а кающихся еретиковъ и свою вѣру проклинающихъ церковь Божія приеметь простертыми дланьми. Грѣшныхъ ради Сынъ Божій воплотился и приде спасти погибшихъ“. Іосифъ продолжалъ: „Моисей руками скрижали разбилъ“. „То тако есть“, отвѣчали старцы,—„но егда Богъ хотя погубити Израиля, повлотившагося тельцу, тогда рече Моисей къ Господеву: „аще сихъ погубиши, то мене прежде сихъ погуби“, и Богъ не погуби Израиля Моисея ради“... „Еще жъ ветхій завѣтъ тогда бысть“, продолжали свой отвѣтъ старцы на другіе примѣры, приводимые Іосифомъ изъ ветхозавѣтной исторіи,—„намъ же въ новѣй благодати яви Владыка христоролюбивый союзъ, еже не осудити брата брату: „не судите и не осуждени будете“. Аще ты повелѣваеши, о Іосифе, брату брата согрѣшивша убити, то скорѣе и субботство будетъ, и вся ветхаго закона, ихъ же Богъ ненавидитъ“. Іосифъ приводилъ въ примѣръ апостола Петра, поразившаго молитвою Симона Вояхва, а также указывалъ на Льва, епископа Католическаго, на что старцы иронически замѣчали: „И ты, господине Іосифе, сотвори молитву, да иже недостойныхъ еретикъ и грѣшниковъ пожретъ ихъ земля“. И далѣе: „Ты, господине, почто не испытаеши своєю святости, не связалъ архимандрита Басьяна своєю мантією, донелѣжь бы онъ сгорѣлъ, а ты въ пламени его держалъ, а мы бѣ тебя, яко единого отъ трехъ отроковъ—изъ пламени изшелъ, да приѣли. Шоразумѣй, господине“, заключали старцы,—„яко много розни промежь Моисея и Іліи, и Петра и Павла апостоловъ, да и тебя отъ нихъ“ ²⁾).

¹⁾ Отвѣтъ, посл. завѣдѣвшихъ старцевъ напечат. въ *Р. Визлѣвникъ*, т. XVI, 425—428.

²⁾ Около этого же времени или вскорѣ послѣ этого Іосифомъ было написано новое сочиненіе, развивающее тѣ же самыя идеи, что и въ посланіяхъ къ архимандриту Митрофану и великому князю Василию, но гораздо подробнѣе и обстоятельнѣе. Возставая противъ мнѣнія о томъ, что не слѣдуетъ «осудити

Какъ ни сильны были возраженія и доводы заволжскихъ старцевъ, но Иосифъ имѣлъ предъ своими противниками громадное преимущество. Какъ человекъ въ высшей степени практической, онъ лучше, чѣмъ заволжскіе теоретики, зналъ какъ и на кого нужно было дѣйствовать. Онъ зналъ, какую силу имѣлъ великій князь Василій у отца, ужь ослабѣвшаго тѣломъ и духомъ; зналъ и то, что составляло самую чувствительную струну въ душѣ молодаго великаго князя. Василій былъ сынъ Гречанки Софіи Палеологъ, воспитанный матерью въ преданіяхъ Византіи, болѣе всего дорожившій этими преданіями и считавшій себя единственнымъ вѣнченоснымъ представителемъ ихъ. На эту-то именно сторону въ великомъ князѣ главнымъ образомъ и старался подѣйствовать Иосифъ: примѣры Византійскихъ императоровъ Константина, Юстиніана, Θεодосія и другихъ, изъ ревности по правой вѣрѣ преслѣдовавшихъ еретиковъ, раскрытіе значенія и обязанностей царской власти въ отношеніи къ вѣрѣ и церкви въ духѣ греко-римскаго абсолютизма, указаніе на противоречительную дѣятельность святыхъ мужей, подкрѣпленное многочисленными примѣрами изъ библіи и искусно подобранными свидѣтельствами Священнаго Писанія и отцовъ церкви, все это было употреблено въ дѣло и произвело желанное дѣйствіе. Прямой потомокъ послѣднихъ царей Византіи, дорожившій ея традиціями, понялъ Иосифа и тѣ царскія обязанности, о которыхъ онъ писалъ ему, и въ этомъ смыслѣ постарался подѣйствовать на своего престарѣлаго и уже ослабѣвшаго духомъ отца. Векорѣцѣль была достигнута. Въ декабрѣ 1504 года состоялся соборъ на

ни еретика, ниже отступника», авторъ свидѣтельствами изъ Священнаго Писанія, отцовъ церкви и особенно многочисленными примѣрами изъ церковной исторіи доказываетъ, что «еретика и отступника подобаетъ не токмо осуждати, но и проклинати, царемъ же и княземъ подобаетъ сихъ въ заточеніе посылати и каземъ лютымъ предавати». Это сочиненіе впоследствии вошло въ составъ «Просвѣтителя», какъ 13-е его слово. Особенно щедръ здѣсь авторъ на примѣры казни еретиковъ благочестивыми царями Византійскими. Изъ этого можно заключить, что сочиненіе было предназначено главнымъ образомъ для великаго князя. Градскимъ законамъ Византійскихъ императоровъ авторъ усволяетъ здѣсь авторитетъ, равный съ Священнымъ Писаніемъ и каноническими постановленіями вселенской церкви («Яко же свидѣствуетъ божественное писаніе: глаголетбоя въ божественныхъ правилѣхъ, еже отъ градскихъ законъ, о невѣрныхъ и еретикѣхъ (приводится рядъ законовъ, предписывающихъ казни еретиковъ). «Аще ли кто речеть: се есть градскіи законъ, а не апостольская, ниже отеческая писанія, таковый да слышитъ пр. отца нашего Никона») и проч. Просвѣтит., стр. 537—538.

еретиковъ. На соборѣ присутствовали митрополить Симонъ, епископы и множество духовенства подь предѣдательствомъ самого Василя Іоанновича: „И бысть ему сій судъ первый изъ Новгорода“, замѣчаетъ современникъ ¹⁾. Іосифъ, приглашенный на соборъ, явился здѣсь главнымъ обличителемъ еретиковъ. Но на соборѣ не было того, кто первый открылъ ересь и по чьему настоятельному требованію былъ созванъ первый соборъ на еретиковъ въ 1490 году. Геннадій въ то время былъ сведенъ съ своей кathedры за то, что будто бы, вопреки соборному опредѣленію, началъ, по совѣту своего любимца дьяка Михаила Алексѣева Гостенкова, брать мзду съ священниковъ за поставленіе; онъ пребывалъ теперь на покой въ Чудовомъ монастырѣ ²⁾. Еретиковъ обыскали и осудили даже знатныхъ изъ нихъ, Москвичей и Новгородцевъ, переселившихся въ Москву еще во время митрополита Геронтія. Нужно было только изобрѣсти примѣрную и ужасную кару для хульниковъ имени Божія, кару, которая произвела бы на всѣхъ потрясающее впечатлѣніе. Можетъ быть, здѣсь-то и пригодился совѣтъ, когда-то данный великому князю Геннадіемъ, послѣдовать въ истребленіи еретиковъ примѣру „Шпанскаго короля“. И дѣйствительно, употребленъ былъ способъ казни, напоминавшій испанскіе инквизиціонныя ауто-да-фэ и мало употреблившейся въ древней Руси ³⁾: дьяка Ивана Волка-Курицына, Ивана Максимова и какого-то Митю Пустоселова сожгли въ клѣткахъ; Некраса Рукавова, по отрѣзаніи языка, отослали въ Новгородъ и тамъ сожгли вмѣстѣ съ архимандритомъ Кассіаномъ, братомъ Кассіана Пвашкою Самочернымъ и многими другими. Черезъ двадцать дней послѣ казни еретиковъ, скончалась въ темницѣ и княгиня Елена ⁴⁾. Судьба Ѳедора Курицына съ достовѣрностью неизвѣстна. Полагаютъ, что онъ не дожилъ до собора 1504 года. Остальныхъ еретиковъ, по всей вѣроятности—такихъ, которыхъ нельзя было обвинить въ иконоборствѣ и хуленіи святыхъ, разслали по монастырямъ. Въ числѣ по-

¹⁾ П. С. Р. Л., IV, 272; Велик. Минеи-Четви, сентябрь, стр. 473.

²⁾ П. С. Р. Л., VI, 49; VII, 244; Ник. Л., VI, 170. Пресвященный Филаретъ и Н. Н. Костомаровъ думаютъ, что сведеніе Геннадія съ новгородской кathedры было дѣломъ его враговъ.

³⁾ Намъ извѣстны два примѣра подобной казни: впервыхъ, сожженіе вѣдмъ Пет. Росс., *Соловьевъ* VI, 347, и вторыхъ казнь Матіаса Ляха и князя Лукомскаго въ 1493 г. на Москвѣ рѣкъ за посягательство на жизнь великаго князя. П. С. Р. Л., IV, 162; VIII, 225, 244.

⁴⁾ П. С. Р. Л., VI, 49, 244; VIII, 224, 244; Ник. Л., VI, 171.

слѣднихъ былъ и еретикъ Семень Кленовъ, котораго, вмѣстѣ съ его еретическими книгами, прислали въ монастырь Іосифа.

Это послѣднее распоряженіе исходило отъ воли великаго князя-отца. Понятно, что Іосифъ не могъ быть доволенъ подобнымъ распоряженіемъ, боясь, чтобъ еретическая зараза не проникла въ его обитель и не распространилась между подчиненными ему иноками. И вотъ онъ, лишь только привезли къ нему еретика Кленова, пишетъ къ великому князю посланіе. Іосифъ упрекаетъ великаго князя за то, что онъ прислалъ въ монастырь къ нему „еретика Семена Кленова и его рѣчи еретическія написавы, что онъ мудрствовалъ“, — говоритъ, что и вообще не должно еретиковъ разсылать по обителямъ и тѣмъ дѣлать пользу мірянамъ и гибель инокамъ. На всѣхъ соборахъ еретиковъ, по проклятій, ссылали въ заточеніе. Кто жь изъ нихъ хочетъ принести покаяніе, тотъ можетъ сдѣлать это и въ темницѣ. „А нынѣшніи еретики сами не произволили каятися“, но стали каятися только тогда, когда ихъ стали предавать мукамъ и смертнымъ казнямъ — „мукъ деля, а не Бога ради“. Поэтому нельзя вѣрить ихъ покаянію. Въ заключеніе Іосифъ молитъ государя показать милость свою о монастыряхъ, „чтобы не погибли отъ еретическаго зла“¹⁾.

Страшными казнями, постигшими еретиковъ вслѣдствіе соборнаго приговора надъ ними, выполнялась только одна часть требованій Іосифа: казнены были одни главные вожаки ереси, открыто хулившіе христіанскую свитыню; другіе же еретики, менѣе открытые и покаившіеся въ своихъ заблужденіяхъ только разсланы были по монастырямъ, а тайно державшіе ересь, вѣроитно, и совсѣмъ остались на свободѣ. Но строгій ревнитель православія шелъ въ своихъ требованіяхъ, обращенныхъ къ великому князю, гораздо далѣе: онъ требовалъ всячески разыскивать еретиковъ, вынуживать признаніе о ихъ ереси, убѣждалъ не вѣрить ихъ покаянію, какъ вынужденному, не впускать ихъ въ церковь и не допускать до причастія²⁾. Само собою разумѣется, что такія крайнія требованія не могли остаться безъ новаго протеста со стороны проповѣдниковъ христіанской любви и милосердія къ заблуждающимъ братьямъ заволжскихъ старцевъ. И дѣйствительно, съ ихъ стороны не замедлило появиться новое посланіе, въ которомъ доказывалось, что не слѣдуетъ разыскивать и истязать еретиковъ въ томъ случаѣ, если они держатъ ересь въ

¹⁾ Посланіе напечатано въ книгѣ г. Хрущова, прилож., стр. 263 — 264.

²⁾ Посланіе къ Митрофану и на еретика Кленова, и 13-е слово Просвѣтителя.

тайнѣ, не распространяя и не обнаруживая ее ни въ чемъ. Здѣсь же доказывалось и то, что еретика или отступника, если таковой принесетъ покаяніе, слѣдуетъ впускать въ церковь и даже допускать къ причастію Святыхъ Таинъ ¹⁾). Видно, сильны и убѣдительны были доводы заволжскихъ пустынниковъ, такъ что Іосифъ отвѣчалъ на нихъ цѣлымъ рядомъ довольно обширныхъ сочиненій. Прямымъ отвѣтомъ на писаніе старцевъ служило его „посланіе къ старцамъ о повинновеніи соборному опредѣленію“. На ту же тему, и вѣроятно, по этому же поводу и около того же времени написаны были имъ и послѣднія три слова его на еретиковъ (14-е, 15-е и 16-е) ²⁾). Здѣсь, прежде всего, вопреки своимъ заволжскимъ противникамъ, авторъ доказываетъ, что еретиковъ слѣдуетъ разыскивать, выпытывать отъ нихъ признанія въ ереси, а въ случаѣ надобности прибѣгать и къ благоразумной хитрости. „Божественная писанія повелѣваютъ“, говоритъ онъ, — „яко подобааетъ всякому вѣрующему въ святую и животворящую Троицу всяко тщаніе и подвигъ и богопремудростная коварства показовати, еже еретики крыющася испытывати и изыскати и истязати“, и „неточію, яко самъ услышитъ и видитъ кого еретическая словеса глаголющихъ, или дѣла творящихъ, но еще и свидѣтели истинни суть на творящихъ и глаголющихъ еретическая, никако же утаити или покрыти сихъ, но обличити и псовѣдати... Такобо повелѣваетъ божественное писаніе“, заключаетъ Іосифъ и потомъ приводитъ въ примѣръ Флавіана, патріарха Антиохійскаго, „своимъ богопремудростнымъ художествомъ и богонаученымъ коварствомъ“ открывшаго и посрамившаго мессалианскую ересь, и Амфилохія, епископа Иконійскаго, который тоже „пришедшую пагубу мессалианскую видѣвъ, непрестанно испытываше и богопремудростнѣ о семъ попеченіе имяше, еже како увѣдати еретическое злословіе, и увѣдѣвъ отъ настыи отгна“ ³⁾). Доказавъ необходимость розыска, Іосифъ вооружается противъ мнѣнія о допущеніи еретиковъ въ церковь и къ причащенію святыхъ таинъ. Онъ доказываетъ, что еретиковъ можно допускать къ причащенію послѣ принесеннаго ими покаянія,

¹⁾ Это «любопрителное посланіе», какъ называетъ его Іосифъ, не дошло до насъ, и мы знаемъ о его содержаніи изъ отвѣтнаго посланія Іосифа къ старцамъ.

²⁾ Подробный анализъ этого посланія находится въ книгѣ г. Хрущова, стр. 194—197. Мы не имѣли подъ руками этого посланія; но такъ какъ содержаніе его исчерпывается послѣдними тремя словами Провсвѣтителя, то мы и будемъ въ своемъ изложеніи исключительно держаться этихъ словъ.

³⁾ Просв., 557—598.

но не всѣхъ, а только такихъ, которые впадали въ ереси неволь-но или безсознательно и заблуждались въ пониманіи второстепенныхъ предметовъ вѣроученія; въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ допускать къ причащенію отступниковъ: „отступницы бо злѣйши суть не точію еретиковъ, но и Еллинъ, и Жидовъ“. Тутъ Іосифъ объясняетъ разницу между еретикомъ, вѣрующимъ во Христа и случайно зараженнымъ ересью, и отступникомъ, рожденнымъ въ православной вѣрѣ и отступившимъ отъ нея сознательно въ зрѣломъ возрастѣ, и изъ самой исторіи ереси выводитъ заключеніе, что новгородскіе еретики—самые злѣйшіе изъ отступниковъ и недостойны принятія въ церковь¹⁾. Наконецъ, вооружаясь противъ третьяго мнѣнія своихъ оппонентовъ — о томъ, что „подобаетъ принимать покаяніе еретиковъ и милости сподобляти“, Іосифъ доказываетъ, что не слѣдуетъ принимать вынужденное покаяніе отъ еретиковъ, осужденныхъ на казнь, и притомъ пользуется случаемъ выяснитъ обязанности по отношенію къ еретикамъ гражданскихъ властителей: имъ-де святые отцы заповѣдали предавать еретиковъ „лютымъ каземъ и смертемъ“, на основаніи градскихъ законовъ, которые „подобны суть пророческимъ и апостольскимъ и святыхъ отецъ писаніемъ“²⁾.

VII.

Смерть Іоанна III и вступленіе на престолъ Василія Іоанновича. — Перемѣны при великокняжескомъ дворѣ. — Последнія вспышки ереси. — Вассіанъ Патриковъ въ Москвѣ; его вліаніе на великаго князя и борьба его съ Іосифомъ. — Посланіе Іосифа къ боярину Челяднину. — Новое сближеніе Іосифа съ великимъ княземъ. — Кончина Іосифа. — Торжество партіи Іосифа послѣ его смерти и послѣдняя судьба Вассіана. — Ересь перестаетъ существовать.

Неумолимо и беспощадно относился Іосифъ къ ереси и еретикамъ, сильно и рѣзко нападалъ онъ и на православныхъ противниковъ своихъ тенденцій—заволжскихъ старцевъ, стоявшихъ за принципъ вѣротерпимости и снисхожденія къ иномыслящимъ; онъ сдѣлалъ все, употребилъ всѣ свои дѣйствительно колоссальныя силы и средства для успѣха того дѣла, которому всецѣло отдалъ себя, и на которое смотрѣлъ какъ на дѣло Божіе; но теперь обстоятельства снова измѣнились, и притомъ не совсѣмъ въ пользу Іосифа и того дѣла, которому онъ служилъ. Въ октябрѣ 1505 года скончался пре-

¹⁾ Ibid., 15-е слово.

²⁾ Просв., 588.

старѣлый Іоаннъ III, въ послѣдніе годы своей жизни смиренно преклонявшійся предъ знаменитымъ Волокаламскимъ игуменомъ, и на престолъ вступилъ Василій Іоанновичъ, тоже съ уваженіемъ относившійся къ Іосифу, но не раздѣлявшій ни симпатій, ни антипатій своего отца. Съ воцареніемъ новаго властителя явились вокругъ него и новые люди. Принявъ изъ рукъ отца единодержавную власть, вполне обеспеченную его стараніями отъ всякихъ стороннихъ посягательствъ, Василій уже не имѣлъ причинъ недоброжелательно относиться къ прежнимъ опальнымъ своего отца и началъ снова приближать ихъ къ себѣ ¹⁾. Въ апрѣлѣ 1505 года умеръ митрополитъ Симонъ, рѣшавшій дѣла на соборахъ по мысли Іосифа; спустя немного времени послѣ того, возвратился въ Москву, поселился въ Симоновомъ монастырѣ и сдѣлался ближайшимъ совѣтникомъ государя родственникъ его князь-инокъ Васіанъ Патриѣевъ, самый сильный и опасный противникъ Іосифа, не сумѣвшій подъ монашескою мантией и клобукомъ схоронить ни свои политическія симпатіи и антипатіи, ни заносчивость боярина, ни смѣлость бывшаго государственнаго человѣка и дипломата. Личность во всякомъ случаѣ замѣчательная по своимъ умственнымъ дарованіямъ, онъ не могъ, хотя на время, не подчинить своему вліянію своего державнаго родственника, не отличавшагося особою твердостью характера, не могъ не убѣдить его раздѣлить свой образъ мыслей относительно мѣропріятій противъ еретиковъ и не поселить въ немъ антипатіи, если не къ Іосифу лично, то по крайней мѣрѣ къ проповѣдуемымъ имъ тенденціямъ. Все это, взятое вмѣстѣ, должно было неблагопріятно отозваться на успѣхѣхъ борьбы Іосифа съ ересью, которая хотя и скрытно, но продолжала существовать и послѣ собора на еретиковъ и казни ихъ. Изъ посланія Іосифа къ Іоанну о еретикѣ Кленовѣ и изъ двухъ послѣднихъ словъ его на еретиковъ видно, что ересь еще жила въ народѣ, и что борьба съ нею еще продолжалась. Въ житіи Іосифа, писанномъ ближайшимъ ученикомъ его—Саввою Крутицкимъ, говорится, что принесшіе покаяніе еретики обошли своимъ коварствомъ князей, бояръ и честныхъ старцевъ, и что нѣкоторые изъ епископовъ, уже по смерти Іоанна III, стали жаловаться на нихъ Василю Іоанновичу, а другіе явились къ великому князю съ просьбою отпустить еретиковъ на покаяніе. „Владыки!“ отвѣчалъ съ гнѣвомъ великій князь, — „печалуетесь о волкахъ

¹⁾ Такъ, напримѣръ, сынъ еретика Курицына былъ сдѣланъ, подобно отцу, дьякомъ великаго князя. *Соловьевъ, Ист.*. V, 431—437.

христіанскія вѣры. Если волки овецъ съѣдятъ, а сами разбѣжятся, гдѣ тогда волковъ найдете?“ Услышавъ это, епископы удалились „бездѣлни“¹⁾. Другой неизвѣстный по имени современникъ свидѣтельствуеть, что „старецъ князь Васьянъ учалъ печаловаться за еретиковъ великому князю“²⁾.

Въ виду продолжавшагося существованія ереси и сочувствія къ еретикамъ со стороны нѣкоторыхъ православныхъ, Іосифъ снова обратился съ посланіемъ непосредственно къ великому князю, снова молилъ его подвигнуться на еретиковъ. „Игуменъ же Іосифъ, отецъ нашъ“, продолжаетъ жизнеописатель Іосифа, — „непрестанно пиша, къ державному посылая, дабы ихъ покаянію не вѣриль: таковое, рече, лестное покаяніе въ древнихъ лѣтахъ многія царства погубиша, но повелѣваше имъ изъ темницы неисходнымъ быти“. Эту самую мысль и проводитъ Іосифъ во второмъ посланіи къ великому князю Василию³⁾. Желая сильнѣе подѣйствовать на великаго князя, Іосифъ, въ особенно краснорѣчивыхъ выраженіяхъ, развиваетъ идею о значеніи царской власти. „Пожалуй и попецъся и промысли о божественныхъ церквахъ“, писалъ Іосифъ, — „занеже, государь, отъ великія десницы поставленъ самодержецъ и государь всея Руси.... Аще не подвигнишия, ино, государь, погибнути всему христіанству.... Васъ бо Богъ въ себе мѣсто избра на земли и на свой престолъ вознесъ посади, милость и животь положи у васъ“.... Эти торжественныя слова должны были производить сильное впечатлѣніе на великаго князя.

Въ то время, какъ борьба Іосифа съ владыками и старцами, заступившимися за покаившихся еретиковъ, продолжалась, пришелъ къ Іосифу какой-то живописецъ, по имени Феодосій, сынъ живописца Діонисія Мудраго, и повѣдалъ ему „чудо преславно“, какъ Богъ обнаружилъ страшное кощунство еретиковъ. Однажды одицъ изъ ложно покаившихся еретиковъ, поставленный въ священники, послѣ литургіи, принесъ въ свой домъ потирь со святыми дарами и вылилъ ихъ въ горящую печь. Жена еретика, варившая пищу, увидѣла въ огнѣ „отроча млада“, и гласъ отъ него изыде: „Ты мя здѣ огню предаде, а азъ ти предамъ вѣчному огню“. Услышавъ объ этомъ, Іосифъ, по словамъ жизнеописателя, „паче перваго подвижеса“ на еретиковъ и вновь сталъ убѣждать державнаго, чтобы не вѣриль еретическому

¹⁾ Велик. Миней-Четія, сентябрь, 473, 474, 475.

²⁾ Письмо «о недлюбахъ», стр. 306.

³⁾ Посланіе помѣщено по частямъ въ книгѣ Хрушова, стр. 242—243.

лестному покаянiю. „Державный же... повелѣ еретиковъ всѣхъ въ темницу вметати и быти неисходнымъ и до кончины живота ихъ“. Такъ оканчивается повѣсть о борьбѣ съ ересью жизнеописатель Юсифа ¹⁾. Но неизвѣстный авторъ письма „о нелюбкахъ“ передаетъ намъ еще одинъ любопытный эпизодъ изъ этой борьбы. Съ разрѣшенiя Юсифа, два его ученика, Ниль Полевъ и Діонисій Звезигородскій, удалились въ предѣлы Бѣлозерскіе, гдѣ тогда вводился святскій уставъ, и гдѣ вмѣстѣ съ этимъ сосредоточивалась оппозиція направленiю Юсифа. По словамъ автора письма, они сдѣлали это по любви къ пустынножителству; но зная взглядъ Юсифа на удаленіе изъ мѣста постриженiя и принявъ во вниманіе ихъ новое мѣстожителство, трудно согласиться, чтобъ ими руководило только одно это побужденіе. Очевидно, Юсифъ наблюдалъ за своими противниками, хотя и не еретиками, но косвенно защищавшими ихъ. Это предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что выходцы Юсифяне—дѣйствительно заявили себя усердiемъ къ дѣлу Юсифа. Спустя нѣсколько времени, одинъ изъ нихъ грамотой увѣдомилъ Юсифа о томъ, что они видѣли ересь у скитниковъ. Одного изъ пустынниковъ они видѣли читающимъ книгу, которую тотъ, при ихъ появленiи бросилъ въ огонь, а у другаго нашли подъ постелью икону. Юсифъ сообщилъ объ этомъ брату своему Ростовскому архіепископу Вассіану, „понежь въ его архіепископѣ“. Послѣдній, находившійся тогда въ Москвѣ, довелъ объ этомъ до свѣдѣнiя великаго князя. Тогда великій князь сталъ укорять Вассіана, защитника заволжскихъ пустынниковъ. „Добро ли чинять твои пустынники?“ сказалъ онъ ему. „Государь“, отвѣчалъ Вассіанъ,—„грамота писана лукавствомъ, все солгано, вопросы, государь, пона“. Спросили попа, подавашаго грамоту, и попъ подтвердилъ писанное. Тогда старецъ Вассіанъ просилъ взять попа на пытку. Попу изломали ногу, и тотъ умеръ, но не оговорилъ писавшихъ грамоту. Узнавъ объ этомъ, великій князь опалился на виновниковъ этого дѣла — Діонисія и Нила, велѣлъ самихъ ихъ взять въ Кирилловъ, а пустыни ихъ сжечь ²⁾.

Это событіе послужило новымъ поводомъ ко враждѣ между Юсифомъ и Вассіаномъ Патрикѣевымъ и между ихъ сторонниками. Вассіанъ написалъ противъ Юсифа и проводимыхъ имъ тенденцій нѣсколько сочиненій, и между ними одно обширное, въ которомъ онъ

¹⁾ Житіе Юсифа, писанное Саввою Крутицкимъ, стр. 475.

²⁾ Письмо «о нелюбкахъ», стр. 506—507.

публично опровергаетъ Иосифа; въ свою очередь, и Иосифъ отвѣчалъ на него тоже обширнымъ сочиненіемъ. Но какъ сочиненіе Вассіана, такъ равно и „слово отвѣтно“ на него Иосифа, остаются неизвѣстными для насъ, и мы знаемъ о существованіи ихъ только изъ дошедшихъ до насъ краткихъ полемическихъ сочиненій Вассіана ¹⁾. Въ одномъ изъ этихъ послѣднихъ, написанномъ въ формѣ діалога, весьма удачно сконцентрировано содержаніе того и другаго. Здѣсь же пре-красно обрисовываются какъ личности полемизирующихъ, такъ и тѣ идеи, представителями которыхъ они являлись.

„Подобаеть“, говорилъ Иосифъ, — „еретики и отступники святителемъ и священникомъ и всѣмъ православнымъ христіаномъ не тоюо ненавидѣти, но и проклинати; царемъ же и княземъ подобаеть сихъ въ заточеніе послати и каземъ лютымъ предавати“.

„Подобаеть“, отвѣчалъ на это Вассіанъ, — „еретиковъ святителемъ и всему священному собору проклинати, аще которые не каются, или наче насилующе съпротивляются; царемъ же и княземъ сихъ подобаеть заточати и казнити. А кающихся повелѣвають святая писанія примати на покаяніе. Аще ли святители не учвуть имъ давати покаянія, сихъ святая писанія изврещи повелѣвають и къ ереси Наватовѣ, Римскаго попа, причитають, иже сый попъ Навать Римскій — послѣ крещенія согрѣшающему не веляше давати покаянія“.

„Божественная писанія свидѣтельствуютъ, яко едино есть еже еретики и отступники оружіемъ убивати и молитвою смерти предавати“, училъ Иосифъ.

„Аще речеши“, возражалъ Вассіанъ, — „яко едино есть еже еретики и отступники оружіемъ убивати и молитвою смерти предавати, сіе, Иосифе, и съ своими ученики, облгуещи святая писанія. И мы же противу сего речемъ: молитвою убивати отъ святыхъ есть, а оружіемъ убивати отъ царскаго повелѣнія и человѣческаго се обычая бываетъ“.

„Въ божественныхъ писаніяхъ сказано“, продолжалъ Иосифъ, — „яко подобаеть православнымъ христіаномъ учительство приводити отъ ветхихъ писаній и божественнымъ писаніемъ новаго завіта“.

„Аще отъ ветхаго закона“, былъ отвѣтъ Вассіана, — „бъ новому закону что приведено отъ святыхъ Христовыхъ устъ, отъ евангелія и отъ апостольскихъ посланій въ апостольствѣи книгѣ и отъ святыхъ

¹⁾ Полемич. сочиненія Вассіана напечатаны въ *Прав. Соб.* 1863 г., сентябрь и октябрь.

правиль седми соборовъ и отъ помѣстныхъ, сіе приѣмлемъ. Аще ли же кто что нововведеть, или что приложитъ или уложитъ, кромѣ Евангелія, Апостола и правилъ, и въ святыхъ правилѣхъ сего иноязычника и мытаря именуеть и проклятію предаеть“.

„Вассіанъ глаголетъ и пишеть о милосердіи Божіи, яко всѣхъ хочеть спасти и ни единого погибнути“, обличалъ Іосифъ Вассіана;— „сіе убо пишеть еретикомъ и отступникомъ устроить жизнь немятежную, яко да не боящися еретицы прельщаютъ православныя и въ жидовство отводятъ“.

„Вѣмъ истинно милосердіе Божіе, возражалъ на это Вассіанъ,— яко всѣхъ Богъ хочеть спасти и въ разумъ истинный грѣшныхъ привести поканіемъ, яко же мытаря и блудницу и отступниковъ всѣхъ согрѣшающихъ. Сіе пишешь, Іосифе, отъ попа Римскаго, отъ Навата еретика, иже по крещеніи не далше согрѣшающимъ поканія“.

„Не право, еже Вассіанъ глаголетъ, яко аще и согрѣшиша еретицы и отступники, и поваются—пріяти будутъ“, говорилъ Іосифъ.

„Что, Іосифе, много пишешь о семъ, аки ума изступивъ?“ отвѣчалъ послѣдній.— „Что не хочещи давати поканія еретикомъ? Воззри, что пишеть святое писаніе и разумѣши истину“.

„Вассіанъ пустыяникъ глаголетъ: которыхъ еретиковъ и отступниковъ казнили, то суть мученицы“, продолжалъ свои обвиненія противъ Вассіана Іосифъ.

„Сія глаголю“, былъ отвѣтъ Вассіана, — „которымъ еретикомъ кающимся, не приѣмля ихъ поканія, казнили ихъ, суть мученицы, понеже нѣсть грѣхъ не прощаемъ, аще кается. Ты же коея ради вины, Іосифе, не велиши давати согрѣшающимъ поканія“?...¹⁾

Обвиненіе въ новаціанствѣ, взведенное на Іосифа его желчнымъ и неразборчивымъ на выраженія противникомъ, не могло не отозваться, тяжело въ душѣ жаркаго поборника православія. У него явилась потребность, во что бы ни стало, оправдать себя въ глазахъ общественнаго мнѣнія отъ брошеннаго ему въ лицо врагомъ его страшнаго упрека въ ереси. Но въ Вассіанѣ Іосифъ встрѣчалъ сильнаго про-

¹⁾ Сочиненіе, изъ котораго мы заимствовали этотъ діалогъ, носитъ заглавіе: „Инокъ пустыяника Васьяна на Іосифа, игумена Волоцкаго, собраніе отъ святыхъ правилъ и отъ многихъ книгъ собрано, я на его ученики, и различныя межъ себя отвѣты отъ книгъ“ (Полемяч. соч. Васс., стр. 200 — 210). Мы привели изъ него только то, что непосредственно касается изслѣдуемаго нами предмета.

тивника себѣ не на одной только литературной, но и на практической почвѣ. Теперь Вассіанъ не обиталъ уже болѣе въ заволжскихъ пустыняхъ въ качествѣ послушника смиреннаго старца Нила, а жилъ въ Москвѣ на Симоновѣ, въ обстановкѣ ближняго къ государю челоѣка и съ роскошью родовитаго боярина: „Ядше приносимое ему брашно отъ трапезы великаго князя — хлѣбы пшеничны, чисты, крупитчаты и прочая брашна заслуждаемая, мнопестротнѣ застроаемая... пшше романею, бастръ, мушкатель, и ренское бѣлое вино“¹⁾. Какъ челоѣкъ времени, какъ умный совѣтникъ государя, подчинившій послѣдняго своему влиянію, онъ началъ открыто и безбоязненно высказывать вражду свою къ Іосифу не на письмѣ только, но и на дѣлѣ. Кромѣ вышеприведеннаго случая съ Ниломъ Полевымъ и Діонисіемъ Звенигородскимъ, онъ выражалъ ненависть свою къ нему еще и тѣмъ, что сталъ при встрѣчѣ оскорблять постриженниковъ Іосифова монастыря. Такъ поступилъ онъ съ ученикомъ Іосифа Зосимомъ Ростопчинымъ въ палатахъ митрополита Варлаама и въ присутствіи Коломенскаго владыки Митрофана. „Отступники Божіи есте...“, говорилъ Вассіанъ, по поводу „добрыхъ рѣчей“ Коломенскаго владыки о Зосимѣ, обращаясь къ послѣднему, — „вы есте отступники Божіи и со учителемъ вашимъ!..“ Вассіанъ добился даже того, что и самому Іосифу воспрещено было великимъ княземъ „противу его рѣчей говорить и писати“, хотя „Божією милостію было что говорить и писати“. Но злословіе, гордая заносчивость и враждебная нетерпимость инока-временщика не только нашли себѣ противовѣсъ, но впоследствии и совсѣмъ должны были разбиться о дальновидную практичность Іосифа и его сторонниковъ. Отгѣсненный Вассіаномъ отъ непосредственныхъ сношеній съ Василиемъ Іоанновичемъ, Іосифъ начинаетъ дѣйствовать на великаго князя чрезъ тѣхъ. „кто“, по его выраженію, — „былъ до него добръ“: дѣйствуетъ противъ своего противника чрезъ своихъ сторонниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ приближенныхъ лицъ къ государю; а такихъ лицъ было у него, вѣроятно, уже не мало. Съ этою цѣлію онъ обращается къ старому другу и благодѣтелю своему, теперь ближнему боярину великаго князя, Василью Андреевичу Челядвину, съ посланіемъ, въ которомъ жалуется на Вассіана и проситъ ходатайствовать у великаго князя, чтобы тотъ освободилъ его отъ хульныхъ рѣчей Вассіана. „Ино, господине“, пишетъ Іосифъ, — „намъ божественная писанія повелѣвають терпѣти всяка укоризна. Аще ли

¹⁾ Зиновій Отенскій: «Истинны показаніе», стр. 900—901.

же, господине, кто назоветъ еретикомъ, ино о томъ невѣстно молчати“. Иосифъ проситъ Челяднина печаловаться предъ государемъ, чтобъ онъ позволилъ ему писать и говорить противъ хульныхъ Вассіановыхъ рѣчей: „Зане, господине, есть что говорить и писати противу его рѣчей“. Вслѣдъ затѣмъ Иосифъ жалуется на Вассіана, что тотъ называетъ „еретиками и отступниками Божиими“ не только его самого и его постриженниковъ, но и всѣхъ духовныхъ, по совѣту и просьбѣ которыхъ великій князь на еретиковъ „Святимъ Духомъ подвижеса“, между тѣмъ какъ святые отцы пѣснями и хвалами почтили тѣхъ, кто на соборахъ дѣйствовалъ противъ еретиковъ¹⁾.

Иосифъ достигъ того, что ему позволено было писать и говорить противъ своего сильнаго противника, и написалъ противъ него сочиненіе²⁾. Вскорѣ сношенія Иосифа съ великимъ княземъ, прерванныя было вліаніемъ Вассіана, снова возобновились, и связь между ними сдѣлалась еще болѣе близкою и дружественною. По смерти Волоцкаго удѣльнаго князя Федора Борисовича, Волокъ-Ламскій вошелъ въ составъ великаго вкляженія; Василий Іоанновичъ сталъ ѣздить туда на охоту, и безъ сомнѣнія, заѣзжалъ въ обитель Иосифа. Вліаніе Иосифа на великаго князя стало извѣстно всѣмъ. Около этого времени Иосифу удалось оказать великокняжескому семейству весьма важную услугу примиреніемъ великаго князя съ Дмитровскимъ удѣльнымъ княземъ Юріемъ Іоанновичемъ; послѣ того отношенія между нимъ и Василиемъ Іоанновичемъ сдѣлались еще болѣе сердечными³⁾.

9-го сентября 1505 года Иосифъ скончался, назначивъ себѣ преемникомъ Данила, „но реклу Рязанца“, который вскорѣ послѣ того, а именно въ 1522 году, сталъ митрополитомъ всея Руси; другія епископскія кафедръ въ большинствѣ своемъ тоже сдѣлались достояніемъ родственниковъ и учениковъ Иосифа⁴⁾. Такимъ образомъ Иосифъ и

¹⁾ Посланіе напечатано въ книгѣ *Хрущова*, въ приложеніи, 260—262.

²⁾ О существованіи этого сочиненія мы знаемъ изъ «Слова отвѣтнаго на клеветущихъ истину евангельскую, и т. д., помѣщеннаго въ *Ивав. Соб.* за 1861 годъ. Отсюда видно, что Иосифъ опровергалъ Вассіана въ десяти словахъ.

³⁾ П. С. Р. Л., VIII, 259; *Житіе Саввы Черн.*, *Минеи-Четви*, *ibid.*, стр. 486—493; духовная грамота Иосифа въ *Древн. Р. Визіювикъ*, XIV, 290—292; *Акт.*, *Археогр. Эксп.* № 169.

⁴⁾ Братья Иосифа: Вассіанъ поставленъ былъ архіепископомъ Ростовскимъ, а Акакій—Тверскимъ, племянникъ его Вассіанъ Топорковъ—епископомъ Коломенскимъ; Вассіанъ епископъ Рязанскій, и потомъ Евимій, архіепископъ Ростовскій, были тоже постриженники Иосифа. *Мак.*, *Ист. Р. Ц.*, VI, 106—107; *Хрущовъ*, 250.

послѣ своей смерти, въ лицѣ своихъ учениковъ, оставилъ твердый оплотъ православію, въ томъ самомъ его видѣ и направленіи, въ какомъ оно развилось исторически на русской народной почвѣ, и типическимъ представителемъ котораго являлся онъ самъ. Преемникъ Іосифа былъ преданнымъ слугою великаго князя, полагалъ его наклонностямъ ¹⁾, и нискавъ его благорасположеніе, жестоко отомстилъ Вассіану за своего учителя. Въ 1531 году, Вассіанъ былъ преданъ соборному суду, обвиненъ въ ереси и осужденъ на заточеніе въ Іосифовъ Волоколамскій монастырь, гдѣ въ скоромъ времени и скончался. Курбскій говоритъ, что „Осифляне“, по повелѣнію великаго князя, замучили его ²⁾.

Мы не имѣемъ никакихъ историческихъ указаній на то, обнаруживались ли какіе-нибудь слѣды „ереси жидовствующихъ“ въ послѣдніе годы жизни преподобнаго Іосифа, послѣ того, какъ существованіе ея было открыто у бѣлозерскихъ скитниковъ; но всего вѣроятнѣе предположить, что ереси, въ это время, нанесенъ былъ рѣшительный ударъ принятыми противъ нея мѣрами со стороны духовной и особенно свѣтской властей, и она была принуждена скрыться въ тайники народной жизни и тамъ подвергнуться радикальной переработкѣ. Иначе Іосифъ не могъ бы считать себя удовлетвореннымъ и дѣлать такого отзыва о великомъ князѣ Василіѣ Іоанновичѣ, какой онъ дѣлаетъ въ заключительныхъ словахъ посланія къ Челяднину, а именно—что „онъ государь онѣхъ скверныхъ новгородскихъ еретиковъ и отступниковъ, иже жидовская мудрствующихъ, до конца низложилъ, православную и истинную и непорочную христіанскую вѣру, поколебавшуюся и изнемогшую отъ еретическихъ ученій, утвердилъ“; за что и призываетъ на него благословеніе Божіе. Спустя непродолжительное время, антицерковное движеніе снова заявило себя. но уже въ другихъ, формахъ, и не въ связи съ жидовствомъ, а рука объ руку съ другими союзниками, болѣе гармонирующими съ нимъ по своему характеру. Но очередь этихъ новыхъ фазисовъ антицерковнаго движенія не входитъ въ задачу нашего изслѣдованія.

Илья Павловъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Даниилъ разрѣшилъ великому князю разводъ съ первою супругою Соломоніей и вступленіе въ новый бракъ съ Еленою Глинскою, матерью Грознаго; противъ этого былъ Вассіанъ съ Максимомъ Грекомъ, за что и пострадали тотъ и другой.

²⁾ Судъ надъ Вассіаномъ въ *Чт. Общ. И. и Др.* 1847 г., т. IX; *Костомарова*, *Исторія*, вып. второй, стр. 384.

КЪ ВОПРОСУ О ДѢЛЕНИИ ГЛАГОЛОВЪ ВЪ ДРЕВНЕМЪ ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКОМЪ ЯЗЫКѢ НА СПРЯЖЕНІЯ.

Прежде глаголы въ древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ дѣлились на два спряженія: одно называлось спряженіемъ безъ соединительнаго гласнаго звука; другое — спряженіемъ съ соединительнымъ гласнымъ звукомъ (см: *Миклошича Vergleichende gram. Formenlehre* 1856. III, стр. 106, § 123. *Шлейхера Formenlehre der kirchsl. sprache*, 1852 г., стр. 287 и 319). Къ спряженію безъ соединительнаго гласнаго относятся глаголы: *къ-мь, въ-мь, іа-мь* и *да-мь*. Къ спряженію съ соединительнымъ гласнымъ — всѣ другіе глаголы въ языкѣ; напр.: *вед-ѣ* изъ *вед-о-м, вед-е-ши, вед-ѣтъ* изъ *вед-о-нтъ, би-ѣ* изъ *би-ј-о-м, би-к-ши* изъ *би-ј-е-ши, би-ѣтъ* изъ *би-ј-о-нтъ; двин-ѣ* изъ *двин-о-м, двин-е-ши, двин-ѣтъ* изъ *двин-о-нтъ; вижд-ѣ* вм. *видј-ѣ* изъ *види-о-м* или *видј-е-м, види-ши* вм. *види-и-ши* изъ *види-к-ши, вид-ѣтъ* вм. *видј-ѣтъ* изъ *види-о-нтъ* или *видј-е-нтъ; дѣла-ѣ* вм. *дѣла-ј-ѣ* изъ *дѣла-ј-о-м, дѣла-к-ши* вм. *дѣла-ј-е-ши, дѣла-ѣтъ* вм. *дѣла-ј-ѣтъ* изъ *дѣла-ј-о-нтъ; пиш-ѣ* вм. *писј-ѣ* изъ *пис(а)-ј-ѣ* или *пис(а)-ј-о-м, пиш-е-ши* вм. *писј-е-ши* изъ *пис(а)-ј-е-ши, пиш-ѣтъ* вм. *писј-ѣтъ* изъ *пис(а)-ј-ѣтъ* или *пис(а)-ј-о-нтъ* (съ опущеніемъ тематическаго гласнаго звука *а*); *милоу-ѣ* вм. *милоу-ј-ѣ* изъ *милоу-ј-о-м; милоу-к-ши* вм. *милоу-ј-е-ши, милоу-ѣшь* вм. *милоу-ј-ѣтъ* изъ *милоу-ј-о-нтъ* и др. Во всѣхъ приведенныхъ формахъ мы видимъ предъ личными суффиксами звуки *о* и *е*, которые и назывались *соединительными гласными*; потому что посредствомъ ихъ соединялись глагольные темы съ личными суффиксами. Въ недавнее время, благодаря особенно послѣднимъ изслѣдованіямъ Курціуса ¹⁾, эти соединительные гласные звуки стали настойчиво относиться славянскими

¹⁾ Das Verbum der griechischen Sprache seinem Bau nach dargestellt 1 B. Leipzig 1873 и II B. 1876.

учеными къ глагольнымъ темамъ. Такимъ образомъ, въ формѣ, напр.: *ведѣ* изъ *ведо-м* тема *веде-*; въ ф. *бѣиѣ* изъ *бѣю-м* тема *бѣиѣ-*; въ ф. *дѣиши* т. *дѣише-*; въ ф. *виждѣ*, *видиши* т. *види(?)*; въ ф. *дѣлаиѣ* т. *дѣлаиѣ-*; въ ф. *пиши*, *пишеша* т. *писаѣ-*; въ ф. *милоуѣ* т. *милоуѣ-* и пр. звукъ *о*, являющійся въ образованіи 1-го лица ед. числа и 3-го лица числа множественнаго, обязанъ своимъ происхожденіемъ звуку *е*. Это усиленіе звука *е* въ *о* передъ звуками *м* и *н* личныхъ суффиксовъ свойственно и греческому языку; санскритъ имѣеть *ā* вм. *a* передъ *m* и *v* личныхъ суффиксовъ. Эта теорія принята Миклошичемъ ¹⁾ и Даничичемъ ²⁾. На основаніи ея глаголы дѣлятся также на два спряженія, изъ которыхъ одно называется спряженіемъ безъ тематическаго гласнаго, другое—съ тематическимъ гласнымъ. Къ спряженію глаголовъ безъ тематическаго гласнаго звука, или съ основами безъ суффикса Даничичь относитъ пять темъ: *кѣ-*, *ид-*, *дѣд-вѣд-* и *има-*. Въ примѣненіи этой теоріи къ спряженію глаголовъ древне-слав. языка съ тематическимъ суффиксомъ оказалось нѣкоторое неудобство. По мнѣнію Даничища основы этихъ глаголовъ имѣютъ два суффикса: *a* и *ja*. Послѣдній суффиксъ образуетъ двѣ темы для одного и того же времени въ глаголахъ четвертаго разряда, (т. е. имѣющихъ тему неопредѣленнаго наклоненія на *и*), именно: тему 1-го лица единственнаго числа настоящаго времени на *j* и тему для всѣхъ другихъ личныхъ формъ того же времени на *ja*—др. ц. сл. *и*. Онъ говоритъ: „исти наставак (т. е. *ja*) добивају основе и у глагола четверте врсте без крајњега самогласнаго које имају у инфинитиву предъ неговијем наставком, али само у првом лицу једине, а у свијем осталијем лицима остаје им основа кака је у инфинитиву“ (стр. 256—257) т. е. тотъ же суффиксъ (*ja*) принимаютъ темы и у глаголовъ четвертаго разряда безъ конечнаго гласнаго (т. е. *a*), который имѣютъ въ неопредѣленномъ наклоненіи предъ его суффиксомъ (т. е. *ти*), но только въ первомъ лицѣ единственнаго числа, а во всѣхъ остальныхъ лицахъ остается у нихъ та же тема, кака и въ неопредѣленномъ наклоненіи. Такимъ образомъ, напримѣръ, въ глаголѣ *роди-ти* темою для 1-го лица ед. чис. наст. врем. будетъ *родj-*, а для всѣхъ другихъ лицъ—*роди-*. Съ этимъ, конечно, согласиться трудно; потому

¹⁾ Das imperfect in den Slavischen Sprachen. Wien 1874. Vergleich. Stammbildungslehre. 1875 г. стр. 489—492.

²⁾ Историја облика ерскога или хрватскога језика до свршетка XVII вијека. Ѓ Даничић. у Биограду. 1874.

что въ ѣ (родј-ѣ) скрывается гласный звукъ, предшествующій указателю первого лица м, а тема *rodj-* не заключаетъ въ себѣ этого гласнаго звука, который долженъ быть отнесенъ къ темѣ.

Съ другой стороны, примѣненіе этой же теоріи и къ глаголамъ безъ тематическаго гласнаго звука оказалось не совсѣмъ удачнымъ у другого ученаго, именно, у Johannes Schmidt'a, въ одномъ мѣстѣ его статьи, подъ заглавіемъ: *was beweist das e der europäischen Sprachen für die Annahme einer einheitlichen europäischen Grundsprache*, помѣщенной въ *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung* т. XXIII тетрадь 4 (1876 г.). Доказывая несостоятельность основнаго европейскаго языка въ теоріи развитія языковъ по образу дерева, онъ, между прочимъ, говоритъ (стр. 362): „весьма поучительными оказываются соотношенія языковъ въ формѣ 3 лица множ. числа. Славянскій языкъ совершенно различно обходится съ окончаніями: первоначальнымъ *anti*, вторичнымъ—*ant*, смотря по тому, есть ли ихъ *a* тематическій звукъ, или принадлежитъ личному суффиксу. Въ первомъ случаѣ *a* удерживается, *a-nti*, *a-nt* сдѣлались въ послѣдствіи *ѣтъ*, *ѣ*; во второмъ *a* перешелъ въ *e*, *anti*, *ant* въ *ѣтъ*, *ѣ*: *везѣтъ*, *везѣ*=*váha-nti*, * (*a*)*vaha-nt*; напротивъ того *пад-ѣтъ*=скр. *ad-ánti*, *дад-ѣтъ*—скр. *dád-ati*, *вѣд-ѣтъ*, аор. *нѣс-ѣ*, *иссои-ѣ*. Только *сѣтъ*=скр. *s-ánti* представляеть страннымъ образомъ исключеніе (!). Тоже самое различіе существовало въ германскомъ языкѣ, какъ показываетъ гот. *s-índ* при *viga-nd*. Основанія для него слѣдуетъ искать въ удареніи: скр. *s-ánti* по *váha-nti* и т. д.“ Форма *сѣтъ* попала въ число странныхъ исключеній, потому что, не имѣя такого же гласнаго окончанія въ темѣ, какое у *везе-*, удерживаетъ первоначальный суффиксъ *anti* безъ измѣненія звука *a* въ *e* точно также, какъ форма *везѣтъ*, между тѣмъ какъ другія темы безъ гласнаго окончанія имѣютъ формы правильныя на *ѣтъ*: *вѣдѣтъ*, *дадѣтъ*, *падѣтъ*, т. е. измѣняютъ въ первоначальномъ суффиксѣ *anti* звукъ *a* на *e*.

Остановимся на этихъ послѣднихъ глаголахъ и посмотримъ, дѣйствительно-ли у нихъ такія темы, какія имъ обыкновенно приписываются.

Сличая между собою формы третьяго лица множественнаго числа *с-ѣтъ* (вм. *кс-ѣтъ*), *вѣд-ѣтъ*, *пад-ѣтъ*, *дад-ѣтъ*, мы видимъ, что всѣ три глагола, имѣющіе въ темѣ звукъ *д*, оканчиваются на *ѣтъ*, а не на *ѣтъ*. Форма *с-ѣтъ* замѣняетъ *с-онтъ*, а формы, *вѣдѣтъ*, *падѣтъ*: *дадѣтъ* замѣняютъ *вѣд-ентъ*, *пад-ентъ*, *дад-ентъ*. Почему же звукъ *д*, соответствующій основному *a*, въ суффиксѣ третьяго лица множе-

ственного числа въ послѣднихъ трехъ глаголахъ перешель въ звукъ *ъ*? другими словами, почему въ нихъ суффиксъ *ѣтъ* замѣнился суффиксомъ *ѣтъ*? Объясненіе, заимствованное Шмидтомъ у Боппа, намъ кажется неудовлетворительнымъ. Форма *сѣтъ*, очевидно, показываетъ, что оно находится въ противорѣчій съ языкомъ. Трудно согласиться съ предположеніемъ ученаго автора вышеуказанной статьи, что форма *сѣтъ* образовалась по аналогіи темъ на *а* (стр. 364). Согласиться съ нимъ значить признать, что *сѣтъ* есть форма позднѣйшая сравнительно съ формами: *вѣдѣтъ*, *ѣдѣтъ*, *дадѣтъ*, на что нѣтъ никакого основанія.

Такъ какъ эти послѣднія формы не представляютъ по своему образованію такого же соответствія съ санскритскими формами: *vidānti*, *adānti*, *dādānti*, какое представляетъ ф. *сѣтъ* съ санскр. *sānti*; то, вѣроятно, славянскій языкъ въ образованіи ихъ отступилъ отъ санскрита въ силу какой либо особенности, присущей самимъ темамъ данныхъ глаголовъ. Фр. Боппъ говоритъ, что „славянскій языкъ соответственно санскритскому окончанію *anti* въ третьемъ лицѣ множественнаго числа употребляетъ или *ѣтъ* или *ѣтъ*“, и что „*ѣтъ* онъ употребляетъ только въ глаголахъ, спрягающихся безъ соединительнаго гласнаго звука, за исключеніемъ существительнаго глагола“¹⁾. Но это объясненіе, которымъ, какъ мы видѣли, воспользовался Joh. Schmidt, не только недостаточно, но и невѣрно. Древній церковно-славянскій языкъ во всей системѣ спряженія своихъ глаголовъ совершенно правильно различаетъ окончаніе третьяго лица множественнаго числа *ѣтъ* отъ окончанія *ѣтъ* и постоянно ставитъ это различіе въ зависимость отъ самихъ темъ глагольныхъ. Кромѣ того, окончаніе *ѣтъ* имѣютъ многіе глаголы, спрягающіеся помощію соединительнаго гласнаго звука, напр. *видѣтъ*, *сидѣтъ*, *ходѣтъ*, *хвѣлѣтъ* и пр. Ошибочность мнѣнія Боппа зависить, по нашему, отъ того, что онъ призналъ темами для настоящаго времени глаголовъ: *вѣдѣтъ*, *ѣдѣтъ* и *дадѣтъ* корни *вѣд*, *ѣд*, *дад* (послѣдній съ редупликаціей), отвлекши ихъ отъ личныхъ формъ: *вѣс-тъ* (вм. *вѣд-тъ*), *ѣс-тъ* (вм. *ѣд-тъ*), *дас-тъ* (вм. *дад-тъ*); *вѣста*, *ѣс-та*, *дас-та*; *вѣсте*, *ѣс-те*, *дас-те* при формахъ: *вѣдѣтъ*, *ѣдѣтъ*, *дадѣтъ*, въ которыхъ сохранился коренной звукъ *д*, подъ вліяніемъ сравненія этихъ формъ съ формами санскрита. Между тѣмъ самая важная форма для опредѣленія истинной темы настоящаго времени есть форма третья-

¹⁾ Vergl. Gram. 2 Ausg. II, 302, § 460.

го лица множественнаго числа, въ которой звукъ *d* появляется въ своемъ основномъ видѣ. Сравнивать же ее слѣдовало прежде всего не съ санскритомъ, а съ соответствующими ей формами тѣхъ же глаголовъ въ языкахъ славянскихъ. Вотъ западнославянскія формы:

<i>Дусл.</i>	<i>Др. Чешск.</i>	<i>Нов. Чеш.</i>	<i>Словац.</i>	<i>Польск.</i>	<i>Ввр. Луж.</i>
вѣд-ать,	vědiá(t),	vědi,	viedia.	wiedza,	wjedza.
яд-ать,	jadiá(t),	jedi,	jedia,	jedza,	jedza.
дад-ать.	dadiá(t).	(dájí).	(dajú).	dadza.	dadza.

Мы видимъ, что въ западныхъ славянскихъ языкахъ донинѣ форма третьяго лица множественнаго числа сохраняетъ окончаніе, соответствующее древнецерковнославянскому окончанію *ать*. Формы: новочешск. *dají* (вм. *dadi*) и словацкая *dajú* (вм. *dadia*) перешли въ употребленіе отъ глагола *dati* и соответствуютъ древнецерковнославянской ф. *datŭti*; возможность же существованія въ томъ и другомъ языкѣ формъ: чешск. *dadi*, словацк. *dadia* отъ глагола собств. *dati* подтверждается существованіемъ древнечешской формы *dadiá* или *dadié* (вм. *dadiát*). ¹⁾ Слѣдовательно, новыя формы: чешск. *dají*, словацк. *dajú* не представляютъ никакого препятствія къ признацію полного соответствія между древними церковнославянскими формами третьяго лица множественнаго числа и формами доселѣ сохранившимися въ языкахъ западнославянскихъ. Изъ этого соответствія слѣдуетъ, что древнему церковнославянскому *ъ* соответствуютъ въ западныхъ славянскихъ языкахъ звуковыя сочетанія: *ia* (древн. чешск. *věd-ia*(t), словацк. *vied-ia* (t), *ja* (польск. *wiedz-a* вм. *wied-ja*), *ja* (верхнелужицк. *wjed-za* вм. *wjed-ja*). Ясно, что въ суффиксѣ трет. л. множ. ч. всюду является послѣ кореннаго *d* звукъ *i* или *j*. Извѣстно, что въ древнемъ церковнославянскомъ языкѣ *j*, образуюсь изъ *и* и появляясь предъ *ъ*, можетъ обращать этотъ послѣдній зв. въ *ъ*; напримѣръ: *тѣи-ъ* = польск. *tegi* и *тѣи-нѣ-ти* = польск. *ciąg-nę-ć*. Спрашивается, откуда взялся *j*, или *i*, при образованіи третьяго лица множественнаго числа данныхъ глаголовъ въ западныхъ славянскихъ языкахъ, если темы ихъ должны заканчиваться согласнымъ *d*? Отвѣтъ на этотъ вопросъ, по нашему мнѣнію, можетъ значительно облегчиться сравненіемъ формы третьяго лица мн. ч. глагола *видѣти* съ соответствующею ей формою глагола *видѣти*, такъ какъ

¹⁾ *Schafařík*. Elemente der altböhmischen Grammatik. 2 Ausg. Prag. 1867, стр. 129. D-га *Květa*. Staročeská mluvniče. 3 vydání. V Praze. 1869, стр. 83—84. *Jos*. *Jireček*. Nákras mluvniče staročeské. V Praze 1870, стр. 50.

оба эти глагола образовались отъ одного и того же корня *vid*. Очевидно, что форма *вѣд-ѣть* вполнѣ соответствуетъ формѣ *vid-ѣть*, чешск. *vid-i*, словацк. *vid-i*, польск. *widz-a* вм. *widj-a*, верхнедунайск. *widz-a* вм. *widj-a*. Но эти послѣднія формы объясняются изъ темы *види-* для всѣхъ личныхъ формъ настоящаго времени глагола *видѣти*. Въ ней звучитъ *и*, появляясь предъ суффиксомъ *ѣть*, обращаетъ твердый звукъ *ѣ* въ мягкій *ѣ*, что неизмѣнно соблюдается древнимъ церковнослав. языкомъ во всѣхъ глаголахъ съ темою на *и*, напримѣръ; тема *ходи-* 3 л. мн. ч. *ход-ѣть* вм. *ход-ѣть*, *ход-ѣтъ*; тема *люби-* 3 л. мн. ч. *люб-ѣть* вм. *люб-ѣть*, *люб-ѣтъ* и пр. Поэтому для объясненія формы *вѣдѣть* необходимо признать тему не *вѣд-*, а *вѣди-*, которая появляется въ неопредѣленномъ наклоненіи въ формѣ *вѣдь*: *вѣдь-ти*, подобно тому, какъ тема *види-* является въ неопредѣленномъ наклоненіи въ формѣ *видь*: *видь-ти*. Если форма третьяго лица множ. числа *вѣдѣтъ* образовалась изъ темы *вѣди-*, а не изъ темы *вѣд-*; то нужно признать, что и прочія личные формы глагола *вѣдь-ти* образуются изъ темы *вѣди-*, а не изъ *вѣд-*, но съ опущеніемъ тематическаго гласнаго звука *и*; такъ: 1. *вѣ-мь* вм. *вѣд-мь* изъ *вѣди-мь*, 2. *вѣси* вм. *вѣд-си* изъ *вѣди-си*, 3. *вѣс-ть* вм. *вѣд-ть* изъ *вѣди-ть* и пр. Какъ въ глаголѣ *вѣдѣти* темою для образованія личныхъ формъ настоящаго времени служитъ ф. *вѣди-*, такъ и въ глаголахъ *дати* и *гастн* (вм. *гѣд-ти*) слѣдуетъ признать темами для образованія личныхъ формъ: *дади-*, *гѣди-*, на что точно также указываютъ формы: *дадѣть*, *гѣдѣть*. Въ русскомъ языкѣ доселѣ уцѣлѣли формы съ указаніемъ темъ на *и* въ данныхъ глаголахъ, какъ то: *яди-мь*, *яди-те*, *ядѣтъ*; *дади-мь*, *дадите*, *дадѣтъ* и *дадутъ*. Въ древнемъ церковнославянскомъ языкѣ мы встрѣчаемъ эти формы въ повелительномъ наклоненіи, о чемъ—ниже. Представимъ ради наглядности всѣ формы настоящаго времени данныхъ глаголовъ въ древнемъ церковнославянскомъ языкѣ:

Ед. ч. 1 л. *вѣ-мь* (вм. *вѣд-мь* изъ *вѣди-мь*), *гѣ-мь* (вм. *гѣд-мь* изъ *гѣди-мь*), *да-мь* (вм. *дад-мь* изъ *дади-мь*).

2 л. *вѣ-си* (вм. *вѣд-си* или *вѣди-си* изъ *вѣди-си*), *гѣ-си* (вм. *гѣд-си* или *гѣди-си* изъ *гѣди-си*), *да-си* (вм. *дас-си* или *дад-си* изъ *дади-си*).

3 л. *вѣс-ть* (вм. *вѣд-ть* изъ *вѣди-ть*), *гѣс-ть* (вм. *гѣд-ть* изъ *гѣди-ть*), *дас-ть* (вм. *дад-ть* изъ *дади-ть*).

Дв. ч. 1 л. *вѣ-въ* (вм. *вѣд-въ* изъ *вѣди-въ*), *гѣ-въ* (вм. *гѣд-въ* изъ *гѣди-въ*), *да-въ* (вм. *дад-въ* изъ *дади-въ*).

2 и 3 л. *въс-та* (вм. *въд-та* изъ *въд(и)-та*), *іас-та* (вм. *іад-та* изъ *іад(и)-та*), *дас-та* (вм. *дад-та* изъ *дад(и)-та*).

Множ. ч. 1 л. *въмъ* (вм. *въд-мъ* изъ *въ(ди)-мъ*), *іамъ* (вм. *іад-мъ* изъ *іа(ди)-мъ*), *дамъ* (вм. *дад-мъ* изъ *да(ди)-мъ*).

2 л. *въс-те* (вм. *въд-те* изъ *въд(и)-те*), *іас-те* (вм. *іад-те* изъ *іад(и)-те*), *дас-те* (вм. *дад-те* изъ *дад(и)-те*).

3 л. *въд-ѣтъ* (изъ *въди-ѣтъ*), *іад-ѣтъ* (изъ *іади-ѣтъ*), *дад-ѣтъ* (изъ *дади-ѣтъ*).

Признавъ формы: *въди-*, *іади-*, *дади-* за темы личныхъ формъ настоящаго времени, мы видимъ изъ этихъ формъ, что темы вполне удержались только въ третьемъ лицѣ множественнаго числа; во всѣхъ другихъ лицахъ исчезаетъ тематическій гласный зв. *и*, а въ тѣхъ формахъ, въ которыхъ личные суффиксы начинаются звуками *м*, *в* и *с* исчезаетъ цѣлый слогъ *ди*, или, точнѣе сказать, исчезаетъ не только тематическій зв. *и*, но и согласный зв. *д*. Это явленіе объясняется, по нашему мнѣнію, слѣдующимъ образомъ: въ третьемъ лицѣ множественнаго числа вполне удержалась тема съ окончаніемъ *и*, потому что этотъ гласный звукъ нашелъ себѣ опору въ другомъ гласномъ звукѣ, принадлежащемъ личному суффиксу, котораго основная форма есть *anti*; во всѣхъ другихъ лицахъ тематическій гласный звукъ *и* не могъ удержаться, потому что личные суффиксы въ нихъ начинаются согласными звуками т. е. сохраняются въ своей первоначальной основной формѣ: *-mъ*, *-sъ*, *-tъ*; *-vas*, *thas*, *tas*; *mas*, *tha*, или въ славянской формѣ: *-мъ*, *-си -тъ*; *-въ*, *-ма*; *-мъ*, *-те*. Звукъ же коренной *д* въ славянскомъ языкѣ передъ звуками: *м*, *в* и *с* можетъ подвергаться ассимиляціи и выпадать. Выпущеніе цѣлаго слога *ди* въ данномъ случаѣ находитъ себѣ аналогію въ русской формѣ *вишь* вм. *видишь*.

Отсюда слѣдуетъ: во 1-хъ, что древнѣйшіе суффиксы личныхъ формъ настоящаго времени могутъ въ древнемъ церковнославянскомъ языкѣ присоединяться не только къ глагольной темѣ на согласный звукъ, какъ въ глаголѣ *ис-мъ*, но и къ темамъ на гласный звукъ, какъ въ глаголахъ *въдѣти*, *іасти* и *дати*, подобно греческому языку, напр. въ гл. $\epsilon\eta\text{-}\mu\iota$ $\epsilon\dot{\iota}\text{-}\mu\iota$, $\dot{\iota}\text{-}\sigma\tau\alpha\text{-}\mu\alpha\iota$, $\kappa\epsilon\dot{\iota}\text{-}\tau\alpha\iota$, $\delta\dot{\iota}\delta\omega\text{-}\mu\iota$, $\dot{\iota}\text{-}\eta\text{-}\mu\iota$, $\dot{\iota}\text{-}\sigma\tau\eta\text{-}\mu\iota$ и др. ¹⁾; во 2-хъ, если глагольная тема заканчивается глагольнымъ звукомъ *и*, то этотъ звукъ удерживается только предъ такимъ личнымъ суффик-

¹⁾ G. Curtius. Das Verbum der griechischen Sprache. Leipzig, 1873. 1 B. Seit. 143—146, 151—156.

сомъ, который начинается также гласнымъ звукомъ; въ 3-хъ, основному суффиксу третьяго лица множественнаго числа *anti* въ древнемъ церковнославянскомъ языкѣ всегда соответствуетъ суффиксъ *ѣтъ*, который можетъ видоизмѣняться въ суффиксъ *ѣтъ* только въ томъ случаѣ, если глагольная тема заканчивается гласнымъ звукомъ *и*. Поэтому, какъ форма *сѣтъ* отъ темы на согласный звукъ *кс*, такъ и формы: *вѣдѣтъ*, *гдѣдѣтъ*, *дадѣтъ* отъ темъ на гласный звукъ *и* образовались въ древнемъ церковнослав. языкѣ совершенно правильно и не представляютъ никакого противорѣчiя между собою по отношенiю къ основному суффиксу *anti*.

Что касается до русской ф. *дадутъ* при формахъ *вѣдѣтъ* и *дадѣтъ*, то она относится къ этимъ послѣднимъ точно также, какъ сербская ф. *dádu*—къ формамъ: *даде*, *вѣде* или древн. *вѣдетъ*, въ которыхъ зв. *e* соответствуетъ др. ц. сл. *ѣ*. Въ нынѣшнемъ сербскомъ языкѣ, какъ и въ русскомъ, др.ц.славянскiй глаголь *вѣдѣти* вышелъ изъ употребленiя. Два другiе глаголы *гдѣти* и *дати* имѣютъ въ сербскомъ языкѣ слѣдующiя формы третьяго лица мн. ч. *dádu*—русск. *дадутъ*, и *ѣју*—*ѣ* по южному говору, *јѣд-ѣ* по восточному. Форма *јѣду* или *ију*, можно сказать, опередила своимъ образованiемъ русскую форму *вѣдѣтъ*. Въ хорутанскомъ языкѣ доннѣ равно употребительны всѣ три глагола и имѣютъ слѣдующiя формы третьяго лица мн. ч.: *вѣд-ѣ* (*vej-o*), *јѣд-ѣ* (*jej-o*), *дад-ѣ* (*daj-o*), въ которыхъ *ѣ* соответствуетъ древнему церковнославянскому *ѣ*, а какъ личное окончанiе мн. ч. *ѣ* (t), соответствуетъ древнему церковнослав. суффиксу *ѣтъ*, какъ напр. въ ф. *гдѣд-ѣ* (*gdej-o*)—др. ц. сл. *гдѣдѣтъ*. Но всѣ эти формы, какъ сербскiя на *ѣ*, такъ и хорутанскiя на *ѣ*, по своему образованiю, относятся къ позднѣйшему времени. Это видно изъ того, что въ древнемъ сербскомъ языкѣ XVI в. существовала ф. *вѣдетъ*: *не вѣдетъ что твореть* ¹⁾—*не вѣдѣтъ что творѣтъ*. Въ XVI в. существовала ф. *вѣде* безъ суффикса *тъ*; до конца XV в. употреблялась и ф. *даде*, которая прежде звучала безъ сомнѣнiя: *дадетъ*; и только съ конца XIV в. появляется форма *даду* ²⁾, которая мало по малу и вытѣснила изъ употребленiя древнюю форму *даде*. Ясно, что и русская ф. *дадутъ* принадлежитъ, по своему образованiю, болѣе позднему времени, чѣмъ форма *вѣдѣтъ* и народн. *дадѣтъ*. Очевидно, что всѣ эти позднѣйшiя формы третьяго лица мн. числа, какъ въ южныхъ славянскихъ язы-

¹⁾ Ъ. Даничиѣ. Рѣчникъ изъ нижевнихъ старина српскихъ. Дно први. стр. 195.

²⁾ Его же: Историја облика 1874 г. стр. 291.

кахъ, такъ и въ русскомъ языкѣ (*дадутъ*), образовались уже отъ темъ на согласный звукъ *d*: *вѣд—*, *ѣд—*, *дад—*.

Отсюда само собою вытекаетъ, 1) что вышеуказанныя темы *вѣди—*, *ѣди—*, *дади—* древнѣе темъ: *вѣд—*, *ѣд—*, *дад—*; 2) что если глагольная тема заканчивается на согласный звукъ, то суффиксъ третьяго лица множ. числа настоящаго времени получаетъ такую форму, которой въ древнемъ церковнославянскомъ языкѣ соотвѣтствуетъ форма *ѣтъ*, каковую видимъ въ гл. *с-ѣтъ*. Поэтому, если въ нынѣшнихъ югославянскихъ формахъ третьяго лица множ. числа данныхъ глаголовъ слѣдуетъ признать за темы формы: *вѣд—*, *ѣд—*, *дад—*, (а равно и въ русской ф. *дадутъ*), то и въ другихъ личныхъ формахъ не можетъ быть другихъ темъ кромѣ формъ: *вѣд—*, *ѣд—*, *дад—*. На этомъ же основаніи мы, признавая въ формахъ: *вед-ѣтъ*, *нес-ѣтъ*, *мог-ѣтъ* и др. за темы третьяго лица множеств. числа формы: *вед—*, *нес—*, *мог—*, утверждаемъ, что и для другихъ лицъ въ древнемъ церковнославянскомъ языкѣ не можетъ быть иныхъ темъ кромѣ *вед—*, *нес—*, *мог—*. О томъ, куда отнести звукъ *e* въ формахъ, каковы, на примѣръ, *вед-е-ши*, *вед-е-тъ*, и т. п., скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Древность темъ *вѣди—*, *ѣди—*, *дади—* подтверждается немвогими встрѣчающимися кое-гдѣ въ древнихъ славянскихъ памятникахъ письменности формами причастій настоящаго времени. Самыя употребительныя въ древнемъ церковнославянскомъ языкѣ причастныя формы отъ этихъ глаголовъ слѣдующія: *вѣд-ѣи*, для женск. р. *вѣд-ѣици*; *ѣд-ѣи*, для женск. р. *ѣд-ѣици*; *дад-ѣи*, для женск. р. *дад-ѣици*. Онѣ, очевидно, образовались отъ темъ: *вѣд—*, *ѣд—*, *дад—*. Если тематическій гласный звукъ *и* не могъ удержаться по вышеизложенной нами причинѣ въ самихъ личныхъ формахъ настоящаго времени; то нѣтъ ничего страннаго, что онъ не удержался въ темахъ для образованія формъ причастныхъ. Но что онъ нѣкогда принадлежалъ и этимъ послѣднимъ, въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Миклошичъ указываетъ на встрѣчающуюся рѣдко въ супр. рукописи (XI в.) форму *вѣдѣи*¹⁾. Кромѣ того онъ указываетъ и ф. *дадѣи*²⁾ и признаетъ ее древнѣе формы *дади*. Именно онъ говоритъ: „*дадѣи* супр. 206, 21; 308, 12. Alter ist wol *дадѣи* und daraus *дади* nest. *дади* svjat.—ор.“

¹⁾ Vergl. gramm. III, 164, § 205.

²⁾ Altslovenische Formenlehre in paradigmien mit texten aus glagolitischen quellen. Wien. 1874 стр. 53—54.

(стр. 53). На 54 стр. „das part. praes. act. *гидѣ, гидѣа*“. Хотя онъ и не указываетъ, гдѣ именно встрѣчается ф. *гидѣ*, но существованіе ея въ древнѣйшую эпоху языка въ виду формъ *видѣа, дадѣа* не подлежитъ сомнѣнію. Это впрочемъ не дастъ права утверждать, что форма *сѣа*, встрѣчающаяся вмѣстѣ съ формою *сѣи* въ однихъ и тѣхъ же памятникахъ, древнѣе послѣдней. Западныя славянскія формы: словацк. *vedias, jedias*, польск. *wiedząc* (вм. *wiedź-ąc*), *jedz-ąc*, (вм. *jed-j-ąc*), верх. луж. *wjedz-o* (вм. *wjedj-o*), *jedz-o* (вм. *jedj-o*), ниж. луж. *wjez-ecu* (вм. *wjedj-ecu*), *jéz-ěcy* (вм. *jedj-ěcy*) говорятъ въ пользу существованія древнѣйшихъ формъ: *видѣа, гадѣа*. Къ указаннымъ выше даннымъ относительно формъ *видѣа, гадѣа, дадѣа* можно прибавить еще одно свидѣтельство въ пользу употребленія этихъ формъ въ древнѣйшую эпоху языка. Во второй статьѣ фрейзингенской рукописи (X в.) форма *видѣа* встрѣчается дважды въ одномъ предложеніи. Вотъ это мѣсто: „*ese iezet wiede ztuorit ili newiede. nidmi ili lubmi. zpe ili bde*“¹⁾; по чтенію Востокова: „*Кже ксмъ видѣи створиъ или newѣди. нѣдѣми или любѣми. сѣпѣ или бѣдѣ*“. Правильнѣе было бы читать: *кже ксмъ видѣа створиъ или newѣдѣа. нѣдѣми или любѣми. сѣпѣа или бѣдѣа*. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что формы: *wiede, newiede* такія-же причастныя формы, какъ и формы: *zpe, bde*. Что образованіе формъ *видѣа, гадѣа, дадѣа* основывается на темахъ *види—, гди—, дади—*, это подтверждается не только формою *видѣа* одного корня съ ф. *видѣа*, но формами причастій настоящаго времени отъ всѣхъ безъ исключенія глаголовъ въ древнемъ церковнославянскомъ языкѣ, имѣющихъ тему на *и*: *люби-ти, ходи-ти, роди-ти* и др.²⁾

Но самое убѣдительное доказательство въ пользу древнѣйшаго существованія темъ: *види—, гди—, дади—*, представляютъ формы повелительнаго склоненія, которыя остаются необъяснимыми на основаніи темъ *вид—, гд—, дад—*.

Формы повелительнаго склоненія въ древнемъ церковнославянскомъ языкѣ слѣдующія:

Единств. ч. 2 и 3 л. *вѣждь, гѣждь, даждь*.

¹⁾ Филологическія наблюденія А. Х. Востокова. Изд. И. И. Срезневскаго. СПб. 1865 г. стр. 79 и 34.

²⁾ Формы *гидѣа, гидѣа, гидѣа*, на которыя указываетъ Миклошичъ (altslovenische Formenlehre in paradigmten. Wien. 1874. Einleitung XXXIII) могли образоваться только развѣ позднѣе формъ: *видѣа, гадѣа, дадѣа*, или по аналогіи другихъ глаголовъ, имѣющихъ тему на гласный звукъ. Сравни формы въ русскомъ языкѣ: *идя, плетя, ведя, неся* и др.

Двойств. ч.	1 л.	<i>въдишь, гадить, дадить.</i>
	2 и 3 л.	<i>въдита, гадита, дадита.</i>
Множ. ч.	1 л.	<i>въдимъ, гадимъ, дадимъ.</i>
	2 л.	<i>въдите, гадите, дадите.</i>

Характеромъ повелительнаго наклоненія въ древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ признается звукъ *и*, который соотвѣтствуетъ основному суффиксу *jâ*, служащему къ образованію въ санскритѣ наклоненія потенціального, въ греческомъ языкѣ—желательнаго, а въ латинскомъ-сослагательнаго. Боппъ производитъ его вмѣстѣ съ суффиксомъ будущаго вр. *ja* отъ корня *î*—*желать* ¹⁾.

Принимая темы: *въд—, гад—, дад—* за основныя первоначальныя въ древнемъ церковнославянскомъ языкѣ, Боппъ объясняетъ образованіе формъ *въждь, гажь, даждь* слѣдующимъ образомъ: “характеръ наклоненія (въ древн. церк. слав. яз.) спасъ отъ санскр. *jâ* только полугласный звукъ (т. е. *j*), и такъ какъ во 2 л. потенціального наклоненія единств. числа *s* отъ *jâs*, ибо онъ съ самой глубокой древности находился при окончаніи, долженъ былъ исчезнуть (въ др. церк. сл. яз.) по общему фонетическому закону (т. е. др. ц. сл. языка, не терпящаго согласныхъ окончаній); то *гаждь* (вм. *гадж*) соотвѣтствуетъ санскритскому *adja's* и латинск. *edîs*; *въждь* (вм. *въдж*) санскр. *vidja's*, и *даждь* (вм. *дадж*)—греческому *διδούς*, а еще болѣе санскритскому *dadja's*; потому что какъ славянская форма, такъ и санскритская утратила коренной гласный звукъ” (т. е. *dad—* вм. *дада—* по причинѣ редупликаціи корня). „Приведенныя славянскія формы имѣютъ въ то же время и значеніе формъ третьяго лица; потому что *jâs* и *jât* не могутъ различаться въ славянскомъ языкѣ, такъ какъ законъ уничтоженія согласнаго звука въ концѣ словъ также мало пощадилъ зв. *t*, какъ и зв. *s* и пр.” ²⁾. Далѣе Боппъ приводитъ формы множ. числа: *въждимъ, гаждимъ, даждимъ* и друг. Но такихъ формъ мы не знаемъ. Спрашивается, откуда при темахъ *въд—, гад—, дад—* появился *j* для образованія формъ повелительнаго наклоненія? непосредственно отъ санскритскаго суффикса *jâ*? Невѣроятно, чтобы славянскія темы непосредственно соединялись съ санскритскими суффиксами. Пусть основная форма суффикса будетъ санскритскою, но она должна принять прежде славянскую форму, чтобы имѣть право соединиться съ славянскими темами. Мы понимаемъ, что санскрит-

¹⁾ Vergl. Gram. 2 Ausg. II, 560.

²⁾ Vergl. Gram. III, 5—6.

ская форма суффикса *já* можетъ лежать въ основѣ суффикса повелительнаго наклоненія и въ древнемъ церковнославянскомъ языкѣ; но рѣшительно отказываемся понять, чтобы санскр. суффиксъ *já* разложился на *j* и *á* для непосредственнаго сочетанія своей половины (именно *j*) съ темами языка славянскаго. Отъ подобнаго же недостатка не свободно и объясненіе Шлейхера. Онъ говоритъ: „2 и 3 ед. ч. *даждь*, *въждь*, *паждь* стоитъ вмѣсто *dadjъ*, *vdjъ*, *pdjъ*, а этотъ *jъ* вмѣсто болѣе полныхъ санскритскихъ формъ: *dad-jás*, *dad-ját*, *vid-jás*, *vid-ját*, отъ окончанія *-ás*, *-át* остается только *э*; греческій языкъ удерживаетъ въ *δίδωμι* гласный звукъ корня, поэтому не соответствуетъ точно: *δίδω-ίην*. Предъ окончаніемъ двойственнаго и множественнаго чиселъ, какъ въ санскритѣ въ цѣломъ среднемъ залогѣ (2 лицо ед. ч. *ad-î-thás*, 3. *ad-î-ta*, двойств. 1. *ad-î-váhi*, множ. 1. *ad-î-máhi* и т. д.), выпускается *á* изъ характера наклоненія *já* и удерживается только существеннѣйшая часть его, *i*, отсюда: *dad-и-въ*, *dad-и-та*, *dad-и-мъ*, *dad-и-те*, точно также и въ другихъ глаголахъ. Понимать и здѣсь *и*, какъ бы вмѣсто *э=jъ* и сравнивать эти формы съ санскритскими дѣйств. залога двойств. числа *ad-já-va*, *ad-já-tam*, *ad-já-ma*, *ad-já-ta* было бы не вѣрно, потому что тогда слѣдовало бы ожидать въ славянскомъ *даждьвъ*, передъ *j* зубные звуки измѣняются, но не передъ *и*. Эти предположенныя нами формы, множ. *даждьмъ* или—*мы*, 2 лицо *даждь-те* и т. д. равнымъ образомъ и отъ *pad* и *vdj* есть у Добровскаго и Копитара (въ *Glag. Cloz.*), которые полагаютъ, что формы въ родѣ *дадимъ*—позднѣйшаго образованія. Напротивъ, у Миклошича есть только эти послѣднія съ *и*, а тѣ формы онъ считаетъ ложными (въ *Wiener Jarb.*, т. 105, стр. 69), потому что онѣ не встрѣчаются въ рукописяхъ и образованы Добровскимъ по аналогіи чешскаго глагола. И тѣ и другія объяснимы, но формы съ *jъ* (то-есть, приведенныя у Добровскаго и Копитара) имѣютъ противъ себя то, что *já* въ срединѣ словъ въ славянскомъ языкѣ никогда не переходитъ въ *jъ*, *ъ*¹⁾. Въ этомъ объясненіи многое представляется для насъ непонятнымъ. Шлейхеръ говоритъ, что суффиксъ *já=ъ*, а *jъ=э*, или *и*, въ формахъ: *въждь*, *паждь*, *даждь*; что *já* въ срединѣ словъ въ др. и. слав. языкѣ никогда не переходитъ въ *jъ*, *э*. Спрашивается, во что же онъ переходитъ? этого не говоритъ Шлейхеръ. Далѣе, почему въ формѣ *дадимъ* звукъ *и* соответ-

¹⁾ Die Formenlehre der kirchenslavischen Sprache. v. D. Aug. Schleicher, Bonn. 1852. стр. 367—368.

ствуется одному *j*, который въ этомъ случаѣ вокализируется въ зв. *i*? Наконецъ, какимъ образомъ формы, какъ *даждь*, должны соответствовать въ санскритѣ формамъ дѣйствительнаго залога, а формы, какъ *дадимъ*, должны соответствовать въ санскритѣ же формамъ средняго залога? Какимъ образомъ ф. *даждь* образуется въ древнемъ церковнославянскомъ языкѣ непосредственно изъ *dadjъ*? Откуда взялся этотъ суффиксъ *jъ* въ самомъ славянскомъ языкѣ? И здѣсь, какъ въ объясненіи Боппа, трудно предположить, чтобы ф. *даждь* образовалась непосредственно изъ санскрит. *dad-jā-s* или *dad-jā-t*. Необходимо допустить, что суффиксъ *jā* прежде преобразился въ славянскую форму *и* или *ь*, а потомъ уже сталъ употребляться въ языкѣ для образованія той или другой формы. Но Шлейхеръ, очевидно, допустить этого не могъ; потому что, если основной суффиксъ *jā* принялъ въ славянскомъ языкѣ форму звука *и* или *ь*, то, присоединяясь къ темъ *dad*—подъ тѣмъ или другимъ видомъ, онъ не могъ образовать формы *даждь*, ибо зубные звуки въ древне церковнославянскомъ языкѣ передъ *и* или *ь* не смягчаются. Въ другомъ сочиненіи у Шлейхера мы читаемъ слѣдующее: „Въ древнемъ болгарскомъ языкѣ желательное наклоненіе играетъ роль повелительнаго. Поэтому темы настоящаго времени, оканчивающіяся звукомъ, принадлежащимъ корню, потерпѣли сильное сокращеніе первоначальнаго суффикса *jā*, напримѣръ, 2. 3. *вждь*, *даждь*, то-есть, *въjъ*, *dadjъ*, основн. формы: 2. *vaid-jā-s*, 3. *vaid-jā-t*, 2. *dad-jā-s*, 3. *dad-jā-t*; множ. 1. *дадимъ*, 2. *дадите*: двойств. ч. 1. *дадива* 2. *дадита*, слѣдов. и *вдиме*, тема настоящ. вр. *вд*, и т. д. показываютъ только *i* (*ī*) на мѣстѣ древнѣйшаго *jā*, *ja* (ср. средн. зал. въ арійск. и греч.), основн. формы: 1. *dad-jā-tas*, 2. *dad-jā-tas* при темѣ наст. вр. *dad*- изъ *da-da*-, кор. *da*“¹⁾. Здѣсь уже Шлейхеръ для формы *дадимъ* полагаетъ основною формою *dad-jā-tas* и пр. слѣд., уже допускаетъ то сравненіе, которое прежде считалъ невѣрнымъ. Но все-таки объясненіе формъ *вждь*, *даждь* непосредственно изъ *вдjъ*, *dadjъ* остается непонятнымъ.

Миклошичъ не допускаетъ объясненія ф. *вждь* непосредственно изъ *вдjъ*, а приравниваетъ суффиксъ *jъ* славянскому *ь*, и потому не видитъ никакого основанія для перехода звука *d* въ *жд* передъ звукомъ *ь*. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно думать, судя по слѣдующимъ его словамъ: „что *d* передъ *ь* 2 и 3 л. ед. ч. повелительнаго наклоненія переходитъ въ *жд*, и что этотъ переходъ для меня необъяс-

¹⁾ Compend. der vergl. Gram. 2 Ausg. 1866, стр. 719.

нимъ, объ этомъ я замѣтилъ выше¹⁾. Это читаемъ мы въ книгѣ, вышедшей въ свѣтъ въ 1856 г., слѣд., спустя четыре года послѣ книги Шлейхера *Formenlehre der kirchenslavischen Sprache*. 1852 г. Замѣтилъ же онъ объ этомъ въ I томѣ своей сравнит. грамматики, вышедшемъ въ 1852 г., стр. 187, слѣдующимъ образомъ: „слѣдуетъ ли *виеть* (ges, сравн. готск. *vaiht-s id.*) производить отъ *втъ*? Если слѣдуетъ, то въ этомъ словѣ я также мало могу оправдать небный звукъ, какъ въ *рождѣство* при *родѣство*, въ *страждѣба* при *страдѣба*, и въ повелительныхъ *виждѣ*, *въждѣ*, *даждѣ*, *таждѣ*, которыя, мнѣ кажется, произошли изъ *види*, *въди*, *дади*, *тади* и стоятъ вмѣсто *вишь*, *въдъ* и т. д.“ Ясно, что для него объясненія какъ Боппа, такъ и Шлейхера, оказались неудовлетворительными.

Объ образованіи формъ *рождѣство* при *родѣство* смотри сочиненіе д-ра Гейтлера²⁾. Образованіе же формъ повелительнаго наклоненія: *даждѣ*, *въждѣ* и *таждѣ* объяснено Лудвигомъ³⁾ слѣдующимъ образомъ: „Если слав. *даждѣ* = *daddhi* (вмѣсто чего позднѣе *dehi*), то *даждѣбогъ* было бы равно *daddhiyatbhagah*. Этотъ вопросъ стоить тщательнаго изслѣдованія на славяно-литовской почвѣ. Сравнимъ, что говорить проф. Миклошичъ о необъяснимости *ждѣ* въ *въждѣ*, *даждѣ*, *таждѣ*: *Formenlehre des altslovenischen* § 247. Можно было бы сказать и наоборотъ: такъ какъ ф. *даждѣбогъ* можетъ быть правильно объяснена изъ *daddhiyat—bhagah*, то и *даждѣ* есть *daddhiya*, а *таждѣ*—*addhiya* (ѣзѣи, и въ греческ. нѣтъ ѣзѣи). Ибо два положенія вѣрны: *даждѣ* въ *даждѣбогъ* не можетъ быть повелительнымъ наклоненіемъ, а должно имѣть глагольное (причастное) значеніе, такъ какъ *богъ bhagah* не значить „богъ“, а „счастіе, богатство“ (сравни проф. Миклошича *Lexicon palaeosl. gr.* I. dispensator divitiarum, какъ понимаемъ и мы. Сравни также *оубогъ* проф. Гаттала объясняетъ *an-bhagas*). Съ *daddhiya* было бы совершенно ясно то, что сомнительно въ *даждѣ*. О *veddhiya* вм. *viddhiya* см. выше *vodhi* и пр. Относительно смягченія сравни *svadhiyans* и *слаждѣи*“. Едва ли можно найти что либо въ опроверженіе сравненія др. церк.-слав. формы *даждѣ* съ санскит. ф. *daddhiya*. Мы, по крайней мѣрѣ, считаемъ его вполне основательнымъ и вѣрнымъ. Оно проливаетъ свѣтъ не только на образованіе формъ повелительнаго наклоненія глаголовъ: *въдѣти*, *дасти* и *дати*, но и на образованіе

¹⁾ Vergl. Gram. der Slavischen Sprachen, т. III, 1856 г. стр. 163. § 247.

²⁾ Starobulgarská fonologie se stálym zřetelem k jazyku litevskému Dr. Leopold Geitler. v Praze. 1873. стр. 125.

³⁾ Der Infinitiv im Veda. Alfred Ludwig. Prag. 1871, стр. 136.

другихъ глаголовъ съ темою въ настоящемъ времени на *и*, какъ увидимъ ниже.

Если *ya* въ формѣ *daddhiya* есть суффиксъ, то темою, очевидно, будетъ *daddhi*. Эта тема въ славянскомъ языкѣ необходимо принимаетъ форму *dadu*- (вм. *dadu*-); суффиксъ же *ya* принимаетъ форму *и*. Такимъ образомъ, формѣ *daddhi+ya* будетъ соответствовать въ славянскомъ языкѣ форма: *dadu+и*, въ которой суффиксъ *и*, не имѣя за собою опоры въ новыхъ какихъ либо звукахъ, могъ перейти съ тематическимъ *и* въ *ѣ*; отсюда и ф. *даждь*, то-есть, *dadъь*. Если мы придадимъ основному суффиксу *ja* (тоже что *ya*) форму суффикса потенціоннаго наклоненія въ санскритѣ *jâ* съ окончаніями 2 и 3 лица: *s* и *t* (то-есть: *jâ-s*, *jâ-t*); то отъ темы *daddhi* получимъ формы: *daddhi-jâ-s*, *daddhi-jâ-t*, которыя въ славянскомъ языкѣ соответствовали бы также только формамъ: *dadu+и-(s)*, *dadu+и-(t)*; а эти послѣднія, отбросивъ въ концѣ согласные указатели 2 и 3 лицъ, необходимо обращаются также въ форму *даждь*. Точно то же слѣдуетъ сказать и объ образованіи формъ *въждь* и *паждь* подъ непремѣннымъ условіемъ признанія темъ *въди-*, *пади-*, но не *вѣд-* и *пѣд-*, какъ думали прежде.

Въ двойственномъ и множественномъ числахъ суффиксъ повелительнаго наклоненія *и*, соединяясь съ личными суффиксами *-въ*, *-та*, *-мь* *-те*, находитъ въ нихъ опору для своей гласности и потому сливается съ тематическимъ гласнымъ въ одинъ долгій звукъ *и*, отсюда: *дадѣвъ*, *дадѣта*, *дадѣмь*, *дадѣте*; *вѣдѣвъ*, *вѣдѣта*, *вѣдѣмь*, *вѣдѣте*, *падѣвъ*, *падѣта*, *падѣмь*, *падѣте*, но не *даждѣвъ*, *даждѣте*, *даждѣмь* и пр. Такимъ образомъ, формы повелительнаго наклоненія окончательно подтверждаютъ, какъ мы думаемъ, существованіе древнѣйшихъ темъ: *въди-*, *пади*, *дади-*, а не темъ: *вѣд-*, *пѣд-*, *дад-*.

Что касается до формъ повелительнаго наклоненія въ древнемъ церковнославянскомъ языкѣ: *виждь*, *видита*, *видите* (послѣднія двѣ находятся въ Остр. Евангелии), которыя, безъ сомнѣнія, имѣютъ тему *види*—; то онѣ, по всей вѣроятности, образовались въ ту древнѣйшую эпоху языка, когда глаголь *видѣти* спрягался, подобно глаголу *вѣдѣти*, при помощи первоначальныхъ формъ личныхъ суффиксовъ: *-мь*, *-си*, *-тъ* и т. д.

Въ западныхъ славянскихъ языкахъ формы повелительнаго наклоненія сохранились только отъ глаголовъ *вѣдѣти* и *дати*. Глаголь *дати* въ этомъ случаѣ вытѣсненъ изъ употребленія глаголомъ *дати*. Такъ, въ древнемъ чешскомъ: 2 и 3 л. единств. ч. *věz*, *jěz*—и только; въ новомъ чешскомъ: 2 л. ед. ч. *věz*, *jěz*; 1 л. мн. ч. *věz-te*, *jez-te*;

2 л. мн. ч. *věz-te, jěz-te*; въ словацкомъ: *vedz, jedz; vedz-me, jedz-me, vedz-te, jedz-te*; въ польскомъ: *wiédz, jédz; wiédz-my, jédz-my; wiédz-cie, jédz-cie*; въ верхне-лужицкомъ: *wjez, jěz*; дв. ч. 1. *wjez-mój, jěz-mój*; 2 и 3. *wjez-taj, jěz-taj*; мн. ч. 1. *wjez-my, jěz-my*, 2. *wjez-ce, jěz-ce*. Въ русскомъ языкѣ сохранились формы повелительнаго наклоненія только отъ глагола *ѣс-ти* (= *ѣс-ть*); ед. ч. *ѣшь*, вм. *ѣжь* (соотвѣт. др.сл. = *гаждь*) и 2 л. *ѣшь-те*. Кромѣ того, въ сложной личной формѣ: *дадимте* (изъ *дади-мѣ + те*).

Изъ сравненія древнихъ церковнославянскихъ формъ съ формами западныхъ славянскихъ языковъ и русскаго видно, что полное соотвѣтствіе между тѣми и другими ограничивается лишь формою 2 лица единств. числа, отъ которой по аналогіи всѣхъ другихъ глаголовъ образуются какъ въ западныхъ славянскихъ языкахъ, такъ и въ русскомъ, всѣ остальные личные формы такъ называемаго повелительнаго наклоненія. Только русская сложная личная форма *дадимте* указываетъ на бывшее когда-то употребленіе, или на возможность употребленія формъ *дадимъ, дадите* въ русскомъ языкѣ съ тѣмъ значеніемъ, которое имѣли эти формы въ языкѣ древнемъ церковно-славянскомъ. Гл. *видѣть* въ русскомъ языкѣ не имѣетъ формъ соотвѣтствующихъ др. славянскимъ формамъ повел. наклоненія: *виждь, видите*. Но при этомъ нельзя не замѣтить, что изъ всѣхъ славянскихъ языковъ въ одномъ только русскомъ языкѣ сохранились формы *дадимъ, дадите; ѣдимъ, ѣдите, ѣдятъ*, которыя употребляются съ значеніемъ личныхъ формъ настоящаго и будущаго времени. Эти формы неопровержимо свидѣтельствуютъ о существованіи древнѣйшихъ темъ *вѣди-, дади-, гади-* и, безъ сомнѣнія, принадлежать къ самой древней эпохѣ образованія личныхъ формъ въ славянскомъ языкѣ. Притомъ, если специализація употребленія ихъ въ значеніи личныхъ формъ повелительнаго наклоненія должна была выработаться въ языкѣ позднѣе изъ болѣе общаго, болѣе широкаго употребленія ихъ въ значеніи личныхъ формъ вообще; то русскій языкъ по отношенію къ древности образованія и употребленія данныхъ формъ удерживаетъ за собою преимущество предъ языкомъ древнимъ церковнославянскимъ, подобно тому, какъ онъ удерживаетъ его и по отношенію, напримѣръ, образованія такъ называемыхъ полногласныхъ формъ съ *оло, оро, еле, ере* ¹⁾.

¹⁾ Zur Geschichte des indogermanischen Vocalismus von Johannes Schmidt. 2-te Abtheil. Weimar. 1875. (стр. 71).

Образованіе личныхъ формъ изъ темъ *вѣди-, гѣди-, дади-* восходитъ къ той старинѣ, когда въ языкѣ еще жило сознаніе тематическаго звука *и* въ соединеніи съ корнями: *вѣд-, гѣд-, дад-*. Опредѣлить это время весьма трудно. Но, судя по древности формъ причастныхъ, образовавшихся уже отъ темъ *вѣд-, гѣд-, дад-*: *вѣд-н, гѣд-н, дад-н* и почти вытѣснившихъ собою болѣе древнія формы отъ темъ: *вѣди-, гѣди-, дади-*: *вѣд-н, гѣд-н, дад-н* изъ употребленія въ памятникахъ письменности XI в., можно полагать, что въ языкѣ сознаніе тематическаго *и* въ соединеніи съ корнями: *вѣд, гѣд, дад* жило приблизительно до X вѣка. Но съ теченіемъ времени тематическій звукъ *и* мало по малу сталъ сокращаться (такъ сказать: *изманиваться*) въ произношеніи, и сначала, быть можетъ, перешелъ въ глухой *ь*, а наконецъ и совсѣмъ исчезъ; а за нимъ, вслѣдствіе встрѣчи двухъ согласныхъ, и коренной звукъ *д* въ иныхъ случаяхъ измѣнилъ свою форму, перейдя въ звукъ *с* (передъ *т*), а въ иныхъ также выпалъ. Такимъ образомъ темы *вѣди-, дади-, гѣди-* замѣнились въ образованіи многихъ формъ спряженія глаголовъ: *вѣдѣти, гѣдѣти* и *дадѣти* темами: *вѣд-, гѣд-* и *дад-*. Относительно хорутанской формы повелит. наклоненія *vēdi* при формахъ: *jēj* (=дрсл. *гаждѣ*) и *daj* (=дрсл. *даждѣ*) слѣдуетъ замѣтить, что она есть форма поздняя, образовавшаяся въ языкѣ по аналогіи другихъ глаголовъ, имѣющихъ тему настоящаго времени на *i*, какъ *chvali*. Это подтверждается употребленіемъ ея и въ сербскомъ языкѣ въ памятникахъ XVII вѣка¹⁾.

Теперь обратимся къ значенію тематическаго звука *и*. По нашему мнѣнію, оно можетъ быть совершенно правильно объяснено на основаніи соответствія между санскритскою формою: *daddhīya-* и славянскою *даждѣ*. Санскритская форма *daddhīya*, очевидно, состоитъ изъ корня: *dad*, тематическаго суффикса *dhī* и суффикса формы *ya*, то-есть *dad + dhī + ya*. Славянская же форма *даждѣ* состоитъ изъ корня *dad*, тематическаго суффикса *и* и суффикса повелительнаго наклоненія *и*, то-есть *dad + и + и*. Если суффиксъ повелительнаго наклоненія *и* соответствуетъ суффиксу *ya*, корень *dad* — корню санскр. *dad*; то тематическій звукъ *и* (въ *дади-*) соответствуетъ санскр. *dhī*, основная форма котораго есть *dhā* = слав. *дѣ-* (въ глаголъ *дѣ-ти* — *дѣйствовать, полагать, говорить*²⁾; основное значеніе: *дѣйствовать*). Звукъ *д* (= *dh*) при *и* не могъ удержаться въ славянскомъ языкѣ

¹⁾ Давичиѣ. Историја облика, стр. 336.

²⁾ Das Leben der Wurzel *dh* in den slavischen Sprachen, von D-r v. Jagić. Wien. 1871.

послѣ другаго *d*, принадлежащаго корнямъ: *вѣд*, *гѣд*, *дѣд*; поэтому, вмѣсто темъ *вѣдди-*, *гѣдди-*, *дѣдди-* (соотв. *dadddhî-*), должны были образоваться темы *вѣди-*, *гѣди-*, *дѣди-*. Слѣдовательно, тематическимъ звукомъ *и* (соотвѣтствующимъ санскр. *dhî*) сообщалось корнямъ общее значеніе дѣйствія, то-есть то, что значеніе, присущее корнямъ, должно быть понимаемо въ смыслѣ дѣйствія. Отрѣшившись разъ въ языкѣ отъ своей согласной половины (отъ звука *d* = основн. *dh*) для образованія глагольныхъ темъ, звукъ *и* могъ удобно примѣняться языкомъ къ образованію глагольныхъ темъ не только отъ корней, заканчивающихся согласнымъ звукомъ *d*, но и отъ корней, заканчивающихся другими согласными звуками. Сюда мы относимъ образование всѣхъ тѣхъ глаголовъ, которые въ славянскихъ языкахъ имѣютъ тему настоящаго времени, или личныхъ формъ, на звукъ *и*: *ходи-ти*, *роди-ти*, *сѣти-ти*, *сѣди-ти*, *хвали-ти*, *смотри-ти* и пр.

Отношеніе звука *и* темъ настоящаго времени въ древнемъ церковнославянскомъ языкѣ къ звуку *ь*, являющемуся въ темахъ неопредѣленнаго наклоненія отъ однихъ и тѣхъ же корней съ предыдущими, представляется такимъ же точно отношеніемъ, какое существуетъ между формою *dhî* и формою *dhâ* = слав. *дѣ*. Слѣдовательно, форма неопредѣленнаго наклоненія *вѣдѣ-ти* вмѣсто *вѣдди-ти*. Поэтому звукъ *ь* въ темахъ неопредѣленнаго наклоненія тѣхъ глаголовъ, въ которыхъ темы личныхъ формъ образуются отъ корней помощію суффикса *и*, есть ничто иное, какъ остатокъ гласной половины основнаго корня *dhâ* или слав. *дѣ*. Что касается до глаголовъ *дати* и *дати*, то и имъ въ темахъ неопредѣленнаго наклоненія не чужды были нѣкогда формы болѣе полныя, именно: *дадѣ-ти* вмѣсто *дад + дѣ—ти* и *гѣдѣ-ти* вмѣсто *гѣд + дѣ—ти*. По крайней мѣрѣ, это предположеніе подтверждается съ одной стороны указанною Шафарикомъ формою прошедшаго времени *гѣдѣсомъ* (*συνεφέραμεν*), которую Миклошичъ считаетъ не аористомъ, какъ бы слѣдовало по нашему мнѣнію, а *imperfectum*, и притомъ ошибкою писца¹⁾; съ другой стороны, тѣмъ, что отъ глагола *вѣдѣти* существуютъ формы аориста не только отъ полной темы неопредѣленнаго наклоненія *вѣдѣ-*: *вѣдѣ-хъ*, *вѣдѣ-хомъ* (вмѣсто *вѣдѣ-сомъ*), но и формы сокращенныя, какъ форма *вѣ-хъ*²⁾, подобная формамъ *да-хъ*, *гѣ-хъ* или *гѣ-сѣ*. Слѣдов. и на эти послѣднія формы можно смотрѣть, какъ на сокращенныя изъ *дадѣ-хъ*, *гѣдѣ-хъ*.

¹⁾ Vergl. gram. III, 164, § 249.

²⁾ Ibidem. § 248.

Но Миклошичъ и форму *въ-хъ* считаетъ также ошибкою писца. Мы же думаемъ, что формы: *въхъ* и *гдъсомъ*, особенно послѣдняя, такъ же драгоценны, какъ и тѣ причастныя, весьма рѣдко встрѣчающіяся формы: *вддъ*, *даддъ*, о которыхъ было говорено выше. Мы видимъ, что всѣ эти формы не только сами объясняются на основаніи древнѣйшихъ полныхъ темъ: *вди-*, *гди-*, *дади-* для личныхъ формъ, и *вддъ-*, *гддъ-*, *даддъ-* для неопредѣленнаго наклоненія; но и проливаютъ свѣтъ какъ на образованіе всѣхъ другихъ формъ въ спряженіи данныхъ глаголовъ, такъ и на ихъ исторію. Рѣдко встрѣчающіяся формы и не поддающіяся съ перваго раза объясненію, принятому для обыкновенно употребительныхъ формъ, не могутъ по этой причинѣ считаться неправильностями, или ошибочными. Мы, по крайней мѣрѣ, не можемъ указать, въ чемъ состоитъ неправильность, или ошибочность формъ: *гдъсомъ* и *въхъ*.

Темы неопредѣленнаго наклоненія по своему образованію всегда находятся въ тѣсной связи съ темами настоящаго времени. Поэтому, если древнѣйшее существованіе темъ настоящаго времени: *вди-*, *гди-*, *дади-*, какъ намъ кажется, не подлежитъ сомнѣнію; то трудно отрицать и древнѣйшее существованіе темъ для неопредѣленнаго наклоненія: *гддъ-*, *даддъ-* при неподлежащемъ сомнѣнію существованіи темы *вддъ-*. Въ противномъ случаѣ, было бы невозможно найти связь между формою неопредѣленнаго наклоненія *дати* и формою, на примѣръ, 3 л. множ. числа настоящаго времени: *даддтъ*, или между формою неопредѣленнаго наклоненія *вддти* и формою, на примѣръ, 1 л. единств. числа настоящаго времени *въмъ*. Да и въ самихъ формахъ неопредѣленнаго наклоненія глаголовъ: *вддти*, *гддти* и *дадти* невозможно было бы открыть ничего общаго, если бы нельзя было видѣть въ нихъ не болѣе, какъ видоизмѣненія одинаковой для всѣхъ тематической формы. Если бы въ основѣ образованія этихъ глаголовъ не было единства: то не было бы единства и въ основѣ образованія всѣхъ соответствующихъ формъ ихъ спряженія. Между тѣмъ присутствіе этого единства замѣчается при самомъ поверхностномъ взглядѣ на спряженіе данныхъ глаголовъ. Дѣйствительно, какъ изъ формы *гддти* съ опущеніемъ звука *н*, не принадлежащаго корню, образуется форма *гдс-ти* вмѣсто *гдд-ти*, такъ изъ формы *вддти*, съ опущеніемъ того же звука *н*, не принадлежащаго корню, образуется форма *вдс-ти*, на которую указываетъ Копитаръ¹⁾. Но отъ формы

¹⁾ Glagolita. Clozianus. Vindobonae. MDCCCXXXVI, pag. 63.

дати съ опущеніемъ звука *ъ*, не принадлежащаго корню, для обнаженія этого послѣдняго по аналогіи предыдущихъ глаголовъ долженъ былъ отпасть и звукъ *д*, какъ тоже не принадлежащій корню, но представляющій лишь его удвоеніе, и потому могла образоваться только форма *дати*. Такимъ образомъ, связь по образованію между формами неопредѣленнаго наклоненія всѣхъ трехъ глаголовъ становится понятною.

И такъ, въ основаніи спряженія глаголовъ: *вѣдѣти*, *гасити* и *дати* лежатъ древнѣйшія темы двухъ разрядовъ: 1) *вѣди-*, *гасди-*, *дади-*; 2) *вѣдѣ-*, *гасѣ-*, *дадѣ-*. Въ этихъ темахъ конечные гласные звуки: *и* и *ь*, не принадлежащіе корню, могутъ выпускаться и оставлять по себѣ одни глагольные корни: *вѣд-*, *гас-*, *дад-*. Эти послѣдніе и легли въ основаніе позднѣйшаго спряженія, мало по малу вытѣснившаго изъ употребленія формы древнѣйшаго спряженія, за исключеніемъ весьма немногихъ. Признавъ тематическіе звуки *и* и *ь* остатками гласной половины основнаго корня *dhâ*, мы видимъ теперь, что этотъ корень участвуетъ въ образованіи глагольныхъ темъ древнепереконославянскаго языка какъ своею согласною, такъ и гласною половиною. Помощію согласной его половины, т. е. *dh*, которая въ славянскомъ языкѣ имѣетъ форму звука *д*, образуются темы: *бѣд-*, *ид-*, *гас-* (русск. *ѣд-* въ *ѣду*) глаголовъ: *бѣти*, *ити*, *гасати*; помощію гласной его половины, то-есть, *â* или *î*, которая въ славянскомъ языкѣ является въ форм. *ь* и *и*, образуются глагольные темы на *и*, которыя въ неопредѣленномъ наклоненіи нѣкоторыхъ глаголовъ принимаютъ форму темъ на *ь*. Согласная половина отошла къ корнямъ на гласный звукъ, а гласная—къ корнямъ на согласный звукъ; такъ, въ темахъ *бѣд-*, *ид-*, *гас-* звукъ *д*, соответствующій согласной половинѣ *dh* корня *dhâ* присоединился къ корнямъ на гласный звукъ: *бѣ*, *и* и *гас*; а въ темахъ: *вѣди-*, *гасди-*, *дади-*, *види-*, *ходи-*, *роди-*, *хвалисьмотри-* и пр. звукъ *и*, соответствующій гласной половинѣ *î* формы *dhî* корня *dhâ* присоединился къ корнямъ на согласные звуки: *вѣд-*, *гас-*, *дад-*, *вид-*, *ход-*, *род-*, *хвал-*, *мотр* и пр. Но какъ звукъ *д*, такъ и звукъ *и*, равно заканчиваютъ собою глагольную тему настоящаго времени.

Изъ спряженія глаголовъ *вѣдѣти*, *гасити* и *дати* мы видѣли, что тематическій звукъ *и* въ личныхъ формахъ, за исключеніемъ формъ 3-го л. множ. числа, выпадаетъ; но изъ спряженія всѣхъ другихъ глаголовъ древняго церковнославянскаго языка мы видимъ, что онъ остается постоянно во всѣхъ личныхъ формахъ настоящаго времени;

такъ напримѣръ: 1. *виждѣ* вм. *видѣ-ѣ* изъ *види-ѣ*, 2. *види-ши*, 3. *види-тъ*; двойств. ч. 1. *види-въ* 2 и 3. *види-та*; множ. ч. 1. *види-мъ*, 2. *види те*, 3. *видѣтъ* вм. *видѣтъ* изъ *види-омтъ*. Всюду тема *види-*, Чѣмъ же объясняется это явленіе? Если мы сравнимъ форму 1-го лица отъ темы *види-*: *въ-мъ* вм. *вѣд-мъ* изъ *вѣд(и)-мъ* съ формою 1-го лица отъ темы *види-*: *виждѣ* вм. *видѣ-ѣ* изъ *видиѣ*: то увидимъ, что существенное различіе между тою и другою формою, какъ формою 1-го лица ед. числа настоящаго времени, заключается въ личныхъ суффиксахъ той и другой формы: личный суффиксъ формы *въ-мъ* есть *мъ*; личный суффиксъ формы *виждѣ* есть *ѣ*. Между этими двумя суффиксами—огромная разница: *мъ* есть суффиксъ первичный по своему образованію; *ѣ* же есть суффиксъ позднѣйшій, образовавшійся на славянской почвѣ изъ *ом*, для котораго основная форма есть *ам*. Первый начинается согласнымъ звукомъ, второй — гласнымъ. При встрѣчѣ съ первымъ суффиксомъ тематическій звукъ *и* не находитъ въ немъ ни малѣйшей опоры для поддержанія своей гласности и потому слабѣетъ и исчезаетъ; при встрѣчѣ со вторымъ суффиксомъ тематическій звукъ *и* находитъ себѣ опору въ новомъ гласномъ элементѣ, вступаетъ съ нимъ въ опредѣленные отношенія и такимъ образомъ удерживается на своемъ мѣстѣ. Если первоначальный основной суффиксъ 1-го лица *мъ* (=основн. *ти*) съ теченіемъ времени измѣнился въ *ѣ* или *ом* (=основн. *ам*) существеннымъ образомъ въ томъ, что принялъ впереди гласный звукъ и отбросилъ тотъ, который стоялъ позади; то естественно, что и всѣ другіе первоначальные личные суффиксы должны были перейти въ позднѣйшіе посредствомъ присоединенія къ себѣ впереди гласнаго звука. Первообразомъ спряженія глаголовъ съ помощію позднѣйшихъ личныхъ суффиксовъ въ древнемъ церковнославянскомъ языкѣ, по нашему мнѣнію, служитъ глаголь *имаамъ*, который спрягается съ помощію личныхъ суффиксовъ, сопровождаемыхъ гласнымъ звукомъ; а именно: тема *има*—

Единств. число	1 л.	<i>има - амъ</i>
	2 л.	<i>има - аши</i>
	3 л.	<i>има - атъ</i>
Двойств. число	1 л.	<i>има - авъ</i>
	2 и 3 л.	<i>има - ата</i>
Множ. число	1 л.	<i>има - амъ</i>
	2 л.	<i>има - ате</i>
	3 л.	<i>им-ѣ - тъ</i> изъ <i>има - амтъ</i> .

Форма *имѣтъ* изъ *има-аѣтъ* показываетъ, что тематическій гласный звукъ можетъ сливаться съ гласнымъ, сопровождающимъ личный суффиксъ, въ одинъ звукъ. Что же касается до формъ: *имамъ* *имаша*, *имать*, *имашь*, *имата*; *имамъ*, *имате*, *имѣтъ*; то онѣ представляютъ собою стяженіе предыдущихъ формъ. Въ этомъ убѣждаетъ ф. 2 л. ед. ч. *имаша*, гдѣ звукъ *ш*. очевидно, указываетъ на суффиксъ вторичнаго образованія, основная славянская форма котораго, какъ видимъ, есть *-аша*. Форма корня *им* могла образоваться изъ ф. *ѣм* (*ѣзъ-ѣм-ѣ*) вслѣдствіе усиленія кореннаго гласнаго *ѣ* посредствомъ присоединенія къ корню *ѣм* звука *а* для образованія темъ *има-*, подобно темѣ *на-ина-* (въ глаголь *на-ина-ти*) отъ корня *чѣн-* (въ *на-чѣн-ѣ* *на-чѣн-ти*) и др. Кромѣ того отъ корня *ѣм*=*ѣ* существуютъ въ древнемъ церковнославянскомъ языкѣ формы: *им-ѣ*, *им-ѣши*, *им-ѣтъ* и т. д. слѣд. формы: *имамъ*, *имаша* и пр. необходимо должны быть объясняемы на основаніи стяженія формъ: *има-аѣтъ*, *има-аша* и пр. Къ формамъ *им-ѣ*, *им-ѣши* относится и причастіе *им-ѣнъ*, *им-ѣнши*. Миклошичъ однако признаетъ, не только для ф. *имѣтъ*, но и для ф. *имѣ* тему *има* ¹⁾. Съ этимъ трудно согласиться.

Если между темою глагола и личными суффиксами, имѣющими при себѣ гласный звукъ, появляется *ј*, который служитъ къ раздѣленію гласныхъ при уничтоженіи зіянія; то гласный звукъ *а*, сопровождающій личные суффиксы, подъ вліяніемъ *ј*-та видоизмѣняется въ своей формѣ, какъ это видно изъ спряженія того же глагола съ приставкою *ѣзъ*, слѣдующимъ образомъ:

Единственное число.

- 1 л. (*ѣзъ*)*има-ј-амъ* = (*ѣзъ*)*има-ј-омъ* = (*ѣзъ*)*има-ј-ѣ* = (*ѣзъ*)*има-тѣ*.
- 2 л. (*ѣзъ*)*има-ј-аша* = (*ѣзъ*)*има-ј-ѣши* = (*ѣзъ*)*има-ѣши*
- 3 л. (*ѣзъ*) *има-ј-ать* = (*ѣзъ*) *има-ј-ѣтъ* = (*ѣзъ*) *има-ѣтъ*

Двойственное число.

- 1 л. (*ѣзъ*)*има-ј-авъ* = (*ѣзъ*)*има-ј-евъ* = (*ѣзъ*)*има-ѣвъ*
- 2 3 л. (*ѣзъ*)*има-ј-ата* = (*ѣзъ*)*има-ј-ѣта* = (*ѣзъ*)*има-ѣта*.

Множественное число.

- 1 л. (*ѣзъ*)*има-ј-амъ* = (*ѣзъ*)*има-ј-емъ* = (*ѣзъ*)*има-ѣмъ*.
- 2 л. (*ѣзъ*)*има-ј-ате* = (*ѣзъ*)*има-ј-ѣте* = (*ѣзъ*)*има-ѣте*.
- 3 л. (*ѣзъ*)*има-ј-антъ* = (*ѣзъ*)*има-ј-онтъ* = (*ѣзъ*)*има-ѣнтъ*.

¹⁾ Altslov. Formenlehre in paradig. 1874, стр. 45.

Отсюда видно, что гласный звукъ *a*, сопровождающій личные суффиксы, послѣ *j*, измѣняется въ 1 лицѣ единственнаго числа и въ 3 л. множественнаго числа въ *o*, потому что *ѣ* на славянской почвѣ образуется изъ *om* или *on*; во всѣхъ другихъ личныхъ формахъ—въ *e*.

Далѣе изъ формъ *има-нѣ*, *има-ѣши* и пр. съ опущеніемъ тематическаго звука *a*, образуются формы: *ѣм-нѣ*, *ѣм-ѣши*, *ѣм-ѣтъ*; *ѣм-ѣвъ*, *ѣм-ѣста*; *ѣм-ѣмъ*, *ѣм-ѣте*, *ѣм-ѣтъ*, въ которыхъ коренной гласный *и*, можетъ быть, въ замѣну опущенія тематическаго *a*, принялъ форму звука *ѣ*.

Такъ какъ *j*, съ одной стороны, есть звукъ согласный, съ другой, представляетъ собою видоизмѣненіе гласнаго звука *и*; то отсюда слѣдуетъ, во первыхъ, то, что если позднѣйшіе личные суффиксы присоединяются къ глагольной темѣ, заканчивающейся согласнымъ звукомъ, то они должны имѣть слѣдующія формы: для 1 л. ед. ч.—*ом*=*ѣ*, для 1 л.—*еши*, для 3 л.—*еть*; для 1 л. двойств. ч.—*евъ*, для 2 и 3 л.—*ета*; для 1 л. множ. ч.—*емъ*, для 2 л.—*ете*, для 3 л.—*онтъ*=*ѣтъ*; во вторыхъ, то, что если позднѣйшіе личные суффиксы присоединяются къ глагольной темѣ, заканчивающейся гласнымъ звукомъ *и*, то гласный звукъ личныхъ суффиксовъ долженъ уподобляться тематическому звуку, то-есть, принимать форму звука *и*; потому что, если *j*, образующійся изъ звука *и*, заставляеть гласный звукъ *и* личныхъ суффиксовъ суживаться въ звукъ *e*, то звукъ *и* въ соединеніи съ слѣдующимъ за нимъ *j*-томъ суживаетъ гласный звукъ *a* личныхъ суффиксовъ еще на одну степень болѣе. Такимъ образомъ, звукъ *o*, стоящій послѣ *j*, обращается въ звукъ *e*, если *j* слѣдуетъ за звукомъ *и*; а звукъ *e*, стоящій послѣ *j*, обращается въ болѣе узвій звукъ *и*. Поэтому позднѣйшіе личные суффиксы, присоединяясь къ глагольной темѣ на *и*, получаютъ слѣдующія формы: для 1 л. единств. числа—*ѣм*=*нѣ*, для 2 л.—*еши*, для 3 л.—*ить*; для 1 л. двойств. ч.—*ивъ*, для 2 и 3 л.—*ита*; для 1 л. множ. ч.—*имъ*, для 2 л.—*ите*, для 3 л.—*интъ*=*ѣтъ*. Послѣ этого тематическій звукъ *и*, встрѣчаясь съ другимъ звукомъ *и*, принадлежащимъ личнымъ суффиксамъ, и имѣя въ немъ опору для своей гласности, соединяется съ этимъ послѣднимъ въ одинъ звукъ; напримѣръ, тема *хвали*—

Ед. ч.	1 л. <i>хвалѣ</i>	вм. <i>хвали-ѣм</i>	изъ <i>хвали-j-ом</i> .
	2 л. <i>хвалиши</i>	вм. <i>хвали-еши</i>	изъ <i>хвали-j-еши</i> .
	3 л. <i>хвалить</i>	вм. <i>хвали-ить</i>	изъ <i>хвали-j-еть</i> .
двойств. ч.	1 л. <i>хваливъ</i>	вм. <i>хвали-ивъ</i>	изъ <i>хвали-j-евъ</i> .
	2 и 3 л. <i>хвалита</i>	вм. <i>хвали-ита</i>	изъ <i>хвали-j-ета</i> .

множ. ч.	1 л. <i>хвалимъ</i>	вм. <i>хвали-имъ</i>	изъ <i>хвали-ѣ-емъ</i> .
	2 л. <i>хвалите</i>	вм. <i>хвали-ите</i>	изъ <i>хвали-ѣ-ете</i> .
	3 л. <i>хвалятъ</i>	вм. <i>хвали-ють</i>	изъ <i>хвали-ѣ-ють</i> .

На основаніи всего вышесказаннаго мы дѣлимъ личные суффиксы въ спряженіи славянскихъ глаголовъ на слѣдующія формы:

А) древнѣйшая форма. Б) позднѣйшія формы:

		1-я форма.		2-я форма.	
Ед. ч.	1 л.—мъ	Ед. ч. 1 л.—ом=ъ	Ед. ч. 1 л.—юм=ъ		
	2 л.—си	2 л.—еши	2 л.—иши		
	3 л.—тъ	3 л.—еть	3 л.—итъ		
двойств. ч.	1 л.—въ	дв. ч. 1 л.—евъ	дв. ч. 1 л.—ивъ		
	2 и 3 л.—та	2 и 3 л.—ета	2 и 3 л.—ита		
множ. ч.	1 л.—мъ	мн. ч. 1 л.—емъ	мн. ч. 1 л.—имъ		
	2 л.—те	2 л.—ете	2 л.—ите		
	3 л.—ють (ють)	3 л.—ють (ють)	3 л.—ють (ють).		

По этимъ формамъ личныхъ суффиксовъ мы дѣлимъ всѣ глаголы въ древнемъ церковнославянскомъ языкѣ главнымъ образомъ на два спряженія: къ *первому* относимъ тѣ глаголы, которые спрягаются въ настоящемъ времени съ помощію древнѣйшей формы личныхъ суффиксовъ; къ *второму* относимъ тѣ глаголы, которые спрягаются въ настоящемъ времени съ помощію позднѣйшихъ формъ личныхъ суффиксовъ. Последнее спряженіе подраздѣляемъ на два вида: къ *первому* относимъ всѣ глаголы, у которыхъ личные суффиксы сопровождаются преимущественно звукомъ *с*; къ *второму* относимъ тѣ глаголы, у которыхъ личные суффиксы сопровождаются преимущественно звукомъ *и*, сливающимся съ звукомъ *и* глагольной темы. Другими словами, къ *первому* относятся всѣ глаголы, которыхъ темы настоящаго времени заканчиваются на согласные и гласные звуки, за исключеніемъ звука *и*: къ *второму* относятся только тѣ глаголы, которыхъ темы настоящаго времени заканчиваются звукомъ *и*. Такимъ образомъ мы устраняемъ существованіе соединительнаго гласнаго звука, этого *deus ex machina*, служившаго прежде основаніемъ для дѣленія глаголовъ на спряженія; но вмѣстѣ съ тѣмъ и отступаемъ отъ нынѣ принятой системы дѣленія на основаніи тематическаго гласнаго звука, какъ несогласной, по нашему мнѣнію, съ строеніемъ формъ въ спряженіи славянскаго глагола. Отступленіе наше состоитъ въ томъ, что мы прежній соединительный гласный звукъ от-

носимъ не къ темѣ, какъ дѣлаютъ Миклошичъ и Даничичъ, а къ личнымъ суффиксамъ позднѣйшаго образованія. Мы полагаемъ, что онъ служитъ къ усиленію послѣднихъ и къ поддержкѣ окончаній самихъ темъ глагольныхъ.

Строеніе формъ въ спряженіи славянскаго глагола намъ кажется несогласнымъ съ теоріею отнесенія прежняго соединительнаго гласнаго звука къ глагольной темѣ; потому что на основаніи этой теоріи оказывается невозможнымъ опредѣлить тему для личныхъ формъ настоящаго времени глаголовъ 4-го разряда по системѣ Миклошича. Въ началѣ нашей статьи было уже замѣчено, что Даничичъ отъ глагола, на примѣръ, *хвалити* полагаетъ основою для 1-го лица единственнаго числа настоящаго времени форму *хвалѣ-*, а для другихъ лицъ форму *хвали-*. Спрашивается, откуда взялся *ѣ* въ темѣ 1-го лица *хвалѣ-*? Появленіе его объясняется Даничичемъ не изъ славянской формы *и* предполагаемаго имъ основнаго суффика *ја*, служащаго будто бы къ образованію всѣхъ безъ исключенія глаголовъ 4-го разряда, а изъ самой основной формы его *ја* и притомъ подъ условіемъ отпаденія отъ нея звука *а*. Съ подобными объясненіями мы встрѣчались уже по поводу образованія формъ *вѣждь*, *таждь* и *даждь* у Боппа и Шлейхера и признали ихъ неудовлетворительными. Въ самомъ дѣлѣ, если мы допустимъ даже, что въ славянской темѣ *хвалѣ-* зв. *ѣ* явился непосредственно изъ основнаго суффика *ја*; то вслѣдствіе этого необходимо будетъ допустить еще и то, что для образованія темы одного и того же времени существуетъ два основннхъ суффика *ј* и *ја*. Если же этого допустить нельзя, то нельзя допустить и того, что тема для 1-го лица единств. числа настоящаго времени можетъ быть одна, а для другихъ лицъ—другая: иначе, это повело бы къ возможности предполагать для одного и того же, на примѣръ, настоящаго времени существованіе трехъ и болѣе темъ. Но положимъ, что въ древнемъ церковнославянскомъ языкѣ для 1-го лица единств. числа настоящаго времени глагола *хвалити* служитъ тема *хвалѣ-*; спрашивается, какъ же изъ этой темы на основаніи той же теоріи получается форма *хвалиѣ*? Довольствоваться тѣмъ объясненіемъ, что къ темѣ *хвалѣ-* присоединяется суффиксъ 1-го лица *и* и получается форма *хвалѣ-и*==*хвалиѣ*—невозможно; потому что въ *и* слились два звука, изъ которыхъ одинъ есть мѣстоименный указатель 1-го лица *и*, а другой есть звукъ гласный, предшествующій этому указателю, именно, *о*=основн. *а*, который, на основаніи принятой Даничичемъ и Миклошичемъ теоріи, долженъ быть относимъ

къ глагольной темѣ, какъ, на примѣръ, въ формѣ *плетѣ* вм. *плето*—м изъ темы *плете* — (звукъ *с* передъ *м* поднимается въ *о*). Слѣдовательно, нужно признать, что для формы 1-го лица *хвалѣ* должна быть иная тема, а не *хвалѣ*; потому что, если къ ней присоединимъ одинъ звукъ *м*, указатель перваго лица, то никакимъ образомъ не получимъ формы *хвалѣ*. Кромѣ того, на основаніи той же теоріи, и изъ темы *хвали*—нельзя получить формы 1-го лица *хвалѣ* по той же причинѣ. Если *ѣ*=*ом* и если звукъ *о* должно отнести къ темѣ, то *хвали* не будетъ темою; потому что за нею слѣдуетъ еще звукъ *о* принадлежащій темѣ. Если же къ темѣ *хвали* присоединимъ одинъ мѣстоименный указатель 1-го лица звукъ *м*, то опять не получимъ формы *хвалѣ*. И такъ, какую же форму должна имѣть тема личныхъ формъ настоящаго времени въ глаголахъ 4-го разряда примѣнительно къ теоріи отнесенія гласнаго звука, находящагося предъ личнымъ суффиксомъ, къ глагольной темѣ? *хвалѣ*-, *хвали*-, *хвалие*-, или *хвалио*-?

Миклошичъ признаетъ темою для 1-го лица ед. числа *хвалио* или *хвалие* съ подъемомъ *е* въ *о* передъ *м*. Онъ говоритъ: „исключеніе изъ того правила, что тема настоящаго времени содержитъ суффиксъ *е*, образуютъ темы на *и*- и первичныя на *ь*-, которыя принимаютъ суффиксъ *е* только въ 1-мъ лицѣ ед. ч. настоящаго времени въ видѣ *о*, *хвали*: *хвалѣ* изъ *хвалио*-мъ, *болѣ*: *болѣ* изъ *болио*-мъ. Впрочемъ, болѣе чѣмъ правдоподобно то, что въ этихъ глаголахъ, конечно еще въ первоначальную эпоху, суффиксъ темы неопредѣленнаго наклоненія *и* слился съ суффиксомъ темы настоящаго времени *е*: въ пользу этого можно привести то обстоятельство, что *и* въ упомянутыхъ глаголахъ въ сербскомъ и чешскомъ языкахъ — звукъ долгій: сербск. *носите* изъ *носиме* въ противоположность аористу *носихъ*. *видѣи* изъ *видиме*. Чешск. *nosíš* при *nosich*. *vidíš*“ и пр. По нашему мнѣнію, сліяніе суффикса темы неопредѣленнаго наклоненія *и* съ суффиксомъ темы настоящаго времени *е* въ первобытную эпоху языка представляется менѣе, чѣмъ правдоподобнымъ; потому что относительно образованія формы настоящаго времени въ глаголахъ древняго церковнославянскаго языка съ темою на *и* остается необъяснимымъ то обстоятельство, что это сліяніе не коснулось формы 1-го лица единств. числа, а проникло помимо ея въ формы всѣхъ другихъ лицъ и такимъ образомъ стало причиною такого ненормальнаго въ языкѣ явленія, какъ образованіе двухъ темъ для одного и того же времени. Долгота звука *и* въ данномъ случаѣ въ языкахъ сербскомъ

и чешскомъ объясняется сліяніемъ звука *и*, принадлежащаго темѣ, съ звукомъ *е*, принадлежащимъ личному суффиксу. Кроме того, нельзя не замѣтить вообще, что теорія, принятая Миклошичемъ, допускаетъ не мало исключеній и притомъ такихъ, которыя должны встрѣчаться почти въ каждомъ глаголѣ. Такъ, напримѣръ, первое исключеніе, признанное самимъ авторомъ, состоитъ въ томъ, что тематическій звукъ настоящаго времени *е* не поднимается въ *о* передъ суффиксомъ 1-го лица множ. числа *иъ*, не смотря на то, что по принятой теоріи звукъ *е* долженъ подниматься въ *о* передъ звуками *и* и *м*. Это исключеніе обнимаетъ собою все глаголы, въ которыхъ, по мнѣнію Миклошича, тема настоящаго времени образуется посредствомъ суффикса *с*. Другое исключеніе, признанное также самимъ авторомъ, составляютъ все глаголы съ темою въ неопредѣленномъ наклоненіи на *и* и немалая часть глаголовъ съ темою въ неопредѣленномъ наклоненіи на *ь* (какъ *видѣть-ти*, *вистѣть-ти* и др.): потому что въ нихъ оказалось необходимымъ признать двѣ темы для одного и того же времени, изъ которыхъ одна для всехъ лицъ, кроме 1-го лица ед. числа, оканчивается звукомъ *и*, а не *е*. Далѣе, третье исключеніе составляютъ многіе глаголы съ темою въ неопред. наклоненіи на *а* (5-го разряда); потому что они для образованія темы настоящаго времени не довольствуются суффиксомъ *е*, а прежде всего присоединяютъ къ корню суффиксъ *и* (откуда онъ берется?), а потомъ уже *е*; напримѣръ, тема неопред. накл. *писа-* (въ глаг. *писати* или *писати*), тема настоящаго времени *писи-* (*писиѣ?*), но опять-таки не для всехъ лицъ: для 1 л. ед. числа она должна представлять сліяніе двухъ суффиксовъ *и* и *е* въ одинъ звукъ *и*, слѣд., должна имѣть другую особую форму ¹⁾. Это явленіе прямо противоположно тому, которое мы видѣли въ глаголахъ съ темою неопредѣленнаго наклоненія на *и*. Тамъ предполагалось сліяніе *и* съ *е* для всехъ лицъ, кроме 1-го лица ед. числа; здѣсь же наоборотъ, предполагается сліяніе *и* съ *е* только для 1-го лица ед. числа. Эти исключенія и противорѣчія мало говорятъ въ пользу теоріи, принятой Миклошичемъ, которую, онъ, сколько намъ извѣстно, впервые воспользовался для того, чтобы объяснить ту связь между временами: *imperfectum* и *praesens* въ славянскихъ языкахъ, которая лежитъ въ организмѣ индоевропейскаго глагола, и написалъ небольшое изслѣдованіе подъ заглавіемъ

¹⁾ Vergleich. Stammbildungslehre der slavischen Sprachen. Wien, 1875, стр. 489—492.

„Das imperfect in den slavischen Sprachen. Wien. 1874. Въ этомъ изслѣдованіи онъ, согласно съ Даничичемъ, объясняетъ образованіе формы переходящаго времени *плетьхъ* изъ темы настоящаго времени *плете-*. По его мнѣнію, звукъ *ь* въ формѣ *плетьхъ* образуется изъ тематическаго звука *е* въ темѣ *плете-* посредствомъ усиленія. Основаніемъ же этого усиленія служить то же явленіе, которое часто замѣчается въ первичныхъ глагольныхъ темахъ, какъ скоро изъ *verbū perfectivum* посредствомъ присоединенія къ корню звука *а* долженъ образоваться *verbū imperfectivum*: *сѣлет-* (*сѣлес-ти*) и *сѣлѣта-* (*сѣлѣта-ти*). Притомъ *ь* въ формѣ *плетьхъ* относится къ темѣ *ь*, предъ которыми гортанные звуки *к, г, х* переходятъ не въ свистящія: *ч, з, с*, а въ небные: *ц, ж, ш*; поэтому каждый небный звукъ, а равно и *й*-обращающіе *ь* въ *іа, а*¹⁾. Даничищъ говоритъ: „у глаголовъ, имѣющихъ въ формѣ переходящаго времени основу настоящаго времени, тематическій звукъ *а*, который уже въ настоящемъ времени въ болѣйшей части лицъ звучитъ какъ *с*, въ формѣ переходящаго времени усиливается (*се проду*ује*) и дѣлается звукомъ *ь*, предъ которыми гортанные звуки *г, к, х* измѣняются въ *з, ц, с*, или превращаются въ *ж, ч, ш*, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ *ь* послѣ нихъ измѣняется въ *а*; точно также *ь* переходитъ въ *а* по причинѣ предшествующаго звука и въ тѣхъ основахъ, которыя въ настоящемъ времени имѣютъ суффиксъ *ја*“.

„Къ этой основѣ настоящаго времени и къ основѣ неопредѣленнаго наклоненія присоединяется отъ корня, отъ котораго въ славянскихъ языкахъ существуетъ основа *кѣ*, глагольная форма прошедшаго времени, которая безъ личныхъ суффиксовъ есть *аса-*; отъ нея первый звукъ *а* остается въ славянскихъ языкахъ, и если ему въ глагольной темѣ предшествуетъ *ь*, то оба звука могутъ и уподобляться другъ другу такъ, что или звукъ *а* суффикса *аса-* станетъ звукомъ *ь*, или *ь* станетъ звукомъ *а*, а потомъ оба одинаковые звука или сливаются, или одинъ отпадаетъ; подобнымъ образомъ вышеупомянутый зв. *а* въ позднѣйшее время сливается и съ конечнымъ звукомъ *а* темы; звукъ *с* переходитъ въ славянскихъ языкахъ въ *х*, но если за нимъ слѣдуетъ согласный, то звукъ *с* остается; конечный же звукъ *а* (въ *аса-*) въ первомъ лицѣ единственнаго числа и въ третьемъ лицѣ множественнаго числа сливается съ первымъ звукомъ личнаго суффикса (т. е. *мили и*) въ одинъ звукъ; во второмъ и третьемъ

¹⁾ Das imperfectum, стр. 4—5.

лицѣ единственнаго числа въ славянскихъ языкахъ звучитъ какъ *e*, передъ которымъ *x*, образовавшійся изъ *s*, измѣняется въ *m* и т. д.“¹⁾ Мы полагаемъ, что звукъ *ь* въ формѣ *плетъхъ* образовался не изъ тематическаго *e* настоящаго времени *плете-*, а инымъ путемъ. Даничичъ, какъ мы видѣли, объясняетъ форму преходящаго времени на основаніи глагольной формы прошедшаго времени безъ личныхъ суффиксовъ въ санскритѣ *asa-*. Дѣйствительно, въ санскритѣ есть форма прошедшаго времени (*imperfectum*) отъ корня *as-*, но не *asa-m*, какъ говоритъ Даничичъ, а *âsam*, въ которой первый звукъ *â* долгій, образовавшійся чрезъ приращеніе, т. е. изъ *a* + *asa-m*, вслѣдствіе чего Боппъ и называетъ эту форму *einfürmiges augment-praeteritum*. Если эта форма *âsa(m)* лежитъ въ основаніи образованія формы преходящаго времени (*imperfectum*) славянскихъ глаголовъ; то, такъ какъ въ древнемъ церковнославянскомъ языкѣ основному звуку *â* соответствуетъ или зв. *ь*, или зв. *a*, можно полагать, что звукъ *ь* въ формѣ *плетъхъ* образовался изъ основнаго *â*. Въ суффиксѣ *-ьхъ* мы видимъ полное соответствіе съ формою *âsa(m)*: *ъ* = основному *â*, *x* = основному *s*, *ъ* = основному *a* (но не *am*, какъ полагаетъ Даничичъ). Принявъ это, мы должны будемъ признать, что формы преходящаго времени *плетъхъ* образуется изъ темы *плет-*, а не *плете-*. Точно также для формы *можъхъ* мы полагаемъ тему *мог-*, (а не *моге (моге-)*, какъ у Миклошича (стр. 5); тему *моге-* мы считаемъ невозможною), изъ которой посредствомъ суффикса преходящаго времени *-ьхъ* образуется *можъхъ* совершенно одинаково съ формою *множаѣ* изъ темы *мног-* въ прилагат. *многъ*; какъ ф. *можъхъ* вмѣсто *могъ + ьхъ*, такъ и ф. *множаѣ* вм. *многъ + ѣѣ*. Извѣстно, что гортанные звуки *k*, *g*, *x* передъ *i* и *ь* въ образованіи словъ и грамматическихъ формъ, за исключеніемъ падежей и повелительнаго наклоненія, измѣняются въ соответствующіе имъ небные, послѣ которыхъ *ь* обращается въ *a*. Отсюда слѣдуетъ, что темою настоящаго времени глагола *плести* правильнѣе считать форму *плет-*, чѣмъ *плете-*, или форму *мог-*, чѣмъ ф. *моге-* и т. п.

Но не говоритъ ли противъ предлагаемой нами теоріи, состоящей въ отнесеніи соединительнаго гласнаго звука въ спряженіи славянскихъ глаголовъ не къ темѣ, а къ личнымъ суффиксамъ, образованіе формъ повелительнаго наклоненія? Нисколько.

Прежде образованіе формъ повелительнаго наклоненія въ древнемъ

¹⁾ Историја облія, стр. 299.

церковнославянскомъ языкѣ отъ глаголовъ, спрягающихся съ соединительнымъ гласнымъ звукомъ, объяснялось слѣдующимъ образомъ: характеръ наклоненія *и* (=основному *já*), присоединяясь къ соединительному гласному звуку *e* (=основному *a*), сливался съ нимъ въ звукъ *ъ* = санскр. *é*, лат. *ē*, греческ. *oi*, готск. *ai*; напр.: скрт. двойств. ч. 1 л. *bhar-é-va*, 2 л. *bhar-é-ta*, множ. г. 1 л. *bhar-é-ma*, греч. *φέρ-οι-τον*; *φέρ-οι-μεν*, *φέρ-οι-τε*; готск. *bair-ai-ts*, множ. ч. *bair-ai-ma*, *bair-ai-th*; латинск. будущ. вр. *fer-ē-mus*, *fer-ē-tis*; дрцслав. дв. ч. 1 л. *бер-ъ-ви* (т. е. изъ *бер-е-и-ви*), 2 и 3 л. *бер-ъ-ма*; множ. ч. 1 л. *бер-ъ-мь*, 2 л. *бер-ъ-те*. Такъ—въ глаголахъ съ темами на согласный звукъ; а въ глаголахъ съ темами на гласный звукъ предполагалось, что между зв. *ъ* (образовавшимся будто-бы отъ слиянiя соединит. гласнаго звука *e* съ характеромъ наклоненiя *и*) и глагольною темою вставляется *j*, который, сливаясь съ *ъ*, образуетъ зв. *и*; напр. тема: *дъла-* дв. ч. 1 л. *дъла-и-ви* (изъ *дъла-j-и-ви*) и пр. 1). Но если мы разложимъ ф. *дъла-j-и-ви* на ея составныя части, то получимъ: *дъла-j-e-и-ви*, гдѣ *дъла*—тема, *j*—вставной звукъ, *e*—соединит. гласный, *и*—характеръ наклоненiя. Относя же соединительный гласный звукъ къ личнымъ суффиксамъ позднѣйшаго образованiя, мы объясняемъ теперь образованiе формъ повелительнаго наклоненiя глаголовъ въ древнемъ церковнославянскомъ языкѣ гораздо проще, а главное, согласнѣе съ фонетическимъ строенiемъ языка. Извѣстно, что зв. *ъ* въ образованiи словъ и грамматическихъ формъ постоянно въ др. церковнославянскомъ языкѣ чередуется съ звукомъ *а*. Мы знаемъ также, что основныя славянскiя формы личныхъ суффиксовъ позднѣйшаго образованiя сопровождаются гласнымъ звукомъ *а*, какъ показываетъ спряженiе глагола: *има-амъ*. На основанiи всего этого, мы полагаемъ, что личныя формы повелительнаго наклоненiя единственнаго, двойственнаго и множественнаго чиселъ въ древнемъ церковнославянскомъ языкѣ должны представляться въ слѣдующемъ основномъ видѣ:

Единств. ч. 2 л.—*и+ам* = *iam* или *imъ=и*.

3 л.—*и+ат* = *iat* или *itъ=и*.

Двойств. ч. 1 л.—*и+авъ* = *iaвъ* или *ivъ*.

2 и 3—*и+ата* = *jata* или *ivta*.

¹⁾ Schleicher, Formenlehre der Kirchenslavisch. Sprache. Bonn. 1852. стр. 368. Compend. 2 ausg. Weimar. 1866. стр. 719.

Множ. ч. 1 л. — *и+амъ* = *гамъ* или *ъмъ*.

2 л. — *и+ате* = *гаме* или *ъмъ*.

Здѣсь звукъ *и* есть характеръ наклоненія, соответствующій основному *jā*, суффиксу потенціального наклоненія въ санскритѣ; *-ам*, *-ат* въ единств. числѣ суть основныя славянскія формы позднѣйшихъ личныхъ суффиксовъ, утратившихъ гласныя окончанія (какія видимъ въ фф. *амъ*, *атъ*) въ единств. числѣ во всѣхъ производныхъ формахъ, какъ напр. въ прошедш. временахъ и въ повелит. наклоненіи. Но такъ какъ древній церковнославянскій языкъ не терпитъ согласныхъ окончаній, то звуки *и* и *т*, указатели лицъ, должны были отнестъ; вслѣдствіе этого *га*, или *ъ* въ окончаніи 2 и 3 л. единств. числа въ повелит. наклоненіи ослабѣлъ въ зв. *и*. Звуки же *ъ* и *га* чередуются между собою: первый стоитъ всегда послѣ согласныхъ, второй—послѣ гласныхъ. Такимъ образомъ, формы повелит. наклоненія отъ темъ, напр. *бѣд-* и *би-* будутъ слѣдующія:

Единств. ч. 2 и 3 л. *бѣди* (вм. *бѣъ*); *биди* (вм. *бига*);

Двойств. ч. 1 л. *бѣдѣвъ*, *бидавъ*,

2 и 3 л. *бѣдѣта*; *бидата*;

Множ. ч. 1 л. *бѣдѣмъ*, *бидамъ*,

2 л. *бѣдѣте*. *бидате*.

Гортанные звуки *к*, *г*, *х* въ повелительномъ наклоненіи передъ *и* и *ъ* измѣняются въ соответствующіе имъ свистящіе *ц*, *з*, *с*, но не въ небные шипящіе: *ч*, *ж*, *ш*.

Изъ сличенія формъ *бидате* и встрѣчающейся въ Остром. Ев. формы пов. какъ *иште* видно, что основной зв. *га* или *ъ* можетъ переходить въ *и* не только въ единственномъ числѣ вслѣдствіе утраты личныхъ указателей, но и въ формахъ другихъ чиселъ. Этотъ переходъ можетъ быть объясненъ только вторженіемъ *j* между суффиксомъ наклоненія и личными суффиксами позднѣйшаго образованія. Звукъ *а*, сопровождающій личные суффиксы, подъ влияніемъ *j* переходитъ въ зв. *е*, который, слѣдуя за звукомъ *и*, уподобляется этому послѣднему, а если этотъ послѣдній звукъ принадлежитъ не корню, какъ въ глаголахъ: *би-ти*, *пи-ти*, то и сливается съ нимъ; напр., въ глаг. *хвали-ти*; формы повел. нае.: 2 и 3 ед. ч. *хвали* (вм. *хвали-и* изъ *хвали-га*), двойств. ч. 1 л. *хваливъ* (вм. *хвали-и-къвъ* изъ *хвали-и-ј-авъ*); 2 и 3 л. *хвалита* (вм. (вм. *хвали-и-къта* изъ *хвали-и-ј-ата*); множ. э. 1 л. *хвалимъ* (вм. *хвали-и-къмъ* отъ *хвали-и-ј-амъ*); 2 л. *хвалите*

(вм. *хвами-и-кте* отъ *хвами-и-ј-ате*), гдѣ *хвами*—тема; *и*—характеръ наклоненія, *ј*—личный суффиксъ. Въ глаголѣ *ти-ти* по вторженіи *ј*: повел. накл. 2 и 3 л. ед. ч. *ти* вм. *тиа*; двойст. ч. 1 л. *тишъ* изъ *ти-и-ј-ашъ* = *ти-и-къшъ* = *ти-и-ишъ*, = *тишъ*; 2 и 3 л. *тишита* изъ *ти-и-ј-ашита* = *ти-и-къшита* = *ти-и-ишита* = *ти-ишита*; множеств. ч. 1 л. *тишмъ* отъ *ти-и-ј-амъ* = *ти-и-къмъ* = *ти-и-имъ* = *ти-имъ*; 2 л. *тиште* изъ *ти-и-ј-аште* = *ти-и-къште* = *ти-и-иште* = *ти-иште*.

Окончаніе *и* во 2 и 3 л. единств. числа въ глаголахъ, спрягающихся съ помощью позднѣйшихъ личныхъ суффиксовъ, или попрежнему, съ помощію соединит. гласнаго звука, есть долгій звукъ и не можетъ смягчать предыдущихъ согласныхъ звуковъ какъ въ формахъ *въждь*, *гъждь*, *даждь* и *виждь* (сравни ф. *родіи*, *сѣдіи*, *любіи*, *носіи* и пр.); потому что звукъ *и* сильнѣе въ спряженіи глаголовъ съ позднѣйшими личными суффиксами нежели въ спряженіи глаголовъ съ первоначальными личными суффиксами. Это видно изъ слѣдующаго разложенія формъ напр.: *даждь* и *сѣдіи*: *даждь* образ. отъ *дади-и-и* или *дади-и-и-и*, гдѣ: *дади*—тема, въ которой зв. *и* въ спряженіи часто выпадаетъ, *и*—характеръ наклоненія, *и* и *и* личные указатели первоначальныхъ суффиксовъ; *сѣдіи* же образуется изъ *сѣди-и-и-и* или *сѣди-и-и-и-и*, гдѣ *сѣди*—тема, въ которой *и* удерживается во всемъ спряженіи; *и*—характеръ наклоненія; *и-и* и *и-и-и* личные суффиксы позднѣйшаго образованія; далѣе ходъ такой: *сѣди-и-и-и-и* (*и*), *сѣди-и-и-и-и-и* (*и*), = *сѣди-и-и-и* + *и* = *сѣди-и-и-и* = *сѣди-и-и* *сѣдіи*. Тѣмъ не менѣе звукъ *и* съ теченіемъ времени можетъ сокращаться въ *ь*, какъ это мы видимъ, напр., въ русской формѣ *бръсь* (но не *бръшь*) вм. *бръси*, если удареніе переносится на коренной слогъ. Вслѣдствіе этого сокращенія въ нѣкоторыхъ западныхъ славянскихъ языкахъ предшествующій гласный звукъ смягчается, какъ напр.: древн. церк.-слав. *бѣдь*, русск. *бѣды*, чеш. *bidl*, польск. *bydł*.

Указанныя нами выше основныя окончанія повелительнаго наклоненія глаголовъ, спрягающихся съ помощью личныхъ суффиксовъ позднѣйшаго образованія, по всей вѣроятности, первоначально были общими для всѣхъ глаголовъ въ др. славянскомъ языкѣ, и только впоследствии вслѣдствіе вторженія *ј* между характеромъ наклоненія и личными суффиксами они остались преимущественно лишь за тѣми глаголами, которыхъ темы заканчиваются согласными звуками. Это предположеніе подтверждается существованіемъ формъ подобныхъ ф. *ишате* или *ишъте*, отъ темы *иска*—съ опущеніемъ тематическаго зв. *а*, т. е., изъ *иска-и-и-ате* = *иска-и-ате*, съ опущеніемъ тематич. *а*

ищате или *ишьте* (Остр. Ев.). Сравн. также: *битаге* и *иште*. Последняя ф. находится въ Остр. Ев. ¹⁾.

И такъ, образованіе формъ повелит. наклоненія въ д. церковнославянскомъ языкѣ не только не противорѣчитъ, но подтверждаетъ предлагаемую нами теорію отнесенія прежняго соединит. гласнаго звука не къ темѣ, а къ личнымъ суффиксамъ.

Изъ всего сказаннаго видно:

1) что между формами *сѣтъ* и *въдѣтъ*, *гѣтъ*, *дадѣтъ* нѣтъ никакого противорѣчія по отношенію къ основному суффиксу 3 лица множ. числа—*anti*.

2) что древѣйшими темами глаголовъ *въдѣти*, *гѣти* и *дати* слѣдуетъ считать формы: *въди*—, *гѣди*—, *дади*—, а не *въд*—, *гѣд*—, *дад*—.

3) что спрягаются эти глаголы, также какъ и глаг. *късмь*, посредствомъ первоначальныхъ личныхъ суффиксовъ, хотя и имѣютъ тему на гласный зв. *и*. Къ нимъ нѣкогда относился по спряженію и глаголъ *видѣти*, на что указываетъ форма повел. накл. въ д. слав. яз. *виждь*.

4) что тематическій зв. *и* выпадаетъ только передъ личными суффиксами, начинающимися согласнымъ звукомъ. Слѣд., въ тѣхъ глаголахъ, гдѣ онъ удерживается, личные суффиксы должны начинаться гласнымъ звукомъ.

5) что звукъ *и*, заканчивающій собою темы глаголовъ *въдѣти*, *гѣти* и *дати*, участвуетъ и въ образованіи темъ настоящ. вр. глаголовъ 4-го и нѣкоторыхъ 3-го разряда по системѣ Миклошича, и что онъ есть гласный остатокъ отъ *dhî* корня *dhá*; слѣд., въ образованіи глагольныхъ темъ въ древнемъ церковнославянскомъ языкѣ играетъ болѣе распространенную роль, чѣмъ звукъ *d*, который есть также согласный остатокъ того же корня *dhá*.

6) что спряженіе глаголовъ *въдѣти*, *гѣти*, *дати*, имѣющихъ тему на *и*, существенно отличается отъ спряженія всѣхъ другихъ глаголовъ, имѣющихъ также тему на гласный звукъ *и*.

7) что сущность этого различія заключается въ различіи *первоначальныхъ личныхъ суффиксовъ* отъ *позднѣйшихъ*, которые приняли впереди гласный звукъ и тѣмъ существенно отличили себя отъ предыдущихъ.

¹⁾ *Altslovenische Formenlehre in Paradigmen* von Fr. Miklosich. Wien 1874. Einleitung, Seit XXXIII (*ишате* вм. *ишите*).

8) что поэтому прежній соединительный гласный звукъ должно относить въ спряженіи славянскихъ глаголовъ не къ темѣ, а къ личнымъ суффиксамъ. Отсюда, наконецъ —

9) что дѣленіе глаголовъ на спряженія въ древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ должно быть основано на различіи личныхъ суффиксовъ: *первоначальныхъ и позднѣйшихъ*.

Н. П. Некрасовъ.

О ТОРГОВЛѢ РУССКИХЪ СЪ РИГОЮ ВЪ XIII и XIV ВѢНАХЪ.

Лѣтомъ 1201 года епископъ Ливонскій Альбертъ началъ построеніе города Риги „на полѣ пространномъ, подлѣ котораго могла бы быть и корабельная пристань“, какъ говоритъ біографъ епископа, древнѣйшій ливонскій лѣтописецъ Генрихъ Латынь. И еще въ то время, какъ Альбертъ только намѣревался строить городъ, цистеріанскій монахъ Дитрихъ, одинъ изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ епископа, хлопоталъ у папы Иннокентія III о томъ, чтобы запретить купцамъ проѣзжать мимо Риги, и такимъ образомъ, сдѣлать изъ нея принудительный рынокъ. Къ просьбѣ объ этомъ запрещеніи присоединились и готландскіе купцы, которые имѣли дѣятельное участіе въ построеніи Риги. Когда же, въ 1203 году, одинъ купецъ изъ области Западной Двины вздумалъ было пренебречь папскимъ распоряженіемъ и отъ устья Двины проплыть къ устью Аа, то онъ былъ задержанъ нѣмецкими купцами подлѣ Риги и въ происшедшей по сему случаю ссорѣ былъ убитъ вмѣстѣ съ кормчимъ, послѣ чего остальные люди судна должны были плыть обратно по Двинѣ ¹⁾). Но и помимо всякихъ принудительныхъ мѣръ, въ силу только выгоднаго географическаго положенія, Рига должна была сдѣлаться однимъ изъ важнѣйшихъ портовъ на Балтійскомъ морѣ какъ для заморскихъ готландскихъ и нѣмецкихъ купцовъ, такъ и для обитателей Двинской области, особенно послѣ привилегіи, которую Альбертъ пожаловалъ купцамъ въ 1211 году. „Всѣ купцы, особливо готландскіе, плаваютъ по Двинѣ безошплинно“, говоритъ епископъ.—Всѣ гавани Лифляндіи считаются вольными. Ни одинъ рижскій гражданинъ, или нѣмецкій купецъ не обязанъ носить горячаго желѣза и выходить по принужденію на судебный поединокъ.

¹⁾ Chronie. Livon. vetus, ed. Gruberi, pag. 19—20. — Можетъ быть, это былъ русскій купецъ изъ Полоцка, какъ сообщаетъ *Бонкель*, Russ. Lievländ. Chronographie, commentarii, pag. 45.

Имущество корабля, потерпѣвшаго крушеніе, принадлежитъ его хозяину“. Относительно новыхъ купеческихъ гильдій Альбертъ однако оговаривается: „Ни одна гильдія не можетъ быть учреждена безъ воли епископа, дабы отсюда не произошло какого нибудь ущерба городскому суду“ (вѣроятно, разумѣется взиманіе судебныхъ пошлинъ). Касательно чекана монеты говорится такъ: „Четыре съ половиной марки денаріевъ составляютъ готландскую марку серебра, и рижскіе шфенинги (сѣпаги) должны быть равны по вѣсу готландскимъ, хотя бы отличались отъ нихъ по виду“. Такова въ главныхъ чертахъ эта привиллегія, которую Альбертъ послѣ называлъ общимъ именемъ готландскаго права ¹⁾. Если къ этому прибавить ту готовность, съ какою въ Ригѣ принимали всякаго рода поселенцевъ, то понятно станеть, какъ быстро выросъ городъ, и какъ сильно развилось его богатство и общественная жизнь ²⁾. Въ 1226 году, слѣдовательно, спустя только четверть вѣка по основаніи, городъ организовалъ у себя магистратъ, одною изъ главныхъ заботъ котораго была торговля и промышленность общины. Съ конца XIII вѣка при немъ велась такъ называемая долговая книга для записки преимущественно долговыхъ обязательствъ, которыя случались между рижскими и пріѣзжими купцами ³⁾. Изъ этого любопытнаго документа видно, что въ Ригѣ вопреки напскимъ распоряженіямъ были въ обычаѣ ссуды денегъ подъ проценты, и не смотря на запрещенія Ганзы была развита торговля въ кредитъ съ чужестранцами. Вслѣдствіе того въ Ригѣ было большое торговое оживленіе; туда пріѣзжали купцы съ Готланда, изъ Германіи, Фландріи, Англій и Швеціи какъ для временной торговли, такъ и на постоянное жительство. Весьма немного было тамъ торговцевъ изъ Ливовъ, Латышей, Литовцевъ и Русскихъ; послѣдніе жили въ Ригѣ или въ качествѣ временныхъ гостей,

¹⁾ *Bunge, Liv-Est-Kurländ. Urkundenbuch, I, № 20.* Въ 1225 году епископъ говорилъ о себѣ папскому легату: *concessit civibus in genere jus Gotorum, et specialiter libertatem a duello, teloneo, candente ferro et naufragio. Ibid. № 75.*

²⁾ *Omnibus volentibus intrare civitatem ad habitandum liceat cives fieri. Ibid.—Quicumque de paganismo fugerit ad urbem, seu undecunque fugerit, hic liber sit sine contradictione, nisi cujus proprius aut captivus fuerit. Advenae cujuscunque officii, sua volentes apud nos officia exercere, jure urbano apud nos fruuntur. Ibid. № 77.*

³⁾ Пергаменный кодексъ этой книги XIII и XIV вв. издалъ съ весьма обстоятельнымъ введеніемъ и указателемъ г. *Гильдебрандъ: Das Rigische Schuldbuch, St. Petersburg. 1872.* (официальное названіе книги—*liber civitatis*, какъ это видно изъ записи № 1866). Первое свиданіе о ней сообщено въ журналѣ *Inland* 1855 г., на стр. 746.—750.

или какъ ея постоянные граждане. Нижеслѣдующій очеркъ будетъ посвященъ торговлѣ Русскихъ съ Ригой въ XIII и XIV вѣкахъ на основаніи данныхъ, представляемыхъ рижскою долговою книгой, лѣтописями и договорными грамотами.

I.

Главною торговою дорогою изнутри Россіи къ Ригѣ служила тогда западная Двина, по которой торговля производилась гораздо раньше основанія Риги и прибытія Бременскихъ купцовъ къ устью Двины (1159 года). Уже въ X вѣкѣ на Двинѣ существовали поселенія Кукейносъ, Герцике и Ашераденъ, а русскій Полоцкъ — даже въ IX вѣкѣ. Многочисленныя находки въ Прибалтійскомъ краѣ монетъ арабскихъ и англо-саксонскихъ, отчасти византійскихъ и даже римскихъ временъ имперіи и греческихъ до Р. Хр. доказываютъ, что туземныя литовскія и финскія племена искони вѣковъ не были чужды торговли съ иностранцами ¹⁾. Внизъ по Двинѣ распространялось русское вліяніе на эти племена въ IX—XI вѣкахъ, а съ конца слѣдующаго столѣтія на встрѣчу ему начинается вліяніе нѣмецкое. Первый епископъ Ливонскій Мейнгардъ еще признавалъ власть князя Полоцкаго надъ областью нижней Двины, прося у него позволенія проповѣдывать и строить церкви въ Иксуль ²⁾. Иначе уже велъ себя Альбертъ, подкрѣпляемый многочисленными толпами нѣмецкихъ пилигримовъ, рыцарей, монаховъ и купцовъ. Въ 1208 году Вячко, князь Кукейноса, былъ поставленъ въ невозможность дальнѣйшаго пребыванія въ своемъ владѣніи, и потому перебивъ нѣмецкій гарнизонъ и сжегши замокъ, удалился въ Россію. Другой русскій князь Всеволодъ, владѣтель Герцике, остался въ своемъ городѣ, но въ зависимости отъ епископа, которому принесъ ленную присягу ³⁾. Что касается до Полоцкаго князя Владиміра, то онъ съ перваго раза сталъ въ недружелюбныя отношенія къ Рижскому епископу. Такъ, въ 1202 году онъ ходилъ на Латышей, державшихъ сторону Риги ⁴⁾; въ 1203

¹⁾ У *Крузе* весьма тщательно описаны всѣ монеты и разныя вещи (вѣсы), найденныя имъ въ древнихъ могилахъ Прибалтійскаго края, особенно около Ашерадена и Пальфера. *Necrolivonica, oder Alterthümer Liv-Est-und Kurlands... Dorpat, 1842.* Онъ думаетъ, что Греки и Римляне довозили до Курляндіи за покупкой янтара.

²⁾ *Chronic. Liv. vet.*, p. 3—4.

³⁾ *Ibid.*, p. 52—53, 63.

⁴⁾ *Ibid.*, p. 21.

году онъ подступалъ къ Искулю и принудилъ тамошнихъ Ливовъ заплатить себѣ дань, а чрезъ три года снова дѣлалъ нападенія на *Искуль и Гольмъ* ¹⁾). Только въ 1210 г. согласились заключить миръ. „Въ то время“, говоритъ Генрихъ Латышь,—„церковь ливонская находилась въ угнетеніи отъ русскихъ и литовскихъ племенъ, которая всѣ вмѣстѣ намѣревались ее уничтожить. А посему Рижане опредѣлили послать къ князю Полоцкому освѣдомиться, нельзя ли будетъ заключить миръ на какихъ-нибудь условіяхъ. Для сего былъ посланъ Рудольфъ Эрихъ съ нѣкоторыми другими лицами“. Но такъ какъ это посольство не достигло Полоцка, ибо на пути было вовлечено въ битву съ Эстами у Вендена,—то „посланъ былъ *Арнольдъ*, братъ воинства Христова, со своими товарищами ко князю Полоцкому съ тѣмъ, чтобъ этотъ послѣдній заключилъ миръ и открылъ рижскимъ купцамъ свободный путь въ свою землю. Князь принялъ ихъ ласково, хотя и не безъ тайнаго коварства; вмѣстѣ съ ними онъ отправилъ *Лудольфа изъ Смоленска*, мужа благоразумнаго и очень богатаго. Когда всѣ они пришли въ Ригу и передали волю князя, то Рижанамъ понравились предложенныя условія, и тогда между княземъ и Ригой былъ заключенъ вѣчный миръ съ тѣмъ однако условіемъ, что Ливы ежегодно должны отдавать свою дань князю Полоцкому, или за нихъ епископъ. И всѣ возрадовались“ и пр. ²⁾). Въ этомъ первомъ торговомъ договорѣ Русскихъ съ Ригой, по всей вѣроятности, участвовалъ и Витебскъ, судя по его всегдашней близкой связи съ Полоцкомъ, а также и Смоленскъ. Объ участи послѣдняго заставляеть молгаты упомянутый *Лудольфъ изъ Смоленска*, который—судя по его прозванію—долго и часто проживалъ въ Смоленскѣ по дѣламъ торговли ³⁾) Надобно думать, что онъ имѣлъ полномочіе для заключенія договора отъ Смоленскаго князя Мстислава Романовича, княжившаго въ Смоленскѣ отъ 1197 по 1212 годъ. По крайней мѣрѣ несомнѣнно то, что въ его княженіе Нѣмцы уже торговали въ Смоленскѣ, какъ это видно изъ договора, заключеннаго около половины XIII вѣка съ Мстислава Романовича, неизвѣстнымъ по имени Смоленскимъ княземъ съ Нѣмцами ⁴⁾). Черезъ два года по заключеніи этого дого-

¹⁾ Chron, Liv. vet., p. 40—41.

²⁾ Ibid., p. 69—70.

³⁾ Соображеніе г. Куника. Русско-Ливонск. акты, стр. 405.

⁴⁾ Русск.-Ливонск. акты, стр. 451—453.—Г. Куникъ полагаеть, что Смоленскъ былъ посвящаемъ нѣмецкими купцами уже въ XII столѣтіи. Но дѣло въ томъ, что извѣстіе ливонской двоицы, на которомъ онъ основываетъ свое предполо-

вора Владиміръ назначилъ свиданіе епископу близъ Герцике. По словамъ Генриха Латыша, который описалъ это свиданіе съ живыми подробностями, князь Полоцкій началъ убѣждать и грозить епископу, чтобъ онъ отсталъ отъ проповѣди и крещенія Ливовъ, его рабовъ, которыхъ онъ (князь) воленъ крестить или оставить вовсе некрещеными, — „ибо“, замѣчаетъ Генрихъ, — „русскіе князья не имѣютъ обычая обращать въ христіанство покоренныхъ язычниковъ, а только собираютъ съ нихъ дань“. Епископъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ отступить отъ своего предпріятія и отъ обязанности, возложенной на него святымъ отцомъ, и т. п. Владиміръ разсердился, и дѣло едва не дошло до столкновенія людей, составлявшихъ свиту князя и епископа. Но затѣмъ помирились на слѣдующихъ условіяхъ: князь Полоцкій отказывается отъ верховныхъ правъ на Ливонію; противъ Литовцевъ и другихъ некрещеныхъ язычниковъ былъ заключенъ союзъ. Что касается до купцовъ, то Двина объявлена свободною для ихъ плаваній ¹⁾. Въ 1216 году Владиміръ снова разсорился съ Ригой. Побуждаемый союзными Эстами, онъ собралъ большое войско изъ Русскихъ и Литовцевъ и хотѣлъ уже плыть для осады Риги, но всходя на корабль, нечаянно умеръ ²⁾. Какъ видно несогласія Русскихъ съ Нѣмцами продолжались съ тѣхъ поръ вплоть до временъ Калсской битвы ³⁾. Въ Ливонской лѣтописи вслѣдъ за описаніемъ ея говорится: „Князь Смоленскій, князь Полоцкій и другіе русскіе князья отправили пословъ въ Ригу съ просьбой о заключеніи мира, который и былъ возобновленъ по ⁴⁾ всѣмъ статьямъ, какъ онъ существовалъ издавна“ ⁴⁾. Долго ли сохранялся этотъ миръ, и долго ли шла безпрепятственно

женіе, относится не къ Полоцку (Plesceke), а Цскову (Plescekowe), на пути къ которому еще до основанія Риги были однажды ограблены нѣмецкіе купцы. Вотъ это мѣсто изъ лѣтописи: *Vona mercatorum, quondam ante Rigae aedificatio-nem ablata euntibus, nempe a Duna versus Plescekowe* (pag. 51). Вообще до основанія Риги Нѣмцы едва ли рѣшались пускаться далеко вверхъ по Двинѣ, а тѣмъ болѣе къ Смоленску, отдаленному отъ Двины волокомъ; для нихъ это стало возможно именно съ тѣхъ поръ, какъ они построили Ригу и другіе замки по Двинѣ.

¹⁾ Chron. Liv. vet., p. 85—86. На такой выгодный для епископа миръ князь Полоцкій согласился, конечно, по невозможности сопротивляться его могуществу, все болѣе возраставшему. А быть можетъ, и ливонскій лѣтописецъ не договариваетъ чего-нибудь и вообще преувеличиваетъ подвиги своего обожаемаго епископа.

²⁾ Chron Livon. vet., p. 108.

³⁾ Въ 1222 году по *Боннею*, въ 1223 году — по *Кунику*.

⁴⁾ Chron. Livon. vet., p. 150—152.

торговля въ области Западной Двины и верхняго Днѣпра—неизвѣстно; несомнѣнно только, что договору 1229 года предшествовало „розлюбье“, для устранения котораго и восстановления мирныхъ торговыхъ сношеній и былъ заключенъ этотъ знаменитый договоръ.

II.

Основатель Риги и нѣмецкаго могущества въ Лифляндіи, епископъ Альбертъ умеръ 17-го января 1229 года ¹⁾. Вскорѣ послѣ его смерти, а отчасти быть можетъ, вслѣдствіе ея, князь Смоленскій Мстиславъ Давыдовичъ отправилъ въ Ригу своего „лучшаго попа“ Еремѣя и умнаго мужа Пантелѣя, смоленскаго сотника, для заключенія торговаго договора. Посредничество въ этомъ дѣлѣ приняли на себя *Ролфъ изъ Касселя*, „божій дворянинъ“ (рыцарь), и нѣмецкій купецъ *Тумашъ Смольянинъ*. Изъ Риги все это посольство отправилось на Готландъ для совѣщаній съ „общимъ нѣмецкимъ купечествомъ“, и здѣсь была составлена одна редакція договора. По возвращеніи въ Ригу написали вторую (окончательную) редакцію договорной грамоты, которую посвидѣтельствовали купцы „Римскаго царства“, а именно изъ Готланда, Любека, Сеста, Мюнстера, Гренингена, Дортмунда, Бремена и Риги. Со стороны русской, кромѣ Смоленска, договоръ заключали Полоцкъ и Витебскъ ²⁾.

По количеству договорныхъ статей и по важности ихъ внутренняго содержанія Смоленскій договоръ 1229 года есть важнѣйшій между всѣми древне-русскими памятниками этого рода. Различныя отношенія, какія могли возникать при торговлѣ между Русскими и Нѣмцами, разсматриваются въ немъ чрезвычайно подробно; все предсмотрѣно и оговорено съ такою заботливою точностью, что кажется, ничего не оставлено для случайности. Невольно приходитъ на мысль, что договору предшествовалъ опытъ, богатый всякаго рода случаями, и что именно на почвѣ этого опыта и сталъ возможенъ такой подробный анализъ всякаго рода отношеній, какой представляется въ грамотѣ 1229 года. Слѣдовательно, тѣмъ большее значеніе этотъ договоръ имѣетъ для историка, который справедливо можетъ смотрѣть

¹⁾ *Vonnel, Chronogr. Comment.*, p. 66.

²⁾ Семь договорныхъ грамотъ по двумъ главнымъ редакціямъ (готландской и римской) договора 1229 г. напечатаны въ Русск.-Лив. Актахъ на стр. 420—447. Тексту ихъ предпослано весьма обстоятельное историко-критическое введеніе г. Кузика.

па него, какъ на вѣрное отраженіе различныхъ сторонъ купческаго быта и тѣхъ условій, въ какихъ находилась тогдашняя торговля Русскихъ и Нѣмцевъ въ области Двины. Чрезвычайно важны и характерны юридическія воззрѣнія на преступленія, наказанія, на судебныя доказательства и способы судопроизводства. При этомъ естественно спросить: какія именно правовыя понятія одна сторона заявила другой? Не было ли общихъ пунктовъ, на которыхъ сошлись Русскіе и Нѣмцы по вопросамъ уголовного и гражданскаго права? И не дѣлала ли одна сторона какихъ нибудь уступокъ другой? Отлагая до другого случая разсмотрѣніе этихъ вопросовъ, имѣющихъ важное значеніе въ исторіи торговыхъ сношеній Россіи съ Ганзой вообще, укажемъ здѣсь на тѣ статьи, которыя касаются собственно торговыхъ порядковъ въ области Двины и верхняго Днѣпра.

По приѣздѣ съ Двины на волокъ, существующій между Западною Двиной и Днѣпромъ, нѣмецкіе купцы даютъ объ этомъ знать особенному тиуну („волоцкому“), и тотъ обязанъ тотчасъ послать приказаніе волочанамъ о немедленной перевозкѣ Нѣмцевъ съ товарами и о сбереженіи ихъ на пути отъ нападеній „погани“ (вѣроятно, литовскихъ разбойничьихъ шактъ). Если одновременно съ Нѣмцами на волокъ будутъ смоленскіе купцы, то жеребьемъ должно рѣшать, кого впередъ везти, но гости изъ другихъ русскихъ городовъ во всякомъ случаѣ перевозятся послѣ. Волочане отвѣчаютъ за товаръ, пропавшій во время перевозки. Предварительно нагрузки товара на „кола“ (повозки), его взвѣшиваютъ на особенныхъ образцовыхъ вѣсахъ, данныхъ Нѣмцами. Если эти вѣсы попортятся, ихъ нужно повѣрять другими такими же вѣсами, находящимися въ нѣмецкой церкви въ Смоленскѣ. Приѣхавши въ Смоленскъ, нѣмецкіе купцы даютъ княгинѣ поставъ полотна („частины“), а волоцкому тиуну — готскія перчатки въ награду за его хлопоты. О вознагражденіи самихъ волочанъ въ договорѣ ничего не говорится. Судя потому, что волочане находятся подъ вѣдѣніемъ особеннаго княжескаго тиуна, надобно думать, что вся организація дѣла перевозки принадлежала князю, и что онъ или его тиунъ дѣлали расчетъ волочанамъ. Были ли волочане — жители волока, какъ думаетъ Карамзиль¹⁾, или они приѣзжали изъ Смоленска на волокъ къ извѣстному сроку по приказу тиуна, это не видно изъ грамоты; но вѣрно то, что они составляли изъ себя артель съ круговою порукой. Въ другихъ смоленскихъ договорахъ о волочаныхъ

¹⁾ Ист. Рос. Росс., III, гл. 7-я, въ перифразѣ договора 1229 г.

уже не упоминается, а изъ одной грамоты около 1300 года видно, что для проѣзда въ Смоленскъ Нѣмцы нанимали иногда людей князя Витебскаго, которые провожали ихъ черезъ Двину и Касплю ¹⁾ и волокомъ до Днѣпра. Известны наконецъ такіе случаи, что рижскіе купцы запасались проводниками въ самой Ригѣ; такъ напримѣръ, въ 1213 году самъ магистръ ордена Фольквинъ провожалъ купцовъ вверхъ по Двинѣ, при чемъ натолкнулся на толпу Литовцевъ, которыхъ и разсѣялъ ²⁾.

Далѣе о торговлѣ содержатся слѣдующія постановленія: Иностраннымъ купцамъ обѣщается свободная торговля всякаго рода товарами, Нѣмцамъ—въ Смоленскѣ, а Русскимъ—въ Ригѣ, на Готландѣ и въ Любекѣ. Они могутъ свободно отъѣзжать въ другіе города безъ всякаго платежа проѣздныхъ пошлинъ. Но торговые пошлины Нѣмцы платятъ въ Смоленскѣ въ слѣдующихъ разнѣрахъ: отъ двухъ капей воску—одну куну, за покупку гривны золота—одну ногату; за серебро въ издѣліяхъ—одну куну, а за гривну серебра въ слиткѣ—только двѣ векши; за переплавку серебра взимается одна куна съ гривны. Но если Нѣмцы продаютъ золото и серебро въ Смоленскѣ, то вѣсовыхъ пошлинъ они совѣмъ не платятъ. Этѣ данныя объ обращеніи въ смоленской торговлѣ золота, серебра и серебряныхъ издѣлій доказываютъ, что тамошняя торговля не была единственно только мѣновая ³⁾. Всего больше Нѣмцы покупали въ Смоленскѣ воскъ; торговые вѣсы, на которыхъ онъ взвѣшивался (вощный пудъ, капъ), должны были повѣряться образцовыми вѣсами, находящимися въ православной и нѣмецкой церквахъ. Въ заключеніи договора находится слѣдующая статья довольно гордаго тона, которая доказываетъ, что договорная грамота была редактирована Нѣмцами: „Епископъ рижскій, Фолкунъ мастеръ божиихъ дворянъ (магистръ ордена) и вси волостелеве по рижской земли (рыцари, владѣтели замковъ) дали Двину вольну отъ устья до върху, по водѣ и по берегу“, — какъ будто верховья Двины принадлежали не Полоцку и не Витебску.

При двухъ экземплярахъ грамоты 1229 г. находится приписка,

¹⁾ Рѣка Каспля, протекающая по волоку какъ разъ въ направленіи отъ Смоленска, впадаетъ въ Западную Двину выше Витебска; по ней плавали даже въ учаняхъ. Русск.-Лив. Акты, № 49, стр. 27.

²⁾ Chron. Liv. vet., pag. 93.

³⁾ Смоленская гривна серебра = 4 гривнамъ кунъ = 80 ногатамъ = 200 кунамъ = 1920 векшамъ (Прозоровскій, Монета и вѣсъ въ древней Россіи въ Записк. Археол. Общ., кн. XII).

сдѣланная уже послѣ (вѣроятно, около половины XIII вѣка). Въ ней говорится, что купленные въ Смоленскѣ нѣмецкіе дворы съ принадлежащею къ нимъ землею („дворищами“), а равно земля, находящаяся около нѣмецкой церкви, должны состоять въ полномъ распоряженіи Нѣмцевъ, и что князь Смоленскій не можетъ ставить въ нихъ татарскихъ, или какихъ нибудь другихъ пословъ. Неизвѣстно, составляли ли эти дворы и церковь одно общее цѣлое на подобіе нѣмецкаго двора въ Новгородѣ, который также состоялъ изъ нѣсколькихъ домовъ и церкви св. Петра, огороженныхъ деревянною стѣной, или же они находились въ разныхъ мѣстахъ города. Гораздо важнѣе вопросъ: какое право дѣйствовало внутри нѣмецкаго двора въ Смоленскѣ, и имѣла ли здѣсь значеніе скра новгородскаго двора. Иначе сказать: какой городъ имѣлъ преобладаніе въ смоленской и вообще двинской торговлѣ? Былъ ли это Рига, Висби или Любекъ? На эти вопросы рѣшительно можно отвѣчать, что первенствующее значеніе въ двинской торговлѣ принадлежало именно Ригѣ, если не въ первое время ея существованія, то по крайней мѣрѣ съ конца XIII вѣка. На первый разъ Рига, конечно, зависѣла по дѣламъ торговли отъ старѣйшихъ нѣмецкихъ городовъ, съ коими она была тѣсно связана историческими и культурными связями, порвать которыя она не могла, да и не имѣла нужды. Изъ Германіи прибывало въ Ригу и Лифляндію нѣмецкое населеніе; съ Бременомъ она была связана церковными преданіями, а Любекъ всего больше помогалъ ея матеріальному развитію¹⁾. Но потомъ, когда среди разныхъ областей Ганзейскаго союза обнаружилось стремленіе преслѣдовать наиболѣе выгодную эгоистическую политику, увеличить свои права на ганзетагахъ и чужестранныхъ конторахъ, тогда и Рига съ лифляндскими городами стала добиваться расширенія своихъ правъ, въ чемъ и успѣла: съ 1363 года Рига и Лифляндія получили право составлять въ новгородскомъ дворѣ особенную квартиру, что давало имъ болѣе вѣскій голосъ въ управленіи двора, а также возможность выбирать ольдермановъ изъ лифляндскихъ уроженцевъ²⁾. Что же касается торговли по Западной Двинѣ, то несомнѣнно, что Рига получила здѣсь преобладаніе уже съ конца XIII вѣка. Находясь при устьѣ Двины, она имѣла возможность дер-

¹⁾ D. Rig. Schuldb., p. XI.

²⁾ О дѣленіи нѣмецкихъ городовъ и конторъ на трети или квартиры (Drittheil, Quartiere) у *Sagtorin* Gesch. des Hans. Bund., II, p. 18, 21—22 etc. Срав. также у *Ризскампфа* Der deutsche Hof zu Nowgorod, p. 24—27.

жать всю рѣку въ своей власти, могла запретить путь въ море, и дѣйствительно запирала русскимъ купцамъ, на что постоянно жаловались Полочане. Мало того, Рига старалась отстранить даже ганзейскихъ купцовъ отъ двинской торговли. Такъ, ганзетагъ 1383 г. писалъ магистру Ливоніи и городу Ригѣ, чтобъ они позволили всеѣмъ купцамъ плавать по Двинѣ, а на другомъ ганзетагѣ 1388 г. было рѣшено отправить въ Лифляндію посольство, которое должно было настаивать или всеѣмъ запретить Двину, или же допускать плаваніе по ней не однимъ только рижскимъ купцамъ ¹⁾. Что возражала на эти требованія Рига—не знаемъ; по всей вѣроятности она, напоминала Ганзѣ, что торговля съ Полоцкомъ, Витебскомъ и Смоленскомъ впервые началась и всегда поддерживалась изъ Риги, что она, слѣдовательно, имѣетъ на эту торговлю право давности, то самое право, котораго не могъ вполнѣ оспаривать и Любекъ у Висби, когда между ними поднялся раздоръ изъ-за первенства на новгородскомъ дворѣ. Какъ бы то ни было, но вѣрно, что Рига хозяйничала въ двинской и смоленской торговлѣ. Рижскій магистратъ распоряжался деньгами смоленской церкви, какъ это видно изъ слѣдующей записи Рижской долговой книги около 1289 года: „Община Святаго Духа состоитъ должно господину Арнольду Криспу и Андрею Шарвусу (ратманамъ) двѣнадцать марокъ серебра, *взятыхъ ими изъ казны церкви Святой Дѣвы въ Смоленскъ*, которыя уплатить по первому требованію въ продолженіе 8 дней“ ²⁾. Несомнѣнно, что весь смоленскій дворъ управлялся особенными инструкціями, исходившими отъ рижскаго магистрата, въ родѣ той, какая была послана полоцкой конторѣ въ 1393 году ³⁾, и что ольдермавъ тамошняго двора былъ изъ рижскихъ гражданъ.—Дальнѣйшее обозрѣніе торговли Смоленска съ Ригой подтвердить эти взгляды.

III.

Въ 1230 и 1231 годахъ въ Смоленскѣ свирѣпствовала ужасная моровая язва, отъ которой погибли 32 тысячи жителей, въ томъ числѣ и князь Мстиславъ Давыдовичъ ⁴⁾. Вскорѣ и другое бѣдствіе обрушилось на городъ: въ 1232 году какой-то князь Святославъ съ вооруженною шайкой напалъ на Смоленскъ, взялъ его на щитъ, пере-

¹⁾ *Cartograph*, Gesch. d. Hans. Band., II, p. 446—447.

²⁾ D. Rig. Schuldb., p. 87, № 1336.

³⁾ Русск.-Лив. Акты, № 117.

⁴⁾ Новг. 4-я лѣтоп. подъ 6738 годомъ.

билъ часть Смольнянъ и сталъ княжить ¹⁾). Конечно, эти событія произвели перерывъ въ нѣмецкой торговлѣ; отсюда представилась необходимость возобновить съ Ригой и Готландомъ договоръ 1229 г., что и сдѣлалъ неизвѣстный по имени Смоленскій князь, сынъ Мстислава Романовича, около половины XIII вѣка ²⁾). Въ существенныхъ чертахъ этотъ возобновленный договоръ сходенъ съ правдою 1229 г., но редакція его статей отличается особенною ясностію. Нѣкоторыя изъ нихъ выражены какъ будто съ намекомъ, что именно онѣ-то были нарушены, что изъ-за нихъ-то и нужно было подновить договоръ ³⁾). Двѣ новыя статьи особенно любопытны. По одной—князь договариваетъ себѣ право вѣдать отъѣздъ гостей въ другія земли, какъ это бывало при его отцѣ Мстиславѣ Романовичѣ и братѣ Мстиславѣ (Давыдовичѣ?): *„о немъ (отъѣздѣ) ся прашати, а мнѣ е по думъ пуцати“*. Право это будетъ понятно, конечно, при томъ предположеніи, что князь обязался давать проводниковъ нѣмецкимъ купцамъ на волокъ и въ другія сосѣднія княжества. Въ концѣ грамоты князь дѣлаетъ оговорку, что онъ не будетъ вѣдать ссоръ между Нѣмцами и людьми того князя, который вѣхалъ бы въ Смоленскъ, а также ссоръ съ гостями изъ русскихъ городовъ. Эта статья, вѣроятно, имѣетъ въ виду возможность временнаго захвата Смоленска какимъ нибудь буйнымъ княземъ въ родѣ вышеупомянутаго Святослава.

Какъ въ этомъ, такъ и въ договорѣ 1284 года при Фѣдорѣ Ростиславичѣ Черномъ не упоминается о заморскихъ Нѣмцахъ и о поѣздкахъ Смольнянъ въ Любекъ: грамота Фѣдора писана на имя Рижскаго епископа, ордена и Риги ⁴⁾). Другая небольшая грамота Фѣдора любопытна въ томъ отношеніи, что указываетъ на практическое примѣненіе закона о несостоятельныхъ должникахъ: въ 1284 году князь судилъ дѣло Биреля и Армановича о нѣмецкомъ колоколѣ, при чемъ оказалось, что Бирель правъ, а Армановичъ виноватъ, и какъ несостоятельный должникъ, былъ выданъ Нѣмцамъ со своимъ дворомъ ⁵⁾).

¹⁾ Новг. 1-я лѣтоп. подъ 6740 годомъ.

²⁾ Русск.-Лив. Акты, стр. 451—453.

³⁾ Такъ напримѣръ, статья, устанавливающая штрафъ за вырваніе бороды боярину или кнуземцу, помѣщенная подъ конецъ договора, какъ кажется, служить намекомъ на недавній случай въ этомъ родѣ.

⁴⁾ Собр. Госуд. Грам. и Договор., II, № 3.

⁵⁾ Русск.-Лив. Акты, № 37. Изъ грамоты не видно, какимъ именно образомъ колоколъ сталъ предметомъ тяжбы между Бирелемъ и Армановичемъ; неизвѣстно также, былъ ли это обыкновенный колоколъ, или *колоколъ-вѣсы*, о существованіи

Торговныя сношенія Смольнянъ съ Ригой продолжались въ концѣ XIII и въ XIV вѣкѣ, не смотря на случай ограбленія Витеблянъ подъ Ригой и на убійство одного купца, о чемъ писалъ Рижскій архіепископъ Ѳедору Ростиславичу ¹⁾, не смотря также на цѣлый рядъ обидъ, учиненныхъ Витебскимъ княземъ Михаиломъ Константиновичемъ рижскимъ купцамъ въ Витебскѣ ²⁾, не смотря, наконецъ, на открытую вражду Риги съ орденомъ съ конца XIII столѣтія до 1330 года. Ко времени этой вражды относится договоръ Смоленскаго князя Александра Глѣбовича, который „хочеть съ Нѣмцами такой же любви, въ какой паходились его отецъ и дядя“, и обѣщаетъ имъ чистый путь до Смоленска: грамота его посылается на имя только однихъ рижскихъ горожанъ, а о епископѣ и орденомъ совсѣмъ умалчивается ³⁾. Но эта небольшая грамота въ сущности есть только приглашеніе къ договору, который состоялся на самомъ дѣлѣ такимъ образомъ, что князь подтвердилъ сполна договоръ 1229 года посредствомъ надписи на одномъ экземплярѣ Метиславовой Правды ⁴⁾. Последняя договорная грамота Смоленска съ Ригой дана Иваномъ Александровичемъ, княжившимъ въ Смоленскѣ отъ 1330 по 1359 годъ ⁵⁾. Какъ и грамота его отца, она отражаетъ на себѣ слѣды рижскихъ событій. На первомъ планѣ въ ней стоитъ магистръ ордена, котораго князь называетъ своимъ братомъ, а потомъ слѣдуютъ епископъ, ратманы и всѣ рижскіе горожане, находящіеся „подъ рукою“ его, магистра, что ясно доказываетъ, что договоръ заключенъ былъ послѣ окончательнаго торжества ордена надъ Ригой, которая въ 1330 году послѣ осады была взята магистромъ Эбергардомъ фонъ-Монгеймомъ. Для заключенія мира со Смоленскомъ отъ ордена былъ посланъ особенный уполномоченный, рыцарь *Иесковъ* (Псковъ, божій дворининъ). Это служитъ доказательствомъ, что орденъ преслѣдовалъ въ смо-

которыхъ упоминается въ договорѣ Полочанъ съ Ригой 1407 года (Русск.-Лив. Акты, № 164). На судѣ князя, крѣмъ бояръ, присутствовала *Лука околничій*: это есть первое по времени упоминаніе о чинѣ околничаго.

¹⁾ Русск.-Лив. Акты, № 34.

²⁾ Тамъ же, № 49.

³⁾ Тамъ же, № 47.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 420, текстъ подъ литерой В.—Однако сомнительно, чтобы Смольняне воспользовались правомъ поѣздокъ въ Любекъ, а Ганзейцы сравнялись въ правахъ смоленской торговли съ Рижанами, какъ это слѣдовало бы по договору 1229 года.

⁵⁾ Собр. Гос. Гр. и Догов., II, № 8, безъ означенія времени.

ленской торговлѣ свои собственные интересы, и вѣроятно, велъ ее черезъ своихъ комиссіонеровъ¹⁾. Въ своемъ договорѣ Смоленскій князь признаетъ „старѣйшинство“ Гедимины: „Докончалъ есмь по тому докончанью, како то братъ мой старѣйшій Кедименъ и его дѣти Глѣбъ и Алгердъ“, то-есть, Наримонтъ и Ольгердъ, княжившіе въ Полоцкѣ и Витебскѣ около этого времени²⁾. При Витовтѣ Смоленскъ окончательно переходитъ подъ власть Литвы, что нисколько не мѣшало ему продолжать торговыя сношенія съ Ригой, какъ это видно изъ полоцкихъ грамотъ конца XV вѣка³⁾. Впрочемъ, Полочане говорятъ, что они пропустятъ рижскихъ купцовъ въ Витебскъ и Смоленскъ, если Рижане дадутъ имъ свободный проѣздъ за море, а также предоставятъ имъ свободные пути въ Лифляндію помимо Риги. Такая оговорка указываетъ, что въ XV вѣкѣ торговля Смоленска по временамъ становилась въ зависимость отъ Полоцка, который игралъ тогда первую роль въ торговлѣ съ Ригой по Двинѣ.

IV.

Съ половины XIII вѣка въ Полоцкѣ было за обычай принимать на княженіе Литовскихъ князей. Иногда одновременно являлись нѣсколько соперниковъ, которые поднимали между собою ссоры и обращались за помощью къ Нѣмецкому ордену. Съ своей стороны орденъ охотно вмѣшивался въ дѣла Полоцка для того, чтобы увеличить свои владѣнія на счетъ русскихъ земель. Къ числу первыхъ прибрѣтеній нѣмцевъ отъ Полоцка принадлежитъ земля *Дотымольская*, будто бы подаренная имъ княземъ *Константиномъ*. Неизвѣстно въ точности, былъ ли этотъ Константинъ—русскій князь, или изъ крещеныхъ Ли-

¹⁾ Известно, что орденъ не считалъ ниже себя пускаться въ мелкія торговыя спекуліаціи; самая вражда его съ Ригой немало обусловлена была торговымъ соперничествомъ. Такъ, въ эпоху этой вражды Рижане жалуются Любеку (въ 1324 г.), что рыцари своевольно нарушаютъ миръ съ Литовцами, чтобы мѣшать ихъ торговлѣ, или вступаютъ въ союзъ съ ними, чтобы тайно отъ рижскихъ купцовъ вести торговлю съ ними въ своихъ замкахъ (Русск.-Лив. Акты, № 62).

²⁾ Такъ какъ Гедиминъ съ упомянутыми двумя сыновьями, князьями Полоцка и Витебска заключилъ мирный торговый договоръ съ Ригой въ 1338 году (Русск.-Лив. Акты, № 83), то по всей вѣроятности, и договоръ Ивана Александровича должно отнести къ тому же времени.

³⁾ Русск.-Лив. Акты, №№ 266 и 279.—Изъ полоцкой грамоты 1553 года (тамъ же, № 384) видно также, что Полочане не пропустили рижскихъ купцовъ въ Смоленскъ; но это было сдѣлано по приказанію Сигизмунда, ибо Смоленскъ находился тогда во власти Московскаго государя.

товцевъ, при какихъ именно обстоятельствахъ онъ уступилъ Лотыгольскую землю, и что должно разумѣть подь названіемъ этой земли ¹⁾. Въ договорной грамотѣ Полоцкаго князя *Гердена* съ Ригой 1264 года уступка Лотыголы ордену представляется уже какъ фактъ совершившійся ²⁾. Мало того. Нѣмцы претендовали не разъ на владѣніе самимъ Полоцкомъ! Въ 1310 году папа Климентъ V со словъ рижскаго духовенства обвинялъ орденъ между прочимъ въ томъ, что онъ отступилъ отъ Полоцка, который былъ завѣщанъ рижской церкви однимъ Полоцкимъ княземъ, принявшимъ католичество и бездѣтно умершимъ. На слѣдствіи, наряженномъ для провѣрки различныхъ обвиненій, вводимыхъ на орденъ, одинъ изъ свидѣтелей показалъ, что дѣйствительно нѣкоторый полоцкій князь былъ обращенъ въ католичество, и въ Полоцкѣ поселилось было католическое духовенство, но насиліи рыцарей людямъ князя довели до того, что пришли язычиги (то-есть, Литовцы), изгнали Нѣмцевъ, частію даже перебили ихъ и взяли въ плѣнъ. На это обвиненіе орденъ отвѣчалъ, что городъ и крѣпость Полоцкъ всегда находились во власти Русскихъ ³⁾. Хотя такимъ образомъ орденъ послѣ своей неудачи и въ виду папскаго осужденія отказывался отъ всякихъ притязаній на Полоцкъ, но очевидно, былъ моментъ, когда Нѣмцы дѣйствительно пропагандировали въ Полоцкѣ католицизмъ, рассчитывая чрезъ обращеннаго князя овладѣть и самимъ городомъ. Въ 1385 году Андрей Ольгердовичъ также уступалъ Полоцкъ ордену съ тѣмъ, чтобъ ему и его потомкамъ быть ленными владѣтелями Полоцкаго княжества подь верховнымъ покровительствомъ ордена. Но такая сдѣлка не имѣла смысла уже потому, что Андрей въ ту пору не владѣлъ Полоцкомъ, да и послѣ, не смотря на помощь ордена, не могъ въ немъ утвердиться; такимъ образомъ и на этотъ разъ орденъ, ясно выдавъ свои

¹⁾ Боннель (*Chronographie, Comment.*, p. 239) полагаетъ, что Константинъ былъ ярецный Литвинъ, а уступленная имъ Лотыгала есть то, что въ послѣдствіи называлось польскими Инфлянтами, то-есть часть нынѣшней Витебской губерніи съ городами Динабургомъ, Любяномъ и Рѣжидей. Нужно думать, что Константинъ уступилъ ордену часть Полоцкой земли за помощь, которую ему дали для достиженія Полоцка. Эту уступку свѣдѣтели утвердить за орденемъ папы Иннокентій IV и Урбанъ IV.

²⁾ Русск.-Лив. Акты, № 25.

³⁾ Письмо папы Климента V изъ Авиньона см. у *Bunge L.-E.-K Urkundenb.*, II, № 630, показаніе пріора Генриха тамъ же, № 638. Сущность этого дѣла вкратцѣ разказана у *Боннеля, Chronogr. Comment.*, p. 132—134. Срав. *Фойтль, Geschichte Preussens.*, IV, p. 234—249.

виды на Полоцкѣ, потерпѣлъ неудачу вмѣстѣ со своимъ клиентомъ ¹⁾.

Далеко неудовлетворительны были отношенія Полоцка и къ самому городу Ригѣ. Длинный рядъ договоровъ отъ 1264 года до половины XVI вѣка, повторяющихъ почти однѣ и тѣ же статьи, показываетъ, какъ часто нарушались мирные договоры, и какъ вообще было мало искренности между торгующими сторонами. Доходили, напримѣръ, до такихъ мелочныхъ оговоровъ, что при взвѣшиваніи товаровъ вѣсовщикъ долженъ отнять руки отъ вѣсовъ и т. п. ²⁾. Не смотря на то, что въ своихъ договорахъ Полочане выговаривали себѣ право заморскихъ поѣздокъ на Готландъ и въ Любекъ ³⁾, рижскіе купцы обыкновенно не допускали ихъ въ море, даже не всегда позволяли проѣзжать мимо Риги въ Лифляндію. Въ 1470 году Рига открыто писала въ Данцигъ, что у нея *съ давняго времени* происходитъ много споровъ съ Полочанами изъ-за того, что они хотятъ плавать за море со своими товарами, но что она *никогда* не могла этого имъ позволить ⁴⁾. Конечно, Рига поступала такъ не только потому, что хотѣла сосредоточить всю торговлю Русскихъ на своемъ рынкѣ, но и потому также, что не желала допускать въ область Двины ганзейскихъ купцовъ, что было бы необходимо, еслибы Русскіе ѣздили на Готландъ и въ Любекъ. Такимъ образомъ, торговля сношенія ограничивались поѣздками Полочанъ въ Ригу, а Нѣмцевъ—въ Полоцкѣ. Послѣдніе образовали тамъ значительную колонію, впрочемъ жили не на собственныхъ дворахъ, какъ въ Смоленскѣ, а на квартирахъ у полоцкихъ горожанъ; при Витовтѣ имъ было отведено мѣсто подъ церковь ⁵⁾. Всѣ вмѣстѣ они составляли купеческую общину, которая избирала изъ своей среды ольдермана, но по важнѣйшимъ дѣламъ находилась въ зависимости отъ рижскаго магистрата, какъ это видно изъ его инструкціи, данной въ руководство Полоцкимъ Нѣмцамъ въ

¹⁾ Два акта о передачѣ Ордену Полоцка. См. у *Bunge*, L.-E.-K. Urk.-b. III, №№ 1226 и 1227. Въ послѣднемъ читаемъ: *regnum in Ploskow in feudum receptum a magistro Livoniae et ab ordine etc.*

²⁾ Русск.-Лив. Акты, № 74.

³⁾ Рус. Лив. Акт. №№ 25, 266, 279.

⁴⁾ *Das deutsche Kontor zu Polozk*, статья г. *Гильдебранда*, помѣщ. въ *Baltische Monatschrift* 1873 г. Эта статья, описывающая судьбу конторы вплоть до ея закрытія въ XVI вѣкѣ, богата интересными подробностями. О письмѣ къ Данцигу на стр. 351—352.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 346.

1393 году. Этотъ любопытный документъ, родъ небольшой скри, позволимъ себѣ представить здѣсь почти въ дословномъ переводѣ ¹⁾).

„Сии законоположенія, которыя здѣсь написаны, должны соблюдать Нѣмецкіе купцы, живущіе въ Полоцкѣ и пользующіеся правами тамошней торговли. Прежде всего они должны выбрать изъ себя ольдермана, кого сочтутъ полезнѣйшимъ выбрать. Сей ольдерманъ долженъ исполнять свою обязанность и сохранять правила, данныя купцамъ, на сколько онъ сможетъ и сумѣетъ лучше. Впервыхъ, никто не долженъ покупать воска, подмѣшаннаго саломъ, и вообще покупать воска нечистаго ²⁾). Никто не долженъ покупать кожаныхъ и мѣховыхъ товаровъ ластки и соболя болѣе четверти тысячи штукъ (quartir); предварительно покупки этотъ товаръ должно брать съ собою на домъ, и тамъ его разсмотрѣть. Не должно покупать мѣхове испорченныя, которые, на примѣръ, подстрижены или повыщипаны, или подкрашены; равно нельзя покупать мѣхове нецѣльныхъ (сшитыхъ изъ лоскутковъ), а также и волоса, обстриженнаго съ мѣхове. Никто не долженъ вступать съ Русскими въ компанію, или брать ихъ товары на комиссію. Всѣ эти правила должно соблюдать подъ страхомъ пени въ 10 марокъ серебра. Если Нѣмецъ купить какой-нибудь товаръ, а Русскіе попрепятствуютъ ему взять его, то должно извѣстить ольдермана, а этотъ долженъ извѣстить купеческую общину и объявить, чтобы никто не смѣлъ торговать съ Русскими. Если купецъ захочетъ отѣхать изъ Полоцка, то долженъ проситься у ольдермана. Если онъ уѣдетъ своевольно внизъ по Двинѣ, то ольдерманъ доложить рижскому совѣту, и виноватаго осудить по правиламъ купеческой общины. Если самъ ольдерманъ захочетъ отлучиться, онъ долженъ объ этомъ извѣстить общину, а та пусть выберетъ новаго ольдермана по общему правилу. Когда ольдерманъ позоветъ купцовъ на общее собраніе или пригласитъ кого-нибудь съ собою идти къ възю или Полочанамъ по извѣстному дѣлу, а приглашенные не явятся, то они платятъ ему штуку серебра (вѣроятно, марку или гривну). Если ольдерманъ прикажетъ кому-нибудь къ себѣ прийти (то-есть, по другимъ менѣе важнымъ дѣламъ), а тотъ не пойдетъ, то платитъ ольдерману половину фертинга.

„Когда приходятъ въ Полоцкъ новые купцы, то имъ должно про-

¹⁾ Русск.-Лив. Акты, № 117.

²⁾ Не знаемъ, о какомъ сортѣ воска говорится въ слѣдующихъ словахъ: *ok so ne schal neen dutsch сорпан was copen, dat enes wederworpen is.*

читать сія правила. Мы желаемъ, чтобы всё изложенное здѣсь пункты были исполняемы безъ всякаго ущерба, подъ опасеніемъ предписаннаго штрафа. 1393 года, въ день Архангела Михаила (29-го сентября)⁴.

Полочане, съ своей стороны, составляли значительное поселеніе въ Ригѣ. Здѣсь была цѣлая улица, населенная Русскими, и торговый ихъ дворъ съ церковью св. Николая; кромѣ того, въ одномъ предмѣстѣи города упоминается русская деревня ¹⁾. Конечно, эти данныя относятся до Русскихъ вообще, но съ достовѣрностью можно полагать, что большинство ихъ были Полочане. Изъ двухъ грамотъ XVI вѣка видно, что клиръ къ православной церкви св. Николая назначался Полоцкимъ епископомъ и вообще находился на попеченіи Полочанъ: очевидно, что они были первые и болѣе многочисленные между всѣми Русскими поселенцы Риги, и что въ качествѣ таковыхъ и построили тамъ свою собственную церковь ²⁾.

V.

Поѣздки Нѣмцевъ въ Витебскъ были обыкновенны, и какъ кажется совершались преимущественно по зимамъ. Въ одну изъ такихъ зимъ въ концѣ XIII столѣтія они потерпѣли много обидъ со стороны Витебскаго князя Михаила Константиновича, о чемъ мы узнаемъ изъ длинной жалобы рижскаго магистрата, адресованной на имя упомянутаго князя. Быть можетъ, въ ней есть нѣкоторыя преувеличенныя подробности, которыя описываются ратманами со словъ однихъ потерпѣвшихъ въ Витебскѣ; быть можетъ также, что князь вымещалъ на Нѣмцахъ убытки своихъ Витеблянъ, которые въ послѣднюю четверть этого столѣтія были ограблены подъ Ригой на 10 берковцевъ воску, при чемъ у нихъ былъ убитъ еще одинъ человекъ ³⁾; но во всякомъ

¹⁾ *Inland* 1855, p. 748. Авторъ замѣтки о Рижской долговой книгѣ беретъ приведенныя указанія о русской колоніи въ Ригѣ изъ такъ-называемой *Denkelbok des Rig. Magistrats*.

²⁾ Грамота епископа Іосифа 1521 года о назначеніи къ церкви св. Николая въ Ригѣ священника Ивана въ Русск.-Лив. Акт., № 370. Въ другой грамотѣ отъ 1523 года Полочане просятъ рижскій магистратъ довѣрить ключи отъ ихъ церкви новому священнику, по имени Матвѣю Явловичу (тамъ же, № 374). Но доходами подошвой церкви завѣдывали рижскіе ратманы, вѣроятно, потому, что часть доходовъ назначалась въ пользу Риги.

³⁾ Оправданіе сему дѣлу писалъ Рижскій архіепископъ къ Смоленскому князю Федору Ростиславичу; не отвергая ограбленія и убійства онъ говоритъ однако, что въ этомъ виноваты не Рижане (развѣ Литовцы?) Русск.-Лив. Акты, № 34.

случаѣ въ основаніи жалобы находится нѣсколько дѣйствительныхъ случаевъ насилія со стороны Витебскаго князя. О личности его самого ничего неизвѣстно; быть можетъ, онъ сынъ того Константина, который уступилъ Нѣмцамъ Лотыголу, какъ догадываются издатели грамоты¹⁾; и дѣйствительно, въ ней сдѣланъ отзывъ объ этомъ Константинѣ, какъ вѣрномъ защитникѣ и пріятелѣ Нѣмцевъ. Жалобы ратмановъ и побочныя обстоятельства всего дѣла такъ живо рисуютъ условія торговли того времени, что мы позволимъ себѣ передать сущность этого документа, опуская нравственныя разсужденія и увѣщанія князю, которыми ратманы сопровождаютъ свои обвиненія. Онѣ сводятся къ слѣдующимъ пунктамъ:

Одинъ нѣмецкій купецъ, еще первую зиму торговавшій въ Витебскѣ, пошелъ однажды изъ города къ тому мѣсту, гдѣ стояла литовская рать, съ намѣреніемъ купить плѣнницъ („дѣвки купить“), и на дорогу вооружился мечомъ. Но, идя, онъ заблудился къ одному монастырю, какъ вдругъ изъ него выскочили три чернеца и съ ними еще четвертый человекъ; всѣ они бросились на Нѣмца, обезоружили его и избили²⁾. А князь на другой день взялъ его, оковалъ цѣпями и въ такомъ состояніи держалъ у себя, а товара у него отнял на три берковца воску.—Однажды на товарищеской попойкѣ случилось, что одинъ нѣмецкій купецъ убилъ другого до смерти. Воясь за собственную жизнь, убійца бѣжалъ къ Витебскому князю, а Нѣмцы пришли къ нему и стали требовать выдачи преступника. Князь выдалъ его, но затѣмъ пошелъ въ его клѣтѣ и захватилъ въ свою пользу товаръ убійцы, тогда какъ товаръ этотъ, какъ замѣчаютъ ратманы, — слѣдовало выдать родственникамъ преступника. Тутъ же князь захватилъ товаръ другого ни въ чемъ не виноватаго купца, а именно волчьи мѣха на сумму пяти марокъ серебра³⁾. Когда купецъ,

1) Русск.-Лив. Акты, № 49. Грамота не означена годомъ, но по всей вѣроятности принадлежитъ концу XIII вѣка. Очевидно, ее писалъ по порученію магистрата какой-нибудь русскій человекъ, проживавшій въ Ригѣ, такъ что для исторіи русскаго языка она представляетъ превосходный источникъ живой русской рѣчи того времени. Издатели полагаютъ, что грамота не была вовсе послана къ Витебскому князю; но еслибы это было и такъ—что еще не доказано,—то она ни мало не терпѣтъ отъ того значенія весьма важнаго памятника въ исторіи торговли Русскихъ съ Ригой.

2) По всей вѣроятности монахи приняли этого купца за лазутчика; въ виду Литовцевъ, расположившихся неподалеку отъ города и монастыря, они могли быть подозрительны ко всякому прохожему.

3) «Волкы жо овчны на 5 серебра», то-есть, разумется 5 марокъ или гривень.

бывшій въ то время въ Смоленскѣ, узналъ объ арестѣ своего товара, онъ тотчасъ сѣлъ на коня, и прибывъ въ Витебскъ, просилъ князя возвратити ему отнятое имущество; но князь не возвратилъ.—Въ одинъ день князь велѣлъ прокричать на торгу, чтобы гость съ гостемъ не смѣлъ торговать. Услыхавъ такое распоряженіе, купецъ Фридрихъ пошелъ къ князю и испросилъ у него особенное позволеніе продать одному человѣку мѣшокъ соли. Онъ хотѣлъ было взвѣшивать соль, но дворяне князя, стоявшіе на гостиномъ дворѣ, не дали ему вѣсить; они выхватили у Фридриха ключъ отъ клѣтки и пошли прочь; затѣмъ явился княжескій дѣтскій Плосъ и позвалъ Фридриха съ собою отъ имени князя; дорогой онъ завелъ его въ одну избу, гдѣ будто бы находился князь, но тутъ снялъ съ него одежду, заковалъ ему шею, руки и ноги и предалъ истязаніямъ („и мучилъ его такъ, какъ буди Богу жаль“). Князь же въ то время послалъ другихъ дѣтскихъ на подворье Фридриха, и тѣ разграбили его товаръ на четыре капи воску ¹⁾.—Какъ-то разъ Нѣмцы отправляли своихъ коней изъ Смоленска въ Витебскъ; при этомъ князь осмотрѣлъ ихъ и облюбовалъ одного коня, принадлежавшаго Герлаху. Онъ сталъ давать за этого коня десять изроевъ ²⁾, но тѣ не соглашались продать, такъ какъ де конь принадлежалъ не имъ; но когда князь предложилъ проводниковъ отъ Витебска до Смоленска и обратно до Полоцка, то Нѣмцы уступили коня. Сначала они поѣхали въ Смоленскъ въ сопровожденіи пристава Прокошія, которому по приѣздѣ туда подарили часть скарлата (краснаго сукна), при чемъ приставъ заявилъ готовность ѣхать въ обратный путь, какъ только понадобится купцамъ, но вскорѣ ускакалъ въ Витебскъ, оставивъ Нѣмцевъ безъ провода. А потому, заключаютъ ратманы,—князь не выполнилъ своего обѣщанія и долженъ отдать назадъ коня, либо деньги; въ противномъ случаѣ Герлахъ бу-

¹⁾ Такъ какъ Фридрихъ торговалъ солью, то выраженіе, товаръ на 4 капи воску должно понимать въ смыслѣ стоимости всей соли этого купца. Слѣдовательно, капъ воску и берковецъ воску считались въ тогдашней торговлѣ за единицы цѣнности вообще, какъ деньги.

²⁾ Этимологія слова изрой намъ неизвѣстна. О величинѣ же этой денежной единицы можно судить по даннымъ Рижской долговой книги и Русской правды. Въ первой конь оцѣняется въ 1½ марки, потомъ 2¼, иногда 3 марки серебра. (D. Rig. Schuldb., Einleit., p. LVI.) Это весьма близко подходитъ къ цѣнамъ Русской правды, гдѣ конь цѣнится въ 2 гривны (простой) и 3 гривны (княжія). См. «Промышленность древ. Руси», Н. Аристова, стр. 296.

детъ искать своего коня, какъ сможетъ ¹⁾). Разъ при отправленіи купцовъ изъ Витебска въ Смоленскъ Литовцы перехватили ихъ подъ самымъ городомъ, перевязали ихъ и отняли товару на 73 гривны серебра корнаго ²⁾; между тѣмъ князь ничего не сдѣлалъ для защиты купцовъ: „аже бы ся то дѣяло при отче твоємъ Костянтине, тая бы обида николиже была нашей братѣи“, добавляютъ ратманы и требуютъ, чтобы князь уплатилъ за весь ограбленный въ его волости товаръ.—Братъ князя торговалъ съ Ильбрантомъ на сумму 30 изроевъ, изъ которыхъ не уплатилъ 13-ти; ратманы требуютъ, чтобы князь раздѣлялся, „своего брата душе постерега“ (должно быть, послѣдній ужъ умеръ) ³⁾.—Самъ князь торговалъ съ Фридрихомъ и Шахматомъ, но не расплатился съ ними ⁴⁾. Послѣднее обвиненіе состоитъ въ томъ, что при взвѣшиваніи князь бралъ лишнія пошллы.

Въ заключеніе ратманы говорятъ, что они не оставляютъ безъ вознагражденія своихъ обидъ, что они будутъ жаловаться Богу и тѣмъ людямъ, которые любятъ правду, а кривду ненавидятъ, то-есть, проща говоря, угрожаютъ войной. Не извѣстно, привели ли они свои угрозы въ исполненіе, какъ не извѣстно остается и то, сколько было дѣйствительной правды на ихъ сторонѣ. Одно только очевидно при чтеніи грамоты, что магистратъ старался описать обиды своихъ купцовъ сколько можно жалобнѣе.

VI.

Но при всѣхъ неудобствахъ, въ какихъ находилась торговля на Двинѣ, предприимчивые купцы не теряли надеждъ на большіе барыши и пускались въ торговныя предпріятія всякій разъ, какъ только наступали нѣсколько благоприятныя условія для торговыхъ сношеній. А въ самой Ригѣ Русскимъ былъ открытъ довольно значительный

¹⁾ Издатели справедливо полагаютъ, что этотъ Герлахъ былъ рижскій ратманъ.

²⁾ Не происходитъ ли слово *корный* отъ *кренуть* (кренуть, *купить*)? И тогда корное серебро не означаетъ ли обыкновенныхъ *денегъ*, на которыя производится всякая *купля-продажа*. Тогда корное серебро противопоставалось бы серебру на вѣсъ или въ слиткахъ.

³⁾ Этотъ Ильбрантъ (Гильдебрандъ), вѣроятно, есть тотъ купецъ, о которомъ въ Рижской долговой книгѣ (запись № 1251) говорится, что онъ вздять торговать въ Полоцкѣ.

⁴⁾ Въ изданіи Русск.-Лив. Акт. напечатано: «шахматъ Фридрихъ». Г. Гильдебрандъ читаетъ здѣсь два собственныхъ имени (D. deut. Kontov zu Polozk, p. 375).

кредитъ, особенно подѣ воскъ, какъ это увидимъ сейчасъ изъ долговой книги.

Рижская долговая книга, веденная при магистратѣ въ теченіе 1286—1352 годовъ, содержитъ въ себѣ 1909 почти исключительно долговыхъ записей. Число записей, специально относящихся до Русскихъ, которые являются должниками и кредиторами, имѣющими дѣла съ рижскими купцами и между собою, простирается слишкомъ до трехъ сотъ, что составляетъ около 16% всего количества внесенныхъ въ книгу записей. Всѣ долговые обязательства со стороны Русскихъ совершены между 1286 и 1327 годами, но самая большая масса ихъ (слишкомъ 200) приходится на первое десятилѣтіе пользования долговою книгой, когда торговли Русскихъ въ Ригѣ является весьма оживленною (1286—1295 гг.), между тѣмъ какъ въ остальной періодъ времени, слишкомъ въ 30 лѣтъ (1296—1327 гг.), записано меньше ста сдѣлокъ. Должно впрочемъ замѣтить, что одна долговая книга не можетъ служить показателемъ всего количества торговыхъ сдѣлокъ на кредитъ. Дѣло въ томъ, что ссуды, кредитъ и другія обязательства могли заключаться и внѣ рижскаго магистрата, напри- мѣръ, въ присутствіи нѣсколькихъ ратмановъ и вообще вліятельныхъ лицъ, владѣвшихъ въ городѣ недвижимою собственностью¹⁾; сдѣлки, совершенныя при этихъ лицахъ, имѣли законную силу безъ внесенія въ долговую книгу, вслѣдствіе чего къ ней стали прибѣгать рѣже, а потомъ и вовсе перестали ею пользоваться. Кромѣ того, должно принять въ соображеніе и то, что по словамъ издателя книги, изъ нея вырвано болѣе половины листовъ, частію ужъ исписанныхъ, съ чѣмъ, конечно, для насъ утратилось нѣсколько данныхъ о торговлѣ Русскихъ въ кредитъ²⁾.

Было упомянуто выше, что Русскіе составляли въ Ригѣ значительную колонію, населяя тамъ цѣлую улицу, имѣя свою церковь и торговый дворъ. Но остается вопросъ: на сколько эта колонія была постоянною или временною? Долговая книга представляетъ двоякаго рода указанія по сему предмету. Съ одной стороны нѣсколько Русскихъ, какъ Афремъ, Семень, Тимоѣей, Петръ, Дмитрій и Якимъ Скорнякъ, являются въ Ригѣ владѣтелями недвижимаго имущества—земли и домовъ, поступающихъ въ закладъ кредиторамъ, и въ ка-

¹⁾ Raatlude ofte winkopeslude, какъ они называются въ одномъ кодексѣ рижскаго права (D. Rig. Schuldb., p. XVIII).

²⁾ Ibid., p. XIII.

чествѣ каковыхъ владѣльцевъ должны быть причислены къ гражданамъ рижскимъ, какъ это слѣдуетъ по рижскимъ законамъ ¹⁾. Вѣроятно, къ гражданамъ же принадлежатъ богатые кредиторы Степанъ съ сыномъ Ксенофонтомъ и Кузьма, а также крупные торговцы Иванъ и его тезка, обыкновенно называющійся „Johannes Rutenus“ ²⁾. Съ другой стороны, временно торгующими въ Ригѣ оказываются Юрианъ и Маварій, граждане дерптскіе ³⁾. На квартирѣ живутъ Павель и Геннеке у Оомы, Якимъ—у Големпе, вѣроятно, также въ качествѣ временно пріѣзжихъ торговцевъ ⁴⁾. О многихъ Русскихъ говорится, что они уплатятъ свои долги по возвращеніи въ Ригу изъ своихъ поѣздокъ. Отсюда впрочемъ не слѣдуетъ, что всѣ они суть временно пріѣзжіе въ Ригу, потому что и рижскіе граждане, напримѣръ, Семень и Дмитрій также ѣздятъ внутрь Россіи для закупки товаровъ, и они производятъ свои уплаты по возвращеніи въ Ригу ⁵⁾. Что касается до такихъ лицъ, какъ Яковъ Бобръ изъ Полоцка, Добрый, Сидѣлый (Sedil), Кондрать, Сидоръ и Лукавый изъ Пскова, Иванъ изъ Рѣжицы, Оома изъ Искуля, Андрей изъ Кукейноса, то и на нихъ можно смотрѣть двояко: они могутъ быть или временными гостями Риги, или ея постоянными жителями, но выходцами изъ означенныхъ мѣстностей, по которымъ въ данное время они носятъ свои фамилии ⁶⁾. Но если нельзя опредѣленно сказать, въ какой именно степеніи Русскіе, упоминаемые въ долговой книгѣ, суть временные или постоянные жители Риги, то навѣрное можно утверждать, что большинство ихъ суть уроженцы изъ области

¹⁾ D. Rig. Schuldb., р. LXXIX. Записи, относящіяся до названныхъ лицъ, слѣдующія: 10-я, 14-я, 310-я, 302-я, 1261-я, 1324-я, 1340-я, 1511-я.—Дмитрій и Якимъ прямо названы cives. Не извѣстно, относится ли къ собственникамъ и гражданамъ Акакій: по записи 1513-й этого прямо невидно. Кажется, что у Оомы есть свой домъ, судя по записи 1231-й.

²⁾ Степанъ и Ксенофонтъ одолжили однажды някому Эвергарду 180 марокъ серебра, что составляетъ весьма значительную сумму по тогдашнему времени (зап. 360-я). Кузьма много разъ одождаетъ Русскихъ (зап. 66-я, 534-я и т. д.), но самъ никогда не бываетъ должникомъ. Объ Иванѣ и Юганнѣ нѣсколько подробностей послѣ.

³⁾ Записи 312 и 1.501.

⁴⁾ Зап. 1231-я и 1670-я. Геннеке (Henneke Rutenus) есть, вѣроятно, уменьшительное отъ какого-нибудь русскаго имени въ родѣ Гекнадій, Евгеній и т. п.

⁵⁾ Зап. 1335-я и 1712-я. Ср. 729-я, 1239-я и др., гдѣ встрѣчается обычная формула Solvent, cum redierint.

⁶⁾ Записи 875-я, 307-я, 1326-я, 1767-я, 1676-я, 599-я, 19-я.

Западной Двины, а именно изъ Полоцка, Витебска и другихъ городовъ и мѣстъ, для которыхъ Рига естественно была главнѣйшимъ рынкомъ и даже мѣстомъ поселенія, болѣе или менѣе продолжительнымъ. Кроме вышеприведенныхъ соображеній по поводу полоцкой церкви въ Ригѣ, укажемъ еще на слѣдующіе факты, которые также подтверждаютъ этотъ взглядъ. Въ 1288 и 1292 годахъ нѣмецкіе купцы (въ томъ числѣ и рижскіе) были ограблены Псковичами и Новгородцами на весьма значительную сумму ¹⁾. Если же по Рижской долговой книгѣ Русскіе имѣютъ наибольшій кредитъ въ десятилѣтіе съ 1286 по 1295 годъ, то очевидно, что не Новгородцы и Псковитяне пользовались этимъ кредитомъ, а именно Полочане, Витебляне и вообще Русскіе изъ области Двины,—потому что Рига вслѣдствіе ограбленія своихъ купцовъ должна была прекратить торговля сношенія со Псковомъ и Новгородомъ на болѣе или менѣе продолжительный срокъ. Быстрый же упадокъ кредита для Русскихъ послѣ 1295 года долженъ быть объясняемъ въ значительной степени событіями въ Витебскѣ при князѣ Михаилѣ Константиновичѣ ²⁾. Что касается до смоленскихъ купцовъ въ Ригѣ, то о нихъ нѣтъ указавій въ долговой книгѣ, хотя нѣтъ сомнѣнія, что Смоленяне посѣщали Ригу. То же должно сказать и о Новгородцахъ. Замѣчательно, что въ сдѣлкахъ между рижскими Нѣмцами нерѣдко упоминаются новгородскія марки (=гривны) серебра и новгородскій вѣсъ серебра ³⁾; но всей вѣроятности, въ такихъ случаяхъ дѣло идетъ о тѣхъ Нѣмцахъ, которые занимаютъ по преимуществу новгородскую торговлю. Должно впрочемъ замѣтить вообще, что для Новгорода и Пскова Рига далеко не была такимъ важнымъ рынкомъ, какъ для Полоцка и Витебска: Псковъ находился въ ближайшей торговой связи съ Дерптомъ и Нарвой, а для Новгорода главною торговою дорогою были Волховъ и Нева.

Весьма вѣроятно, что приѣзжіе полоцкіе купцы составляли въ Ригѣ особенное „купецество“ при церкви св. Николая, хотя изъ Рижской долговой книги видно что Русскіе ведутъ свою торговлю только небольшими компаніями, человѣка въ три или четыре, а все-

¹⁾ Счетъ товаровъ, захваченныхъ Псковичами и Новгородцами, съ поименованіемъ потерпѣвшихъ купцовъ см. у. *Sartorius—Lappenberg* Urkundl. Gesch. d. Urspr d. deutsch. Hanse, II, №№ 70 и 71.

²⁾ Вотъ почему и жалобу рижскихъ ратмановъ точнѣе можно отнести къ последнему пятилѣтію XIII вѣка.

³⁾ Запис. 210-я, 290-я, 610-я, 976-я.

го чаще по двое. Притомъ эти компаніи существуютъ не по долгу; замѣтно, что онѣ образуются для веденія какого-нибудь ближайшаго дѣла, по совершеніи котораго распадаются, послѣ чего образуются другія товарищества съ новою группировкой лицъ; быть можетъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ это не суть компаніи съ торговою дѣлюю, а только нѣсколько поручителей за одного должника. Большею устойчивостью отличаются компаніи родственниковъ ¹⁾; любопытно, что однажды являются лично отвѣтственными должниками мужъ и жена ²⁾. Нерѣдки наконецъ случаи, когда Русскіе ведутъ свои дѣла въ товариществѣ съ Латышами, Ливами и Нѣмцами, съ послѣдними всего рѣже ³⁾.

Русскіе внесены въ долговую книгу почти всегда должниками; случаи, когда они являются кредиторами, весьма рѣдки и принадлежатъ къ исключеніямъ ⁴⁾. За то кредиторы Русскихъ весьма многочисленны. Первое мѣсто между ними по количеству ссудъ и вообще по положенію въ средѣ рижскаго купечества принадлежитъ ратманамъ, каковы Сведеръ Мюнстерскій, Гельмикъ, Бруно Кельнскій, Герлахъ Рузе и др., для которыхъ на концѣ книги были отведены особыя страницы. Вообще кредиторы Русскихъ гораздо многочисленнѣе ихъ самихъ, что, по видимому, указываетъ на довольно выгодное положеніе Русскихъ въ Ригѣ, такъ какъ они могли бы выбирать между нѣсколькими кредиторами, не попадая въ исключительную зависимость отъ какого-нибудь одного изъ нихъ. За то, съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что только немногіе Русскіе выдаются своими большими оборотами и имѣютъ себѣ большой кредитъ. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны Якимъ Скорнякъ съ двумя зятями, Василий товарищъ Мануила, Ивапъ, а всѣхъ больше — Іоаннъ (*Johannes Rutenus*), относительно котораго считаемъ не-

¹⁾ Очень часто встрѣчаются: Якимъ Скорнякъ съ двумя зятями Васильемъ и Семеномъ, а также Іоаннъ съ зятемъ Петромъ. Другіе родственники большею частью — братья.

²⁾ *Turentey Rutenus et uxor sua*. Зап. 1387-я.

³⁾ Тома изъ Икскуля обыкновенно торгуетъ съ Ливами; изъ Латышей, то варищей Русскихъ по торговлѣ, особенно часто встрѣчаются Плюдеке и Пуреке. Съ Нѣмцами входятъ въ компанію только двое Русскихъ (запис. 950-я и 1513-я). Припомнимъ, что въ Полоцкѣ были запрещены компаніи Нѣмцевъ съ Русскими.

⁴⁾ Кромъ упомянутыхъ выше кредиторовъ, встрѣчаются и другіе (человѣкъ десять), которые даютъ въ долгъ, большею частью Русскимъ же. Въ долгъ Нѣмцамъ даютъ: Головкинъ (зап. 291) и еще *quidam Rutenus* (зап. 1210).

лишнимъ привести нѣсколько подробностей. вмѣстѣ съ зятемъ, иногда съ другими товарищами, но чаще одинъ, онъ записанъ въ долговую книгу между 1288 — 1296 годами 50 разъ, что составляетъ почти $\frac{1}{6}$ всѣхъ записей, относящихся до Русскихъ. Имѣя до срока кредиторовъ, онъ обязывается уплатить имъ около 150 марокъ серебра и слишкомъ 300 лиспфундовъ воску. Этотъ Іоаннъ и другіе, сейчасъ упомянутые съ нимъ купцы изъ Русскихъ (какъ кажется *все* рижскіе граждане), и держали въ своихъ рукахъ крупную торговлю воскомъ, тогда какъ большинство другихъ Русскихъ (пріѣзжіе въ Ригу на время) играли роль только второстепенныхъ посредниковъ и поставщиковъ этого драгоценнаго произведенія Литвы и Руси. Выходить такимъ образомъ, что поселяясь въ Ригѣ, Русскіе выигрывали весьма много, какъ ловкіе посредники между Нѣмцами и своими единоплеменниками, пріѣзжавшими торговать въ Ригу. Кроме того, въ качествѣ рижскихъ гражданъ они пріобрѣтали право заморской торговли, чѣмъ и пользуется, на примѣръ, Тимошка, который около 1327 года торгуетъ въ Любекѣ ¹⁾.

Долги Русскихъ происходили въ такой формѣ, что рижскіе купцы давали имъ заморскіе товары, а Русскіе обязались доставлять за нихъ известное количество сырыхъ продуктовъ, преимущественно воску, а частью — мѣховъ. Правда, что въ записяхъ почти нигдѣ не говорится, за какой именно товаръ Русскіе остались должниками, но на основаніи свидѣній о торговлѣ новгородскаго двора должно полагать, что и въ Ригѣ русскіе купцы покупали преимущественно сукна и полотна, два важнѣйшія произведенія европейскихъ фабрикъ и главнѣйшій предметъ ввоза въ Россію ²⁾. Хотя долги Русскихъ въ большинствѣ случаевъ также показаны въ деньгахъ (случаи уплатъ деньгами и воскомъ приблизительно относятся, какъ 2 къ 1), но тутъ далеко не всегда можно видѣть простыя денежныя ссуды: справедливо конечно, что для Нѣмцевъ гораздо выгоднѣе было отпускать Русскимъ товаръ подъ деньги, или товаръ подъ товаръ, чѣмъ давать простыя денежныя ссуды: онѣ такъ рѣдки, что ихъ нужно отнести только къ исключеніямъ ³⁾.

¹⁾ Thymuske Ruthenus.. solvit Lubek“.. зап. 1511-я.

²⁾ Припомнимъ полотно, которое Нѣмцы дарятъ Смоленской княгинѣ, а также скарлатъ, данный Витебскому приставу. О привозѣ золота, серебра, мѣди, олова и соли говорится въ договорахъ 1229 и 1330 гг. (Русск.-Лив. Акты, № 74.)

³⁾ Соображеніе г. издателя долговой книги, стр. XXII и XXIV. Денежныя

Самымъ важнымъ предметомъ рижской торговли въ средніе вѣка были воскъ, который изнутри Россіи чрезъ Ригу шелъ въ западную Европу: цѣлая треть записей, относящихся до Русскихъ, положительно говоритъ о воскѣ, какъ предметѣ уплаты, да и въ большинствѣ остальныхъ случаевъ нужно предполагать уплату этимъ же товаромъ. Иногда Русскіе представляютъ его въ огромномъ количествѣ: такъ однажды Василій, зять Якима, обѣщается поставить Генриху Борнесь сразу полъ-ласта ¹⁾. Воскъ представляли на продажу обыкновенно перетопленнымъ (*seca resoluta, was geschmolten*), при чемъ ему давали форму круглыхъ кусковъ, вѣсомъ въ полшпунда или десять лиспфундовъ ²⁾. Гораздо рѣже чѣмъ воскомъ Русскіе платятъ долгъ мѣхами, а именно мѣхами зайцевъ, бѣлокъ, ластокъ и рыси. Мѣха покупали счетомъ, и обыкновенною единицей было такъ-называемое *linter*, вѣроятно соответствующее русскому *сороку* ³⁾. Какъ было замѣчено, въ записяхъ почти не говорится, за какой именно товаръ Русскіе вошли въ долгъ у Нѣмцевъ: исключеніе представляется только въ трехъ случаяхъ, гдѣ указано, что деньги и мѣха имѣютъ быть уплачены за коней ⁴⁾.

сеуды явно видны въ записяхъ 151-й и 1860-й. Въ Ригѣ были и банкеры (*campores*), какъ напримѣръ, Іоганнъ, сеудившій марку серебра Борису и Константину (зап. 251-я). Но это—исключенія.

¹⁾ Зап. 1623-я. Половина ластва = 6 шпундамъ = 120 лиспфундамъ = 15 капля (D. Rig. Schuldb., p. LVII).

²⁾ Эти куски — *frusta* — только приблизительно равняются русской мѣшкѣ (8 лиспфундовъ), почему въ долговой книгѣ отличается *cap* или *frusta Rulonica*. Весьма существенныя замѣчанія о значеніи воска въ рижской торговлѣ, о различныхъ его сортахъ и относящейся до него терминологіи приводятся г. издателемъ (Einleit., p. LI—LIV.). Къ объясненію имъ *seca sine pede* считаемъ не лишнимъ добавить, что въ договорѣ Полоцка съ Ригой 1330 г. есть выраженіе, дословно съ тѣмъ сходное: «*woskъ безъ подвсады*». Кажется, что изъ русскаго языка должно объяснять *tedewas*, названіе какого-то сорта воска (зап. 355-я и 1638-я). Не означаетъ ли оно *желтаго* воска, пожелтого цвѣтомъ на медъ, или воска, неполнѣе свободнаго отъ *примѣси меда*?

³⁾ Зап. 216-я, 250-я, 298-я, 732-я, 949-я, 1537-я, 1624-я, 1680-я. Этими записями и ограничиваются указанія на торговлю мѣхами. Но что они составляли важнейшій послѣ воска товаръ, въ этомъ убѣдиться можно изъ приведенной выше инструкціи магистрата къ полоцкимъ Нѣмцамъ.

⁴⁾ Зап. 216-я, 950-я и 1347-я. Лошади нужны были на обратную поѣздку изъ Риги. «А кони намъ у васъ у Ризе купити, на чемъ у верхъ вхати» (Русск.-Лив. Акты, № 154). Въ другомъ договорѣ это выражено еще яснѣе: «а отюле (изъ Полоцка) поѣхали водою, а отюле (изъ Риги) ужо велга вхати водою,—замерзеть а они собъ тамъ кони покупатьъ» (тамъ же, № 267).

Долги Русскихъ большею частью краткосрочные, не болѣе какъ въ предѣлахъ одного года; случаи болѣе продолжительнаго срока, а также случаи уплаты долга по частямъ въ два или болѣе разъ,—очень рѣдки ¹⁾. Самымъ обыкновеннымъ срокомъ служить Пасха, или правильнѣе, начало навигаціи по Двинѣ, совпадающее съ этимъ праздникомъ (*prima aqua*). Въ эту пору Русскіе ѣхали внизъ по Двинѣ въ Ригу, а рижскіе Нѣмцы отправляли въ Европу воскъ и мѣха, доставленные Русскими или закупленные ими самими во время зимнихъ поѣздокъ въ Россію и Литву. Въ нѣкоторыхъ записяхъ сроки вовсе неозначены, по не досмотру ли писцовъ, или быть можетъ, потому, что здѣсь подразумѣвается обычное выраженіе: *solvent cum redierint*. Много долговъ Русскихъ остались не уплаченными, если судить по не зачеркнутымъ записямъ долговой книги ²⁾. Кажется впрочемъ, что нѣкоторыя записи не зачеркнуты или не выскоблены остались по неисправности секретарей, число которыхъ во время пользованія долговою книгой доходило до шестнадцати; а такъ какъ долговая книга въ виду постепенно утрачивала официальное значеніе, то и не исправное веденіе записей и вычеркиваніе ихъ могло допускаться даже сознательно. Наконецъ, уплата долговъ могла совершаться при постороннихъ свидѣтеляхъ внѣ рижскаго магистрата. Но еслибъ эти соображенія не имѣли цѣны, и еслибы не вычеркнутыя записи дѣйствительно всегда означали не уплаченные долги, то барыши наличной торговли и нѣсколько исправныхъ платежей достаточно покрывали долги немногихъ несостоятельныхъ русскихъ купцовъ, съ которыми Нѣмцы вели свои дѣла.

Въ заключеніе обратимъ вниманіе на одну замѣчательную запись, находящуюся на страницѣ ратмана Сведера Мюнстерскаго, которая говоритъ слѣдующее: „Николай, по прозванію Волкъ, долженъ 103¹/₄ марки серебра, которыя уплатить къ Пасхѣ 1287 года. Тотъ же вышеозначенный Николай обязался при этомъ, что онъ не пойдетъ въ землю Суздальскую“ ³⁾. Послѣднее обязательство можетъ быть понимаемо такъ, что Николай Волкъ былъ пріѣзжій изъ Суздаля, и потому, занявъ у Сведера значительную сумму денегъ, онъ въ обезпеченіе долга остается въ Ригѣ до окончанія своихъ торговыхъ дѣлъ,

¹⁾ Зап. 66-я, 862-я, 1397-я, 1824-я, 1860-я.

²⁾ Вычисленіе не зачеркнутыхъ записей сдѣлано издателемъ книги на стр. LXXIII—LXXV.

³⁾ Зап. № 1770: «... Idem antedictus Nicolaus se adhoc obligavit, quod terram Susdale non intrabit».

послѣ чего будетъ въ состояніи расплатиться. Но кажется, вѣрнѣе будетъ такое пониманіе, что Николай былъ рижскій купецъ русскаго происхожденія, и что занявъ деньги, онъ отказался отъ своего права участвовать въ торговыхъ поѣздкахъ въ Суздаль для Сведера и вообще для той гильдіи купцовъ, которая занималась торговлей спеціально въ Суздальской землѣ¹⁾. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ изъ приведенной записи видно, что Рига въ концѣ XIII вѣка имѣла торговныя сношенія съ Суздальскимъ краемъ и вообще съ областью средней Волги, откуда, вѣроятно, и зашло въ Ригу употребленіе термина „болгарская капъ“ (frusta Bulgarsch)²⁾. Эти сношенія продолжались и позже: въ одномъ письмѣ конца XV вѣка Полочане пишутъ въ Ригу: „вашихъ есмо купцовъ пропустили къ Витебську и къ Смоленску, оли жъ и на Москвѣ побывали“³⁾. Путь въ тѣ края проложили для Риги, конечно, ея русскіе обитатели.

М. Бережковъ.

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томъ XVIII.
(Донесенія австрійскаго посланника при С.-Петербургскомъ дворѣ графа
Мерси-Аржанто императрицѣ Маріи-Терезіи и канцлеру графу Кауницю.
Съ 5-го января по 24-е юля 1762 года).

Весьма недавно приходилось намъ говорить о новомъ томѣ Сборника Русскаго Историческаго Общества, содержащемъ документы, которые относятся къ пребыванію Фалькопета въ Петербургѣ, а теперь предъ нами лежитъ еще томъ, чрезвычайно интересный по вошедшимъ въ него матеріаламъ. Заимствованы они изъ Вѣнскаго государственнаго архива и состоятъ изъ донесеній, которыя австрійскій посланникъ при нашемъ дворѣ графъ Мерси-Аржанто доставлялъ Маріи-Терезіи и графу Кауницю за періодъ времени отъ кончины императрицы Елисаветы до первыхъ дней воцаренія Екатерины II. Любители историческихъ изслѣдованій имѣли уже возможность познакомиться съ этимъ замѣчательнымъ дипломатомъ: извѣстна роль, которую игралъ онъ въ началѣ французской революціи, стараясь, чрезъ посредство Ламарка, привлечь Мирабо на сторону двора (см. книгу *Correspondence de Mirabeau avec le comte de la Marck*), и еще гораздо любопытнѣе, какъ оказывается изъ документовъ, обнародованныхъ въ недавнее время г. Арпетомъ, его дѣятельность предъ революціонными смутами, когда въ качествѣ довѣреннаго лица императрицы Маріи-Терезіи онъ руководилъ королеву Марію-Антуанету своими совѣтами и старался отвратить отъ нея страшныя несчастія. Всѣ дѣйствія графа Мерси-Аржанто доказываютъ, что это былъ человекъ замѣчательнаго и тонкаго ума, обладавшій рѣдкимъ тактомъ и наблюдательностью. Понятно, слѣдовательно, какой интересъ должны представлять свѣдѣнія, которыя сообщалъ онъ своему правительству о Россіи въ кратковременное царствованіе Петра III, ибо преимущественно къ этому времени относятся обнародованныя нынѣ его бумаги. Дѣйствительно, онъ въ высшей степени любопытенъ.

Вступленіе на престолъ преемника императрицы Елисаветы Петровны было событіемъ громадной важности не только для нашего отечества, но и вообще для Европы. Всѣ сознавали, что оно должно было произвести рѣшительную перемену во взаимныхъ отношеніяхъ европейскихъ государствъ, напругавшихъ свои силы въ продолжительной войнѣ. Если Фридрихъ Великій имѣлъ причины ожидать для себя отъ этого событія самыхъ счастливыхъ результатовъ, то другіе смотрѣли на возможность его съ крайнимъ страхомъ и смущеніемъ. Еще позднеѣ чѣмъ оно совершилось, государственные люди не переставали обращаться къ нему своими помыслами. „.....Нѣтъ ничего опаснѣе въ настоящую минуту, писалъ въ 1759 году датскій министръ Бернсторфъ герцогу Шуазелю ⁴⁾,—ничего что въ такой степени вызывало бы серьезное вниманіе великихъ державъ, какъ эта связь (между Петромъ и королемъ Фридрихомъ Великимъ), связь столь интимная, что наслѣдникъ россійскаго престола позволяетъ себѣ говорить открыто противъ политики и дѣйствій своей государыни, противъ очевиднѣйшихъ интересовъ имперіи, которою онъ будетъ призванъ управлять,—связь овладѣвшая его сердцемъ до того, что онъ ослѣпляетъ себя относительно опасностей, сопряженныхъ съ подобнымъ поведеніемъ. Какъ сильно должно быть поглощенъ его умъ мыслью о мнимыхъ выгодахъ такого союза, если уже теперь не отказывается онъ себѣ въ удовольствіи выражать свой образъ мыслей! Съ другой стороны не та ли же самая перспектива служить поддержкою для короля прусскаго и воодушевляетъ его въ томъ необыкновенномъ сопротивленіи, которое противопоставляетъ онъ усиліямъ столькихъ враговъ! Признаюсь, мнѣ приходятъ на умъ самыя серьезныя и самыя печальныя размышленія, когда представляю я себѣ, что гранью между теперешнимъ моментомъ и событіемъ, котораго я страшусь, служить власть и жизнь болѣзненной монархини..“ Шуазель старался показать, что не поддается этимъ опасеніямъ, но очевидно, что въ сущности онъ самъ вполне раздѣлялъ ихъ. „Императрица Елисавета, утѣняль онъ Бернсторфа, паходится еще въ такихъ годахъ и пользуется такимъ здоровьемъ, что — судя по естественному ходу вещей—все обѣщаетъ ей продолжительное царствованіе. Къ тому же всякій принцъ, возлагающій на себя корону, видитъ вещи далеко не въ такомъ свѣтѣ, въ какомъ онѣ представлялись ему, когда

⁴⁾ Correspondance entre le comte Bernstorff et le duc de Choiseul. 1871, 27—28.

онъ былъ наслѣдникомъ престола.“ Едва ли не болѣе другихъ озбоченъ былъ Вѣнскій дворъ. Взоры его съ тревогою обращены были на С.-Петербургъ, откуда пришло наконецъ извѣстіе, что событіе, которое такъ сильно смущало правительства, участвовавшія въ коалиціи противъ Фридриха, совершилось — и совершилось въ такую минуту, когда коалиція надѣялась пожать плоды своихъ чрезвычайныхъ усилій.

Эпизодъ царствованія императора Петра достаточно уже выясненъ теперь для насъ во всѣхъ своихъ подробностяхъ. Между прочимъ, въ самое послѣднее время весьма рельефно изображенъ былъ онъ С. М. Соловьевымъ въ XXV томѣ его „Исторіи Россіи“; еще прежде того, г. Щебальскій посвятилъ довольно подробную монографію тогдашнимъ отношеніямъ нашего правительства къ Европѣ; мы имѣемъ также не мало отзывовъ иностранныхъ дипломатовъ о порядкѣ вещей, водворившемся у насъ съ воцареніемъ Петра III,—отзывовъ ихъ, разсѣянныхъ у разныхъ писателей, начиная съ Раумера въ его „Beiträge zur neueren Geschichte“ и кончая Германномъ, въ его „Geschichte des russischen Staats“. Поразительную картину эпохи, о которой идетъ рѣчь, достойнымъ образомъ пополняютъ теперь донесенія Мерси-Аржанто.

Прежде всего нужно имѣть въ виду то положеніе, въ которомъ находился этотъ дипломатъ. Прибывъ ко двору императрицы Елисаветы въ 1761 году, онъ тотчасъ же началъ играть видную роль, но обстоятельства быстро и рѣзко перемѣнились для него въ самомъ неблагоприятномъ смыслѣ, при возшествіи на престолъ Петра. Самъ Мерси, съ первыхъ же дней, нисколько не обольщалъ себя относительно тѣхъ неудачъ, которыя ожидали его. „Все, что до сихъ поръ извѣстно, доносилъ онъ графу Кауницу отъ 10-го января 1762 года, на-счетъ образа мыслей новаго русскаго Государя, слишкомъ неблагоприятно, и даетъ достаточный поводъ предполагать, что онъ будетъ дѣйствовать въ совершенно иномъ духѣ, чѣмъ дѣйствовала покойная императрица. Выказанныя имъ, въ первые дни своего царствованія, мягкость и сдержанность не означаютъ, по моему мнѣнію, еще ничего существеннаго и постояннаго. Принявъ въ соображеніе его умъ, такъ мало упражнявшійся въ серьезныхъ занятіяхъ и размышленіяхъ и постоянно руководившійся предубѣжденіями, равно какъ и природный его характеръ—упрямый, необузданный и вспыльчивый, надо сознаться, что хорошаго ожидать трудно“. Мерси-Аржанто суждено было испытать всякаго рода непріятности; импера-

торъ избѣгалъ сношеній съ нимъ; долгое время отказывалъ онъ ему даже въ официальной аудіенціи, подѣ тѣмъ предложомъ, что Мерси, равно какъ посланники французскій и испанскій, не хотѣлъ сдѣлать первый визитъ прибывшему въ Петербургъ принцу Георгію Голштинскому: вопросъ первостепенной важности въ глазахъ Петра III. Если австрійскій дипломатъ являлся при дворѣ, то лишь для того, чтобы присутствовать при сценахъ, которыя не могъ не считать крайне оскорбительными для себя. Положеніе его сдѣлалось до такой степени невыносимымъ, что уже чрезъ три или четыре мѣсяца, въ теченіе коихъ приходилось ему разыгрывать эту роль, онъ началъ настаивать на отозваніи своемъ изъ Петербурга. „Слѣдуетъ принять въ уваженіе, доносилъ онъ императрицѣ Маріи-Терезіи, нынѣшнее внутреннее состояніе здѣшняго двора, потому что въ немъ исключены нынѣ всякій порядокъ и приличіе. Иностранному министру придется сталкиваться во дворцѣ Государя съ такого рода личностями, что между такими собраніями въ пріемной дворца и толпой на общественной площади, почти нѣтъ разницы.... И такъ Вашему Величеству угодно будетъ разсудить, какъ противно было бы значенію Вашего Величества если бы министръ, облеченный чрезвычайною властью, оставался здѣсь долѣе, какъ бы только для того, чтобы служить свидѣтелемъ или цѣлью такихъ враждебныхъ изъявленій Государя“.

Нужно имѣть это въ виду, чтобы опредѣлить характеръ донесеній графа Мерси-Аржанто. Мы видимъ дипломата, вся дѣятельность коего заключается—по собственному его выраженію — „едиственно въ наблюденіи за событіями“, который очень часто, не смотря на всѣ старанія свои, не можетъ добиться свиданія ни съ однимъ изъ вліятельныхъ правительственныхъ лицъ и, невольно осужденный на бездѣйствіе, собираетъ разныя вѣсти и зорко присматривается къ тому, что происходитъ вокругъ него. При Петрѣ III графъ Мерси-Аржанто не имѣлъ ни малѣйшаго вліянія на ходъ дипломатическихъ переговоровъ, а потому въ денешахъ его мы не находимъ такихъ свѣдѣній, которыхъ слѣдуетъ искать въ документахъ, вышедшихъ изъ подѣ пера человѣка, близко стоявшаго у дѣлъ. За то роль посторонняго, хотя и далеко не равнодушнаго наблюдателя была исполнена имъ самымъ блистательнымъ образомъ: онъ умѣлъ устроить такъ, что слухи доходили до него по большей части изъ весьма вѣрнаго источника; онъ мастерски характеризуетъ лица, занимавшія главную роль въ странной драмѣ, которая разыгрывалась предъ его глазами; сужденія его о событіяхъ и предсказанія

относительно ихъ неизбѣжныхъ послѣдствій отличаются не рѣдко поразительною вѣрностью. При чтеніи обнародованныхъ нынѣ его донесеній предъ нами живо возстаетъ картина того періода времени, который протекъ между кончиною императрицы Елисаветы и воцареніемъ Екатерины II.

Мы упомянули сейчасъ, что графъ Мерси получалъ свѣдѣнія изъ весьма вѣрнаго источника. Они были сообщаемы ему и состоявшему при немъ Эйхенфельду лицомъ, котораго онъ называетъ не иначе какъ „добрымъ другомъ“ (guter Freund). Несомнѣнно, что этотъ „добрый другъ“ былъ подкупленъ. Является вопросъ — кто же именно былъ этотъ агентъ австрійскаго посольства? Определеннаго отвѣта очевидно тутъ быть не можетъ и приходится прибѣгать къ догадкамъ на основаніи намѣсковъ, которые разсыяны въ депешахъ Мерси-Аржанто. Въ указателѣ къ книгѣ, о которой мы говоримъ, выражено предположеніе, что это былъ А. И. Глѣбовъ. Дѣйствительно, прежде всего останавливаетъ наше вниманіе, что въ самомъ началѣ, говоря о различныхъ дѣятеляхъ, окружавшихъ новаго императора, Мерси неоднократно упоминаетъ о генераль-прокурорѣ и генераль-крисъ-коммисарѣ Глѣбовѣ, какъ о человѣкѣ, доступномъ подкупу. „Глѣбовъ, говоритъ онъ въ донесеніи своемъ, отъ 10-го января 1762 года, — „человѣкъ пріятный, спокойный, однообразный въ своемъ родѣ, осторожный въ своихъ сужденіяхъ, но корыстолюбивый; онъ не въ силахъ будетъ устоять противъ обаянія значительной денежной суммы, чему, по слухамъ, есть уже доказательства“. Въ депешѣ отъ 24-го февраля, еще рѣзче повторитъ онъ то же самое: „Можно было предполагать, что онъ (Глѣбовъ) простретъ свое вліяніе такъ же и на другія отрасли управленія, а именно, на иностранныя дѣла, но, кажется, онъ старательно уклоняется отъ нихъ, даже избѣгаетъ всѣхъ случаевъ сходиться или говорить съ иностранными министрами, хотя они всячески стараются объ этомъ. Однако и пашель средство вѣрнымъ путемъ вызнать его и убѣдился, что этого очень сребролюбиваго человѣка вовсе не трудно было бы употребить на свою пользу...“ Изъ этого нельзя еще, разумѣется, дѣлать никакого вывода; предположеніе возможности подкупить извѣстное лице еще не означаетъ, что оно было дѣйствительно подкуплено, но затѣмъ, когда подкупъ уже состоялся, мы находимъ въ депешахъ графа Мерси данши, которыя проливаютъ отчасти свѣтъ на таинственную личность „добраго друга“. Оказывается, во первыхъ, что „добрый другъ“ пользуется высокимъ положеніемъ въ правительствен-

ныхъ сферахъ и участвуетъ, между прочимъ, въ составленіи манифестовъ и секретныхъ инструкцій (графъ Мерси упоминаетъ между прочимъ, что имъ была сочинена инструкція Румянцеву, когда тотъ отправлялся въ Помѣранію). Но мы знаемъ, что важныя обязанности такого рода были возлагаемы на Глѣбова или на Волкова. Этому послѣдняго никакъ нельзя заподозрить въ сношеніяхъ съ австрійскимъ посольствомъ. Доказательство этому представляетъ депеша Мерси отъ 5-го марта, гдѣ говорится: „Эйхенфельдъ желалъ узнать какъ теперь настроенъ Волковъ? Добрый другъ отвѣчалъ, что о мысляхъ Волкова по прежнему ничего нельзя узнать“. Мало того, что „добрый другъ“ принадлежалъ къ вліятельнымъ лицамъ, но мы видимъ также, что въ распоряженіи его находились огромныя суммы. Вотъ что содержитъ въ себѣ по этому поводу одно изъ донесеній графа Мерси (отъ 5-го марта): „Онъ (та же таинственная личность) объявилъ, что русскій императоръ рѣшилъ набрать на суммы государства 20.000 голштинскихъ войскъ; онъ, добрый другъ, припужденъ былъ въ самый короткій срокъ ссудить Государю 1.936.000 руб., которые потрачены были частію на голштинскій наборъ, частію на уплату его нѣмецкихъ долговъ и на другія бесполезныя вещи“. Показаніе такого рода естественно усиливаетъ подозрѣніе относительно Глѣбова, ибо въ званіи генераль-кригсъ-комиссара онъ располагалъ весьма крупными суммами, которыхъ не было у другихъ приближенныхъ Петра III. Правда, въ депешахъ Мерси-Аржанто встрѣчается нѣсколько мѣстъ, которыя какъ бы противорѣчатъ этой догадкѣ. Укажемъ на слѣдующее: „Далѣе, генераль-прокуроръ Глѣбовъ пробовалъ было подставить русскому Государю свою падчерицу, дѣвицу Чоглокову, вмѣсто дѣвицы Воронцовой, дочери канцлера брата; относительно этого, добрый другъ разказалъ Эйхенфельду, что дѣвица Воронцова такъ разсердилась на угрожавшее ее смѣненіе, что совершенно забыла все подобающее государю почтеніе и т. д.“. Трудно допустить, чтобы Глѣбовъ рѣшился, безъ всякой особенной нужды, разказывать о своихъ интригахъ, даже о такихъ, относительно которыхъ онъ отнюдь не могъ похвастаться успѣхомъ. Отсутствіе нравственнаго чувства было бы доведено здѣсь до цинизма; впрочемъ, нравственными качествами никогда не отличался этотъ человѣкъ, оставившій по себѣ далеко не завидную репутацію и о которомъ императрица Екатерина выразилась впоследствии, когда обнаружилось его вопіющее взяточничество, что онъ слѣдовалъ „принципіямъ, для себя прибыльнымъ, но вреднымъ для общества“ (см. въ первомъ

томъ *Сборника Русскаго Историческаго Общества* дѣло о генераль-прокурорѣ Глѣбовѣ и Сибирскомъ слѣдователѣ Крыловѣ).

Мы не придаемъ, впрочемъ, большой важности вопросу о томъ, кто именно изъ тогдашнихъ правительственныхъ лицъ находился въ тайныхъ сношеніяхъ съ австрійскимъ дипломатомъ. Самъ Мерси д'Аржанто, донося графу Кауницу, что на Глѣбова можно дѣйствовать подкупомъ, не ожидалъ существенной пользы отъ его сообщеній. „Будь онъ даже совсѣмъ на нашей сторонѣ, говорить посланникъ, его ходатайство все таки не въ состояніи было бы исправить то, что испорчено первыми необдуманнми и безразсудными дѣйствіями новаго Государя“. Не только Глѣбовъ, но и никто другой не въ состояніи былъ направить ходъ дѣлъ въ другую сторону. Не было и не могло быть такой личности, которая отрезвила бы Петра III отъ его фанатическаго увлеченія характеромъ и дѣйствіями Фридриха Великаго. Мерси д'Аржанто разказываетъ будто Петръ выразился однажды, что онъ „почитаетъ волю короля прусскаго подобно волѣ Божіей, и твердо рѣшился дѣлать все то, что пожелаетъ поименованный король“. При этомъ было бы совершенно бесполезно возражать, стараться представить дѣло въ иномъ свѣтѣ, да и въ тогдашней нашей общественной средѣ не нашлось бы для этого достаточно мужества. Графъ Мерси отзывается о ней съ крайнимъ презрѣніемъ. „Къ несчастію, говоритъ онъ (депеша отъ 18-го января), здѣсь нельзя найти никого, кто имѣлъ бы достаточно смѣлости и благонамѣреннаго усердія, чтобы твердо противопоставить основательные доводы необузданнымъ и своевольнымъ намѣреніямъ монарха; каждый льститъ только его своеволію въ надеждѣ упрочить собственное благополучіе...“ „Безъ сомнѣнія, замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ (депеша отъ 26-го февраля), русскіе министры не могутъ не сознавать, при настоящихъ очевидныхъ обстоятельствахъ, какъ сильно унижена честь ихъ отечества и какъ страдаютъ отъ того ихъ государственные интересы, но ихъ извѣстное гнусное малодушіе и рабскій страхъ доходятъ до того, что они не имѣютъ духа противопоставить всему совершающемуся ни малѣйшаго совѣта или разсужденія“. Въ ряду тогдашнихъ государственныхъ дѣятелей Мерси - Аржанто дѣлаетъ изытіе только для Воронцова, хотя слабодушіе и нерѣшительный характеръ канцлера и для него отнюдь не составляли тайны. Въ депешахъ своихъ онъ сообщаетъ много интересныхъ чертъ для изображенія этой личности. Графъ Воронцовъ замѣтилъ, съ первыхъ же дней воцаренія Петра III,

что ему предстоитъ крайне незавидная роль: „онъ высказалъ мнѣ, говоритъ Мерси въ депешѣ отъ 18-го января 1762 года, свое прискорбіе относительно того неловкаго положенія, въ какое онъ поставленъ вслѣдствіе образа мыслей своего монарха“. Воронцовъ не только не руководилъ внѣшнею политикою правительства, но даже, и въ самыхъ важныхъ обстоятельствахъ, не предвидѣлъ какое она приметъ направленіе; такъ, наиримѣръ, онъ долго утѣшалъ себя надеждою, что если Петръ отстанетъ отъ коалиціи противъ Фридриха, то не отважится отдать свои войска въ распоряженіе прусскаго короля. Заявленія его въ этомъ смыслѣ графу Мерси были какъ нельзя болѣе опредѣленны: „канцлеръ убѣжденъ, пишетъ посланикъ, что каковы бы ни были мѣры государя къ ускоренію мира, онъ никогда не пойдетъ такъ далеко, чтобы соединиться съ врагами противъ союзниковъ“. Эти строки были написаны графомъ Мерси 26-го февраля, т. е. пять дней спустя послѣ пріѣзда въ Петербургъ Гольца, которому Петръ, при первомъ же свиданіи, заявилъ о необузданномъ поклоненіи своемъ предъ Фридрихомъ. Съ этой минуты настоящимъ руководителемъ нашей иностранной политики становится Гольцъ, а Воронцову приходится—какъ выразился С. М. Соловьевъ—снизойти на степень простаго правителя канцеляріи. Постоянно больной, онъ старательно избѣгалъ личныхъ сношеній съ иностранными дипломатами, ибо долженъ былъ разыгрывать предъ ними самую жалкую роль, не рѣшаясь оправдывать то, что рѣзко противорѣчило его собственному образу мыслей. Неловкое его положеніе становилось особенно невыносимымъ, когда дипломаты заводили рѣчь о тѣхъ скандальныхъ сценахъ, свидѣтелями которыхъ они не рѣдко бывали во дворцѣ. „Канцлеръ безмолвными знаками выражалъ мнѣ свое смущеніе и стыдъ“, замѣчаетъ Мерси по поводу нѣкоторыхъ подробностей, сообщенныхъ имъ Воронцову о пиршествѣ, которое устроилъ Петръ III въ честь Фридриха. Дѣло дошло до того, что у Воронцова явилось, повидимому, серьезное намѣреніе покинуть Россію. „Графъ Воронцовъ, доносилъ Мерси Кауницу отъ 25-го мая, котораго я нашелъ болѣе чѣмъ когда нибудь печальнымъ, отвѣчалъ почти со слезами, что ничего болѣе не можетъ отвѣтить мнѣ (на вопросъ о союзѣ между Россією и Пруссією) какъ только то, что чувствуетъ себя совершенно не въ силахъ занимать далѣе свой постъ, потому что ни собственная честь его, ни обязанности относительно отечества, ни истинные интересы Государя, не дозволяютъ этого. Вслѣдствіе чего онъ хотѣлъ снова просить меня, чтобы я послалъ

запросъ своему высочайшему двору: угодно ли будетъ его величеству императору дозволить ему пребываніе въ великомъ герцогствѣ Тосканскомъ, если онъ покончить здѣсь всѣ дѣла, и можно ли будетъ ему провести тамъ остатокъ своихъ дней, согласно съ своимъ давнишнимъ желаніемъ? Далѣе онъ присовокупилъ, что никакъ не желалъ бы быть въ тягость нашимъ высочайшимъ повелителямъ и намѣренъ только всепокорнѣйше просить ихъ о покровительствѣ и милоствивой уступкѣ ему одного изъ многочисленныхъ, принадлежащихъ его величеству и вѣкъ не занимаемыхъ загородныхъ дворцовъ въ окрестностяхъ Флоренціи“.

Тѣмъ, кто пожелаетъ дополнить извѣстную уже намъ картину царствованія Петра III пѣсколькими рельефными чертами, сборникъ донесеній графа Мерси-Аржанто доставить обильный матеріалъ. Предъ нами, во очію проходитъ вакхавалія политической системы, въ основѣ коей лежало совершенное забвеніе русскихъ интересовъ. Извѣстны разказы о томъ, что Петръ III, бывъ еще наслѣдникомъ престола, находился въ тайныхъ сношеніяхъ съ Фридрихомъ. С. М. Соловьевъ полагаетъ (Исторія Россіи, т. XXV, 29), что нѣтъ достаточнаго основанія довѣрять этимъ разказамъ, ибо объ упомянутыхъ сношеніяхъ заключали изъ собственныхъ словъ Петра, а извѣстно „какъ ребячески могъ онъ увлекаться въ своихъ бесѣдахъ, какія небывалыя вещи могъ себѣ приписывать“. Но вотъ Мерси-Аржанто указываетъ даже чрезъ кого именно происходили означенныя сношенія: орудіемъ ихъ служили, по его словамъ, венигсбергскій совѣтникъ правленія Корфъ и берлинскій полиціймейстеръ Груменау, которыхъ Мерси, по своемъ прибытіи, нашелъ въ Петербургѣ и которые были удалены отсюда по его же настоянію. Конечно, подозрѣніе австрійскаго посланника могло быть ошибочнымъ, но во всякомъ случаѣ фактъ, о которомъ идетъ рѣчь, не находится ни въ малѣйшемъ противорѣчій съ характеромъ и образомъ мыслей Петра. Если воля Фридриха была „подобіемъ воли Божіей“, то не предъ чѣмъ было останавливаться, чтобы сдѣлать угодное этой волѣ. „Императоръ, говоритъ Мерси, дѣлать выше всего химерическое званіе прусскаго генераль-лейтенанта и, нося его, считаетъ себя обязаннымъ быть преданнымъ королю и его интересамъ такъ же ревностно, какъ какое-нибудь, дѣйствительно находящееся на его службѣ, лицо“. Эта странная манія простиралась, по увѣренію автора обнародованныхъ нинѣ денешъ, до того, что отправляя Н. В. Репнина въ Берлинъ, онъ поручалъ ему зорко слѣдить, „чтобы король прусскій не

могъ сдѣлать какой янибудь несправедливости ему, Царю, по его военному производству“. Именно только это, помимо всякихъ государственныхъ соображеній, объясняетъ нежданный союзъ, заключенный между Россією и Пруссією, въ 1762 году. Самому Фридриху, когда отпиривалъ онъ Гольца въ Петербургѣ, не приходило въ голову, чтобы русское правительство не воспользовалось выгодами своего положенія и онъ заранѣе обсуждать какія уступки могли бы быть сдѣланы въ его пользу. Ни малѣйшихъ уступокъ, однако, не потребовалось. „Оказалось, говорить Фридрихъ въ своихъ мемуарахъ, что Петръ III имѣлъ превосходное сердце и такія благородныя и возвышенныя чувства, какихъ обыкновенно не бываетъ у государей: удовлетворяя всѣмъ желаніямъ короля, онъ пошелъ даже далѣе того, чего можно было ожидать...“

Мерси-Аржанто слѣдилъ не за тѣмъ только, что происходило при дворѣ, но старался вообще собирать свѣдѣнія о тогдашнемъ состояніи Россіи. Это было даже поставлено ему въ непремѣнную обязанность императрицею Марією-Терезією. Онъ сознается, однако, что исполненіе этой задачи представляло, особенно для иностранца, громадныя затрудненія. „Русское государство читаемъ мы въ донесеніи его Кауницу, отъ 1-го февраля 1762 года, очень обширно и простирается отъ Риги до конца Азіи, т. е. имѣетъ въ длину почти 2.000 квадр. миль, а двѣнадцать коллегій въ Петербургѣ, куда пишутся донесенія и рапорты, замѣщены въ предшествовавшее царствованіе только одними Русскими, съ которыми нельзя поддерживать такого знакомства, какъ въ другихъ странахъ. Вотъ почему, ваше сіятельство милостиво разсудите, что здѣсь гораздо труднѣе собрать нужныя свѣдѣнія, чѣмъ гдѣ бы то ни было; къ тому же здѣсь надо приступать къ дѣлу крайне осторожно, ибо малѣйшее развѣдываніе возбуждаетъ вниманіе и подозрѣнія; сюда же слѣдуетъ прибавить, что объ устройствѣ Русскаго государства нѣтъ никакихъ печатныхъ или другихъ свѣдѣній, на которыхъ съ достовѣрностью можно было бы остановиться, потому что, когда здѣшняя Академія Наукъ задумала печатать, три или четыре года тому назадъ, календарь, только въ немногомъ походящій на вѣнскій образецъ, то онъ былъ строжайше воспрещенъ, единственно по той причинѣ, что иностранцы не должны знать имена лицъ, служащихъ въ здѣшнихъ коллегіяхъ. Слѣдовательно, о положеніи дѣлъ въ государствѣ почти невозможно собрать свѣдѣній“. Если Мерси-Аржанто затруднялся доставлять сво-

ему правительству — какъ оно предписывало ему — свѣдѣнія о полиціи Россіи, ея судебномъ устройствѣ, финансахъ, арміи, торговлѣ, просвѣщеніи и промышленности, то онъ внимательно присматривался къ настроенію общества и умѣлъ вѣрно угадывать его. Онъ основательно объясняетъ, почему, напримѣръ, такой правительственный актъ какъ манифестъ о вольности дворянской не доставилъ Петру популярности въ средѣ дворянства, какіе поводы къ недовольству имѣло духовное сословіе и т. п. Онъ заранѣе предвидѣлъ катастрофу и со дня на день указывалъ на приближеніе ея. Сообщая своему двору о томъ, что Петръ отправился (въ іюнѣ 1762 г.) въ Ораніенбаумъ, онъ говоритъ: „отъѣздъ государя мнѣ кажется сомнительнымъ, особенно потому что внутри государства обнаруживаются грозные признаки, которые должны были бы удержать его и не дать ему уѣхать отсюда при такихъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ“. Весьма замѣчательны денеши, писанныя имъ уже по кончинѣ Петра, въ которыхъ онъ излагаетъ причины, долженствовавшія вызвать іюньскія событія 1762 года.

И объ этихъ событіяхъ находимъ мы подробный разказъ у Мерси-Аржанто. Ничего существенно важнаго онъ не прибавляетъ однако, къ тому, что уже извѣстно намъ. Австрійскій дипломатъ сообщалъ о нихъ своему двору по доходившимъ до него слухамъ, а потому неудивительно, что если въ главныхъ чертахъ извѣстія его довольно вѣрны, то не рѣдко встрѣчаются въ нихъ и неточности (между прочимъ онъ доноситъ графу Кауницу, что тотчасъ по низверженіи Петра, Гудовичъ и Воронцова были сосланы въ Сибирь и т. п.). Повидимому княгиня Дашкова умѣла произвести сильное впечатлѣніе на Мерси-Аржанто и онъ не только повѣрилъ будто она играла главную роль при возшествіи на престолъ Екатерины, но былъ убѣжденъ, что значеніе ея еще болѣе усилится въ будущемъ. „Я говорилъ около получаса съ княгинею Дашковой, пишетъ онъ Кауницу, и могу почтительнѣйше завѣрить ваше сіятельство, что чрезъ нее можно бы совершать великія дѣла; она вѣроятно будетъ имѣть на нихъ большое вліяніе. Я также нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что мы приобрѣтемъ расположеніе этой особы, если того пожелаетъ нашъ дворъ; послѣдняго можно достигнуть, конечно не деньгами, но легче всего съ помощью лестныхъ изъявленій уваженія и отличія и умѣстными подарками (?).“ Эти послѣднія слова (исключая упоминанія о подаркахъ) доказываютъ, что Мерси-Аржанто вѣрно

разгадалъ характеръ Дашковой ¹⁾. Любопытно, что собесѣдница его, преисполненная тщеславія, старалась увѣрить будто именно этотъ недостатокъ составлялъ слабую сторону Екатерины. По словамъ ея, замѣчаетъ Мерси, „русская государыня высокоумнаго духа, но чувствительна къ сильнымъ, особенно отмѣннымъ изъявленіямъ (besonders ausnehmende Merkmale), такъ что оказываніе ихъ ей я считаю, вѣрнѣйшимъ средствомъ произвести на нее должное впечатлѣніе и дѣйствіе“.

Очень скоро однако австрійскій дипломатъ получилъ возможность убѣдиться, что это „вѣрнѣйшее средство“ далеко не надежно. Возшествіе на престолъ Екатерины онъ привѣтствовалъ, какъ „крайне счастливое“ событіе для союзниковъ; онъ почти не сомнѣвался, что не только союзъ съ Пруссіею, но даже миръ, заключенный съ этою державою, будетъ нарушенъ и Россія сочтетъ долгомъ потребовать отъ Фридриха обратную выдачу слѣданныхъ ею завоеваній, а также вознагражденіе за убытки. Тѣмъ сильнѣе пораженъ былъ онъ извѣстіемъ, что русское правительство приняло „послѣднее, странное“ рѣшеніе держаться вполнѣ миролюбивой политики. Мерси-Аржанто прибѣгалъ къ жалобамъ, убѣжденіямъ, — ему возражали, что императрица считаетъ необходимымъ „примѣняться къ желаніямъ народа“; онъ удивлялся подобнымъ, „все болѣе и болѣе распространяющимся предразсудкамъ“, утверждалъ, что упомянутое соображеніе не можетъ имѣть мѣста уже потому, „что здѣсь (то-есть въ Россіи) не такъ какъ въ республикѣ, гдѣ необходимо допускаются одобреніе и согласіе націи; русскій же народъ относится съ совершеннѣйшимъ довѣріемъ къ своимъ государямъ и единственно заботится повиноваться имъ...“. Неудача всѣхъ стараній, къ которымъ прибѣгалъ представитель Вѣнскаго двора, доказала ему, что онъ имѣлъ дѣло съ вполнѣ обдуманною политикою, руководимою не капризомъ, а яснымъ сознаніемъ національныхъ интересовъ и что поколебать ее не могутъ никакія „отмѣнныя изъявленія“, разчитанныя на тщеславіе Екатерины II.

Донесенія графа Мерси-Аржанто изданы, подъ наблюденіемъ члена Русскаго историческаго общества Г. О. Штендмана, какъ нельзя

¹⁾ Въ другомъ мѣстѣ онъ выражается о ней такимъ образомъ: «Благія Дашкова обладаетъ, при романическомъ воображеніи, изрядными умственными способностями и врожденнымъ искусствомъ къ интригамъ».

болѣе тщательно. Переводъ ихъ на русскій языкъ отличается замѣчательною точностью. Они снабжены предисловіемъ, написаннымъ г. Татищевымъ, который взялъ на себя трудъ извлечь упомянутые документы изъ Вѣнской государственной канцеляріи,—весьма подробными оглавленіемъ и указателемъ.

Н. И.

ОСТРОЖСКОЕ ЖЕНСКОЕ УЧИЛИЩЕ ГРАФА Д. Н. БЛУДОВА.

Съ именемъ графа Дмитрія Николаевича Блудова связываются дорогія симпатіи каждаго интеллигентнаго русскаго человѣка. Дѣятельность его, принадлежа къ высшей государственной сферѣ, въ то же время отмѣчена яркимъ слѣдомъ въ развитіи нашей гражданственности вообще. То былъ цѣльный типъ истиннаго патріота, — цѣльный, быть можетъ, именно потому, что время его было временемъ не разъединенія русскіхъ интеллигентныхъ силъ, какъ нынѣ, а напротивъ, соединенія ихъ, въ какой бы сферѣ и въ какому бы сословію общества онѣ ни принадлежали: дѣятельность предсѣдателя Государственнаго Совѣта и сподвижника митрополита Іосифа Сѣмашки мирилась въ графѣ Блудовѣ съ дѣятельностію члена извѣстнаго литературнаго общества Арзамаса...

Между прочимъ въ послѣднее время своей жизни графъ особенно былъ занятъ вопросомъ, принадлежащимъ къ числу капитальныхъ въ нашей внутренней жизни, вопросомъ о народномъ нашемъ образованіи. Чтобы принимать участіе въ обсужденіи его, онъ черезъ силу являлся въ засѣданія государственнаго совѣта и послѣ одного изъ такихъ засѣданій серьезно занемогъ; въ другой разъ, пріѣхавъ въ совѣтъ больной, онъ упалъ тамъ въ обморокъ и съ той поры болѣзнь его усилилась. Во все время своихъ страданій и бессонныхъ ночей, графъ Дмитрій Николаевичъ не разставался съ мыслию о печальномъ состояніи женскаго русскаго воспитанія въ западномъ нашемъ краѣ, гдѣ онъ имѣлъ недвижимость и гдѣ личнымъ опытомъ убѣдился, что русскія молодыя дѣвушки, даже духовнаго званія, воспитывались въ польскихъ пансіонахъ въ совершенномъ отчужденіи отъ роднаго языка и всего отечественнаго. Наканунѣ своей кончины вечеромъ, бесѣдуя съ духовнымъ своимъ отцомъ В. П. Бажановымъ, онъ говорилъ ему: „мысль о женскихъ западныхъ училищахъ пре-

слѣдуетъ меня безпрестанно; она занимаетъ и утѣшаетъ меня въ длинныя безсонныя ночи“; даже въ самый день смерти, онъ говорилъ своей дочери: „надѣюсь, что устроятся такія училища; это мой послѣдній планъ, послѣдняя мысль и желаніе. Дай Богъ, чтобы они осуществились и ты помогла этому“.

Завѣщаніе это было священо для близкихъ графа и насколько мысль о женскомъ училищѣ въ западномъ краѣ всецѣло занимала отца, настолько всецѣло и энергически, дочь его — графиня А. Д. Влудова — осуществила ее учрежденіемъ училища въ г. Острогѣ, Волынской губерніи, достигшемъ нынѣ уровня законченнаго среднеобразовательнаго учебнаго заведенія.

Не составляетъ, повидимому, особеннаго затрудненія открыть училище, когда для этого находятся матерьяльныя средства; но открыть и довести его до полного процвѣтанія при особенныхъ условіяхъ того края, гдѣ оно возникло, поставить на прочныя основы этотъ разсадникъ женскаго образованія тамъ, гдѣ въ большинствѣ русской части населенія женщина стоитъ далеко не на высокой степени развитія — было бы крайне трудно, безъ большого запаса опытности, терпѣнія, энергіи и знакомства съ мѣстными условіями. Графиня Антонина Дмитріевна, попечительница и основательница женскаго училища въ Острогѣ, прежде всего обратила на это вниманіе, чтобы зданіе не вышло построеннымъ на песокъ. Она поняла, что здѣсь не можетъ обольщать себя надеждою на успѣхъ нравственная сила единичнаго лица и даже учрежденія, а необходимо создать коллективную общественную силу и постоянно поддерживать и воодушевлять ее. Такою силою послужило для нея, опять таки по мысли ея отца, Кирилло-Меѳодіевское церковное братство, имѣющее центромъ своимъ тотъ же городъ Острогъ.

Названное братство существуетъ уже болѣе одиннадцати лѣтъ. Воскрешая это испытанно-вѣрное средство въ нашихъ сѣверо и юго-западныхъ губерніяхъ въ борьбѣ русско-православнаго элемента съ католицизмомъ и польщиною, графиня Влудова разчитывала на поддержку со стороны всѣхъ русскихъ убѣжденныхъ людей; между тѣмъ и тутъ послѣдовало обычное у насъ явленіе: лишь немногіе участвуютъ въ братствѣ, но большей же части даже и не знаютъ объ его существованіи. Вотъ почему мы позволяемъ себѣ сказать нѣсколько словъ объ организаціи этого братства, послужившаго колыбелью женскаго училища, съ которыми мы хотимъ познакомить нашихъ читателей.

Приснопамятный святитель русской церкви, митрополитъ Московскій Филаретъ, наканунѣ своей кончины, 18-го ноября 1867 года, подписавъ отъ себя взносъ въ 25 рублей въ пользу братства, далъ свое архипастырское благословеніе на сборы въ его пользу по книгѣ сборщины О. Флоринской. Это предсмертное благословеніе великаго іерарха видимо послужило на пользу всѣмъ начинаніямъ братства, о которыхъ въ уставѣ его, утвержденномъ архіепископомъ Волынскимъ и Житомирскимъ, 2-го марта 1865 г., говорилось лишь предположительно и которыя нынѣ стали совершившимся фактомъ.

По уставу Кирилло-Меѳодіевское православно-церковное братство учреждено въ г. Острогѣ, Волынской губерніи, въ бывшей резиденціи князей Острожскихъ, ревностныхъ поборниковъ православія, святыхъ Θεодора и Константина,—резиденціи прославленной ихъ духовными подвигами и гражданскими доблестями въ честь просвѣтителей славянъ—святыхъ Кирилла и Меѳодія. Оно существуетъ при церкви въ память ихъ и св. великомученика Пантелеймона-Цѣлителя.

Составъ братства сохраненъ старинный, именно, въ него входятъ: старшіе братчики и сестры, основатели и строители, основательницы и строительницы братства, мѣстные (т. е. Острожскіе) братчики и сестры и члены-соревнователи и соревновательницы. Всѣ означенныя лица, вступая въ братство, обязуются вносить ежегодно отъ 20 коп. до 1 рубля, не больше, чтобы обязательный взносъ ни для кого не былъ обременителенъ; единовременныя же необязательныя взносы или вклады могутъ быть дѣлаемы каждымъ лицомъ, если только оно принадлежитъ къ православному исповѣданію, въ размѣрахъ по собственному усмотрѣнію, каковыя взносы и обращаются въ вѣчный неприкосновенный капиталъ братства. Старшіе братчики и сестры должны, по мѣрѣ средствъ и возможности, стараться о поддержаніи и развитіи братства; нѣкоторые изъ нихъ могутъ быть, по единогласному избранію, признаны строителями и строительницами братства и въ такомъ случаѣ вносятъ единовременно по 50 руб.

Старшіе братчики и сестры имѣютъ книги для внесенія именъ братчиковъ-соревнователей, отвѣчаютъ за исправность взносовъ сихъ послѣднихъ, рассылаютъ имъ ежегодно отчеты, а имена ихъ сообщаютъ попечительницѣ графинѣ Блудовой для внесенія въ общую книгу братства, хранящуюся у нея въ подлинникѣ, а въ копіи—при братской церкви въ Острогѣ.

Всѣ наличные братчики и сестры съѣзжаются разъ въ годъ, именно 11-го мая, для слушанія литургіи и молебна святымъ Кириллу

и Меодію и Пантелеймону-Цѣлителю (въ Петербургѣ до послѣдняго времени въ домовую церковь графовъ Шереметевыхъ). Они сѣзжаются также, по приглашенію, для совѣщаній о томъ, что сдѣлано и предполагается сдѣлать въ пользу братства и для чтенія корреспонденціи изъ Острога (по настоящее время въ квартиру попечительницы братства); впрочемъ, это собраніе не составляетъ ни комитета, ни совѣта,—братчики и сестры не рѣшаютъ ничего, не подаютъ голосовъ, не баллотируютъ, а лишь бесѣдуютъ въ видахъ ознакомленія съ текущими дѣлами. Всѣми дѣлами завѣдуетъ совѣтъ мѣстныхъ братчиковъ и сестеръ въ г. Острогѣ, при чемъ по дѣламъ, требующимъ издержекъ болѣе пятой части всей наличной суммы, а также и по другимъ особой важности, онъ приводитъ въ исполненіе свои рѣшенія не иначе, какъ по одобреніи ихъ графинею Блудовою и двумя строительницами братства. Съ своей стороны одинъ изъ старшихъ братчиковъ Петербургскаго собранія, по выбору или по очереди, обязанъ разъ въ годъ побывать въ Острогѣ или отправить туда на свой счетъ и подъ своею отвѣтственностію вѣрнаго и свѣдущаго человѣка, который прожилъ бы тамъ не менѣе двухъ недѣль съ цѣлію ознакомиться съ состояніемъ церкви и зданій, а равно школъ, библіотекъ и всѣхъ вообще учрежденій братства и провѣрить счетную часть.

Единовременные вклады образуются на пользу того или иного учрежденія братства, или куда назначать жертвователи, а если не послѣдуетъ особаго назначенія, то употребляются на общее дѣло по усмотрѣнію попечительницы и двухъ строительницъ, избираемыхъ ежегодно. Сборъ съ концертовъ, баловъ, театральныхъ представлений, лотерей, литературныхъ чтеній и др., какъ предпріятій свѣтскихъ, не принимаются братствомъ, какъ учрежденіемъ строго церковнымъ. Равнымъ образомъ всѣ лица, принадлежація къ союзу братства, не должны преслѣдовать никакихъ другихъ цѣлей, кромѣ цѣлей, которыя непосредственно имѣетъ оно въ виду, а именно: служенія дѣятельною вѣрою и любовію православною церкви и въ частности распространенію истинно-русскаго православнаго образованія юношества; они не имѣютъ никакихъ преимуществъ, кромѣ права, если окажется возможнымъ, назначать, въ силу единовременныхъ своихъ вкладовъ, кандидатовъ и кандидатоевъ на вакантныя мѣста въ учрежденія братства — училище, пансіонъ, больницу; затѣмъ права вносить свои имена въ братскіе задравныя и заупокойныя

помяники и стоять въ церкви съ братскими свѣчами въ рукахъ въ положенное церковнымъ уставомъ время.

Меѣе чѣмъ черезъ два года по утвержденіи устава братства усиліями попечительницы его графини Блудовой, при дѣятельномъ содѣйствіи многихъ, преимущественно высокопоставленныхъ лицъ, были открыты и начали дѣйствовать всѣ нынѣшнія учрежденія братства, а именно:

1) Въ 1876 году 8 октября окончена постройкою и освящена въ Острогѣ церковь во имя св. Кирилла и Меодія (нынѣ уже съ двумя придѣлами). Церковь эта съ простымъ рѣзнымъ дубовымъ иконостасомъ, почти лишенная обычной мелочной орнаментаціи, цѣлесообразнымъ подборомъ иконъ и предметовъ представляетъ не только святое и тихое молитвенное убѣжище, но и какъ бы историческое училище благочестія. Въ ней удачно расположены между прочимъ иконы: св. Кирила и Меодія, св. Михаила, перваго митрополита Кіевскаго, крестившаго народъ и основавшаго первыя училища,—св. Кипріяна, учредившаго первое духовное училище въ Москвѣ, св. Стефана Пермскаго, св. Димитрія Ростовскаго, св. Александра Невскаго (въ память спасенія жизни Государя Императора 4 апрѣля 1866 г.), св. Феодора князя Острожскаго, икона Христа Спасителя (принесенная въ даръ Государемъ Императоромъ), складни съ изображеніемъ трехъ Святителей, увѣшанныя Севастопольскими медалями и Георгіевскими крестами (приношеніе артиллерійской баттарей, стоявшей въ Острогѣ), иконы: святителя Николая, обвѣшанная орденскою андреевскою цѣпью, принадлежавшею покойному графу Блудову, св. Маріи Магдалины, св. царицы Елены, св. Нины Грузинской, св. Ольги русской, св. мученицы Людмилы Чешской, запрестольный образъ Вознесенія (даръ Государыни Императрицы), образъ Спасителя подъ названіемъ „Сласа 19 февраля“, написанный въ память освобожденія крестьянъ и драгоценнѣйшая святыня храма—крестъ съ частицею животворящаго древа креста Господня, дошедшій до братства длиннымъ и почти необыкновеннымъ путемъ.

2) *Лечебница*, основанная въ память покойнаго Цесаревича Николая Александровича; она служитъ собственно для приходившихъ больныхъ, но въ экстренныхъ случаяхъ имѣется для нихъ отдѣльная комната съ нѣсколькими кроватями; лечебница, подъ присмотромъ сестры милосердія, снабжена аптекой и хирургическими инструментами; утромъ, ежедневно, въ опредѣленную часть, приходитъ въ нее братскій докторъ и принимаетъ больныхъ; крестьяне сосѣднихъ

деревень очень часто прїѣзжаютъ за сестрою милосердія къ себѣ на домъ. Начало лечебницѣ положено благотворительностію въ Бозѣ почившей великой княгини Елены Павловны, приславшей аптечку и первую сестру милосердія, одну изъ опытнѣйшихъ сестеръ Крестовоздвиженской Петербургской общины.

3) *Крестыанскій пансіонъ*, то-есть домъ для тѣхъ крестьянскихъ воспитанниковъ, которые окончили курсъ въ сельскихъ училищахъ и желаютъ продолжать образованіе въ Острожской прогимназіи; онъ устроенъ по инициативѣ крестьянскихъ старшинъ, при содѣйствіи мировыхъ посредниковъ - братчиковъ и содержится на счетъ волостей Острожскаго уѣзда, съ цѣлю доставленія дѣтямъ крестьянъ, учащимся въ прогимназіи, пріюта внѣ-класснаго времени. Пансіонъ состоитъ подъ вѣдѣніемъ братства и подъ ближайшимъ руководствомъ двухъ надзирателей, изъ которыхъ одинъ—регентъ прекраснаго хора изъ воспитанниковъ прогимназіи, поющаго въ братской церкви. Приемная комната пансіона украшена портретами Государя Императора и Государыни Императрицы, пожалованными Ея Величествомъ; въ настоящее время въ пансіонѣ живетъ до сорока учениковъ.

4) *Страннопріимный домъ* или *подворье*, устроенный для богомольцевъ по примѣру древнихъ монастырей нашихъ, въ память благополучнаго рожденія сына Наслѣдника Цесаревича, великаго князя Николая Александровича. Поводомъ къ устройству этого дома послужила безпріютность тѣхъ православныхъ богомольцевъ - странниковъ, которые, посѣтивъ древнія святыни Кіевскія, идутъ чрезъ еврейскія мѣстечки и города молиться въ Почаевскую лавру. Подворье, гдѣ они получаютъ на счетъ братства, подъ присмотромъ особаго приказчика, пріютъ и пищу, привлекаетъ годъ отъ году все большее число ихъ: такъ въ 1867 году, съ мая до ноября (обыкновенный періодъ странствованія), посѣтили подворье всего 30 человекъ, въ 1868 же году странниковъ и богомолковъ было ежедневно отъ 3 до 10 то-есть, въ теченіе лѣта перебивало ихъ болѣе 300, а въ 1869—1.112 человекъ. Учрежденіе это почти окупалось собственными средствами до кончины кн. Голицыной, на пожертвованіе которой оно преимущественно было устроено; теперь же оно нуждается въ поддержкѣ.

5) *Библиотека*, снабженная книгами преимущественно по русской исторіи; библиотечная зала служитъ мѣстомъ засѣданій Острожскаго братскаго совѣта; въ библиотекѣ хранятся дѣла и документы братства; при ней имѣется и съладъ книгъ для продажи.

6) *Пансіонъ г-жи Гиревской*, служащій приютомъ для тѣхъ приходящихъ ученицъ, которыя не имѣютъ въ Острогѣ родителей или родственниковъ и, за недостаткомъ средствъ у братства или за переполненностію Блудовскаго училища, не могутъ быть помѣщены пансіонерками въ самомъ училищѣ; для пансіона братство нанимаетъ отдѣльный домъ.

7) *Женское высшее, имени графа Дмитрія Николаевича Блудова, училище*, съ особою подготовительною къ нему братскою школою. Мы видѣли, что уставъ братства былъ утвержденъ въ мартѣ 1865 г.; въ томъ же году, черезъ семь мѣсяцевъ, именно 28 октября, стараніями графини Блудовой, ревностно слѣдившей по долгу любящей дочери исполнить священную для нея волю отца и сплотившей для этой цѣли Петербургскихъ и Острожскихъ братчиковъ и сестеръ, были открыты — начальная Кирилло-Меѳодіевская школа и приготовительный классъ будущаго женскаго училища. У братства, располагающаго нынѣ ежегодными доходами въ нѣсколько тысячъ рублей, тогда было не болѣе 2.000 р. капитала и вотъ приготовительный классъ превратился нынѣ, благодаря энергіи графини и просвѣщенной поддержкѣ г. министра народнаго просвѣщенія, въ законченное заведеніе съ полнымъ среднеобразовательнымъ учебнымъ курсомъ и правами правительственнаго учрежденія!

Въ упомянутое время братство имѣло впрочемъ еще, кромѣ 2.000 р. капитала, развалины Калущинскаго упраздненнаго монастыря, съ обширнымъ садомъ и въ хорошемъ мѣстоположеніи, за чертою города, но лишь съ нѣсколькими узкими и темными келіями, въ которыхъ никакъ нельзя было помѣстить даже начальной школы и приготовительнаго класса училища. Поэтому Острожскіе братчики—К. Θ. и П. А. Гогель, П. Н. Торбургъ, В. Д. Уваровъ, С. М. Шпановъ, К. А. Шулъгинъ, П. В. Лысенко, о. Игнатій Зилитинкевичъ, Н. П. Григорьевъ и В. Н. Иогасъевъ, постановивъ немедленно приступить къ передѣлкѣ келій, наняли для школы и училища временное помѣщеніе, поставивъ ихъ подъ надзоръ и руководство соборнаго священника города Острога о. Игнатія Зилитинкевича и временной начальницы Н. А. Гадзяцкой, при наблюденіи кромѣ того за ходомъ дѣлъ одного братчика и одной братчицы. Въ то время, когда еще свѣжи были впечатлѣнія послѣдняго польскаго мятежа, русскіе люди въ западномъ краѣ тѣснѣ держались между собою; польскія интриги не успѣвали посѣять между ними розни, и въ данномъ случаѣ, не смотря на то, что со всѣхъ сторонъ повторилось въ Острогѣ польскими ус-

тами *nie pie biendze* (ничего не будетъ), всѣ названныя лица, при содѣйствіи мирового съѣзда, учителей мѣстнаго дворянскаго училища и нѣсколькихъ русскихъ чиновниковъ, дружно взялись за дѣло, подобно—какъ мѣтко замѣчено въ одномъ изъ отчетовъ братства,—тѣмъ мореплавателямъ, которые въ бурю всѣ безъ различія выкачиваютъ воду и работаютъ для общей безопасности и спасенія. При открытіи школы и класса всѣ ученицы по необходимости были лишь проходящими и первою записалась дочь мѣстнаго почтмейстера, окончившая впоследствии въ Блудовскомъ училищѣ полный курсъ ученія. Черезъ семь мѣсяцевъ, въ маѣ 1866 года, школами братства интересовался уже помощникъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа, который, посѣтивъ Острогъ, доносилъ официально:

„Въ Острогѣ братство открыло приготовительный классъ высшаго училища для дѣвицъ Острожскаго благочинія; всего здѣсь пока 8 ученицъ. Обучаются онѣ съ успѣхомъ молитвамъ и священной исторіи посредствомъ разказовъ законоучителя и чтенія избранныхъ мѣстъ изъ четырехъ евангелистовъ, русскому языку, ариметикѣ, географіи и французскому языку. Другое отдѣленіе школы столь же успѣшно ведется г-жею Гадзяцкою; ученицъ въ немъ 28. Учительница преподаетъ имъ чтеніе, письмо и ариметику; законъ Божій преподаетъ въ школѣ, какъ и въ приготовительномъ классѣ, одинъ и тотъ же законоучитель, о. Игнатій Зилитинкевичъ„.

Черезъ годъ съ небольшимъ, къ глубокому прискорбію братства, скончалась г-жа Гадзяцкая: перебогаясь послѣ сильной простуды, чтобы не оставлять обязанностей своихъ, она получила воспаленіе легкихъ и слегла въ постель. Потеря ея много затруднила только что начавшееся учебное дѣло, которому, при провинціальномъ безлюдьи, предстояло, можетъ быть, совсѣмъ заглохнуть, еслибы о. Игнатій не принялъ на себя всѣхъ обязанностей, лежавшихъ на покойной; онъ неутомимо исполнялъ ихъ въ теченіе болѣе шести мѣсяцевъ, пока братство и попечительница прискивали начальницу для училища и другихъ братскихъ учреждений и ея помощницу—преподавательницу русскаго языка и русской исторіи, на каковыя предметы по цѣли и характеру училища долженствовало быть обращено особенное вниманіе. Хотя весьма трудно было уговорить кого-либо за скромное вознагражденіе ѣхать въ глушь, на жизнь трудовую, почти монашескую, для чего требовался и нѣкоторый патріотизмъ и христіанское самоотверженіе, тѣмъ не менѣе удалось найти двѣ личности, замѣчательныя по своимъ достоинствамъ, К. Д. Солнцеву и М. И.

Бурдеву, которая и отдала себя безкорыстному дѣлу воспитанія юношества въ Острогѣ въ качествѣ первая—начальницы Блудовскаго училища, а вторая—ея помощница.

Между тѣмъ средства братства возрастали (не столько впрочемъ ежегодныя и постоянныя, сколько единовременныя). Благодаря ходатайству извѣстнаго ревнителя русскаго дѣла П. Н. Батюшкова, Государь Императоръ соблагволилъ даровать 19.000 руб. на перестройку главнаго капуцинскаго корпуса; въ то же время другіе члены Царскаго семейства, а также братчики и сестры не оставляли братство своими пожертвованіями; оно рѣшилось сдѣлать пристройку къ главному корпусу, стоимостію до 8.000 руб., продолживъ помѣщеніе дортуаровъ ученицъ еще на нѣсколько времени въ наемномъ домѣ; случай помогъ братству купить для этой цѣли въ 1868 году, у владѣльца города князя Яблоновскаго, два дома съ садомъ и землею за 8.000 руб., такъ что съ сентября этого года помѣщалось во вновь пріобрѣтенныхъ домахъ 40 пансіонерокъ Блудовскаго училища, платившихъ за полное свое содержаніе по 100 руб. въ годъ и составившихъ три класса; всѣхъ же ученицъ, вмѣстѣ съ приходящими въ школу и училище, насчитывалось уже 95.

Министерство народнаго просвѣщенія съ своей стороны дѣятельно поддерживало учебныя учрежденія братства. Въ 1869 году, съ Высочайшаго разрѣшенія, оно передало братству на строительныя надобности по училищамъ 3.000 руб. единовременно и назначило ежегодно: 1.500 руб. въ пособіе собственно Блудовскому женскому училищу въ Острогѣ и 450 руб. въ пособіе народному училищу, открытому братствомъ на его фермѣ въ с. Миклашахъ, въ день тысячелѣтія кончины св. Кирилла. Что же касается нравственнаго роста молодыхъ воспитательныхъ заведеній Острожскаго братства, то ему весьма замѣтно способствовали энергическая дѣятельность и умѣнье новой начальницы, Е. Д. Солнцевой. Къ несчастію, чрезмѣрныя заботы потрясли и ея здоровье и она вынуждена была покинуть начатое ею дѣло. По ходатайству Острожскаго и Петербургскаго сѣздовъ братства, министръ государственныхъ имуществъ испросилъ Высочайшее соизволеніе на предоставленіе Е. Д. Солнцевой на 37-лѣтнемъ правѣ вычета процентовъ и погашенія въ казну — фермы Дзвонки, приносящей не болѣе 100 руб. чистаго дохода и имѣющей маленькій домикъ; съ своей стороны министерство народнаго просвѣщенія ассигновало 1.200 руб. на первоначальный взносъ по сей покупке, а члены Петербургскаго сѣзда и строительницы братства

поднесли удалившейся на отдыхъ начальницѣ мебель и различныя вещи для обзаведенія. Въ 1870 году г. министромъ народнаго просвѣщенія было испрошено Высочайшее соизволеніе на производство изъ казны на будущее время еще по 800 руб. въ дополненіе къ суммамъ, отпускаемымъ на содержаніе женскаго Блудовскаго училища, существовавшаго въ это время уже въ четырехклассномъ составѣ.

Къ этому періоду его жизни относится весьма памятное для него событіе — посѣщеніе училища сербскимъ митрополитомъ Михаиломъ, пріѣзжавшимъ въ Острогъ исключительно ради молитвы и богослуженія въ церкви св. равноапостольныхъ Кирилла и Меодія, единственной доселѣ въ православномъ мірѣ, и ради ознакомленія съ братскими учрежденіями. Прекрасное описаніе графинею Блудовою этого посѣщенія напечатано въ отчетѣ братства за 1869 годъ и мы позволяемъ себѣ привести изъ него нѣкоторыя выдержки ради того, что здѣсь наглядно рисуются обстановка и внутренняя жизнь Острожскаго училища.

.... Митрополитъ пріѣхалъ 9-го ноября (1869 г.), въ воскресенье, въ первомъ часу пополудни, въ сопровожденіи архимандрита Никифора Дучича (того самаго, голова котораго, еще рапѣе послѣдняго Герцеговинскаго возстанія, оцѣнена Турками въ 1,400.000 пастровъ) и игумена Раковицкаго монастыря Іосифа. Съ нимъ были также встрѣтившіе его на пути нѣкоторые братчики Острожскіе. Для его пріѣзда въ первый разъ ударили въ пожертвованные изъ Москвы братчикомъ Постниковымъ великолѣпные колокола; солнце ярко блистало на металлическихъ хоругвахъ и богатыхъ ризахъ собраннаго у святыхъ воротъ духовенства, — и между тѣмъ, какъ хоръ крестьянскихъ мальчиковъ, сопровождавшій крестный ходъ, пѣлъ тропарь просвѣтителемъ Славиль, хоръ дѣвочекъ училища графа Блудова, при входѣ въ церковь, отвѣчалъ тропаремъ св. Саввѣ Сербскому.

„Послѣ пріѣзженнаго слова, сказаннаго у входа въ братскую церковь, митрополитъ приложился во кресту, къ иконамъ Спасителя и Божіей Матери, а послѣ многолѣтня, обѣнивъ крестомъ присутствовавшихъ, сошелъ съ соеи и, стоя среди церкви, долго держалъ крестъ, ибо всякій хотѣлъ неперемѣнно приложиться, а однихъ дѣтей — братскихъ воспитанницъ, учениковъ крестьянскаго пансіона и учениковъ гимназіи — было до 200. Ъхавшій день и ночь, въ зимнюю гнилую погоду, но невообразимо дурной погодѣ, владыка не казался, однако, утомленнымъ и самъ потомъ говорилъ, что входя

въ эту первую церковь въ память нашихъ просвѣтителей и слушая эти дѣтскіе голоса, поющіе священныя стихи апостоламъ славянскимъ и заступнику Сербіи, св. Саввѣ, онъ былъ тронутъ и забылъ и усталость и трудный путь....

„Послѣ встрѣчи въ церкви митрополитъ отправился отдохнуть въ приготовленныя ему комнаты и обѣдалъ одинъ.... Въ шесть часовъ онъ поѣхалъ опять въ церковь ко всенощной; вся ограда церковная и колоколяня были иллюминованы, равно какъ и братское зданіе, страннопріимный домъ и пансіонъ г-жи Гиревской.... Въ понедѣльникъ, 10-го ноября, была торжественная архіерейская обѣдня; митрополитъ прекрасно служитъ, прекрасно читаетъ.

„Послѣ обѣдни онъ подробно осмотрѣлъ женское училище графа Блудова, побывалъ во всѣхъ классахъ, въ лазаретѣ, даже на кухнѣ, а вмѣсто своего завтрака, сѣлъ къ столу дѣтей и отоѣдалъ съ ними, знакомясь такимъ образомъ и съ дѣтьми и съ нашею будничною жизнью. Затѣмъ онъ побывалъ въ лѣчебницѣ для приходящихъ, въ аптекѣ, побесѣдовалъ съ сестрою милосердія о больныхъ и бѣдныхъ, поѣхалъ посмотрѣть великолѣпныя развалины Боговиленскаго собора князей Острожскихъ, посѣтилъ классы мужской прогимназіи и съ отраднымъ чувствомъ отъ всего этого пріѣхалъ въ пансіонъ крестьянскихъ мальчиковъ, приготовляющихся въ волостные писаря и ходящихъ учиться въ прогимназію. Тутъ были собраны почти всѣ старшины....

„Въ пять часовъ былъ обѣденный столъ въ братской трапезной комнатѣ у митрополита для мѣстнаго духовенства и должностныхъ лицъ братства; недостаточность помѣщенія заставила ограничить число приглашенныхъ. Во избѣжаніе обычныхъ рѣчей и официальныхъ показались излишними въ нашемъ простомъ трудовомъ дѣлѣ, въ которомъ некогда сочинять спичи. Послѣ обѣда наши ученицы поднесли пресвященному глазетовую пелену подъ евангеліе, наскоро сшитую. Показавъ классы утромъ, мы предложили ему теперь посмотрѣть игры дѣтскія; съ отеческою добротою глядѣлъ онъ на дѣтей, какъ они водили хороводъ, играли въ коршуна и пѣли русскія и малороссійскія пѣсни.... Такъ прошелъ день совершенно семейнымъ образомъ.

.... Шестнадцать лѣтъ тому назадъ молодой 22-лѣтній монахъ Іовановичъ, съ юношескимъ лицомъ и русыми длинными волосами, окончившій курсъ въ Кіевской духовной академіи, нынѣшній митрополитъ сербскій, не выглядываетъ по наружности юнымъ славяни-

номъ и теперь, по его словамъ, совсѣмъ не узнаетъ Россіи и въ особенностяхъ здѣшняго края. Тогда онъ видѣлъ загнанный, молчаливый народъ съ потупленнымъ взоромъ, низко кланяющійся, чтобы поцѣловать полу сюртука или кунтуша всякаго шляхтича, съ полупольскимъ говоромъ; нынѣ же народъ въ пробуждающемся самосознаніи прямо и привѣтливо смотрѣлъ на него и говорилъ съ нимъ на царскомъ языкѣ. „Пѣсни въ устахъ этихъ дѣтей, говорилъ митрополитъ, проникаютъ въ сердце; ихъ нельзя безъ волненія слушать. Еслибы можно было по какому-нибудь чуду вашему Царю невидимкой посмотреть на все это, Онъ тогда только могъ бы вполнѣ одѣнить всѣмъ благодѣянія, которыя Онъ оказалъ Россіи освобожденіемъ крестьянъ, мировыми и прочими учрежденіями, и всю неувядаемую славу своего царствованія; только въ виду этого изумительно-быстраго развитія здѣшняго народа и любви къ Нему, Онъ могъ бы понять всю Свою силу и всю силу Россіи“.

Для болѣе подробнаго ознакомленія съ внутреннею жизнію и характеромъ женскаго, графа Блудова, училища, а равно и съ внѣшнимъ распорядкомъ этой жизни, извлекаемъ изъ отчетовъ братства и изъ напечатанныхъ въ нихъ разныхъ замѣтокъ и писемъ ученицъ—слѣдующія данныя.

Цѣлью училища поставлено развивать въ дѣтяхъ непоколебимое убѣжденіе, что они и предки ихъ—Русскіе, что здѣшній край былъ колыбелью Россіи, и что православная вѣра была, съ самаго введенія здѣсь христіанства, вѣрою всѣхъ Славянъ, что всѣ сперва приняли крещеніе и изъясненіе Христова слова отъ св. Кирилла и Меѳодія и учениковъ ихъ, что нѣкоторые Славяне потомъ совращены были въ латинство, черезъ которое ихъ отдалили отъ Русскихъ и подвергли чуждому имъ вліянію западныхъ народовъ, откуда и родилась вражда между единоплеменниками; что православная восточная церковь, самая древняя, сохранила все ученіе Христа Спасителя со временъ апостольскихъ, что она учитъ истинному познанію и поклоненію истинному Богу, любви къ ближнему, то-есть, ко всѣмъ людямъ, послушанію и преданности Государю и вѣрной службѣ Ему и отечеству,—что служить такъ хоть отчасти можетъ всякій, даже маленькая дѣвочка, потому что и малое добро, которое дѣлается кому бы то ни было, и всѣ добрыя отношенія другъ къ другу ускоренно миръ и согласіе въ народѣ Русскомъ, радуютъ Государя и облегчаютъ ему тяжкій трудъ управленія, что церковь учитъ по десяти заповѣдямъ и по ученію Христову послушанію, покорности и любви

къ родителямъ и честнымъ дружескимъ и искреннимъ отношеніямъ, особенно ко всѣмъ членамъ своего семейства и всего великаго семейства русскаго, то-есть ко всѣмъ русскимъ людямъ, въ какихъ бы краяхъ Россіи они ни жили, что всякій честный трудъ ведетъ за собою, къ какому бы званію мы ни принадлежали, благословеніе Господне и спокойствіе душевное, которыхъ никакое богатство и никакое высокое положеніе дать не могутъ безъ чистой совѣсти.

Въ училищѣ, равно какъ и въ братской школѣ, законоучителемъ и духовникомъ долженъ быть непременно священникъ Кирилло-Меодіевской церкви, который вмѣстѣ состоитъ и благочиннымъ братства. Изъ учебныхъ предметовъ при преподаваніи русской исторіи въ училищѣ особенное вниманіе обращается на исторію западнаго края. Музыкѣ обучаются всѣ желающіи бесплатно, за исключеніемъ совершенно неспособныхъ; но поступающимъ въ возрастъ болѣе 10-ти лѣтъ воспитанницамъ, музыкѣ до того времени не обучавшимся, уроковъ музыки отъ училища, то-есть бесплатныхъ, не полагается. Для воспитанницъ не полагается форменной одежды, каждая можетъ носить какое есть у ней платье; только запрещаются золотыя и всякія металлическія украшенія, кромѣ серегъ.

Форма въ одеждѣ обыкновенно устанавливается во избѣжаніе зависти для того, чтобы въ заведеніи всѣ были равны; это временное равенство исчезаетъ однако не только при окончательномъ выпускѣ дѣвицъ, но даже при каждомъ отпускѣ на праздники домой; такимъ образомъ дается только больше случаевъ для бѣдныхъ завидовать богатымъ, потому именно что разница въ такихъ случаяхъ рѣзче бросается въ глаза; между тѣмъ какъ въ ежедневномъ порядкѣ одежда не занимаетъ мысли. Вотъ причина, по которой положено предоставить каждой воспитанницѣ являться въ училище, сколько возможно, въ той же обстановкѣ, какъ дома, по средствамъ и вкусу семейства.

Въ жизни воспитанницы никогда не встрѣчаютъ полного равенства, и потому задача истиннаго воспитанія пріучать и примирять ихъ именно съ разницею въ состояніи и положеніи. Ученицамъ внушаютъ, что никто въ училищѣ не обращаетъ вниманіе на скудость или роскошь одежды; впрочемъ пестрота одежды не должна быть значительна, чтобы не бросаться неприятно въ глаза.

Ни въ какомъ случаѣ и ни при какихъ обстоятельствахъ никому изъ живущихъ въ училищѣ не дозволяется имѣть съ собою въ своей квартирѣ прислуги и дѣтей, не принадлежащихъ къ православному исповѣданію.

Столъ въ училищѣ бываетъ одинъ для дѣтей и ихъ наставницъ; начиная съ начальницы всѣ обѣдаютъ вмѣстѣ и приготовленіе какого либо особаго кушанья на кухнѣ училища никому не дозволяется; равно запрещается приносить кушанье извнѣ, или готовить въ своей комнатѣ; только чай и кофе не дается отъ училища, и потому всѣ, служащіе въ заведеніи, могутъ его готовить сами; впрочемъ кто захочетъ, можетъ пить чай съ дѣтьми.

По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ пансіонерки, а равно и приходящія ученицы, должны непременно быть у обѣдни, а по субботамъ—на заупокойной обѣднѣ за умершихъ благодѣтелей училища и края.

Равнымъ образомъ по субботамъ и наканунѣ большихъ праздниковъ, послѣ всенощнаго бдѣнія, воспитанницамъ не дозволяется въ рекреационное время танцовать, играть или пѣть свѣтскія пѣсни, или устраивать театральныя представленія, такъ какъ церковь считаетъ окончаніе дня съ захода солнца и потому вечеромъ уже не суббота, а воскресенье, и между всенощною и обѣднею полагается соблюдать день воскресный.

По той же причинѣ дамамъ, служащимъ въ училищѣ, не дозволено выѣзжать на балы и спектакли послѣ всенощной, ибо примѣръ есть первое правило благочестиваго воспитанія.

Такъ какъ училище есть преимущественно воспитательное учрежденіе, то и управленіе имъ ввѣряется прежде всего опытной и нравственной личности съ несомнѣннымъ православно-патріотическимъ направлениемъ; затѣмъ документы на какое либо учебное званіе остаются на второмъ планѣ, ибо начальница сама не обязана преподавать.

Въ училищѣ существуетъ слѣдующее распредѣленіе cadaго дня.

Съ утра для живущихъ въ училищѣ—общая молитва. Дежурныя наставницы, а когда можно, и начальница участвуютъ въ ней вмѣстѣ съ дѣтьми. Послѣ чая (или перваго завтрака), по собраніи всѣхъ ученицъ, пансіонерокъ и приходящихъ, въ 9 часовъ ежедневно (какъ во всѣхъ Кирилло-меоодіевскихъ училищахъ)—чтеніе евангелія на церковно-славянскомъ языкѣ, съ объясненіемъ неудобопонятныхъ словъ и повтореніемъ и толкованіемъ прочитаднаго со стороны дѣтей. Затѣмъ классы начинаются пѣніемъ тропаря св. Кириллу и Меоодию и чтеніемъ молитвъ передъ учеіемъ. Дежурная наставница наблюдаетъ за приходящими ученицами по выходѣ ихъ изъ класса и провожаетъ ихъ до крыльца. Предъ обѣдомъ и послѣ обѣда тоже

поются молитвы. Послѣ обѣда устраиваются прогулки съ двумя дежурными наставницами, но не въ городѣ, исключая тѣхъ случаевъ, если прогулка будетъ назначена съ научною цѣлью—для осмотра достопримѣчательностей, но это разъ или два въ годъ, не болѣе. Классы ведутся не иначе, какъ въ присутствіи наставницы; почуетъ же съ пансіонерками дортуарная дама. По субботамъ, въ 8 часовъ утра, чтобъ не мѣшать урокамъ, происходитъ ранняя заупокойная обѣдня съ панихидою по императорѣ Николаѣ I, цесаревичѣ Николаѣ Александровичѣ, великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, графѣ Блудовѣ и другихъ благодѣтелей края и училища и вкладчикахъ въ церковь; только однѣ ученицы поютъ на клиросѣ эту обѣдню и панихиду; въ субботу же вечеромъ всенощную ученицы поютъ на одномъ клиросѣ, а крестьянскіе ученики—на другомъ. По воскресеньямъ—обѣдня поздняя и молебень св. Кириллу и Меодію, св. Пантелеймону и св. Феодору, князю Острожскому. Ученицы поютъ на одномъ клиросѣ, крестьянскіе мальчики—на другомъ. Вѣрую и Отче нашъ—одно, какъ исповѣданіе вѣры, другое, какъ молитву Господню—ученицы, наставницы и всѣ стоящіе въ церкви поютъ или громко говорятъ вмѣстѣ съ пѣвчими. На каникулы съ 30 іюня по 30-е августа ученицы отпускаются только къ своимъ родителямъ или опекунамъ, а наставницы—всѣ, кромѣ одной, которая должна по очереди, или по выбору начальницы, оставаться при дѣтяхъ.

Ученицамъ воспрещаются коллективныя жалобы, просьбы, цѣлымъ классомъ или депутаціями, и производство суда другъ надъ другомъ, такъ какъ это порождаетъ сплетни, празднословіе, нарушаетъ простоту и дружбу во взаимныхъ ихъ отношеніяхъ и подрываетъ семейный характеръ въ училищѣ. Лично же каждая ученица имѣетъ свободный доступъ къ начальницѣ и наставницамъ.

Деньги дѣтей находятся у одной изъ дамъ, по назначенію начальницы, или у помощницы начальницы, и счетъ имъ исправно ведется и передается родителямъ въ концѣ учебнаго года. Не дозволяется дѣтямъ ни подъ какимъ видомъ занимать другъ у друга, или у прислуги, и покупать что-либо безъ вѣдома той наставницы, которой ввѣрены ихъ деньги; лакомствъ и съѣстныхъ припасовъ не позволено дѣтямъ покупать иначе какъ съ особаго разрѣшенія начальницы, и то лишь по праздникамъ, но между завтракомъ и обѣдомъ, между обѣдомъ, чаемъ и ужиномъ, или послѣ ужина не дозволяются никакія лакомства.

Если ученица будетъ замѣчена во лжи, то въ первый разъ дѣ-

лается ей строгое наставленіе, во второй она наказывается, въ третій исключается; впрочемъ въ школахъ и въ первомъ классѣ подвергаются наказанію или исключенію за ложь только на пятый или шестой разъ такъ какъ маленькія дѣти не всегда понимаютъ важность истины.

Учебные курсы начинаются непременно съ 2 или 4 сентября, смотря по дню недѣли безъ ожиданія ученицъ запоздалыхъ; при этомъ своекоштныхъ принимаютъ съ оговоркою, что за пропущенные дни родители должны платить за особые уроки для ихъ дѣтей по 25 коп. за каждый просроченный день; пансіонерки же, запоздавшія безъ достаточно уважительныхъ причинъ, теряютъ право на стипендію и на ихъ мѣста записываются другія.

Въ воскресные дни, равно какъ въ праздники и по субботамъ, всѣ ученицы, пансіонерки и приходящія, бываютъ на божественной службѣ въ церкви; только тѣ, которыя слабы или больны, стоятъ, по особому распоряженію начальницы, на хорахъ; при нихъ находится одна изъ наставницъ или дежурная дама для надзора и соблюденія порядка.

Дежурныя наставницы помогаютъ ученицамъ въ приготовленіи уроковъ къ слѣдующему дню не только по своему предмету, но и по другимъ, не давая предпочтенія какому либо изъ нихъ.

Пансіонерки не отпускаются въ гости, и ихъ посѣщать гости могутъ лишь съ величайшею разборчивостію, — причѣмъ родственниковъ принимаютъ не иначе, какъ въ актовомъ залѣ и къ нимъ выходятъ только тѣ воспитанницы, къ которымъ они пріѣхали; на квартиру же къ родственникамъ ученицы не отпускаются кромѣ какъ къ отцу или матери, но не на ночлегъ, не позже, какъ до 6 часовъ вечера.

Вслѣдствіе крайняго затрудненія въ доставленіи постной пищи, постъ соблюдается только одну недѣлю передъ Рождествомъ, а также на первой, четвертой и срастной недѣляхъ, начиная съ вербной субботы. Всѣ дѣти говѣютъ на первой и четвертой недѣляхъ великаго поста.

Мы ясно видимъ изъ всего этого, что въ основу училища графа Блудова положены строго-христіанскія начала, даже, можетъ быть на взглядъ нѣкоторыхъ, слишкомъ строгія; но между тѣмъ они привились въ заведеніи съ полною силою. Вотъ, на примѣръ, что читаемъ мы въ письмѣ попечительницы училища къ одной изъ начальницъ его: „Меня очень радуетъ и утѣшаетъ и ваше наблюденіе, что дѣти любить молиться; на вашъ свѣжій взглядъ и больше могу надѣяться;

впрочемъ и по моимъ наблюденіямъ скуку и пренебреженіе въ молитвѣ оказала у насъ только одна N., которая и была у насъ всего три мѣсяца... Наша цѣль—не столько воспитывать педагоговъ для добыванія средствъ жизни урокамъ, для чего много есть училищъ въ Россіи, сколько—образованныхъ женщинъ-христіанокъ, которыя могли бы бороться съ жизнью во всякомъ положеніи. Что же касается извѣстій вашихъ о маленькихъ погрѣшностяхъ дѣтскихъ, то пусть себѣ попадаются и бывають бранимы и наказываемы. Правила наши строги, но мы не ищемъ совершенства. Между дѣтьми Боже упаси отъ совершенствъ! Или не живучи, или лицемѣры. Однимъ лишь бойтесь меня огорчить—ихъ ложью, а что они пошалили, немножко срѣзались на экзаменѣ, полѣнились и даже нагрубилы—не бѣда. Не слишкомъ принимайте все это въ сердцу“.

Все, сказанное нами до сихъ поръ, проливаетъ, кажется, достаточно свѣта на то, какимъ направленіемъ одушевлено училище графа Д. Н. Блудова. Прежде всего какой глубокой и благотворной смыслъ въ учрежденіи этого заведенія именно въ гор. Острогѣ, въ одномъ изъ тѣхъ древнихъ центровъ, гдѣ вопросы о національности, религии, патриотизмѣ, имѣютъ особенно важное значеніе! Извѣстно, что въ такихъ именно центрахъ преимущественно формируются сильныя натуры съ высшими стремленіями, а это обстоятельство не можетъ оставаться безъ вліянія и на молодое поколѣніе. Затѣмъ, какъ счастливо заведеніе поставлено въ живую связь съ другими, перечисленными выше, учрежденіями братства! Ученицы тутъ не только учатся, но и живутъ жизнью совместно съ обществомъ и народомъ; онѣ не наблюдаютъ жизнь изъ окна, а сами участвуютъ въ ней какъ маленькіе, но тѣмъ не менѣе дѣятельные члены ея, щиплютъ корпию для больныхъ, готовятъ лекарства. Образование и воспитаніе, направленное исключительно или даже преимущественно въ научную сторону, въ сторону только развитія умственныхъ силъ, хотя бы и цѣлесообразнаго и вполне правильнаго, можетъ въ концѣ концовъ привести къ поклоненію золотому тельцу; Блудовское училище ставитъ себѣ цѣлью избѣгнуть этого зла: оно даетъ своимъ воспитанницамъ и дипломы и законченное умственное образованіе, но въ то же время служитъ другому идеалу. Задача его выработать цѣльную личность, а такая личность не мыслима безъ связи съ роднымъ краемъ, безъ дѣятельно-направленной вѣры, такъ какъ быть причастнымъ народу значитъ быть причастнымъ прежде всего главной его силѣ, т. е. религии. Человѣкъ, не носящій въ своемъ сердцѣ этотъ идеалъ, не стремящійся прежде

всего и главнѣе всего быть достойнымъ членомъ родной семьи, не проникнутый чувствами вѣры, патриотизма, созваніемъ нравственнаго долга, не достоинъ считаться человѣкомъ въ настоящемъ смыслѣ слова. По мысли учредителей училища гр. Блудова главный его устой долженъ заключаться не въ умственномъ совершенствѣ, а въ нравственныхъ началахъ, въ христіанскомъ развитіи сердца и воли. Весь внутренній его строй строго сообразованъ съ этимъ правиломъ и притомъ такъ, что ничто не превращается въ пустую формальность. Много доказательствъ тому встрѣчаемъ мы въ *Острожской летописи*, которую съ рѣдкимъ постоянствомъ ведетъ попечительница братства и училища.

Вообще училище, о которомъ мы говоримъ, представляетъ поразительный примѣръ, какъ чрезъ интернатъ можно достигнуть цѣлей, полное осуществленіе коихъ считается обыкновенно возможнымъ лишь въ высоко нравственномъ христіанскомъ семействѣ. Благодаря такту и чутю руководителей, вся обстановка его носитъ семейный характеръ. Въ свободное, напримѣръ, время, въ праздники, устроились по вечерамъ посидѣлки и начальница тотчасъ придаетъ имъ смыслъ и значеніе: всѣ приходятъ съ своими любимыми работами, читаютъ книги, напримѣръ Князя Серебряннаго, и одна изъ воспитавницъ искренно сожалѣетъ, что нельзя учить всей исторіи по такому разказу. На Рождествѣ устраиваютъ елку: «Собственно меня и моихъ сотрудницъ особенно порадовало, читаемъ въ одномъ письмѣ по этому поводу, что множество конфетъ и гостинцевъ не возбудили въ дѣтяхъ жадности и что они прежде всего подумали о тѣхъ, которыхъ не было на слѣбѣ. Мы совершенно оставили на ихъ произволъ, чтобы они раздѣлили гостинцы, какъ хотятъ. Прежде всего они отдѣлили бѣднымъ дѣтѣмъ и дѣтямъ нашей прислуги. Первой мысль эта пришла М.; насъ это очень порадовало: дѣти уже научились думать о другихъ». Существуютъ, напримѣръ, стипендіи въ училищѣ, но и стипендіямъ здѣсь придавъ особый колоритъ, состоящій въ томъ, что онѣ приурочены къ именамъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей; мы встрѣчаемъ стипендіатовъ Карамзина, Державина, Жуковскаго, Батюшкова, Пушкина, Лермонтова, Грибоѣдова, Кирѣевскаго, Хомякова....

Руководители всячески стараются не допускать между ученицами никакихъ привычекъ роскоши, любви къ нарядамъ, жадны въ увеселеніямъ, считая такія привычки зародышемъ гибели для большинства женщинъ и, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, не напрасно. Между прочимъ училище не раздѣляетъ общепринятой задачи женскихъ

пансіоновъ — воспитывать въ ученицахъ будущихъ матерей, такъ какъ далеко не всякой предназначено быть супругой и матерью въ собственной семьѣ; напротивъ главнѣйше воспитанницы подготовляются къ роли труженицъ и подвижницъ въ своемъ или чужомъ семействѣ; для нихъ всякій сирота, всякій безпомощный и бѣдный становится братомъ и сыномъ и онѣ могутъ связать съ французскимъ писателемъ: „*tous les hommes sont mes frères, mais ceux qui pleurent sont mes enfans*“.

Въ 1872 году училище графа Блудова считало уже шесть лѣтъ своего существованія и въ этомъ году былъ первый изъ него выпускъ воспитанницъ, прошедшихъ всѣ три класса (по два года въ каждомъ). Выпускъ состоялъ изъ шести ученицъ. Такъ какъ до сего времени училище считалось частнымъ учебнымъ заведеніемъ, то и свидѣтельство объ окончаніи въ немъ курса не давало воспитанницамъ права преподаванія и онѣ, по дѣйствующимъ правиламъ о спеціальныхъ испытаніяхъ на учительскія званія, должны были послѣ своего выпускнаго экзамена подвергаться еще другому изъ полного гимназическаго курса въ педагогическомъ совѣтѣ Острожской мужской гимназіи. Для училища и братства экзаменъ этотъ былъ первымъ пробнымъ камнемъ; дѣвицы выдержали его съ полнымъ успѣхомъ. Изъ закона Божія всѣ онѣ получили по 5 балловъ; по русскому языку, въ присутствіи экзаменаторовъ, написали сочиненіе на тему „Мысли при выходѣ изъ училища“; изъ исторіи отвѣчали блистательно. „Предметъ былъ — родной ихъ сердцу, читаемъ въ письмахъ по этому поводу, и даже спокойныя воодушевились; отвѣчали осмысленно, не торопясь; видно было, что онѣ держатъ въ рукахъ свое дѣло; самая молчаливая сдѣлалась краснорѣчивой... и сколько было радости!“

За то въ слѣдующемъ году (1873) ни одна изъ ученицъ втораго выпуска не отважилась на такой экзаменъ для полученія званія собственно домашней учительницы; большая часть ихъ были слишкомъ молоды для этого (14 и 15 лѣтъ); притомъ практика обнаружила необходимость учредить еще IV классъ для окончательнаго утвержденія дѣвицъ въ приобретенныхъ ими свѣдѣніяхъ, а равно и для спеціальнаго изученія нѣкоторыхъ предметовъ, избираемыхъ ими для преподаванія и практическихъ упражненій въ преподаваніи.

Тотъ же 1873 годъ навсегда останется памятнымъ для ученицъ по одному событію: представленію ихъ Государю Императору и Государынѣ Императрицѣ. Въ томъ же году происходила ревизія г. ми-

нистра народнаго просвѣщенія, имѣвшая результатомъ окончательное устройство и упроченіе училища во всѣхъ отношеніяхъ.

Представленіе воспитанницъ Ихъ Императорскимъ Величествамъ происходило на станціи желѣзной дороги вблизи Острога. Августѣйшіе путешественники осчастливили ихъ въ высшей степени милостивымъ и ласковымъ обращеніемъ.

Что касается до посѣщенія училища министромъ народнаго просвѣщенія, то оно продолжалось три дня, въ теченіе коихъ г. министръ осмотрѣлъ его во всѣхъ подробностяхъ. Вотъ что говоритъ по этому поводу графиня Блудова въ своей *Острожской Лѣтописи*:

„Какой длинный рядъ годовъ, воспоминаній, милыхъ тѣней промелькнулъ въ моей душѣ въ ту минуту, когда вмѣсто молодого человѣка, почти мальчика, который когда-то (болѣе 20-ти лѣтъ назадъ) первый привезъ мнѣ святой воды съ Волыни изъ Почаева, вышелъ изъ экипажа человѣкъ въ лѣтахъ и чинахъ, преемникъ общаго нашего друга Уварова, прибывшій для обзора училищъ, стоявшихъ столь близко ко мнѣ и связанныхъ съ памятью послѣднихъ минутъ жизни моего отца! Конечно, ни графъ Д. А. Толстой, ни я — въ то время, когда мы вмѣстѣ брали уроки сербскаго языка и толковали о славянизмѣ въ петербургскихъ гостинныхъ,—не думали, что мнѣ случится когда-нибудь встрѣчать его такъ оффиціально. Онъ поздоровался со всѣми и я проводила дорогаго гостя въ приготовленные для него покои; но такъ какъ онъ не жаловался на усталость, то мы и наговорились вдоволь до обѣдни, которая была отслужена въ обыкновенный часъ. Дѣти наши пѣли, какъ ангелы. Въ храмѣ улеглось все волненіе; всѣ молились спокойно, съ умиленіемъ и наши пріѣзжіе не утомились длинною службой. У меня было и грустно и хорошо на душѣ. Уже почти рѣшено было передать училище въ вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія и мнѣ приходилось въ некоторымъ образомъ разставаться съ нимъ; у меня было чувство матери, которая выдаетъ замужъ дочь: какъ ни хорошъ женихъ, а все-таки онъ увозитъ изъ дома сокровище. И я спрашивала себя, точно ли добросовѣстно я употребила всѣ силы и старанія для того, чтобы исполнить задачу, завѣщанную отцомъ моимъ? Точно ли не хватаетъ силъ и средствъ продолжать одной?“...

На слѣдующій день, не смотря на дурную погоду, г. министръ уже въ 10 часовъ утра посѣтилъ прогимназію, гдѣ присутствовалъ на всѣхъ урокахъ и самъ спрашивалъ многихъ учениковъ; затѣмъ, онъ успѣлъ еще и въ женскомъ училищѣ прослушать три урока.

Усѣвшись на скамьѣ между ученицами, г. министръ задавалъ имъ вопросы, на которыя онѣ отвѣчали сначала робко, а затѣмъ все бойчѣе. Въ 5 часовъ была отслужена панихида по графѣ Д. Н. Блудовѣ, который, какъ выразился г. министръ, „былъ расположенъ къ нему съ его юношескихъ лѣтъ и по желанію котораго устроены Острожскія училище и церковь“. Всѣ пошли въ церковь, гдѣ пѣли крестьянскіе мальчики.

Вечеръ въ этотъ день проведенъ былъ семейно и передача училища въ вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія окончательно была рѣшена.

Учреждая и развивая Острожское училище, графиня Блудова выстроила для заведенія, на собственныя и собранныя ею отъ братства средства церковь и зданіе со службами, стоимостью свыше 50.000 р., и предоставила училищу въ пользованіе большой фруктовый садъ; для особаго же сельскаго училища на фермѣ Миклаши построила отдѣльный деревянный домъ. Расходы по содержанію училища, простиравшіеся уже и въ первые годы его существованія свыше 18.000 р., покрывались частію изъ средствъ казны и Свято-Кирилло-Меодіевскаго братства, частію изъ специальныхъ средствъ самого училища; за всѣмъ тѣмъ ежегодно не доставало до 6.700 р., которые и восполнялись отчасти братскими взносами и частными пожертвованіями, преимущественно же средствами самой графини.

Въ началѣ 1874 года графиня, по случаю нѣкотораго ослабленія своихъ физическихъ силъ и уменьшенія членовъ братства, вообще не многочисленнаго, возмѣтила серьезныя опасенія касательно того, что матеріальныя средства учрежденнаго ею училища не представляютъ для него достаточнаго и вѣрнаго обезпеченія въ будущемъ и обратилась къ г. министру народнаго просвѣщенія съ формальнымъ ходатайствомъ о принятіи училища въ непосредственное завѣдываніе министерства, съ передачею въ его собственность построекъ и всего вообще училищнаго имущества. Училище должно было оставаться заведеніемъ закрытымъ, съ утвердившимся въ немъ православымъ, русско-славянскимъ характеромъ.

Вполнѣ сочувствуя прекрасному духу и направленію женскаго графа Блудова училища и найдя, при личномъ его осмотрѣ во время описанной нами поѣздки, что оно осуществляетъ счастливую мысль учредительницы и покойнаго отца ея устроить въ югозападной окраинѣ расадникъ серьезнаго православно-религіознаго воспитанія и образованія женщинъ, графъ Д. А. Толстой призналъ удовлетворе-

ніе изложеннаго ходатайства весьма желательнымъ и необходимымъ. Въ Государственный Совѣтъ внесено было представленіе объ ассигнованіи изъ государственнаго казначейства, въ добавокъ къ имѣвшимся средствамъ, еще по 11.000 руб. въ годъ, при чемъ должны были повергнуты на благоусмотрѣніе Государя Императора уставъ и штатъ училища. Согласно такому представленію, мнѣніе Государственного Совѣта было Высочайше утверждено 3-го іюля 1874 г. и нынѣ училище, располагая ресурсами въ количествѣ 22.300 руб. въ годъ, обезпечено навсегда въ своемъ содержаніи.

Означенная сумма образовалась изъ слѣдующихъ источниковъ:

1. Изъ пособій, отпускаемыхъ ежегодно училищу по смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія на основаніи Высочайшаго повелѣнія: а) 26-го мая 1869 года	1.500 руб.
б) 21-го апрѣля 1870 года дополнительныхъ	800 „
2. Отъ министерства внутреннихъ дѣлъ изъ процентовъ съ особаго капитала на содержаніе стипендіатокъ въ Бозѣ почившаго Цесаревича Николая Александровича	1.428 „
3. Изъ доходовъ съ оброчныхъ статей (двухъ мельницъ и рыбной ловли въ с. Миклашахъ, мельницы въ м. Куневѣ и фермы въ с. Миклашахъ) Всемилостивѣйше пожалованныхъ Кирилло-Меодіевскому братству	2.722 „
4. Изъ процентовъ съ капиталовъ, принадлежащихъ женскому училищу	850 „
5. Изъ взносовъ за содержаніе и ученіе воспитанницъ	4.000 „
6. Изъ отпускаемыхъ отъ казны, на основаніи Высочайше утвержденнаго 3-го іюля 1874 года мнѣніи Государственнаго Совѣта	11.000 „
Итого	22.300 руб.

Затѣмъ въ педагогическомъ совѣтѣ училища и въ министерствѣ народнаго просвѣщенія выработаны были, по соглашенію съ графинею Блудовою, уставъ, штатъ, программы предметовъ учебнаго курса, а также инструкція для училища. Приводимъ существенные пункты первыхъ трехъ изъ этихъ постановленій.

Заведенію присвоено названіе „Женскаго графа Дмитрія Николаевича Блудова училища“. Оно есть закрытое учебно-воспитательное заведеніе, съ допущеніемъ въ него приходящихъ ученицъ. Состоитъ оно изъ четырехъ классовъ, въ которыхъ курсъ ученія продолжается семь лѣтъ, а именно въ первыхъ трехъ классахъ ученицы остаются

по два года въ каждомъ и въ старшемъ классѣ одинъ годъ. Въ видахъ достиженія цѣли училища, весь личный составъ его и братской школы, а именно учащіяся въ нихъ дѣвицы, начальница, воспитательницы, преподаватели, всѣ другія служащія при заведеніи лица, а также и прислуга должны быть исключительно православнаго исповѣданія. При училищѣ графа Блудова состоятъ попечительный совѣтъ и хозяйственнос управленіе; предсѣдательство въ первомъ принадлежитъ директору Острожской мужской прогимназіи, а во второмъ—начальницѣ училища. Учредительницѣ училища, графинѣ Антонинѣ Дмитриевнѣ Блудовой, присвоено званіе ея попечительницы, при чемъ она, по утвержденіи въ этомъ званіи Государыней Императрицей, пользуется слѣдующими правами: 1) имѣть ближайшій контроль за дѣйствіями управленія училища какъ по учебно-воспитательной, такъ и по хозяйственной частямъ заведенія; 2) выбирать и представлять къ утвержденію въ должности начальницу училища и прочихъ служащихъ лицъ, распорядясь, въ необходимыхъ случаяхъ, и увольненіемъ ихъ отъ службы; 3) избирать изъ кандидатокъ, желающихъ поступить въ пансіонерки, извѣстное число по своему усмотрѣнію; 4) предсѣдательствовать, во время пребыванія своего въ г. Острогѣ, въ засѣданіяхъ попечительнаго совѣта и хозяйственнаго управленія; 5) въ случаѣ замѣчаемыхъ ею съ чьей либо стороны упущеній и уклоненій отъ установленныхъ правилъ, пріостанавливать такія неправильныя дѣйствія, доводя о нихъ до свѣдѣнія попечителя учебнаго округа, и 6) представлять служащихъ въ училищѣ попечителю учебнаго округа къ наградамъ.

Изложенныя права попечительницы училища предоставляются пожизненно графинѣ А. Д. Блудовой. По смерти же ея, званіе попечительницы переходитъ пожизненно лицу женскаго пола, избранному изъ фамиліи графовъ Блудовыхъ и родственниковъ ихъ Шевичей, Поликарповыхъ и графовъ Шереметевыхъ. Въ выборѣ участвуютъ всѣ совершеннолѣтніе члены означенныхъ фамилій, какъ мужскаго такъ и женскаго пола. Выборъ опредѣляется большинствомъ голосовъ, въ случаѣ же равенства голосовъ, избранною считается старшая по лѣтамъ. Актъ о состоявшемся выборѣ представляется министру народнаго просвѣщенія. Избранной попечительницѣ предоставляется право участвовать въ засѣданіяхъ попечительнаго совѣта и хозяйственнаго управленія училища по дѣламъ, касающимся хозяйственной и административной частей и съ возложеніемъ на нее обязанности наблюдать за своевременнымъ поступленіемъ и правиль-

нымъ употребленіемъ суммъ, происходящихъ отъ пожертвованій Блудовыхъ, или черезъ ихъ посредство частныхъ лицъ, примѣнительно къ правамъ, предоставленнымъ почетнымъ почителямъ мужскихъ гимназій и прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

Курсъ ученія составляютъ слѣдующіе предметы: законъ Божій, церковно-славянскій языкъ, русскій языкъ, словесность и краткая исторія литературы русской съ очерками литературъ иностранныхъ, географія, исторія русская и всеобщая, свѣдѣнія о главнѣйшихъ физическихъ явленіяхъ, французскій языкъ, педагогика, чистописаніе, рукодѣлія, музыка и пѣніе (преимущественно церковное). Сверхъ того ученицы старшаго класса упражняются въ практикѣ преподаванія въ братской школѣ, проходя тѣ практическія и, по возможности, теоретическія занятія, которыя признаны будутъ удобными и возможными попечительнымъ совѣтомъ училища. Вообще курсъ этотъ нѣсколько ниже курса женскихъ гимназій министерства, по отсутствію въ немъ естественной исторіи и рисованія и по меньшему объему преподаванія математики и физики, за то выше по исторіи русской, славянскому языку, исторіи русской церкви и исторіи литературы. Окончившія общій курсъ съ одобрительнымъ аттестатомъ и удовлетворительно исполнившія практическія занятія IV класса получаютъ, безъ особаго экзамена, званіе домашней учительницы—на общемъ основаніи; прошедшія же только общій курсъ, получаютъ это званіе въ предметахъ, по которымъ оказали хорошіе и достаточные по объему успѣхи.

Служащимъ при училищѣ лицамъ присвоются всѣ права службы по опредѣленію отъ правительства, именно: лицамъ мужскаго пола (законоучителю, учителямъ наукъ, врачу и письмоводителю) — въ отношеніи государственной службы всѣ права и преимущества тѣхъ же лицъ, служащихъ въ Острожской мужской прогимназіи; лицамъ же женскаго пола—права служащихъ въ женскихъ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія, при чемъ только тѣ пользуются правомъ получать пенсіи и единовременныя пособія изъ состоящаго въ распоряженіи министерства капитала домашнихъ наставниковъ, учителей и учительницъ, по Положенію о семь капиталѣ, которыя состоя преподавательницами учебныхъ предметовъ, или воспитательницами, имѣютъ установленныя свидѣтельства на званіе домашнихъ учительницъ и наставницъ; ограниченіе это однако не простирается на начальницу училища и ея помощницу. Условія для поступленія

въ учителя и преподавательницы суть тѣ же, какъ въ мужскихъ и женскихъ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

Воспитанницы, окончившія курсъ, могутъ, послѣ выпуска, обращаться въ училище за совѣтами и въ крайнихъ случаяхъ получать въ немъ временный пріютъ, если братство найдетъ возможнымъ платить за ихъ содержаніе. Попечительный совѣтъ, по соглашенію съ братствомъ, долженъ слѣдить, по мѣрѣ возможности, за положеніемъ вышедшихъ воспитанницъ, которыя не имѣютъ родителей, или находятся на мѣстахъ, какъ приходящія. Оброчныя статьи, доходъ съ которыхъ постунаетъ на содержаніе училища, остаются въ прямомъ и непосредственномъ распоряженіи попечительницы братства до тѣхъ поръ, пока въ этомъ званіи состоитъ графиня А. Д. Блудова; послѣ же ея смерти, главное наблюденіе за означенными статьями должно принадлежать попечительному совѣту училища, а ближайшее завѣдываніе—хозяйственному управленію.

Въ томъ же 1875 году, въ которомъ Высочайше были дарованы Острожскому училищу особый уставъ со штатомъ, графиня Блудова, согласно этому уставу, была утверждена Государыней Императрицей въ званіи попечительницы училища, какъ въ высшемъ почетномъ званіи, существующемъ во всѣхъ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія, въ которыхъ попечительницы, избираемыя вообще изъ мѣстныхъ знатныхъ дамъ, занимаютъ во всѣхъ официальныхъ собраніяхъ и засѣданіяхъ первыя мѣста.

Въ 1875 году министерство народнаго просвѣщенія утвердило инструкцію, которою официально подтверждены тѣ основныя начала внутренней жизни училища, которыя уже извѣстны читателямъ; а въ истекшемъ году выработаны были, согласно уставу, и утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія подробныя программы предметовъ учебнаго курса и недѣльная таблица уроковъ. Такъ какъ эти программы цѣликомъ напечатаны въ *Журналѣ Мин. Нар. Просв.* (декабрь, 1876 года), то мы коснемся лишь нѣкоторыхъ изъ особенностей этихъ программъ.

Едва ли не главнѣйшая состоитъ въ томъ, что преподаваніе русской исторіи начинается съ перваго класса и перваго же года ученія, тогда какъ по требованіямъ нынѣшней педагогики преподаваніе этого предмета не должно начинаться въ среднемъ учебномъ заведеніи ранѣе третьяго года. Но мы видѣли, что вообще русская исторія—слишкомъ дорогой предметъ для Острожскаго женскаго училища, вслѣдствіе особенностей того края, гдѣ оно существуетъ.

Затѣмъ въ учебномъ курсѣ отведено довольно широкое мѣсто исторіи русской литературы и даже литературѣ другихъ народовъ. Особенностью служитъ и то, что ученицы выпускнаго IV класса — теоретическій курсъ заканчиваютъ практическимъ приложеніемъ его къ дѣлу, упражняясь въ преподавательской практикѣ въ отдѣльной при училищѣ школѣ. Въ этомъ отношеніи училище удовлетворяетъ общесознанной потребности, выразившейся въ послѣднее время въ томъ, что практическо-воспитательная и учебная сторона вводится въ курсъ не только существующихъ уже по извѣстному типу учебныхъ заведеній, на примѣръ женскихъ гимназій, но для достиженія преимущественно этой цѣли учреждаются и цѣлыя отдѣльныя заведенія, на примѣръ учительскіе институты и семинаріи.

Есть еще и другія особенности въ программахъ женскаго, графа Блудова, училища, на примѣръ нѣсколько болѣе узкій, чѣмъ обыкновенно, курсъ математики, совершенное отсутствіе естественной исторіи; относительно этого позволяемъ себѣ привести слѣдующія слова, въ которыхъ выражено убѣжденіе попечительницы училища: „Наше училище есть специальное для изученія русской исторіи, русскаго языка и словесности, съ цѣлію объясненія особенностей нашего народнаго духа въ борьбѣ и для борьбы съ напущенными извнѣ направленіями и мыслями, клонящимися къ обману насъ, какъ Русскихъ, въ отношеніи къ вѣковымъ правамъ нашимъ на нашу землю и къ обману нашихъ женщинъ въ отношеніи къ ихъ святымъ правамъ и обязанностямъ, какъ дочерей, супруговъ, матерей, сестеръ и православныхъ христіанокъ. Мы не видимъ ни особеннаго счастья, ни славы для нихъ въ стремленіи отбивать хлѣбъ у мужчинъ, и думаемъ, что женщинамъ подобааетъ стремиться къ одному только преимуществу предъ мужчинами—это къ возвышенной чистотѣ мысли и чувства, къ соблюденію строгости правовъ и святости домашняго очага. Искони вѣковъ женщина назначена быть помощницей и другомъ, а не соперникомъ мужчины; назначеніе это, при всей изуродованности иныхъ человѣческихъ отношеній, не измѣнилось и теперь. И согласно съ особенностями своей природы и ума, женщина должна изучать тѣ науки и развивать въ себѣ тѣ таланты, которые не требуютъ ни слишкомъ большихъ силъ, ни слишкомъ исключительнаго труда, чтобы не отнималось слишкомъ много времени и вниманія отъ той скромной, но часто далеко не мелкой дѣятельности, которая требуется хозяйствомъ и семейнымъ бытомъ, потому что семейство всегда было и будетъ настоящею сферою женщины“.

Очевидно, что женское училище графа Д. Н. Блудова представляет въ высшей степени отрадное явленіе: учрежденное въ югозападной окраинѣ, оно воспитываетъ въ православно-русскомъ духѣ молодое женское поколѣніе, укрѣпляетъ русское самосознаніе, стоитъ на стражѣ русскихъ интересовъ, и нельзя не пожелать, чтобы въ будущемъ выполняло оно эту высокую задачу съ такимъ же успѣхомъ, какимъ отличалась дѣятельность его до сихъ поръ, въ первые годы его существованія.

М. Родевичъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛЪТОПИСЬ.

О ПОВѢРКѢ ПЛОЩАДЕЙ КАРТЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРІИ ПОЛКОВНИКА СТРѢЛЬБИЦКАГО.

Повѣрочныя вычисленія нѣкоторыхъ контуръ карты, составленной полковникомъ генеральнаго штаба Стрѣльбицкимъ, производились посредствомъ планиметра Амслера съ передвижнымъ рычагомъ № 505, выписаннымъ изъ Альтоны отъ механиковъ Деннерта и Папе, для геодезическаго кабинета Константиновскаго межеваго института.

Вывѣрка этого инструмента производилась на бумагѣ, наклеенной на мензурную доску и посредствомъ особой повѣрительной линейки, которая прилагается названными механиками къ каждому экземпляру ихъ инструментовъ. Линейка эта, шириною 0."6, длиною почти въ 3."7, сдѣлана изъ тонкой мѣдной полоски, вдоль которой просверлены маленькія отверстія. Укрѣпляя одинъ конецъ линейки кнопкою, плотно входящею въ крайнее отверстіе на этомъ концѣ, и помѣщая затѣмъ обводный шпиль планиметра въ какое-нибудь другое отверстіе на линейкѣ, можно, укрѣпивши предварительно полюсъ, описывать обводнымъ шпилемъ совершенно точно окружности различныхъ радіусовъ; здѣсь говорится: „совершенно точно“, потому что при такомъ пріемѣ избѣгаются погрѣбности, происходящія отъ несовершеннаго точнаго обвода отъ руки фигуры шпилемъ планиметра; и слѣдовательно, на результаты, получающіеся при этомъ, имѣютъ вліяніе погрѣбности, происходящія почти исключительно только отъ несовершенствъ инструмента и отъ того, что въ инструментѣ не выполнены съ необходимою точностью всѣ требуемыя отъ него условія.

Такъ какъ при вычисленіи площадей контуръ карты имѣлось въ виду употребить тотъ же способъ, который употреблялъ и полковникъ часть СЛХХХІХ, отд. 4.

Стрѣльбицкій и который предложенъ академикомъ А. Н. Савичемъ, то признано необходимымъ повѣрить въ инструментъ только слѣдующія 2 условія: во 1) свободно-ли вращается ось валика: не существуетъ-ли тренія между ободкомъ валика и ноніусомъ и въ центрѣ ли укрѣпленъ валикъ на оси, и во 2) перпендикулярна ли плоскость колеса къ передвижному рычагу, то-есть, къ линіи, соединяющей ось вращенія рычаговъ съ обводнымъ шпилемъ. Повѣрки этихъ условій произведены слѣдующимъ образомъ.

Повѣрка 1-го условія. Укрѣпивши повѣрительную линейку на одномъ концѣ, обводный шпиль помѣщался въ отверстіе, отстоящее отъ перваго на разстояніи 3."38. Чтобы при описываніи окружностей такого радіуса планиметръ имѣлъ достаточную устойчивость, полюсъ былъ помѣщенъ въ такомъ разстояніи отъ центра, чтобы рычаги не составляли между собою слишкомъ тупыхъ или слишкомъ малыхъ угловъ. Затѣмъ, сдѣлавши отсчетъ по циферблату, валику и ноніусу обводнымъ шпилемъ, описывалась окружность указанныхъ размѣровъ и дѣлался новый отсчетъ. Для уничтоженія вліянія вѣцентренности валика на результаты, послѣ перваго обвода валикъ былъ повернутъ приблизительно на половину его оборота и, снова сдѣлавши отсчетъ, обводилась та же самая окружность. Среднее ариѳметическое изъ полученныхъ такимъ образомъ результатовъ даетъ, какъ это не трудно обнаружить простыми геометрическими соображеніями, результатъ, не зависящій отъ вѣцентренности валика. Такой приѣмъ былъ сдѣланъ сначала при положеніи цифръ 0 и 5 валика около нуля ноніуса, затѣмъ для цифръ 2 и 7, 3 и 8, 4 и 9, 5 и 0. Сравненіе результатовъ, полученныхъ изъ подобныхъ приѣмовъ, дало возможность уничтожить соотвѣтственными винтиками треніе между ободкомъ валика и ноніусомъ, а также и треніе въ оси. Конечные результаты, полученные по уничтоженіи тренія, слѣдующіе:

1-й приѣмъ		2-й приѣмъ	
2217	5716	8288	10784
0038	3527	6102	8602
<u>2179</u>	<u>2189</u>	<u>2186</u>	<u>2182</u>
среднее ариѳмет. 2184		2184.	
3-й приѣмъ		4-й приѣмъ	
3391	5891	8589	11088
1203	3708	6404	8905
<u>2188</u>	<u>2183</u>	<u>2185</u>	<u>2183</u>
среднее ариѳмет. 2185.5		2184.	

5-й приемъ	
3688	6181
1501	4000
<hr style="width: 50%; margin: 0 auto;"/> 2187	<hr style="width: 50%; margin: 0 auto;"/> 2181

среднее арифмет. 2184.

Среднее арифметическое 2184.3 изъ результатовъ всѣхъ 5-ти приемовъ разнится отъ каждаго отдѣльнаго средняго не болѣе какъ на 1.2 дѣленій нониуса, такъ что точность каждаго приема должна быть принята равною $\frac{1.2}{2184.3} = \frac{1}{1820}$, то-есть, на каждыя 1820 квадратныхъ единиць—1 квадратная единица ошибка. Сравненіе же отдѣльныхъ результатовъ каждаго приема между собою показываетъ, что въ инструментѣ существуетъ вѣцентренность валика, вслѣдствіе которой разность между отдѣльными результатами достигаетъ 10 дѣленій нониуса; а потому, для полученія изслѣдуемымъ инструментомъ результатовъ, независимыхъ отъ вѣцентренности валика, признано необходимымъ вычислять фигуры при двухъ положеніяхъ валика, при чемъ второе положеніе его должно отличаться отъ перваго на половину оборота. Нужно еще замѣтить, что такъ какъ передвиженіе валика на половину его оборота производилось, при производствѣ 1-й повѣрки, непосредственно рукою, приподнявъ немного конецъ передвижнаго рычага, то могущее произойти отъ этого ненормальное положеніе валика на бумагѣ уничтожалось тѣмъ, что передъ отсчетомъ обводный шпиль съ линейкою отводился отъ начальной точки сначала вправо по окружности, за тѣмъ влѣво и потомъ уже, подводя къ начальной точкѣ, дѣлался отсчетъ, послѣ котораго обводилась окружность въ правую сторону.

При повторкѣ 2-го условія: перпендекулярности плоскости колеса къ рычагу,—употреблялся слѣдующій способъ: укрѣпивши линейку въ одномъ изъ крайнихъ отверстій вѣонкою, обводный шпиль помещался въ отверстие, котораго разстояніе отъ точки прикрѣпленія = 2."46; за тѣмъ, выбравши для полюса 2 точки, которыя отстояли бы другъ отъ друга возможно дальше, обводилась сначала окружность при положеніи полюса въ ближайшей къ окружности точкѣ А, а потомъ таже самая окружность при положеніи полюса въ дальней точкѣ В. Понятно, что для уничтоженія ошибки, происходящей отъ вѣцентренности валика при каждомъ положеніи полюса, были сдѣланы 2 обвода при двухъ діаметрально противоположныхъ частяхъ

валика. Сравненіе результатовъ при положеніяхъ полюса въ А и В показало, что плоскость колеса не перпендикулярна къ рычагу. Эта погрѣшность была уничтожена особымъ приспособленіемъ, сдѣланнымъ механиками Деннертъ и Папе и состоящимъ въ томъ, что передвижной рычагъ сдѣланъ, вблизи обводнаго шпиля, составнымъ и при томъ такъ, что обводный шпиль можетъ быть по желанію отклоняемъ вправо или влѣво. Вотъ конечные результаты повѣрки 2-го условія: разстояніе между двумя положеніями полюса въ А и В = 3."23.

Полюсъ въ точку А.

4343	5848
3190	4693
<hr/>	<hr/>
1153	1155

среднее ариамет. 1154.

Полюсъ въ точку В.

10662	3167
9505	2018
<hr/>	<hr/>
1157	1149

среднее ариамет. 1153,

откуда разность показаній планиметра между двумя положеніями полюса = 1 дѣленію пониуса, что составляетъ $\frac{1}{1153}$ отъ площади окружности, обведенной шпилемъ планиметра.

И такъ; изъ всего вышесказаннаго, ясно, что планиметръ нашъ, послѣ повѣрки его, давалъ результаты съ точностью $\frac{1}{1153}$.

Хотя при обводѣ шпилемъ планиметра контуръ карты г. Стрѣльбицкаго, ограниченныхъ неправильными кривыми, и не употреблялась повѣрительная линейка, какъ это дѣлалось при повѣркѣ инструмента, а обводились контуры непосредственно рукою, почему и приведенная точность должна была уменьшиться, но, тѣмъ не менѣе, можно утверждать, что результаты, которые получились при вычисленіи такимъ планиметромъ площадей контуръ, при необходимой тщательности и аккуратности его употребленія, должны заслуживать полного довѣрія. Вотъ причина, вслѣдствіе которой нужно было нѣсколько подробнѣе остановиться на способахъ и результатахъ повѣрки употребленнаго планиметра.

Перехода тецерь къ вычисленію площадей контуръ карты г. Стрѣль-

бицкаго, должно, прежде всего, остановиться на изложеніи той манипуляціи планиметра, посредствомъ которой можно ожидать достиженія наилучшихъ результатовъ и которая нѣсколько отличается отъ манипуляціи, принятой г. Стрѣлбицимъ.

Принятая при повѣркѣ карты манипуляція состоитъ въ слѣдующемъ:

а) выборъ мѣста для полюса, и именно: во 1) чтобы онъ лежалъ внѣ контуры и внѣ градусной трапеціи, ограничивающей контуры, и во 2) чтобы рычаги, какъ при обводѣ контуры, такъ и при обводѣ градусной трапеціи, не составляли между собою слишкомъ остраго или слишкомъ тупаго угла;

б) выборъ начального пункта для обвода трапеціи при томъ условіи, чтобы начало и конецъ обвода ея были произведены приблизительно по направленію оси колеса, чрезъ что, какъ извѣстно, уменьшается ошибка, происходящая отъ несовершенно точнаго совпаденія начальной и конечной точекъ обвода;

в) отсчетъ по планиметру;

г) обведение трапеціи слѣва на право шпилемъ планиметра; при чемъ для уничтоженія ошибокъ, происходящихъ отъ неточнаго обвода трапеціи и отъ неточнаго отсчета по планиметру, фигура обводилась 2 раза, непрерывно разъ за разомъ, вслѣдствіе чего разность между 1-мъ отсчетомъ и отсчетомъ послѣ двойнаго обведения дѣлилась на 2;

д) обведение контуры слѣва на право при томъ же положеніи полюса. Для уничтоженія погрѣшностей, упомянутыхъ въ предыдущемъ пунктѣ, контура обводилась также 2 раза. За начальную точку для обвода выбиралась на контурѣ такая точка, которая бы удовлетворяла условію, выраженному въ пунктѣ б);

е) перемѣна мѣста полюса: полюсъ выбирался на противоположной сторонѣ трапеціи съ соблюденіемъ условій, упомянутыхъ въ пунктѣ а. Эта перемѣна мѣста полюса дѣлается съ цѣлью болѣе правильнаго распределенія погрѣшности, происходящей отъ несовершенно точной перпендикулярности плоскости колеса къ рычагу;

ж) установка обводнаго шпиля въ выбранной начальной точкѣ трапеціи (съ соблюденіемъ условія, упомянутаго въ пунктѣ б) и установка колеса, непосредственно рукою, такъ чтобы вблизи нуля нониуса лежала приблизительно та точка его, которая діаметрально противоположна съ точкою, совпадающею съ нулемъ при отсчетѣ, сдѣланномъ въ пунктѣ в. Это дѣлается съ цѣлью уничтоженія погрѣшности отъ въцентреннаго укрѣпленія колеса;

з) передъ отсчетомъ по планиметру, для уничтоженія ненор-

мальнаго положенія колеса, происходящаго отъ вращенія его непосредственно рукою, обводный шпиль отводился сначала вправо по трапеціи отъ начальной точки, затѣмъ влѣво и потомъ уже, подведи шпиль въ начальному пункту, дѣлался отсчетъ;

і) обведеніе шпилемъ 2 раза по трапеціи;

ј) установка обводнаго шпиля на контурѣ и установка колеса, согласно съ сказаннымъ въ пунктахъ b и g;

к) обведеніе контуры шпилемъ 2 раза.

Среднее ариѳметическое изъ результатовъ, полученныхъ въ пунктахъ e и k и выражающее число дѣленій планиметра, соответствующихъ обводу шпилемъ по контурѣ, есть та самая величина, которая въ трудѣ г. Стрѣльбицкаго „Исчисленіе поверхности Россійской Имперіи“ обозначена буквою a; а среднее ариѳметическое изъ результатовъ пунктовъ d и e, выражающее число дѣленій планиметра, соответствующихъ обводу на трапеціи, обозначено тамъ же чрезъ b. Въ величинахъ a и b, какъ видно изъ предыдущаго, устранены по возможности погрѣшности, происходящія отъ вѣдцентреннаго положенія колеса, отъ неточнаго обвода фигуры, отъ неточнаго отсчета по планиметру и отъ несовершенно точной перпендикулярности колеса къ рычагу.

Кромѣ всего вышесказаннаго, нужно замѣтить: во 1) что повѣрка планиметра производилась ежедневно 2 раза: передъ началомъ вычисленія контуръ и по окончаніи. Точность планиметра, обнаружившаяся изъ этихъ повѣрокъ, заключалась между предѣлами $\frac{1}{751}$ и $\frac{1}{1879}$, то-есть, 1 квадратная единица ошибки на число квадратныхъ единицъ, заключающихся между 751 и 1879; 2) для вычисленій выбирались только такія контуры, которыя умѣщаются на одномъ листѣ карты: въ противномъ случаѣ пришлось бы склеивать листы и могущая произойти разность между результатами повѣрочными и результатами г. Стрѣльбицкаго могла бы быть объяснена неодинаковостію склейки листовъ; 3) для предупрежденія также разности между повѣрочными результатами и результатами г. Стрѣльбицкаго, каждая контура ограничивалась, по возможности, тою же градусною трапеціею, которою она была ограничена и при вычисленіяхъ ея г. Стрѣльбицкимъ; 4) вычисленіе площади градусной трапеціи въ квадратныхъ верстахъ производилось по таблицѣ А, помѣщенной у г. Стрѣльбицкаго на стр. 60, при чемъ интерполированіе производилось по формуламъ:

$$Y_n = Y_0 + A\left(\frac{t}{h}\right) + B\left(\frac{t}{h}\right)^2,$$

гдѣ $A = \Delta_1 - \frac{1}{2} \Delta_2$, а $B = \frac{1}{2} \Delta_2$. Здѣсь Y_0 есть искомая площадь въ квадратныхъ верстахъ, Y_0 — предшествующая табличная площадь въ квадратныхъ верстахъ, h — разность табличныхъ аргументовъ, t — разность табличнаго и даннаго аргументовъ, Δ_1 — разность 1-го порядка функций, Δ_2 — разность 2-го порядка функций; 5) если между результатами повѣрочными и г. Стрѣльбицкаго получалась такая разниа, которая не могла быть объяснена влияніемъ неизбѣжныхъ погрѣшностей, происходящихъ отъ несовершенствъ инструмента и способа его употребленія, все вычисленіе производилось снова; 6) такъ какъ г. Стрѣльбицкій не указываетъ въ своемъ трудѣ степени точности его результатовъ, или, другими словами, нигдѣ не говоритъ, на сколько можно довѣриться отдѣльнымъ его результатамъ, то, для того, чтобы опредѣлить какія разницы между повѣрочными результатами и результатами г. Стрѣльбицкаго можно допустить, и какія имѣть, въ руководство приняты были труды доктора Юнге ¹⁾, профессора королевской горной академіи въ Фрейбергѣ. Изъ его опытовъ видно, что точность вычисленія площадей средней величины планиметромъ Амслера, при двойномъ обводѣ ихъ по периметру, должна быть принята равною $\frac{1}{300}$, тѣмъ не менѣе, при сравненіи повѣрочныхъ результатовъ съ результатами г. Стрѣльбицкаго, допускались разницы, не превышающія $\frac{1}{150}$, то-есть, на каждыя 150 квадратныхъ верствъ — ошибка въ 1 квадратную версту, или, другими словами, такія разности, которыя не будутъ превышать $\frac{1}{150}$ отъ всей вычисляемой площади контуры.

Въ нижеслѣдующей таблицѣ, въ 1-й графѣ помѣщены названія контуръ, — площади которыхъ повѣрялись, во 2-й графѣ — результаты повѣрочныхъ вычисленій; при чемъ, если эти результаты отличались отъ результатовъ г. Стрѣльбицкаго болѣе чѣмъ на $\frac{1}{150}$ отъ площади вычисляемой контуры, то, какъ уже сказано, вычисленіе производилось вновь, и въ графу вписывались оба результата; въ 3-й графѣ, подъ рубрикою „относительныя разности результатовъ повѣрочныхъ“ выводилось: какую долю отъ всей площади составляетъ разность между повѣрочными результатами, полученными для одной и той же контуры. Изъ этой графы между прочимъ видно, что наибольшая

¹⁾ Der Civilingenieur, hrsg. von Bornsmann. Leipzig. 1836. 12-er Bd. 1-s u. 2-s Heft. Junge, eine Versuchsreihe mit dem Amsle'schen Polarplanimeter.

относительная разность между повѣрочными результатами не превышаетъ $\frac{1}{497}$, которая значительно менѣ погрѣшности, допускаемой докторомъ Юнге, изъ опытовъ котораго, какъ мы видѣли, можно допустить разность, не превышающую $\frac{1}{300}$ отъ площади вычисляемой контуры. Въ 4-й графѣ помѣщены результаты вычисленій г. Стрѣльбицкаго; наконецъ, въ 5-й графѣ находятся относительныя разности повѣрочныхъ результатовъ и результатовъ г. Стрѣльбицкаго. Для большей очевидности, въ 5-й графѣ, разности допускаемыя, то-есть, не превышающія $\frac{1}{150}$ отъ площади вычисляемой контуры, написаны черными чернилами; разности посредственныя, хотя и не допускаемыя, написаны зелеными чернилами, и, наконецъ, красными чернилами написаны разности безусловно неудовлетворительныя.

№№	НАЗВАНІЯ КОНТУРЪ.	Результаты повѣрочныя въ квadrатахъ, верстахъ.	Относительныя разности результатовъ повѣрочныхъ.	Результаты г. Стрѣльбицкаго въ квadrатахъ верстахъ.	Относительныя разности результатовъ повѣрочныхъ и г. Стрѣльбицкаго.
Острова:					
1	Дагъ	852,7	} 1 532	843,7	} $\frac{1}{94}$ $\frac{1}{115}$
2	Эзель	851,1			
		2314,3	—	2300,4	$\frac{1}{166}$
Озера:					
3	Бѣлое, Новгородской губ.	988,5	—	984,0	$\frac{1}{220}$
4	Кубенское, Вологодской губ.	354,8	} 1 507	345,6	} $\frac{1}{37}$ $\frac{1}{36}$
	Воронежской губ.	355,5			
5	Бирючянской уѣздъ	3842,5	—	3866,2	$\frac{1}{162}$
6	Валуискій уѣздъ	4092,9	—	4074,8	$\frac{1}{226}$
7	Коротояскій уѣздъ	3274,9	—	3268,1	$\frac{1}{481}$
Нурской губ.					
8	Ново-Оскольскій	2804,8	—	2810,8	$\frac{1}{467}$

№№	НАЗВАНІЯ КОНТУРЪ.	Результаты по- верочныя въ квад- ратн. верстахъ.	Относительныя разности результа- товъ повѣрочныхъ.	Результаты г. Стрѣльбицкаго въ квдратныхъ вер- стахъ.	Относительныя разности результа- товъ повѣрочныхъ и г. Стрѣльбицкаго.
Ломжинской губ.					
9	Ломжинской уѣздъ	1566,0	—	1589,5	$\frac{1}{453}$
10	Высокомазоведкій уѣздъ	1240,3	—	1246,3	$\frac{1}{413}$
11	Кольневскій уѣздъ	1316,9 1316,7	$\frac{1}{6584}$	1343,7	$\frac{1}{49}$
12	Маковский уѣздъ	1006,8	—	1012,8	$\frac{1}{168}$
13	Островскій уѣздъ	1384,0	—	1375,0	$\frac{1}{154}$
14	Остроленскій уѣздъ	1410,7 1411,6	$\frac{1}{1568}$	1424,2	$\frac{1}{104}$ $\frac{1}{112}$
15	Пултусскій уѣздъ	1337,3	—	1340,7	$\frac{1}{393}$
16	Щучинскій уѣздъ	1313,4 1313,4	0	1288,8	$\frac{1}{53}$
Площадь всей Ломжинской гу- берніи					
		10594,4	—	10621,0	$\frac{1}{398}$
Люблинская губернія.					
17	Люблинскій уѣздъ	1290,9 1465,9	—	1601,3	$\frac{1}{153}$
18	Бѣлгорайскій уѣздъ	1463,2 1603,5	$\frac{1}{542}$	1500,8	$\frac{1}{42}$ $\frac{1}{39}$
19	Замостскій уѣздъ	1602,3	$\frac{1}{1335}$	1569,6	$\frac{1}{47}$ $\frac{1}{49}$
20	Красноставскій уѣздъ	1326,6 1168,0	—	1329,3	$\frac{1}{491}$
21	Любартовскій уѣздъ	1170,3	$\frac{1}{497}$	1203,6	$\frac{1}{33}$ $\frac{1}{25}$
22	Ново-Александровскій уѣздъ	1495,8 1855,3	—	1491,9	$\frac{1}{384}$ $\frac{1}{1}$
23	Холмскій уѣздъ	1855,4	$\frac{1}{18553}$	1868,9	$\frac{1}{136}$ $\frac{1}{137}$

№№	НАЗВАНІЯ КОНТУРЪ.	Результаты по- вырочные въ квад- ратн. верстахъ.	Относительная разности результа- товъ поворочныхъ.	Результаты г. Стрѣльбицкаго въ квдратныхъ вер- стахъ.	Относительная разности результа- товъ поворочныхъ иг. Стрѣльбицкаго.
24	Яновскій уѣздъ.	1731,4	—	1725,5	$\frac{1}{293}$
25	Грубешовскій и Томашевскій уѣзды ¹⁾	2503,3	—	2504,7	$\frac{1}{1788}$
	Площадь всей Люблинской гу- берніи	14741,4	—	14795,6	$\frac{1}{273}$

Изъ этой таблицы видно, что не всѣ результаты г. Стрѣльбицкаго заслуживаютъ одинаковаго довѣрія; и, не признавая возможнымъ сдѣлать какое либо окончательное заключеніе о качествѣ результатовъ всего труда г. Стрѣльбицкаго, вслѣдствіе незначительности провѣреннаго пространства, можно, однако, утверждать, что опредѣленіе площадей нѣкоторыхъ уѣздовъ даетъ возможность желать болѣе точныхъ результатовъ.

Въ заключеніе настоящей записки, слѣдуетъ еще обратить вниманіе на нѣкоторые недосмотры въ трудѣ г. Стрѣльбицкаго, обнаружившіеся случайнымъ образомъ: площадь Бѣлаго озера, вычисленная г. Стрѣльбицкимъ по способу Савича, показана въ „Исчисленіи поверхности Россійской Имперіи“, на стр. 31, въ 984 □ версты, изъ коихъ въ уѣздахъ: Бѣлозерскомъ—555.0 □ версты, а въ Кириловскомъ—429.0 □ вер.; между тѣмъ при вычисленіи суммы площадей всѣхъ озеръ по уѣздамъ, на стр. 140 то же самое Бѣлое озеро въ 984 □ вер. распределено такъ: на Бѣлозерскій уѣздъ 576,4 □ вер., а на Кириловскій уѣздъ 412 □ вер., что вмѣстѣ составляетъ не 984.0 □ вер., а 988,4 □ вер. Кромѣ того, на той же страницѣ 140, предполагая, что площадь части Бѣлаго озера, лежащаго въ Кириловскомъ уѣздѣ, равна 412.0 □ вер., сумма площадей всѣхъ озеръ Кириловскаго уѣзда показана равною 899.1 □ вер., между тѣмъ

¹⁾ Оба эти уѣзда вычислены вмѣстѣ, потому что на томъ экземплярѣ карты, который имѣлся въ нашемъ распоряженіи, не нанесена раздѣльная граничная линія между ними.

какъ подводя въ дѣйствительности итогъ всѣмъ озерамъ этого уѣзда, получается 923.2 □ вер.—Приписывая это обстоятельство ничему другому, какъ только недосмотру со стороны г. Стрѣльбицкаго, остается только пожалѣть, что въ трудъ г. Стрѣльбицкаго, имѣющій большое значеніе, вкралась такія погрѣшности, которыя обнаруживаются даже и при бѣгломъ его просмотрѣ.

Повѣрочныя работы производились подъ ближайшимъ наблюдениемъ преподавателя геодезіи въ Институтѣ, инженера Альфреда Бика.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

ВЫСШІЯ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

Демидовскій юридическій лицей въ Ярославлѣ.

Демидовскій юридическій лицей, открытый 30-го августа 1870 года, руководствуется въ дѣйствіяхъ своихъ уставомъ, Высочайше утвержденнымъ 25-го декабря 1874 года. Къ 1-му января 1876 года въ лицей состояло преподавателей: ординарныхъ профессоровъ — 2, экстраординарныхъ (исправляющихъ должность) — 1, профессоръ богословія — 1, доцентовъ — 6 (5 исправл. должн.). Изъ положенныхъ по штату кафедръ вакантна была одна кафедра энциклопедіи права, преподаваніе котораго принялъ на себя безвозмездно директоръ лицея.

Совѣтъ лицея имѣлъ въ 1876 году 25 засѣданій. Для побужденія студентовъ къ болѣе или менѣе самостоятельнымъ занятіямъ, на 2-мъ и 3-мъ курсахъ требовались отъ нихъ сочиненія на темы, одобренныя профессоромъ. Профессоры давали также всѣ нужныя указанія и руководили студентовъ въ ихъ работахъ. Мѣра эта вообще оказалась полезною, хотя и не вполне достаточною, и совѣтъ постановилъ удержать ее на будущее время. Студентамъ 1-го курса предлагались переводы иностранныхъ юридическихъ сочиненій, составленіе лекцій и проч.

Въ 1875 году преподаватели лицея напечатали во Временникѣ лицея слѣдующіе ученые труды: *М. Ф. Владимірскаго-Буданова* — третій выпускъ „Христоматіи по исторіи русскаго права“, *В. В. Сокольскаго* — „Пособіе при изученіи внѣшней исторіи римскаго права“ и „О значеніи вѣщателей права“, *И. И. Диттинга* — „Очеркъ исторіи цеховъ въ западной Европѣ“ и переводъ 1-й части сочиненія Бюше „Государство и прогрессъ“, *А. С. Поттимова* — „Общественное землевла-

дѣніе". Н. А. Миловидовъ — „Законная сила судебныхъ рѣшеній“, Н. Д. Сертневскій — „О судѣ присяжныхъ“ и „Основныя начала уголовного процесса“. Сверхъ того И. И. Дитятинимъ навечатано отдѣльно сочиненіе „Устройство и управленіе городовъ Россіи. Томъ I-й“, а М. Н. Капустинъ помѣстилъ въ Сборникѣ государственныхъ знаній статью „О вмѣшательствѣ“.

Денежныя средства лицей находились въ слѣдующемъ положеніи: а) штатныхъ суммъ ассигновано было изъ государственнаго казначейства—46.713 руб., что вмѣстѣ съ остатками такихъ же суммъ 1874 года составляетъ 51.466 руб. 68¹/₂ коп., израсходовано—51.465 руб. 64 коп., осталось къ 1876 году—1 р. 4 коп.; б) пожертвованныхъ вмѣстѣ съ остаткомъ 1874 года—93 859 руб. 3 коп., израсходовано—3.043 руб. 59 коп., остатокъ—90.815 руб. 43 коп.; в) сбора за слушаніе лекцій вмѣстѣ съ оставшимися отъ 1874 года — 2.147 руб. 66 коп., израсходовано—1.116 руб. 26 коп., осталось къ 1876 году—1.032 руб. 40 коп., и г) экономическихъ: поступившихъ вмѣстѣ съ остатками 1874 года—8.937 руб. 99, израсходовано—250 р. 99 коп., осталось къ 1876 году—8.687 руб.

Студентовъ въ лицей состояло къ 1-му января 1876 года—238. Отъ платы за слушаніе лекцій освобождено было: изъ состоявшихъ въ 1-й половинѣ 1875 года 220-ти —175 (въ томъ числѣ 20 казенныхъ стипендіатовъ), изъ 239 бывшихъ во 2-й половинѣ — 208 (въ томъ числѣ 23 казенныхъ стипендіата). За половинную плату слушали лекціи: въ 1-й половинѣ года — 17, во 2-й — 6. Стипендіею пользовались 29 студентовъ на 5,199 руб. 2 коп.; размѣръ стипендій—отъ 63 руб. 70 коп. до 250 руб. включительно.

Въ библиотекѣ лицей къ 1-му января 1876 года находилось книгъ и сочиненій 7.000 названій въ 13.918 томахъ и 1.337 брошюръ. Въ 1875 году приобрѣтено разнаго библиотечнаго матеріала на сумму 6.694 руб. 49 коп., а съ открытія лицей на этотъ предметъ израсходовано всего 34.747 руб. 68 коп.

Императорскій С.-Петербургскій историко-филологическій институтъ.

Въ 1875 году въ институтѣ состояло лицъ, занимавшихся преподаваніемъ: законоучитель—1, ординарныхъ профессоровъ—5, экстраординарныхъ—6, наставниковъ—3, преподавателей—8.

Конференція института имѣла 15 засѣданій. Главнѣйшими предметами занятій ея были: окончательное уравниженіе занятій сту-

дентовъ обоихъ разрядовъ въ двухъ старшихъ курсахъ, разсмотрѣніе отзывовъ наставниковъ-руководителей о занятіяхъ студентовъ IV курса въ гимназіи при институтѣ, производство предварительнаго распредѣленія окончившихъ курсъ студентовъ 6-го выпуска на учительскія мѣста (13 назначены учителями древнихъ языковъ, 3—русскаго языка и 4 — русскаго и древнихъ языковъ), разсмотрѣніе и утвержденіе протоколовъ педагогическаго совѣта институтской гимназіи, болѣе точное опредѣленіе правилъ объ экзаменахъ изъ новыхъ языковъ, постановленіе о назначеніи студентамъ III курса особой письменной работы на латинскомъ языкѣ во время экзамена и письменнаго отвѣта на экзаменѣ исторіи римской литературы, разсмотрѣніе отчетовъ, присланныхъ командированными за границу съ ученою цѣлію бывшихъ воспитанниковъ института (Абрамовъ и Фогель — по римской словесности, Ждановъ и Дрейеръ — по греческой), и наконецъ производство пробныхъ лекцій возвратившимся изъ-за границы двумъ воспитанникамъ института. Таковыхъ было двое — Никитинъ и Колесниковъ, опредѣленные: первый — исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора по греческой словесности въ Нѣжинскій историко-филологическій институтъ, а второй — преподавателемъ латинскаго языка въ С.-Петербургскомъ институтѣ.

Студентовъ и стипендіатовъ въ институтѣ къ 1-му января 1875 г. состояло 122 (102 студента, 20 стипендіатовъ); въ 1875 году поступило—24 (студентовъ—18, стипендіатовъ—6); вышло—22 (16—за окончаніемъ курса, 3 — за переходомъ въ другое заведеніе, 3 — въ уѣздные учителя); затѣмъ къ 1-му января 1876 года оставалось—124 (студентовъ—100, стипендіатовъ—24). Всѣ студенты IV курса (14 на разряды древнихъ языковъ и 4 на разряды русской словесности) окончили курсъ и получили соответственное назначеніе на службѣ. Лекцій у студентовъ было: I курса—22 обязательныхъ, II курса—23 обязательныхъ, III—24 (общихъ 16 и каждый изъ разрядовъ по 8 обязательныхъ), IV—13 (общихъ—6 и каждый изъ разрядовъ по 7 обязательныхъ). Студенты IV курса, практиковавшіеся въ гимназіи при институтѣ, слѣдили за преподаваніемъ наставниковъ-руководителей, посѣщая еженедѣльно по десяти уроковъ, сами занимались преподаваніемъ въ гимназіи и посѣщали вечернія бесѣды. Для практики въ преподаваніи студентамъ были отведены такіе классы, курсы которыхъ отличаются характерными методическими особенностями, при чемъ по нѣкоторымъ предметамъ потребовалось перемѣщать студентовъ послѣ перваго полугодія изъ однихъ классовъ въ другіе.

Вечернія бесѣды происходили у каждаго наставника-руководителя по одному разу черезъ недѣлю. Предметами бесѣдъ было: а) ознакомленіе студентовъ съ обязанностями учителя, налагаемыми на него уставомъ гимназій и прогимназій, а также съ духомъ самаго устава и цѣлями, введенныхъ имъ измѣненій и дополненій; б) обсужденіе общихъ педагогическихъ вопросовъ, вызванныхъ практикой самихъ студентовъ, или возбужденныхъ наставниками-руководителями; в) разборъ, преподаваемыхъ студентамъ уроковъ, а также подготовленіе уроковъ, имѣвшихъ быть преподаанными; г) разсмотрѣніе вновь явившихся учебниковъ относительно приложимости ихъ къ учебной практикѣ, а также и учебниковъ, уже вошедшихъ въ употребленіе. Кромѣ преподавательскихъ занятій, на студентовъ, практиковавшихся въ гимназіи, были временно возлагаемы и воспитательскія обязанности, по случаю болѣзни воспитателей гимназіи, и студенты умѣли при этомъ случаѣ выказать серьезный взглядъ на дѣло, къ которому они готовятся.

Денежныя средства института въ 1875 году находились въ слѣдующемъ положеніи: по финансовой смѣтѣ ассигновано было къ отпуску изъ суммъ государственнаго казначейства: на содержаніе личнаго состава — 44.626 руб., на содержаніе штатныхъ воспитанниковъ — 25.000 руб., на содержаніе стипендіатовъ — 10.000 руб. (духовнаго вѣдомства—1.000 руб., Виленскаго учебнаго округа—3.200 р., Дерптскаго учебнаго округа — 2.400 руб., Сибирскихъ — 1.600 руб., Кавказскихъ—1.200 руб., Астраханской городской думы—600 руб.), на хозяйственные расходы—17.400 руб., на содержаніе учрежденной при институтѣ особой библиотеки для пользованія молодыхъ людей, готовящихся къ профессорскому званію — 1.160 руб.; партикулярныхъ суммъ вмѣстѣ съ остаткомъ 1874 года поступило—445 руб. 61 коп., всего на содержаніе института поступило—97.470 руб. 61 коп.

Въ библиотекѣ института находилось къ 1-му январю 1876 года, не считая учебниковъ, 6.641 нумеръ въ 12.941 томѣ. Въ продолженіе 1875—1876 учебнаго года выдано было для чтенія 1.314 нумеровъ въ 2.870 томахъ.

Историко-филологическій институтъ князя Безбородко въ Нѣжинѣ.

Личный составъ историко-филологическаго института, замѣнившаго собою бывшій лицей князя Безбородко, образованъ былъ лишь; 1-го юля 1875 года, и состоялъ съ того времени изъ директора,

инспектора, законоучителя, четырехъ ординарныхъ профессоровъ (въ числѣ ихъ и инспекторъ) одного исправлявшаго должность экстраординарнаго профессора, двухъ наставниковъ и двухъ преподавателей. Одновременно съ симъ продолжали дѣйствовать уставъ и штатъ лица князя Безбородко, въ видахъ предоставленія студентамъ 2-го и 3-го курсовъ сего заведенія возможности окончить курсъ по уставу 1840 года, а потому оставался и личный составъ преподавателей лицей.

Для поступленія въ число студентовъ 1-го курса подали прошенія и подвергались установленному испытанію 42 лица. Изъ этого числа, по разсмотрѣніи какъ письменныхъ работъ, такъ и устныхъ отвѣтовъ, принято 25, и съ разрѣшенія министерства народнаго просвѣщенія переведены 3 студента 1-го курса С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, такъ что общее число поступившихъ въ 1-й курсъ составило 28. Изъ этого числа 17 обнаружили вообще удовлетворительныя познанія по всѣмъ предметамъ испытаній, остальные же 8 оказали болѣе слабыя познанія; тѣмъ не менѣе конференція института опредѣлила принять ихъ, съ объявленіемъ имъ, что на нихъ будетъ обращено особенное вниманіе, и что неуспѣшность занятій въ теченіе учебнаго года повлечетъ за собою увольненіе ихъ изъ института.

Денежныя средства института были въ слѣдующемъ положеніи: по финансовой сибѣ ассигновано было изъ суммъ государственнаго казначейства: а) на содержаніе личнаго состава — 44,922 руб., изъ этой суммы израсходовано — 21,712 руб., остались по 1-му января 1876 года — 23,213 руб. 80 коп., которые предназначены на постройку флигелей для квартиръ профессоровъ института; б) на содержаніе студентовъ — 25,000, изъ нихъ израсходовано — 20,085 руб. 27 коп., затѣмъ къ 1876 году осталось — 4,914 руб. 73 коп.; в) на хозяйственныя расходы — 18,968 руб., израсходовано — 18,856 руб. 34, въ остаткѣ — 111 руб. 66 коп. Специальныя средства состояли изъ процентовъ съ пожертвованныхъ капиталовъ. Таковыхъ процентовъ отъ 1874 года оставалось — 28,822 руб. 49³/₄ коп., въ 1875 году поступило — 22,744 руб. 80 коп., израсходовано — 21,224 руб. 66 коп., затѣмъ къ 1-му января 1876 года было въ остаткѣ — 30,342 руб. 63³/₄ коп.

Библіотека института составила изъ бывшей основной библіотеки Нѣжинскаго лицей, состоявшей изъ 6,807 названій въ числѣ 13,057 томовъ. По выдѣленіи изъ нея излишнихъ для института и соединеніи разрозненныхъ изданій, число названій понизилось до 4,034,

которымъ вновь составлены документальный и систематическій каталоги. Сверхъ основной, въ институтъ поступила, существующая съ 1858 года, студентская библіотека, заключающая въ себѣ 524 названія. Наличный библіотечный матеріалъ, благодаря заботливости г. министра народнаго просвѣщенія, значительно обогатился приобрѣтеніемъ библіотеки покойнаго директора С.-Петербургскаго филологическаго института И. Б. Штеймана, заключающей въ себѣ значительное собраніе классическихъ авторовъ и сочиненій по классическимъ языкамъ, литературѣ, древностямъ и мифологіи, и обращеніемъ въ институтскую библіотеку дублетовъ бывшей Варшавской городской. нынѣ университетской библіотеки, относящихся преимущественно къ отдѣламъ богословскому и литературному, и притомъ по ихъ отношенію къ Польшѣ и западной Россіи. Сверхъ того, съ разрѣшенія начальства Кіевскаго учебнаго округа, въ институтскую библіотеку перемѣщено изъ Нѣжинскаго греческаго училища нѣсколько весьма цѣнныхъ книгъ по отдѣламъ богословскому, классическому, историческому и литературному, по стариннымъ изданіямъ XVI и XVII вѣковъ. Изъ лицъ князя Безбородко поступили также въ собственность института: мишъ-кабинетъ, заключающій въ себѣ нѣсколько замѣчательныхъ экземпляровъ и состоящій изъ 3.546 номеровъ монетъ и медалей, картинная галерея, состоящая изъ 170 картинъ, и кабинеты физическій, минералогическій и зоологическій, переданные въ пользованіе институтской гимназіи.

Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ.

Лазаревскій институтъ составляютъ: спеціальныя классы съ трехгодичнымъ курсомъ, гимназическія классы съ двумя древними языками и пансіонъ при гимназіи. Въ 1875 году преподавателей состояло: въ спеціальныхъ классахъ: ординарныхъ профессоровъ—2, экстраординарныхъ—4, доцентовъ—1, преподавателей практическихъ занятій—3; сверхъ того состоялъ преподавателемъ исторіи востока въ III курсѣ профессоръ Московскаго университета Герье; въ гимназическихъ классахъ: законоучителей—3 (1 сверхъ штата), учителей языковъ и наукъ—15 (4 сверхъ штата), учитель чистописанія и рисованія—1. Сверхъ того инспекторъ преподаетъ латинскій и русскій языки въ 1-мъ классѣ. Изъ 15-ти преподавателей исполняютъ обязанности классныхъ наставниковъ: 5—въ гимназическихъ классахъ и 1—въ приготовительномъ, а 1 состоитъ помощникомъ класснаго наставника.

Число учащихся въ институтѣ было слѣдующее: а) въ специальныхъ классахъ: къ 1-му января 1875 года студентовъ состояло—4, въ теченіе 1875 года поступилъ 1, вышло: до окончанія курса—1, по окончаніи курса—6; затѣмъ къ 1-му января 1876 года оставалось—3, по одному въ каждомъ курсѣ; стороннихъ слушателей въ 1875 году оставалось—10, а вновь поступило—16 (изъ гимназическихъ классовъ института—3, изъ гимназій—2, изъ духовныхъ семинарій—3, изъ университетовъ—1); вышло—1 (до окончанія курса); затѣмъ къ 1-му января 1876 года оставалось—16, которые распредѣлялись по курсамъ слѣдующимъ образомъ: въ 1-мъ курсѣ—9, во 2-мъ—5, въ 3-мъ—2. Изъ общаго въ теченіе 1875 года числа студентовъ освобождено отъ платы—7, что составляетъ слишкомъ 20%; б) въ гимназическихъ классахъ къ 1-му января 1875 года состояло—234, къ началу 1876 года оставалось—241, которые распредѣлены были по классамъ слѣдующимъ образомъ: въ приготовительномъ классѣ—44, въ I—45, во II—48, въ III—37, въ IV—22, въ V—12, въ VI—11, въ VII—9, въ VIII—13. Изъ нихъ по сословіямъ было: дворянъ и чиновниковъ—104, духовнаго званія—24, городскихъ сословій—101, сельскихъ сословій—12; по вѣроисповѣданіямъ: православнаго—88, армяно-григоріанскаго—144, римско-католическаго—3, евангелическо-лютеранскаго—5, еврейскаго—1. Изъ общаго числа учениковъ малоуспѣшныхъ было: въ январѣ и февралѣ—110 (пансіонеровъ—75, приходящихъ—35), въ мартѣ и апрѣлѣ—126 (пансіон.—90, приход.—36), въ сентябрѣ и октябрѣ—136 (пансіон.—103, приход.—33), въ ноябрѣ и декабрѣ—52 (пансіон.—47, приход.—5).—Подвергались экзамену—229 (пансіонеровъ—168, приход.—61); изъ нихъ перешли въ слѣдующіе классы и окончили курсъ: безъ переэкзаменовки—99 (пансіон.—75, приход.—24), съ переэкзаменовкою—35 (пансіон.—26, приход.—9); осталось въ этихъ же классахъ—65 (пансіон.—45, приход.—20). Число успѣвшихъ учениковъ по каждому предмету было слѣдующее: въ 1-мъ полугодіи: по латинскому языку изъ 183—120, по греческому изъ 92—75, по математикѣ изъ 227—152, по русскому языку изъ 227—168, по армянскому языку изъ 130—80, по французскому изъ 113—64, по нѣмецкому изъ 27—18, по закону Божію изъ 218—191, по физикѣ и математической географіи изъ 25—24, по исторіи изъ 92—80, по географіи изъ 172—108; во 2-мъ полугодіи: по латинскому языку изъ 197—141, по греческому изъ 104—76, по математикѣ изъ 241—165, по русскому языку изъ 241—195, по армянскому языку изъ 144—110, по

французскому изъ 111—79. по нѣмецкому изъ 49—41, по закону Божію изъ 233—208, по физикѣ и математической географіи изъ 33—29, по исторіи изъ 103—93, по географіи изъ 174—128.—Средняя услѣбность учащихся въ гимназій представляетъ въ первомъ полугодіи—3,44, во второмъ—3.32.—Общее число манкировокъ учениковъ по классамъ въ 1875 году представляется въ слѣдующемъ видѣ: въ приготовительномъ классѣ (44 ученика)—1.867, въ I классѣ (45 учен.)—2.214, во II (48 учен.)—1.842, въ III (37 учен.)—1.708, въ IV (22 учен.)—1.593, въ V (12 учен.)—507, VI (11 учен.)—748, въ VII (9 учен.)—415, въ VIII (13 учен.)—252. Такимъ образомъ среднее число манкировокъ на одного ученика въ классѣ составляетъ: въ приготовительномъ классѣ 42, 43, въ I—49, 20, во II—38, 36. III—46, 13, въ IV—72, 40, въ V—42, 25, въ VI—68, 00, въ VII—46, 11, въ VIII—19, 38.—Рисованію обучалось въ 1875 году 85 учениковъ, именно: въ I классѣ—40, во II—23, въ III—10, въ IV—8, въ V—3, въ VI—2.—Болѣе важнымъ взысканіямъ подвергались 152 ученика, именно: приготовительнаго класса—7, I—17, II—71, III—25, IV—28, V—2, VI—2.—Педагогическимъ совѣтомъ гимназій приняты слѣдующія мѣры: по судебной и воспитательной части: а) окончательно установлено параллельное преподаваніе нѣмецкаго и французскаго языковъ, которые до того времени, по разнымъ мѣстнымъ причинамъ, оказывалось невозможнымъ, при чемъ для пансіонеровъ, желающихъ и имѣющихъ право учиться обоимъ новымъ языкамъ, назначены внѣ-классныя занятія; б) обращено особенное вниманіе классныхъ наставниковъ на тѣхъ изъ учащихся, которые остаются на второй годъ въ классѣ и вмѣнено въ обязанность особенно часто вникать въ ходъ ихъ занятій, дабы не дать имъ возможности облѣниться, и в) окончательно введена должность воспитателей, съ тѣмъ чтобы число ихъ постоянно увеличивать по мѣрѣ денежныхъ средствъ.

Денежныя средства Лазаревскаго института въ 1875 году находились въ слѣдующемъ положеніи: къ 1-му января 1875 года оставалось: билетами и другими процентными бумагами—434.935 руб. 77 коп., наличными деньгами—6.321 руб. 31 коп., недоимки за пансіонерами и полупансіонерами—3.930 руб.; въ 1875 году поступило: наличными деньгами—90.066 руб. 50 коп., билетами—227.900 руб.; израсходовано билетами и наличными деньгами—149.527 руб. 22 к.; затѣмъ къ 1-му января 1876 г. состояло: билетами и процентными бумагами—605.535 руб. 77 коп., наличными деньгами—4.160 руб.

59 коп., недоимки за своекоштными пансіонерами—3.580 руб. Дефицитъ въ 1.466 руб. 30 коп. произошелъ вслѣдствіе того, что по смѣтѣ 1875 года, по нѣкоторымъ статьямъ приходилось прихода болѣе, нежели поступило въ дѣйствительности.

Учебно-вспомогательныя, учрежденія Лазаревскаго института въ 1-му января 1876 года находились въ слѣдующемъ положеніи: въ бібліотекѣ специальныхъ классовъ института находилось книгъ—1.015 названій, рукописей—52 названія, въ это число приобретено въ 1875 году 31 названій книгъ; въ бібліотекахъ гимназическихъ классовъ: фундаментальной: книгъ—5.626 названій, рукописей—588 названій; учебной: книгъ—150 названій. Въ физическомъ кабинетѣ инструментовъ и приборовъ—175; въ кабинетѣ естественныхъ наукъ минералогическихъ предметовъ—3.222; въ нумизматическомъ кабинетѣ: монетъ золотыхъ—29, серебряныхъ—539, мѣдныхъ—1.256; медалей: золотыхъ—2, серебряныхъ—53, бронзовыхъ—90, изъ композиціи—26. Сверхъ того находилось: атласовъ, картъ и глобусовъ—34, предметовъ для рисованія и черченія—45 нумеровъ, прописей—50, рисунковъ—36.

НИЗШІЯ УЧИЛИЩА.

Сообщаемъ свѣдѣнія объ осмотрѣ начальныхъ училищъ въ уѣздахъ Тамбовскомъ, Кирсановскомъ и Усманскомъ Тамбовской губерніи.

Въ первомъ изъ этихъ уѣздовъ осмотрѣно было во второй половинѣ истекшаго года 22 школы, изъ коихъ 10 мужскихъ, 10 для обоюго пола и 2 женскихъ. Учащихся въ нихъ 1.099, а именно 959 мальчиковъ и 140 дѣвочекъ; почти всѣ они вѣроисповѣданія православнаго; только въ двухъ изъ нихъ находится весьма незначительное число принадлежащихъ къ сектѣ молаканъ; 9 училищъ имѣютъ помѣщенія отъ сельскихъ обществъ при волостныхъ правленіяхъ или въ сборныхъ избахъ, 4 помѣщаются въ наемныхъ домахъ, 2 въ домахъ наставниковъ, 5—въ церковныхъ караулкахъ, 2—въ домахъ учредителей (землевладѣльцевъ графа Строгонова и г. Чичерина). Помѣщенія, отводимыя обществами, по большей части тѣсны, грязны, холодны и неудобны; иногда, вслѣдствіе тѣсноты, учащіеся дѣлятся на двѣ смѣны: одни приходятъ заниматься до обѣда, а другіе послѣ обѣда; не рѣдко также (напримѣръ въ Рождественской школѣ) сходками

крестьянъ въ сборной избѣ, находящейся въ сосѣдствѣ или подъ одною кровлей съ училищемъ, нарушаются спокойствіе классныхъ занятій. Только два училища, Лавровское и Кочетовское, помѣщаются при волостныхъ правленіяхъ съ достаточнымъ удобствомъ; наемныя помѣщенія также неудовлетворительны, за исключеніемъ Разказовской земской школы. Изъ остальныхъ школъ вполнѣ удобно помѣщена Александровская, содержащая графомъ Строгановымъ, которая вообще по своей обстановкѣ представляетъ среди всѣхъ другихъ особенно отрадное явленіе.

Всѣ осматрѣнныя училища, кромѣ Александровскаго и Знаменскаго, существующихъ на счетъ суммъ, отпускаемыхъ графомъ Строгановымъ, содержатся на совмѣстныхъ средствахъ земства и сельскихъ обществъ. Земство отпускаетъ обыкновенно деньги на жалованье учителямъ (отъ 200 до 300 р.), а сельскія общества предоставляютъ школамъ помѣщеніе, отапливаютъ ихъ и кромѣ того ассигнуютъ небольшія суммы—не выше 50 р. въ годъ—на учебныя пособія, но часто даже и это незначительное пособіе поступаетъ не своевременно. Можно указать на школы, которымъ оно не уплачивалось въ теченіе двухъ лѣтъ сряду, такъ, что сами наставники, получающіе по 100 р. жалованья, прибрѣтаютъ на собственныя средства кое-что, необходимое для ученья. На содержаніе женскихъ школъ земство отпускаетъ сравнительно большія суммы,—напримѣръ, 450 р. школъ Большелиповицкой и 500 р. школъ Разказовской.

Въ 12 изъ осматрѣнныхъ школъ учителя получаютъ по 200 р. сжегоднаго содержанія; въ остальныхъ 10 сумма эта колеблется между 100 и 300 р.; учитель же Рождественской школы получаетъ всего 78 руб. и при этомъ крайне скудномъ жалованьи вынужденъ еще нанимать для себя, за 25 р., квартиру, которую отапливаетъ также на свой счетъ.

Законъ Божій преподается по большей части учителями отдѣльныхъ предметовъ; законоучители очень рѣдко получаютъ вознагражденіе за свой трудъ. Большинство учителей состоитъ изъ лицъ окончившихъ курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ.

Выше упомянуто было о недостаткѣ учебныхъ пособій, отъ котораго страдаютъ почти всѣ осматрѣнныя школы; нѣкоторыя изъ нихъ не имѣютъ даже Евангелій; если присоединить къ этому, что дѣти неаккуратно посѣщаютъ классы, то понятно, что ходъ ученья нельзя назвать вполнѣ правильнымъ. Не смотря на эти неблагопріятныя условія успѣхи учащихъ оказались довольно удовлетворительными.

Безусловно слабы они и притомъ по всѣмъ предметамъ только въ училищахъ Воронцовскомъ, Хитровскомъ и Грачевскомъ; то же самое слѣдуетъ сказать и объ училищѣ Найденекомъ, но по крайней мѣрѣ преподаваніе закона Божія идетъ тутъ очень хорошо; совершенно напротивъ, въ женскихъ школахъ Перихшинской и Большелиповенской ученицы обнаружили удовлетворительные успѣхи во всѣхъ предметахъ, за исключеніемъ закона Божія.

Въ *Кирсановскомъ* уѣздѣ осмотрѣно было 11 училищъ, изъ коихъ 4 мужскихъ и 7 для обоюго пола; учащихся въ нихъ 827, а именно 780 мальчиковъ и 47 дѣвочекъ; 4 училища имѣютъ собственныя помѣщенія (изъ коихъ 2 удобныя), 4 помѣщаются при волостныхъ правленіяхъ, 1 въ церковной караулѣ, 1 въ городскомъ домѣ и 1 въ домѣ землевладѣльца г. Петрово - Соловово безплатно. Большая часть этихъ помѣщеній (6 изъ 11) тѣсны, холодны и вообще неудобны. Въ Калугинской школѣ классныя комнаты прилегаютъ къ арестанской и къ волостному правленію, а Балыклейская школа, расположенная въ караулѣ, въ которой отведена также комната и для арестуемыхъ, никогда зимою не отапливается. Во время осмотра этой школы инспекторомъ, и учитель, и дѣти сидѣли въ тулупахъ, но занятія письмомъ все таки не могли происходить по причинѣ сильнаго холода.

Средства на содержаніе всѣхъ осмотрѣнныхъ училищъ ассигнуются по преимуществу сельскими обществами, а земство принимаетъ участіе въ содержаніи только 5 училищъ, и при томъ весьма незначительными взносами, размѣръ коихъ не превышаетъ 130 руб. въ годъ на каждое изъ нихъ. Училище Коровай-Салтыковское содержится частью на средства землевладѣльца г. Петрово - Соловово, отпускающаго ему по 252 руб., а отчасти на средства мѣстнаго общества, которое съ своей стороны расходуетъ для той же цѣли по 156 р. Трескинскому училищу земство даетъ 58 р. въ годъ, которые всѣ идутъ на жалованье учительницъ въ добавокъ къ получаемымъ ею отъ общества 62 руб., но и эта незначительная сумма поступаетъ не всегда акуратно, вслѣдствіе чего учительница, по свидѣтельству г. инспектора, находится въ бѣдственномъ положеніи. Что касается до наставниковъ, то во всѣхъ осмотрѣнныхъ школахъ законоучители занимаются безвозмездно или получаютъ за свои труды самое ничтожное вознагражденіе, отъ 30 до 60 руб., жалованье учителямъ колеблется отъ 80 до 280 руб. Только въ Коровай - Салтыковской школѣ учитель получаетъ 350 р. въ годъ.

Всѣ осматрѣнныя школы (за исключеніемъ Коровой - Салтыковской) очень скудно снабжены классною мебелью и учебными пособиями. Учебная часть въ шести изъ нихъ найдена не удовлетворительною; хорошо поставлена она въ школахъ Кирсановской, Инжавинской, Балаклеяской, Иноковской и Коровой - Салтыковской.

Въ Усманскомъ уѣздѣ осматрѣно было 18 училищъ,—13 мужскихъ и 5 для обоюго пола. Всѣхъ учащихся въ нихъ 1.246 (1.210 мальчиковъ и 36 дѣвочекъ); 4 училища имѣютъ собственныя помѣщенія, изъ коихъ одно весьма тѣсное, 10 помѣщаются въ церковныхъ караулкахъ очень неудобно, одно—въ волостномъ правленіи и одно—въ городскомъ домѣ. Для этого послѣдняго Усманское городское общество еще въ 1875 году ассигновало необходимую сумму, но и до сихъ поръ не сдѣлано ничего для улучшенія занимаемаго имъ зданія. Училище Талицко - Чаплыцкое имѣетъ помѣщеніе наемное, о которомъ г. инспекторъ отзывается, что оно „состоитъ изъ подвального жилья и представляетъ собою родъ погреба, гдѣ мальчики положительно биткомъ набиты, такъ что между столами нѣтъ прохода и все-таки многимъ нѣтъ мѣста; воздухъ въ этой школѣ одуряющій“.

Въ Усманскомъ уѣздѣ суммы, ассигнуемыя на школы, меньше тѣхъ, которыя расходуются на тотъ же предметъ въ двухъ выше-названныхъ уѣздахъ. Составляются онѣ изъ весьма разнообразныхъ взносовъ какъ земства, такъ и сельскихъ обществъ: въ селѣ Бреславкѣ, напримѣръ, общество отпускаетъ на школу всего 19 р. въ годъ, а въ с. Мордовѣ—242 р. Среднимъ числомъ пожертвованія обществъ простираются отъ 50 до 60 руб., земство ассигнуетъ нѣсколько болѣе, а именно по 100 р. на училище, но нѣкоторыя школы получаютъ отъ него только по 50 руб. Жалованье учителямъ ни въ одной школѣ (за исключеніемъ Новоархангельской) не превышаетъ 200 р. Учитель Никольско - Чаплыцкой школы заявилъ г. инспектору, что со времени вступленія своего въ должность въ маѣ 1875 года онъ не получалъ вовсе вознагражденія, причитающагося ему изъ земскихъ суммъ. Въ селѣ Нижней - Матренкѣ обученіемъ дѣтей занимается мальчикъ, которому только 15 лѣтъ отъ роду. Въ 9 школахъ отдѣльных законоучителей нѣтъ, а преподаваніе закона Божія возложено на учителей, окончившихъ курсъ духовныхъ семинарій.

Всѣ осматрѣнныя школы крайне нуждаются въ учебныхъ пособияхъ, на приобрѣтеніе коихъ рѣшительно недостаетъ у нихъ средствъ. Учащіеся посѣщаютъ классы неаккуратно: если присоединить къ это-

му весьма незавидную обстановку школь, то вельзи удивляться, что ученье идетъ по большей части неудовлетворительно. Усманское приходское мужское училище, въ матеріальномъ отношеніи, обезпечено гораздо лучше сельскихъ школь, находящихся въ уѣздѣ; на содержаніе его городскимъ обществомъ отпускается 680 руб. и кромѣ того общество приняло на себя отопленіе зданія и наемъ сторожа; законоучитель получаетъ 100 р., старшій учитель 350 р. и помощникъ его 180 р.; успѣхи учениковъ по всеѣмъ предметамъ оказались удовлетворительными.

Къ числу общихъ условий, неблагоприятно вліяющихъ на ходъ народнаго образованія въ уѣздахъ Тамбовскомъ, Кирсановскомъ и Усманскомъ, г. инспекторъ относитъ прежде всего недостатокъ книгъ и учебныхъ пособій, что въ свою очередь происходитъ отъ бѣдности школь, отъ равнодушія къ нимъ приходскаго духовенства и отсутствія при нихъ дѣятельныхъ попечителей. Дирекція народныхъ училищъ старалась, по возможности, содѣйствовать устраненію этого зла. Въ истекшемъ году были приняты ею, съ этою цѣлью, слѣдующія мѣры: по ея ходатайству, Тамбовское епархіальное начальство предложило приходскимъ священникамъ не уклоняться отъ исполненія преподавательскихъ обязанностей; въ настоящее время въ нѣкоторыхъ школахъ священники уже приступили къ обученію дѣтей закону Божию; о бездѣйствіи попечителей начальныхъ школь сообщено подлежащимъ училищнымъ совѣтамъ; имъ же сообщено и о бѣдственномъ положеніи нѣкоторыхъ учителей, приняты по возможности мѣры для улучшенія школьныхъ номѣщеній и снабженія школь учебными пособиями.

Предъ нами находится подробный отчетъ о состояніи народныхъ училищъ Симбирской губерніи за 1875 годъ.

Изъ этого отчета видно, что всеѣхъ начальныхъ училищъ къ 1 января находилось 403, въ томъ числѣ городскихъ 31 и сельскихъ 403. По уѣздамъ распредѣлялись они слѣдующимъ образомъ: въ Симбирскомъ—61, Сengилеевскомъ—64, Сызранскомъ—67, Карсунскомъ 99, Алатырскомъ—27, Ардаговскомъ—21, Курмышскомъ 19 и Буинскомъ—45.

Законоучителей въ упомянутыхъ школахъ состояло 238, учителей 326 (вмѣстѣ съ ихъ помощниками), учительницъ 68; изъ другихъ должностныхъ лицъ слѣдуетъ упомянуть о попечителяхъ и попечи-

тельницахъ, число коихъ простиралось до 216; почетныхъ блюстителей было 3. По образованію преподаватели раздѣлялись такъ: 104 окончили курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ, 50 не прошли вполнѣ этого курса; обучавшихся въ Порѣцкой учительской семинаріи было 16; остальные обучались въ уѣздныхъ и духовныхъ, въ двухклассныхъ сельскихъ училищахъ и въ первыхъ классахъ гимназій (2).

Что касается до учащихся, то всего было ихъ въ губерніи 12.821, въ томъ числѣ мужскаго пола 11.335 и женскаго 1.486, а по уѣздамъ: въ Карсунскомъ—2.400, Сызранскомъ—2.099, Симбирскомъ—2.083, Буинскомъ—1.999, Сенгилеевскомъ—1.491, Алатырскомъ—1.094, Ардатовскомъ—840 и Курмышскомъ—815. Изъ 12.821 учащихся 867 мальчиковъ и 399 дѣвочекъ находились въ городскихъ училищахъ, 10.468 мальчиковъ и 1.087 дѣвочекъ въ училищахъ сельскихъ. Въ 1875 году выбывшихъ изъ школъ до окончанія курса было 1.980 и по окончаніи курса 985.

Сравнивая число учащихся въ начальныхъ народныхъ школахъ съ числомъ населенія каждаго уѣзда мы видимъ, что 1 учащійся приходится: въ Буинскомъ уѣздѣ на 46 жителей (об. п.), въ Симбирскомъ на 72, въ Карсунскомъ на 75, въ Сенгилеевскомъ на 79, въ Сызранскомъ на 89, въ Курмышскомъ на 118, въ Алатырскомъ на 119, въ Ардатовскомъ на 188. Если же принять въ расчетъ все населеніе Симбирской губерніи, то одинъ учащійся приходится на 81 жит.; въ частности число учащихся мальчиковъ относится къ мужскому населенію, какъ 1:44, а дѣвочекъ къ населенію женскому, какъ 1:371. Въ городахъ отношеніе это опредѣляется цифрами — для мальчиковъ 1:20, для дѣвочекъ 1:42; въ селахъ—для мальчиковъ 1:48, для дѣвочекъ 1:491.

Самое большее число учащихся было, изъ городскихъ училищъ, въ Сызранскомъ 2-мъ мужскомъ приходскомъ (100), а изъ сельскихъ— въ Лобаскинскомъ, Ардатовскаго уѣзда (90).

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о средствахъ содержанія означенныхъ школъ. Изъ суммъ государственнаго казначейства израсходовано было на нихъ 7.254 р., изъ суммъ городскихъ обществъ—11.571 р. 96 к., земства—16.377 р. 42 к., сельскихъ обществъ—63.636 р. 53 к., изъ пожертвованій частныхъ лицъ—4.544 р. 28 к., церковныхъ попечительствъ—468 р., почетныхъ блюстителей—100 р., а всего 103.952 р. 19 коп. Среднимъ числомъ содержаніе училища въ губерніи обходится въ 723 р., а въ селахъ—240 р. Во всѣхъ частныхъ школахъ для первоначальнаго обученія существуетъ плата

отъ 2½ к. до 3 р. въ мѣсяцѣ, по условію съ родителями; изъ начальныхъ школъ, состоящихъ въ вѣдѣніи училищныхъ совѣтовъ. только въ двухъ взимается плата за ученіе; въ трехъ одноклассныхъ школахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія плата за ученіе, въ размѣрѣ 3 р. въ годъ, установлена лишь для дѣтей постороннихъ лицъ, не участвующихъ въ содержаніи училищъ.

Изъ всѣхъ сельскихъ училищъ 183 имѣютъ собственныя, болѣе или менѣе удобныя, помѣщенія.

Ближайшее знакомство съ ходомъ учебнаго дѣла приводитъ къ слѣдующимъ о немъ заключеніямъ.

Законъ Божій преподается въ лучшихъ школахъ при помощи объясненій и разказовъ законоучителей, которые не рѣдко прибѣгаютъ къ картинамъ Шпора. Ученики этихъ школъ могутъ объяснить смыслъ молитвъ, заповѣдей и символа вѣры, толково и довольно подробно разказать о событіяхъ священной исторіи, объяснить важнѣйшія части литургіи и мѣстные праздники. Въ другихъ школахъ преподаваніе закона Божія начинается съ катехизиса, который пополняется разказами о священной исторіи; затѣмъ въ остальныхъ преобладаетъ механическое заучиваніе наизусть безъ всякихъ толкованій со стороны вѣстниковъ.

Чтенію и письму дѣти обучаются преимущественно по звуковому способу. Усердные и опытные преподаватели оканчиваютъ изученіе звуковъ вмѣстѣ съ сліяніемъ ихъ въ слова въ два и нерѣдко въ одинъ мѣсяць. Затѣмъ, чтеніе и письмо ведется по книгамъ „Родное Слово“ и „Нашъ Другъ“, причемъ въ большинствѣ школъ учителя руководствуются указаніями, сдѣланными Ушинскимъ и Корфомъ. Такимъ образомъ, ученики пріучаются къ связному разказу и, по возможности, правильному изложенію на письмѣ прочитаннаго. При объяснительномъ чтеніи преподаватели предварительно ведутъ съ учениками бесѣду, съ цѣлію выяснитъ имъ какъ содержаніе статьи, такъ и отдѣльныя непонятныя имъ слова и выраженія. Затѣмъ идетъ чтеніе самой статьи или учителемъ, или однимъ изъ учениковъ; въ послѣднемъ случаѣ со стороны преподавателя обращается особенное вниманіе на выразительность чтенія. По прочтеніи, небольшая статья разказывается учениками самостоятельно, болѣе же обширная сначала передается дѣтьми, при помощи дробныхъ вопросовъ со стороны учителя, а затѣмъ уже слѣдуетъ связный разказъ всей статьи учащимися. Наконецъ, изъ прочитаннаго дѣлаются сравненія и выводы и выясняется главная мысль автора.

Обученіе счету во многихъ школахъ ведется по способу Грубе, при помощи счетовъ, кубиковъ и т. п. Къ систематическому прохожденію ариметическихъ дѣйствій преподаватели приступаютъ не прежде какъ всесторонне рассмотрѣвъ съ учениками числа въ предѣлахъ не менѣе, какъ отъ 1 до 50. Рѣшенію задачъ нерѣдко предшествуетъ анализъ ихъ, что много облегчаетъ ученикамъ письменное изложеніе самаго хода рѣшенія задачъ.

Церковному пѣнію по слуху дѣти обучаются въ большей части школъ, но есть и такія школы, въ которыхъ существуютъ хоры и дѣти весьма стройно поютъ въ церкви при богослуженіи по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Стройное хоровое пѣніе учащихся благотворно дѣйствуетъ на родителей-крестьянъ.

Въ нѣкоторыхъ школахъ для обоего пола и въ женскихъ дѣвочки обучаются рукодѣлю.

Сверхъ упомянутыхъ предметовъ, въ нѣкоторыхъ лучшихъ училищахъ ученики приобрѣтаютъ элементарныя историческія и географическія свѣдѣнія и приучены къ черченію по масштабу.

Осмотръ школъ доказалъ, что посѣщеніе классовъ учащимися, за исключеніемъ городскихъ и лучшихъ сельскихъ училищъ, не всегда исправно. Впрочемъ замѣчено, что у преданныхъ своему дѣлу учителей и учительницъ дѣти акуратно посѣщаютъ классы; иногда даже школа бываетъ переполнена учениками, такъ, что является необходимость расширить классное помѣщеніе. Примѣры этого представляютъ училища: Сызранское 2-е приходское (100), Лобаскинское, Ардатовскаго уѣзда (90), Анастасовское, Курмышскаго уѣзда (84), Симбирское 2-е мужское приходское (79), Старо-Костычевское (76) и Канадейское мужское (79) Сызранскаго уѣзда, Вейкайменское (69) Карсунскаго уѣзда. Съ другой стороны, недостатокъ подготовленныхъ учителей, отсутствие усердія ихъ къ своему дѣлу, отдаленность училища отъ мѣста жительства учениковъ, неудобство помѣщеній для школъ, отвлеченіе дѣтей отъ школы родителями, задерживающими ихъ для домашнихъ работъ—составляютъ главныя причины неисправнаго посѣщенія классовъ учащимися.

Дисциплина много зависитъ отъ личности учащихся; тѣ изъ нихъ, которые преданы своему дѣлу, внимательно разбираютъ каждый пропускъ ученика, не имѣютъ надобности прибѣгать къ строгимъ мѣрамъ взысканія.

Для приготовленія учителей въ начальныя народныя школы, въ с. Порѣцкомъ, Алатырскаго уѣзда, существуетъ учительская семина-

рія, въ которой имѣются 40 степеній губернскаго земства. Въ отчетномъ году былъ первый выпускъ изъ семинаріи, въ числѣ 12 чело-вѣкъ, изъ которыхъ 11 поступили учителями народныхъ школъ Симбирской губерніи. Буинское земство содержитъ стипендіатовъ при Симбирскомъ и Буинскомъ уѣздныхъ училищахъ, съ цѣлю пригото-вленія ихъ къ учительской дѣятельности, на что и отпускаетъ 1000 р. Сверхъ того, лица, желающія занять мѣста учителей и учительницъ начальныхъ народныхъ школъ, предварительно практикуются въ го-родскихъ школахъ, подъ наблюденіемъ директора и инспектора на-родныхъ училищъ.

Въ отчетномъ году въ Кошкинской школѣ ученики обучались портняжному, а въ Ходаровской, Курмышскаго уѣзда, столярному ремесламъ. Изъ начальныхъ народныхъ училищъ только въ 2-хъ: Кабаевскомъ, Алатырскаго уѣзда, и Тархановскомъ, Буинскаго уѣзда, мальчики обучаются, въ свободное отъ классныхъ занятій время, сто-лярному ремеслу, въ первомъ—подъ руководствомъ особаго мастера, а въ послѣднемъ—учителя, знающаго это ремесло.

Изъ важнѣйшихъ распоряженій губернскаго училищнаго совѣта въ 1875 году можно, между прочимъ, указать на слѣдующія. Онъ пригласилъ уѣздные училищные совѣты: 1) озаботиться или приска-ніемъ для сельскихъ школъ такихъ учителей, которые имѣли бы право преподавать законъ Божій, или поручить занятія этимъ пред-метомъ ближайшимъ священникамъ; 2) выписывать по мѣрѣ возмож-ности журналы педагогическаго содержанія для начальныхъ народныхъ школъ и сдѣлать распоряженіе о заведеніи въ школахъ классныхъ журналовъ для записыванія, въ чемъ состояли занятія преподавате-лей. Къ уѣзднымъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіямъ губерн-скій училищный совѣтъ обратился съ просьбою объ оказаніи содѣй-ствія въ одновременному поступленію дѣтей въ сельскія школы. По поводу ходатайства почетнаго попечителя Порѣдкой учительской се-минаріи относительно обезпеченія оканчивающихъ въ этомъ учебномъ заведеніи курсъ земскихъ стипендіатовъ, училищный совѣтъ: 1) внесъ въ губернское земское собраніе вопросъ о выдачѣ имъ стипендій по окончаніи курса до назначенія семинаристовъ на учительскія мѣста и 2) просилъ уѣздныя земскія собранія обсудить, нельзя ли выдавать имъ, при занятіи ими учительскихъ должностей, прогонныхъ денегъ.

Обзоръ состоянія народныхъ школъ въ Симбирской губерніи, г. директоръ заканчиваетъ слѣдующими соображеніями:

„Усиленіе надзора за начальными народными училищами со стороны дирекціи, которою осмотрѣно въ отчетномъ году 297 училищъ (въ 1874 году — 212); обзорніе школъ членами училищныхъ совѣтовъ, въ особенности для производства годичныхъ испытаній ученикамъ; весьма благоприятное впечатлѣніе, произведенное на родителей-крестьянъ выдачею ихъ дѣтямъ въ первый разъ свидѣтельствъ, предоставляющихъ льготу по воинской повинности; поступленіе въ школы большаго противъ прежняго числа учениковъ по собственному желанію родителей; открытіе одного двухкласснаго и 13-ти начальныхъ народныхъ вполнѣ обезпеченныхъ училищъ, въ замѣнъ закрытыхъ 19-ти съ крайне скуднымъ содержаніемъ; опредѣленіе на мѣста учителей лицъ съ лучшею подготовкою, особенно окончившихъ курсъ въ Порѣдской учительской семинаріи; приращеніе числа учащихся мальчиковъ на 250; увеличеніе числа лицъ, сочувствующихъ дѣлу народнаго образованія не только въ средѣ образованныхъ классовъ, но и въ крестьянскомъ сословіи; устройство 20-ти новыхъ удобныхъ училищныхъ зданій и исправленіе нѣкоторыхъ старыхъ помѣщеній для школъ; усиленіе матеріальныхъ средствъ на содержаніе училищъ вообще и, въ частности, на жалованье учителямъ, изъ разныхъ источниковъ, на 11.446 руб. 45 коп.,—все это вмѣстѣ даетъ право заключить, что народныя школы въ губерніи значительно улучшились во всѣхъ отношеніяхъ и въ настоящее время гораздо большее число ихъ получаютъ характеръ организованныхъ учебныхъ заведеній“.

Изъ отчета г. инспектора народныхъ училищъ Олонецкой губерніи заимствуемъ слѣдующія свѣдѣнія о состояніи школъ въ уѣздахъ Вытегорскомъ, Пудожскомъ и Каргопольскомъ.

Всѣхъ школъ въ этихъ уѣздахъ находится 101, а именно: въ Вытегорскомъ—33, Пудожскомъ—26, Каргопольскомъ—42; изъ нихъ въ маѣ и юнѣ истекшаго года были осмотрѣны 26. При этомъ осмотрѣ г. инспекторъ присутствовалъ при окончательныхъ испытаніяхъ во всѣхъ образцовыхъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, а также въ нѣкоторыхъ училищахъ земскихъ.

Общее число всѣхъ учащихся въ осмотрѣнныхъ школахъ простирается до 658 (510 мальчиковъ и 148 дѣвочекъ). Посѣщеніе классовъ дѣтьми становится не аккуратнымъ, начиная съ Пасхи; до прекращенія классныхъ занятій въ юнѣ, ходятъ только самые младшіе, а также тѣ, которые надѣются получить выпускное свидѣтельство; про-

чіе по большей части помогаютъ родителямъ въ домашнихъ работахъ. Наибольшее число учащихся овазалось въ училищахъ образцовыхъ Вытегорскаго уѣзда—Кондушскомъ (91) и Десятинскомъ (56), а изъ земскихъ Пудожскаго уѣзда въ Кулгальскомъ (19) и Каргопольскаго Коневскомъ (30), наконецъ въ женскихъ Десятинскомъ, Кондушскомъ и Пудожскомъ; самое же меньшее число учащихся въ Ухотскомъ училищѣ Вытегорскаго уѣзда: Волосовскомъ Каргопольскаго и Кенозорскомъ Пудожскаго уѣзда, въ послѣднемъ всего 4-хъ мальчиковъ. Причина неакуратнаго посѣщенія этой школы дѣтми зависитъ отъ самой мѣстности: школа находится на одномъ изъ мысовъ озера, которое разливается на большое пространство, а потому сообщеніе между деревнями очень затруднительно. Въ Ухтѣ старшіе члены семейства уходятъ съ началомъ весны на заработки и потому всѣ работы лежатъ на женщинахъ и дѣтяхъ.

Во всѣхъ осмотрѣнныхъ школахъ состоятъ 23 законоучителя; изъ нихъ 5 преподаютъ законъ Божій и въ женскихъ училищахъ, находящихся въ тѣхъ же селахъ, гдѣ существуютъ училища мужскія. Въ Луговскомъ частномъ училищѣ Каргопольскаго уѣзда учитель изъ окончившихъ курсъ духовной семинаріи, до конца учебнаго года преподавалъ законъ Божій, но въ послѣднее время сюда опредѣленъ уже особый законоучитель.

Жалованья законоучителямъ въ земскихъ мужскихъ школахъ Вытегорскаго и Пудожскаго уѣздовъ производится по 50 руб. въ годъ, въ Каргопольскомъ уѣздѣ по 30 р. и въ женскихъ училищахъ Вытегорскаго уѣзда по 25 руб. Учителя земскихъ училищъ получаютъ жалованья въ Вытегорскомъ и Каргопольскомъ уѣздахъ по 300 руб. и въ Пудожскомъ по 240 руб.; учительницы земскихъ женскихъ училищъ Вытегорскаго уѣзда по 120 руб., Пудожскаго городского 180 руб., учителя и учительницы церковноприходскихъ получаютъ, по мѣрѣ возможности, вознагражденіе отъ церкви или изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія. Училищные совѣты всячески стараются изыскивать средства на поддержаніе послѣднихъ школъ и ихъ наставниковъ.

Въ учебномъ отношеніи, благодаря усердію и знанію своего дѣла учителями, многія школы поставлены весьма удовлетворительно.

Въ образцовыхъ школахъ установленный программю курсъ оказался пройденнымъ вполне. Особенно успѣшно идетъ Кондушское училище, богатое числомъ учащихся и учебными пособиями. Ученики II класса основательно знаютъ священную исторію ветхаго и новаго

завѣта и катихизисъ, и ознакомлены съ порядкомъ церковной службы; по русскому языку читають толково и бѣгло, дѣлають весьма хорошо этимологическій и синтаксическій разборъ, правила грамматическія примѣняютъ къ дѣлу основательно, пишутъ подъ диктовку и достаточно упражнялись въ изложеніи читаннаго и въ сочиненіяхъ на легкія темы; кромѣ того, они заучили нѣсколько басенъ и стихотвореній. По ариѳметикѣ рѣшаютъ задачи на простыя и дробныя числа, на правила тройное, товарищества, смѣшенія и процентовъ, безъ помощи пропорцій, чрезъ приведеніе къ едилицѣ; по исторіи и географіи прошли весь положенный программю курсъ; программа по естествознанію состояла въ слѣдующемъ: что такое тѣло, общія свойства тѣлъ, протяженность, непроницаемость, скважность, дѣлимость, притяженіе, сдѣленіе и прилипаніе, инерція, упругость, вѣсъ или тяжесть, теплота и треніе; отчего происходитъ вѣтеръ; свѣдѣнія о домашнихъ животныхъ. Кромѣ того, ученики чертили съ оригиналовъ, а также геометрическія фигуры съ измѣреніемъ ихъ площадей и географическія карты. Столь же правильно и осмысленно шли занятія и въ первомъ классѣ упомянутаго училища. Всѣ девять учениковъ, окончившихъ курсъ въ Кондушской двухклассной школѣ, удостоены выдачи свидѣтельствъ съ правомъ на льготу по отбыванію воинской повинности. Обученіе гимнастикѣ введено только предъ окончаніемъ классныхъ занятій, когда можно было устроить необходимые гимнастическіе приборы, нѣвию обучаетъ законоучитель и ученики стройно поють на клиросѣ. Зданіе школы просторно, чисто и свѣтло; возникшая переписка о соединеніи двухъ участковъ земли, отведенной училищу при открытіи его, теперь получила благоприятный исходъ: земля уже отведена и нынѣ обносится частоколомъ на средства почетнаго блюстителя Игнатьева, который часто посѣщаетъ школу и много заботится о ней. Занятія учителей съ стипендіатами, число коихъ простирается до 5, идутъ правильно, воспитанники всегда за дѣломъ: или читають, или составляютъ конспекты, или, наконецъ, переплетаютъ книги подъ руководствомъ своихъ наставниковъ. О поведеніи стипендіатовъ, какъ и вообще всѣхъ Кондушскихъ учениковъ, получены самые удовлетворительные отзывы.

Въ Девятинскомъ одноклассномъ училищѣ на экзамены, происходившіе въ присутствіи г. инспектора, явились въ старшемъ отдѣленіи 22, въ среднемъ—17, въ младшемъ также 17 учениковъ; признаны достойными свидѣтельства объ окончаніи курса 11 человекъ. Занятія въ этой школѣ при довольно опытныхъ и усердныхъ настав-

никакъ идутъ правильно и успѣшно; дисциплина, которая прежде была слаба, нынѣ замѣтно улучшилась. Изъ закона Божія ученики успѣли пройти болѣе чѣмъ требуется программю для одноклассныхъ училищъ, а именно, всю исторію ветхаго и новаго завѣта, краткое объясненіе символа вѣры, молитвы Господней и заповѣдей; сообщены имъ такъ же свѣдѣнія о таинствахъ и божественной литургіи. По русскому языку кромѣ занятій объяснительнымъ чтеніемъ, диктовкою и изложеніемъ читаннаго, они занимались грамматическими упражненіями и довольно осмысленно разбираютъ составъ предложений, знаютъ видоизмѣненія частей рѣчи, отношенія между словами; пишутъ хорошо, хотя и не всѣ; по ариѳметикѣ рѣшаютъ довольно сложныя задачи надъ простыми и именованными числами и имѣютъ понятіе о простыхъ дробяхъ. Исторія и географія не входятъ въ курсъ одноклассныхъ школъ, но благодаря усердію учителя, дѣтямъ сообщены главнѣйшія событія изъ исторіи русской, а по географіи общія понятія о землѣ, географическіе термины, краткое обзорѣніе Россійской имперіи и болѣе подробное Олонецкой губерніи. Поютъ воспитанники стройно и каждый праздникъ являются съ учителемъ на правомъ клиросѣ, дѣвочки же изъ земскаго училища, съ учительницей, на лѣвомъ клиросѣ. Гимнастическіе приборы устроилъ на свой счетъ почетный блюститель Пименовъ. Портняжному ремеслу съ успѣхомъ обучается до 15 мальчиковъ; нѣкоторыя изъ изготовленныхъ ими вещей заслуживаютъ полнаго одобренія. Даже лѣтомъ, въ каникулы, занятія въ мастерской не прекращались, по желанію учениковъ и ихъ родителей.

Архангельское образовое училище, открытое пока лишь въ одноклассномъ составѣ, еще не сравнилось съ вышепоименованными образцовыми училищами, что происходитъ прежде всего отъ неакуратнаго посѣщенія учащимися классовъ. Неизвѣстно, влияетъ ли въ этомъ случаѣ расколъ или равнодушіе крестьянъ, не сознающихъ важности образованія. Впрочемъ успѣхи учениковъ удовлетворительны; все положенное по программѣ пройдено со смысломъ. Пособій въ училищѣ достаточно. Гимнастика и кузнечное мастерство здѣсь еще не введены. Кузница построена, за исключеніемъ горна, и всѣ необходимыя принадлежности для нея доставлены. Въ послѣднее время опредѣленъ новый учитель и можно надѣяться, что при немъ дѣло пойдетъ гораздо лучше.

Въ сельскихъ земскихъ школахъ успѣхи учениковъ весьма удовлетворительны. Выходящій изъ училища со свидѣтельствомъ объ

окончаніи курса, знаетъ молитвы, священную исторію, можетъ объяснить символъ вѣры, заповѣди и молитву Господню, читаетъ по русски и славянски хорошо, пишетъ безъ особыхъ грубыхъ ощибокъ рѣшаетъ письменно и устно задачи на четыре дѣйствія надъ простыми числами, имѣетъ понятіе о главнѣйшихъ событіяхъ отечественной исторіи. Къ сожалѣнію, весьма немногіе оканчиваютъ трехгодичный курсъ; большинство выходитъ, едва научившись читать и писать.

На окончательныя испытанія явилось въ этихъ школахъ 158 человѣкъ; изъ нихъ получили свидѣтельства 125. Кромѣ того, въ четырехъ женскихъ училищахъ Вытегорскаго уѣзда, выданы свидѣтельства 17-ти дѣвицамъ, окончившимъ курсъ ученія.

Къ числу лучшихъ изъ осмотрѣнныхъ земскихъ училищъ принадлежить: въ Вытегорскомъ уѣздѣ *Тихманское*, въ Каргопольскомъ — *Устьвельское*, *Коневское*, въ Пудожскомъ — *Колодозерское*, *Нижземское*. Удовлетворительно также Пудожское женское училище и Кулгальское. Найдены неудовлетворительными въ учебномъ отношеніи перковноприходскія училища Вытегорскаго уѣзда Саминское мужское и женское, Тихманское женское земское и Каргопольское женское. Симиинскія училища съ начала учебнаго года соединены въ одно земское и сюда опредѣленъ опытный наставникъ. Тихманское не аккуратно посѣщалось ученицами. Причина этого та, что оно находилось на краю довольно обширнаго селенія, раздѣленнаго рѣкою; о перемѣщеніи его въ центръ прихода сообщено уѣздной управѣ. Въ Каргопольскомъ женскомъ училищѣ необходимо имѣть опытную наставницу, что довольно затруднительно, имѣя въ виду назначенное ей скудное содержаніе (100 р.).

Учебными пособіями школы снабжены болѣе или менѣе достаточно, а къ началу учебнаго года земствами сдѣланъ новый значительный запасъ ихъ; кромѣ того, изъ комитета грамотности доставлено 1100 экз. разныхъ учебныхъ книгъ. Земства выписываютъ книги въ значительномъ количествѣ, но къ сожалѣнію часто безъ переплетовъ; ощущается недостатокъ въ предметахъ для нагляднаго обученія и въ книгахъ для самоусовершенствованія учителей. Помочь этому нельзя вдругъ, ибо земства и безъ того несутъ много расходовъ по народному образованію.

Строго судя, всѣ помѣщенія для училищъ, за исключеніемъ трехъ образцовыхъ и одного частнаго Луговскаго, не удовлетворяютъ требованіямъ гигіены; училища помѣщаются кое-какъ, а не въ построен-

ныхъ нарочно для нихъ домахъ, гдѣ все разчитано и предусмотрено. Особенно неудовлетворительно помѣщено училище Вытегорское женское, которое предположено, впрочемъ, перевести въ другое зданіе. Помѣщенія для земскихъ школъ въ Судожскомъ и Каргопольскомъ уѣздахъ, нанимаются на счетъ земства, почему они и болѣе удовлетворительны, чѣмъ въ Вытегорскомъ уѣздѣ, гдѣ квартиры для училищъ даютъ крестьяне, заботящіеся не о сбереженіи здоровья своихъ дѣтей, а о томъ, какъ бы соблюсти экономію.

На содержаніе осмотръныхъ училищъ (за исключеніемъ образцовыхъ) расходуетъ всего немного болѣе 6000 р., средняя стоимость каждой школы простирается до 330 р. Содержаніе образцовыхъ училищъ обходится въ 3.130 р., изъ коихъ на долю казны выпадаетъ 2.020 р.

Помѣщаемъ здѣсь свѣдѣнія объ осмотрѣ г. инспекторомъ народныхъ училищъ С.-Петербургской губерніи, въ маѣ и юніѣ истекшаго года, 25 училищъ, въ томъ числѣ трехъ городскихъ, трехъ уѣздныхъ, пяти приходскихъ и трехъ сельскихъ двухклассныхъ, изъ коихъ при одномъ состоитъ женское отдѣленіе. Въ осмотръныхъ имъ школахъ г. инспекторъ присутствовалъ на испытаніяхъ, хотя—за недостаткомъ времени—и не по всѣмъ предметамъ.

Въ Шлиссельбургскомъ городскомъ училищѣ изъ ариметики не былъ пройденъ весь курсъ, установленный программю, но произошло это не отъ нерадѣнія наставниковъ, а отъ того, что ученики поступили въ школу съ слабыми познаніями. И это послѣднее обстоятельство не удивительно, ибо упомянутое училище преобразовано не изъ уѣзднаго, какъ напримѣръ Петергофское и Лужское, а изъ приходскаго. Такимъ образомъ ученики перваго класса были ознакомлены только съ числами въ размѣрѣ первой сотни; въ старшемъ отдѣленіи они могли рѣшать письменно только не сложныя задачи. Во второмъ классѣ свѣдѣнія ихъ ограничиваются дѣйствіями надъ цѣлыми именнованными числами и отчасти надъ дробями; хотя это и не много, но слѣдуетъ довольствоваться и достигнутыми результатами имѣя въ виду крайне плохую подготовку воспитанниковъ прежняго уѣзднаго училища. Въ Петергофскомъ городскомъ училищѣ особенное вниманіе обратилъ на себя, по степени успѣховъ, 3-й классъ. Не смотря на то, что ученики должны остаться въ школѣ еще одинъ годъ, учитель уже теперь успѣлъ пройти съ ними довольно подробно курсъ

арифметики и геометріи: они обнаружили много навыка и смѣтливости въ рѣшеніи задачъ. Въ Лужскомъ городскомъ училищѣ, изъ 38 учениковъ старшаго отдѣленія отвѣчали неудовлнительно только 9. Программа была выполнена здѣсь вполне и безъ всякихъ уклоненій.

Всего же въ трехъ названныхъ городскихъ училищахъ явилось на годичныя испытанія 269 учениковъ; изъ нихъ обнаружили неудовлнительныя свѣдѣнія лишь 67, что составляетъ процентъ незначительный.

Переходя затѣмъ къ училищамъ уѣзднымъ, слѣдуетъ замѣтить что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, а именно Новоладожемскомъ и Гатчинскомъ успѣхи учениковъ, сравнительно съ прежнимъ улучшились, особенно по математикѣ.

Изъ трехъ двуклассныхъ училищъ окончательныя испытанія въ маѣ и юнѣ истекшаго года произведены были въ двухъ—Гостиннопольскомъ и Владимірскомъ Царскославянскомъ; въ третьемъ, а именно въ Путиловскомъ, еще не было учениковъ, приготовленныхъ къ выпускному экзамену, ибо училище это существуетъ всего два года. Хотя въ Гостиннопольскомъ училищѣ испытаніе было назначено очень рано (1-го мая), но такъ какъ въ это время мѣстные жители занимаются уже работами на судахъ и всячески удерживаютъ дѣтей дома, то явилось лишь 28 учениковъ. Оказалось, что въ первомъ классѣ ученики читаютъ плавно и съ пониманіемъ; изъ арифметики усвоили они лишь самыя начальныя правила; въ обоихъ отдѣленіяхъ втораго класса читаютъ они хорошо, пишутъ безъ грубыхъ орфографическихъ ошибокъ, но изъ арифметики плохо пройдены ими дроби. Отвѣты изъ закона Божія были вообще весьма удовлетворительны. Четыре ученика держали экзаменъ на полученіе свидѣтельства, предоставляющаго льготу по воинской повинности; одному изъ нихъ свидѣтельство это не могло быть выдано. Въ Царскославянскомъ училищѣ на испытаніе явились 27 учениковъ втораго и 63 перваго класса; державшихъ выпускной экзаменъ было 11. Эти послѣдніе отвѣчали особенно хорошо изъ закона Божія; удовлетворительными оказались свѣдѣнія ихъ и въ арифметикѣ; не только безошибочно рѣшали они задачи, но умѣли объяснить и способы ихъ рѣшенія. Въ Путиловскомъ училищѣ, познанія учениковъ въ законѣ Божиемъ значительно улучшились сравнительно съ прежнимъ: ученики безошибочно и съ яснымъ пониманіемъ излагали событія священной исторіи, хорошо объясняли молитвы, — всѣмъ этимъ обязаны своему новому законоучителю, который ведетъ дѣло весьма усердно. Учи-

телямъ перваго и втораго классовъ приходилось усиленно работать вслѣдствіе многочисленности классовъ и главнымъ образомъ усердію ихъ слѣдуетъ приписать, что ученики читаютъ бѣгло и осмысленно, а въ письмѣхъ не дѣлаютъ грубыхъ ошибокъ.

Что касается до городскихъ одноклассовыхъ училищъ, то курсъ ихъ не превышаетъ программы начальной народной школы; вслѣдствіе того при испытаніяхъ г. инспекторъ и руководился означенною программю. Лучшими оказались училища Новоладожскія (мужское и женское) и Шлиссельбургское (женское). Что касается до Царско-сельскихъ приходскихъ училищъ, то здѣсь успѣхи не болѣе какъ посредственны. Въ истекшемъ году окончили курсъ: въ Новоладожскомъ мужскомъ 13, въ Новоладожскомъ женскомъ 16, въ Шлиссельбургскомъ 5, въ Царскосельскомъ мужскомъ 13 и женскомъ 8, а всего 55 изъ 66, явившихся къ окончательному испытанію.

Мы не будемъ говорить здѣсь подробно объ осмотрѣ начальныхъ сельскихъ школъ. Достаточно замѣтить, что по большей части результаты оказались утѣшительными. Вотъ какими словами заканчиваетъ г. инспекторъ свои замѣчанія о нихъ: „Въ большинствѣ сельскихъ школъ при испытаніяхъ присутствовали постороннія лица, а въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ на примѣръ въ Мозинской, экзамены производились особенно торжественно, при значительномъ стеченіи мѣстныхъ жителей. Зданіе школы было убрано зеленью, дѣти и взрослые явились въ праздничной одеждѣ. Вообще интересъ къ школѣ замѣтно возникаетъ среди крестьянъ: по цѣлымъ часамъ терпѣливо сидятъ они на испытаніяхъ и съ любопытствомъ прислушиваются къ отвѣтамъ дѣтей. Многіе факты убѣждаютъ, что чѣмъ лучше поставлена школа, тѣмъ большимъ расположеніемъ пользуется она со стороны сельскаго населенія“.

НЕКРОЛОГЪ.

I.

К. М. Бэръ.

(Рѣчь, произнесенная академикомъ Г. П. Гельмерсономъ въ общемъ собраніи Академіи Наукъ 3-го декабря 1876 года).

16-го ноября, въ Дерптѣ, скончался почетный членъ нашей Академіи Карлъ Максимовичъ Бэръ.

Завождая здѣсь рѣчь о немъ, я не намѣренъ представлять вамъ картину жизни и постепеннаго хода развитія великаго человѣка: такую картину онъ самъ оставилъ намъ въ своей автобіографіи, которая, какъ и всѣ его сочиненія, отличается гениальностью и можетъ служить образцомъ для каждаго, кто хочетъ оставить по себѣ подобное воспоминаніе современникамъ и потомству. Нѣтъ, мы желаемъ только выразить свое уваженіе, свое удивленіе, свою благодарность покойному, творенія котораго не умрутъ, пока существуетъ наука.

Поступивъ, сорокъ три года тому назадъ, въ дѣйствительные члены Академіи, Бэръ явился сюда съ неугадаемымъ вѣнцомъ славы, возложеннымъ на его чело цѣлымъ ученымъ міромъ за блистательные результаты его изслѣдованій въ области сравнительной анатоміи и исторіи развитія высшихъ животныхъ. Его даръ наблюдательности, его проникательный критическій умъ, его глубокое философское образованіе, его ясное изящное изложеніе—словомъ, его гений, сообщили всѣмъ его работамъ, отъ первой до послѣдней, ту печать монументальности, благодаря которой онѣ никогда не забудутся въ наукѣ.

Положеніе Бэра въ Кенигсбергѣ, вслѣдствіе господствовавшей тогда въ Германіи политической неурядицы, сдѣлалось неприятымъ; онъ отклонилъ отъ себя приглашеніе на профессорскую кафедру

въ Галле и возвратился въ отечество, будучи избранъ въ члены нашей Академіи.

Вступивъ въ новое званіе въ полномъ цвѣтѣ силъ, онъ посвятилъ ихъ почти исключительно изслѣдованію Россіи, представлявшей ему обширное поле для работъ по этнографіи, зоологіи, географическому распредѣленію животныхъ, географіи и ея исторіи. Мы видимъ Бэра путешествовавшимъ въ 1837 и 1840 годахъ на Новую Землю, а впослѣдствіи — къ берегамъ Чудскаго озера, на Каспійское, Черное и Азовское моря, съ цѣлью изслѣдовать рыболовство и мнимое обмеленіе послѣдняго изъ этихъ морей, считавшееся препятствіемъ для судоходства. Свои наблюденія надъ развитіемъ низшихъ животныхъ онъ продолжалъ въ двухъ поѣздкахъ къ Адриатическому и Лигурійскому морьямъ. Такимъ образомъ блескомъ ума своего озарялъ онъ явленія и далекаго сѣвера, и юга древняго свѣта — яркая звѣзда науки, сіявшая надъ сѣвернымъ полушаріемъ, но распространявшая лучи свои далеко и за экваторъ!

Въ послѣдніе годы своей жизни, богатой подвигами на пользу науки, Бэръ, съ особенною любовью, предавался занятіямъ этнографіей, физической географіей и исторіей географическихъ открытій въ Россіи. Первымъ поводомъ къ тому послужили ему приготовительныя работы по путешествію на Новую Землю. Изданные результаты этихъ важныхъ изслѣдованій свидѣтельствуютъ о томъ патриотическомъ рвеніи, съ какимъ онъ разыскивалъ новыя источники для исторіи географическихъ открытій русскихъ путешественниковъ и умѣлъ выставить заслуги послѣднихъ или защищать ихъ отъ неосновательныхъ нападокъ. Достоинство и честь нашей Академіи были всегда дороги его сердцу: онъ самъ былъ ихъ хранителемъ и поддержкою.

Въ критикѣ и полемикѣ Бэръ былъ умѣренъ: никогда не выказывалъ онъ своего превосходства надъ противникомъ оскорбительнымъ для него образомъ; лишь тогда, когда приходилось опровергать нападенія людей не призванныхъ, пускалъ онъ иногда въ ходъ всю ѣдкость своего ума, всю колкость своего остроумія.

Поступки и весь образъ мыслей Бэра были въ высшей степени благородны. Настоящій аристократъ, онъ всегда былъ одинаковъ въ обхожденіи какъ съ важными, такъ и съ незначительными лицами, какъ съ знаменитыми людьми, такъ и съ неизвѣстными. Онъ привлекалъ къ себѣ молодыя ревностныя силы, направлялъ ихъ на по-

прищѣ ученой дѣятельности и облегчалъ имъ путь къ добросовѣстной работѣ. Примѣры того найдутся и въ нашей средѣ.

Живую фантазію свою Бэръ держалъ въ полномъ повиновеніи и никогда не позволялъ ей преобладать надъ разсудкомъ. Она только помогала ему быстро находить, при разговорѣ или литературномъ трудѣ, превосходныя сравненія и украшать ими свою рѣчь. Иногда, въ минуты веселаго расположенія духа, онъ давалъ ей волю проявляться въ краткихъ поэтическихъ изліяніяхъ и въ шутливыхъ письмахъ къ роднымъ и друзьямъ. Въ семейномъ кругу, точно также какъ и въ кругу пріятелей, Бэръ бывалъ общителенъ, внимателенъ и возбуждалъ охоту къ разговору въ собесѣдникахъ.

Время рожденія и юности Бэра совпало съ тѣмъ періодомъ прошедшаго столѣтія, когда христіанская религія и міросозерцаніе нерѣдко подвергались недостойнымъ нападкамъ изъ лагеря рачіонализма и матеріализма. Какъ въ ту пору, и въ наши дни, приходится часто слышать мнѣніе, будто изученіе естественныхъ наукъ приводитъ къ матеріализму. Религіозныя убѣжденія Бэра намъ неизвѣстны; но мы знаемъ, — потому что онъ самъ открылъ намъ это, — что чрезъ изслѣдованіе законовъ природы онъ дошелъ до непоколебимаго признанія Единого Творца ея, Единого Бога, создавшаго вселенную и вложившаго во все созданное силу стремиться, по опредѣленнымъ законамъ, къ опредѣленнымъ цѣлямъ. Это признаніе Духа Божія и цѣлесообразности въ природѣ составляетъ вершину великой пользы, которою мы обязаны великому ученому, и быть можетъ, должно считаться величайшею изъ побѣдъ, одержанныхъ надъ матеріализмомъ.

Кончаю рѣчь своими словами, сказанными однимъ изъ моихъ сочленовъ надъ гробомъ покойнаго: „Честь имени Бэра — миръ его праху“¹⁾.

II.

В. И. Григоровичъ.

Скончавшійся 19-го декабря 1876 года, бывшій профессоръ славянскихъ нарѣчій въ нѣсколькихъ университетахъ, Викторъ Ивановичъ Григоровичъ принадлежалъ къ той группѣ университетскихъ пре-

¹⁾ Слова академика Л. И. Шренка изъ рѣчи, произнесенной имъ 20-го ноября мѣлушаго года при погребеніи тѣла К. М. Бэра въ Дерптѣ; кромѣ г. Шренка, присутствовавшая при этомъ печальномъ торжествѣ депутація состояла изъ академикова Ф. В. Оксаянинова, К. И. Максимовича и Ф. Б. Шмидта.

подавателей, которымъ суждено было открыть кафедру славяновѣдѣнія въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Онъ родился 30-го апрѣля 1815 года въ городѣ Балтѣ, Подольской губерніи; отецъ его былъ Малороссъ, родомъ изъ Чернигова, а мать—Полька. Образование свое Викторъ Ивановичъ началъ въ г. Уманн, Кіевской губерніи, въ училищѣ, содержимомъ униатскими монахами-базилианами; здѣсь онъ пробылъ съ 8-ми-лѣтняго возраста до 15-ти лѣтъ, а затѣмъ, съ 15-ти лѣтъ по 18-ть онъ продолжалъ ученіе въ Харьковскомъ университетѣ. Получивъ аттестатъ дѣйствительнаго студента, онъ былъ назначенъ на службу въ Петербургъ; но такъ какъ онъ желалъ еще продолжать свое образованіе, то и рѣшился ѣхать для этой цѣли въ Дерптъ. Здѣсь онъ жилъ съ 1834 по 1839 годъ, приготавливаясь къ учительскому званію и занимаясь классическою филологіей. Въ 1839 году, при посредствѣ профессора И. Я. Горлова, указавшаго на него тогдашнему попечителю Казанскаго учебнаго округа М. Н. Мусину-Пушкину, Викторъ Ивановичъ былъ вызванъ въ Казань для приготовленія къ занятію кафедры славянскихъ нарѣчій, учрежденной университетскимъ уставомъ 1835 года. Съ 1839 по 1841 годъ Григоровичъ преподавалъ въ Казанскомъ университетѣ греческій языкъ, котораго былъ отличнѣмъ знатокомъ. Въ 1841 году онъ напечаталъ свой первый ученый трудъ—„Краткое обзорѣніе славянскихъ литературъ“, а въ слѣдующемъ получилъ степень магистра и разрѣшеніе преподавать славянскія нарѣчія. Тогда же онъ напечаталъ свою замѣчательную статью: „Опытъ изложенія исторіи славянскихъ литературъ“.

Въ 1844 году Григоровичу разрѣшено было отправиться въ путешествіе по славянскимъ землямъ; 20-го августа этого года онъ оставилъ Одессу и направился въ Константинополь, а оттуда въ Солунь и на Аѳонскую гору. Затѣмъ онъ посѣтилъ Македонію и Болгарію, черезъ Валахію проѣхалъ въ Банатъ, Венгрію и достигъ Вѣны. Послѣ того онъ побывалъ у юго-западныхъ Славянъ — въ Крайнѣ, Далмаціи, Черногоріи, Хорватіи и Славоніи, и кромѣ того, посѣтилъ Валахію. Далѣе онъ переѣхалъ въ Моравію и Чехію, и чрезъ Дрезденъ, Лейпцигъ, Берлинъ и Кенигсбергъ возвратился въ Россію въ апрѣлѣ 1847 года. Путешествіе это принесло самые обильные плоды: и его самого, и вообще науку оно обогатило огромнымъ количествомъ совершенно новыхъ данныхъ по славянской исторіи, филологіи, археологіи и этнографіи; особенно же много свѣдѣній Григоровичъ собралъ о славянскихъ и частью греческихъ руини-

сяхъ, разбросанныхъ въ различныхъ православныхъ монастыряхъ Балканскаго полуострова; открытія его тѣмъ драгоцѣннѣе, что въ настоящее время многихъ изъ этихъ памятниковъ старины уже не имѣется тамъ, гдѣ ихъ находилъ нашъ любознательный славистъ. Существенные результаты своихъ наблюденій Григоровичъ изложилъ въ своемъ сочиненіи: „Очеркъ ученаго путешествія по Турціи“ (Казань, 1848 г.; то же въ *Запискахъ Императорскаго Казанскаго университета* того же года, кн. III); двѣ другія его статьи, около того же времени напечатанныя: „Изысканія о славянскихъ апостолахъ, произведенныя въ странахъ Европейской Турціи“ и „Протоколы Константинопольскаго патріархата XIV столѣтія“ (*Журн. Мин. Народн. Просв.*, 1847 г., части LIII и LIV), также основаны на матеріалахъ, собранныхъ въ этомъ путешествіи.

По возвращеніи въ Россію, Григоровичъ, возобновилъ свою профессорскую дѣятельность и не прерывалъ ея почти до самой кончины. До 1849—1850 учебнаго года онъ былъ профессоромъ въ Казанскомъ университетѣ, затѣмъ означенный годъ читалъ въ Московскомъ, потомъ возвратился въ Казань и въ 1864 году перешелъ во вновь открытый Новороссійскій университетъ, который оставилъ только въ 1876 году по собственному желанію. Ко времени пребыванія Григоровича въ Казани относятся, кромѣ названныхъ выше статей, еще слѣдующіе труды, замѣчательные какъ по новости содержанія, такъ и по ученой критикѣ, и по высказаннымъ въ нихъ взглядамъ автора: „О древней письменности Славянъ“ — въ *Ж. М. Н. Пр.* 1852 г., ч. LXXIII, „Статьи, касающіяся древне-славянскаго языка“¹⁾ — въ *Учен. Зап. Казанск. университета* 1852 г., „Объ Охридской архіепископіи“ — во *Временникѣ Моск. Общества Исторіи*, кн. V, „Службы св. апостоламъ Кириллу и Меѳодію“, „Посланіе митрополита Іоанна II“ — въ *Учен. Зап. II-го Отд. Ак. Н.*, т. I, „О Сербіи въ ея отношеніяхъ къ сосѣднимъ державамъ, преимущественно въ XIV и XV столѣтіяхъ“ (Каз., 1859). По переѣздѣ въ Новороссійскій край, его изслѣдованія приняли нѣсколько иное направленіе: свои изысканія въ области славянства онъ старался связать съ вопросами

¹⁾ Въ этомъ сборникѣ помѣщены: 1) Рѣчь о значеніи церковно-славянскаго языка, 2) О трудахъ, касающихся слав. языка до М. Смотрицкаго, 3) Предварительныя свѣдѣнія о литературѣ церковно-славянской, и 4) О древѣйшихъ памятникахъ церковно-славянскихъ; послѣдняя статья напечатана и въ *Извѣстіяхъ Акад. Н. по отд. р. яз. и слов.*, т. I.

мѣстной исторіи, или говоря его собственными словами, „предположилъ себѣ, на сколько возможно, знакомиться съ южно-русскою землею и отвѣчать такимъ образомъ общепробужденной потребности знаній географическихъ и этнографическихъ“. Съ этою цѣлью онъ предпринималъ нѣсколько поѣздокъ по Новороссійскому краю, и на двухъ археологическихъ сѣздахъ—въ Петербургѣ и Кіевѣ—развивалъ свою мысль о необходимости мѣстныхъ историко-географическихъ и историко-этнографическихъ розысканій, въ связи съ задачами науки славянской. Большая часть статей, напечатанныхъ имъ по переѣздѣ въ Одессу, относятся къ указанному роду вопросовъ. Таковы статьи въ *Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ*: „Историческіе намеки о значеніи Херсона и его церкви въ VIII, IX и X столѣтіяхъ“ и „Записка объ археологическомъ изслѣдованіи Днѣпровскаго побережья“, далѣе изданная отдѣльно „Записка антиквара“ о поѣздкѣ на Азовское море (Одесса, 1874), и наконецъ, „Отчетъ о поѣздкѣ въ Петербургъ въ 1875 году“ для архивныхъ работъ и „Записка о пособіяхъ къ изученію Южно-Русской земли, находящихся въ военномъ архивѣ Главнаго Штаба“ (последнія двѣ статьи въ т. XX *Записокъ Имп. Новоросс. Университета*). Посѣтивъ нѣкоторые мѣстные архивы южной Россіи, Григоровичъ высказывалъ мысль о томъ, какъ было бы полезно соединить хранящіеся въ нихъ документы, имѣющіе теперь единственно историческій интересъ, въ одномъ городѣ—разумѣется, въ Одессѣ—и образовать такимъ образомъ центральный Новороссійскій архивъ на подобіе существующихъ въ Кіевѣ и Вильнѣ.

Григоровичъ желалъ продолжать свои мѣстныя изслѣдованія и послѣ того, какъ оставилъ Одесскій университетъ; съ этою цѣлью онъ и поселился въ Елизаветградѣ, „надѣясь“, какъ писалъ онъ одному изъ близкихъ ему лицъ въ Москву, — „обрѣсти здѣсь возможное удобство для своихъ трудовъ; Елизаветградъ“, прибавлялъ Григоровичъ, — „имѣеть то преимущество предъ другими городами Херсонской губерніи, что въ немъ русская жизнь еще не подавлена“. Не долго однако бывшему профессору суждено было продолжать еще свои работы: едва устроившись на новомъ мѣстѣ, и съ твердымъ намѣреніемъ „не измѣнить своему слову посильно трудиться“, онъ былъ застигнутъ внезапно смертью.

„Въ лицѣ Григоровича“—такъ говоритъ о немъ профессоръ Н. С. Тихонравовъ въ некрологѣ его, помѣщенномъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, — „угасла, смѣемъ думать, большая научная сила. Чѣмъ бы

ни обуславливалась та рѣдкая ученая скромность, почти стыдливость, которою отличался покойный, скромность, заставлявшая его таить въ рукониси плоды своихъ глубокихъ розысканій.—мы можемъ сожалѣть, что и та не малочисленная семья ученыхъ монографій Григоровича, которыя онъ, можно сказать, *вынужденъ* былъ напечатать, не собрана въ одно цѣлое. Отдавъ изъ своей профессорской дѣятельности 34 года провинціальнымъ университетамъ, Григоровичъ тѣмъ самымъ скрылъ отъ большинства читателей неспециалистовъ смыслъ своихъ ученыхъ открытій, истинное значеніе своего научнаго авторитета. Преданный исключительно разрѣшенію научныхъ вопросовъ, вращаясь въ ихъ идеальной области, онъ спокойно отдавалъ обнаруженіе открытыхъ имъ памятниковъ старославянской литературы другимъ, и въ числѣ этихъ „другихъ“ былъ и знаменитый П. І. Шафарикъ. Можетъ быть, поэтому имя профессора Григоровича не имѣетъ у насъ внѣ университетской сферы подобающей ему популярности. Симпатіи Григоровича, какъ ученаго, обращены были по преимуществу къ первымъ вѣкамъ славянской письменности и культуры. Его обильныя содержаніемъ монографіи: „*Изысканія о славянскихъ апостолахъ въ Европейской Турціи*“, „*Статьи, касающіяся древне-славянскаго языка*“, „*Службы свв. апостоламъ Кириллу и Мефодію*“, „*О св. Климентѣ Болгарскомъ*“ и изслѣдованія о происхожденіи и памятникахъ Глаголицы освѣтили яркими лучами древнѣйшій періодъ исторіи старославянской литературы и вмѣстѣ съ трудами другихъ изслѣдователей легли въ основаніе историческихъ изысканій о блаженныхъ первоучителяхъ славянскихъ. Древне-русскіе паломники, отдаваясь порывамъ своего благочестиваго вѣрованія, стремились къ той святой землѣ „по которой Христосъ походилъ своими ногами“. Однимъ изъ первыхъ ученыхъ предпріятій Григоровича было также походить по *святой землѣ*, ознаменованной апостольскою дѣятельностію насадителей славянскаго просвѣщенія, и заботливою рукой ученаго, вѣрующаго въ судьбы славянской народности, бережно собрать и соблюсти отъ турецкой дикости и равнодушія Грековъ письменные остатки старославянской литературной старины.

„Не подъ ударомъ скорбной телеграммы, не надъ свѣжею могилой товарища, говорить объ ученыхъ трудахъ Григоровича и оцѣнивать ихъ относительный вѣсъ. Не время опредѣлять и профессорскій трудъ почившаго. Между тѣмъ, въ жизни и дѣятельности Григоровича этотъ трудъ, въ силу особенныхъ обстоятельствъ, выдвинулся на первый планъ. Желаемъ искренно, чтобы слушатели покойнаго

передали намъ съ полною искренностію, безъ неприличной риторики, свои воспоминанія о преподаваніи Григоровича. Эти сообщенія дороги для оцѣнки ученой личности. Григоровичъ былъ ученый по преимуществу, въ особенномъ смыслѣ этого слова. Въ научной сферы для него, кажется, не существовало другаго міра, и онъ къ этому „другому“ міру былъ вполне равнодушенъ и безотвѣтенъ. На его внѣшности отражалось это аскетическое затворничество въ тихомъ пристанищѣ ученаго кабинета. Изъ своей келии онъ любилъ выносить результаты своихъ изысканій не въ печать, а въ столь же тихую, какъ его кабинетъ, немногочисленную аудиторію своего университета или въ тѣсный кругъ своихъ товарищей.

„И, кто знаетъ? можетъ быть, сѣмена брошенныя въ скромныхъ аудиторіяхъ Казани уже успѣли принести плодъ, которымъ пользуется наша литература, не спрашивая о томъ, кому она обязана имъ. Ученые Казанской духовной академіи обогатили науку многими историческими трудами, которые были бы невозможны безъ умѣнья читать и главное, почитать, то-есть, уважать рукописныя памятники русской и общеславянской литературной старины. Эта особенность въ направленіи ученой пытливости профессоровъ Казанской духовной академіи не объясняется ли тѣмъ, что Шаповъ, Павловъ, Добротворскій и Порфирьевъ испытали на себѣ вліяніе профессора Григоровича?“

Этими теплыми строками считаемъ всего лучше заключить неврологъ В. И. Григоровича, и вполне сочувствуя желаніямъ почтеннаго Московскаго профессора, чтобы собраны были сочиненія покойнаго слависта и обстоятельныя свѣдѣнія о его жизни, позволимъ себѣ также пожелать, чтобы принадлежавшія Григоровичу рукописи (сверхъ подаренныхъ имъ при жизни Новороссійскому университету) обогатили собою одно изъ нашихъ общественныхъ книгохранилищъ.

ОБЪ ОТНОШЕНИИ ВИДОВЪ РУССКАГО ГЛАГОЛА КЪ ГРЕЧЕСКИМЪ ВРЕМЕНАМЪ ¹⁾.

О Т С Т У П Л Е Н И Я .

Указаннаго въ предыдущихъ §§-ахъ общаго соотвѣтствія не имѣется въ слѣдующихъ случаяхъ (число которыхъ, однако, едва-ли превышаетъ 15—20%):

§ 7. Русскій (и вообще славянскій) языкъ въ *отрицательныхъ* предложеніяхъ обыкновенно ставитъ *продолженный* (и многократный) видъ вмѣсто *однократнаго* вида (и многократный вм. продолженнаго) утвердительнаго предложенія;

напримѣръ: увидѣлъ — не видѣлъ;
видѣлъ — не видалъ;
видалъ — не видывалъ.

Такъ какъ, напротивъ, въ греческомъ языкѣ вообще не существуетъ разницы въ употребленіи временъ (какъ падежей) ²⁾ между утвердительнымъ и отрицательнымъ предложеніемъ, то такое русское отрицательное предложеніе должно сперва представить себѣ утвердительнымъ, чтобы по получаемому такимъ образомъ русскому виду выбрать соотвѣтствующую этому греческую временную форму (praesens—imperfectum съ одной, аористъ съ другой стороны) по выше (§ 1 п. 2) приведеннымъ правиламъ.

¹⁾ *Продолженіе*. См. ноябрьскую и декабрьскую книжки Ж. М. Н. П. за прошлый годъ.

²⁾ То-есть, между тѣмъ какъ русскій языкъ при отрицательныхъ переходныхъ глаголахъ ставитъ родительный падежъ вмѣсто винительнаго утвердительнаго предложенія, — греческій языкъ ставитъ accusativus одинаково въ томъ и другомъ случаѣ. Напримѣръ: далъ ему *войско*, не далъ ему *войска*: ἔδωκεν (и οὐκ ἔδωκεν) αὐτῷ στρατόν.

Напримѣръ: 1. утверд. *ὄτληαι* это (продолжительно или часто)
 μὴ ποιεῖ τοῦτο
Не ὄτληαι этого = 2. утверд: не *ὀτληαι* | μὴ ποιήσῃς τοῦτο,
 это = не *ὀτληαι* этого) (объ *одномъ*-краткомъ-случаѣ)

Никто не давалъ денегъ	}	утверд. давалъ (бралъ) деньги,
		οὐδεὶς εἶδον (ἐλάμβανε) χρήματα.
” не бралъ ”	}	утверд. далъ (взялъ) деньги,
		= не далъ (не взялъ) денегъ, οὐδεὶς εἶδωκε (ἔλαβε) χρήματα.

Я ничего не видѣлъ (не видалъ, не видывалъ) и не слышалъ (не слыхалъ, не слыхивалъ), въ значеніи = не увидѣлъ, не услышалъ: οὐδὲν εἶδον οὔτ' ἤκουσα или οὔτ' εἶδον οὐδὲν οὔτ' ἤκουσα (Nec *vidi* neque *audivi* quidquam). Xen. Anab. I. 9. 3: ἐνθα αἰσχροὺν οὐδὲν οὔτ' ἀκοῦσαι οὔτ' ἰδεῖν ἔστι. Здѣсь нельзя ни слышать ни видѣть (здѣсь не слышать и не видать) чегонибудь постыднаго (собств. = услышать, увидѣть). Xen. Anab. II. 2. 18: οὔτε ὑποζύγιον ἔτ' οὐδὲν ἐράνη οὔτε στρατόπεδον οὔτε καπνὸς οὐδαμοῦ πλησίον: и нигдѣ больше не являлся ни лагерь, ни дымъ гдѣнибудь вблизи. Xen. Anab. II. 4. 23: καὶ οὔτε ἐπέβητο οὐδεὶς οὐδαμοῦθεν οὔτε πρὸς τὴν γέφυραν οὐδεὶς ἤλυθε τῶν πολεμίων, ὡς οἱ φυλάττοντες ἀπήγγελλον: никто ни откуда не нападалъ и никто изъ неприятелей не приходилъ, какъ доносили стражи.

Такое несоотвѣтствіе, какъ видно изъ этихъ примѣровъ, чаще всего встрѣчается при отрицательныхъ выраженіяхъ съ нарѣчіями: больше не (οὐκέτι, μηκέτι), еще не (οὐπω, μήπω), нигдѣ (οὐδαμοῦ, μηδαμοῦ), никуда (οὐδαμοῦ, μηδαμοῦ), ни откуда (οὐδαμοῦθεν, μηδαμοῦθεν)¹⁾, или въ случаяхъ, гдѣ ихъ по смыслу можно дополнить, напримѣръ: οὐκ εἶδον οὔτ' ὄψομαι... вм. οὐκέτι εἶδον... (еще, досихъ поръ) не видѣлъ и не увижу... Ср. II. I. 262: οὐ γάρ πω τοίους ἀνέρας ἶδον οὐδέ ἴδωμαι (я никогда еще не видалъ такихъ мужей и не увижу).

¹⁾ Другіе примѣры: aoristus: Xen. Anab. I. 9. 25: λέγων ὅτι οὐπω δὴ πολλοῦ χρόνου τοῦτου ἤδιον οἴω ἐπιτύχει, говоря, что онъ съ давнихъ поръ *еще не встрѣчалъ* вина пріятіе этого; IV. 5. 18: οὐδεὶς ἐτι οὐδαμοῦ ἐφθέγγετο и нигдѣ никто больше *не издавалъ* звука; VI. 1. 28: εὐθὺς ἐπαύσαντο πολεμοῦντες καὶ οὐκέτι περὶ ἐπολιόρησαν τὴν πόλιν: тотчасъ перестали воевать и *не осаждали* больше города; Cyn. VIII. 7. 18: οὐπω κατενοήσατε: вы *еще* (до сихъ поръ) *не замѣтали*. Thuc. I. 86: οὐδαμοῦ ἀντίειπον: *никогда не опровергали*. Imperfectum при тѣхъ же частицахъ также удерживаетъ свое значеніе утвердительнаго предложенія въ слѣдующихъ мѣстахъ: Xen. Anab. II. 6. 11: οὐκέτι χαλεπὸν ἐφαίνετο; IV. 5. 30: οὐδαμοῦθεν ἀφίεσαν; Thuc. II. 21. 2: οὐκέτι ἀνασχετόν ἐποιοῦντο, οὐπω ἐωράκεισαν (plusq. = imperf.).

Примѣчаніе. Русскій (и вообще славянскій) языкъ для обобщенія отрицанія любитъ ставить продолженный или многократный видъ въ отрицательномъ предложеніи, однако не, для означенія сильѣйшаго отрицанія (какъ, кромѣ другихъ, утверждаетъ г. Буслаевъ, Истор. грам. русск. яз. §. 188. 3.), а потому, что онъ привыкъ отрицать собственно многократность дѣйствія, т. е. не дѣйствіе одного раза, а многихъ или всѣхъ (возможныхъ) разовъ. Напротивъ, Грекъ и при обобщеніи отрицанія отрицаетъ дѣйствіе только *одного раза*. Поэтому, если по русски вмѣсто: „я никогда (или: еще ни разу) не давалъ ему денегъ“, говорю короче: „я не давалъ ему денегъ“,—то отрицаю многократность слова „давалъ“, то-есть, отрицаю наглядное: или: — — — — . Напротивъ, если вмѣсто „оѣпотѣ (сѣхѣти) ѣѣоха“ Грекъ говорить просто „оѣх ѣѣоха“ (въ такомъ же обобщающемъ смыслѣ), то отрицаетъ только „потѣ“=одинъ разъ, т. е. отрицаетъ положительное ѣѣоха потѣ (я далъ разъ, однажды) или наглядное: или—; то-есть, Грекъ говоритъ: не было ни одного такого случая, чтобы (въ которомъ бы) я далъ; напротивъ, Русскій и вообще Славянинъ говоритъ: во всѣхъ случаяхъ, которые были (или могли быть), я ни первый, ни второй, ни третій (и т. д.) разъ не далъ,—и потому вообще: я не давалъ. Славянинъ тутъ, очевидно, обобщаетъ отрицаніе тѣмъ, что распространяетъ его на всѣ случаи (которые только могли встрѣтиться—встрѣчаться); напротивъ, Грекъ ограничиваетъ отрицаніе однимъ разомъ, котораго (какъ онъ говоритъ) именно не было, и поэтому не было и другихъ, чѣмъ достигаетъ того же обобщенія, только другимъ путемъ, другимъ взглядомъ на одну и ту же вещь.

Если же отрицаніе не обобщается, а ограничивается *однимъ случаемъ*, на который обращается исключительное вниманіе и который бываетъ то кратокъ (краткаго—однократнаго—вида), то продолжительъ (протяженнаго—продолженнаго вида): то оба языка сходятся въ употребленіи видовъ, такъ что, отрицая одинъ краткій фактъ, говорю по русски „я не далъ, я не взялъ“, точно такъ же какъ по гречески „оѣх ѣѣоха“, „оѣх ѣѣлов“;—а отрицая одинъ продолженный (протяженный) фактъ, говорю „я не давалъ, я не бралъ“ (въ одномъ, по продолжительномъ случаѣ): хоѣ ѣѣѣоѣѣѣ, оѣх ѣѣѣоѣѣѣ. Въ послѣднемъ случаѣ „давалъ, бралъ“ выражаютъ продолжительность, а въ упомянутомъ выше случаѣ—многократность дѣйствія (см. таблицу). Объ „усиленіи“ отрицанія чрезъ продолженный или многократный видъ—и согласно съ этимъ сравнительно большей слабости отрица-

нiя черезъ такъ называемый однозратный (краткiй) видъ—рѣчи быть не можетъ, какъ по самому понятiю отрицанiя, такъ и по избытiю примѣровъ, къ которымъ это положенiе вовсе не примѣнимо. Если, напримѣръ, кто-нибудь на вопросъ „далъ тебѣ А. книгу?“ отвѣтитъ: „не далъ“, то это высказано не менѣе сильно отвѣта „не давалъ“, разница только та, что онъ въ первомъ случаѣ („не далъ“) отрицаетъ одинъ (краткiй) фактъ, а во второмъ случаѣ („не давалъ“), обобщая свое отрицанiе на всѣ (возможные) случаи, говоритъ то же самое, что высказалъ бы полнѣе словами: „никогда или ни разу не давалъ“. Вообще же объясненiе всевозможныхъ явленiй языка, особенно синтаксическихъ, чрезъ „усиленiе“—есть общiй (потому что по своей легкой примѣняемости къ чему угодно весьма привлекательный) недостатокъ ученыхъ грамматиковъ, котораго слѣдовало бы старательно избѣгать. См. §. 5 Правиль.

§ 8. На основанiи сказаннаго въ предыдущемъ §-фѣ греческiй языкъ особенно при отрицательномъ нарѣчii: никогда (οὐποτε, οὐδέποτε, οὐκᾶποτε; μήποτε, μήδέποτε μήκόποτε), а также при утвердительномъ: часто πολλάκις πολλάχού, и равняющихся имъ по смыслу выраженiяхъ, которыя на русскомъ языкѣ въ прошедшемъ времени соединяются только съ глаголами продолженнаго вида,—предпочитаетъ ставить аористъ ¹⁾ (рѣже perfectum), по всѣмъ его наклоненiямъ, вмѣсто ожидаемаго, гораздо рѣже попадающагося, imperfectum. То же

¹⁾ Это явленiе нѣкоторые, кажется, объясняютъ тѣмъ, что нарѣчiя *часто* и *никогда* (и другiя отрицательныя нарѣчiя, упомянутыя въ § 7) уже сами по себѣ достаточно выражаютъ повторенiе дѣйствiя, первое утвердительно, второе отрицательно, такъ что казалось достаточнымъ поставить глаголъ въ praeteritum какъ ἐξοχήν, какое въ греческомъ языкѣ aoristus, а въ латинскомъ perfectum. При этомъ однако возникаетъ вопросъ: если такъ, то почему же это не бываетъ во всѣхъ случаяхъ безъ исключенiя и почему при нихъ встрѣчаемъ иногда также imperfectum? По моему мнѣнiю, гораздо вѣрнѣе, на основанiи выводовъ этой статьи, особенно § 5, для объясненiя употребленiя нарѣчiя πολλάκις съ аористомъ, въ противоположность русскому продолженному виду при нарѣчiи «часто», принять исходною точкою учащательныя греческ. глаголы iоническаго диалекта (verba iterativa, упомянутыя въ § 5, замѣною которыхъ впоследствии на аттич. диалектѣ является именнo πολλάκις съ прошед. врем.) на—σχοι и—σχομένη отъ аористической основы. Если напримѣръ ἴδωσκον, δίδωσκον, φέρωσκον значать сами по себѣ собственно: я часто или нѣсколько разъ «увидѣлъ» (видѣлъ), «далъ», (давалъ), «убѣждалъ» (бѣждалъ), т. е. повторенiе или многократность дѣйствiя краткою (I вида), или же наглядно:, — въ отличiе отъ ἴδωσκον, δίδωσκον, φέρωσκον: я часто, нѣсколько разъ видѣлъ или видалъ, давалъ, бѣждалъ, то-есть, повторенiе дѣйствiя протяженнаго (II) или продолженнаго вида,

самое встрѣчаемъ при латинскомъ nunquam и saepe ¹⁾, соединяющихся правильно съ perfectum (historicum=греческ. аористу). См. § 12.

II. Напр.: никто *никогда* не видѣлъ и не слышалъ, чтобы Сократъ дѣлалъ или говорилъ что-либо безбожное или нечестивое: Οὐδείς πώποτε Σωκράτους οὐδὲν ἀσεβές οὔτε ἀνόσιον οὔτε πράττοντος εἶδεν οὔτε λέγοντος (оба partic. imperf.) ἤκουσεν Xen. Mem. I. 1. 11.) Nemo unquam Socratem iniqui quidquam aut nefarii vel facere vidit vel audivit dicere.

Сравни: Xen. Mem. I. 1. 20. τὸν (Σωκράτην) ἀσεβές μὲν οὐδὲν πότε οὐτ' εἰπόντα οὔτε πράξαντα (который никогда не говорилъ и не дѣлалъ ничего безбожнаго); напротивъ, далѣе утвердительно (безъ οὔποτε): τοιαῦτα δὲ καὶ λέγοντα καὶ πράττοντα (part. imperfecti)... но (всегда) говорилъ и дѣлалъ то... Или подобное мѣсто: изъ страха божія вы никогда не дѣлайте и не задумывайте ничего безбожнаго или нечестиваго: Θεοῦς φοβούμενοι μήποτε ἀσεβές μηδὲν μηδὲ ἀνόσιον μήτε ποιήσητε μήτε βουλεύσητε. Напротивъ, утвердительно тамъ же немного выше: ποιᾶτε, ἃ ἐγὼ δεόμεαι: дѣлайте (исполняйте) то, о чемъ я прошу васъ. (Xen. Cyr. VIII. 7. 22.)

или же наглядно: — — —; то при замѣнѣ многократной учащательной, императивной формы описательнымъ выраженіемъ чрезъ πολλάκις; получаешь:

1) ἴδε-σκον	=	»	»	»	εἶδον (= ἴδε-)
2) ὄσκον	=	»	»	»	ἔδωκα (= ὄσ-)
3) φύγε-σκον	=	»	»	»	ἔφυγον (φυγ-); напротивъ:
1) ὄρα-σκον	=	»	»	»	εἶρων (όρα-)
2) διδωσκον	=	»	»	»	ἔδιδουν (δίδω-)
3) φεύγε-σκον	=	»	»	»	ἔφευγον (φευγ-)

То обстоятельство, что πολλάκις (и отрицательныя нарѣчія οὔποτε и др.) гораздо чаще встрѣчаемъ съ аористомъ, чѣмъ съ imperfectum, основывается просто на томъ явленіи, что и аористъ самъ по себѣ вообще чаще употребляется въ языкѣ, чѣмъ imperfectum. Употребленіе отрицательныхъ частицъ οὔποτε (и другихъ, названныхъ въ концѣ § 7) съ аористомъ объясняется отчасти тѣмъ, что сказано о πολλάκις въ примѣненіи того же самаго къ отрицательному значенію послѣднихъ; отчасти же тѣмъ обстоятельствомъ, что такъ какъ (по § 7) греческій языкъ не знаетъ разницы въ употребленіи временъ между предложеніями утвердительными и отрицательными, а утвердительно говоритъ наприимѣръ ἤκουσα πότε (Xen. Mem. II. 3. 1 и 5. 1.) я услышалъ однажды (разъ), то Греки послѣдовательно ставили также: οὔποτε ἤκουσα (никогда=ни разу не слышалъ; собственно: не услышалъ). отрицая собственно только—πότε, а не глаголь.

¹⁾ Примѣры: nunquam. Cic. de senect. § 80: mihi nunquam persuaderi potuit; pro Arch. § 13: (mea facultas) nunquam amicorum periculis defuit;—saepe: pro Arch. § 11: testamentum saepe ficit; de sen. § 43: saepe audivi ex maioribus natu (напротивъ въ томъ же смыслѣ безъ saepe: audiebam § 78) и audiebamur pro Lig. § 33=saepe audivi или audivimus.

Я никогда не вѣрилъ (не убѣждался) и тому, что душа... когда отлучится отъ тѣла, мертва: Οὔτοι ἔγωγε οὐδὲ τοῦτο πώποτε ἐπεισθην, ὡς ἡ ψυχὴ... ὅταν τοῦ σώματος ἀπαλλαγῆ, τέθνηκεν (Cyr. VIII, 7, 19). Сравни переводъ Цицерона de sen. § 80: Mihi quidem nunquam persuaderi potuit, animos... cum excessissent ex corporibus emori. См. также второй и третій примѣръ въ слѣдующемъ примѣчаніи¹⁾. Я часто удивлялся (дивился): πολλάκις ἐθαύμασα (начало Xen. Mem. и Isocr. Panegy.) saepe numero miratus sum.—Я часто и въ другое время замѣчалъ, что хорошій начальникъ ничѣмъ не отличается отъ хорошаго отца: Πολλάκις καὶ ἄλλοτε κατενόησα, ὅτι ἄρχων ἀγαθὸς οὐδὲν διαφέρει πατρὸς ἀγαθοῦ (Xen. Cyr. VIII. 1. 1.): Equidem saepe animadverti. Ср. Thuc. III. 37. 1: πολλάκις μὲν ἤδη ἔγωγε καὶ ἄλλοτε ἔγνων δημοκρατίαν

¹⁾ Другіе примѣры: 1. οὔποτε никогда: съ аористомъ: II. I. 106: οὐ πώ ποτέ μοι: τὸ κρήρουν εἶπας; 108: ἐσθλὸν οὔτε τί πω εἶπας ἔπος οὐτ' ἐτέλεσσας; 154: οὐ γάρ πώ ποτ' ἐμὰς βροῦς ἔλασαν—οὐδέποτε—χαρπὸν ἐδηλῆσαντο; 262: οὐ γάρ πω τοίους ἴδον ἀνέρας.—Xen. An. I. 4. 6. οὐπώποτ'—ἐγένετο; I. 6. 21: εἶδε κ' ἐφάνη (imperf. ἔλεγεν поставлено, хотя тоже въ отрицательномъ предлож., но безъ πώποτε). Такъ же самые аористы indic. Mem. I. 2. 63: ἐγένετο, ἀπεστέργειν, περιέβαλεν, даже ἔσχε; I. 2. 3: οὐδεπώποτε ὑπέσχετο... напротивъ ἀλλὰ ἐποίησ' (утвердительно); I. 2. 8: ἐπηγγέλιτο; II. 2. 8: εἶπα, ἐποίησα; IV. 2. 4. и 5: ἐμυθον, ἐξήτησα; Oec. III. 7: παρεκάλεσας; X. 9: τοιοῦτον μὲν οὐδὲν πώποτ' ἐτι: ἐπραγματεύσατο,—καθάρην δὲ ἐπειράτο ἑαυτὴν ἐπίδεικνύουσι. Hell. II. 4. 40: ὁ δῆμος οὐδὲν πώποτε ὄμας—ἠδίκησεν; Dem. IV. 51: οὐτ' ἄλλοτε πώποτε πρὸς χάριν εἰλόμην λέγειν. Plato Apol. 32. B. ἦρξα, 33. A. B: ἐγενόμην, ἐφθόνησα, ὑπεσχόμην, ἐδίδαξα;—Lys. XIII. 62: ἔσχον,—прочія наклоненія aor. Xen. Mem. I. 2. 19: ἄν γένοιτο; Anab. III. 1. 35. и III. 2. 3: γενώμεθα; II. 5. 7: ἂν εὐδαιμονίσαιμι; I. 4. 18: γένοιτο.—Съ perfectum: II. VI. 124: οὐ μὲν γάρ ποτ' ὄπωπα; —Isocr. XIII. 5: ὧν οὐδεπώποτε διδάσκαλοι γεγονάσι; Plato Gorg. 448. A: οὐδεὶς μὲ πω ἠρώτηκε καινὸν οὐδὲν πολλῶν ἐτών (еще никогда до сихъ поръ). Symp. 220. A: Σωκράτη μεθύοντ' οὐδεὶς πώποτε ἑώρακεν ἀνθρώπων. Напротивъ съ imperfectum очень рѣдко: Xen. Ages. XI. 2 и 7: οὔποτ' ἔληγεν η οὐδέποτε ἐπαύετο (оба=утверд. διετέλει); Anab. III. 1. 19: οὔποτε ἐπαύομην (=утверд. διετέλου).

2. πολλάκις, часто съ аористомъ: II. 1. 396: πολλάκι γάρ—ἄκουσα;—Xen. Apol. § 4: ἀπέκτειναν и ἀπέλυσαν; Anab. IV. 1. 28: πολλαχοῦ ἐγένετο; Plato Apol. 40. B. πολλαχοῦ με ἐπέσχε λέγοντα μεταξύ. Crito 43. B. πολλάκις σε καὶ πρότερον ἐν παντί τῷ βίῳ εὐδαιμόνιστα τοῦ τρόπου; Dem. Ol. II. 24: πολλάκις οὐκ ἠθέλησατε; Xen. Oec. XI. 25: πολλάκις ἐκρίθην; Lys. II. 37: πολλάκις ἐδεξιώσαντο, ὠλοφύραντο. Plato Gorg. 524. E: πολλάκις κατείδεν.—Съ perfectum: Xen. Cyr. II. 4. 16: π. τεθῆρασα; Dem. Ol. II. 4: π. σεσώκατε; Philipp. I. 1: π. εἰρήκασι; Plato Apol. 31. C. π. ἀκῆκατε; 35. A. π. ἑώρακα.—Съ imperf. рѣдко: Xen. Anab. I. 9. 25. и 26. π. ἔπεμπε; Cyr. III. 3. 25: π. ἐπυρπόλου; Mem. I. 2. 50: π. ἐσκόπει; Lys. XIII. 62: π. παρεδίδοσαν.

ὅτι ἀδύνατόν ἐστιν ἐτέρων ἄρχειν ¹⁾. Dem. Phil. I. 28. ὅπως μὴ ποιήσετε, ὃ πολλάκις ὑμᾶς ἐβλάψεν: не дѣлайте того, что часто вредило вамъ.

Примѣчаніе: Въ противоположность латинскому *semper*, которое правильно соединяется съ *perfectum* (Cic. pro Arch. § 31: qui populi Romani res gestas semper ornavit; pro Lig. § 28: pacis equidem semper auctor fui; § 37: populi voluntatem carissimam semper habuisti), и греческимъ частицамъ (съ значеніемъ дѣйствія съ перерывами) *πολλάκις* и *οὐποτε* (съ аористомъ),—*ἀεί* (означая непрерывное собствен. дѣйствіе) ставится исключительно съ *imperfectum*, соотвѣтственно русскому нарѣчію „всегда, постоянно“ съ прошедшимъ временемъ продолженнаго вида; на примѣръ, Σωκράτης περὶ τῶν ἀνθρώπων ἀεί διαλέγεται (*semper disseruit*), Xen. Mem. I. 1. 16: Сократъ всегда (постоянно) бесѣдовалъ (разговаривалъ) о человѣческихъ дѣлахъ.—Κῦρος οὐδενὶ πώποτε ἀχάριστον ἀείχε τὴν προδομίαν... οὐδένα (ἄν) πώποτε ἀφείλετο, ἀλλ' ἀεί πλείω προσεζίδου (Anab. I. 9. 19): Киръ ничего усердія никогда не оставлялъ безъ награды... ни у кого никогда ничего не отнималъ, напротивъ, всегда еще больше прибавлялъ.—'Εγὼ ἠδίκησα μὲν οὐδένα πώποτε ἀνθρώπων οὐδὲ χεῖρῳ ἐποίησα, βελτίους δὲ ποιεῖν ἐπειρώμην ἀεί (Mem. IV. 8. 10): Я никогда никого не обижалъ и не дѣлалъ худшимъ, но постоянно старался дѣлать (всѣхъ) лучшими. Тамъ же: Xen. An. VI. 3. 6: ἀεί συνέρρεον; Hell. VI. 5. 33. ἀεί ποτε ἀλλήλοισ ἐν τοῖς μεγίστοις κακοῖς παρίσταντο ἐπ' ἀγαθοῖς. На томъ же основаніи ставятся глаголы, выражающіе начало, окончаніе или продолженіе непрерывнаго (*ἀεί*) дѣйствія или состоянія, съ *particip.* или *infinit.* одного только *praesens*'а дополнительнаго глагола, по русски: съ неопред. наклоненіемъ одного продолженнаго вида; именно глаголы, ἀρχεσθαι, ἀρχειν, ὑπάρχειν (начинать), παύειν, παύεσθαι, λήγειν (прекращать,-ся, останавливать,-ся, переставать), διατελεῖν, διαγίγνεσθαι, διάγειν (продолжать, проводить время). Примѣры см. Curt. § 591. a. 592. Григ. § 276. 1. 2. Krüg. Att. Synt. § 56, 5 A. 1. 2. 3. Миклошича сравн. грам. слав. яз. синтаксисъ, стр. 275. Нѣмецкія и русскія грамматики говорятъ только объ *part.*, не прибавляя того важнаго обстоятельства, что оно при означенныхъ глаголахъ должно быть непременно *partic. praesentis*.

¹⁾ Исходною точкою для уразумѣнія *aoristus gnomicus* слѣдуетъ именно считать очень часто встрѣчающіеся случаи употребленія его съ *πολλάκις*: Xen. Mem. II. 4. 7; Суг. VII. 5. 76; Isocr. I. 33; Soph. Ant. 221—222 (см. грамматики и § 15).

§ 9. Въ русскомъ языкѣ есть нѣсколько глаголовъ, которые, будучи по формѣ и собственному значенію продолженнаго вида, ставятся также въ значеніи вида однократнаго, вмѣсто рѣже употребляемыхъ или совсѣмъ вытѣсненныхъ изъ употребленія глагольныхъ формъ послѣдняго вида. Такіе суть:

1. <i>обѣщать</i>	=	{ (объ-вѣщать) давать обѣщаніе, ὑποσχεῖσθαι,
(объ-вѣтить) дать обѣщаніе, ὑποσχεῖσθαι,
2. <i>отвѣчать</i>	=	{ а) давать отвѣты ἀποκρίνεσθαι, Xen. Сугор. I, 4, 3.
б) употребляемая на ряду съ „отвѣчать“ форма однокр. вида: = отвѣтить = дать отвѣтъ ἀποκρίνασθαι.
3. <i>велѣть</i>	=	{ а) приваивать, вызывать κελεύειν;
б) повелѣть, приказать, вызвать, κελεύσαι. (Впрочемъ, см. § 12. с. № 3).
4. <i>бѣжать</i>	=	{ а) быть на бѣгствѣ φεύγειν;
б) также употребл. <i>убѣжать</i> φυγῆν; (впрочемъ, см. § 12. в. № 6 и 7).
5. <i>просить</i>	=	{ а) высказывать просьбу δεῖσθαι, αἰτεῖν, ἀξιοῦν;
б) попросить, высказать просьбу δεηθῆναι, αἰτῆσαι, ἀξιώσαι; (впрочемъ см. § 12. с. № 4).
6. <i>ранить</i>	=	{ а) наносить раны τρώσκειν, (Xen. An. III. 3. 7. и 10);
б) (поранить), нанести рану τρώσαι.
7. <i>угрожать</i>	=	{ а) угрожать, высказывать угрозы ἀπειλεῖν;
б) погрозить, пригрозить, высказать угрозу ἀπειλήσαι.
8. <i>казнить</i>	=	{ а) убивать, осуждать на смерть, θανατοῦν, ἀποκτείνειν, ἀναρεῖν;
б) убить, осудить на смерть θανατώσαι, ἀποκτείνειν, ἀνελεῖν (см. Сборникъ I. ч. § 53. № 6); (объ ἀπέκτανε см. § 12. II. прим. 3).
9. <i>образовать</i>	=	{ а) воспитывать, учить; творить: παιδεύειν, διδάσκειν, πλάττειν;
б) воспитать, выучить, сотворить: παιδεῦσαι, διδάξαι, πλάσσει.

Къ этимъ—*безвидовымъ*—русскимъ глаголамъ по нераличію видовъ относятся глаголы *женить-ся*, *родить-ся*, *быть* (см. § 11) и греч. ἵναи (см. § 10).

Такіе глаголы переводятся въ значеніи продолженнаго вида: формами греч. praesens и imperfectum, а въ значеніи однократнаго вида

формами аориста. Напримѣръ: Павзаній обѣщалъ (=часто) илотамъ свободу и право гражданства, если они возстанутъ съ нимъ и будутъ поддерживать всё его предпріятія. Παυσανίας ἐλευθέρωσιν τε ὑπαρχνεῖτο τοῖς Ἑλλοσι καὶ πολιτεῖαν, ἣν ξυνοπαναστώσαι καὶ τὸ πᾶν ἐυχχαι-терγάσσονται (Thuc. I. 132. 4); или: Развѣ теперь не ведется война съ тѣми, которымъ мы (неоднократно) обѣщали помощь въ случаѣ если начнутъ войну (возникновенія войны): Οὐχ. οὐς, εἰ πολεμήσαιεν, ἐτοίμως σῶσαι ὑπαρχνοόμεθα, οἱτοι νῦν πολεμοῦνται (Dem. ol. III. 16);—напротивъ: Киръ обѣщаль (однажды) дать каждому солдату по 5 минъ серебра, когда придутъ въ Вавилонъ: Κῆρος ὑπέσχετο ἀνδρὶ ἐκάστῳ δῶσαι πέντε ἀργυρίου μνάς, ἐπὴν εἰς Βαβυλῶνα ἦκωσι (Xen. Anab. I. 4. 13). Ср. также Thuc. I. 138. 4.

Примѣчаніе 1. Къ этимъ глаголамъ присоединяются также: мочь = а) быть въ состояніи, имѣть возможность, δύνασθαι или εἶχειν.—и б) получить, возмимѣть возможность, σμῶν, δυνηθῆναι; но никогда σχεῖν) и хотѣть = а) желать θέλειν, ἐθέλειν, βούλεσθαι, и б) пожелать, захотѣть, θελήσαι, βουληθῆναι), особенно въ прошедшемъ времени, въ которомъ русское *могъ* и *хотѣлъ*—смотря по своему значенію, то продолжительнаго хотѣнія и возможности, то краткаго начала или наступленія ихъ, переводится: въ первомъ значеніи чрезъ *imperfectum съ infinit. praesentis* или *aoristi* дополнительнаго глагола, а во второмъ чрезъ *indic. aoristi* съ *infinit. одного аориста* (никогда *praesens*'а):

МОГЪ	{	ἐδύνατο	}	дѣлать
		εἶχε	}	ποιεῖν;
ХОТѢЛЪ	{	ἐβούλετο	}	сдѣлать
		ἤθελε	}	ποιῆσαι.
МОГЪ = смогъ	{	ἐδυνήθη	}	ТОЛЬКО:
ПОЛУЧИЛЪ ВОЗМОЖНОСТЬ	{	ἐβουλήθη	}	ποιῆσαι
ХОТѢЛЪ = захотѣлъ	{	ἠθέλησε	}	сдѣлать или дѣлать ¹⁾
(пожелалъ)	{	ἠθέλησε	}	(НИКОГДА ποιεῖν)

(См. Бусл. Ист. грам. § 186. Прим. 1).

¹⁾ *Другіе примѣры:* ἐδυναμην etc. съ *infinit. praesentis*: Xen. Anab. I. 9. 30, III. 1. 11, III. 3. 13, VII. 2. 33; Thuc. I. 103. 1, Lys. VII. 7; въ отношеніи къ другому наклоненію продолжительнаго вида: Xen. An. I. 6. 7; VII. 2. 3; VII. 5. 6; Cyr. VII. 2. 4; Thuc. I. 103. 1; II. 52. 4; IV. 48. 3; Dem. XIX. 149; съ *infinit. aoristi*: Xen. An. V. 2. 5; Mem. I. 2. 24; Thuc. I. 3. 2; VIII. 105. 2; Her. IV. 100. 1; IV. 114. 1; IX. 70. 1; Plato Prot. 315. E; Phaedo 60. C; Lys.

Примѣчаніе 2. Подобнымъ образомъ переводятся повелительныя наклоненія русскихъ глаголовъ продолженнаго вида, означающихъ большею частью движеніе: бери, давай (подавай), приходи, въ подлинномъ значеніи продолженнаго вида чрезъ αἶρει (λάμβανε), δίδου, (προς)έρχου; когда же (усиливая только повелѣніе²⁾) замѣняютъ по значенію формы однократнаго вида: „возьми, дай (подай), приди“ — чрезъ ἔλα (λαβέ), δός, (προς-) ἐλθέ.—Такъ же вставай, ἀνίστασο; но= встань, ἀνάστηθι. Продолженный видъ imperativ'a на обоихъ языкахъ ставится при: ἄγε и φέρε, давай! (ну-же!), ἄγαγε (σεαυτόν) убирайся, ступай (пошелъ!) Впрочемъ, см. § 12. I. b. примѣч.

§ 10. Глаголь ἵέναι (идти) и сложные съ нимъ глаголы имѣютъ одну общую временную форму для всѣхъ прошедшихъ временъ изъявительнаго наклоненія, именно (такъ называемое) imperfectum ἦεν или ἦα и т. д.—*Indicativus praesentis* этого глагола, простаго и сложнаго, ставится въ одномъ значеніи будущаго времени: εἶμι=пойду (а не: иду или хожу); ἄπειμι уйду и буду уходить ¹⁾ (а не: ухожу). Praesens indicat. послѣднихъ глаголовъ (т. е. иду, хожу; ухожу) переводится чрезъ ἔρχομαι или βαίνω и сложные.—Такимъ образомъ употребляется imperfectum (indicativi) глагола ἵέναι для выраженія русскаго прошедшаго времени, какъ продолженнаго, такъ и однократнаго вида: ходилъ, шелъ, пошелъ=ἦεν; уходилъ, ушелъ=ἄπτε; (первое=ἄπῆρχετο, второе=ἄπῆλθεν) ²⁾. Всѣ другія наклоненія (за

XII. 99. — ἐδονήθην съ infin. aoristi: Xen. Cyr. I. 1. 5; III. 1. 30; Thuc. IV. 33. 2; IV. 129. 4; Dem. XXI. 80, Isocr. IV. 102; V. 108; Lys. III. 42; XIV. 46; Ilias V. 621—622: δυνήσαστο ἀφελέσθαι; въ отношеніи къ другому наклоненію однократнаго вида: Dem. XVIII. 237; Isocr. I. 5;—εἶχον съ infinit. praesentis: Xen. Anab. II, 2. 11; Her. I. 24. 4; съ infinit. aor.: Xen. Anab. III. 2. 12; VII. 6. 39.—Ἐβουλόμην, ἦθελον etc. съ infinit. praes. Dem. XIX. 149; Xen. Cyr. VII. 4. 7; Thuc. II. 5. 4; Her. VI. 12. 3; Xen. Anab. II. 6. 6; — въ отношеніи къ другому наклоненію продолженнаго вида: Xen. Cyr. II. 4. 19.—съ infin. aoristi: Thuc. II. 2. 3.—ἐβουλόμην, ἦθέλησεν съ infin. aoristi: Her. I. 59. 3; Dem. Ol. II. 24; Philipp. I. 7 (два раза); Lys. II. 12; Xen. Anab. VII. 1. 29; Mem. I. 1. 18.

¹⁾ Примѣры: Ilias I. 420. 426. V. 256 εἶμι (пойду, уйду);—Xen. Anab. I. 3. 11: (σχεπτέον) ὅπως ὡς ἀσφαλέστατα ἔπιμεν καὶ ὅπως τὰ ἐκτιθήδαια εἴσομεν; I. 4. 15; II. 2. 10: ἄπιμεν (уйдемъ); II. 3. 29; Cyr. VI. 1. 5: ἄπειμι (уйду); Plato Gorg. 505. E: διαίει (пройду).

²⁾ Примѣры: II. I. 307. ἦε (шелъ или пошелъ); VI. 120 συνίτην (сходились, сошлись); такъ и: κίεν I. 348, VI. 399. 422. Xen. Anab. I. 2. 17, I. 10. 10; IV. 3. 27: ἐπῆσαν (шли, выступали, или: пошли, выступили); IV. 4. 22. ἀπῆσαν (отступали или отступили), —на равнѣ съ непосред. слѣд. καὶ ἀφίχοντο; VI. 3. 25:

исключениемъ упомянутаго indicat.) и participium praesentis этого глагола—общии для всѣхъ вообще времениъ его, т. е. могутъ выражать дѣйствіе всѣхъ времениъ продолженнаго и однократнаго (аористическаго) вида, смотря по связи мысли; такъ что:

ходить, идти, пойти=ίέναι¹⁾

говорять, что онъ ходитъ, идетъ

” ” ” ходилъ, шелъ, пошелъ

” ” ” будетъ ходить, пойдетъ

} =λέγουσι αὐτόν
ίέναι (ὅτι ἴαι);

будемъ-те ходить, пойдемъ-те=ἴομεν;

ходи, иди, поди=ἴθι

ходи, идя,

ходивъ,-вши, шедши, пошедши, пойдя=ίών, ιούσα, ιόν²⁾.

Тоже самое бываетъ при глаголахъ сложныхъ съ ίέναι.

Множественный видъ *ходить* (хаживать) ближе переводится формами греческаго множественнаго глагола φοιτᾶν³⁾; см. § 5.

ἀπῆσαν (=предыдущ. ἀπῆλθον ушли); VI. 5. 4. ἐξῆσαν (вышли, выступили); I. 10. 10: συνήει (сходился, сошелся); Нег. I. 80. 4: συνήεσαν; Сург. II. 1. 1. ἀπῆει (ушелъ), VII. 2. 4. εἰσῆει (вошелъ, вступилъ).

¹⁾ Примеры: вместо infinit. aoristi: Xen. Anab. I. 4. 8; IV. 4. 22: ἀπιέναι; уйти, возвратиться; I. 7. 4. ἀπιέναι=следующ. затѣмъ ἀπελθεῖν; VII. 6. 24: εἰσιέναι (войти, вступить); VI. 5. 3; Dem. Ol. II. 24. и III. 20: ἐξιέναι; Thuc. II. 21. 2. и 3. (выступить; у Xen. на ряду съ слѣд. καταλιπεῖν). Вместо infin. futuri Xen. Anab. II. 1. 3: ἀπιέναι (что отправится): I. 3. 1. и I. 4. 12: οὐκ ίέναι (что не пойдутъ); Thuc. II. 21. 1: ἐλπίζα εἶχον αὐτοὺς μὴ προϊέναι (надвигались, что они не пойдутъ впередъ) и V. 7: ἀπιέναι (scabiturum esse); imperativus: Πιας I. 335 ἄσσον ἴτε (подите ближе).

²⁾ Примеры: въ знач. particip. imperfecti и aoristi: II. I. 138. 179. 185, V. 14. 135. 611. 630. 850, VI. 221. 375. (ίών=ἐλθών, ἀπελθών, προσελθών); VI. 490: ἀλλ' εἰς αἶκον ιούσα (=ἀπελθεῖσα пойдя, уйдя) τὰ αὐτῆς ἔργα κόμισε. (Такъ и κίων X. 148); Xen. Anab. II. 2. 17; IV. 5. 15: προσιόντες (приходившіе или пришедшіе); I. 2. 17: προϊόντων (когда пошли впередъ); I. 2. 11: ιόντες (когда шли); IV. 4. 20: προϊόντες (καὶ κατιόντες) пошедши впередъ; IV. 5. 4: ἐξιόντων (когда другіе выступаютъ или выступили); Сург. VII. 1. 15: παριών (подошедши); VI. 2. 40: ἀπιόντες (идите и . . ., ушедши); Xen. Anab. II. 2. 11: ἀπιόντες (=пойдя, уйдя, если пойдѣмъ назадъ); II. 1. 39: ἴων (пойдя) ἴξω (ἐλθών);—вмѣсто particip. futuri. Xen. An. II. 3. 29 и II. 4. 8: ὡς (ἀπᾶρων καὶ) ἀπιών (чтобы идти, уйти); I. 4. 7: ὡς ἀπιόντας и I. 10. 6: ὡς προϊόντος καὶ δεξιόμενοι; Сург. I. 3. 13: ὡς ἀπιούσα πάλιν.

³⁾ Примеры: ходить въ школу: εἰς διδασκάλων φοιτᾶν. Plat. Lach. 201. B; Xen. Сург. I. 2. 6: εἰς τὰ διδασκαλεῖα φοιτῶντες; Сург. VIII. 1. 8: ἐφοιτῶν ἐπὶ τὰς θύρας Κύρου = πολλὰκις ἰόντες ἐπὶ τὰς θύρας (Anab. I. 2. 11); Нег. IV. 116; Plato Gorg. 456. D: (φοιτήσα; ходившіѣ); Πιας XX. 6. См. словарь.

§ 11. Глаголь εἶναι=быть (находиться) имѣть—подобно глаголу ἵέναι—по характеру своего двойнаго значенія какъ продолжительнаго, такъ и однократнаго вида (см. § 9), одно общее прошедшее время, такъ называемое imperfectum ἦν=быль (находился) и многократ. *бываль*, которое равняется=ἐγγύετο; но и ἐγένετο. Это двойное продолженное и однократное значеніе одной и той же формы яспѣ обнаруживается у сложныхъ съ нимъ глаголовъ, которыхъ форма imperfecta обща также значенію indicativi aoristi (прошедшему времени однократнаго вида); такъ что παρεῖναι=быть, присутствовать, находиться при...; παρῆν=присутствовалъ, находился при... или (возможно было (Xen. Hell. III. 4.16) (imperf.), и: *прибыль* или *пришелъ* (aorist). Впрочемъ, вмѣсто παρῆν въ послѣднемъ значеніи (=прибыль, пришелъ) ставится также aoristus глагола παραγγυεσθαι, который имѣетъ вообще то преимущество передъ глаголомъ παρεῖναι, что образуетъ всѣ наклоненія и времена: такъ что παραγγυεσθαι=прибывать, приходить, а παραγευεσθαι=прибыть, придти, и παραγένετο=παρῆν (въ аористич. смыслѣ)=прибыль, пришелъ. Такъ, напримѣръ, Xen. Anab. I, 2, 2 и 3 на ряду какъ синонимы: παρῆσαν, Ἐνείας παραγένετο и Πρόξενος παρῆν (послѣднее еще I, 2, 9).—Indicativus, infinitivus и imperativus praesentis имѣютъ также значеніе многократности: ἐστίν=есть, находится и бываетъ; εἰσίν=суть, находятся и бываютъ; εἶναι быть, находится и бывать; ἴσθι=будь, находишь и бывай. Впрочемъ, многократный видъ „бывать, бывать“ переводится иногда также чрезъ φιλεῖ съ прибавленіемъ γίγνεσθαι или εἶναι, напримѣръ, οἷα δὴ ἐν πολέμῳ φιλεῖ (γίγνεσθαι или εἶναι): какъ бываетъ на войнѣ. Въ іоническомъ діалектѣ (Гомера) была многократная форма imperf. indicat. ἔσχεον = бываль (см. § 5. № 2); II. V. 536, VI. 19 и 153. Прочія наклоненія praesentis (coniunctivus, optativus, infinitivus и participium) какъ простаго глагола εἶναι, такъ особенно сложныхъ съ нимъ, принадлежатъ также imperfect'у (по § 1. 6. и прим.) и аористу; такъ что напримѣръ, partic. ὄν, ὄσα, ὄν=будучи (сущій), находясь, -ящійся; бывъ, -вши, -вній; нашедшись, -иіся¹⁾;— παρεῖναι присутствовать и прибыть: ὅτι παρεῖν, что прибыло (посольство, Xen. Cyr.

¹⁾ Примѣры: Xen. Anab. I. 1. 5. εἶναι (infin. imperfecti=что были); Thuc. I. 41. 4: ἦ (conjunct. imperfecti); Xen. Hell. VI. 5. 34: εἶν (optativus imperfecti); Thuc. II. 2. 3: ὄσαν (particip. imperfecti); также: Ilias V. 609: ἔόντες; Xen. An. I. 1. 11: ὄντας, I. 9. 19: ὄντα; II. 4. 5: οἱ πρόσθεν ὄντες; Xen. Mem. IV. 8. 10. и 11: συνδόντας, ὄντα, ὄν, εἶναι. Her. I. 23. ἔόντα, ἔόντων. Plat. Gorg. 516. C (ὄν). (См. § 1. в. и прим.).

II. 4. 1). Большою же частью недостающія простому глаголу εἶναι формы аориста (perfect. и plusquamperfect.) пополняются формами глагола γίνεσθαι (fieri дѣлаться), aor. indic. ἐγένονην, infinit. γενέσθαι, part. γένόμενος; на примѣръ, Plato Apol. 33. et. ἐγὼ διδάσκαλος οὐδενὸς πόποτος ἐγένονην: я никогда не былъ ничѣмъ учителемъ; (сравни церк.-слав. аог. бы или бысть: χωρὶς αὐτοῦ ἐγένετο οὐδέν, ὃ γέγονεν: безъ него ничтоже не бы, еже бы) и Xen. An. I. 8. 23 и 24;—perfect. γεγέννημαι и γέγονα; plusquamperf. ἐγεγέννημαι и ἐγεγόνην. Для будущаго времени глаголь εἶμι (есмы) имѣетъ въ противоположность глаголу εἶμι (пойду, отъ εἶναι, § 10) свои собственные формы, именно: indicat. futuri: ἔσομαι (на ряду съ нимъ γενήσομαι); optativus: ἐσοίμην (γενήσοίμην), infinitivus: ἔσεσθαι (γενήσεσθαι) и partic. ἐσόμενος -η, -ον (γενήσομενος), будущій, futurus (на ряду съ μέλλων, -ουσα, -ον).

§ 12 а. Вообще когда, кромѣ упомянутыхъ уже случаевъ, не соблюдено означенное въ § 1—5 соотвѣтствіе русскаго однократнаго вида греческимъ наклоненіямъ аориста, а продолженнаго вида греческимъ формамъ praesens'a и imperfect'a, то этому всегда бываетъ извѣстная причина, особенно другой взглядъ двухъ этихъ языковъ на одно и тоже дѣйствіе или состояніе. Именно, Грекъ во многихъ случаяхъ любитъ чрезъ imperfectum наглядно рисовать, осматривать дѣйствіе или состояніе, указывать на его развитіе и ходъ, желая при томъ остановить вниманіе на продолженіи дѣйствія или состоянія, или также указывая на множество лицъ-исполнителей или предметовъ, подлежащихъ исполненію, чѣмъ и получается своего рода многократность дѣйствія (только не чрезъ одного, а большее число дѣятелей), подобно употребленію множественнаго числа именъ отвлеченныхъ для выраженія множества отдѣльныхъ проявленій какого-нибудь качества и т. под. на разныхъ лицахъ и предметахъ или въ разное время, между тѣмъ какъ единственное число тѣхъ же именъ выражаетъ такое понятіе въ собирательной общности наравнѣ съ аористомъ глаголовъ. (См. Plato Menex. 246. D. и грам. Крюгера att. синт. § 44. 3. и Curt. § 362. 2. а). При этомъ замѣтно, что есть извѣстные, приведенные ниже, глаголы, дѣйствіе которыхъ Грекъ преимущественно привыкъ и любить представлять себѣ въ его продолжительномъ видѣ исполненія, на примѣръ, σκοπεῖν, δέχεσθαι, ὀρμᾶν, ἵεσθαι, ἐλαύνειν, κέρπειν и другіе. Напротивъ, Русскій, стави (чаще греческаго языка, допускающаго, впрочемъ, также аористъ) въ тѣхъ же случаяхъ прошедшее время глаголовъ однократнаго (аористическаго) вида, предпочитаетъ собирательно осмотрѣть дѣйствіе, какъ однократное, кратковременное,

или, хотя и продолжительное, но уже совершенное, законченное проявленіе; а при глаголахъ состоянія (ощущенія и чувства) привыкъ болѣе обращать вниманія на наступленіе, чѣмъ на самое продолженіе его,—почему и весьма часто ставитъ на мѣстѣ греч. imperfect. описательное выраженіе наступленія чрезъ „сталь“ съ прошедшимъ временемъ продолженнаго вида (см. § 14. Прим.), — и вообще любить, чаще греческаго, означать дѣйствія и состоянія какъ наступившій или совершенный (историческій) фактъ въ сосредоточенномъ его проявленіи.

β. Такое несоотвѣтствіе видовъ двухъ этихъ языковъ чаще всего и преимущественно является при слѣдующихъ глаголахъ (при которыхъ, однако, допускается въ греч. языкѣ и время, соотвѣтствующее виду русскаго глагола): при самомъ характеристичномъ въ этомъ отношеніи глаголѣ σκοπεῖν, ἐσκόπει (разсматривать, обдумывать), гдѣ русскій переводъ или исключительно или, по крайней мѣрѣ, предпочтительно ставитъ однократный видъ: Исосг. II. 45: εἰ θέλομεν σκοπεῖν τὰς φύσεις τὰς τῶν ἀνθρώπων, εὐρήσομεν: если мы желаемъ разсмотрѣть природу (замѣтъ греч. множ. число) людей, то найдемъ...; Xen. Apol. 2: οὐκ ἔχρην σκοπεῖν, ᾧ Σώκρατες, καὶ ὅτι ἀπολογήσῃ; не слѣдовало ли бы тебѣ, Сократъ, обдумать теперь то, что ты имѣешь сказать въ свое оправданіе? Dem. Phil. I. 1: περὶ ὧν πολλὰκις εἰρήκασι (см. § 8 „Правиль“) οὗτοι πρότερον, συμβαίνει καὶ νυνὶ σκοπεῖν; то, о чемъ эти часто прежде говорили, приходится и теперь разсмотрѣть. Aористъ въ этомъ случаѣ мѣт, по крайней мѣрѣ, не извѣстенъ.

γ. Подобно тому въ греческомъ языкѣ особенно замѣтно колебаніе у глаголовъ, выражающихъ ощущеніе, которые онъ ставитъ какъ въ imperfect'ѣ, такъ и въ aorist'ѣ, но чаще въ первомъ, обращая болѣе вниманія на продолжительность, чѣмъ на наступленіе чувства или ощущенія, которое, напротивъ, Русскій предпочитаетъ означать своимъ однократнымъ видомъ. Напримѣръ, въ предложеніи: ἐχαλέπαινον καὶ ὀργίζοντο можно вм. „гнѣвались и сердились“ удобнѣе переводить: „разгнѣвались и разсердились“; такъ и Thuc. VIII. 1. 1: ἐς τὰς Ἀθήνας ἐπειδὴ ἠγγέλθη, (ἢ ἐν Σικελίᾳ συμφορὰ, εἰ Ἀθηναῖοι) ὀργίζοντο τοῖς χρησμολόγοις τε καὶ μάντασι... когда въ Аоніи донесено было извѣстіе, то Аоніяне вознегодовали (по гречески: негодовали, какъ можно, впрочемъ, переводить и по русски) на предсказателей и гадателей.... Ср. напротивъ: Xen. IV. 6, 2. Χαίρισσος αὐτῷ ἐχαλεπάνθη, ὅτι οὐκ εἰς κόμας ἤγαγεν (X. разсердился на него, что онъ не повелъ ихъ въ деревни). Xen. III, 1, 11. Ἐνεφῶν

ἔλοπαίτο σὺν τοῖς ἄλλοις καὶ οὐκ ἐδύνατο καθέσθαι: Кс. опечалился (но и: печалился) и не могъ спать (но можно переводить и: уснуть). Οἱ στρατιῶται ἠθύμουν: солдаты стали увывать, приуныли, — но и какъ по гречески: унывали, здѣсь и по гречески можно бы поставить ἠθύμηναν (приуныли) по примѣру Xen. An. III, 5, 3: τῶν Ἑλλήνων μάλα ἠθύμηναν τινες; Lys. II, 23: (Ἐπεὶ) οἱ βάρβαροι ἀπέβησαν εἰς Μαραθῶνα... οἱ ἡμέτεροι πρόγονοι οὐκ ἐφοβήθησαν τὸ πλῆθος τῶν ἐναντίων, ἀλλὰ τῇ αὐτῶν ἀρετῇ μᾶλλον ἐπίστευσαν: буквально: когда Персы дошли до Марафонской равнины... наши предки не устрашились (но можно и: не страшились) многочисленности неприятелей, но еще болѣе положились... но и: полагались на свою храбрость. Ср. Xen. Anab. I, 8, 24: δεισας. Подобно тому, встрѣчаемъ то ἠδέτο, то ἠρήθη, радовался — обрадовался, такъ какъ тутъ разница тоже не существенна. См. также § 12, II, прим. 2. Далѣ замѣчательны еще слѣдующіе примѣры: Xen. Anab. I, 8, 27: ὅποσοι τῶν ἀμφὶ βασιλέα (Ἀρταξέρηην) ἀπέθνησκον (многіе!) Κτησίας λέγει: Κῆρος δὲ αὐτὸς ἀπέθανε (одинъ!) καὶ ὅσῳ οἱ ἀριστοὶ τῶν περὶ αὐτὸν ἔχαιντο ἐπ' αὐτῷ: сколько пало (собственно падало, умирало) изъ свиты царя, это говоритъ Ктезій. Киръ самъ палъ (умеръ) и на немъ лежали восемь знатнѣйшихъ изъ свиты его. Въ этомъ примѣрѣ ἀπέθνησκον = собственно умирали, „падали“ живописнѣ чѣмъ русское „пали“, именно послѣ нѣсколькихъ praesentia histor. § 24: ἐλαύνει, νικά; 25: διασπείρονται, 26: καθορᾶ, ἔτεο (см. § 12. b.), παῖα τιρώσκει, 27: ἀκοντίζει); замѣть, напротивъ, объ одномъ Кирѣ ἀπέθανε.— Подобно тому: Anab. IV, 2, 7: φεύγοντες ὀλίγοι ἀπέθνησκον: только немногіе пали (собственно падали мертвыми) на бѣгу. Ср. также: Anab. II, 6, 15: ἦν δὲ (Κλέαρχος) ὅτε ἐτελευτα ἀμφὶ τὰ πεντήκοντα ἔτη, и далѣ § 20: ὅτε (Πρόξενος) ἀπέθνησκεν ἦν ἐτῶν ὡς τριάκοντα: Когда Клеархъ (Проксентъ) умеръ, ему было около 50 (30) лѣтъ; то-есть собственно: когда умиралъ = при смерти. Тутъ Грекъ, очевидно, выражается точнѣ и болѣе логически Русскаго Ср. Lys. II, 62: ἀποθνήσκω и Plato Menex. 246. D: ἡμῖν δ' εἶδὼν ζῆν μὴ καλῶς, καλῶς αἰρούμεθα μᾶλλον τελευτᾶν, πρὶν ἡμᾶς τε καὶ τοὺς ἕπει' εἰς ὄναϊδην καταστῆσαι. Такъ какъ намъ представляется одна возможность жить безчестно, то мы скорѣе предпочитаемъ честно умереть (въ греческомъ умирать, то-есть, каждый отдѣльно), чѣмъ навлечь позоръ (замѣть греч. plur. имени отвлеченнаго) на насъ и на наше потомство. Такъ пишетъ Thuc. въ концѣ II, III, IV и V кн. (115—4) и VI, 93, 4. ὁ χειμῶν (τρίτου, ἔκτου, ἑκτατου, δέκατου ἔτος, τὸ θέρος) ἐτελευτα (кончилось; собственно: кончалось). Далѣ: Herod. I, 125: Ἀκούσας ταῦτα ὁ

Κῶρος ἐφροντίζει (обдумываетъ), ὅτεφ τρόφω σοφωτάτῳ Πέρσας ἀναπέσει ἀπίστασαι (отложиться, множество лицъ!), φροντίζων δὲ εὕρισκέ (находилъ, вм. нашель) τε ταῦτα καιριώτατα εἶναι καὶ ἐποίηε (дѣлалъ вм. сдѣлалъ; см. § 12, I, а) δὴ ταῦτα.

ε. Глаголь χρῆσθαι тоже колеблется между imperf. и aorist'омъ по причинѣ примѣнимости значенія его въ томъ и другомъ видѣ почти къ каждому мѣсту; такъ что χρῆσθαι, ἐχρήτο, равно какъ и χρήσασθαι, ἐχρήσατο переводимъ то продолженнымъ видомъ: пользоваться, то однократнымъ: воспользоваться. Ср. Xen. An. VII, 2, 32; II, 1, 14; I, 3, 18; III, 1, 30; V, 4, 9; V, 1, 6; IV, 1, 22, Dem. Phil. I, 6: (Φίλιππος) ταύτην χρησάμενος τῇ γνώμῃ πάντα κατέστραπται καὶ ἔχει: Ф. *пользуясь* (вм. воспользовавшись) этою мыслью (съ этимъ убѣжденіемъ) покорилъ себѣ все. Isocr. I, 5: μέλλομέν σοι συμβουλεύειν ὦν χρῆ τοὺς νεωτέρους ὀρέγεσθαι καὶ τίνων ἔργων ἀπέχεσθαι. Мы намѣреваемся тебѣ посовѣтовать (или совѣтовать, разумѣется: въ слѣдующемъ сочиненіи).

ζ. Сравни еще слѣдующіе примѣры: Οἱ Ἀθηναῖοι ἐψηφίσαντο (τοῖς Ἀθηναίοις ἔδοξε) πολεμεῖν: Аѳиняне рѣшили предпринять войну; хотя бы могло стоять и πολεμηῆσαι (начать войну, см. § 13; № 10), или ἔδοξε αὐτοῖς μάχεσθαι или μαχέσασθαι: то и другое можно переводить одинаково: рѣшили сразиться или сражаться. Lys. II, 62: Οἱ Ἀθηναῖοι εἰς τὸν Πειραιᾶ κατῆλθον θάνατον μετ' ἐλευθερίας αἰρούμενοι (предпочитая) ἢ βίον μετὰ δουλείας (καὶ) μᾶλλον βουλευθέντες ἐν τῇ αὐτῶν ἀποθνῆσκειν (умереть, собственно: умирать) ἢ ζῆν τὴν ἀλλοτρίαν οἰκοῦντες; здѣсь и въ греческомъ текстѣ можно времена глаголовъ αἰρούμενοι и βουλευθέντες замѣнить одинъ другимъ безъ всякаго ущерба для смысла, то-есть, поставить на первомъ мѣстѣ ἐλόμενοι, а на второмъ βουλόμενοι.

Э. Черный.

(Продолженіе будетъ).

ДВА РУССКИХЪ ИЗДАНИЯ СОФОКЛОВОЙ ТРАГЕДИИ ФИЛОКТЕТЬ.

1838 и 1876.

Истекшій годъ ознаменовался въ исторіи классической филологіи въ Россіи замѣчательнымъ событіемъ: появилась въ свѣтъ греческая трагедія съ русскими примѣчаніями подъ слѣдующимъ заглавіемъ „Φιλοκτῆτης Σοφοκλέους“. „Филоктеть, драма Софокла. Греческій текстъ съ объясненіями, анализомъ драмы и греческо-русскимъ словаремъ. Обработалъ по Вундеру и Шнейдевину М. Г. С.-Петербургъ, 1876“.

Какъ заглавіе табу и внѣшній видъ книги несомнѣнно располагаютъ читателя въ пользу неизвѣстнаго автора. Вотъ, думаешь, нашелся же наконецъ скромный русскій ученый, радѣющій о пользѣ просвѣщенія своего отечества! Вѣдь согласитесь: сблизить нашу учащуюся молодежь съ великими твореніями Софокла—развѣ это мало-важная заслуга? Тѣмъ большая честь и слава тому, кто сдѣлаетъ на этомъ пути первый шагъ. И что же? Нашъ первый издатель Софокла скромно отказывается отъ этой чести и славы: на заглавномъ листѣ онъ называетъ нѣмецкіе источники, по которымъ составилъ свой трудъ, а самъ скрывается облеченный въ строжайшее инкогнито! Тайственные знаки М. Г. не дадутъ намъ ни малѣйшаго указанія на личность автора. А между тѣмъ трудъ его, по видимому, былъ серіозенъ и не легокъ. Чего только, онъ намъ не даетъ: и греческій текстъ, исправленный великимъ Вундеромъ, и анализъ драмы съ характеристикой дѣйствующихъ лицъ по не менѣе великому Шнейдевину, и объясненія къ тексту обработанныя по Вундеру отчасти и по Шнейдевину, и схему размѣровъ по Вундеру и наконецъ — а это самое важное—греческо-русскій словарь, который конечно ужъ пришлось обработать самому неизвѣстному автору. И до чего же дохо-

дять его скромность! Въ своемъ предисловіи онъ чистосердечно объясняетъ, что именно и какъ онъ заимствовалъ у Вундера и Шнейдевина, а о своемъ собственномъ, самостоятельномъ трудѣ, о словарѣ—не говоритъ ни слова! Прибавьте къ этому, что книга при всемъ обилии содержанія занимаетъ собою всего 105 страницъ въ 8-ю долю, напечатана изящнымъ шрифтомъ на прекрасной бумагѣ и стоятъ въ продажѣ только 60 коп. и вы непременно при первомъ взглядѣ на нее воскликните: „какой почтенный, драгоценный трудъ до идеальности скромнаго автора!“

Къ величайшему моему сожалѣнію я долженъ заявить, что восклицаніе это можетъ вырваться только при самомъ бѣгломъ взглядѣ на книгу. Стоить только перевернуть нѣсколько страницъ и всѣ надежды читателя разлетаются въ прахъ. На послѣдней страницѣ обертки мы читаемъ слѣдующее „объявленіе“: „Цѣна 60 коп. Складъ книги: С.-Петербургъ, Литейная, домъ № 34, квар. № 4 (М. Григоревскаю). Уступка 20⁰%, а при требованіи свыше 100 экземпляровъ уступка 25⁰%. Въ томъ же складѣ имѣются: Практическій курсъ греческаго языка, Сборникъ примѣровъ для упражненія въ переводахъ съ греческаго на русскій и обратно и другія изданія г. М. Григоревскаго“. Такъ вотъ оно значеніе кабалистическихъ знаковъ М. Г.—М. Григоревскій! Оригинальный способъ облекаться въ инкогнито! На первой страницѣ обертки выставляютъ двѣ буквы, а на четвертой сообщать не только полное имя, но и подробный свой адресъ! Подобное фиктивное инкогнито употребляется, на сколько мнѣ извѣстно, только путешествующими высокопоставленными особами. Но если мы имѣли право называть графа довѣ-Петро д'Алькантара его величествомъ императоромъ Бразильскимъ, то, мнѣ кажется, я имѣю такое же право называть въ моей рецензіи г. М. Г. по-просту г. *Григоревскимъ*.

Итакъ, судьба опять свела меня съ г. Григоревскимъ! Познакомившись съ симъ ученымъ мужемъ, при разборѣ его перваго изданія „Сборника примѣровъ для упражненія въ переводахъ съ греческаго на русскій и обратно“ (кстати, моя рецензія перваго изданія можетъ служить таковою же рецензіей вышедшаго теперь 2-го изданія) и изучивъ многія характеристическія особенности таланта г. Григоревскаго, я съ удвоеннымъ интересомъ принялся за разборъ его изданія Филоктета и тотчасъ же встрѣтилъ на каждой страницѣ все старыя, знакомыя мнѣ черты: небрежность, грубые промахи, происшедшіе отъ незнанія греческаго, латинскаго, нѣмецкаго и даже русскаго языковъ, такъ и заестрѣли передъ моими глазами, какъ три

года тому назадъ пестрѣли они предо мною на страницахъ его Сборника. Одно только озадачило меня: текстъ объясненія, анализъ драмы, характеристика лицъ, схема размѣровъ—все это рабски, механически, подъ часъ безтолково, скопировано съ нѣмецкихъ подлинниковъ и подобная копировка давно мнѣ извѣстна какъ характеристическая черта изданій г. Григоревскаго. А греческо-русскій словарь! Вѣдь это трудъ самостоятельный! А г. *Григоревскій и самостоятельный трудъ*—это два понятія совершенно несомѣстимыя! Я, слѣдовательно, а priori рѣшилъ, что и словарь долженъ быть откуда нибудь не только что заимствованъ, а, по обычаю г. Григоревскаго, рабски списанъ, и принялся искать тотъ подлинный греческо-русскій словарь, съ котораго г. Григоревскій списалъ „свой“ словарь. Искаль, искаль и съ Божіею помощію нашель.

Въ 30-тыхъ годахъ при С.-Петербургской второй гимназій состоялъ учителемъ греческаго языка скромный, аккуратный, трудолюбивый нѣмецъ Карлъ Кюльштетъ (Kühlstaedt), добрая память о которомъ сохранилась, какъ мнѣ лично извѣстно, во многихъ изъ бывшихъ учениковъ его. Этотъ-то нѣмецъ и издалъ въ 1838 году дѣйствительно первую греческую трагедію въ Россіи, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Sophoclis tragoedia Philoctetes. Ad optimarum editionum fidem recensuit, brevi annotatione tam grammatica quam exegetica explanavit, atque cum indice copioso in usum patriae juventutis graecarum litterarum studiosae edidit Dr. Carolus G. Kühlstaedt, litt. gr. in Gymnasio Petropolitano Sec. praeceptor. Mosquae. Typis Caesareae Universitatis. 1838. (8. XIII 383).“

Это трудъ въ высшей степени замѣчательный и совершенно самостоятельный. Введеніе написано по латыни, точно также какъ и весьма обильныя примѣчанія съ постоянными ссылками на грамматики Бутмана, Маттїа и Бернгарди съ нѣкоторыми довольно счастливыми конъектурами и критическимъ разборомъ конъектуръ, предложенныхъ другими учеными. Словарь (Index) занимаетъ изъ 383 страницъ 160 и составленъ съ образцовою нѣмецкой тщательностью. При каждомъ словѣ указываются стихи, въ которыхъ оно встрѣчается, при глаголахъ помѣщены неправильныя формы, вездѣ, гдѣ нужно, приведены цѣликомъ особыя фразы и выраженія, употребленныя Софокломъ, и, наконецъ, при каждомъ словѣ и выраженіи находится его значеніе по русски и по латыни, а иногда и по нѣмецки. И какова была участь этого почтеннаго автора? Сорокъ лѣтъ спустя о книгѣ его забыли до такой степени, что г. Григоревскій могъ,

повидимому, безнаказанно присвоить себѣ многолѣтній трудъ петербургскаго учителя 30-хъ годовъ и издать его подъ своимъ именемъ въ самомъ жалкомъ, искаженномъ видѣ. Возьмемъ на удачу рядъ словъ изъ словарей Кюльштета и г. Григоревскаго и сравнимъ ихъ между собой:

КЮЛЬШТЕТЪ.

Παρέρχομαι, прохожу мимо, praetereo; τὰ παρελθόντα, прошедшее, praeterita, 1358.

Παρέχω, подаю, praeebo, 957.

Παρίημι, оставляю, позволяю, передаю, препоручаю, permitto, concedo, trado, committo, 132, 1967; оставляю, omitto; unterlasse, 661.

Παρίστημι, представляю, prorono; part. perf. παρεστώς, настоящій, нынѣшній, praesens, instans, 734, 1340.

Πᾶρος, прежде, antea, 1192.

Πᾶς, Πᾶσα, Πᾶν, весь, цѣлый, каждаый, omnis, totus, summus, πᾶν κράτος, 142; cf. 396, 622, 927; οἱ πάντες, ceteri omnes; πᾶς τις, i. e., ἕκαστος, unusquisque, 174.

Πάσχω, aor. 2. ἔπαθον (v. Butt. gr. p. 905) терплю, претерпѣваю, ratio, perireo; παθεῖν ἀντίποινα, roenas perireti, luere, 316; παθών, injuria affectus, laesus, offensus, 323; τί ποτε πέπονδας, что сталося съ тобою? quid accidit tibi? 740; εὖ παθεῖν, въ благоволучи находиться, счастливымъ быть, bene agere, felicem esse, 503; παθεῖν θάτερα, i. e. καχῶς, несчастливымъ быть, 503; εὖ παθών, benevolentiam expertus, beneficiis affectus, 672.

Πατάσσω, бью, рублю, волю, ударяю, percutio, ferio, 748.

Πατέω, ступаю, хожу, прогуливаюсь, eo, ingredier, ambulo; χεῖρε τὴν Λήμνον πατῶν, vale et Lemnum tuam obambula, i. e. in Lemno remaneas, 1060.

Πάτρα, ἡ, отечество, patria, 222, 1430.

Πατριος, ἰα, ἰον, отеческій, отечественный, paternus, patrius, 365, 724.

ГРИГОРЕВСКІЙ.

Παρέρχομαι, прохожу мимо; τὰ παρελθόντα прошедшее.

Παρέχω, подаю.

Παρίημι позволяю, передаю, препоручаю.

Παρίστημι представляю, perf. παρεστώς настоящій.

Πᾶρος, прежде.

Πᾶς, πᾶσα, πᾶν, весь, цѣлый.

Πάσχω, терплю, претерпѣваю; εὖ παθεῖν, счастливымъ быть.

Πατάσσω, бью, рублю, волю.

Πατέω, ступаю, хожу, прогуливаюсь.

Πάτρα, ἡ, отечество.

Πατριος, 3. отечественный.

КЮЛЬШТЕТЪ.

Πατρῶς, α, ου, отцовскій, отъ отца
наслѣдуемый, paternus, 365, 724.

Παύλα, ης, η, покой, отдыхъ, утише-
нiе, усмиренiе, конецъ, cessatio, quies,
finis, 1329.

Παυστήρ, ἦρος, ὅ, прекратитель, окан-
чивающій, утишающій, облегчающій
чтонибудь, τῆς νόσου, 1438, medicus
mali s. morbi, врачъ, который издѣлать
твой недугъ.

Παύω τινά τινος, прекращаю, оканчи-
ваю, утишаю, останавливаю, finem im-
pono, utrimo, coëgeo, lenio, sedo: παύειν
τῆν βίασιν ἀλγους pedem dolore liberare
s. pedis doloribus mederi, 1379; παύε
desine, 1275; med. перестаю, отстаю,
τινός, отъ чего, cesso, desino, quiesco;
νόσου, 1424; избавляюсь отъ болѣзни,
morbo levor; perf. κέπαραι, destiti, con-
ticutui, i. e. verbum non amplius addam,
dann kein Wort mehr! сей часъ замол-
чу, 1280. V. Butt. gr. p. 906.

Πεδίον, ου, τό, поле, равнина, страна,
campus, ager, regio, 920.

Πεδόν, ου, τό, низъ, земля, страна,
solum, terra, regio, 69, 546.

ГРИГОРЕВСКІЙ.

Πατρῶς, 3. отцовскій.

Παύλα, η, покой, отдыхъ, конецъ.

Παυστήρ, ἦρος, ὅ, облегчающій; τῆς
νόσου, врачъ.

Παύω τινά τινος, прекращаю, ути-
шаю, останавливаю; общ. перестаю, от-
стаю; τινός, отъ чего.

Πεδίον, τό, поле, страна.

Πεδόν, τό, низъ, земля, страна.

ОТДѢЛЬНЫЯ СЛОВА.

КЮЛЬШТЕТЪ.

ἽΟνομάζω, зову, называю, именую,
appello, voco; ὄνομα δ' ὠνομάζετο "Ελενος,
nomine appellabatur Helenus, 605.

Νεμεσότης, ἦ, ὄν, достойный негодо-
ванiя, осужденiя, reprehensione dignus,
vituperandus, 1194.

Στικτός, ἦ, ὄν, пестрый, пѣгій, va-
rius, maculosos, gefleckt, scheckig, 134.

Τοξευτός, ἦ, ὄν, adjunct. verb., изъ
лука убитый, telo confixus, 335.

Ἵπόστεγος, ου, подъ кровлею, въ до-
мѣ находящійся; οὐδέν ἐστ' ὑπόστεγον;
nec quidquam sub tecto s. intus est. 34.

ἽΑγαμέμνων, Agamemnon, rex Mycena-
rum, Atrai filius, frater Menelai, summus
Graecorum dux, Troiam obsidentium, 794.

ГРИГОРЕВСКІЙ.

ἽΟνομάζω, называю; ὄνομα δ' ὠνομά-
ζετο (sic) "Ελενος.

Νεμεσότης, достойный негодованiя,
осужденiя.

Στικτός, пестрый, пѣгій.

Τοξευτός, изъ лука убитый.

Ἵπόστεγος, подъ кровлею, въ домѣ
находящійся.

ἽΑγαμέμνων, Агамемнонь.

(*Παράρρημα-πέδον*). Эти 17 словъ занимають у Кюльштета цѣлыя двѣ страницы, а у г. Григоревскаго только 1/4 страницы. Благодаря геніальному способу сокращенія, изобрѣтенному и примѣненному г-мъ Григоревскимъ, состоящему просто-напросто въ выпущеніи латинскихъ значеній, отдѣльныхъ греческихъ выраженій, указаній на стихи и нѣкоторыхъ русскихъ значеній—всѣ 160 страницъ обильнѣйшаго и полезнѣйшаго словаря Кюльштета превратились въ 19 страницъ скуднаго и негоднаго словарика г. Григоревскаго. Не знаешь чѣмъ тутъ возмущаться: безцеремонностью, съ которою г. Григоревскій присвоилъ себѣ чужую литературную собственность, или же отвагою, съ которою онъ обошелся съ ней.

Теперь намъ становится понятнымъ, почему г. Григоревскій выбралъ именно *Филоклету* для изданія, а не *Антигону*, не *Царя Эдипа*, не *Аякса*. Дѣло въ томъ, что пока у насъ не существуетъ греческо-русскаго словаря, приспособленнаго для гимназій, не мыслимо издавать греческихъ классиковъ безъ специальныхъ словарей; а такъ какъ г. Григоревскій не въ состояннн составить собственный словарь къ чему бы то нибыло, то онъ, задумавъ издать трагедію Софокла, и наткнувшись на единственную драму, снабженную русскимъ словаремъ, а именно на *Филоклету*, въ изданіи Кюльштета, сялою этихъ обстоятельствъ былъ принужденъ издать именно *Филоклету*. Но онъ сдѣлалъ лишь выписку изъ словаря Кюльштета для того, чтобы замаскировать свой подвигъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, уменьшить стоимость изданія своей книги. Вотъ почему и появилась въ предисловіи г. Григоревскаго та идеальная скромность, которая насъ съ перваго взгляда такъ поразила. Составивъ свою книжку по Вундеру и Шнейдевиу, онъ не могъ не указать на этихъ ученыхъ, извѣстныхъ всему учебному міру, но прибавивъ къ этой жалкой компиляціи искаженный словарь д. Кюльштета, онъ не счелъ нужнымъ упомянуть объ этомъ, полагая, что всѣ давно уже забыли о „какомъ-то“ петербургскомъ гимназическомъ учителѣ 30-хъ годовъ и о его книгѣ. Однако, совѣсть все-таки не позволила г. Григоревскому печатно и прямо назвать чужой трудъ своимъ, а потому онъ предпочелъ не сказать ни слова въ своемъ предисловіи объ этомъ словарѣ, тѣмъ болѣе, что никто, не зная довольно рѣдкой въ настоящее время книги д-ра Кюльштета, не могъ бы догадаться, что г. Григоревскій совершилъ означенный поступокъ, а потому многіе и могли бы ему вѣнчить въ заслугу составленіе перваго греко-русскаго словаря къ Софоклову *Филоклету*. Но, возразятъ при этомъ, сход

ство словаря г. Григоревского со словарем г. Кюльштета могло быть чисто *случайное*? Противъ такого возраженія, не смотря на его нелѣпность, я былъ бы безоруженъ, если бы г. Григоревскій самъ не выдалъ себя своею *крайнею небрежностью*; эта небрежность и помѣшала ему схоронить всѣ концы въ воду. Дѣло въ томъ, что текстъ др. Кюльштета въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разнится съ текстомъ Вундера и Шнейдевина, принятаго г. Григоревскимъ. Списавъ словарь Кюльштета, г. Григоревскій не сообразилъ, что словарь этотъ не будетъ подходить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ къ измѣненному тексту Вундера и Шнейдевина, такъ что въ его изданіи очутились такіе куріозы, что, напр., иное слово въ текстѣ (Вундера или Шнейдевина) не находится въ словарѣ (Кюльштета) и, на оборотъ, нѣкоторые слова, помѣщенные въ словарь, не встрѣчаются вовсе въ текстѣ. Такъ, на-примѣръ: ст. 486 Кюльштетъ читаетъ *Τραχυνίαν τε δεираδα*, а Вундеръ *Τραχυνίαν τε σπλάδα*.

Такъ какъ г. Григоревскій, слѣдуя Вундеру, выбросилъ изъ текста слово *δεираδα*, которое нигдѣ болѣе во всей драмѣ не встрѣчается, то его нечего было и помѣщать въ словарь. Между тѣмъ, оно находится въ словарѣ г. Григоревского только потому, что оно находится въ словарѣ др. Кюльштета:

К.

Г.

δεираς, ἄδος, ἡ хребеть, jugum mon- *δεираς, ἄδος, ἡ* хребеть.
tis 491.

Съ другой стороны, вставивъ въ текстъ конъектуру Вундера *σπλάδα*, онъ долженъ былъ бы помѣстить это слово въ своемъ словарѣ, еслибъ только составилъ его самостоятельно, но слова *σπλάς* въ словарѣ г. Григоревского не находится, по той простой причинѣ, что оно не существуетъ ни въ текстѣ, ни въ словарѣ д-ра Кюльштета.

Точно также ст. 1,067 Кюльштетъ читаетъ *καὶ θνήσκοντι συνοίστη*, а Шнейдевиный, которому слѣдуетъ г. Григоревскій, *καὶ θνήσκοντι συνείστη*; но глагола *συνειδέναι* г. Григоревскій въ своемъ словарѣ не помѣстилъ, потому что его нѣтъ въ словарѣ д-ра Кюльштета, который, написавъ *συνοίστη*, не нуждался въ словѣ *συνειδέναι*.

Бываетъ и такъ, что въ примѣчаніи подъ текстомъ г. Григоревскій даетъ къ извѣстному слову одно значеніе (по Вундеру), а въ словарѣ помѣщаетъ при томъ же словѣ совершенно другое (по Кюльштету). Такъ, на-примѣръ, въ стихѣ 204 онъ велитъ переводить по Вундеру встрѣчающееся только здѣсь слово *φθογγά* не *голосъ*, а *шумъ*,

а въ словаряхъ Кюльштета и Григоревскаго мы находимъ слѣдующее „случайное“ совпаденіе:

К.

φθογγή, dog. φθογγά ἡ голосъ, vox | φθογγή, ἡ голосъ.
205.

Г.

Подобное же несчастіе случилось съ г. Григоревскимъ при стихѣ 697; въ примѣчаніи онъ объясняетъ эпитетъ ἀλφεισταί по Шнейдевину такимъ образомъ: „отъ ἀλφι и ἔδειν называются люди по главному предмету пищи въ противоположность богамъ, питающимся нектаромъ и амброзіей“. А въ словарѣ стоитъ по Кюльштету: „ἀλφειστής ὁ, изобрѣтательный, трудолюбивый“, т. е. предполагается происхожденіе этого слова отъ глагола ἀλφάνω *добываю*.

Этихъ примѣровъ болѣе чѣмъ достаточно для опредѣленія того, въ какой мѣрѣ самостоятельно дѣйствовалъ г. Григоревскій при составленіи своего греческо-русскаго словаря.

Обратимся теперь къ введенію и къ подтекстнымъ примѣчаніямъ, которыми г. Григоревскій снабдилъ своего Филоктета. Эту часть его работы я назвалъ жалкою компиляціею, испещренною ошибками, происшедшими отъ небрежности и отъ незнанія греческаго, латинскаго, нѣмецкаго и даже русскаго языковъ. Обвиненіе мое не будетъ голословно. Я приведу въ доказательство его наглядные примѣры, при чемъ долженъ замѣтить, что могу сообщить только выдающіеся примѣры, такъ какъ всѣхъ ихъ перечислить нѣтъ физической возможности, и къ тому же разбираемая мною книжка не стоитъ даже половины того труда, который я на нее посвятилъ.

Итакъ, начнемъ съ небрежности, — самой выдающейся черты издательской дѣятельности г. Григоревскаго.

Небрежность видна всюду: въ составленіи введенія, въ выборѣ и изложеніи комментаріевъ, въ нумераціи стиховъ, въ обилии опечатокъ.

Введеніе составлено не по Вундеру, а по Шнейдевину, по той простой причинѣ, что Вундеровское введеніе написано по латыни, а Шнейдевиновское по нѣмецки; г. же Григоревскій, какъ мы увидимъ ниже, самъ считаетъ себя слабымъ въ знаніи латинскаго языка, хотя его познанія и по нѣмецкому языку, какъ мы тотчасъ убѣдимся, далеко не завидны.

Если бы г. Григоревскій взялъ Шнейдевиновское введеніе, перевелъ бы его цѣликомъ, и при томъ вѣрно, то въ этомъ не было бы большой бѣды. На дѣлѣ же оказывается, что г. Григоревскій, совершенно неизвѣстно почему, пропустилъ весьма существенную часть

Шнейдевиновскаго введенія. Читатель съ трудомъ повѣритъ тому, что я тотчасъ ему сообщу: изъ введенія г. Григоревскаго *совершенно нельзя узнать* такихъ необходимыхъ вещей, какъ, на примѣръ: кто такой Филоктеть? какимъ образомъ ему достались лукъ и стрѣлы Геракла? Какъ онъ попалъ на островъ Лемносъ? За что онъ ненавидитъ Одиссея? Почему у него на ногѣ рана? Читатель спроситъ меня: о чемъ же послѣ этого говорится во введеніи г. Григоревскаго? А говорится тамъ только о томъ, почему Ахеяне послали Одиссея съ Неоптолемомъ за Филоктетомъ, о томъ, что и другіе авторы писали трагедіи на ту же тему, и, наконецъ, о томъ, въ которомъ году былъ поставленъ на сцену Софокловъ Филоктеть. Затѣмъ идетъ, по Шнейдевину, подробный „анализъ драмы“, то-есть, по просту сказать, разказъ о томъ, что въ каждой сценѣ происходитъ, и заканчивается введеніе „характеристикой дѣйствующихъ лицъ“, также по Шнейдевину. Анализъ драмы и характеристика эта далеко не столь необходимы для пониманія драмы, какъ именно сообщеніе тѣхъ фактовъ изъ времени предшествовавшаго началу дѣйствія, о которыхъ г. Григоревскій по невѣроятной своей небрежности счелъ лишнимъ упомянуть. Напротивъ, онъ долженъ былъ бы выбросить именно этотъ „анализъ“ и эту „характеристику“, если бы прочелъ и понялъ совершенно вѣрныя слова, которыми Вундеръ заканчиваетъ свое предисловіе: „Diligenter cavi ne aut de singularum partium fabulae argumento aut de personarum vitiis et virtutibus aut de arte et consilio poëtae ea proferrem, quae verbis recte intellectis cum ceteri lectores sua sponte, tum etiam discipuli duce ac moderante magistro facile per se ipsi possent investigare“.

Но и это бы еще ничего, если бы г. Григоревскій перевелъ *вѣрно* хотя ту часть Шнейдевиновскаго введенія, которую онъ заблагодарсудилъ не забраковывать. Но тутъ мы наталкиваемся на такія несообразности, что просто руки опускаются. Такъ, на примѣръ, на первой же страницѣ мы узнаемъ слѣдующія открытія г. Григоревскаго: „Лесхесъ Лесбоскій“ (кто онъ такой? ученику неизвѣстно) „въ произведеніи своемъ *Ἰλιάς* (sic!) *μικρά* передастъ, что по смерти *Ἀχιλλέως* греческіе предводители стали уже сомнѣваться въ возможности овладѣть Троей“: этого Лесхесъ никогда не говорилъ. Справляемся съ Шнейдевиномъ и видимъ, что г. Григоревскій хотѣлъ въ своемъ переводѣ написать „по смерти *Ἀχιλλέως*“, а написалъ почему-то *Ἀχιλλέως*. Вообще собственные имена—слабая сторона г. Григоревскаго; такъ, на примѣръ, послѣднее изданіе Вундеровскаго Филоктета сдѣлано

ученымъ Веклейномъ, а г. Григоревскій называетъ его Welcklein; во 2-мъ изданіи его „Сборника примѣровъ“ мы все еще читаемъ знаменитую фразу, на которую я уже указывалъ въ своей рецензій 1-го изданія: „Мы удивляемся *Θμιστοκλυ*, сильному оратору Аѳинявъ и врагу Филиппа, царя Македонявъ“. А нѣсколько строчекъ ниже, на 1-й страницѣ введенія къ Филоклету, находимъ, что „Неоптолемъ былъ сынъ Ахиллеса отъ *Δειλιανης*, дочери царя Ликомеда“. Открываемъ Шнейдевина и читаемъ: „*Neoptolemus, Achilleus Sohn von Deidameia, Tochter des Königs Lykomedes*“. Какая мелочная придирчивость! подумаетъ г. Григоревскій. Развѣ для ученика въ сущности не все равно — *Θμιστοκλυ*, Демосѳенъ, Аяксъ, Ахиллесъ, Дейлиира, Дейдамея? Конечно ученику это все равно, если онъ будетъ имѣть несчастье учиться по учебникамъ г. Григоревскаго. Дальше мы читаемъ, все на той же первой страницѣ, что „Парисъ былъ храбрѣйшій защитникъ Троянцевъ“. Что за странность! Опять открываемъ Шнейдевина и читаемъ: „*der seit Hektors und Memmons Fall die Troer am kräftigsten schützende Paris*“. Почему же г. Григоревскій не упомянулъ о Гекторѣ и Мемновѣ? Все потому же, что для него собственныя имена — ничто иное какъ пустыя, ничего не значущія звуки.

Въ такомъ же родѣ составлены и остальные страницы введенія; всѣ онѣ исполнены неточностями, недомолвками, несообразностями, противорѣчїями, въ которыхъ можетъ убѣдиться всякій, сличивъ подлинникъ Шнейдевина съ переводомъ г. Григоревскаго. Не могу, однако, не упомянуть о слѣдующемъ примѣрѣ, который ясно покажетъ степень знакомства г. Григоревскаго съ нѣмецкимъ языкомъ, съ котораго онъ взялся переводить свое введеніе. На страницѣ XI, въ концѣ, онъ пишетъ: „*Когда вновь появился Одиссей, Филоклетъ направляетъ противъ него стрѣлу, которую удерживаетъ Неоптолемъ, и Одиссей уже болѣе не показывается на сценѣ, такъ какъ положеніе его при характерѣ Филоклета и Неоптолема совершенно обрисовано*“. Неужели и у Шнейдевина такая же путаница? Посмотримъ: „*Als Odysseus wiederum aus seinem Versteck hervorkommt, richtet Philoktet den Bogen gegen ihn, doch hält Neoptolemos ihn ab und Odysseus entkommt, um fortan nicht wieder einzugreifen, da sein Anschlag an dem Charakter des Philoktet und Neoptolemos vollständig gescheitert ist*“. И такъ слово *Anschlag* значить, по мнѣнію г. Григоревскаго, не замыселъ, а положеніе, глаголъ же *scheitern* — не терпѣть крушеніе, а обрисовывать! И такіе промахи противъ нѣмецкаго языка встрѣ-

чаются у г. Григоревскаго на каждомъ шагѣ. Такъ, во 2-мъ изданіи его „Сборника“ при греческомъ словѣ ἀέλωτος, переведенномъ Везенеромъ unversehrt, то-есть, *неожиданный*, все еще красуется небывалое значеніе *безнадежный*. О томъ, на сколько г. Григоревскій знаетъ греческій и латинскій языки, мы поговоримъ ниже. Теперь же, при разборѣ его введенія невольно приходится обратить вниманіе на ту небрежность, съ которою онъ трактуетъ русскую стилистику. Какъ вамъ понравятся періоды въ родѣ слѣдующихъ?

Страница VII: „До сихъ поръ Неоптолемъ только *общимъ образомъ* (im Allgemeinen) зналъ о цѣли своего путешествія. Одиссей теперь сообщаетъ ему въ подробности о предназначенной для него роли, именно онъ долженъ обмануть Филоктета. Одиссей, склонивши Неоптолема дѣйствовать по указанному плану, уходитъ со сцены, обѣщая, въ случаѣ Неоптолемъ слишкомъ замедлитъ, выслать къ нему передѣлтаго слугу, изъ разговоровъ котораго онъ долженъ брать то, что необходимо его цѣли“.

Или на той же страницѣ внизу:

„Филоктетъ въ подробности описываетъ собственныя страданія, на которыя выше указано“ (нигдѣ выше ничего объ этомъ не говорится) „и честный, полный довѣрія разказъ его кажется тѣмъ болѣе трогательнымъ, сравнительно съ извѣстными намъ хитрыми замыслами противъ него“.

Или на стр. X-й:

„Но высшею судьбою назначенъ этому дѣлу совсѣмъ иной исходъ, при чемъ стремленія и расчеты человѣка, не смотря ни на какія усилія, должны остаться безуспѣшными; поэтому оказывается необходимымъ вмѣшательство божественной силы, чтобы распутать этотъ dignus vindice nodus“. Это, видите ли, г. Григоревскій пытается оправдать появленіе Геракла въ концѣ драмы какъ deus ex machina.

Вотъ еще мѣсто на стр. XIII: „Филоктетъ оказывается достойнымъ товарищемъ Геракла, сдѣлавшись по своимъ нравственнымъ силамъ *господиномъ страданій и лишеній въ безпомощномъ одиночествѣ и отъ мучительныхъ физическихъ болей*. Поэтому нисколько не роняетъ его достоинства то, что онъ рѣшительно и упорно отказываетъ врагамъ своимъ (въ чемъ?), которыхъ нужда заставила наконецъ вспомнить объ немъ“.

Всѣ эти стилистическія ошибки объясняются неумѣніемъ г. Григоревскаго переводить съ нѣмецкаго языка на русскій. Итакъ, мы

видимъ, что г. Григоревскій, при переводѣ введенія Шнейдевина, самое существенное пропустилъ, а совершенно лишнее удержалъ и перевелъ безобразнѣйшимъ образомъ. Но есть еще свѣдѣнія, которыхъ Шнейдевинъ въ своемъ введеніи не даетъ, а нѣкоторыя не худо было бы сообщить въ своемъ введеніи г. Григоревскому.

Я разумѣю нѣкоторыя реальныя свѣдѣнія о греческомъ театрѣ, о дѣленіи греческихъ драмъ на составныя части и, наконецъ, о значеніи хора въ греческихъ трагедіяхъ. Въ изданіяхъ, предназначенныхъ для нѣмецкихъ гимназій, подобныя свѣдѣнія, можетъ быть, излишни, но для русскихъ гимназій они положительно необходимы. Что такое хоръ? Что такое оркестра? (г. Григоревскій пишетъ „въ ниже расположенномъ оркестрѣ“; онъ при этомъ думаетъ объ *оркестръ*). Что такое θεολογείον? Что такое протагонистъ, девтерогонистъ (г. Григоревскій пишетъ девтерогонистъ), тритагонистъ? Далѣе: что такое Эпизодионъ, Стазимонъ (г. Григоревскій пишетъ стизимонъ), Коммосъ, Экзодосъ? Эти слова то и дѣло встрѣчаются во введеніи Шнейдевина, переведенномъ г. Григоревскимъ, но у переводчика нѣтъ нигдѣ ни малѣйшаго намека на ихъ значеніе, а между тѣмъ эти слова пока еще не понятны не только для нашихъ учащихсѣ, но и для многихъ изъ учащихъ.

Пора, однако, перейти къ подтекстнымъ примѣчаніямъ.

При тщательномъ сличеніи ихъ съ примѣчаніями Вундера и Шнейдевина, я пришелъ къ тому неопровержимому убѣжденію, что въ примѣчаніяхъ г. Григоревскаго *положительно нѣтъ ни одной буквы, написанной имъ по собственному, самостоятельному побужденію*: всѣ его примѣчанія отъ перваго до послѣдняго представляютъ только болѣе или менѣе неудачный переводъ примѣчаній Вундера и Шнейдевина. Но это еще не все. Здѣсь все-таки видна строго выдержанная съ начала до конца система воздержанія отъ собственнаго мнѣнія. Но вотъ гдѣ я старался найти систему и не могъ найти ее—это въ выборѣ примѣчаній. Почему такое-то примѣчаніе взято у Вундера, а такое у Шнейдевина, почему одно изъ нихъ удержано, а другое выброшено? Возможнымъ представляется только одинъ отвѣтъ: потому что въ выборѣ примѣчаній дѣйствовалъ слѣпой случай. Для г. Григоревскаго было совершенно все равно, какія примѣчанія будутъ стоять подъ его текстомъ, лишь бы они стояли, и на оберткѣ можно было напечатать „греческій текстъ съ объясненіями, анализомъ, драмы и греческо-русскимъ словаремъ“. Въ одномъ отношеніи, однако, видно, что г. Григоревскій все-таки нѣкоторыя примѣчанія предпо-

читаль другимъ. Дѣло въ томъ, что Вундеръ, а отчасти Шнейдевинъ, снабдилъ свое изданіе весьма обильными схоліями и этимъ, конечно, только возвысилъ достоинство своей прекрасной книги. Но схоліи эти занимаютъ въ изданіи Вундера весьма скромное мѣсто въ сравненіи съ его собственными обильными и пространными объясненіями. Эти-то схоліи приписались очень по вкусу г. Григоревскому и это весьма естественно. Схоліи представляли ему двойную выгоду: 1) ихъ не надо было переводить на русскій языкъ, а можно было прямо помѣщать цѣликомъ по гречески, и 2) примѣчанія, переполненныя греческими схоліями, придали его книжкѣ весьма ученый видъ. Г. Григоревскій не могъ упустить изъ виду это выгодное свойство греческихъ схолій и воспользовался ими въ весьма обширныхъ размѣрахъ; примѣчанія, переведенныя имъ, очень и очень скудны въ сравненіи съ примѣчаніями Вундера и Шнейдевина, но нѣтъ ни одной страницы, на которой не было бы помѣщено *in extenso* по гречески то, что къ такому-то стиху замѣчаетъ „Схоліастъ“ (при этомъ нужно замѣтить, что г. Григоревскій постоянно пишетъ *Схоліастъ* съ прописною буквой, такъ что ученики, пользуясь книгой г. Григоревскаго, могутъ, подобно ему, легко вообразить себѣ, что схоліастъ—имя собственное). Что же оказывается въ результатѣ? Оказывается, что слова „Схоліаста“ занимаютъ даромъ мѣсто въ книгѣ г. Григоревскаго. Чтобы воспользоваться ими, нужно сперва понять ихъ, чтобы понять—перевести, чтобы перевести—уразумѣть значеніе каждаго слова, а это-то невозможно, потому что др. Кюльштетъ составилъ свой словарь только къ словамъ Софокла, а не къ словамъ его греческихъ толкователей; отъ г. же Григоревскаго нельзя было и ожидать, чтобы онъ хоть въ этомъ доказалъ свою самостоятельность и прибавилъ къ словарю др. Кюльштета списокъ словъ, употребленныхъ „Схоліастомъ“. Гораздо бы лучше было, если бы онъ сообщилъ слова „Схоліаста,“ въ русскомъ переводѣ, но ужъ это, конечно, ему не подъ силу. Безъ небрежности дѣло, конечно, и здѣсь не обошлось. Изъ многихъ примѣровъ самый разительный находится въ примѣчаніи къ стиху 397.

Въ текстѣ стоятъ слова: αἶψα ὑπέρατον. Эти слова могутъ быть отнесены или къ богинѣ Реѣ, и въ такомъ случаѣ, они будутъ стоять въ звательномъ падежѣ, или же это будетъ винительный падежъ и будетъ относиться къ оружію Ахиллеса, отданному Атридами Одиссею. Схоліастъ и объясняетъ это въ слѣдующихъ словахъ: αἶψα ὑπέρατον ᾧ Ῥέα. ἢ νοητέον τοῦτο ἐπὶ τῶν ὀπλῶν. Вундеръ стоитъ

за первое предположеніе, Шнейдевинъ за второе. А что дѣлаеть г. Григоревскій? Онъ даетъ намъ къ названному стиху слѣдующее примѣчаніе: „397. Схол.: *σέβας ὑπέρτατον* оружія, составляющія его величайшую гордость“. Что-же именно „Схолиастъ“ замѣчаетъ къ словамъ Софокла *σέβας ὑπέρτατον*, и чьи это слова, поставленныя г. Григоревскимъ между вносными знаками? При сличеніи съ подлинниками Вундера и Шнейдевина оказывается, что первыя три слова примѣчанія г. Григоревскаго „Схол. *σέβας ὑπέρτατον*“ заимствованы имъ у Вундера, а послѣднія представляютъ переводъ мнѣнія Шнейдевина. Такихъ несообразностей у г. Григоревскаго очень много.

Итакъ, третья часть всѣхъ примѣчаній г. Григоревскаго, схолии, вѣкуда не годятся, ибо ученикъ, не имѣя возможности понять ихъ, не можетъ ими воспользоваться. Они, слѣдовательно, не сближаютъ его съ Софокломъ, а только отталкиваютъ отъ него.

Перейдемъ теперь къ остальнымъ примѣчаніямъ, то-есть, къ тѣмъ отрывкамъ изъ комментарія Вундера и Шнейдевина, которые г. Григоревскій заблагоразсудилъ помѣстить въ болѣе или менѣе искаженномъ видѣ подъ изданнымъ имъ текстомъ Софокла. Что касается примѣчаній Вундера и Шнейдевина, *болѣе искаженныхъ* г. Григоревскимъ, то имъ и счету нѣтъ, а можно для наглядности вообще раздѣлить ихъ на три группы: 1., примѣчанія, искаженныя вслѣдствіе небрежности г. переводчика; 2., примѣчанія, искаженныя вслѣдствіе неуклюжаго или неточнаго перевода на русскій языкъ, и 3., примѣчанія, искаженныя вслѣдствіе незнанія языка подлинника.

Нужно отдать, впрочемъ, справедливость г. Григоревскому въ томъ, что большинство примѣчаній искажено все-таки вслѣдствіе простой, крайней небрежности его. Сюда относится, напримѣръ, весь легионъ опечатокъ, изъ которыхъ самъ г. Григоревскій замѣтилъ только 11 довольно невинныхъ. Между незамѣченными имъ находятся, однако, нѣкоторыя весьма подозрительнаго свойства; я уже выше сказалъ, что г. Григоревскій пишетъ *Ἰλιάς* вмѣсто *Ἰλιάς*; кромѣ того весьма знаменательны слѣдующіе „lapsus calami“: прим., ст. 72. *Ἐλλένῃ*; къ ст. 83-й *ἀναδίαν* вм. *ἀναδείαν* какъ стоитъ у Вундера и Шнейдевина; къ ст. 159 *apodosys* вм. *apodosis*; къ ст. 242 *τίς στόλος* *qua causa itineris* вм. *quae causa*; къ ст. 318 *περασθεῖς* вм. *περαθεῖς*.

Сюда же относятся такія, „обмолвки“, какъ напримѣръ, въ примѣчаніи въ ст. 254: „μηδ'αυοῦ γῆς γῆς“ зависить „отъ нарѣчія *ερε-*

мени“; или къ ст. 1,040: „отрицаніе „относится къ ad verbum finitum“.

Если же случается ошибиться или обмолвиться самому Вундеру, то можно быть заранѣе увѣреннымъ, что г. Григоревскій этого никогда не замѣтитъ и скопируетъ ошибку съ рабскою тщательностію. Вотъ доказательство: въ примѣч. къ ст. 336 Вундеръ ошибочно написалъ Philoctetes вмѣсто Neoptolemus; въ примѣч. къ ст. 443 Ἄιδου вм. Ἄιδου; наконецъ, въ примѣч. къ ст. 830 εὐδραχῆς вм. εὐδραχῆς; всѣ эти ошибки тщательно воспроизведены г. Григоревскимъ.

На реальную сторону примѣчаній г. Григоревскій не обратилъ никакого вниманія, не сообразивъ, что наши ученики въ нихъ сильно нуждаются даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они могутъ быть излишни для нѣмецкихъ гимназистовъ; такъ, напримѣръ: въ прим. къ ст. 134, 342, 484, 617, 1,007, 1,907, упоминаются безъ малѣйшаго объясненія Аѳина Πολιάς, Зевесъ Πολυεύς, Фениксъ, Εὐβοϊκὰ σταθμὰ, Σίσυφος, Τροίας κεδίον, хитрость Паламеда и т. п.

Весьма многочисленны примѣчанія, которыя совершенно непонятны вслѣдствіе произвольнаго выпущенія основаній и доказательствъ Вундера. Таковы примѣчанія къ ст. 131, 159, 229, 283, 357, 446, 560, 590, 617, 624, 696, 720, 801, 857, 938, 987, 1,096, 1,128, 1,133, 1,299, 1,390, 1,407. Иной разъ это краткословіе доводитъ г. Григоревскаго до несообразностей. Вотъ нѣсколько подобныхъ примѣровъ: въ ст. 312, 313 Филоктеть, жалуясь на обиды, испытанныя имъ отъ прочихъ Грековъ, говорить:

τοιαῦτ' Ἀτρεΐδαί μ' ἤ τ' Ὀδυσσεώς βία
ὦ καὶ δεδράκασι.

Къ этимъ стихамъ г. Григоревскій даетъ слѣдующее объясненіе: „312. Гомерическое выраженіе „βίη Διομήδεος“ здѣсь и ниже 592 употребляется собственно для указанія на производимыя имъ насилія“. Къ чему тутъ прилетенъ Діомедъ? На какия здѣсь указываются насилія и къѣмъ они произведены? Все это остается неразрѣшимымъ вопросомъ. Обращаемся къ ст. 592, на который ссылается г. Григоревскій, но и тамъ мы не находимъ отвѣта: тамъ также стоитъ ἤ τ' Ὀδυσσεώς βία. Приходится обратиться къ Вундеру, у котораго мы встрѣчаемъ, наконецъ, полное, очень ясное примѣчаніе, безпощадно искаженное г. Григоревскимъ. Вундеръ говоритъ: „Acute poeta hic et infra 592 locutionem Homericam Αἰεΐαιο βίη, βίη Διομήδεος, in Ulixem potissimum transfert ita tamen, ut non robur et fortitudinem, sed vim aliis ab illo fieri solitam cogitet collocutor. *Buttm*“.

Къ ст. 551 и 552, φράσον δ' ἄπερ γ' ἔλαξας, ὡς μάθω, τί μοι
νεώτερον βούλευμ' ἀπ' Ἀργείων ἔχεις

Г. Григоревскій замѣчаетъ „552 νεώτερον въ смыслѣ положительномъ.“ Что это значитъ? Неωτέρον употреблено, слѣдовательно, въ положительномъ, а не въ отрицательномъ смыслѣ? Непонятно! Открываемъ Вундера и читаемъ: *Comparativi notio non urgenda sed ponitur fere pro positivo*“.

Въ ст. 711. Гераклъ называется
χάλασπις ἀνὴρ θεός.

Г. Григоревскій замѣчаетъ:

„711. χάλασπις выражается безсмертіе, достигнутое храбростью, и потому не упоминается о львиной шкурѣ, дубинѣ и лукѣ, съ которыми странствовалъ Гераклъ“. Неправда ли какъ логично? Это, видите-ли, переводъ слѣдующихъ словъ Шнейдевина: „Das Epitheton χάλασπις stimmt zu der älteren Vorstellung der Poësie und Kunst, die den Herakles gleich anderen Heroen Kriegsthaten vollbringen liess, bis die lyrischen Dichter Alkman und Stesichoros und der Epiker Pisander die später stehend gewordene abenteuerliche Ausstattung mit Löwenhaut, Keule und Bogen aufbrachten, vgl. zu Trach. 510 ff. *Hier soll wohl nur die durch Tapferkeit erworbene Unsterblichkeit ausgedrückt werden.*“

Въ ст. 604 и 605 сказано:

εἰ μὴ τόνδε πείσαντες λόγῳ
ἄγοιντο νήσοο τῆσδ' ἐφ' ἧς ναίει τὰ νῦν.

Г. Григоревскій пишетъ:

„605. ἄγοιντο νήσοο τῆσδε] Родительный въ зависимости отъ несложнаго ἄγεσθαι нерѣдко встрѣчается у Софокла. Напримѣръ: 630. νεῶς ἄγοντα, 1002 πέτρας πεσῶν“.

Какъ эти два примѣра могутъ служить подтвержденіемъ такого правила, никто никогда не пойметъ. Что же сказано у Вундера? „Notandus genetivus, ex simplici verbo ἄγεσθαι aptus.—*Ejusdem generis apud Sophoclem haec reperiantur: v. 630 νεῶς ἄγοντα, 1002 πέτρας πεσῶν*“ и мн. друг.“

Курьозны также примѣчанія къ стихамъ 415, 491, 1405 и 1424.

Весьма комично бываетъ положеніе г. Григоревскаго, когда ему приходится имѣть дѣло съ какимъ нибудь испорченнымъ мѣстомъ. Критически разобрать все конъектуры и остановиться на какой либо изъ нихъ — трудъ несоразмѣрный съ филологическими позваніями г. Григоревскаго; о возможности предложить какую нибудь собствен-

ную конъектуру и думать нечего; остается только одно средство, въ которому и прибѣгнуль г. Григоревскій, отзываясь, наиримѣрь, о стихахъ 419 и 549 (которые всѣми комментаторами разобраны по косточкамъ), — въ такихъ лаконическихъ выраженіяхъ, какъ „мѣсто испорченное и доселѣ не выясненное“ или же „вообще запутано“. Вотъ еще куріозъ: стихъ 1416 по своему смыслу противорѣчилъ предъидущему 1415 стиху. Вундеръ исправилъ 1415 стихъ и противорѣчіе исчезло. Г. Григоревскій вводитъ въ текстъ поправку Вундера, а въ примѣчаніи, выписанномъ на этотъ разъ изъ Шнейдевина (не принявшаго поправку Вундера), помѣщаетъ слѣдующія слова: „Стихъ 1416 считается не подлиннымъ и состоитъ въ примомъ противорѣчій съ предшествующимъ“. Изъ такихъ словъ видно, что г. Григоревскій даже не подумалъ *въ чемъ* именно состояло прототиворѣчіе этихъ стиховъ и такимъ образомъ попался въ просакъ, подобно ученику, списывающему у товарищей заданный письменный урокъ. Г. Григоревскій часто, ни къ селу, ни къ городу, помѣщаетъ въ свои примѣчанія полемику Вундера съ Готфридомъ Германомъ и Дндорфомъ. А въ примѣч. къ ст. 1435 онъ пишетъ: „Весьма вѣроятна конъектура Германа (какой это „Германъ“? спроситъ ученикъ), который *возстановляетъ* *λεῖποναι* *ὁ δῆ*“ и т. д. Что же *возстановляетъ* тутъ Германъ въ своей конъектурѣ? Не первоначальное же чтеніе, которое весьма отличается отъ его конъектуры. Что здѣсь возстановлено Германомъ безъ помощи Вундера отъ г. Григоревскаго узнать нельзя. Оказывается же, что Германъ здѣсь возстановляетъ требуемый по размѣру *versus paroemiacus*, о которомъ г. Григоревскій не говоритъ ни слова.

Всѣ случаи небрежности г. Григоревскаго перечестъ и утомительно, и невозможно. Укажу только еще на то обстоятельство, что онъ почему-то нашелъ нужнымъ снабдить изданный имъ текстъ двойнымъ счетомъ стиховъ, при чемъ счетъ большими цифрами есть счетъ Вундеровскій, а меньшими—общепринятый. Это бы еще ничего, еслибъ онъ держался при этомъ въ своихъ примѣчаніяхъ только Вундеровскаго изданія, а то теперь выходитъ, что во введеніи, списанномъ съ Шнейдевина, ссылки на стихи дѣлаются по общепринятому счету, а въ примѣчаніяхъ и по тому, и по другому, —смотря потому, списано ли примѣчаніе у Шнейдевина или Вундера. Нигдѣ объ этой разницѣ смылокъ у г. Григоревскаго не сказано, такъ какъ онъ, вѣроятно, и самъ ея не замѣтилъ и не подпискивалъ тѣхъ стиховъ, на которые ссылается въ „своихъ“ примѣчаніяхъ; пользоваться же книгой г. Гри-

горевскаго, вслѣдствіе этой путаницы въ счету, весьма затруднительно.

Перейдемъ теперь къ примѣчаніямъ, искаженнымъ вслѣдствіе неточности перевода. Ихъ чрезвычайно много; въ особенности отличаются въ этомъ отношеніи примѣчанія къ стихамъ: 1, 10, 13, 22, 32, 45, 58, 91, 137, 184, 191, 221, 229, 262, 269, 288, 290, 293, 300, 486, 511, 644, 659, 825, 844, 878, 956, 998. Неумѣлость г. Григоревскаго въ переводахъ на русскій языкъ и его невозможный стиль намъ давно уже знакомы и изъ его Сборника, и изъ его грамматики и наконецъ, изъ нѣкоторыхъ вышеуказанныхъ примѣровъ. Сообщу только одинъ примѣръ, *sed non pro multis*.

Въ ст. 511 и 513 Неоптолемъ, обращаясь къ хору, говоритъ: „Ты теперь просишь, чтобъ я взялъ Филоктета на нашъ корабль; смотри, чтобы ты впослѣдствіи не оказался несогласнымъ съ этими словами“:

ὄρα σύ, μὴ νῦν μὲν τις εὐχέρης παρῆς,
τότ' οὐκέθ' αὐτὸς τοῖς λόγοις τούτοις φανῆς.

Къ этимъ стихамъ г. Григоревскій даетъ такое примѣчаніе:

„513. Смысль: οὐκέτι ὁ αὐτὸς σοὶ τῶ ταῦτα λέγοντι. Поставленъ предметъ *вм. субъекта*, какъ бываетъ при сравненіи“.

Гдѣ тотъ русскій учитель или ученикъ, который пойметъ это примѣчаніе? Что хотѣлъ сказать г. Григоревскій? Хотѣлъ онъ перевести слѣдующія слова Вундера: „*Nes (τοῖς λόγοις) pro homine (σοὶ) posita, ut in comparatione*“.

Итакъ, г. Григоревскій переводитъ слово *homo* словомъ *субъектъ*; въ польскомъ языкѣ это, кажется, возможно, но по русски слово *субъектъ* кромѣ обыкновеннаго грамматическаго значенія „подлежащее“ употребляется только въ презрительно-насмѣшливомъ значеніи. Самостоятельныхъ примѣчаній, какихъ нибудь сближеній съ русскимъ языкомъ, даже тамъ, гдѣ эти сближенія сами напрашиваются, г. Григоревскій не дѣлаетъ по той простой причинѣ, что ни Вундеръ, ни Шнейдевицъ, не зная русскаго языка, не занялись этимъ. Такъ, напримѣръ, въ ст. 1226 Филоктетъ восклицаетъ въ отчаяніи: „ἔστω τὸ μέλλον“, слѣдовательно, точь въ точь какъ мы говоримъ „пусть будетъ что будетъ!“ Нѣмецъ Вундеръ ожидать здѣсь восклицанія, соответствующаго нѣмецкому „*Mag kommen was da wi!*“, и потому и написалъ въ замѣчаніи „*Pro ἔστω sensus postulat ἔτω*“. И г. Григоревскій не смѣетъ думать иначе и рабски копируетъ. „*Вм. ἔστω, по смыслу требуется ἔτω*“!

Трудно повѣрить, но это такъ! Можно предположить, что г. Григоревскій переводилъ примѣчаніе Вундера и Шнейдевина, не имѣя предъ собой текста Софокла.

Теперь остается только указать на примѣчанія, искаженные вслѣдствіе того, что г. Григоревскій взялся переводить ихъ съ нѣмецкаго и латинскаго, то-есть, съ языковъ, въ которыхъ онъ имѣетъ весьма шаткія познанія.

Начнемъ съ мелочей:

Примѣчаніе къ ст. 104. *ισχύος θράσος* Вундеръ переводитъ „*fiducia, quae praebent vires*“, а г. Григоревскій передаетъ слѣдующимъ образомъ: „увѣренность, дающая силы“.

Примѣчаніе къ ст. 271. Шнейдевинъ переводитъ „*φῶς δόξμορος*“ „*ein Mann an dem nichts zu verlieren war*“, то-есть, человекъ, который, если и пропадетъ, то не бѣда; а г. Григоревскій переводитъ „которому нечего уже терять“.

Въ примѣчаніи къ ст. 503 Вундеръ указываетъ на произносимыя Филоклетомъ слова: „*ἄσφα μηδεὶς τῶν ἐμῶν τόχαι φίλων*“ и называетъ ихъ „*resandi formula*“, то-есть, *формула проклинанія*, а г. Григоревскій переводитъ „просьба“.

Въ примѣчаніи къ ст. 844, Вундеръ переводитъ слова хора: „*καίρια φθέρῃος*“ „*tempestiva consilia nobiscum communiea*“. Это, по мнѣнію г. Григоревскаго, значитъ: „держись нашихъ мыслей, сообразныхъ съ временемъ“.

Въ примѣчаніи къ ст. 575 Вундеръ, сообщивъ мнѣніе схолиаста, опровергаетъ его. Опроверженіе свое онъ начинаетъ словомъ *ἴππο*, то-есть „*какъ разъ на оборотъ*“. А г. Григоревскій переводитъ это слово „*также и*“.

Въ примѣчаніи къ ст. 570 Шнейдевинъ, объясняя употребленіе слова *διεμπολᾶν* *продавать* въ смыслѣ *предать*, напоминаетъ, конечно весьма кстати, нѣмецкому ученику объ существующемъ въ нѣмецкомъ языкѣ стереотипномъ выраженіи *verrathen* и *verkauft*, которое, впрочемъ, употребляется только въ этой партиципiальной формѣ. Но этого, конечно, г. Григоревскій не знаетъ и полагаетъ, что Шнейдевинъ просто сообщаетъ переводъ глагола *διεμπολᾶν*, и потому и пишетъ *διεμπολᾶν* „*измѣнить и продать*“.

Въ прим. къ ст. 771, гдѣ упоминаются берега Сперхея, на которыхъ Гераклъ, сіяя божественнымъ огнемъ, приближается къ богамъ, *πλάθει θεοῖς θεῖω πορὶ παμφαχῆς*, г. Григоревскій объясняетъ, что настоящее время *πλάθει* поставлено потому, что конецъ Геракла

всѣмъ извѣстенъ и представляется происходящимъ въ настоящій моментъ. Неужели Шнейдевинъ, у котораго г. Григоревскій списалъ это примѣчаніе, могъ сказать что либо подобное? Посмотримъ: „Das Praesens *πλάθει*, weil das Ende des Sokrates jedermann bekannt und gleichsam stets gegenwärtig ist, wie Persius vom Sokrates sagt: „*tol-ūt quem dira cicutā*.“—Mir ist etwas gegenwärtig значить: я живо-суще по.чню, я живо себя представляю что нибудь, но этого-то г. Григоревскій, очевидно, не знаетъ.

Все это, однако, пока мелочи, а какъ покажутся читателю слѣдующіе примѣры:

Въ стихѣ 1030 Одиссея говоритъ: „я могъ бы многое возразить на упреки Филоктета, еслибъ имѣлъ на это достаточно времени, но теперь я имѣю въ своемъ распоряженіи только одно слово и т. д.

πολλ' ἂν λέγειν ἔχοιμι πρὸς τὰ τοῦδ' ἔπη,
εἴ μοι παρσίκοι νῦν δ' ἐνὸς κρατῶ λόγου.

Вундеръ и Шнейдевинъ совершенно вѣрно переводятъ слова: νῦν δ' ἐνὸς κρατῶ λόγου: Nunc vero unius verbi potestas mihi est, W.; jetzt gebiete ich über *ein* Wort, ich vermag nur noch *ein* Wort zu sagen, da ich aufbrechen muss.“

Г. Григоревскій передаетъ эти слова такъ: „теперь я *тиму* однимъ словомъ (кратко)“. Смѣло рѣшено, нечего сказать! Но и это еще ничего въ сравненіи съ тремя перлами, береженими мною для конца. Нужно сперва замѣтить, что г. Григоревскій самъ считаетъ себя слабымъ въ латинскомъ языкѣ. Поэтому, если ему встрѣчается у Вундера какое нибудь трудное для него латинское примѣчаніе, онъ или совсѣмъ его выпускаетъ, или же оставляетъ непере-веденнымъ и помѣщаетъ его цѣликомъ по латинѣ въ своемъ коммен-таріи, надѣясь на то, что авось найдется ученикъ, который лучше его пойметъ смыслъ Вундеровскаго примѣчанія. Такъ, напр., въ прим. къ ст. 1002 стоитъ не переведенное, т. е. непонятное г. Григоревскому латинское примѣчаніе Вундера, правда, нѣсколько запутанное. Что это дѣйствительно такъ, насъ убѣждаютъ три примѣра, въ которыхъ скудость свѣдѣній г. Григоревскаго доходитъ до Геркулесовыхъ столбовъ. Въ ст. 973 Филоктеть говоритъ Одиссею: „о, нева-нистый человѣкъ, чего ты только не выдумашь сказать?“

Ὁ μῆτος, οἷα κἄνευρίσκασι λέγειν;

Къ этому стиху Вундеръ замѣчаетъ, что при *ἐξανευρίσκασι* стоитъ inf. λέγειν, а не partic. λέγων, потому что Филоктеть желаетъ, чтобы слушатели обратили вниманіе на то, какую рѣчь выдумываетъ Одис-

сей, а не на то, что онъ именно выдумываетъ въ своей рѣчи; слѣдовательно, рѣчь Одиссея, по мнѣнію Филоктета, вся вымыслена съ пачала до конца, въ ней нѣтъ ни слова правды. Вотъ подлинныя слова Вундера; „ἐξαναορίσκειν cum infinitivo λέγειν, non cum participio coniunctum est propterea, quod, *qualem* fingat Ulixes orationem, adverti Philoctetes ab auditoribus vult, non *qualia* in oratione fingat“. А вотъ переводъ этихъ словъ г. Григоревскаго: „ἐξαναορίσκειν съ неопредѣленнымъ λέγειν, а не съ причастіемъ, потому что Филоктеть *желаетъ отклонить отъ слушателей* и самую рѣчь Одиссея, а не то только, что содержится въ ней!“

Вотъ другой примѣръ: Неоптолемъ, по наущенію Одиссея, разказалъ Филоктету, будто Атриды нанесли ему, Неоптолему, смертельную обиду, не отдавъ ему оружія отца его, Ахиллеса. Филоктеть возмущенъ этимъ извѣстіемъ и спрашиваетъ, гдѣ же въ это время былъ Аяксъ? Неоптолемъ отвѣчаетъ: его уже не было въ живыхъ, а то бы у меня не похитили и оружіе.

405. Φιλ. ἀλλ' οὔτι τοῦτο θαῦμα ἔμοιγ' ἀλλ' εἰ παρῶν
 Αἴας ὁ μείζων ταῦθ' ὄρων ἠναίχεται.
 Ne oibx ἦν ἔτι ζῶν, ὡ ξέν'· οὐ γάρ ἄν ποτε
 ζῶντος γ' ἐχέινου ταῦτ' ἐσολήθην ἐγώ.

Къ этимъ стихамъ Готфр. Германъ, а за нимъ и Вундеръ, замѣчаетъ: не слѣдуетъ забывать, что разказъ Неоптолема объ оружіи вымысленъ. Оно въ дѣйствительности было ему возвращено; едва-ли было бы вѣроятно, чтобы онъ принялъ участіе въ осадѣ Трои, еслибъ ему не возвратили отцовскаго оружія. То же самое говорить и Прокль изъ Лесхеса: „Одиссей, приведя Неоптолема изъ Скироса, даетъ ему оружіе отца“. Вотъ подлинныя слова Германа и Вундера: Meminisse oportet ficta narrare Neoptoleum. Non enim veri simile est pugnatum fuisse nisi armis illis sibi restitutis.

А вотъ какъ ихъ перевелъ г. Григоревскій: „Не должно забывать, что Неоптолемъ говоритъ вымышленное. Еслибы Аяксъ и вступилъ въ борьбу, то развѣ съ тѣмъ, чтобы самому завладѣть ими“. Не правда-ли, какъ вѣрно переданы мельчайшіе оттѣнки подлинника?

И все-таки это опять ничего въ сравненіи съ слѣдующимъ: Неоптолемъ спрашиваетъ Филоктета, можно ли ему взять въ руки и разсмотрѣть лукъ и стрѣлы, подаренныя несчастному герою самимъ Геракломъ? Филоктеть отвѣчаетъ: „Конечно, ты можешь это сдѣлать, ты, который“ и т. д.; затѣмъ перечисляются благодѣянія, оказанныя Неоптолемомъ Филоктету, и каждое благодѣяніе приводится Филок-

тетомъ все въ той же формѣ относительнаго предложенія: „ты, который то-то мнѣ сдѣлалъ, ты, который и т. д. Вотъ текстъ Софокла (ст. 654—658).

Φι. ὄσαί τε φωναῖς, ἔστι τ', ὦ τέχνον, θέμις,
 ὅς γ' ἡλίου τόδ' εἰσορᾶν ἐμοὶ φάος
 μόνος δέδωκας, ὅς χθόν' Οἰταίαν ἰδεῖν,
 ὅς πατέρα πρέσβον, ὅς φίλους, ὅς τῶν ἐμῶν
 ἐχθρῶν μ' ἔνερθεν ὄντ' ἀνέστησας πέρα.

Объясняя эти стихи, Вундеръ обращаетъ особое вниманіе читателя на повтореніе относительнаго мѣстоименія, которое въ данномъ мѣстѣ такъ выразительно и такъ подходитъ къ общему тону и смыслу рѣчи. Вотъ его слова:

„Attende saepius repetitum pronomen relativum, cuius iteratio sententiae accommodatissima“.

Посмотримъ же теперь переводъ г. Григоревскаго: „*Достойно замѣчанія повтореніе относительнаго мѣстоименія, особенно свойственнос сентенціямъ!!!*“

Можетъ быть, нѣкоторые найдутъ, что моя рецензія написана слишкомъ рѣзко, но это происходитъ отъ того, что, по моему мнѣнію, слѣдуетъ относиться съ неумолимою строгостью къ произведеніямъ въ родѣ разобранныя мною. Иначе мы унизили бы достоинство серьезной филологической науки въ Россіи, которая должна опредѣленно заявить разъ навсегда, что г. Григоревскій не имѣетъ права выдавать себя за одного изъ ея представителей.

В. Грингмутъ.

ГРАМАТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ ¹⁾.

II.

О согласованіи мѣстоименій указательныхъ и относительныхъ съ подлежащими и сказуемымъ.

Что мѣстоименіе указательное или относительное, на мѣстѣ подлежащаго, необходимо согласуется со сказуемымъ существительнымъ, если относится къ цѣлому предложенію, а часто и въ томъ случаѣ, если относится къ отдѣльному существительному; это упоминается въ большей части латинскихъ грамматикъ, и примѣчается также, что въ первомъ случаѣ по-русски мѣстоименіе ставится въ среднемъ родѣ единственнаго числа. Однако это правило нуждается въ нѣкоторомъ дополненіи. Вѣдь означенныя мѣстоименія согласуются, какъ подлежащія, съ своими существительными сказуемыми и въ томъ случаѣ, если относятся не къ выше употребленному существительному или предложенію, а къ предмету или дѣйствию внѣ рѣчи, на которыя указываетъ; какъ въ словахъ умирающаго Нерона (*Sueton Ner. 49*) *Haec est fides*, гдѣ *haec* относится къ дѣйствию центуріона, Нерономъ прежде не упомянутому, или *Terent. Andr. 787: Hic est ille*, гдѣ Давъ, говоря *hic*, указываетъ на Хремеса. Мало того, согласованное съ существительнымъ сказуемымъ мѣстоименіе, въ видѣ подлежащаго, встрѣчается и въ тѣхъ случаяхъ: 1) когда оно не относится ни къ имени или предложенію предыдущей рѣчи, ни къ имени или дѣйствию указываемому внѣ рѣчи, но, будучи опредѣляемо чрезъ относительное предложеніе, заступаетъ мѣсто существительнаго, и 2) когда по-русски употребляется или средний родъ одного мѣстоименія или мѣстоименіе вмѣстѣ съ какимъ-нибудь существитель-

¹⁾ Продолженіе. См. юльскую книжку *Журн. Мин. Народн. Просв.* за 1876 годъ.

нымъ. Мы имѣемъ въ виду примѣры, какъ *Cic. de inv. I, 5, 7. Materiam artis eam dicimus, in qua omnis ars et ea facultas, quae conficitur ex arte, versatur.* Предметомъ искусства мы называемъ то, чѣмъ все искусство и пронтекающая отъ искусства способность занимается. *ib. I, 6, 8. Quaestionem eam appellat, quae habeat in se controversiam in dicendo positam sine certarum personarum interpositione.* Вопросомъ онъ называетъ то, что заключаетъ въ себѣ предметъ спора, лежащій въ основаніи рѣчи, безъ вставленія опредѣленныхъ лицъ *ad Her. IV, 26, 35. Transitio vocatur, quae cum ostendit breviter, quid dictum sit, proponit item brevi, quid sequatur.* Переходомъ называется то (мѣсто), что (которое), вкратцѣ обозначая сказанное, также вкратцѣ обозначаетъ послѣдующее. *ib. 39, 51. Descriptio nominatur, quae rerum consequentium continet perspicuam et dilucidam cum gravitate expositionem.* Описаніемъ называется такая рѣчь, которая содержитъ ясное и внушительно прозрачное изложеніе послѣдствій. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ, какъ вообще при глаголахъ „называть“ и „называться“, названіе надобно принимать за сказуемое или дополненіе дѣйствительнаго или подлежащаго страдательнаго глагола. Средній родъ мѣстоименія *is*, въ означенномъ случаѣ, встрѣчается рѣже, какъ на примѣръ, *Cic. de inv. I, 5, 6. oratoris quid officium et quid finem esse dicamus intelligemus, cum id, quod facere debet, officium esse dicemus, illud, cuius causa facere debet, finem appellabimus.* Сюда же принадлежитъ *Cic. Phil. I, 10, 26. Quod erit ita gestum, id lex erit.*, хотя Дрэгерь (*Historische Syntax der lateinischen Sprache, p. 161. s.*) *id* принимаетъ за сказуемое. Дѣло не въ опредѣленіи понятія *lex*, а въ томъ, можно ли такому распоряженію дать предикатъ закона.

Равномѣрно въ грамматикахъ обыкновенно упоминается о томъ, что иногда прилагательное среднего рода единственнаго числа, замѣняющее собою существительное, употребляется въ видѣ сказуемаго, и въ доказательство тому приводятся извѣстныя слова: *triste lupus stabulis* или *Varium et mutabile semper femina*, но умалчивается о томъ, какъ въ этомъ отношеніи поступаютъ съ указательнымъ мѣстоименіемъ. Слѣдовало бы упомянуть, что указательное мѣстоименіе, въ качествѣ сказуемаго, согласуется съ своимъ подлежащимъ не только, если у него подразумѣвается самое подлежащее, гдѣ и по русски ставится согласованное мѣстоименіе (*Verborum exornatio est—se. ea exornatio—quae ipsius sermonis insignita continetur perpolitio*), но и тогда, когда подразумѣвается родовое понятіе подлежащаго. Та-

кимъ образомъ согласованное съ подлежащимъ указательное мѣстоименіе, какъ сказуемое, чаще всего употребляется въ дефиниціяхъ, гдѣ по латыни самое *genus proximum* гораздо рѣже называется чѣмъ по русски, но обозначается именно этимъ согласованіемъ, такъ что такія дефиниціи все-таки ближе подходятъ къ дефиниціямъ съ названымъ *genus proximum*, чѣмъ къ тѣмъ, гдѣ сказуемое состоитъ изъ отвлеченнаго средняго рода мѣстоименія. Когда говорится, напримѣръ, *Definitio est, quae rei alicuius proprias amplectitur potestates breviter et absolute (ad Her. IV, 25, 35)*, то это, конечно, менѣе опредѣленное выраженіе, чѣмъ: *definitio est oratio, quae* и пр. (*Topic. 5, 26*), но со всѣмъ тѣмъ болѣе опредѣленное, чѣмъ русскій переводъ: дефиниція—то, что и пр. Послѣдній оборотъ, то-есть, средній родъ указательнаго мѣстоименія, въ качествѣ существительнаго, какъ сказуемое, употребляется рѣдко, хотя есть мѣста, какъ: *idem voluptas est quod indolentia (Cic. de fin. 2, 4, 11)*. Гораздо чаще мѣсто его заступаетъ *cum*, какъ: *Contentio est, cum ex contrariis verbis aut rebus oratio conficitur (ad Her. IV, 15, 25)*. Правда, въ такихъ оборотахъ могло бы казаться, будто *esse* употребляется не какъ простая связка, но въ смыслѣ „имѣться“, а *cum* какъ темпоральный союзъ=когда, и ничто не препятствуетъ въ русскомъ переводѣ сказать, напримѣръ, *contentio имѣется* (или „есть“), когда и т. д.; однако то обстоятельство, что съ точки зрѣнія латинскаго *cum* соотвѣтствуетъ подразумѣваемому указательному мѣстоименію, становится больше чѣмъ вѣроятнымъ въ виду мѣсть, въ которыхъ дѣйствительно такое указательное мѣстоименіе поставлено, какъ: *Nulla est haec amicitia, cum alter verum audire non vult, alter ad mentiendum paratus est. (Cic. de amit. 26, 98)*.—И такъ, согласованное съ подлежащимъ указательное мѣстоименіе, въ качествѣ сказуемаго, по латыни употребляется особенно часто въ дефиниціяхъ, если только возможно подразумѣвать при немъ родовое понятіе подлежащаго, и этотъ оборотъ обыкновенно предпочитается и въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ по русски ставятъ средній родъ мѣстоименія. Но и кромѣ дефиницій, при упоминаніи отдѣльных признаковъ, преобладаетъ согласованное указательное мѣстоименіе, Ливій IX, 3, 12: *ista quidem sententia ea est, quae neque amicos parat neque inimicos tollit*. Сюда же принадлежитъ *Cic. de fin. I, 13, 43: Sapientia est una, quae maestitiam pellat ex animis*—и подобныя же выраженія, приведенныя къ этому мѣсту Мадвигомъ. Гдѣ по латыни ставится средній родъ, тамъ ставится въ самомъ отвлеченномъ смыслѣ, но и въ такихъ фразахъ, гдѣ въ одномъ мѣстѣ поставленъ сред-

ній родъ, въ другихъ иногда встрѣчается согласованное мѣстоименіе; какъ, напримѣръ, Ливій 30, 30, 12: *Quod ego fui ad Trasimenum, id tu hodie es*, и Цицеронъ: *pro Ligar.* 3, 6. *litterus misit, ut essem idem, qui fuisset.*

То же самое, что при указательномъ мѣстоименіи, соблюдается и при вопросительномъ, если оно служитъ сказуемымъ. Но объ этомъ упоминать нечего, такъ какъ о вопросительномъ мѣстоименіи обыкновенно говорится въ грамматикахъ. Извѣстно, что какъ сказуемое употребляется средній родъ вопросительнаго мѣстоименія, если вопросъ требуетъ дефиниціи, а какъ согласованная съ подлежащимъ форма, если идетъ рѣчь о какомъ-нибудь отдѣльномъ качествѣ.

А. Фохтъ.